Осирис
Роджер Желязны
БОГ СВЕТА
Роджер Желязны
БОГ СВЕТА
27

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ

БОГ СВЕТА

БОГ СВЕТА

★

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ

★

ТЕПЕРЬ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА

★

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

★

ВРАТА ЕГО ПАСТИ,
ЗУБОВ ЕГО БЛЕСК

ПОВЕСТЬ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

ББК 84.7 (США)
Ж50

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 27

Художник К.М.Кошкин

Желязны Р.

Ж50 Бог Света: Фантастические романы.— Пер. с англ. — "Осирис". Вып.27. — М.: Центрполиграф, 1993. — 591 с.

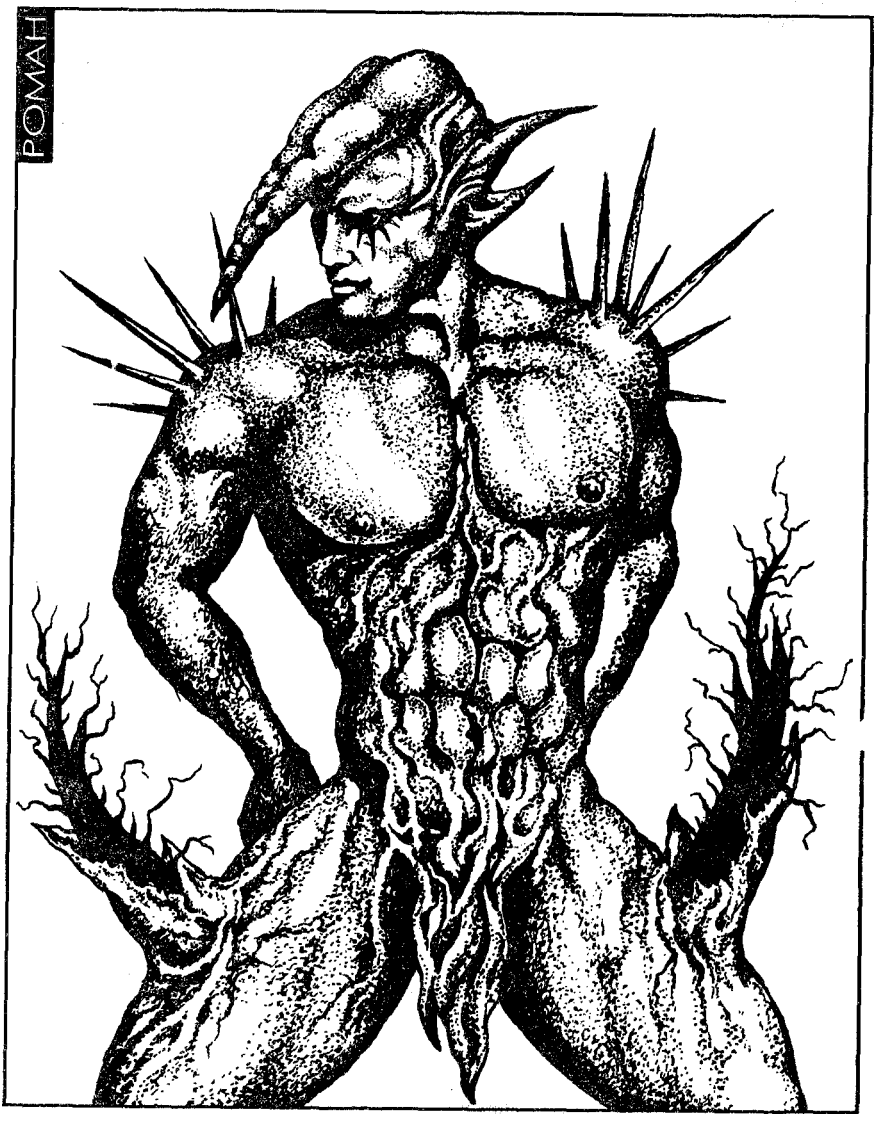
Романы Роджера Желязны ярко выделяются на фоне произведений других фантастов высоким литературным мастерством, богатейшей фантазией, не ограниченным никакими рамками воображением. Сюжеты романов и повестей Р.Желязны, построенные на основе мифологии народов мира, с поразительной глубиной исследуют внутренний мир человека, его личную ответственность за судьбу планеты и судьбы людей. Американский фантаст ставит героев своих произведений перед решением глобальных проблем: созидания и разрушения, возрождения погибших миров и цивилизаций во славу Жизни и Добра.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0080-0

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1993 г.

РОМАН



БОГ СВЕТА

Рассказывают, что спустя пятьдесят три года
после освобождения он вернулся из Золотого Облака,
чтобы еще раз бросить вызов Небесам,
воспротивиться Порядку Жизни и богам,
установившим этот порядок.
Его приверженцы молились о его возвращении,
хотя их молитвы были греховными, ибо молитва
не должна тревожить того, кто ушел в Нирвану,
независимо от обстоятельств, вызвавших его уход.
Тем не менее носители шафрановых одежд молились,
чтобы он, Меч Манд журси, снова пришел к ним.
И Бодсвата, говорят, услышал их молитвы...

Тот, чьи желания были подавлены,
Кто не имеет связи с корнями,
Чье пастбище — пустота,
Безграничная и свободная, —
Того тропа так же неведома,
Как у птиц в небесах.

Дхаммапада (93)

Приверженцы называли его Махасаматман и говорили, что он был богом. Он, однако, предпочел отбросить «Маха» и «атман» и называл себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он бог, но никогда и не отрицал этого. Обстоятельства были таковы, что никакое признание не могло принести пользу. Польза была от молчания.

Поэтому он был окружен тайной.

Это было в сезон дождей...

Это было во время великой сырости...

Молитвы их поднялись в дни дождей, и не от перебирания узлов молитвенных шнуров, не от верчения молитвенных колес, а от большой механической машины в монастыре Ратри, Богини Ночи.

Высокочастотные молитвы были направлены вверх через атмосферу и дальше, в то Золотое Облако, называемое Мостом Богов, которое

окружает весь мир и выглядит, как бронзовая радуга в ночи — это то самое место, где красное солнце становится оранжевым в середине.

Некоторые монахи сомневались, допустимы ли эти технические молитвы, но машина была построена и пущена в ход Ямой-Дхармой, падшим из Небесного Города, тем самым, кто, как говорили, много веков назад построил громовую колесницу Бога Шивы: эта машина летала по небу, оставляя за собой сгусток огня.

Несмотря на то что Яма впал в немилость, он все еще считался непревзойденным мастером, хотя Боги Города, без сомнения, уморили бы его реальной смертью, если бы узнали о молитвенной машине. Но нет также никакого сомнения в том, что они уморили бы его реальной смертью и не из-за молитвенной машины, если бы он подпал под их власть. Каким образом он уладит этот вопрос с Богами Кармы — это уж его дело, но никто не сомневался, что он найдет способ, когда настанет время. Он был так же стар, как и сам Небесный Город, и едва ли десяток Богов помнили, как было основано их жилище. Все знали, что он был мудрее Бога Куберы в областях Мирового Огня. Но это были меньшие его атрибуты. Он был более известен другими способностями, хотя мало кто из людей говорил о них. Высокий, но не чрезмерно, крупный, но не тяжелый, он двигался медленно и плавно. Он носил красное и говорил мало.

Он ухаживал за молитвенной машиной, и гигантский металлический лотос, который он поставил на крыше монастыря, вертелся и вертелся в своем гнезде.

Легкий дождь падал на здание, на лотос и на джунгли у подножия гор. За шесть дней Яма выпустил много киловатт молитв, но статика уберегла его от подслушивания сверху. Он шепотом взывал к наиболее известным из обширного сонма божеств, обращаясь к самым выдающимся атрибутам.

Раскат грома ответил его просьбам, и маленькая обезьянка, помогающая Яме, хихикнула.

— Твои молитвы и твои проклятия действуют одинаково, господин Яма, — прокомментировала она. — Можно сказать, никак.

— Тебе понадобилось семнадцать воплощений, чтобы дойти до этой истины? — спросил Яма. — Тогда понятно, почему ты все еще обезьяна.

— Вовсе нет, — сказала обезьяна, которую звали Тэк. — Мое падение, хоть и не такое эффектное, как твое, не вызывало личной злобы со стороны...

— Заткнись, — сказал Яма и повернулся спиной к обезьянке.

Тэк понял, что, видимо, коснулся больного места. Решив подыскать другую тему для разговора, он подбежал к окну, прыгнул на широкий подоконник и уставился вверх.

— На западе прорыв в облаках, — сообщил он.

Яма подошел, проследил за направлением взгляда Тэка, нахмурился и кивнул.

— Ты прав. Оставайся здесь и сообщай мне, — произнес он, направляясь к панели управления.

Лотос наверху перестал вращаться, а затем повернулся к пятну чистого неба.

— Прекрасно, — сказал Яма. — Что-то получается.

Под ними, в подземных кельях монастыря, был принят сигнал, и тоже начались приготовления к приему гостя.

— Облака снова сомкнулись, — сказал Тэк.

— Теперь это уже неважно! Рыбка попалась! Она идет из Нирваны в лотос.

Еще один удар грома, и дождь, как град, застучал по лотосу. Змеи голубых молний свивались, шипя над вершинами гор.

Яма замкнул последнюю цепь.

— Как ты думаешь, он снова явится во плоти? — спросил Тэк.

— Иди, чисти бананы своими лапами!

Тэк решил, что его отпускают, и вышел из комнаты, оставив Яму закрывать машину. Он прошел по коридору, потом вниз по широкой лестнице. Дойдя до площадки, он остановился, услышав голоса и шаркание сандалий: к нему шли со стороны большого зала.

Он без колебаний вскарабкался на стену по резьбе, изображающей пантер и слонов. Поднявшись на балку, он отклонился в глубокую тень и неподвижно ожидал.

Через арку прошли два монаха в темно-красных мантиях.

— Почему она не расчистила небо для них? — спросил один.

Второй, постарше, более тяжелого сложения, пожал плечами.

— Я не настолько мудр, чтобы отвечать на такие вопросы. Она в тревоге, это ясно, иначе она никогда бы не даровала им это святилище и Яме его использование. Но кто может указать границы ночи?

— Или настроение женщины, — сказал первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о ее появлении.

— Возможно. Но в любом случае, это кажется хорошим предзнаменованием.

— Похоже, так.

Они прошли через другую арку, и Тэк прислушивался к их шагам, пока они не затихли совсем.

Но он все еще не оставлял своего убежища.

Та, о которой упоминали монахи, могла быть только самой богиней Ратри, почитаемой орденом, которому было дано святилище последователей Сэма Великодушного, Светлейшего. Теперь Ратри была в числе отпавших от Небесного Города и носила смертную плоть. У нее всегда были причины злиться по всякому поводу, и Тэк понимал: ее приняли в дарованное святилище, но в соглашение не входило ее личное присутствие. Это могло подвергнуть опасности возможность ее будущего воплощения, если неосторожное слово дойдет до надлежащих ушей. Тэк вспомнил, как темноволосая красавица с серебряными глазами ехала в лунной колеснице из эбенового дерева и хрома, запряженной черными и белыми жеребцами: ее охрана тоже была черная и белая. Она поднималась по Небесному

Проспекту и соперничала в славе с самой Сарасвати. Сердце Тэка заколотилось в волосатой груди. Он снова видел ее. Однажды, очень давно, в счастливые времена и в лучшем теле, он танцевал с ней на балконе под звездами. Это длилось всего несколько секунд. Но он помнил об этом: тяжелое дело — быть обезьяной и хранить такие воспоминания.

Он спустился с балки.

В северо-восточном углу монастыря поднималась высокая башня. Там была комната, которую велено было содержать для пребывания богини. Комнату ежедневно убирали, меняли постельное белье, курили свежий фимиам, приношения по обету клали прямо за дверью, которую обычно запирали.

Там, конечно, были окна. Вопрос, мог бы человек войти в одно из этих окон, оставался академическим. Тэк доказал, что обезьяна может.

Взобравшись на монастырскую крышу, он начал подниматься, передвигаясь от одного скользкого камня к другому, от выступа к неровности. Небо по-собачьи рычало над ним. В конце концов, он повис на стене, как раз под внешним подоконником.

Дождь продолжал лить. Тэк услышал, что в комнате поет птица, увидел край мокрого синего шарфа, висящего над подоконником. Он ухватился за выступ и подтянулся, чтобы заглянуть внутрь.

Она сидела спиной к нему на маленькой скамеечке в дальнем конце комнаты. На ней было темно-синее сари.

Тэк влез на подоконник и откашлялся.

Она быстро обернулась. На ней была вуаль. Она взглянула на Тэка сквозь вуаль, затем встала и перешла в комнату.

Он был в ужасе. Ее фигура, когда-то гибкая, раздалась в талии; когда-то она ходила, легко покачиваясь, а сейчас шла вперевалку, лицо стало округлым, нос и подбородок слишком выдавались вперед — это было заметно даже под вуалью.

Он склонил голову.

— «Итак, ты потянулась за нами, когда мы шли домой, как птицы к своему гнезду на дереве...» — запел он.

Она стояла неподвижно, как статуя в главном зале.

— «Охраняй нас от волка и волчицы, охраняй нас от вора, о Ночь, и мы пройдем спокойно».

Она медленно протянула руку над его головой.

— Я благословляю тебя, маленькое существо, — сказала она. — К несчастью, я могу дать тебе только это. Я не могу предложить защиту или дать красоту, потому что мне самой не хватает этого. Как тебя зовут?

— Тэк.

Она коснулась своего лба.

— Когда-то в далекие дни, в далеком месте я знала Тэка...

— Я и есть тот Тэк, госпожа моя.

Она тоже села на подоконник, и он заметил, что она плачет.

— Не плачь, богиня. Тэк здесь. Помнишь Тэка из Архивов? Блестящее Копье? Он все еще готов выполнить твой приказ.

— Тэк... О, Тэк! Ты тоже?.. Я и не знала. Я ничего не слышала...

— Еще один оборот колеса, госпожа моя... и, кто знает? — все еще может стать даже лучше, чем было.

Ее плечи задрожали. Тэк протянул было руку, но отвел назад. Она повернулась и взяла его руку.

После долгого молчания она сказала:

— Обычный ход событий не вернет нас назад и не уладит дела, Тэк, Блестящее Копье. Мы не должны идти дальше своим собственным путем.

— Что ты хочешь сказать? Значит, Сэм?

Она кивнула.

— Только он. Он — наша надежда против Неба, дорогой Тэк. Если его удастся вызвать, у нас будет шанс жить снова.

— И ты цепляешься за этот шанс и потому сидишь в зубах тигра?

— Почему же еще? Когда нет реальной надежды, приходится придумывать свою. Даже фальшивая монета может пойти в ход.

— Фальшивая? Значит, ты не веришь, что он был Буддой?

Она коротко рассмеялась.

— Сэм был величайшим шарлатаном на памяти богов и людей. И он был также достойнейшим противником Тримурти. Не гляди на меня с таким возмущением, Архивист! Ты знаешь, что он украл суть своего учения, пути и знания, он все похитил из запретных доисторических источников. Это было оружием, и только. Его величайшей силой было лицемерие. Если бы мы смогли вернуть его...

— Госпожа моя, святой он или шарлатан, но он вернулся.

— Не шути со мной так, Тэк.

— Богиня и госпожа, я только что был с господином Ямой, когда он выключил молитвенную машину, недовольный своим успехом.

— Рискованно было выступать против мощных сил. Бог Агни сказал однажды, что подобную вещь сделать невозможно.

Тэк встал.

— Богиня Ратри, кто, будь он бог или человек или нечто среднее, знает об этом больше Ямы?

— Я не могу ответить на этот вопрос, Тэк, потому что ответа нет. Но как ты можешь с уверенностью говорить, что он поймал в сети нашу рыбку?

— Потому что он Яма.

— Тогда возьми мою руку, Тэк, и проведи меня, как бывало. Посмотрим на спящего Бодисатву.

Тэк повел ее за дверь, вниз по лестнице, в нижние комнаты.

Свет, но не от факелов, а от заполнявших помещение генераторов Ямы. Ложе, стоявшее на платформе, было ограждено с трех сторон экранами. Большая часть машин была тоже замаскирована экранами и занавесями.

Обслуживающие монахи в желтом тихо двигались по большой комнате. Яма, мастер-механик, стоял возле ложа.

Когда Ратри и Тэк подошли, несколько хорошо вышколенных монахов тихо ахнули. Тэк повернулся к женщине, стоявшей рядом с ним... и отступил на шаг; у него захватило дух...

Не было больше унылой маленькой матроны, с которой он только что разговаривал: она снова стала бессмертной Ночью, о которой когда-то писали: «Богиня заняла большое пространство, от глубин до высот. Ее сияние вытесняет Тьму».

Он глянул на нее и тут же зажмурился. Вокруг нее все еще был излет отчужденности.

— Богиня, — начал он.

— К спящему! — приказала она. — Он шевелится.

Они подошли к ложу.

Впоследствии на фресках в бесчисленных коридорах, на стенах храмов и потолках многих дворцов было нарисовано или вырезано пробуждение того, кого звали различными именами: Махасаматман, Калкин, Манджурси, Сиддхарта, Тарагахта, Связующий, Митрейя, Просвещенный Будда и Сэм. Слева от него стояла богиня Ночи, справа — Смерть; Тэк, обезьяна, скорчился у подножия постели, как извечный намек на единство животного и божества.

Он был в обычном смуглом теле среднего веса и возраста; черты лица правильные, ничем не выделяющиеся. Когда он открыл глаза, они оказались темными.

— Приветствую тебя, Бог Света! — сказала Ратри.

Глаза заморгали. Они еще не сфокусировались. В комнате никто не шевелился.

— Приветствую тебя, Махасаматман-Будда! — сказал Яма.

Глаза смотрели вдаль, не видя.

— Привет, Сэм! — сказал Тэк.

Лоб слегка сморщился, глаза скосились, упали на Тэка, двинулись к другим.

— Где?.. — спросил он шепотом.

— В моем монастыре, — ответила Ратри.

Он без выражения смотрел на ее красоту. Затем так плотно закрыл глаза, что в углах их образовались морщины. Болезненная улыбка искривила рот, обнажив стиснутые зубы.

— Ты и вправду тот, кого мы вызвали? — спросил Яма.

Он не ответил.

— Ты сражался с Небесной Армией на отмелях Ведры?

Губы ослабли.

— Ты любил богиню Смерти?

Глаза блеснули. Слабая улыбка пробежала по губам.

— Это он, — сказал Яма. — Кто ты, человек?

— Я? Я никто, — ответил тот. — Наверное, лист, попавший в водоворот. Перо на ветру.

— Очень плохо, — сказал Яма. — В мире хватает листьев и перьев, а я работал так долго не для того, чтобы увеличивать их число. Я хотел заиметь человека, который может продолжать войну, прерванную его отсутствием, человека сильного, способного противостоять мощной воле богов. И я думаю, что ты и есть тот человек.

— Я... — человек снова скосил глаза, — Сэм. Я — Сэм. Когда-то, очень давно... я сражался, да? Много раз...

— Ты, Великодушный Сэм, Будда. Ты вспоминаешь?

— Может, я и был...

В его глазах медленно зажегся огонь.

— Да. Я был им. Самый униженный в гордости, самый гордый в унижении. Я сражался. Я изучал Путь. Я снова сражался, снова изучал, пытался использовать политику, магию, яд... Я бился в великом сражении, таком страшном, что само солнце отвернуло свой лик от резни, бился с людьми и богами, с животными и демонами, с духами земли и воздуха, огня и воды, с лошадьми, мечами и колесницами...

— И ты проиграл, — сказал Яма.

— Да, я проиграл. Но зато мы показали им, разве нет? Ты, бог Смерти, вел мою колесницу. Теперь я все вспомнил. Нас взяли в плен, и Боги Кармы были нашими судьями. Ты убежал с помощью энергии смерти и Пути Черного Колеса. Я не смог.

— Правильно. Твое прошлое было выставлено перед нами. Ты был осужден. — Яма взглянул на монахов, которые теперь сидели на полу, склонив головы, и понизил голос: — Уморить тебя реальной смертью означало бы сделать из тебя мученика. Отпустить тебя в мир в каком бы то ни было теле — это оставить дверь открытой для твоего возвращения. И так же, как ты украл свое учение у Готтама в другом месте и времени, они утаили от людей рассказ о конце этого дня. Судьи решили, что ты заслуживаешь Нирваны. Твой а т м а н был проецирован, но не в другое тело, а в великое магнитное облако, окружающее планету. Это было полстолетия назад. Теперь ты официально — воплощение Вишну, чье учение было неверно истолковано некоторыми ревностными его последователями. Ты лично продолжал существовать только в форме самосохраняющихся длинных волн, которые мне удалось захватить.

Он закрыл глаза.

— И ты п о с м е л привести меня обратно?

— Посмел.

— Я все время знал о своем состоянии.

— Я так и думал.

Человек открыл горящие глаза.

— И ты посмел вызвать меня о т т у д а ?.. Правильно тебя называли Богом Смерти, Яма-Дхарма. Ты вырвал меня из небытия. Ты разбил на темном камне своей воли то, что лежит за пределами восприятия и смертной славы. Почему ты не оставил меня там, где я был, в океане небытия?

— Потому что мир нуждается в твоем смирении, в твоей набожности, в твоем великом учении и в твоем беспредельном коварстве.

— Яма, — сказал Сэм, — я стар. Я так же стар, как и человек в этом мире. Я был одним из Первых, ты же знаешь. Один из самых первых, пришедших сюда строить, поселиться здесь. Все остальные теперь или уже мертвы или стали богами. Удача приходила и ко мне, но я упускал ее. Много раз. И никогда не хотел быть богом, Яма. В самом деле. Только позднее, когда я увидел, что они делают, я начал собирать силу, которая могла бы быть моей. Но было уже поздно. Они были слишком сильны. И теперь я действительно хочу уснуть на века, снова познать Великий Покой, вечное блаженство, слышать песни звезд на берегах великого океана.

Ратри наклонилась и посмотрела ему в глаза.

— Ты нужен нам, Сэм.

— Знаю, знаю. Это вечно повторяющаяся история. Если у тебя норовистая лошадь — бей ее кнутом еще с милю.

Он улыбнулся, и она поцеловала его в лоб.

Тэк подпрыгнул в воздухе и приземлился на ложе.

— Человечество веселится, — заметил Будда.

Яма протянул ему мантию, а Ратри подала домашние туфли.

Отвыкая от мирного существования, в котором не осознавалось время, Сэм спал. Он видел сны и выкликал кого-то или просто кричал. У него не было аппетита, но Яма подобрал ему тело крепкое и очень здоровое, способное вынести психосоматический переход из божественного состояния в материальное.

Он мог сидеть час неподвижно, глядя на камешек, семя или листок. И в этих случаях его нельзя было отвлечь.

Яма видел в этом опасность и советовался с Ратри и Тэком.

— Нехорошо, что он сейчас таким образом уходит от мира, — сказал он. — Я говорил с ним, но как будто обращался к ветру. Он не может расстаться с тем, что оставил позади. Сама попытка стоит ему силы.

— Возможно, ты неправильно истолковываешь его усилия, — сказал Тэк.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь, как он смотрит на семя, которое положил перед собой? Приглядись к морщинкам в уголках его глаз.

— Ну и что?

— Он косит. У него ослабло зрение?

— Нет.

— Почему же он скашивает глаза?

— Чтобы лучше изучить семя.

— Изучить? Это не тот Путь, которому он учил когда-то. Однако он и з у ч а е т. Он смотрит на предмет без размышления, ведущего к высвобождению сути.

— Что же он тогда делает?

— Противоположное.

— То есть?

— Он изучает предмет, обдумывает его возможности, стараясь применить их к себе. Он ищет в этом оправдание жизни. Он пытается снова завернуться в покрывало Майи, иллюзии мира.

— Я уверена, что ты прав, Тэк, — сказала Ратри. — Как мы можем помочь ему в его усилиях?

— Трудно сказать, госпожа.

Яма кивнул. Его темные волосы заблестели в луче солнца, проникшем через узкий проем галереи.

— Вы ткнули пальцем в то, чего я не видел, — согласился он. — Сэм еще не полностью вернулся, хотя он и в человеческом теле, ходит человеческими ногами, говорит, как мы. Его мысль все еще за пределами нашего кругозора.

— Что же будем делать? — спросила Ратри.

— Возьми его в длительную прогулку по окрестностям, — сказал Яма. — Корми его лакомствами. Расшевели его душу поэзией и пением. Найди ему крепкую выпивку — здесь, в монастыре, ее нет. Одень его в яркие шелка. Предоставь ему двух-трех куртизанок. Вытащи его снова в жизнь. Это единственное, что может освободить его от цепей Бога. Дурак я, что не подумал об этом раньше.

— Так оно и есть, Бог Смерти, — заметил Тэк.

Темное пламя метнулось в глазах Ямы, но он улыбнулся.

— Ты рассчитался со мной за замечание, которое я, вероятно не подумав, уронил в твои волосатые уши. Я прошу извинения у тебя, обезьяна, ты настоящий человек, человек умный и проницательный.

Тэк поклонился. Ратри хихикнула.

— Скажи нам, мудрый Тэк, потому что мы, возможно, слишком долго были богами и у нас не хватает кругозора, — как мы будем действовать в этом деле очеловечивания Сэма, чтобы он послужил для нужных нам результатов?

Тэк поклонился Яме, потом Ратри.

— Как предложил Яма. Сегодня ты, госпожа, ведешь его на прогулку к холмам. Завтра господин Яма идет с ним к опушке леса. Послезавтра я вожу его среди деревьев, трав, цветов и виноградников. А там посмотрим.

— Да будет так, — сказал Яма.

Так и было.

В следующую за этим неделю Сэм принимал эти прогулки сначала с некоторым ожиданием, затем с умеренным энтузиазмом и, наконец, со вспыхнувшей жадностью. Он стал уходить без сопровождения на все большие промежутки времени: сначала на несколько часов утром, затем еще и вечером. Позднее он стал уходить на весь день, а иной раз и на сутки.

— Это мне не нравится, — сказал Яма. — Мы не можем оскорблять его, силой навязывая ему свое общество, раз он его не желает. Но в этом кроется опасность, в особенности для рожденного вновь, как он. Нам желательно знать, как он проводит время.

— Но, что бы он ни делал, это помогает ему восстанавливаться, — сказала Ратри, проглотив конфету и слегка помахивая пухлой рукой. — Он стал менее отчужденным, больше говорит, даже шутит. Он пьет вино, которое мы ему приносим. К нему вернулся аппетит.

— Однако, если он встретится с посланцем Тримурти, может произойти окончательная гибель.

Ратри неторопливо прожевала лакомство.

— Вряд ли, хотя в прежние времена в этой местности такое могло случиться. Животные будут смотреть на него, как на ребенка, и не повредят ему, люди же увидят в нем святого отшельника. Демоны боялись его в старину и теперь будут с ним почтительны.

Яма покачал головой.

— Госпожа моя, все не так просто. Хотя я разобрал многие свои машины и спрятал их в сотни лиг отсюда, такое мощное движение энергии, какое я возбудил, не может пройти незамеченным. Рано или поздно это место посетят. Я пользовался экраном и отражателями, но след от этого деяния должен проявиться в некоторых местах, как Мировое Пламя пляшет на карте. Скоро нам придется уйти. Я предпочел бы подождать, пока наш друг полностью не придет в себя, но...

— Разве нет каких-нибудь природных сил, производящих тот же энергетический эффект, что и твои работы?

— Есть, и это случалось поблизости, почему я и устроил нашу базу здесь — как будто все исходит от природных сил. Но все-таки я сомневаюсь. Мои шпионы в деревнях не сообщают пока о необычной активности. Но в день его возвращения верхом на гребне грозы кто-то сказал, что пронеслась громовая колесница, охотящаяся на небе. Это было далеко отсюда, но я не уверен, нет ли тут связи.

— Однако, если бы он не вернулся...

— Мы бы не знали об этом. Но я боюсь...

— Тогда давайте уедем сразу же. Я слишком уважаю твои предчувствия. У тебя больше силы, чем у любого из Павших. Для меня, например, даже принять приятный вид более чем на несколько минут и то большое напряжение.

— Силы, которыми я обладаю, — сказал Яма, вновь наполняя чайную чашку, — нетронуты, потому что они иного порядка, чем у вас.

Он улыбнулся, показав ряд крупных блестящих зубов. Улыбка захватила край рубца на его левой щеке и потянулась вверх, к углу глаза. Он поморщился и продолжал:

— Мое могущество во многом от знания, которое даже боги Кармы не смогли вырвать у меня. Могущество же большинства богов основано на особой психологии, которую они частично теряют, воплощаясь в новое

тело. Мозг, наделенный памятью, через некоторое время изменит любое тело в определенном направлении, породит новый гомеостазис, дающий постепенный возврат могущества. Мое вернулось быстро и теперь полностью со мной. Но даже если бы это было не так, у меня есть знания, которыми можно пользоваться как оружием, — а это и есть могущество.

Ратри прихлебывала чай.

— Каковы бы ни были источники твоей силы, если они велят идти, мы должны идти. Скоро?

Яма достал кисет с табаком и крутил сигарету, пока говорил. Ратри заметила, что его темные гибкие пальцы были всегда в движении, напоминающем движения играющего на музыкальном инструменте.

— Я бы сказал, что мы останемся здесь не более чем на неделю или десять дней. Ты должна отлучить Сэма от этой местности.

Ратри кивнула.

— И куда?

— В какое-нибудь маленькое южное княжество, где мы можем пожить спокойно.

Он закурил, вдыхая дым.

— У меня лучшая идея, — сказала Ратри. — Знай, что под смертным именем я хозяйка Дворца Камы в Кейпуре.

— Дом свиданий, мадам?

Она нахмурилась.

— Поскольку такое часто считается пошлым, не присоединяй к моему имени «мадам». Это место отдыха, удовольствия, празднеств и очень доходное для меня. Там, я чувствую, найдется хорошее тайное место для нашего друга, пока он занимается своим излечением, а мы — своими планами.

Яма хлопнул себя по бедру.

— Неплохо! Кому придет в голову искать Будду в борделе? Отлично! Великолепно! Значит, в Кейпур, дорогая богиня, в Кейпур, во Дворец Любви!

Ратри встала и стукнула сандалией о плиты пола.

— Я не желаю, чтобы ты говорил о моем заведении в таком тоне!

Он потупился, с трудом сгоняя с лица усмешку, тоже встал и поклонился.

— Извини, дорогая Ратри, но открытие было так неожиданно...

Он поперхнулся и отвел глаза. Когда он снова взглянул на нее, он был полон сдержанности и благопристойности.

— Я был захвачен врасплох кажущимся несоответствием, но теперь я вижу мудрость этого. Это самое идеальное прикрытие, и оно дает тебе не только богатство, но и нечто более важное: источник тайной информации от купцов, воинов и жрецов. Это неотъемлемая часть общества, это дает тебе положение и голос в гражданских делах. Быть богом — одна из древнейших профессий в мире; так можем ли мы, падшие боги, бросать

тень на другую древнюю и почетную профессию? Я салютую тебе и готов воздать должное. Я благодарю тебя за твою мудрость и предусмотрительность. Я не стану порочить предприятие своей благодетельницы и союзницы по заговору. Я готов отправиться туда.

Ратри улыбнулась и снова села.

— Я принимаю твои льстивые извинения, о сын змеи. В любом случае на тебя трудно долго злиться. Налей мне еще немного чаю, пожалуйста.

Она откинулась на сиденье. Ратри пила чай. Яма курил. Вдалеке гроза затягивала занавесом половину перспективы. Над ними еще сияло солнце, но холодный воздух уже проникал в крытую галерею.

— Ты видел железное кольцо, которое он носит? — спросила Ратри, жуя еще одну конфету.

— Да.

— Не знаешь, откуда оно у него?

— Нет.

— И я нет. Но я чувствую, что нам нужно узнать о происхождении этого кольца.

— Пожалуй.

— Но как за это взяться?

— Я задал работенку Тэку. Он лучше нас ходит по лесу. Сейчас он идет по следу.

Ратри кивнула.

— Хорошо.

— Я слышал, — сказал Яма, — что боги все еще время от времени посещают наиболее известные дворцы Камы, рассеянные по стране, обычно под чужой личиной, но часто с полной силой. Это правда?

— Да. Не далее как в прошлом году в Кейпуре был бог Индра. Года три назад нам нанес визит лже-Кришна. Из всего Небесного Отряда Кришна Неутомимый вызвал величайшее потрясение среди персонала. Он целый месяц предавался разгулу, результатом чего было множество поломанной мебели и потребовались услуги многих целителей. Он почти опустошил винный погреб и кладовую. Затем он однажды ночью играл на свирели. Вообще-то, слышавший игру старого Кришны мог бы простить ему все, но дело в том, что в эту ночь мы слышали не настоящую музыку, поскольку истинный Кришна только один — смуглый и волосатый, с красными горящими глазами. А этот Кришна танцевал на столах, производя страшный беспорядок, и его мелодии не были столь уж божественными.

— Надеюсь, он заплатил за эти разрушения не только своими песнями?

Ратри засмеялась.

— Брось, Яма. Зачем между нами риторические вопросы?

Он выдохнул дым.

— Сорайя, солнце, будет теперь окружено, — сказала Ратри, глядя вдаль. — И Индра убивает дракона. Вот-вот начнутся дожди.

Серая волна накрыла монастырь. Ветер крепчал, на стенах начался танец воды. Занавес из капель дождя закрыл открытую часть галереи, на которую они смотрели.

Яма налил себе чаю. Ратри взяла еще одну конфету.

Тэк шел через лес. Он двигался от дерева к дереву, перепрыгивая с ветки на ветку, глядя на след внизу. Мех его был мокрым, потому что листья стряхивали на него маленькие ливни. За спиной Тэка поднимались тучи, но утреннее солнце еще сияло на востоке, и лес был полон красок в его красно-золотом свете. В перепутанных ветвях, лианах, листьях и травах, стеной стоявших по обе стороны следа, пели птицы, жужжали насекомые, иногда слышалось рычание или лай. Ветер шевелил листву. След внизу резко свернул к поляне. Тэк спрыгнул на землю. По другую сторону поляны он снова пошел по деревьям. Теперь он заметил, что след идет параллельно горам, даже слегка отклоняется к ним. Далекий раскат грома, и через некоторое время новый порыв холодного ветра. Тэк качнулся вперед, прорываясь сквозь мокрую паутину и распугивая птиц. След по-прежнему вел к горам. Временами он встречался с другими четкими следами, расходящимися, пересекающимися, уходящими. В этих случаях Тэк опускался на землю и изучал местность. Да, Сэм повернул сюда; Сэм остановился у этого озерца напиться — здесь, где оранжевые грибы были выше человеческого роста и достаточно широки, чтобы сохранить немного дождевой воды; теперь Сэм пошел по э т о й тропинке; здесь он остановился завязать сандалию; здесь он прислонился к дереву...

Тэк полчаса шел за своей дичью. Свет зарниц сиял над горами, против которых теперь стоял Тэк. Еще раскат грома. След шел вверх, к подножию холмов, где лес редел, и Тэк побежал со всех четырех ног среди высоких трав. След вел прямиком вверх, и обнажения скал становились все более заметными. Но Сэм прошел этим путем, и Тэк последовал за ним.

Над головой пестро окрашенный Мост Богов исчез, когда тучи прочно затянули восток. Сверкнула молния, и гром последовал за ней немедленно. На открытом месте ветер стал сильнее; трава гнулась под ним; становилось душно.

Тэк почувствовал первые капли дождя и поспешил укрыться среди камней, идущих слегка наклонной стеною. Тэк двинулся вдоль ее основания, а вода уже хлестала в полную силу, и мир потерял краски с исчезновением последнего кусочка голубого неба.

Над головой появилось море крутящегося света, и три раза его потоки падали в диком вращении вниз, на каменный клык, вырисовывающийся против ветра в четверть мили вверх по склону.

Когда зрение Тэка прояснилось, он увидел кое-что и понял. Как будто каждая световая стрела, падая, оставляла часть себя, и эта часть качалась в сером воздухе, пульсируя огнями, несмотря на влагу, падавшую на землю.

Потом Тэк услышал смех — а может, это был призрачный звук, оставшийся в его ушах после недавнего грома?

Нет, это был смех, громкий, нечеловеческий!

Через некоторое время послышался вопль ярости. Новая вспышка, новый грохот.

И снова огненная воронка закачалась рядом с каменным клыком.

Тэк лежал минут пять. Опять вопль, за которым последовали три вспышки и грохот.

Теперь там было семь огненных столбов.

Рискнуть подойти, обогнуть эти штуки и посмотреть на зубчатый пик с другой стороны?

А если он это сделает и если — как он чувствовал — тут каким-то образом замешан Сэм, то что может сделать он, Тэк, если сам Просвященный не управляет ситуацией?

Он не нашел ответа, но все-таки двинулся вперед, низко пригнувшись к мокрой траве.

Он прошел полпути, когда это произошло снова, и поднялось десять столбов; они отплывали и возвращались, как будто их основания укоренились в почве.

Мокрый и дрожащий, Тэк скорчился, собрал в комок все свое мужество и нашел, что его в самом деле маловато. Однако он поспешил вперед, держась неподалеку от странного места, пока не миновал его.

Он поднялся выше и позади этого места очутился среди множества больших камней. Они закрывали ему обзор, и он дюйм за дюймом лез вперед, не сводя глаз с пика.

Теперь он увидел, что этот клык — часть впадины. У его основания была сухая темная пещера, и в ней две коленопреклоненные фигуры. «Святые люди на молитве?» — предположил он.

И тогда это случилось. Ужасающая вспышка, какой Тэк еще не видел, прошла снизу вверх по камням — не сразу, не в одно мгновение, а возможно, в четверть минуты, словно зверь с огненным языком облизал камень, рыча при этом.

Когда Тэк открыл глаза, он насчитал уже двадцать пылающих башен.

Один из святых людей, жестикулируя, наклонился вперед. Другой захохотал. До Тэка донеслись слова:

— Глаза змеи! Теперь мой черед!

— Оставляем столько же? — спросил второй, и Тэк узнал голос Сэма Великодушного.

— Вдвое или ничего! — проревел второй и тоже наклонился вперед с теми же, что и у Сэма, жестами.

— Нина из Шринагина! — пропел он и наклонился, качаясь и жестикулируя.

— Священная семерка, — мягко сказал Сэм.

Второй завопил.

Тэк зажмурился и заткнул уши, предполагая, что может последовать за этим воем. И он не ошибся.

Когда пламя и грохот кончились, он взглянул туда, вниз, на жутко освещенную сцену. Он не трудился считать: было очевидно, что там теперь висело сорок пламенных столбов, отбрасывающих сверхъестественный свет — их число было удвоено.

Ритуал продолжался. Железное кольцо на руке Будды пылало собственным бледно-зеленым светом.

Тэк снова услышал слова:

— Вдвое *или ничего!*

И ответ Будды:

— Священная семерка.

На этот раз Тэк подумал, что перед ним разверзлась гора. Ему казалось, что изображение вспышки отпечаталось на сетчатке его глаз даже сквозь закрытые веки. Но он ошибся.

Когда он открыл глаза, он увидел целую армию светящихся грозовых столбов. Их блеск вонзался в мозг, и Тэк затенил глаза, чтобы посмотреть вниз.

— Может быть, хватит, Ралтарики? — спросил Сэм, и яркий изумрудный свет заиграл на его руке.

— Еще разок, Сиддхарта. Вдвое или ничего.

Дождь прекратился на минуту, и в сиянии огненных столбов на склоне Тэк увидел, что у существа по имени Ралтарики голова водяного буйвола и лишняя пара рук. Он задрожал, закрыл глаза и уши и, стиснув зубы, ждал.

Через минуту это произошло. Рев и пламя поднимались вверх, и Тэк, в конце концов, потерял сознание.

Когда он пришел в себя, между ним и камнем были только серость и слабый дождь. И у основания камня сидела только одна фигура; она не имела рогов, и рук у нее было не больше, чем у обычного человека.

Тэк не шевелился. Он ждал.

— Это репеллент, — сказал Яма, протягивая Тэку баллон с аэрозолем, — отпугивает демонов. Я советую тебе на будущее основательно опрыскивать себя, если ты намерен странствовать так далеко от монастыря. Я думал, что этот район свободен от ракш, иначе я дал бы его тебе раньше.

Тэк принял флакон и поставил перед собой на стол.

Они сидели в апартаментах Ямы и закусывали. Яма откинулся в кресле со стаканчиком вина Будды в левой руке и с полупустым графином в правой.

— Значит, тот, кого называли Ралтарики, и в самом деле демон? — спросил Тэк.

— И да, и нет, — сказал Яма. — Если под демоном ты понимаешь злобное сверхъестественное существо, обладающее большим могуществом,

вечной жизнью и способностью на время принимать любую видимую форму, — тогда нет. Это общепринятое определение, но в одном отношении оно неправильно.

— Да? В каком же?

— Он не сверхъестественное существо.

— А во всем остальном?

— Да.

— Тогда я не понимаю, какая разница — сверхъестественное оно или нет, если оно злобное, обладает большим могуществом, вечной жизнью и способно изменять свою форму по желанию.

— Нет, разница большая. Различие между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — вот что существенно. Четыре направления компаса — логика, знание, мудрость и непознанное. Некоторые клонятся в этом последнем направлении. Другие идут дальше. Склониться перед одним, значит, потерять из виду три. Я могу покориться непознанному, но не непознаваемому. Человек, склонившийся в этом последнем направлении, либо святой, либо дурак. Мне не нужен ни тот, ни другой.

Тэк пожал плечами и выпил глоток вина.

— Но демоны...

— Познаваемы. Много лет назад я экспериментировал с ними, и я был одним из четырех, спускавшихся в Адский Колодец, если ты помнишь, после того как Тарака напал на Бога Агни в Паламайдсу. Ты не Тэк из Архивов?

— Я был им.

— Значит, ты читал о самых ранних контактах с ракшами?

— Я читал отчет о тех днях, когда их связали...

— Тогда ты знаешь, что они коренные жители этого мира, что они здесь были до прибытия человека из исчезнувшей Уратхи.

— Да.

— Они созданы были более из энергии, чем из материи. Судя по их традициям, они когда-то имели тела, жили в городах. Однако их поиски личного бессмертия повели их по путям, отличным от путей человека. Они нашли способ сохранять себя, как стабильные энергетические поля. Они покинули свои тела, чтобы жить вечно, как силовые вихри. Но чистого разума у них нет. Они несут в себе свое полное эго и, рожденные от материи, всегда вожделеют к плоти. Хотя они могут на время принимать плотскую внешность, они не могут вернуться в нее сами. Много веков они беспомощно дрейфуют по этому миру. Появление человека вывело их из состояния покоя. Они принимали формы его кошмаров, чтобы вредить ему. Вот потому они были побеждены и связаны задолго до Ратнагарис. Мы не могли уничтожить их совсем, но не могли и позволить им попытки захватить механизмы воплощения и тела людей. В конце концов они были пойманы и заключены в большие магнитные бутылки.

— Однако Сэм освободил многих из них, чтобы они творили его волю, — сказал Тэк.

— Да. Он создал и хранит пакт кошмаров, и поэтому некоторые еще бродят по планете. Из всех людей они уважают, вероятно, только одного Сиддхарту. А с остальными людьми у них один общий порок: они готовы играть по любым ставкам и платить — игорные долги у них вопрос чести. Так и должно быть, иначе они лишились бы доверия других игроков и потеряли бы свою единственную радость. Могущество их велико, и с ними играли даже принцы, надеясь выиграть их услуги. Так пропадали целые королевства.

— Если, по твоему мнению, Сэм играл с Ралтарики в одну из древних игр, то какие были ставки?

Яма допил вино и снова наполнил стаканчик.

— Сэм — дурак, — сказал он. — Нет, не дурак. Он игрок. Тут есть разница. Ракша управлял меньшими группами энерго-существ. Сэм с помощью своего кольца отдал новый приказ страже огненных элементалей, которых он выиграл у Ралтарики. Эти элементали — страшные, безмозглые создания, и у каждого сила громовой стрелы.

Тэк допил свое вино.

— Но какие же ставки Сэм мог поставить в игре?

Яма вздохнул:

— Всю мою работу, все наши усилия за полстолетия.

— Ты хочешь сказать — свое тело?

Яма кивнул.

— Человеческое тело — лучшая приманка, которую можно предложить демону.

— Зачем Сэму идти на такой риск?

Яма смотрел на Тэка, не видя.

— Возможно, это единственный способ воззвать к собственной жизненной воле, снова связать себя со своей задачей — рискнуть жизнью, бросить само свое существование вместе с броском игральных костей.

Тэк налил себе еще стаканчик и выпил.

— Это для меня непостижимо.

Яма покачал головой.

— Ты не прав. Это только непонятно. Сэм не святой, но и не дурак.

«Нет, все-таки дурак», — решил Яма и в эту ночь напрыскал репеллентом от демонов вокруг монастыря.

На следующее утро к монастырю подошел невысокий человек и сел перед главным входом, поставив у своих ног чашку для подаяний. На нем было простое изношенное одеяние из грубой коричневой ткани, доходящее до лодыжек. Левый глаз был закрыт черной повязкой. Немногие оставшиеся волосы были темными и очень длинными. Острый нос, маленький подбородок и большие плоские уши придавали его лицу лисье выражение. Туго

натянутая кожа сильно обветрилась. Единственный зеленый глаз, казалось, никогда не мигал.

Он сидел минут двадцать, прежде чем один из монахов заметил его, отыскал жреца и передал ему информацию. Жрец, желая показать богине добродетель ее последователей, велел привести нищего, накормить, одеть и предоставить ему келью, в которой тот сможет жить сколько пожелает.

Нищий принял еду с вежливостью брамина, но поел только хлеба и фруктов. Он принял также темную одежду ордена Ратри, отбросив свою запыленную рубаху. Затем он осмотрел келью и свежий спальный коврик, постеленный для него.

— Благодарю тебя, почтенный жрец, — сказал он красивым, звучным голосом, более сильным, чем вся его особа. — Я благодарю тебя и молю твою богиню улыбнуться тебе за твою доброту и щедрость, расточаемые ее именем.

Жрец и сам улыбнулся и надеялся, что Ратри пройдет в эту минуту по залу и будет свидетельницей его доброты и щедрости от ее имени. Увы, она не прошла. Немногие из ее ордена видели ее, даже ночью, когда она набирала свою силу и находилась среди них. Те, кто носил шафрановую одежду, только они ждали пробуждения Сэма и уверенно могли опознать Ратри. Обычно она проходила по монастырю, когда ее приверженцы были на молитве, или после того, как они удалялись на вечер. Днем она обычно спала, а если и шла мимо них, то бывала закутана в плащ. Свои желания и приказы она сообщала непосредственно Гандиджи, главе ордена, которому было девяносто три года этого цикла, и он был больше чем наполовину слеп.

Следовательно, и ее монахи в желтом ждали ее появления и мечтали заслужить ее милость. Было сказано, что ее благословение обеспечивает будущее воплощение в брамина. Один только Гандиджи не беспокоился об этом, потому что принял путь реальной смерти.

Поскольку Ратри не появилась, жрец продолжил разговор.

— Я — Баларама, — сказал он. — Могу ли я узнать твое имя, добрый человек, и, может быть, твое назначение?

— Я — Арам, — ответил нищий, — принявший на себя десятилетний обет бедности и семилетний молчания. К счастью, семь лет прошли, и я могу теперь высказать благодарность своему благодетелю и ответить на его вопросы. Я направляюсь в горы, чтобы найти себе пещеру, где могу предаться медитации и молитве. Я, может быть, приму твое любезное гостеприимство на несколько дней, прежде чем пуститься в путешествие.

— Поистине, — сказал Баларама, — для нас честь, если святой пожелает осчастливить наш монастырь своим присутствием. Мы рады принять тебя. Если ты пожелаешь иметь что-нибудь, могущее помочь тебе на твоем пути, и мы способны дать тебе эту вещь, — назови ее.

Арам пристально посмотрел на него своим здоровым зеленым глазом и сказал:

— Монах, который первым заметил меня, не носил одежды вашего ордена. Я уверен, что мой бедный глаз видел материю другого цвета.

— Да, — сказал Баларама, — сейчас под нашим кровом отдыхают от своих странствий последователи Будды.

— Это и вправду интересно, — сказал Арам, — потому что я хотел поговорить с ними и, возможно, узнать побольше об их Пути.

— Ты будешь иметь явную возможность для этого, если останешься у нас на некоторое время.

— Тогда я так и сделаю. Долго ли они здесь пробудут?

— Не знаю.

Арам кивнул.

— Когда я смогу поговорить с ними?

— Они будут здесь вечером в час, когда все монахи собираются вместе и разговаривают о чем хотят, кроме тех, кто дал обет молчания.

— Тогда я проведу время до этого часа в молитвах, — сказал Арам. — Спасибо тебе.

Они поклонились друг другу, и Арам вошел в свою келью.

Вечером Арам ждал часа сбора монахов. В это время монахи обоих орденов встречались и вели разговоры. Ни Сэм, ни Тэк, ни Яма никогда не присутствовали при этом.

Арам сидел за длинным столом в трапезной напротив нескольких буддийских монахов. Некоторое время он разговаривал с ними об их учении и вере, о кастах и символах, о погоде и текущих делах.

— Удивительно, — сказал он через некоторое время, — что люди вашего ордена столь неожиданно и так далеко зашли на юг и на запад.

— Мы — странствующий орден, — ответил монах. — Мы идем вслед за ветром. Мы идем, куда влечет нас сердце.

— В местность ржавой почвы в сезон гроз? Может быть, здесь поблизости случается какое-нибудь откровение, которое могло бы расширить мой дух, если бы я заметил его?

— Весь мир откровение, — сказал монах. — Все изменяется и все остается. День следует за ночью... Каждый день отличен от другого, но каждый — день. Очень многое в мире — иллюзия, но формы этой иллюзии следуют образцу, который является частью божественной реальности.

— Да, да, — сказал Арам, — в путях иллюзий и реальности я достаточно сведущ, но под своим вопросом я имел в виду, не возник ли поблизости новый учитель, или, может быть, вернулся старый, или, скажем, божественное проявление, о присутствии которого моей душе было бы полезно знать.

Говоря это, нищий сбросил со стола рыжего жука размером с ноготь и двинул сандалией, чтобы раздавить его.

— Умоляю тебя, брат, не вреди ему, — сказал монах.

— Но их в избытке, а знатоки Кармы установили, что человек не может вернуться как насекомое и убийство насекомого поэтому безгреховно.

— Тем не менее, — сказал монах, — всякая жизнь есть жизнь; в этом монастыре все следуют учению а х и м с а и воздерживаются отнимать жизнь у любого существа.

— Однако, — возразил Арам, — Паранджали установил, что н а м е р е н и е определяет более чем действие. Следовательно, если я убил случайно, а не по злобе, я вроде бы и не убивал. Признаюсь, что в данном случае присутствовала злоба, значит, если я и не убил, то все равно несу груз вины за такое намерение. Так что я мог бы теперь наступить на жука, и хуже от этого не станет, согласно принципам а х и м с ы. Но, поскольку я гость, я, конечно, уважаю ваши обычаи и не сделаю такой вещи.

С этими словами он отодвинул ногу от насекомого, которое оставалось неподвижным, подняв вверх красноватые усики.

— А он действительно ученый, — сказал один из монахов Ратри.

Арам улыбнулся.

— Благодарю тебя, но это не так. Я только смиренный искатель истины, и в прошлом мне случайно удалось прослушать откровения ученого мужа. Ох, если бы мне так повезло снова! Если бы поблизости был какой-нибудь великий учитель или мудрец, я уверенно прошел бы по горячим углям и сел бы у его ног слушать его слова или следовать его примеру. Если бы...

Он замолчал, потому что все глаза обратились вдруг к двери позади него. Он не повернул головы, потянулся и прихлопнул жука, находившегося возле его руки. Из сломанной хитиновой оболочки его спины высунулись кончики маленького кристалла и две крошечные проволочки.

Тогда Арам повернулся. Его зеленый глаз пробежал через ряд монахов, сидевших между ним и дверью, и увидел Яму: на нем были штаны, сапоги, рубашка, пояс, плащ, перчатки — все красное, а голову обвивал тюрбан цвета крови.

— «Если бы»? — спросил Яма. — Ты сказал «если бы»? Если бы какой-нибудь мудрец или какое-то воплощение божества остановилось поблизости, ты хотел бы с ним познакомиться? Ты об этом говорил, незнакомец?

Нищий встал из-за стола и поклонился.

— Я — Арам, искатель и путешественник, товарищ каждому, кто пожелает просвещения.

Яма не ответил на поклон.

— Почему ты назвал свое имя наоборот, Бог Иллюзии, когда все твои слова и поступки кричат об этом перед тобой?

Нищий пожал плечами.

— Я не понял твоих слов.

Он снова улыбнулся и добавил:

— Я тот, кто ищет Путь и Истину.

— Я думаю, этому трудно поверить, поскольку я был свидетелем, по крайней мере, тысячи лет твоей измены.

— Ты говоришь о продолжительности жизни богов.

— К несчастью, да. Ты сделал серьезную ошибку, Мара.

— Какую же?

— Ты предполагал, что тебе позволят выйти отсюда живым.

— Согласен, я предчувствовал, что так будет.

— Ты не учел множества несчастных случаев, которые могут свалиться на одинокого путешественника в этом диком краю.

— Я много путешествовал один. Несчастные случаи всегда постигали других.

— Ты, видимо, уверен, что, если твое тело будет уничтожено здесь, твой а т м а н переместится в другое тело в другом месте. Я понимаю, что кто-то расшифровал мои записи, и теперь такой фокус возможен.

Брови нищего опустились на четверть дюйма и сдвинулись.

— Яма, — сказал он, — ты глуп, если сравниваешь свою ничтожную потерянную силу с мощью Мастера Снов.

— Может быть, и так, господин мой Мара, — ответил Яма, — но я слишком долго ждал этого случая, чтобы думать об отсрочке. Помнишь мое обещание в Кинсете? Если желаешь продолжать цепь своего существования, ты пройдешь через эту единственную в комнате дверь, которую я загораживаю. Ничто за пределами этой комнаты не поможет тебе теперь.

Мара поднял руки и вспыхнули огни.

Все пылало. Пламя вылетало из каменных стен, из столов, из мантий монахов. По комнате клубился дым. Яма стоял среди пожарища, но не сдвинулся с места.

— Это лучшее, что ты можешь сделать? — спросил он. — Твое пламя повсюду, но ничто не горит.

Мара хлопнул в ладоши, и пламя исчезло.

Вместо него поднялась кобра почти в два человеческих роста; покачивая головой с развернутым серебряным клобуком, она вытянулась в боевую позицию.

Яма игнорировал ее; его темный взгляд впился теперь, как жало черного насекомого, в единственный глаз Мары.

Кобра растаяла на середине броска. Яма шагнул вперед.

Мара отступил на шаг.

Они стояли так в течение трех ударов сердца, затем Яма сделал два шага вперед, а Мара снова отступил. На лбах обоих выступил пот.

Теперь нищий стал выше ростом, волосы его стали гуще; он сделался толще в талии и шире в плечах. Все его движения стали неуловимо изящными. Он сделал еще один шаг назад.

— Да, Мара, здесь Бог Смерти, — сказал сквозь зубы Яма. — Падший я или нет, но реальная смерть живет в моих глазах. И тебе придется встретиться с ними. Когда ты дойдешь до стены, тебе некуда будет отступать. Сила уходит из твоих членов. Руки и ноги твои начинают холодеть.

Мара оскалил зубы в усмешке. Шея его раздулась как шар. Бицепсы были величиной с мужское бедро, грудь — бочонок силы, а ноги — как деревья в лесу.

— Холодеют? — спросил он, вытянув руки. — Этими руками я могу переломить гиганта. А ты всего лишь выброшенная падаль. Твой гнев может лишь напугать стариков и калек. Твои глаза могут вогнать в оцепенение животных и людей низшей касты. Я настолько выше тебя, насколько звезда выше дна океана.

Руки Ямы в красных перчатках метнулись, как две кобры, к горлу Мары.

— Тогда пусти в ход свою силу, которой ты так хвалишься, Мастер Снов. Ты создал видимость мощи, воспользуйся же ею! Одолей меня не словами, а делом!

Щеки и лоб Мары стали ярко-красными, когда руки Ямы крепче сжались на его горле. Глаз готов был выскочить.

Мара упал на колени.

— Хватит, господин Яма! — прохрипел он. — Ты хочешь убить самого себя?

Мара менялся. Черты его расплылись, словно он лежал под текучей водой.

Яма смотрел вниз, на свое собственное лицо, на свои красные руки, хватающие его же запястья.

— Ты впадаешь в отчаяние, Мара, когда жизнь оставляет тебя. Но Яма не ребенок, чтобы бояться разбить зеркало, которым ты стал. Сделай последнюю попытку или умри как человек, конец все равно один.

Но произошло новое изменение.

На этот раз Яма заколебался, ослабляя свою силу.

На его руки упали ее бронзовые волосы. Тусклые глаза умоляли. Горло обвивало ожерелье из черепов, которые были чуть бледнее ее тела. Ее сари было цвета крови. Ее руки лежали на его руках и почти ласкали их...

— Богиня! — прошептал Яма.

— Не хочешь ли ты убить Кали?.. Свою подругу...

Она задыхалась.

— Опять ошибка, Мара, — проскрипел Яма. — Разве ты не знаешь, что каждый убивает то, что он любил.

Руки его сжались, раздался звук ломающихся костей.

— Десятикратным будет твое осуждение, — сказал он, зажмурившись. — И нового рождения не будет.

Руки его разжались.

Высокий человек благородного сложения лежал на полу у ног Ямы, голова склонилась к правому плечу. Глаз окончательно закрылся.

Яма перевернул тело носком сапога.

— Устроить погребальный костер и сжечь его тело, — сказал он монахам, не поворачиваясь к ним. — Не жалеть ритуалов. Сегодня умер один из высочайших.

Он отвел глаза от работы своих рук, повернулся на каблуках и покинул комнату.

В этот вечер по небу метались молнии и дождь сыпал, как горох.

Они вчетвером сидели в комнате в высокой башне на северо-восточном углу монастыря.

Яма ходил по комнате и останавливался у окна каждый раз, когда проходил мимо.

Остальные сидели, смотрели на него и слушали.

— Они подозревают, — говорил он, — но не знают. Они не разрушат монастырь последователей бога, не выставят перед людьми раскол в своих рядах — пока они не уверены. А они не уверены и поэтому проверяют. Это означает, что у нас еще есть время.

Они кивнули.

— Брамин, отрекшийся от мира, шел этой дорогой, пострадал от несчастного случая и умер здесь реальной смертью. Тело его сожжено, прах брошен в реку, текущую в море. Вот как это произошло... В это время здесь гостили странствующие монахи Просвещенного. Они ушли вскоре после этого события. Кто знает, где они теперь?

Тэк выпрямился насколько смог.

— Господин мой Яма, — сказал он, — эта история продержится неделю, месяц, может быть, больше и попадет в руки Мастера, который первым делом примется за тех, кто остался в этом монастыре, кто идет Путями Кармы. В этих обстоятельствах, я думаю, кое-кто из них может преждевременно быть наказан именно по этой причине. Тогда что?

Яма тщательно скрутил сигарету.

— Я сказал, как это в действительности произошло — так и нужно утверждать.

— Возможно ли это? Когда человеческий мозг является предметом кармического возраста, все события, каким он был свидетелем во время его последнего жизненного цикла, кладутся перед судьей и машиной, как свиток.

— Все это правильно, — сказал Яма. — А ты, Тэк из Архивов, никогда не слышал о палимпсесте — свитке, который был использован, затем очищен и использован снова?

— Конечно, слышал, но ведь мозг не свиток.

— Нет? — улыбнулся Яма. — Ну, это было твое сравнение, а не мое. А что, в сущности, есть истина? Истина такова, какой ты ее подашь. — Он закурил. — Монахи были свидетелями странного и страшного дела. Они видели, как я принял свой настоящий вид и показал свою силу. Они видели, как Мара сделал то же самое — здесь, в этом монастыре, где мы возродили принцип а х и м с а. Они знают, что бог может делать такие вещи, не неся кармического груза, но шок был силен и впечатление было живым. И будет конечное сожжение. И во время этого сожжения та басня, что я рассказал вам, должна стать истиной в их умах.

— Каким образом? — спросила Ратри.

— Именно в ту ночь, в этот час, — сказал Яма, — когда образ огненного акта тревожит их мысли и сознание, новая истина должна быть

выкована и укреплена вместо старой... Сэм, ты достаточно долго отдыхал. Теперь ты должен сделать это дело. Произнеси им проповедь. Ты должен воззвать к их самым благородным чувствам и высшим качествам духа, которые делают человека предметом божественного вмешательства. Ратри и я объединим силы, и родится новая правда.

Сэм вздрогнул и опустил глаза.

— Не знаю, смогу ли. Это было так давно...

— Будда всегда Будда, Сэм. Вытащи что-нибудь из своих прежних притч. У тебя есть минут пятнадцать.

Сэм протянул руку.

— Дай мне табаку и бумаги. — Он взял кисет и скрутил сигарету. — Огонька... Спасибо. — Он глубоко затянулся и закашлялся.

— Я устал врать им, — сказал он наконец. — Наверное, так.

— Врать? — переспросил Яма. — А кто тебя просит врать? Выдай им Нагорную проповедь, если хочешь, или что-нибудь из «Илиады», мне все равно, что ты скажешь. Просто расшевели их немножко, погладь слегка, вот и все, что я прошу.

— А потом что?

— Потом? Потом я займусь спасением их... и нас.

Сэм медленно кивнул.

— Ну, если ты так ставишь вопрос... Только я не вошел еще в форму для таких штук. Конечно, я найду парочку истин, подпущу благочестия... Но мне потребуется двадцать минут.

— Хорошо, пусть двадцать. А потом будем собираться. Завтра едем в Кейпур.

— Так рано? — спросил Тэк.

Яма покачал головой.

— Так поздно, — сказал он.

Монахи сидели на полу в трапезной. Столы были сдвинуты к стенам. Насекомые исчезли. Снаружи продолжался дождь.

Великодушный Сэм, Просвященный, вошел и сел перед монахами.

Вошла Ратри в одежде буддийской монахини и в вуали.

Яма и Ратри прошли в конец комнаты и сели на пол. Где-то слушал и Тэк.

Сэм несколько минут сидел, закрыв глаза, затем мягко сказал:

— У меня много имен, и ни одно из них не имеет значения. Говорить — это называть имена, но говорить — не существенно. Вдруг случается то, что никогда не случалось раньше. Видя это, человек смотрит на реальность. Он не умеет рассказать другим, что он видел. Однако другие желают знать и спрашивают его: «На что похоже то, что ты видел?» Тогда он пытается объяснить им. Допустим, он видел самый первый в мире огонь. И он говорит: «Он красный, как мак, но сквозь него танцуют другие цвета. У него нет формы, он, как вода, текущая отовсюду. Он горячий, вроде летнего солнца, только горячее. Он живет некоторое время на куске

дерева, а затем дерево исчезает, будто он его съел, и остается нечто черное, которое может сыпаться, как песок. Когда дерево исчезает, он тоже исчезает». Следовательно, слушатели должны думать, что реальность похожа на мак, на воду, на солнце, на то, что едят, и на то, что выделяют. Они думают, что огонь похож на все, как сказал им человек, знавший его. Но они не видели огня. Они не могут познать его. Они могут только знать о нем. Но вот огонь снова приходит в мир и не один раз. Многие смотрят на огонь. И через некоторое время огонь становится таким же обычным, как трава, облака или воздух, которым они дышат. Они видят, что он похож на мак, но не мак, похож на воду, но не вода, похож на солнце, но не солнце, похож на то, что едят, и на то, что выбрасывают, но он не то, он отличается от всего этого или он — все это вместе. Они смотрят на эту новую вещь и придумывают новое слово, чтобы назвать ее. И называют ее «огонь».

Если они встретят человека, который еще не видел огня, и заговорят с ним об огне, он не поймет, что они имеют в виду. Тогда они, в свою очередь, станут объяснять ему, на что похож огонь, зная по собственному опыту, что говорят не правду, а лишь часть ее. Они знают, что человек так и не поймет их, даже если бы они использовали все слова, существующие в мире. Он должен сам увидеть огонь, обонять его запах, греть возле него руки, глядеть в его сердцевину или остаться навеки невеждой. Следовательно, слово «огонь» не имеет значения, слова «земля», «воздух», «вода» не имеют значения. Никакие слова не важны. Но человек забывает вещи и помнит слова. Чем больше слов он помнит, тем умнее его считают товарищи. Он смотрит на великие изменения этого мира, но не видит их, как видит тот, кто смотрит на реальность впервые. Их имена слетают с его губ, и он улыбается и пробует их на вкус, думая, что он знает о вещах по их названиям. То, что никогда не случалось раньше, все-таки случается. Это все еще чудо. Великое горящее цветение, исток, извержение пепла мира, и ни одна из этих вещей, которые я назвал, и в то же время все они, и эта реальность — Безымянность.

И вот я требую от вас: забудьте ваши имена, забудьте слова, сказанные мною, как только они будут произнесены. Смотрите на Безымянность в себе, которая поднимается, когда я обращаюсь к ней. Она внимает не моим словам, а реальности внутри меня, которая является частью Безымянности. Это а т м а н, он слышит меня, а не мои слова. Все остальное нереально. Определять, значит, терять. Суть всех вещей — Безымянность. Безымянность непознаваема, она сильнее даже Брамы. Вещи уходят, но суть остается. Следовательно, вы сидите среди сна.

Суть сна — это сон формы. Формы проходят, но суть остается, создавая новые сны. Человек называет эти сны и думает, что пленил суть, не зная, что он вызывает нереальность. Эти камни, стены, тела, сидящие рядом с вами, — это маки, вода, солнце, это сны Безымянности. Они — огонь, если хотите.

Иногда спящий сознает, что он спит. Он может в какой-то мере управлять тканью сна, сгибая ее по своей воле, или может проснуться в большем самопознании. Если он выбирает путь самопознания, слава его велика, и он будет звездой во все времена. Если же он выбирает путь Тантр, объединяющий Самсару и Нирвану, включающий мир и продолжение жизни в нем, этот человек — самый могущественный из мастеров снов. Его мощь может быть направлена и на добро, и на зло, как посмотреть, хотя эти определения также не имеют значения, они по ту сторону наименований Самсары.

Однако жить в Самсаре — значит зависеть от работы могущественных мастеров снов. Если их сила направлена на добро, это золотое время, если же на зло — это время тьмы. Сон может обернуться кошмаром.

Написано, что жить — значит страдать. Так оно и есть, говорят мудрецы, потому что человек должен освободиться от своего бремени Кармы, если он достигнет посвященности. По этой причине, говорят мудрые, полезно ли человеку бороться во сне со своей участью, с тропой, по которой он должен следовать, чтобы получить освобождение? В свете вечных ценностей, говорят мудрые, страдание ничто; в пределах Самсары, говорят мудрые, страдание ведет к добру. Но оправданно ли, что человек борется *против* тех, чья мощь направлена на зло?

Он сделал паузу и поднял выше голову.

— В эту ночь между нами прошел Бог Иллюзии — Мара, могущественный из Мастеров Сна, склонный ко злу. Он натолкнулся на другого, на того, кто может поступать с тканью снов различными способами. Он встретился с Дхармой, который может изгнать мастера снов из своего сна. Они сражались, и Бог Мара не существует более. Почему они сражались: Бог Смерти и Бог Иллюзии? Вы знаете, что пути богов непостижимы. Но это не ответ.

Ответ, оправдание одинаково как для людей, так и для богов. Добро и зло, говорят мудрые, ничего не значат для тех, кто в Самсаре. Согласитесь с мудрецами, которые учили наш народ с незапамятных времен. Согласитесь, но рассмотрите вещь, о которой мудрые не говорили. Эта вещь — «красота», *которая есть слово, но взгляните на это слово* и рассмотрите Путь Безымянности. А что есть Путь Безымянности? Это Путь Сна. Но зачем нужен сон Безымянности? Этого не знает ни один из живущих в Самсаре. Так что лучше спросите, что делает сон Безымянности?

Безымянность, частью которой являемся все мы, дает форму сну. А что есть высший атрибут любой формы? Красота. Значит, Безымянность — артист. Значит, главное не проблема добра и зла, а проблема красоты. Бороться с могучими мастерами сна, чья сила направлена на зло или уродство, не значит бороться за то, чему учили нас мудрецы — быть безразличными в границах Самсары или Нирваны, а значит, бороться за симметричное видение сна, в границах ритма и точки, баланса и антитезы, которые делают сон вещью красоты. Об этом мудрые ничего не говорили. Эта

истина так проста, что они, вероятно, проглядели ее. Но я вынужден обратить на нее ваше внимание. Бороться против мастеров снов, видящих безобразное — будь они люди или боги, — можно лишь волей Безымянности. Эта борьба также несет страдания, и кармическое бремя человека тоже будет облегчено, как это было бы при необходимости терпеть безобразное; но ЭТО страдание производит более высокий плод в свете вечных ценностей, о которых так часто говорят мудрые.

И вот я говорю вам, эстетика того, чему вы были свидетелями в этот вечер, была эстетикой высокого порядка. Вы можете спросить меня: «Откуда мне знать, что прекрасно, а что уродливо, и каким образом действовать?», и я скажу: на этот вопрос вы должны ответить сами. Для этого нужно сначала забыть то, что я говорил, потому что я не сказал ничего. Живите теперь в Безымянности.

Он поднял правую руку и склонил голову.

Яма встал, Ратри встала, Тэк прыгнул на стол.

Они ушли вчетвером, зная, что механизм Кармы на этот раз не сработал.

Они шли в пьяном блеске утра под Мостом Богов. Высокий папоротник, еще мокрый от ночного дождя, искрился по краям тропы. Вершины деревьев и пики далеких гор рябили за поднимающимся паром. День был безоблачным. Слабый утренний ветерок еще хранил следы ночного холода. Щелкание, жужжание и щебет джунглей сопровождали идущих монахов. Монастырь, из которого они ушли, едва виднелся над вершинами деревьев; над ним тянулась изогнутая линия дыма, расписывающая небеса.

Служители Ратри несли ее носилки посредине движущейся группы монахов, слуг и маленького отряда воинов. Сэм и Яма шли почти первыми. Тэк следовал за ними, невидимкой скользя меж листьев и веток.

— Погребальный костер еще горит, — сказал Яма.

— Да.

— Жгут тело странника, умершего от сердечного приступа как раз тогда, когда он решил отдохнуть в монастыре.

— Правильно.

— Для экспромта твоя проповедь была просто очаровательна.

— Спасибо.

— Ты действительно веришь в то, что проповедовал?

Сэм засмеялся.

— Я весьма доверчив, когда речь идет о моих словах. Я верю всему, что говорю, хотя я знаю, что я лжец.

Яма фыркнул.

— Жезл Тримурти все еще падает на спины людей. Ниррити шевелится в своем темном логове; он тревожит морские пути юга. Не хочешь ли ты потратить еще один срок жизни на удовольствие заняться метафизикой — найти новые оправдания для подавления своих врагов? Твое выступление

в прошлую ночь звучало так, словно ты перевернул понятия ПОЧЕМУ и КАК.

— Нет, — сказал Сэм, — я хотел использовать другую линию воздействия на присутствующих. Трудно выразить возмущение тех, для кого все благо. В их мозгах нет места злу, несмотря на их постоянные страдания. Раб на дыбе, знающий, что он должен родиться снова, может быть, жирным купцом, — если будет страдать с готовностью, смотрит на страдание иначе, чем тот, у которого только одна жизнь. Этот раб может вытерпеть все, зная, что, как ни велика сейчас его боль, его будущие радости будут еще больше. Если такой человек не выбирает между добром и злом, тогда, возможно, красота и уродство могут служить ему одинаково. Меняются только названия.

— Тогда, значит, это новая, официальная, партийная линия? — спросил Яма.

— Именно, — ответил Сэм.

Яма провел рукой по невидимой щели в одежде, извлек кинжал и поднял его.

— Салют красоте! — воскликнул он. — Долой уродство!

Волна тишины прокатилась по джунглям. Прекратились все звуки жизни.

Яма поднял одну руку, а другой вложил кинжал в потайные ножны.

— Стоп! — крикнул он и посмотрел вверх, шурясь от солнца и склонив голову набок. — Прочь с тропы! В кусты!

Все засуетились. Тела в шафрановых мантиях метнулись с тропы. Носилки Ратри застряли между деревьев, сама же она стояла теперь рядом с Ямой.

— В чем дело? — спросила она.

— Слушай!

ЭТО спускалось с неба на взрывной волне звука. Оно мелькнуло над пиками гор, пронеслось над монастырем, разметая дым. При его полете грохотали взрывы звука, воздух дрожал, словно ЭТО пробивалось сквозь ветер и свет.

Это был крест в виде буквы тау с громадной петлей и с огненным хвостом позади.

— Разрушитель вышел на охоту, — сказал Яма.

— Громовая колесница! — закричал один из наемных воинов, делая рукой знак.

— Шива нисходит, — сказал какой-то монах, вытаращив глаза от ужаса. — Разрушитель...

— Если бы я своевременно понял, как хорошо я работал, я мог бы вычислить дни его международных состязаний. Иногда я сожалею о своей гениальности.

Крест прошел над Мостом Богов, качнулся над джунглями и ушел к югу. Его рев постепенно уменьшался по мере удаления. Затем наступила тишина.

Коротко чирикнула птица. Ей ответила другая. Затем снова появились все звуки жизни, и путешественники вернулись на тропу.

— Он вернется, — сказал Яма, и это оказалось правдой.

Еще дважды в этот день они покидали тропу, когда громовая колесница проносилась над их головами. В последнем случае она сделала круг над монастырем, возможно, наблюдая за похоронным ритуалом, проводившимся там. Затем она прошла над горами и исчезла.

В эту ночь они разбили лагерь под звездами. И на вторую тоже.

Третий день привел их к реке Дива и к маленькому портовому городку Куна. Здесь они нашли транспорт, как желали, и в тот же день двинулись на барке к югу, туда, где Дива соединялась с могучей Ведрой, а затем дальше и, наконец, к пристани Кейпура, их назначению.

Пока они плыли по реке, Сэм слушал ее звуки. Он стоял на палубе, положив руки на перила, и смотрел на воду, где яркое небо поднималось и падало, а звезды склонялись друг к другу. И тогда ночь обратилась к нему голосом Ратри откуда-то вблизи.

— Ты проходил этим путем прежде, Татагахти?

— Много раз, — ответил он.

— Дива прекрасна под звездами в своей ряби.

— Да.

— Теперь мы идем в Кейпур, во дворец Камы. Что ты станешь делать, когда мы туда прибудем?

— Некоторое время потрачу на медитацию, богиня.

— О чем будешь размышлять?

— О своих прошлых жизнях и об ошибках, которые содержала каждая из них. Мне нужно заново пересмотреть свою тактику и тактику врага.

— Яма думает, что Золотое Облако изменило тебя.

— Возможно, что это так и есть.

— Он считает, что оно размягчило тебя, ослабило. Ты всегда изображал из себя мистика, но сейчас, по мнению Ямы, ты и в самом деле стал им — на свою и нашу погибель.

Сэм покачал головой и повернулся, но не увидел Ратри. То ли она была здесь невидимкой, то ли ушла. Он сказал тихо и без выражения:

— Я сорву эти звезды с небес и брошу их в лица богам, если понадобится. Я буду богохульствовать во всех храмах страны. Я буду улавливать жизни сетью, как рыбак рыбу, если это будет необходимо. Я снова поднимусь в Небесный Город, даже если каждая ступенька будет пламенем или обнаженным мечом, а путь будут охранять тигры. Настанет день, когда боги спустятся с Неба и увидят меня на лестнице; я принесу им дар, которого они боятся больше всего. Но сначала мне надо подумать, — закончил он, отвернулся и вновь начал разглядывать воду.

Падучая звезда пролетела по небу. Судно шло вперед. Ночь вздохнула над Сэмом.

Сэм смотрел вперед и вспоминал.

Однажды незначительный раджа мелкого княжества
отправился со своей свитой в Махартху, город,
который называли воротами Юга и Столицей Зари,
чтобы купить себе новое тело. Это было в те времена,
когда угрозу судьбы еще можно было отвести в сторону,
когда боги были менее строги, демоны еще связаны,
а Небесный Город бывал иногда открыт для людей.
Это история о том, как принц искушал однорукого
исполнителя обрядов перед Храмом и своей самонадеянностью
навлек на себя немилость Неба...

Немногие родятся вновь среди людей;
Большинство родится вновь
Где-то в другом месте.

Ангуттара-Никая (1,35)

Принц въехал в столицу Зари ближе к концу дня верхом на белой кобыле и поехал по широкой улице Сурья; сотня его вассалов сгрудилась позади, его советник Страк ехал по левую руку от него; кривую саблю в ножнах и часть его богатства в сумках несли вьючные лошади.

Жара накаляла тюрбаны путников, расплывалась позади и снова поднималась с дороги.

Навстречу медленно ехала колесница; возничий искоса взглянул на знамя, которое нес глава слуг; куртизанка стояла у входа в свой шатер и смотрела на уличное движение; свора дворняжек с лаем бежала за лошадьми.

Принц был высок, его усы были цвета дыма. На темных кофейного цвета руках выступали набухшие вены. Но держался он прямо, а глаза его, светлые, волнующие, напоминали глаза древней птицы.

Впереди собралась толпа, глазеющая на проходящий отряд. На лошадях ездили только те, кому это было по карману, а столь богатыми были немногие. Обычным верховым животным был слизард — чешуйчатое существо со змеиной шеей, со множеством зубов, с сомнительным происхождением, коротким жизненным циклом и скверным характером; у лошадей по каким-то причинам за последние десятилетия увеличилась бесплодность.

Принц ехал по столице Зари; жители наблюдали.

Вскоре отряд свернул на более узкую улицу и поехал мимо низких торговых зданий, больших магазинов, крупных купцов, мимо банков, храмов, гостиниц, борделей. Наконец, они доехали до начала делового района и до роскошной гостиницы Хауканы, Самого Лучшего Хозяина. У ворот они натянули поводья, потому что сам Хаукана стоял снаружи, просто одетый, полный, улыбающийся, желая лично провести в ворота его белую кобылу.

— Добро пожаловать, господин Сиддхарта! — сказал он громко, чтобы все уши могли узнать личность гостя. — Добро пожаловать в эту соловьиную округу, ароматные сады и мраморные залы этого скромного

заведения! Приветствую также и твоих всадников, которые проехали с тобой немалый путь и, без сомнения, найдут здесь отдых и достойный прием, как и ты сам. У меня ты найдешь все, что тебе нравится, как бывало много раз в прошлом, когда ты живал в этих залах с другими знатными гостями и благородными посетителями, слишком многочисленными для перечисления...

— И тебе добрый вечер, Хаукана! — крикнул принц, потому что день был жаркий, а речь хозяина гостиницы текла, как река, и могла литься вечно. — Впусти нас поскорее в эти стены, где среди прочих качеств, слишком многочисленных для перечисления, есть также и прохлада.

Хаукана быстро поклонился и, взяв под уздцы белую кобылу, провел ее через ворота во двор; он придерживал стремя, пока принц не спешился, а затем передал лошадей конюху и послал мальчишку подмести улицу.

В гостинице гости первым делом вымылись, стоя в мраморной ванне, в то время как слуги лили им воду на плечи. Затем они умастили себе кожу, по обычаю касты воинов, надели свежую одежду и прошли в обеденный зал.

Трапеза тянулась до вечера, до тех пор, пока воины потеряли счет блюдам. Принц сидел во главе длинного низкого стола. Направо от него три танцора вели сложный танец, позванивая цимбалами; выражение их лиц точно соответствовало каждому моменту танца, а четыре музыканта под вуалями исполняли подходящую старинную музыку. Стол был покрыт богато вытканными скатертями с изображениями охоты и сражений: всадники на слизардах и лошадях поражали копьями и стрелами крылатую панду, огненного петуха и растение с драгоценными стручками; зеленые обезьяны боролись на вершинах деревьев; птица Гаруда держала в когтях небесного демона и била его клювом и крыльями; из глубин моря вылезала армия рогатых рыб, зажимавших в соединенных плавниках розовые кораллы и глядевших на строй людей в камзолах и шлемах; те копьями и факелами препятствовали рыбам выйти на берег.

Принц ел очень умеренно. Он слушал музыку, иногда смеялся шуткам своих людей. Он потягивал шербет, кольца его звякали о стекло чаши.

Рядом возник Хаукана.

— Все ли хорошо, господин?

— Да, добрый Хаукана, все хорошо, — ответил принц.

— Ты ешь не так, как твои люди. Тебе не нравится пища?

— Пища великолепна и приготовлена отменно, дорогой хозяин. Тут, скорее, виноват мой аппетит, он плох в последнее время.

— А! — понимающе сказал Хаукана. — У меня есть особенная вещь! И только ты сумеешь правильно оценить ее. Она очень давно стоит на особой полке в моем погребе. Бог Кришна каким-то образом сумел сохранить ее в веках. Он дал мне ее много лет тому назад, потому что здешний приют не показался ему неприятным. Я сейчас принесу ее тебе.

Он поклонился и вышел.

Вернулся он с бутылкой. Принц, даже не видя этикетки, узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Именно, — сказал Хаукана. — Привезено очень давно из исчезнувшей Уратхи.

Он понюхал пробку и улыбнулся, затем налил немного в грушевидный стаканчик и поставил перед гостем.

Принц поднял стаканчик и вдохнул букет. Затем сделал медленный глоток и закрыл глаза.

В зале затихли из уважения к удовольствию принца.

Когда он поставил стаканчик, Хаукана снова налил сок винограда «Черный пино», который в этой стране не произрастал.

Принц не дотронулся до стаканчика, а повернулся к Хаукана и спросил:

— Кто старший музыкант в этом доме?

— Манкара, — ответил хозяин, указывая на седого мужчину, присевшего за служебный стол в углу.

— Он стар не телом, а годами, — сказал принц.

— О, тогда это Дель, если его можно считать музыкантом. Он говорит, что когда-то был им.

— Кто это — Дель?

— Мальчик при конюшне.

— А, понятно. Пошли за ним.

Хаукана хлопнул в ладони и приказал появившемуся слуге сходить на конюшню, привести грума в приличный вид и срочно доставить к обедающим.

— Прошу тебя, не трудись приводить его в приличный вид, пусть просто придет сюда, — сказал принц.

Он откинулся на сиденье и ждал, закрыв глаза. Когда грум предстал перед ним, он спросил мальчика:

— Дель, какую музыку ты исполнял?

— Ту, которую больше не хотят слушать брамины, — ответил мальчик.

— Какой инструмент у тебя был?

— Фортепьяно.

— А мог бы ты сыграть на каком-нибудь из этих?

Принц показал на инструменты, стоявшие на небольшой платформе у стены.

Мальчик повернул к ним голову.

— Я мог бы, вероятно, сыграть на флейте, если бы она у меня была.

— Ты знаешь какие-нибудь вальсы?

— Да.

— Не сыграешь ли мне «Голубой Дунай»?

Угрюмое выражение лица мальчика исчезло, и на нем появилось смущение. Он бросил быстрый взгляд на Хаукана; тот кивнул.

— Сиддхарта — принц среди людей, он из Первых, — констатировал хозяин.

— «Голубой Дунай» на флейте?

— Если можешь.

Мальчик пожал плечами.

— Попробую. Это было страшно давно... Отнеситесь ко мне терпеливо.

Он подошел к инструментам и прошептал что-то собственнику выбранной им флейты. Человек кивнул. Мальчик поднес флейту к губам. Он извлек несколько пробных нот, сделал паузу, повторил пробу, затем повернулся, и началось трепетное движение вальса. Пока он играл, принц пил свое вино.

Когда мальчик остановился перевести дух, принц сделал ему знак продолжать. И мальчик играл одну запретную мелодию за другой. Лица музыкантов-профессионалов выражали профессиональное презрение, но их ноги под столом постукивали в такт музыке.

Наконец, принц допил свое вино. Вечер подступил к городу Махартха. Принц бросил мальчику кошелек, но из-за слез на глазах не видел, как грум вышел из зала. Затем принц встал, прикрывая ладонью зевок.

— Я иду в свои комнаты, — сказал он своим людям. — Не проиграйте тут без меня свое наследие.

Все засмеялись, пожелали ему спокойной ночи и заказали для себя крепкой выпивки и соленых бисквитов. Уходя, он услышал стук игральных костей.

Принц рано лег и встал до зари. Он приказал слуге оставаться весь день у двери и не допускать к нему никого под предлогом его, принца, нездоровья.

Прежде чем первые цветы раскрылись для утренних насекомых, принц вышел из гостиницы, и его уход видел только старый зеленый попугай. Он ушел не в шелках, усыпанных жемчугом, а, как обычно в таких случаях, в лохмотьях. Ему не предшествовали раковины и барабаны, а только тишина, когда он шагал по туманным улицам города. Улицы были пусты, разве что иногда возвращались с позднего вызова врач или проститутка. Когда он проходил деловой район, направляясь к гавани, он заметил, что за ним увязалась бездомная собака.

Он сел на ящик у подножия пирса. Заря снимала с мира тьму; он смотрел на суда, качающиеся в приливе, на пустые, опутанные веревками паруса, на вырезанных на носу чудовище или девушку. В каждое свое посещение Махартхи он всегда приходил ненадолго в гавань.

Розовый зонт утра раскрылся под спутанными волосами облаков. Холодный ветер пронесся по докам. Хищные птицы хрипло кричали, огибая башни и устремляясь затем через бухту.

Он смотрел на удалявшийся в море корабль, на его парусиновые крылья, поднимающиеся острыми силуэтами и исчезающие в соленом воздухе. На борту других судов, стоящих на якоре, начиналось движение, команды готовились грузить или разгружать грузы благовоний, кораллов, масла и прочих товаров вроде металла, скота, дерева и пряностей. Он вдыхал запах торговли, слушал ругань матросов и восхищался тем и другим: от первых

разило богатством, а вторые объединяли две главные заботы принца — теологию и анатомию.

Через некоторое время он заговорил с иноземным морским капитаном, наблюдавшим за выгрузкой мешков с зерном и теперь отдыхавшим в тени ящиков.

— Доброе утро, — сказал принц. — Да минуют вас шторм и кораблекрушения, и пусть боги даруют вам безопасную гавань и хороший рынок.

Капитан кивнул, присел на ящик и стал набивать глиняную трубку.

— Спасибо, старик, — сказал он. — Хотя я молюсь богам храмов по собственному выбору, я принимаю благословения от всех других. Благословение всегда полезно, особенно морякам.

— У тебя было трудное путешествие?

— Менее трудное, чем могло быть, — ответил капитан. — Эта дымящаяся морская гора, Пушка Ниррити, снова выпустила свои снаряды в небо.

— А, ты плыл с юго-запада?

— Да. Чатистан, из Айспера-за-морем. Ветер хорош в это время года, но именно поэтому он и несет пепел Пушки дальше, чем можно думать. Шесть дней на нас падал черный снег, запах подземного мира преследовал нас, портил пищу и воду, глаза наши слезились, горло жгло. Мы принесли много благодарственных жертв, когда наконец вышли оттуда. Видишь, какой грязный корпус? А поглядел бы на паруса: черные, как волосы Ратри!

Принц наклонился, чтобы лучше разглядеть судно.

— Но особенного волнения не было? — спросил он.

Моряк покачал головой.

— Мы окликнули крейсера возле Соленого Острова и узнали, что на шесть дней опоздали к самому скверному выстрелу Пушки. Тогда горели облака и поднялись страшные волны. Затонули два корабля, а возможно, и третий. — Моряк закурил свою трубку. — Так что, как я говорил, благословение всегда полезно морякам.

— Я ищу одного моряка, — сказал принц. — Капитана. Зовут его Ян Ольвигг, теперь он, возможно, известен как Ольвагга. Ты не знаешь его?

— Знаю, — сказал моряк, — но прошло много времени с тех пор, как он плавал.

— Да? Что с ним сталось?

Моряк повернул голову, чтобы лучше рассмотреть принца.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Меня зовут Сэм. Ян очень старый мой друг.

— Насколько давний?

— Много, очень много лет назад в другом месте я знал его, когда он был капитаном корабля, который не заплывал в эти океаны.

Капитан вдруг нагнулся, схватил кусок деревяшки и швырнул в собаку, огибавшую сваи с другой стороны пирса. Собака взвизгнула и отскочила под защиту склада. Это была та самая собака, что шла за принцем от гостиницы Хаукана.

— Берегись адских собак, — сказал капитан. — Есть собаки и собаки... и собаки. Три разных сорта, и всех их тянет в этот порт твое присутствие. Твои руки, — он сделал жест рукой, — недавно носили много колец. Их следы еще остались.

Сэм глянул на свои руки и улыбнулся.

— Твои глаза ничего не упустят, моряк, — ответил он, — так что я признаю очевидное. Я недавно носил кольца.

— Стало быть, ты, как и собаки, не тот, кем кажешься, и ты пришел спрашивать насчет Ольвагги, своего самого старинного друга. Тебя зовут, как ты сказал, Сэм. Ты случайно не из Первых?

Сэм ответил не сразу, а вглядывался в моряка, как бы ожидая, не скажет ли тот что-нибудь еще.

Видимо поняв это, капитан продолжал:

— Ольвагга я знаю, считался из Первых, хотя сам он никогда не говорил этого. Если ты из Первых, либо из Мастеров, ты это знаешь, так что я не выдал его, сказав так. Однако я хочу знать, с кем я говорю — с другом или с врагом.

Сэм нахмурился.

— Ян никогда не умел наживать врагов. А судя по твоим словам, теперь у него есть враги среди тех, кого ты называешь Мастерами.

Моряк продолжал пристально смотреть на него.

— Ты не Мастер, — наконец сказал он. — И ты пришел издалека.

— Ты прав, — сказал Сэм, — но как ты узнал это?

— Во-первых, ты старик. Мастер тоже МОГ БЫ иметь старое тело, но он не пожелает этого, так же как не захочет на долгое время оставаться собакой. Слишком силен его страх перед реальной смертью, которая иногда внезапно поражает стариков. Поэтому он не остался бы так долго старым, чтобы кольца врезались ему в пальцы. Богатые никогда не лишаются своих тел. Если они отказываются от нового рождения, они живут полный виток своей жизни. Мастера побоятся поднять оружие против сторонников такого человека, даже если встретят его одного. Так что такое тело, как у тебя, нельзя получить таким способом. А тело из отбросов общества никогда не имеет отметок на пальцах. Следовательно, я считаю тебя человеком другой значимости, не Мастером. Если ты знал Ольваггу в давние времена, значит, ты тоже из Первых, как и он. И считаю я тебя человеком издалека как раз из-за того, какую информацию ты ищешь. Будь ты из Махартхи, ты знал бы о Мастерах, ты знал бы, почему Ольвагга не может плавать.

— Ты, похоже, знаешь о делах в Махартхе больше, чем я, о, только что прибывший моряк.

— Я тоже издалека, — чуть улыбнувшись, сказал капитан. — Но за двенадцать месяцев я могу посетить в два раза больше портов. Я слышу новости, и слухи, и рассказы отовсюду — больше чем из двух дюжин портов. Я слышу о дворцовых интригах и о делах Храма. Я слышу тайны, которые шепчут ночью прекрасные девушки под сахарным тростником

Камы. Я слышу о компаниях кшатрий и о сделках крупных торговцев, знаю насчет будущего урожая зерна, насчет пряностей, драгоценных камней и шелка. Я пью с бардами и астрологами, с актерами и слугами, с угольщиками и портными. Иногда я случайно натыкаюсь на порт, где побывали пираты, и узнаю цену тех, за кого они требуют выкуп. Поэтому не удивляйся, что я, прибывший издалека, знаю больше о Махартхе, чем ты, живущий, возможно, за неделю пути отсюда. Иной раз я слышу даже о деяниях богов.

— Тогда не можешь ли ты рассказать мне о Мастерах и почему они считаются врагами? — спросил Сэм.

— Кое-что о них могу рассказать, чтобы ты не ходил непредупрежденным. Основная часть купцов теперь состоит из Мастеров Кармы. Их личные имена держатся в секрете, как принято у богов, так что они безличны, как Великое Колесо, которое они якобы представляют. Теперь они не просто купцы, они связаны с Храмами. Они тоже измененные, потому что твои родичи Первые, которые стали теперь богами, общаются с ними с Неба. Если ты действительно Первый, Сэм, твой путь поведет тебя либо к обожествлению, либо к уничтожению, когда ты встретишься с этими новыми Мастерами Кармы.

— А каким образом?

— Подробности ищи в другом месте, — сказал моряк. — Я не знаю, где делаются эти вещи. Поспрашивай Янагга, парусного мастера на улице Ткачей.

— Так теперь зовут Яна?

Капитан кивнул.

— И опасайся собак, — сказал он, — или, коль на то пошло, любого животного, кто может скрывать в себе разум.

— Как зовут тебя, капитан?

— В этом порту у меня вообще нет имени либо оно фальшивое, а у меня нет причин врать тебе. Прощай, Сэм.

— Прощай, капитан. Спасибо тебе за твои слова.

Сэм встал и пошел из гавани, направляясь обратно к деловому району и торговым улицам.

Солнце красным диском поднималось навстречу Мосту Богов. Принц шел по проснувшемуся городу среди палаток мелких ремесленников. Разносчики притираний, пудры, духов и масел двигались вокруг него. Цветочницы махали прохожим своими букетами и корсажами. Виноторговцы молчали, сидя со своими бурдюками на длинных скамейках, и ожидали постоянных покупателей. Утро пахло смесью еды, мускуса, нечистот, масел, благовоний, и казалось, будто идешь в невидимом облаке.

Поскольку принц был одет, как нищий, вполне уместным казалось, что он остановился и заговорил с горбуном, державшим чашку для подаяния.

— Привет, брат, — сказал он, — я зашел далеко от своего квартала и заблудился. Не укажешь ли мне дорогу к улице Ткачей?

Горбун кивнул и намекающе покачал чашкой.

Принц извлек из потайного кармана под лохмотьями мелкую монету и бросил ее в чашку. Монета тут же исчезла.

— Туда, — махнул головой горбун. — Пройдешь три улицы и повернешь налево. Пройдешь еще три улицы и увидишь Круг Фонтана перед храмом Варуны. Войди в этот Круг. Улица Ткачей отмечена знаком шила.

Принц кивнул горбуну, похлопал его по горбу и продолжал путь.

Дойдя до Круга Фонтана, он остановился. Несколько десятков людей стояло движущейся линией перед храмом Варуны, самого старого и величественного из всех божеств. Эти люди не собирались войти в храм, а были приглашены на какое-то занятие, которое требовало ожидания. Он услышал звон монет и подошел поближе.

Все двигались мимо большой сверкающей металлической машины.

Человек бросил монету в пасть стального тигра. Машина замурлыкала. Он нажал кнопки в виде животных и демонов. Вспышка света прошла во всю длину Нагов, двух священных змей, огибающих прозрачный свод машины.

Принц подошел еще ближе.

Человек потянул рычаг, напоминающий рыбий хвост.

Священный голубой цвет заполнил машину изнутри; змеи вспыхнули красным; в свете и при тихой молитве началось действие, выскочило молитвенное колесо и завертелось со страшной силой.

Лицо человека выражало блаженство. Через несколько минут машина остановилась. Он вложил другую монету и снова потянул за рычаг, что вызвало громкий ропот тех, кто стоял в конце линии; говорили, что это уже седьмая его монета, что день жаркий, что другие тоже хотят принести молитву, и почему бы ему не войти в храм и не отдать столь большой дар прямо в руки жрецов? Кто-то возразил, что маленькому человечку явно надо загладить слишком многое. Тут же начались рассуждения о возможной природе его грехов. Все это сопровождалось громким смехом.

Увидев в очереди нескольких нищих, принц подошел к ее концу и встал. Пока очередь продвигалась, он заметил, что некоторые, проходя перед машиной, нажимают кнопки, а другие просто опускают плоский металлический диск в пасть второго тигра на противоположной стороне постамента. Когда машина останавливалась, диск выпадал в чашу и забирался его владельцем.

Принц рискнул спросить и обратился к стоящему перед ним:

— Почему у некоторых свои диски?

— Потому что эти люди зарегистрированы, — ответил тот, не оборачиваясь.

— В Храме?

— Да.

— А-а.

Принц подождал полминуты и снова спросил:

— А незарегистрированные, но желающие пользоваться машиной, нажимают кнопки?

— Да, — ответил тот, — написав свое имя, адрес, род занятий.

— А если человек гость, как я, например?

— Добавишь название своего города.

— А если человек неграмотный, как вот я, тогда как?

Человек повернулся к нему.

— Тебе, наверное, лучше заказать молитву по-старому и отдать пожертвование прямо в руки жрецов. А то — зарегистрируйся и получишь диск.

— Понятно, — сказал принц. — Да, ты прав. Я подумаю. Спасибо тебе.

Он вышел из ряда и обогнул фонтан. На столбе висел знак шила. Принц пошел по улице Ткачей.

Три раза он спрашивал, где живет Янагга, парусный мастер; в третий раз у невысокой женщины с мощными плечами и с усиками, которая сидела, поджав ноги, и плела коврик в палатке под низким навесом, бывшей, вероятно, когда-то стойлом и до сих пор сохранившей соответствующий запах.

Она посмотрела на него снизу вверх удивительно приятными бархатными карими глазами и рыкающим голосом объяснила, куда идти. Он пошел в указанном ею направлении по извилистому переулку и дошел до открытой двери в подвал. Внутри было темно и сыро.

Он постучал в третью дверь налево, и через некоторое время дверь открылась.

Перед ним вырос человек.

— Да?

— Могу я войти? У меня важное дело...

Человек поколебался, затем резко кивнул и отступил в сторону, давая проход.

Принц вошел в комнату. На полу был разостлан большой кусок парусины. Человек сел на табуретку и указал принцу на единственный в комнате стул.

Человек был невысок и широк в плечах; волосы полностью седые, зрачки помутнели от начинающейся катаракты; руки были темные, загрубевшие, с узловатыми пальцами.

— Да? — повторил он.

— Ян Ольвигг, — сказал принц.

Глаза старика расширились, затем сузились до щелочек. Он взвесил в руке ножницы.

— «Долог путь до Типпирери», — сказал принц.

Человек взглянул на него и вдруг улыбнулся.

— «Долог путь до милой Мэри», — сказал он, кладя ножницы на станок. — Когда это было, Сэм?

— Я потерял счет годам.

— Я тоже. Но, наверное, прошло лет сорок или сорок пять, как мы не виделись.

Сэм кивнул.

— По правде сказать, не знаю, с чего начать, — сказал человек.

— Для начала скажи, почему «Янагга»?

— А почему бы и нет? Имя достаточно убедительное. В нем звучит нечто от рабочего класса. А как ты? Все еще ходишь в принцах?

— Все еще хожу, — сказал Сэм. — И меня все еще называют Сиддхартой, когда окликают.

Старик хихикнул.

— И «Связавший Демонов», — процитировал он. — Очень хорошо. Поскольку твой наряд не соответствует твоему богатству, я заключаю, что ты, по своей привычке, разыгрываешь спектакль?

Сэм кивнул.

— И я столкнулся со многим, чего не понимаю.

— Да-а, — вздохнул Ян. — Да. Так с чего мне начать? Расскажу о себе, как... Я набрал слишком много дурной Кармы, чтобы быть уверенным в перемещении.

— Что?

— Дурная Карма, говорю. Древняя религия не просто религия, а разоблачающая и пугающая наглядная религия. Но о последней части не говори вслух. Лет двенадцать тому назад Совет разрешил использовать психозонды на тех, кто просил возрождения; это было сразу после акселерационистско-демократического раскола, когда Святая Коалиция прижала техников и сохранила право на подавление. Простейшее решение, чтобы пережить проблему. Храмовников заставили иметь дело с корпорацией торговцев, клиентам запудрили мозги, акселерационистам отказали в возрождении или ну, в общем, вроде этого. Так что теперь акселерационистов не слишком много, но это только начало. Боги быстро поняли, что в этом и заключается путь власти. Сканирование наших мозгов перед пересадкой стало стандартной процедурой. Корпорация купцов стала Мастерами Кармы и частью структуры Храма. Они читают твою прошлую жизнь, взвешивают Карму и определяют твою последующую жизнь. Это превосходный метод для поддержки кастовой системы и укрепления теократического контроля. Таким образом, большая часть наших старых знакомых получила нимб.

— Бог, — сказал Сэм.

— Во множественном числе, — поправил Ян. — Они всегда считались богами с их Атрибутами и Аспектами, но теперь это стало страшно официальным. И любому из тех, кому повезло быть Первым, чертовски необходимо твердо знать, желает ли он быстрого обожествления или погребального костра, на который он взойдет в Зале Кармы. Когда у тебя встреча?

— Завтра днем, — ответил Сэм. — Но почему ты все еще ходишь кругом и у тебя нет ни ореола, ни горсти громовых стрел?

— Потому что у меня есть пара друзей, и оба они намекали мне, что

лучше прожить жизнь спокойно, чем встретиться с зондом. Я принял к сердцу их мудрый совет и поэтому продолжаю латать паруса и иной раз шумлю в местных кабачках. Кроме того, — он поднял узловатую руку и щелкнул пальцами, — если не реальная смерть, то, возможно, тело, изъеденное раком, или интересная жизнь кастрированного водяного буйвола, или...

— Собака? — спросил Сэм.

— Именно, — ответил Ян и наполнил два стаканчика спиртным.

— Спасибо.

— Прямо адский огонь.

— Да еще на пустой желудок... Ты сам его делаешь?

— М-да. Перегонный аппарат в соседней комнате.

— Поздравляю. Если бы у меня была плохая Карма, все это было бы теперь разобрано.

— Плохая Карма — это то, что не нравится нашим друзьям — богам.

— А почему ты думаешь, что она у тебя есть?

— Я хотел начать изучение машин с нашими здешними потомками. Обратился в Совет, получил отказ и надеялся, что об этом забудут. Но акселерационализм теперь так далеко загнан, что не возродится за время моей жизни. Очень жаль. Я хотел бы снова поднять парус и уплыть к другим горизонтам. Или поднять самолет...

— Зонд и в самом деле достаточно чувствителен, чтобы уловить что-то столь запутанное, как положение акселерационалиста?

— Зонд, — ответил Ян, — достаточно чувствителен и скажет, что ты ел на завтрак одиннадцать лет назад и как ты утром порезался при бритье, напевая андоррский национальный гимн.

— Они делали эксперименты, когда мы оставили... дом, — сказал Сэм. — Мы с тобой осуществили тогда весьма хорошую основу трансляторов мозговых волн. Когда произошел прорыв?

— Был у меня дальний родственник, — сказал Ян. — Ты помнишь сопливого щенка сомнительного происхождения третьего поколения по имени Яма? Щенка, который вечно увеличивал мощность генераторов, пока один из них не взорвался и Яма так обгорел, что получил второе тело — лет на пятьдесят старше — когда ему было всего шестнадцать? Щенка, обожавшего оружие? Парня, который анестезировал и расчленял все, что двигалось, и делал это с таким удовольствием, что мы прозвали его Богом Смерти?

— Да, я помню его. Он все еще жив?

— Да, если хочешь так назвать это. Он теперь и в самом деле бог смерти — это уже не прозвище, а титул. Он усовершенствовал зонд сорок лет назад, но децкраты положили его под сукно до недавнего времени. Я слышал, что он придумал еще какое-то маленькое ювелирное изделие для служения воле богов... что-то вроде механической кобры, способной регистрировать энцефалограммы на расстоянии в милю. Она может ужалить человека в толпе, в каком бы теле он ни был. Противоядия нет. Четыре

секунды — и все... Или огненный жезл, который, говорят, может содрать поверхность всех трех лун, в то время как Бог Агни стоит на берегу, размахивая этим жезлом. И, как я слышал, он проектирует сейчас реактивный джаггернаут для Бога Шивы... что-то вроде этого.

— Ого! — воскликнул Сэм.

— Ты пройдешь испытание? — спросил Ян.

— Боюсь, что нет. Скажи-ка, я сегодня видел машину, которую лучше всего было бы назвать молитвенным ковриком, — они что, в ходу?

— Да. Они появились года два назад; ее придумал молодой Леонардо однажды ночью после стаканчика сомы. Теперь, когда идея Кармы стала модной, эти вещи лучше кружки для пожертвований. Когда господин горожанин предстает лично в клинике бога, выбранной им в канун своего шестидесятилетия, считается, что его молитва будет рассмотрена с учетом его греха при решении, в какую касту войдет, а также пол, возраст и здоровье тела, которое он получит. Мило. Ловко придумано.

— Я не пройду испытания, — сказал Сэм, — даже если воздвигну мощный молитвенный счет. Они поймают меня, когда дело коснется греха.

— Какого рода грех?

— Я еще только собираюсь его совершить, но он записан у меня в мозгу, поскольку я его обдумывал.

— Хочешь выступить против богов?

— Да.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Начну, однако, с контакта с ними. Кто их глава?

— Одного назвать не могу. Правит Тримурти — Брама, Вишну, Шива. Но кто из них главнее в данный момент — не могу сказать. Кое-кто думает, что Брама.

— Но кто они — по-настоящему?

Ян покачал головой.

— Не знаю. У всех у них не те тела, что были лет тридцать назад. И все пользуются именами богов.

Сэм встал.

— Я вернусь попозже или пришлю за тобой.

— Надеюсь... Выпьешь еще?

Сэм покачал головой.

— Я должен еще раз стать Сиддхартой, разговеться в гостинице Хаукана и объявить о своем намерении посетить Храмы. Если наши друзья стали теперь богами, они наверняка общаются со своими жрецами. Сиддхарта идет молиться.

— Только не упоминай в молитве меня, — сказал Ян, наливая еще стаканчик. — Я не знаю, останусь ли жив после божественного посещения.

Сэм улыбнулся.

— Они не всемогущи.

— Надеюсь, что нет, но боюсь, что скоро достигнут этого.
— Счастливого плавания, Ян.
— К чертям.

Принц Сиддхарта остановился на улице Кузнецов по пути к храму Брамы. Через полчаса он вышел из мастерской в сопровождении Страка и двух слуг. Улыбаясь, словно ему было видение, что произойдет, он прошел через центр Махартхи и, наконец, появился у высокого, обширного Храма Творца.

Не обращая внимания на тех, кто стоял у молитвенной машины, он поднялся по длинной пологой лестнице, чтобы встретиться у входа в храм с главным жрецом, которого он заранее известил.

Сиддхарта и его люди вошли в Храм, разоружились и почтительно поклонились Центру помещения, прежде чем обратиться к жрецу.

Страк и остальные держались на расстоянии, когда принц положил тяжелый кошелек в руки жреца и тихо сказал:

— Я хотел бы поговорить с Богом.

Жрец внимательно вгляделся в лицо принца.

— Храм открыт для всех, господин мой Сиддхарта, и каждый может общаться с Небом, сколько пожелает.

— Я не совсем это имел в виду, — сказал Сиддхарта, — я думал о чем-то более личном, чем жертвоприношение и долгая молитва.

— Я не вполне понимаю...

— Но ты понимаешь тяжесть этого кошелька? В нем серебро. Однако у меня есть и другой — с золотом, его тоже можно передать. Я хочу воспользоваться твоим телефоном.

— Теле?..

— Коммуникационной системой. Если ты из Первых, как я, ты должен понимать мой намек.

— Я не...

— Уверяю тебя, что мой звонок ничем не повредит твоему главенству здесь. Я знаю эти дела, и моя скромность всегда была притчей во языцех среди Первых. Вызови сам Первую Базу и справься, если тебе так легче. Я подожду в другой комнате. Скажим им, что Сэм хочет поговорить с Тримурти. Они согласятся.

— Я не знаю...

Сэм достал второй кошелек и взвесил его на руке. Глаза жреца упали на кошелек, и он облизал губы.

— Подожди здесь, — сказал он и, повернувшись, вышел.

Или пятая нота арфы гудела в Садах Пурпурного Лотоса.

Брама обретался на краю горячего бассейна, где он купался со своим гаремом. Глаза его, казалось, были закрыты, он опирался локтями о край, а ноги покачивались в воде.

Но из-под длинных ресниц он следил за дюжиной девушек в бассейне,

надеясь увидеть, как кто-нибудь бросит оценивающий взгляд на его темное, с тяжелыми мышцами, длинное тело. Черные усы блестели во влажном беспорядке, волосы черным крылом падали на спину. Он улыбался ясной улыбкой в солнечном свете.

Но никто из девушек, похоже, не замечал его, и его улыбка смялась и ушла. Все их внимание было поглощено игрой в водное поло.

Или колокольчик связи зазвонил снова, когда искусственный ветерок донес запах садового жасмина до ноздрей Брамы. Брама вздохнул. Он так хотел, чтобы девушки поклонялись ему, его физической мощи, его тщательно вылепленным чертам лица. Поклонялись как мужчине, а не как богу.

Но, хотя его специально усовершенствованное тело было способно на подвиги, недоступные простому смертному, он все-таки чувствовал себя неловко в присутствии этой старой полковой лошади — Бога Шивы, который, несмотря на приверженность к нормальной человеческой матрице, был куда более привлекательным для женщин. Создавалось впечатление, что пол как бы переходит пределы биологии: как ни старался Брама подавить память и разрушить часть духа, он родился женщиной и каким-то образом все еще ею оставался. Зная это, он несколько раз перевоплощался в чрезвычайно мужественного человека, но все равно чувствовал некоторую неадекватность, как будто признак его истинного пола был выжжен на его лбу. От этого ему хотелось топать ногами и гримасничать.

Он встал и поплелся к своему павильону мимо низкорослых, причудливо изогнутых с какой-то гротескной красотой деревьев, мимо шпалер, качающихся в утреннем свете, прудов с голубыми водяными лилиями ниток жемчуга, свисающих с колец белого золота, мимо ламп, сделанных в виде девушек, треножников, где курились пряные благовония, мимо восьмирукой статуи голубой богини, которая играла на вине[1], когда ее должным образом просили.

Брама вошел в павильон, приблизился к хрустальному экрану, вокруг которого обвивался бронзовый Наг, державший хвост в зубах, и включил отвечающий механизм.

Сначала на экране появился снегопад статических помех, а затем — изображение верховного жреца его Храма в Махартхе. Жрец упал на колени и трижды коснулся пола своей кастовой отметкой.

— Из четырех рангов богов и восемнадцати хозяев Рая самый великий — Брама, — сказал жрец. — Создатель мира, Господин высоких Небес и всего, что находится под ними. Весенний лотос выходит из твоего пупка, руки твои вспенивают океаны, в трех шагах твоих ног заключены все миры. Барабан твоей славы бьет ужасом в сердце твоих врагов. На твоей правой руке колесо закона. Ты связываешь катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой. Славься! Выслушай благосклонно мольбу твоего жреца. Благослови меня и услышь меня, Брама!

---

[1] Вина — струнный музыкальный инструмент.

— Встань, жрец, — сказал Брама, забыв его имя. — Какое дело великой важности заставило вызывать меня?

Жрец встал, бросил быстрый взгляд на мокрую фигуру Брамы и снова опустил глаза.

— Господин, — сказал он, — я не стал бы вызывать тебя в то время, как ты купаешься, но здесь сейчас один из твоих почитателей. Он хотел бы поговорить с тобой о деле, которое, как я полагаю, должно быть очень важным.

— Почитатель? Скажи ему, что всеслышащий Брама слышит все, и вели ему молиться мне обычным манером в Храме!

Рука Брамы потянулась к выключателю, но остановилась.

— Откуда он знает о линии Храм—Небо? И о прямой связи с богами?

— Он сказал, — ответил жрец, — что он из Первых и что я должен передать, что Сэм хочет говорить с Тримурти.

— Сэм, — сказал Брама. — Сэм? Не может же он быть... тем Сэмом!

— Он известен в окрестностях как Сиддхарта, Связавший Демонов.

— Иди, — сказал Брама, — и пой все подходящие стихи из Вед.

— Слушаю, мой господин, — ответил жрец и запел.

Брама пошел в другую часть павильона и встал перед гардеробом, решая, что надеть.

Принц, услышав свое имя, отвлекся от созерцания внутреннего убранства Храма. Жрец, имя которого он забыл, поманил его в коридор. Он пошел за жрецом и очутился в складе. Жрец нашарил потайную щеколду, потянул вверх ряд полок и открыл что-то вроде дверки.

Принц вошел через нее и оказался в богато убранной гробнице. Сияющий видеоэкран, окруженный бронзовым Нагом, зажавшим хвост зубами, висел над алтарем — контрольной панелью.

Жрец трижды поклонился.

— Славься, правитель мира, могущественнейший из четырех рангов богов и восемнадцати хозяев Рая! Из твоего пупка вырастает лотос, твои руки вспенивают океаны, в трех шагах...

— Я подтверждаю истину твоих слов, — ответил Брама. — Тебя благословили и выслушали. Теперь можешь оставить нас.

— ...

— Сэм, без сомнения, заплатил тебе за частную линию?

— Господин...

— Ну, хорошо! Уходи!

Жрец быстро поклонился и вышел, задвинув за собой полки.

Брама оглядел Сэма, на котором были брюки для верховой езды, небесно-голубая рубаха, сине-зеленый тюрбан Уратхи и пояс черного железа с пустыми ножнами на нем.

Сэм в свою очередь оглядел Браму. Поверх легкой кольчуги на нем был накинут плащ из перьев, застегнутый у шеи пряжкой из огненного опала. На голове у Брамы была пурпурная корона, усеянная мерцающими

аметистами; в правой руке скипетр с девятью камнями-покровителями. Глаза его казались двумя черными пятнами на темном лице. Вокруг него возникло нежное звучание вины.

— Сэм? — спросил Брама.

Принц кивнул.

— Я пытаюсь угадать твою истинную сущность, господин мой Брама, но, признаться, не могу.

— Так и должно быть, — сказал Брама, — и всегда будет, когда речь идет о боге.

— Наряд у тебя шикарный. Просто блеск.

— Благодарю. Мне трудно поверить, что ты еще существуешь. Кстати, я вижу, что ты за полстолетия не искал нового тела; это взято совершенно случайно.

Сэм пожал плечами.

— Жизнь полна случайностей, риска, неопределенности...

— Справедливо, — сказал Брама. — Прошу, бери стул и садись. Располагайся поудобнее.

Сэм так и сделал. Когда он снова поднял глаза, Брама сидел на высоком резном троне красного мрамора; такого же цвета зонт сиял над ним.

— Сидеть на нем, кажется, не особенно удобно, — заметил Сэм.

— Пенопластовые подушки, — с улыбкой ответил бог. — Можешь курить, если хочешь.

— Спасибо.

Сэм достал из поясного кармана трубку, набил ее, тщательно умял и закурил.

— Что ты делал все это время, — спросил бог, — с тех пор, как оставил насест Неба?

— Разводил собственные сады, — ответил Сэм.

— Ты мог бы пригодиться нам здесь в нашей гидропонной секции. Для этого дела, пожалуй, мог бы. Расскажи побольше о твоем пребывании среди людей.

— Тигры охотятся, королевства спорят с соседями о границах, мораль гаремов соблюдается, проводятся кой-какие ботанические исследования — все в таком роде, ткань жизни. Мои силы теперь ослабли, и я снова ищу юность. Но чтобы получить ее, мой мозг должен быть профильтрован. Это верно?

— Таков обычай.

— А что из этого получается, могу я спросить?

— Неправильный отпадает, правильный возвысится, — сказал бог, улыбаясь.

— Допустим, я неправильный. Как я отпаду?

— Тебе придется отрабатывать твой кармический груз в низшем теле.

— Нет ли у тебя легко читаемых диаграмм, показывающих процентное отношение отпавших и поднявшихся?

— Ты плохого мнения о моем всеведении, — сказал Брама, прикрывая

зевок скипетром. — Даже если бы я имел такие диаграммы, сейчас я забыл бы о них.

Сэм хихикнул.

— Ты, кажется, говорил, что тебе нужен садовник здесь, в Небесном Городе?

— Да. Ты считаешь, что подходишь для этой работы?

— Не знаю. Возможно, и подойду.

— А может, и нет?

— Может, и нет, — согласился Сэм. — В прежние времена не было никаких фокусов-покусов с человеческим мозгом. Если кто-то из Первых хотел возрождения, он платил за тело, и ему его выдавали.

— Теперь не старые времена, Сэм. До нового века рукой подать.

— Можно подумать, что ты добиваешься устранения всех Первых, которые не стоят за твоей спиной.

— Пантеон вмещает многих, Сэм. Там есть ниша и для тебя, если хочешь.

— А если не захочу?

— Тогда справься в зале Кармы насчет своего тела.

— А если я выберу божественность?

— Твой мозг не будет зондирован. Мастерам посоветую обслужить тебя быстро и хорошо. Летающая машина мигом доставит тебя на Небо.

— Стоит подумать, — сказал Сэм. — Я очень люблю ЭТОТ мир, хотя он и погряз в эпохе мрака. С другой стороны, такая любовь не даст мне радости, какой я желаю, если мне приказано умереть реальной смертью или стать обезьяной и бродить по джунглям. Но я также не очень обожаю искусственное превосходство, какое существовало в Небе, когда я последний раз посещал его. Дай мне минутку подумать.

— Я считаю подобную неуверенность нахальством, — сказал Брама, — когда человеку сделано такое предложение.

— Знаю, и я, вероятно, думал так же, если бы мы поменялись ролями. Но если бы я был богом, а ты — мной, я помолчал бы из милосердия, пока человек принимает важное решение, касающееся его жизни.

— Сэм, ты просто невозможен! Кто еще заставлял бы меня ждать, когда его бессмертие висит на волоске? Не собираешься ли ты торговаться со МНОЙ?

— Видишь ли, я происхожу из длинной линии торговцев слизардами и мне чертовски нужно кое-что.

— Что именно?

— Ответы на несколько вопросов, которые давно меня беспокоят.

— Каковы же эти вопросы?

— Как тебе известно, я ожидал заседаний Совета больше ста лет, потому что он начал длинные сессии, рассчитанные на отсрочки принятия решений, и для начала под предлогом фестиваля Первых. Теперь я ничего не имею против фестивалей. В сущности, за полтора столетия я ходил на них только затем, чтобы еще раз выпить доброго старого земного спиртного.

Но я чувствую, что мы должны что-то сделать для граждан, так же как и для отпрысков многих наших дел, а не оставлять бродить их по грязному миру и впадать в дикость. Я чувствую, что мы всей командой должны помочь им, дать им выгоды технологии, которую мы сберегли, а не строить из себя неприступный Рай, относясь к миру как к смеси игорного дома с бардаком. И я давно удивляюсь, почему это не сделано. По-моему, это отличный и справедливый способ управлять миром.

— Из этого я заключаю, что ты акселерационалист?

— Нет, — сказал Сэм. — Просто спрашиваю. Я любопытен, только и всего.

— Тогда ответ таков, — сказал Брама, — они не готовы. Если мы бы действовали сразу — тогда да, это можно было бы сделать. Но сначала нам было безразлично, а затем, когда встал этот вопрос, мы разошлись во взглядах. Слишком много времени прошло. Они не готовы и не будут готовы еще много столетий. Если им сейчас дать передовую технологию, последуют войны, результатом которых явится уничтожение начинаний, уже сделанных ими. Они пойдут далеко. Они начали строить цивилизацию на манер их предков. Но они все еще дети, и как дети будут играть с нашими дарами и будут сожжены ими. Они – НАШИ дети от наших давно умерших Первых, вторых, третьих и дальнейших тел, и мы, как родители, несем за них ответственность. Мы не должны позволить им ускорить индустриальную революцию и тем разрушить первое стабильное общество на этой планете. Мы лучше всего выполним свои родительские функции, если проведем людей через Храмы, как это мы и делаем. Боги и богини, по существу, фигуры родителей, так что, может быть, правильнее и справедливее, чем взять на себя их роли и хорошо сыграть их.

— Тогда зачем вы разрушаете их собственную детскую технологию? Печатный станок изобретался три раза, насколько я помню, и каждый раз уничтожался.

— По той же самой причине они к нему не готовы. И это было не настоящее изобретение, а скорее, воспоминание. Это была легендарная вещь, и кто-то решил ее повторить. Вещь должна появиться в результате факторов, уже присутствующих в культуре, а не быть вытащенной из прошлого, как кролик из шляпы.

— Похоже, что ты ставишь этому мощный заслон, Брама. Я делаю вывод, что твои фавориты ходят по планете туда-сюда и уничтожают все признаки прогресса, какие находят.

— Неправда, — сказал Брама. — По твоим словам выходит, что мы постоянно желаем этого груза божественности, стараемся поддерживать темный век, чтобы вечно находиться в изнуряющих условиях вынужденной божественности!

— В общем, да. А как насчет молитвенной машины, стоящей сейчас перед этим Храмом? Она ведь на одном уровне — в смысле культуры — с колесницей?

— Это совсем другое дело. Как божественное проявление, она держит

граждан в благоговейном страхе, и о ней не спрашивают по религиозным причинам. Это почти то же самое, что применить бездымный порох.

— А что, если какой-нибудь местный атеист утаит свои мысли и угонит ее, чтобы разобрать на части? Вдруг он окажется Томасом Эдисоном? Тогда как?

— В них хитрая комбинация запоров. Если кто-то, кроме жреца, откроет ее, машина взорвется вместе с человеком.

— Я обратил внимание, что вы не способны полностью подавить изобретения, хотя и пытаетесь. Вы прохлопали налог на алкоголь, который могли бы взымать Храмы.

— Человечество всегда искало облегчение в выпивке, — сказал Брама. — Она даже каким-то образом фигурировала в религиозных церемониях и от этого становилась меньшим грехом. По правде сказать, мы пытались сначала подавить ее, но быстро поняли, что не сможем. Так что взамен налога они получили наше благословение на выпивку. Меньше греха, меньше похмелья, меньше взаимных обвинений — это полезно, и налог нам не нужен.

— Даже удивительно, как много людей предпочитает нечестивое варево!

— Ты пришел просить, а сам насмехаешься. Я предложил ответить на твои вопросы, но не собирался спорить с тобой о деикратической политике. Не настроишь ли ты свой разум на мое предложение?

— Да, Мадлен, — сказал Сэм. — Тебе кто-нибудь говорил, как ты мила, когда злишься?

Брама соскочил с трона.

— Как ты мог? Как ты мог сказать такое? — завопил он.

— Вообще-то не мог — до этой минуты. Это была просто догадка, в какой-то мере основанная на твоей манере говорить и жестикулировать, которую я помню. Так что ты, в конце концов, добилась своей давнишней цели? Держу пари, что ты даже завел гарем. Ну и каково, мадам, стать настоящим конным заводом после того, как ты была девчонкой? Тебе позавидовала бы каждая девка на земле, если бы знала. Поздравляю.

Брама вытянулся во весь свой рост и засверкал. Трон пламенел за его спиной. Вина бесстрастно звенела. Он поднял скипетр.

— Готовься получить проклятие Брамы... — начал он.

— За что? — спросил Сэм. — За то, что я угадал твою тайну? Если я буду богом — какая разница? Другие, наверняка, знают об этом. Неужели ты злишься только из-за того, что я смог узнать о твоей истинной сущности, бросив маленькую приманку? Я предполагал, что ты больше оценишь меня, если я продемонстрирую тебе таким образом свой ум. Извини, если я оскорбил тебя.

— Не из-за того, что ты догадался, и даже не из-за манеры, в которой ты высказал свою догадку, — я проклинаю тебя за то, что ты насмехался надо мной.

— Насмехался? — повторил Сэм. — Не понял. Я не хотел быть

непочтительным. В прежние дни мы всегда были с тобой в хороших отношениях. Если ты чуточку подумаешь о тех временах, ты вспомнишь, что это правда. Зачем бы мне ставить под удар свое положение, насмехаясь над тобой?

— Потому что ты слишком быстро высказал то, что думал, не потрудившись подумать дважды.

— Нет, господин мой, я просто пошутил с тобой, как человек с человеком, когда они говорят о таких вещах. Мне жаль, если ты неправильно понял меня. Я уверен, что у тебя есть гарем, завидую и как-нибудь наверняка постараюсь ночью проникнуть в него. Если ты меня там захватишь, вот тогда и проклинай.

Он потянул из трубки и скрыл в дыму усмешку.

В конце концов Брама захихикал.

— Я немножко вспылил, твоя правда, — объяснил он, — и, возможно, излишне чувствителен к своему прошлому. Хорошо. Я и сам часто шутил так с другими. Я прощаю тебя. Я снимаю начало своего проклятия. И тогда ты решаешь принять мое предложение?

— Да.

— Хорошо. Я всегда питал к тебе братские чувства. Теперь иди и пришли мне моего жреца, я проинструктирую его насчет твоего возрождения. Мы с тобой скоро увидимся.

— Я надеюсь, господин мой Брама.

Сэм кивнул и отсалютовал трубкой. Затем он толкнул ряд полок и нашел во внешнем зале жреца. Различные мысли пронеслись у него в мозгу, но на этот раз он оставил их невысказанными.

В этот же вечер принц держал совет с теми из своих слуг, которые посещали своих родственников и друзей в Махартхе, и с теми, кто бродил по городу, собирая известия и слухи. От них он узнал, что в Махартхе всего десять Мастеров Кармы и все они живут во дворце на юго-западном склоне над городом. Они совершают визиты в клиники, читальные комнаты, храмы, куда граждане являются в суд, когда просят возрождения. Сам Зал Кармы был массивным черным зданием во внутреннем дворе их дворца; туда вызывали человека сразу после суда, чтобы переместить его в новое тело. Страк, один из двух советников принца, уходил в светлое время дня и делал зарисовки дворцовых укреплений. Двое придворных были посланы в город, чтобы передать приглашение на ужин старому Шэну из Ирабика, дальнему соседу Сиддхарты, с которым бок о бок сражался в трех кровавых битвах и иногда охотился на тигра. Шэн гостил у родственников, пока ожидал встречи с Мастерами Кармы. Другой человек был послан на улицу Кузнецов, где просил работников по металлу удвоить заказ принца и выполнить его к раннему утру. Он взял с собой дополнительную оплату, чтобы обеспечить их усердие.

Позднее в гостиницу Хаукана прибыл Шэн из Ирабика в сопровождении шести своих родственников, которые были из касты купцов, но вооружены

как воины. Увидев, что гостиница явно мирная и никто из гостей и посетителей не вооружен, они отложили в сторону свое оружие, а сами сели поближе к принцу.

Шэн был высок, но заметно сгорбился. Он носил коричневую одежду и темный тюрбан, опускавшийся почти до широких, мохнатых, как гусеницы, бровей молочного цвета. Борода казалась заснеженным кустом, от зубов остались одни пеньки, что было заметно, когда он смеялся. Нижние веки набрякли и покраснели, как бы от горя и усталости после столь многолетней поддержки налитых кровью глаз, которые явно пытались выскочить из своих впадин.

В конце вечера врач принца извинился и вышел, так как он наблюдал за приготовлением десерта и должен был ввести наркотик в пирожное, предназначенное Шэну. После десерта Шэн все чаще моргал и клевал носом.

— Хороший вечер, — бормотал он между всхрапываниями и, наконец, уснул так крепко, что его не могли добудиться. Родственники были не в состоянии доставить его домой, потому что врач принца добавил в их вино хлоралгидрата, и они к этому времени уже храпели, растянувшись на полу. Старший придворный принца договорился с Хауканом относительно их устройства, и Шэн был перенесен в помещение Сиддхарты, куда тут же пришел врач. Он распустил завязки одежды Шэна и заговорил тихим убеждающим голосом:

— Завтра днем ты станешь принцем Сиддхартой, а эти будут твоими слугами. Ты пойдешь с ними в Зал Кармы требовать тело, которое Брама обещал дать тебе без предварительного суда. Ты останешься Сиддхартой на все время пересадки и вернешься сюда со своими вассалами, чтобы я тебя осмотрел. Ты понял?

— Да, — прошептал Шэн.

— Повтори, что я тебе сказал.

— Завтра днем, — сказал Шэн, — я стану Сиддхартой, командующим этими слугами.

Ярко расцвело утро и принесло новые заботы. Половина людей принца выехала из города, направляясь к северу. Отъехав за пределы наблюдения из Махартхи, они свернули на юго-запад, через холмы, и остановились, чтобы надеть свое боевое снаряжение.

Шестерых послали на улицу Кузнецов, откуда они вернулись с тяжелыми парусиновыми сумками; содержимое сумок было распределено по карманам трех дюжин людей, и те после завтрака уехали в город.

Принц совещался со своим врачом Нарадой и сказал ему:

— Если я неправильно судил о милосердии Неба, то я и в самом деле проклят.

Доктор улыбнулся.

— Сомневаюсь, что ты судил неправильно.

Так они перешли от утра в тихую середину дня. Мост Богов золотился над ними.

Когда те, кого они подменили, проснулись, им помогли опохмелиться. Шэн получил постгипнотическое внушение и поехал с шестью слугами Сиддхарты во Дворец Мастеров. Его родственников уверили, что он спит в комнатах Сиддхарты.

— Самый большой наш риск, — говорил врач, — это Шэн. Вдруг его узнают? Но шансы в нашу пользу — он мелкий правитель далекого королевства и в этом городе недавно. Большую часть времени он провел с родственниками и не являлся еще для суда. А Мастера пока не знают тебя в лицо...

— Если только Брама или его жрец не описали меня им, — сказал принц. — Насколько я представляю, моя беседа могла быть записана на пленку, а пленка передана Мастерам для целей опознания.

— А собственно, зачем бы им это делать? — спросил Нарада. — Вряд ли они стали применять тайные и хитрые предосторожности к человеку, которому оказывают милость. Нет, я думаю, мы можем откинуть это. Шэн, конечно, не сможет пройти проверку зондом, но поверхностный осмотр пройдет, поскольку его сопровождают твои слуги. В настоящее время он уверен, что он Сиддхарта, так что может пройти через обычный детектор лжи — я думаю, это самое серьезное препятствие, которое ему встретится.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми карманами, собрали свои вещи, оседлали лошадей, и один за другим потянулись из города, как бы в поисках развлечений, но в действительности медленно продвигаясь в юго-западном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана, — сказал принц, когда оставшиеся его люди сели на лошадей. — Я уношу, как всегда, хорошие воспоминания о твоем жилище и обо всем, что встретил вокруг. Я сожалею, что мое пребывание здесь заканчивается так неожиданно, но я должен ехать, чтобы подавить восстание в провинциях, как только выйду из Зала Кармы. Ты знаешь, такие вещи всегда вылезают, едва правитель повернется спиной. Так что, как бы ни хотелось мне пробыть еще недельку под твоей крышей, придется это удовольствие отложить до другого раза. Если кто-нибудь спросит меня, скажи, чтоб меня искали в Гадесе.

— Гадес, господин мой?

— Это южная провинция в моем королевстве, известная своим исключительно жарким климатом. Но скажи именно эту фразу, особенно жрецам Брамы, которые могут поинтересоваться в ближайшие дни насчет моего местопребывания.

— Будет сделано, господин.

— И позаботься о мальчике Диле. Я надеюсь снова послушать его игру в свой следующий визит.

Хаукана низко поклонился и собирался было начать речь, но принц бросил ему последний кошелек с деньгами и сделал добавочные комментарии насчет вина из Урхатхи, а затем быстро вскочил в седло, выкрикивая приказы своим людям, чем окончательно прекратил дальнейший разговор.

Они скрылись, выехав за ворота, оставив у Хаукана только врача и трех воинов, которых нужно было лишний день лечить от чего-то связанного с переменой климата, прежде чем они присоединятся к остальным.

Принц и его свита проехали через город боковыми улицами и выехали на дорогу к Дворцу Мастеров Кармы. Пока они ехали по ней, Сиддхарта обменивался тайными знаками с тремя дюжинами его воинов, которые залегли в укрытия в различных точках вблизи рощи.

Проехав половину расстояния до Дворца, принц и восемь сопровождающих его людей натянули поводья и сделали вид, что остановились отдохнуть, в то время как другие двигались параллельно им между деревьями.

Далеко впереди они увидели движение на дороге. Семь всадников ехали на лошадях, и принц догадался, что это шесть его копьеносцев и Шэн. Когда те подъехали на расстояние оклика, принц и его люди двинулись им навстречу.

— Кто вы? — спросил высокий остроглазый всадник на белой кобыле. — Кто вы, что смеете загораживать дорогу принцу Сиддхарте, Связавшему Демонов?

Принц посмотрел на него — мускулистого, смуглого, лет двадцати пяти, с ястребиным лицом и властными манерами — и почувствовал вдруг, что его сомнения были необоснованными и что он предал сам себя своими подозрениями и недоверием. Судя по гибкому телу человека, сидевшего на лошади принца, Брама поступил честно и приказал дать великолепное сильное тело, доставшееся теперь старому Шэну.

— Господин Сиддхарта, — сказал человек, ехавший рядом с правителем Ирабика, — похоже, что Мастера действовали честно. Я не вижу в нем ничего неправильного.

— Сиддхарта?! — закричал Шэн. — Как ты смеешь называть этим именем своего господина? Я — Сиддхарта, Связавший... — тут он закинул голову назад, и слова забулькали в его горле.

Затем у Шэна начался припадок. Он задыхался и повалился с седла. Сиддхарта подбежал к нему. В уголках рта Шэна показалась пена, глаза закатились.

— Эпилепсия! — воскликнул принц. — Они приготовили для меня поврежденный мозг!

Остальные собрались вокруг и помогали принцу ухаживать за Шэном, пока припадок не кончился и разум не вернулся в тело.

— Что случилось? — спросил Шэн.

— Предательство! — сказал Сиддхарта. — Предательство, о Шэн из Ирабика! Один из моих людей отвезет тебя сейчас к моему личному врачу для осмотра. Когда ты отдохнешь, я советую тебе подать жалобу на читальную комнату Брамы. Мой врач будет лечить тебя у Хаукана, и ты поправишься. Мне очень жаль, что так случилось. Вероятно, дело исправят. Если же нет — вспомни последнюю осаду Капила и считай, что нам даже повезло. До свидания, брат мой принц.

Он поклонился Шэну, его люди помогли тому сесть на гнедую лошадь Хаукана, которую Сиддхарта позаимствовал раньше.

Сев на свою кобылу, принц наблюдал за отъездом Шэна, затем повернулся к свите и сказал достаточно громко, чтобы слышали и те, кто ждал вдалеке от дороги:

— Нас войдет девять человек. Два звука рога — и войдут остальные. Если будет сопротивление, предложите им быть более осторожными, потому что еще три звука рога приведут с холмов пятьдесят копьеносцев. Это дворец отдыха, а не крепость, где ведутся сражения. Захватите в плен Мастеров. Не портите их машины и не позволяйте никому это делать. Если сопротивления не будет — все хорошо. Если же его не избежать, мы пройдем через Дворец и Зал Кармы, как ребенок через муравейник. Удачи вам! И ни одного бога с вами!

Он повернул лошадь и поехал по дороге, а восемь воинов тихонько запели за его спиной.

Принц проехал через ворота. Они были открыты и ничем не охранялись. Он тут же подумал о тайной защите, которую Старк мог не заметить.

Двор был ухожен и частично замощен. В большом саду работали слуги. Принц искал место, где могло быть оружие, но не увидел. Слуги глянули на него, когда он появился, но работы не прервали.

В дальнем конце двора был черный каменный Зал. Принц направился к нему, его всадники последовали за ним, пока его не окликнули со ступеньки дворца, справа.

Он натянул поводья и оглянулся. Принц увидел человека в черной одежде с желтым кругом на груди и с посохом эбенового дерева. Человек был высок, тяжел, с заплывшими глазами. Он не повторил оклика, просто стоял и ждал.

Принц направил лошадь к подножию широкой лестницы.

— Я хочу поговорить с Мастерами Кармы, — сказал он.

— Тебе назначено? — спросил человек.

— Нет, но у меня важное дело.

— Тогда сожалею, что ты напрасно проехался. Назначение обязательно. Ты можешь договориться о нем в любом храме Махартхи.

Он стукнул посохом о ступеньку, повернулся и пошел прочь.

— Выкорчуйте этот сад, — сказал принц своим людям, — срежьте молодые деревья, свалите все вместе и подожгите.

Человек в черном остановился и снова обернулся. У подножия лестницы стоял только один принц; его люди уже двинулись к саду.

— Ты не можешь этого сделать, — сказал человек.

Принц улыбнулся. Его люди спешились и начали рубить кустарник, шагая прямо по цветочным грядкам.

— Вели им остановиться!

— А зачем? Я пришел говорить с Мастерами Кармы, а ты сказал мне, что я не могу. Я же говорю, что могу и буду. Посмотрим, кто из нас прав.

— Прикажи им остановиться, и я передам Мастерам твои слова.

— Остановитесь! — крикнул принц. — Но будьте готовы начать снова.

Человек в черном поднялся по лестнице и исчез во дворце. Принц потрогал рог, висевший на шнурке на его шее.

Через короткое время в дверях показались вооруженные люди. Принц поднял рог и дважды дунул в него.

Люди носили кожаные кольчуги – кое-кто поспешно затягивал ее — и такие же шлемы. Правые руки были обернуты мягкой прокладкой до локтя, на небольших овальных щитах красовался герб — желтое колесо на черном фоне. Они были вооружены длинными изогнутыми клинками. Они заняли всю лестницу и остановились, как бы ожидая приказов.

Человек в черном снова появился на верхней площадке и сказал:

— Итак, если у тебя есть что передать Мастерам — говори!

— Ты Мастер? — спросил принц.

— Да.

— Видимо, ты рангом пониже всех остальных, если тебе приходится выполнять обязанности привратника. Дай мне поговорить со старшим Мастером.

— Ты поплатишься за свою наглость и в этой жизни, и в следующей, — заметил Мастер.

Через ворота въехали три дюжины копьеносцев и выстроились по бокам принца. Те восемь человек, что начали было громить сад, снова сели на лошадей и двинулись к строю, положив на колени обнаженные клинки.

— Не въехать ли нам во дворец верхом? — спросил принц. — Или ты вызовешь других Мастеров, с которыми я желаю иметь разговор?

На лестнице стояло человек восемьдесят с клинками в руках. Мастер прикинул равновесие сил и не решился доводить дело до ссоры.

— Не поднимай шума, — сказал он, — потому что мои люди сражаются особо страшным образом. Подожди моего возвращения. Я вызову остальных.

Принц набил трубку и закурил. Его люди сидели как статуи с копьями наготове. На лицах пеших солдат, стоявших в первом ряду на лестнице, выразилось явное облегчение.

Принц, чтобы провести время, оглядел своих копьеносцев.

— Не думайте показывать свою ловкость, как делали при осаде Казила. Цельтесь в грудь, а не в голову. А также не вздумайте заниматься обычным увечьем – ранить и убивать; это святое место, и его нельзя осквернять таким способом. Но с другой стороны, — добавил он, — я приму за оскорбление, если не окажется десяти пленников для жертвоприношения Ниррити Черному, моему покровителю, — конечно, вне этих стен, там, где наблюдение за Темным Пиром не обременит нас...

Справа раздался звон: пеший солдат, не спускавший глаз с копья Страка, потерял сознание и упал с нижней ступени лестницы.

— Остановитесь! — закричала фигура в черном, появившаяся на верху лестницы в сопровождении шести других, одетых так же.

— Не оскверняйте кровопролитием Дворец Кармы. Кровь этого упавшего воина уже...

— Бросится ему в щеки, —докончил принц, — когда он придет в себя, потому что он не убит.

— Чего ты хочешь? — обратилась к нему фигура в черном, среднего роста, но громадного объема; она стояла, как огромная черная бочка, с посохом — черной громовой стрелой.

— Я насчитал семерых, — ответил принц, — я знаю, что здесь живут десять Мастеров. Где еще трое?

— Они сейчас находятся в читальных комнатах Махартхи. Чего ты хочешь от нас?

— Ты здесь главный?

— Главенствует здесь только Великое Колесо Закона.

— А ты — старший представитель Великого Колеса в этих стенах?

— Да.

— Прекрасно. Я хочу поговорить с тобой наедине — там, — сказал принц, указывая на Черный Зал.

— Невозможно.

Принц выбил трубку о каблук, поковырял в ней острием кинжала и убрал в карман. Затем выпрямился в седле и зажал в левой руке рог. Он встретил глаза Мастера.

— Ты абсолютно уверен в этом? – спросил он.

Маленький яркий рот Мастера задвигался, но ничего не сказал. Наконец, Мастер согласился:

— Пусть будет так, как ты сказал. Дайте мне дорогу!

Он прошел через ряды воинов и встал перед белой кобылой.

Принц сжал коленями бока лошади, поворачивая ее к Черному Залу.

— Держать ряды! — крикнул Мастер.

— То же относится и к вам, — сказал принц своим людям.

Они вдвоем пересекли двор, и принц спешился перед Залом.

— Ты должен мне тело, — сказал он негромко.

— О чем ты?

— Я — принц Сиддхарта, Связавший Демонов.

— Сиддхарту уже обслужили, — сказал Мастер.

— Ты думаешь, что ему дали тело по приказу Брамы; однако это не так. Человек, которого вы обслужили сегодня, был невольным самозванцем. Настоящий Сиддхарта — я, о безымянный жрец, и я пришел требовать свое тело, здоровое и сильное, без скрытых пороков. И ты обслужишь меня так, как я хочу этого. Добровольно или нет, но ты обслужишь меня.

— Ты думаешь?

— Думаю, — ответил принц.

— Получай! — закричал Мастер и взмахнул посохом, целясь в голову принца.

Принц уклонился от удара и отступил, вытаскивая кинжал. Дважды он парировал посох. Но в третий раз посох ударил его по плечу скользящим

ударом, достаточным, чтобы заставить принца пошатнуться. Он обежал вокруг белой кобылы, преследуемый Мастером. Увертываясь и держа лошадь между собой и противником, он поднес к губам рог и протрубил три раза. Звуки рога покрыли яростный шум битвы на дворцовой лестнице. Тяжело дыша, он повернулся как раз вовремя, чтобы уберечься от удара в висок, который наверняка бы убил его, если бы попал в цель.

— Написано, — почти прорыдал Мастер, — что тот, кто отдает приказы, не имея власти их выполнить, — глупец.

— Десять лет назад, — выдохнул принц, — тебе не удалось бы наложить на меня свой посох.

Он рубанул по посоху, надеясь расщепить дерево, но посох все время отворачивался от края лезвия, так что принц только делал на нем зарубки и местами ободрал, но сам посох оставался целым.

Пользуясь им как фехтовальной палкой, Мастер нанес сильный удар по левому боку принца. Принц почувствовал, что ребра ломаются... Он упал.

Неизвестно, как это случилось, потому что кинжал вылетел из его рук, когда он падал; но оружие проехало по коленям Мастера, и тот с воем упал на колени.

— Мы с тобой пара, — задыхаясь, сказал принц. — Мой возраст против твоего жира.

Он, лежа, поднял кинжал, но не мог держать его наготове. Он приподнялся на локте. Мастер со слезами на глазах пытался подняться, но снова упал на колени.

Послышался топот копыт.

— Я не глупец, — казал принц, — и теперь у меня есть власть заставить выполнить мои приказы.

— Что случилось?

— Прибыли остальные мои копьеносцы. Войди я сразу с полной силой, ты спрятался бы, как ящерица, в вязанке дров и пришлось бы потратить несколько дней, чтобы разнести твой дворец и вытащить тебя оттуда. А теперь я держу тебя в кулаке.

Мастер поднял посох.

Принц отвел назад свое оружие.

— Опусти посох, — сказал он, — или я метну кинжал. Не знаю, попаду или промахнусь, но могу и попасть. Ты не боишься играть с реальной смертью?

Мастер опустил посох.

— Ты познаешь реальную смерть, — сказал он, — когда служители Кармы скормят твоих конных солдат собакам.

Принц кашлянул и спокойно взглянул на свой кровавый плевок.

— Давай пока оставим политические дискуссии, — посоветовал он.

Когда звуки сражения затихли, подошел Страк, высокий, пропыленный, с волосами почти такого же цвета, что запекшаяся на его клинке кровь, он отсалютовал принцу и сказал:

— Все кончено.

— Слышал, Мастер Кармы? — спросил принц.

Мастер не ответил.

— Обслужи меня немедленно и этим спасешь свою жизнь, — сказал принц. — Откажись и я возьму ее.

— Я обслужу тебя, — сказал Мастер.

— Страк, — приказал принц, — пошли двух людей в город — одного за Нарадой, моим врачом, а другого на улицу Ткачей, за Янаггой, парусным мастером. Из трех воинов, оставшихся у Хаукана, оставь одного, чтобы задержать Шэна из Ирабика до захода солнца. Затем пусть свяжет его и оставит, а сам приедет сюда.

Страк улыбнулся и отсалютовал.

— А теперь приведи людей, чтобы отнести меня в Зал, и не спускай глаз с Мастера.

Он сжег свое старое тело вместе со всеми другими. Служители Кармы все до одного погибли в бою. Из семерых безымянных жрецов уцелел только один жирный.

Запасы спермы и яичек, баки с культурой и морозильники для тел нельзя было транспортировать, но само оборудование для пересадки было демонтировано под руководством доктора Нарады, и его компоненты были погружены на лошадей погибших воинов. Молодой принц сидел на белой лошади и следил, как пламя пожирало тела. Огонь восьми погребальных костров взлетел к предрассветному небу. Тот, кто был парусным мастером, глядел на ближайший к воротам костер — последний из зажженных; его пламя только сейчас достигло вершины, где лежало тело в черной одежде с желтым кругом на груди. Когда пламя коснулось его и одежда затлела, собака, съежившаяся в разоренном саду, подняла голову, и вой ее был почти рыданием.

— Этот день переполнит счет твоих грехов, — сказал бывший парусный мастер.

— Но учтутся и мои молитвы, — ответил принц. — Я займусь этим в дальнейшем. Будущие теологи учтут их так же, как и все эти жетоны для молитвенных машин, и примут окончательное решение. А Небо пусть размышляет, что здесь случилось в этот день, и есть ли я, кто я, где я. Пора ехать, капитан. На некоторое время в горы, а затем наши пути разойдутся — ради безопасности. Я не знаю, по какой дороге пойду, но она поведет к воротам Неба, и я должен идти вооруженным.

— Связавший Демонов, — сказал его собеседник и улыбнулся.

Подошел командир копьеносцев. Принц кивнул ему. Громко прозвучали приказы.

Колонна всадников двинулась, прошла через ворота Дворца Кармы, свернула с дороги и стала подниматься по склону к юго-востоку от города Махартхи; за их спинами пылали, как заря, их мертвые товарищи.

Говорят, что, когда появился Учитель, люди всех каст шли слушать его поучения, а также животные, боги и святые... и уходили облагороженными и духовно возвысившимися. Большинство признавало, что он получил просветление; не думали так лишь те, кто считал его обманщиком, грешником, преступником и даже просто шутником. Не все эти числились его врагами; но с другой стороны, не все те, кто облагородился и духовно возвысился, могли считаться его друзьями или поддерживающими его. Его приверженцы называли его Махасаматманом, и кое-кто говорил, что он был богом. Итак, после того как стало известно, что его приняли как учителя и смотрят на него с почтением, многие богатеи стали поддерживать его, и слава его пошла по всей стране, и к нему обращались как Татагатхе, что означает Тот, Кто Достиг. Было замечено, что богиня Кали (иногда известная как Дурга в ее более мягкие минуты) никогда не высказывала официального мнения насчет того, что он Будда, однако она оказала ему странную честь, послав к нему своего святого палача, вместо того чтобы просто нанять убийцу...

Истинный Дхарма не исчезал.
Пока в мире не возник фальшивый Дхарма.
Когда возник фальшивый Дхарма,
он заставил исчезнуть истинного Дхарму.

Самьютта-никайя (11,284)

Близ города Аландила была прекрасная роща деревьев с синей корой и пурпурными листьями, похожими на перья. Роща славилась своей красотой и почти священным покоем своей тени. Роща принадлежала купцу Вазу до его обращения, а затем он подарил ее Учителю, известному как Махасатман, Татагатха и Просветленный. В роще этот Учитель ожидал своих последователей, и, когда они в полдень уходили в город, их чашки для подаяния никогда не оставались пустыми.

Вокруг рощи всегда бывало множество паломников. Верующие, любопытные и те, кто охотился на других, постоянно проходили через рощу. Они прибывали на лошадях, в лодках, пешком.

Аландил не был чрезмерно большим городом. Там были как тростниковые хижины, так и деревянные строения; главная дорога была не замощена и изрыта колеями. В городе было два больших базара и множество маленьких: обширные зерновые поля, принадлежащие Вазу и обрабатываемые шудрами, цвели и колыхались вокруг города. В городе было много гостиниц (не столь роскошных, как легендарная гостиница Хаукана в далекой Махартхе) из-за постоянного наплыва путешественников; город имел своих святых и своих сказителей; был в нем и Храм.

Храм стоял на невысоком холме недалеко от центра города; со всех четырех сторон его были огромные ворота. Эти ворота и стены вокруг были покрыты слоями декоративной резьбы, изображавшей музыкантов и танцоров, воинов и демонов, богов и богинь, животных и актеров, любовников и полулюдей, стражников и демонов. Ворота вели в первый двор, открывавшийся, в свою очередь, во второй. В первом дворе был маленький базар, где продавались подношения богам. Там было также множество алтарей, посвященных меньшим божествам. Там собирались нищие, медитирующие святые, смеющиеся дети, сплетничающие женщины, горели благовония, пели птицы, булькали очистительные баки, жужжали молитвенные машины — все это можно было найти там в любое время дня.

Внутренний двор, с его массивными алтарями, посвященными главным божествам, был основным местом поклонения. Люди пели или выкрикивали молитвы, бормотали стихи из Вед, стояли, опускались на колени или простирались ниц перед громадными каменными изображениями, которые часто бывали так плотно увешаны цветами, замазаны красной пастой кум-кум и завалены грудами подношений, что нельзя было сказать, какое именно божество окутано таким поклонением. Периодически гудели храмовые рога, на минуту воцарялась тишина, а затем гвалт начинался снова.

И никто не стал бы оспаривать факт, что владычицей этого Храма была богиня Кали. Ее высокая статуя из белого камня, стоявшая в гигантской нише, доминировала во внутреннем дворе. Ее слабая улыбка, возможно, презрительная по отношению к другим богам и их приверженцам, так же привлекала внимание, как и усмешки черепов на ее ожерелье. Она держала в руках кинжалы и, приподняв ногу в полушаге, казалось, решала, пуститься ли ей в танец или сразу убить всех, кто подошел к ее гробнице. Полные губы, широко раскрытые глаза. При свете факелов она, казалось, двигалась.

Выглядело вполне естественным, что ее алтарь был расположен напротив алтаря Ямы, Бога Смерти. Жрецы и архитекторы достаточно логично решили, что из всех других богов ему более всего подходит стоять всегда напротив с тем же, что у нее, твердым убивающим взглядом, и отвечать на ее улыбку своей кривой усмешкой. Даже самые набожные люди предпочитали не проходить между этими двумя гробницами, а обойти их; а после наступления темноты эта часть двора всегда оставалась в тени и покое, непотревоженная припозднившимися почитателями.

Когда по стране дул весенний ветер, с севера шел некий Ральд. Невысокий человек с белыми волосами, хотя лет ему было немного, Ральд носил внешние атрибуты пилигрима, но, когда его нашли лежащим в канаве в беспамятстве, над его лбом был накручен малиновый душащий шнур его истинной профессии — туга.

Ральд шел весной во время фестиваля в Аландиле, городе сине-зеленых полей, тростниковых хижин и деревянных бунгало, немощеных дорог и

многих гостиниц, базаров, святых людей и сказителей, великого религиозного оживления и Учителя, чья слава распространилась далеко по стране Аландила, города Храма, где властвовала его покровительница — богиня Кали.

Время праздника.

Двадцать лет назад торжества в Аландиле были почти исключительно местным делом. Теперь же, с появлением бесчисленных путешественников, вызванным присутствием Просветленного, который учил Пути Восьмисложной Тропы, праздник Аландила привлекал так много пилигримов, что местные помещения для жилья были переполнены. Те, у кого были палатки, брали высокую плату за аренду. Сдавали под жилье даже стойла. Даже голые участки земли служили местом для походных лагерей.

Аландил любил своего Будду. Многие другие города пытались переманить его к себе из его пурпурной рощи: Шингоду, Горный Цветок, предлагал ему дворец и гарем, чтобы он пришел учить на его склонах. Но Просветленный не пошел в горы. Каниака, Речная Змея, предлагала ему слонов и корабли, городской дом и загородную виллу, лошадей и слуг, чтобы он пришел и проповедовал на его пристанях. Но Просветленный не пошел к реке.

Будда оставался в своей роще, и все шли к нему. С течением времени фестивали становились все шире и продолжались все дольше, и были более замысловатыми, и сияли, как чешуя откормленного дракона. Местные брамины не одобряли антиритуального учения Будды, но его присутствие наполняло доверху его сундуки, так что они научились жить в его тени, никогда не произнося слова «тиртхика» — еретик.

Итак, Будда оставался в своей роще, и все приходили к нему, включая Ральда.

Время праздника.

На третий день массивные барабаны КАТХАКАЛИ начали свой быстрый грохот. Слышная за много миль барабанная дробь неслась через поля, через город, через рощу и через обширные болотные земли, лежащие за рощей. Барабанщики в белых МУНДУ, голые до пояса, с блестящими от пота темными телами, работали посменно, так энергичен был их мощный бой; волна звуков не прекращалась, когда новый отряд барабанщиков сменялся перед туго натянутыми верхушками инструментов.

Когда на землю опустилась тьма, путешественники и горожане выходили, заслышав стук барабанов, прибывающих на праздничное поле, широкое, как древнее поле сражения. Там люди находили себе место и ждали ночи и начала представления, попивая сладко пахнущий чай, купленный в ларьках под деревьями.

В центре поля стояла громадная медная чаша с маслом, высотой в рост

человека, с висящими по краям фитилями. Фитили горели, а факелы мерцали рядом с палатками актеров.

Барабанный бой на близком расстоянии оглушал и гипнотизировал, ритмы хитро усложнялись, синкопировались. С приближением полуночи началось благочестивое пение, поднимаясь и падая вместе с барабанным боем, подчиняя себе человеческие чувства.

Настало короткое затишье, когда появился Просветленный со своими монахами в желтых одеяниях, казавшихся в свете огня почти оранжевыми. Они откинули капюшоны и сели, скрестив ноги, на земле. Через некоторое время пение и звук барабанов снова наполнили сознание присутствующих.

Когда появились актеры, страшные в своем гриме, с бубенчиками на лодыжках, звенящими при каждом шаге, аплодисментов не было, лишь напряженное внимание. Танцоры КАТХАКАЛИ были знаменитые, с детства учившиеся акробатике, а также старинным фигурам классического танца, знавшие десять различных движений шеи и глазных яблок и сотню положений рук, требуемых для постановки древнего эпоса любви и битвы, встреч с богами и демонами, героических сражений и традиционных кровавых измен. Музыканты выкликали слова преданий, в то время как актеры, которые никогда не говорили, показывали устрашающие действия Рамы или братьев Пандавов. Раскрашенные зеленым и красным или черным с яркобелым, они шли по площади, подняв полы одежды, и их браслеты из зеркальных капель сверкали при свете огня. Время от времени огонь разгорался или начинал шипеть и трещать, и тогда казалось, что нимбы святого или еретического света играют над головами танцоров, давая зрителям ощущение, что они сами иллюзорны, а единственно реальны в мире лишь фигуры в циклопическом танце.

Танец должен был продолжаться до восхода солнца. Но перед зарей один из носивших шафрановую мантию пришел со стороны города, пробился через толпу и что-то сказал на ухо Просветленному.

Будда встал, как бы для того чтобы лучше обдумать услышанное, и снова сел. Он дал поручение монаху, тот кивнул и ушел с фестивального поля.

Будда, выглядевший невозмутимым, снова перенес свое внимание на представление. Монах, сидевший неподалеку, заметил, что Будда барабанит пальцами по земле, и решил, что Просветленный держит такт с барабанами, поскольку было общеизвестно, что он выше таких вещей, как нетерпение.

Когда представление окончилось и Сурья-солнце окрасило в розовый цвет поля Неба над восточным краем мира, казалось, будто ночь и в самом деле держала толпу пленников в напряженном и страшном сне, от которого они сейчас освободились, тяжело вошедшие в день.

Будда и его последователи немедленно пошли к городу. Они не остановились отдохнуть и прошли через Аландил быстрой, но достойной походкой.

Когда они снова очутились в пурпурной роще, Просветленный велел монахам отдыхать, а сам пошел к маленькому павильону, стоявшему в глубине леса.

В павильоне сидел монах, принесший сообщение во время представления. Он заботился о больном путешественнике, которого он нашел в лихорадочном бреду на болотах, куда часто ходил размышлять о скверных условиях, в которых, возможно, окажется его тело после смерти.

Татагатха внимательно оглядел человека, лежавшего на спальном мате: тонкие бледные губы, высокий лоб, высокие скулы, тронутые инеем брови, острые уши; Татагатха догадывался, что глаза должны быть бледно-голубые или серые. Было что-то просвечивающе-хрупкое в его облике; это могло быть результатом лихорадки, мучавшей его тело, но дело было не только в болезни. Не похоже было, чтобы этот маленький человек носил вещь, которую Татагатха сейчас держал в руке. На первый взгляд пришелец казался очень старым, но потом становилось ясно, что седые волосы и хрупкий костяк еще не означают преклонного возраста и что во внешности этого человека есть что-то детское. Глядя на его комплекцию, Татагатха сомневался, чтобы этому человеку приходилось часто бриться. Возможно, между щеками и углами рта были скрыты сейчас озорные морщинки. А может, и нет.

Будда держал малиновый удушающий шнур, который могли носить только священные палачи богини Кали. Он провел пальцами по его шелковистой длине, и шнур обвился вокруг его руки, слегка прилипнув к ней. Будда не сомневался более, что шнур таким манером должен был обвиться вокруг его шеи. Он почти бессознательно сжимал его и непроизвольно дергал рукой.

Затем он взглянул на изумленную физиономию монаха, улыбнулся своей невозмутимой улыбкой и отложил шнур. Монах вытер сырой тканью потный лоб больного.

Человек на спальном мате вздрогнул от прикосновения и открыл глаза. В них было безумие лихорадки, они по-настоящему не видели, но Татагатха почувствовал внезапный удар от встречи их взглядов.

Глаза были темные, почти агатовые, так что нельзя было отличить зрачок от радужной оболочки. Было какое-то удивительное несоответствие между глазами такой силы и хрупким, слабым телом.

Будда наклонился и слегка ударил по руке человека; можно было подумать, что он коснулся стали, холодной и нечувствительной. Он резко провел ногтями по тыльной стороне руки. Ни царапины, ни даже следа на коже, ноготь скользнул по ней, как по стеклу. Будда сжал ноготь большого пальца человека и отпустил. Ни малейшего изменения цвета. Словно это были мертвые или механические руки.

Будда продолжал осмотр. Феномен кончался где-то возле запястья и снова появлялся в других местах. Руки, грудь, живот, шея и часть спины были омыты в ванне смерти, что и дало ему особую несгибаемую силу.

Смачивание всего тела, конечно, оказалось бы роковым; а тут человек вроде бы отказался от части своей осязательной чувствительности и получил взамен невидимые перчатки и стальную броню, прикрывающую шею, грудь и спину. Он действительно был одним из избранных убийц страшной богини.

— Кто еще знает об этом человеке? — спросил Будда.

— Монах Симха, который помог мне принести его сюда.

— Он видел это?

Татагатха указал глазами на малиновый шнур.

Монах кивнул.

— Найди его и приведи сейчас ко мне. Никому не говори об этом, скажи только, что пилигрим заболел и мы здесь о нем заботимся. Я сам займусь его лечением и наблюдением за его болезнью.

— Слушаюсь, Просветленный.

И монах поспешно вышел из павильона.

Татагатха сел рядом со спальным матом и стал ждать.

Прошло два дня, прежде чем лихорадка спала и разум вернулся в темные глаза. Но в течение этих двух дней проходившие мимо павильона слышали голос Просветленного, твердящий снова и снова, как если бы он обращался к своему спящему подопечному. Время от времени человек громко бормотал, как в бреду.

На второй день человек открыл глаза, посмотрел вверх, нахмурился и повернул голову.

— Доброе утро, Ральд, — сказал Татагатха.

— Кто ты? — спросил тот неожиданным баритоном.

— Тот, кто учит путям освобождения, — сказал Татагатха.

— Будда?

— Так меня называли.

— Татагатха?

— Я носил и это имя.

Человек хотел подняться, но не смог. Глаза его сохраняли мирное выражение.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он наконец.

— Ты много говорил в бреду.

— Да, я был очень болен и, без сомнения, болтал. Я простудился в этом проклятом болоте.

Татагатха улыбнулся.

— Одно из неудобств одиночного путешествия: если упадешь, тебе некому помочь.

— Истинно так, — согласился человек.

Глаза его снова закрылись, дыхание стало глубже.

Татагатха сидел в позе лотоса и ждал.

Когда Ральд снова проснулся, был уже вечер.

— Пить, — сказал он.

Татагатха дал ему воды.

— Голоден? — спросил он.

— Пока не надо. Желудок возмутится.

Он приподнялся на локтях и пристально посмотрел на ухаживающего за ним, а затем снова упал на мат.

— Ты — Будда, — утвердительно сказал он.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

— Накормить тебя, когда ты скажешь, что голоден.

— Я хотел сказать — после этого.

— Следить, как ты спишь, чтобы ты снова не впал в горячку.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

— Что будет после того, как я поем, отдохну и снова обрету свою силу?

Татагатха улыбнулся и вытянул шелковый шнур откуда-то из-под своей одежды.

— Ничего, — ответил он. — Совершенно ничего.

Он набросил шнур на плечо Ральда и отдернул руку.

Ральд качнул головой и откинулся назад. Затем потянулся и, ощупав шнур, накрутил его на пальцы, затем на запястье. Он погладил его.

— Это священный шнур, — сказал он через некоторое время.

— Похоже на то.

— Ты знаешь его употребление и его цель?

— Конечно.

— Почему же ты не хочешь ничего делать?

— У меня нет нужды ходить или действовать. Все приходит ко мне само. Если что-то должно быть сделано, это сделаешь ты.

— Я не понял.

— Это я тоже знаю.

Человек уставился в темноту наверху.

— Теперь я попробую поесть, — объявил он.

Татагатха дал ему хлеба и масла. Затем человек выпил еще воды. Когда он закончил трапезу, дыхание его стало тяжелым.

— Ты оскорбил Небо, — сказал он.

— Это я знаю.

— И ты уменьшил славу богини, чья верховная власть здесь никогда не оспаривалась.

— Знаю.

— Но я обязан тебе жизнью, я ел твой хлеб...

Наступило молчание.

— И поэтому я должен нарушить самый священный обет, — закончил Ральд. — Я не могу убить тебя, Татагатха.

— Значит, я обязан тебе жизнью, потому что ты обязан мне своей. Давай посчитаем, что эти долги оплачены.

Ральд хмыкнул.

— Так и будет.

— Что ты будешь делать, раз ты отказался от выполнения своей миссии?

— Не знаю. Мой грех слишком велик, чтобы я мог вернуться. Теперь я тоже оскорбил Небо, и богиня отвернет свое лицо от моих молитв. Я обманул ее ожидания.

— В таком случае оставайся здесь. По крайней мере, будешь жить среди сотоварищей по проклятию.

— Хорошо, — согласился Ральд. — Мне больше ничего не остается.

Он снова уснул, а Будда улыбался.

В последующие дни праздник продолжался. Просветленный проповедовал толпам, проходившим через пурпурную рощу. Он говорил о единстве всех вещей, больших и малых, о законе причинности, о появлении и умирании, об иллюзорности мира, об искре АТМАНА, о пути спасения через самоотречение и объединение со всем; он говорил о понимании и просветленности, о бессмысленности браминских ритуалов и сравнивал их формы с пустыми сосудами. Слушали многие, слышали немногие, кое-кто оставался в пурпурной роще, чтобы надеть шафрановую одежду искателя.

И каждый раз, когда он проповедовал, Ральд в своей темной одежде садился поблизости, и его черные глаза всегда были устремлены на Просветленного.

Через две недели после выздоровления Ральд пришел к Учителю, прогуливающемуся по роще в раздумье, упал ниц перед ним и через некоторое время сказал:

— Просветленный, я слушал твои поучения и слушал хорошо. Я много думал о твоих словах.

Будда кивнул.

— Я всегда был верующим, — продолжал Ральд, — иначе меня не избрали бы на тот пост, который я занимал. Когда я не смог выполнить свою миссию, я почувствовал великую пустоту. Я изменил своей богине, и жизнь не имела для меня смысла.

Будда молча слушал.

— Но я слышал твои слова, и они наполнили меня радостью. Они показали мне другой путь спасения, путь, который, как я чувствую, выше того, которому я следовал до сих пор.

Будда изучал лицо Ральда, пока тот говорил.

— Твой путь отречения поразил меня, и я чувствую, что он правилен. Он подходит к моим нуждам. Поэтому я прошу позволения войти в твою общину искателей и следовать твоему пути.

— Уверен ли ты, — спросил Просветленный, — что не ищешь простого наказания за то, что ты в своем сознании считаешь падением, грехом?

— В этом я уверен, — сказал Ральд. — Я задержал в себе твои слова и почувствовал истину, содержащуюся в них. На службе богине я убил больше людей, чем пурпурных листьев на молодых ветках. Это не считая детей и женщин. Так что я нелегко поддаюсь словам — слишком много я слышал слов, сказанных всевозможными тонами, слов умоляющих, убеждающих, проклинающих. Но твои слова подействовали на меня, они выше учения браминов. Я с радостью стал бы палачом на твоей службе, убивал бы твоих врагов шафрановым шнуром или клинком, или пикой, или голыми руками — потому что я знаток всякого оружия и потратил три срока жизни на изучение его — но я знаю, что это не твой путь. Жизнь и смерть — одно для тебя, и ты не ищешь уничтожения своих врагов. И я прошу разрешения войти в твой орден. Для меня это не так трудно, как было бы для другого. Кто-то должен отказаться от дома и семьи, родины и собственности, у меня же ничего этого нет. Кто-то должен отказаться от собственной воли, а я это уже сделал. Единственное, что мне теперь нужно, — это шафрановая одежда.

— Она твоя, — сказал Татагатха, — вместе с моим благословением.

Ральд получил платье буддийского монаха и стал укрепляться в медитации. Через неделю, когда праздник близился к концу, он пошел в город со своей чашкой для подаяния вместе с другими монахами. Однако он не вернулся с ними. День перешел в вечер, вечер в ночь. Рога Храма уже пропели последнюю ноту НАГАСВАРАМ, и многие путешественники начали разъезжаться с праздника.

Долгое время Просветленный ходил по роще, размышляя. Затем он тоже исчез.

Будда шел вниз от рощи, через болота, в город Аландил, над которым возвышались каменные холмы, а вокруг лежали сине-зеленые поля, в город Аландил, наполненный путешественниками, многие из которых еще пировали, по улицам Аландила, к холму с Храмом.

Он вошел в первый двор: там была тишина. Собаки, дети и чиновники ушли. Жрецы спали. Один дремлющий служитель сидел на скамье на базаре. Многие алтари были теперь пусты, статуи унесены в Храм. Перед несколькими другими стояли на коленях почитатели в поздней молитве.

Он вошел во внутренний двор. На молитвенном коврике перед статуей Ганеши сидел аскет. Он тоже казался статуей, поскольку был неподвижен. Вокруг дворца мерцали четыре масляные лампы, их пляшущий свет только усиливал тени, лежащие на алтарях. Маленькие жертвенные свечи бросали свет на статуи.

Татагатха прошел через двор и остановился напротив величественной статуи Кали; у ее ног мерцала крошечная лампа. Улыбка Кали казалась подвижной, когда богиня смотрела на стоящего перед ней человека.

На ее протянутой руке висел малиновый шнур, зацепленный одной петлей за острие кинжала.

Татагатха улыбнулся ей, и она как бы нахмурилась.

— Покорись, моя дорогая, — сказал он. — Ты проиграла этот раунд.

Она, казалось, кивнула, соглашаясь.

— Я рад, что добился такого высокого признания с твоей стороны за столь короткое время, — продолжал он. — Но даже если бы тебе и удалось, старушка, это принесло бы тебе мало хорошего. Теперь уже слишком поздно. Я кое-что начал, и ты не можешь уничтожить сделанное. Слишком много было произнесено древних заклинаний. Ты думала, что они пропали, и я так думал. Но мы оба ошиблись. Религия, которой ты правишь, очень древняя, но и мой протест тоже имеет давние традиции. Так что зови меня протестантом и помни — теперь я больше, чем просто человек. Прощай!

Он оставил Храм и гробницу Кали, где глаза Ямы пристально смотрели ему в спину.

Прошло много времени, прежде чем чудо свершилось, а когда оно свершилось, оно не казалось чудом, потому что возникало медленно и постепенно.

Ральд, пришедший с севера, когда по стране дули весенние ветры, Ральд, несший смерть в своей руке и черный огонь в глазах, Ральд с белыми бровями и остроконечными ушами заговорил однажды днем, когда весна уже прошла и длинные летние дни жарко висели под Мостом Богов. Он заговорил своим неожиданным баритоном, отвечая на вопрос путешественника.

Тот задал ему вопрос, а затем третий.

Ральд продолжал говорить, и несколько других монахов и пилигримов собрались вокруг него. Ответы следовали за вопросами, которые задавались теперь всеми, становились все длиннее и длиннее, потому что сделались сравнениями, примерами, аллегориями.

Затем все сели у его ног, и его темные глаза стали странными озерами, и голос его шел как бы с Неба, чистый, мягкий, мелодичный и убедительный.

Они слушали. Затем путешественники пошли своей дорогой. По пути они встречались с другими путешественниками и разговаривали с ними, так что, прежде чем лето кончилось, пилигримы шли в пурпурную рощу и просили встречи с учениками Будды и слушали его слова.

Татагатха разделил с ним проповедование. Они вместе учили Пути Восьмисложной Тропы, говорили о славе Нирваны, об иллюзии мира и о цепях, какие мир накладывает на человека.

А затем настало время, когда даже сладкоречивый Татагатха слушал слова своего ученика, который переваривал все, что проповедовал Будда, долго и глубоко размышлял над этим, и теперь, когда нашел вход в тайное море, погружал свою твердую, как сталь, руку в месте скрытых вод и брызгал истиной над головами слушателей.

Лето кончилось. Теперь уже не было сомнения, что просветленность

имеют двое: Татагатха и его маленький ученик, которого здесь звали Сугатой. Говорили даже, что Сугата — целитель и что, когда его глаза странно сияют, а ледяное прикосновение его рук проходит по искривленному телу больного, это тело выпрямляется. Говорили, что к слепым внезапно возвращается зрение во время проповеди Сугаты.

Сугата верил в две вещи: в Путь Спасения и в Татагатху Будду.

— Прославленный, — сказал он однажды Татагатхе, — моя жизнь была пуста, пока ты не открыл мне Истинную Тропу. Когда ты получил свою просветленность, было ли это, как напор огня, как рев воды, и ты везде, и ты часть всего — облаков и деревьев, животных в лесу, всех людей, снега на горных вершинах и костей, зарытых в поле?

— Да, — сказал Татагатха.

— Я тоже познал радость всех вещей, — сказал Сугата.

— Да, я знаю.

— Теперь я понимаю, почему ты однажды сказал, что все идет к тебе. Ты принес в мир такое учение — я понимаю, почему боги завидуют. Бедные боги! Они достойны жалости. Но ты знаешь. Ты знаешь все.

Татагатха не ответил.

Когда весенние ветры снова пронеслись по земле и год прошел после прибытия второго Будды, с Неба однажды раздался страшный вой.

Граждане Аландила останавливались на улицах и глядели в Небо. Шудры в полях бросили работу и глядели вверх. В большом Храме на холме настала внезапная тишина. В пурпурной роще за городом монахи повернули головы.

Оно шло с Неба — существо, рожденное править ветром.

Оно шло с севера — зеленое и красное, желтое и коричневое... Оно скользило, как в танце, дорогой его был воздух.

Снова послышался вой, а затем биение мощных крыльев, когда оно поднималось над облаками, чтобы стать крошечной черной точкой.

А затем оно упало, как метеор, горя в пламени, все его цвета сверкали и ярко горели, когда оно росло и увеличивалось, и нельзя было поверить, что может быть живое существо таких размеров, такого движения, такого великолепия...

В небе темнела легендарная полуптица, полудух.

Верховное создание Вишну. Его клюв разбивал колесницы.

Над Аландилом кружилась птица Гаруда.

Покружилась и улетела за каменистые холмы, стоящие позади города.

— Гаруда! — неслось по городу, по полям, в Храме, в роще.

Она летела не одна; и все знали, что только бог может пользоваться птицей Гарудой, как ездовым животным.

Затем наступила тишина. После воя и грохота крыльев казалось естественным, что голоса понизились до шепота.

Просветленный стоял на дороге перед рощей, его монахи столпились вокруг. Все повернулись к каменистым холмам.

Сугата подошел и встал рядом с Татагатхой.

— Это было всего лишь прошлой весной, — сказал он.

Татагатха кивнул.

— ...Ральд не выполнил поручения, — сказал Сугата, — и вот новая вещь идет с Неба?

Будда пожал плечами.

— Я боюсь за тебя, мой Учитель, — сказал Сугата. — Во всех моих жизненных делах только ты и был моим другом. Твое учение дало мне мир. Почему они не могут оставить тебя в покое? Ты самый безвредный из людей, и твое учение самое благородное и необходимое; какое зло ты можешь принести?

Будда отвернулся.

В этот момент птица Гаруда, сотрясая воздух и издав крик из раскрытого клюва, снова взмыла над холмами. На этот раз она не кружилась над городом, а поднялась высоко в небо и полетела на север с такой скоростью, что мгновенно исчезла из виду.

— Ее наездник спешился и остался здесь, — предположил Сугата.

Будда пошел в пурпурную рощу.

Он пришел из-за каменистых холмов пешком.

Он шел по каменистой тропе, и его красные кожаные сапоги ступали совершенно бесшумно.

Вдали послышался шум бегущей воды. Маленький поток ее пересек ему путь. Поддернув свой ярко-красный плащ, он пошел в обход тропы. Рубиновая рукоятка его кривой сабли сверкала в малиновых ножнах.

Обогнув скалу, он остановился. Вдали его кто-то ждал, стоя у бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

Его глаза на миг сузились, но затем он снова двинулся вперед.

Там стоял невысокий человек в одежде пилигрима и кожаных доспехах, с которых свисало короткое лезвие из светлой стали. Голова человека была почти лысой, если не считать маленького пучка седых волос. Брови над темными глазами белые, кожа бледная, уши казались заостренными.

Путешественник поднял руку и сказал этому человеку:

— Доброе утро, пилигрим.

Человек не ответил, но загородил путь, встав перед бревном.

— Прости меня, добрый паломник, но я собираюсь пройти здесь, а ты затрудняешь мой проход, — сказал пришедший.

— Ты ошибаешься, господин мой Яма, если думаешь, что сможешь пройти здесь, — ответил человек.

Человек в красном улыбнулся, показав ряд прекрасных белых зубов.

— Приятно, когда тебя узнают, — сказал он, — даже те, кто заблуждается в другом.

— Я огражден не словами, — сказал человек в черном.

— Вот как? — вопросительно поднял брови другой. — Чем же ты огражден? Уж не этой ли полоской металла, которую ты носишь?

— Ничем иным.

— А я принял ее сначала за какую-то варварскую молитвенную палочку. Я знаю, что этот край полон странными культами и примитивными сектами. На минуту я принял тебя за приверженца какого-то такого суеверия. Но если, как ты сказал, это оружие, тогда я верю, что ты знаком с его употреблением.

— В какой-то мере, — ответил человек в черном.

— Это хорошо, — сказал Яма, — потому что я не люблю убивать людей, которые не знают, что их ждет. Однако я вынужден указать тебе, что, когда ты встанешь перед судом Высочайшего, ты будешь считаться самоубийцей.

Другой слегка улыбнулся.

— В любое время, когда ты будешь готов, Бог Смерти, я облегчу твоему духу выход из его плотской оболочки.

— Повтори еще раз, — сказал Яма, — и я быстро положу конец беседе. Назови свое имя для передачи жрецам, чтобы они знали, по ком совершить поминальный обряд.

— Я отказался от своего последнего имени некоторое время тому назад, — ответил человек в черном. — Поэтому супруг Кали принесет смерть безымянному.

— Ральд, ты дурак, — сказал Яма и вытащил свое оружие.

Человек в черном достал свое.

— Так и полагается, чтобы ты пошел к своей судьбе безымянным, ты изменил своей богине.

— Жизнь полна измены, — ответил тот. — Вот и теперь, выступая таким способом против тебя, я изменяю учению своего учителя, моего нового хозяина. Но я должен следовать велению своего сердца. Ни мое прежнее имя, ни новое, следовательно, не подходят мне, я их не заслужил; так что не зови меня по имени!

И его клинок стал огнем, прыгающим отовсюду, звенящим, сверкающим.

От этой атаки Яма отступал шаг за шагом и только двигал кистью, парируя удары, несшиеся на него со всех сторон.

Отступив на десять шагов, Яма твердо встал и больше не двигался. Его парирующие удары стали несколько шире, а выпады его стали неожиданными и разнообразными.

Так они щеголяли клинками, пока не покрылись потом; затем Яма форсировал выпады, заставив противника отступать. Шаг за шагом он вернул себе отданные десять шагов.

Когда они встали снова на том месте, где начали, Яма признал под звон стали:

— А ты здорово выучил свои уроки, Ральд! Поздравляю!

В это время его противник совершил хитроумный двойной ложный выпад и легким прикосновением разрезал плечо Ямы. На яркой одежде мгновенно выступила кровь.

Яма бросился вперед, сбил ожерелье с шеи противника и нанес удар, который мог обезглавить врага.

Человек в черном поднял ожерелье, потряс головой, парировал удар и бросился вперед, но его удар тоже был отбит.

— Воды смерти омыли твою шею, — сказал Яма, — но я найду другой вход.

И его сабля запела звонкую песню, когда он попытался нанести удар снизу.

Яма дал полную волю ярости своему клинку, укрепленному столетиями и мастерами многих веков. Однако противник все шире отражал его удары и, отступая теперь все быстрее, все-таки ухитрялся сдерживать Яму, делая контрвыпады.

Он отступил до самого потока. Тогда Яма медленно сказал:

— Полстолетия назад, когда ты на короткое время был моим питомцем, я говорил себе: «У этого парня задатки великого Мастера». Я не ошибся, Ральд. Ты, вероятно, величайший меченосец из всех веков, какие я могу вспомнить. Я могу почти простить отступничество, когда вижу твою ловкость. Жаль, жаль...

Он сделал обманный выпад в грудь, но в последний момент обошел парирующий удар и ударил краем лезвия выше запястья противника.

Человек в черном, яростно парируя и задев Яму по голове, отпрыгнул назад и занял позицию у конца бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

— И рука тоже, Ральд! Да, богиня намылила тебе защиту! Попробуем здесь!

Сталь взвизгнула, когда он схватил ее особым приемом и сделал зарубку на бицепсе врага.

— Ага! Это место она пропустила! Попробуем другое!

Лезвия скрещивались, ударялись, парировали, отвечали.

Яма применил хитроумную тактику, и его длинная сабля снова пустила кровь из плеча противника.

Человек в черном шагнул на бревно и нанес жестокий удар в голову Ямы, но тот отбил его. Торопясь атаковать, Яма заставил противника пятиться по бревну, а затем лягнул его в бок.

Человек в черном отскочил на противоположный берег. Как только его ноги коснулись земли, он тоже нанес удар ногой, так что бревно пришло в движение.

Оно покатилось, прежде чем Яма успел удержать его, и, соскользнув с берегов, обрушилось вниз, в поток, и поплыло к западу.

— Я бы сказал, тут нужен всего-то семи или восьмифутовый прыжок, Яма! Давай прыгать! — крикнул человек в черном.

Бог Смерти улыбнулся.

— Дыши, пока можешь, — сказал он. — Дыхание — это наименее ценимый дар богов. Никто не поет ему гимны, не молится хорошему воздуху,

который вдыхает король и нищий, Мастер и собака. Но каково без него! Цени каждый вздох, Ральд, как будто он последний, потому что до последнего тоже рукой подать!

— Ты, говорят, мудр в этих делах, Яма, — сказал тот, кого называли Ральдом и Сугатой. — Говорят, ты бог, и твое королевство — смерть, и твои знания простираются далеко за пределы понимания смертных. Поэтому я хотел бы спросить тебя, пока мы стоим без дела.

Яма не улыбнулся своей насмешливой улыбкой, как улыбался при всех предшествующих заявлениях своего противника. Эти слова имели отношение к ритуалу.

— Что ты желаешь знать? Я дарую тебе предсмертное благо задавать вопросы.

Человек, которого звали Ральд и Сугата, запел древние слова Катха Упанишад:

«Когда человек умер, это всегда вызывает сомнение:
одни говорят, что он еще существует,
а другие говорят, что нет.
Я хотел бы узнать об этом от тебя».

Яма ответил древними словами:

— Насчет этого сомневаются даже боги. И это нетрудно понять, потому что природа АТМАНА вещь тонкая. Задай другой вопрос. Избавь меня от ответа на этот.

— Прости меня, что это прежде всего пришло мне на ум, о Смерть, но другого такого учителя, как ты, не найти, и, конечно, нет другого блага, которого я желал бы больше в эту минуту.

— Оставайся жив и иди своей дорогой, — сказал Яма, вкладывая саблю в ножны. — Я освобождаю тебя от твоей участи. Выбери сыновей и внуков; выбери слонов, лошадей, стада и золото. Выбирай любые другие блага — красивых девушек, колесницы, музыкальные инструменты. Я дам их тебе, и они будут ждать тебя. Но не спрашивай меня о смерти.

— О, Смерть, — запел тот, — все это длится лишь до завтрашнего дня. Оставь своих лошадей, девушек, танцы и песни для себя. Я приму только одно благо, которое просил, — скажи мне, Смерть, что лежит за пределами жизни и в чем сомневаются люди и боги?

Яма застыл неподвижно в молчании.

— Ладно, Ральд, — сказал он, и глаза его впились в глаза другого, — но об этом царстве словами не расскажешь. Я должен показать тебе его.

Они стояли так секунду, а затем человек в черном упал, закрыв лицо руками, и из его горла вырвался единственный всхлип.

Когда это произошло, Яма снял с плеч свой плащ и швырнул его через овраг.

Утяжеленный, в рубцах для такого маневра, плащ упал, как сеть, на противника.

Пока человек в черном дергал плечами, стараясь освободиться, он услышал быстрый топот и треск: кроваво-красные сапоги Ямы застучали на этой стороне оврага. Откинув в сторону плащ и подняв свое оружие, Ральд парировал новую атаку Ямы. Земля позади него поднималась холмом, и он все отступал, ища, где можно остановиться, так что голова Ямы приходилась теперь на уровне его пояса. Яма медленно пробивался наверх.

— Бог Смерти, Бог Смерти, — пел Сугата, — прости мне мой дерзкий вопрос, но скажи, не солгал ли ты?

— Ты скоро узнаешь об этом, — сказал Яма и нанес удар, который мог бы пробить человека насквозь. Но лезвие отскочило от груди противника.

Дойдя до места, где почва была неровной, маленький человек начал пинать землю ногами, посылая на врага потоки пыли и гравия. Яма прикрыл глаза левой рукой, но тогда на него посыпались сверху более крупные камни. Они катились под ноги, Яма поскользнулся, упал и съехал вниз по склону. Его противник стал выворачивать более тяжелые камни, даже сдвинул большой валун, и сам последовал за ним вниз, высоко подняв клинок.

Неспособный встать на ноги, чтобы своевременно отразить атаку, Яма катился к потоку. Удержавшись на краю, он увидел катящийся валун и подался в сторону. Пока он цеплялся обеими руками за землю, его сабля упала вниз, в воду.

Стоя в неудобном согнутом положении, он достал кинжал и все-таки сумел отбить высокий замах лезвия противника.

Затем его левая рука метнулась вперед и охватила запястье, державшее лезвие. Он ударил кинжалом снизу вверх и почувствовал, что его запястье тоже схвачено.

Так они стояли, замкнув сопротивление друг друга. Затем Яма присел и повернулся в сторону, отталкивая от себя противника. Но оба держали друг друга крепко и от силы толчка покатились. Край оврага оказался рядом — под ними... а вскоре над ними. Кинжал выпал из рук Ямы и ушел на дно.

Когда они снова появились на поверхности воды, чтобы перевести дух, оба держали в руках только воду.

— Наступает время последнего крещения, — сказал Яма и ударил левой.

Другой парировал удар.

Они двигались влево по воде, пока не почувствовали под ногами камни. Тогда они, сражаясь, пошли вдоль потока.

Поток расширялся и углублялся, пока вода не закружила вокруг их поясов. Берега стали более пологими и местами доходили до поверхности воды.

Яма наносил удар за ударом, то кулаком, то краем ладони; но он как будто нападал на статую, потому что тот, кто был священным палачом

Кали, принимал любой удар, не меняясь в лице, и возвращал кулачные удары с костоломной силой. Большая часть их замедлялась водой или блокировалась Ямой, но один попал Яме между грудной клеткой и тазовой костью, а другой скользнул по левому плечу и отскочил от щеки.

Яма попытался нанести ответный удар и наглотался воды.

Противник навалился на него и получил удар красным сапогом между нечувствительными местами. Он продолжал двигаться к голове Ямы. Яма встал на колени и повернулся. Противник хотел подняться на ноги и выхватил из-за пояса кинжал, но поскользнулся и упал на корточки. Лицо его сохраняло бесстрастие.

На миг их глаза встретились, но Ральд не дрогнул.

— Теперь я могу встретить твой смертельный взгляд, Яма, — сказал он, — и он меня не остановит. Ты научил меня достаточно хорошо!

Когда он сделал выпад, руки Ямы опустились к талии, схватили мокрый пояс и затянули его вокруг бедер противника.

Яма дернул и прижал врага к себе; тот выронил кинжал. И тогда Яма потащил его толчками назад, к глубокой воде.

— Никто не поет гимнов дыханию, — сказал Яма. — А попробуй обойтись без него!

Он нырнул, увлекая за собой Ральда; руки его держали тело врага, как стальными петлями.

Позже, много позже, мокрая фигура стояла у потока. Она медленно произнесла, с трудом переводя дух:

— Ты был... величайшим... восставшим против меня... во всех веках, насколько я помню... И в самом деле, жаль...

Затем, перейдя поток, он продолжал свой путь по каменистым холмам. Пешком.

Войдя в город Аландил, путешественник остановился в первой попавшейся гостинице. Он снял комнату и заказал ванну. Пока он мылся, слуга вычистил его одежду.

Перед тем как обедать, он подошел к окну и выглянул на улицу. Оттуда шел сильный запах слизардов и шум многих голосов.

Люди покидали город. Во дворе за домом шли приготовления к утреннему отъезду каравана. В эту ночь заканчивался весенний праздник. Внизу на улице еще торговали, матери уговаривали уставших детей, местный принц со своими людьми возвращался с охоты; на спине бегущего слизарда были привязаны два огненных петуха. Путешественник наблюдал за уставшей проституткой, спорившей о чем-то со жрецом, который выглядел еще более усталым. Он не переставал трясти головой и в конце концов пошел прочь. Одна луна висела в Небе, сквозь Мост Богов она казалась золотой, а вторая, меньшая, луна только что появилась над горизонтом. Вечерний воздух пощипывал холодом и нес с собой над запахами города ароматы весенней растительности — молодых побегов, свежей травы,

чистый запах сине-зеленой пшеницы, влажной земли, мутного разлива реки. Повернувшись, путешественник увидел стоящий на холме Храм.

Он велел слуге принести ему обед в комнату и послать за местным торговцем.

Он ел медленно, не слишком обращая внимание на то, что ест. Когда он покончил с едой, вошел торговец.

Под его плащом было множество образцов товаров; путешественник в конце концов выбрал длинный изогнутый клинок и короткий прямой кинжал и сунул то и другое в ножны.

Затем он вышел в ночную прохладу и пошел по изрытой колеями главной улице города. В дверях обнимались влюбленные. Он прошел мимо дома, где плакальщики ожидали чьей-то смерти. Нищий ковылял за ним полквартала, пока он, наконец, не обернулся. Поглядев нищему в глаза, он сказал:

— Ты не хромой.

Нищий заторопился прочь и затерялся в толпе. Над головой начали взлетать фейерверки, посылая вниз, к земле, длинные вишневого цвета ленты. Из Храма донесся звук тыквенных рогов, играющих мелодию НАГАСВАРАН. Из дверного проема вывалился мужчина, налетел на путешественника, и тот, почувствовав, что рука мужчины хватает кошелек на его поясе, сломал человеку запястье. Человек разразился проклятиями и стал звать помощь, но путешественник столкнул его в канаву и пошел дальше, одним темным взглядом отогнав двух товарищей вора.

Наконец он подошел к Храму, помедлил немного и прошел внутрь.

Он вошел во внутренний двор вслед за жрецом, который нес маленькую статую из внешней ниши.

Путешественник оглядел двор и быстро направился к статуе богини Кали. Он долго смотрел на нее, положив свой клинок у ее ног. Когда он снова поднял саблю и обернулся, он увидел, что жрец наблюдает за ним. Он кивнул жрецу, и тот немедленно подошел и поздоровался.

— Добрый вечер, жрец, — ответил путешественник.

— Да очистит Кали твой клинок, воин!

— Ты говоришь так, как будто знаешь это наверняка.

— А это с моей стороны самонадеянно?

— Ну, может быть, этого не следовало произносить вслух.

— Тем не менее, я чувствовал, как сила богини снизошла на меня, когда я смотрел на ее гробницу.

Жрец пожал плечами.

— Несмотря на мою должность, — сказал жрец, — я держусь подальше от этой силы.

— Ты боишься ее?

— Скажем так: несмотря на великолепие святилища Кали, ее посещают не так часто, как алтари Лакши, Сарасвати, Шакти, Ситалы, Ратри и других менее пугающих богинь.

— Но она более могуча, чем любая из них.

— И более страшная.

— Да? Несмотря на ее силу, она справедливая богиня.

Жрец улыбнулся.

— Разве человек, перешедший границу возраста, желает справедливости? Я нахожу милосердие куда более привлекательным. Дай мне когда-нибудь божество всепрощения.

— Хорошо, — сказал путешественник, — но я, как ты сказал, воин. Я по своей природе близок к ней. Мы с богиней думаем одинаково. В большинстве случаев мы соглашаемся. А когда не соглашаемся, я вспоминаю, что она также и женщина.

— Я живу здесь, — сказал жрец, — но не говорю так интимно о богах, о которых забочусь.

— На людях — да. Но не говори мне о жрецах. Я пил со многими из вас и знаю, что вы такие же богохульники, как и все остальное человечество.

— Для всего есть место и время, — сказал жрец, оглядываясь на статую Кали.

— Ну-ну. Скажи-ка, почему основание статуи Ямы давно не чищено? Оно все в пыли.

— Его чистили только вчера. Но с тех пор многие проходили перед ним и остались заметные следы.

— Почему же тогда у его ног не лежат дары и остатки жертвоприношений?

— Смерти не приносят цветов, — сказал жрец. — Люди просто приходят: посмотрят и уходят. Мы, жрецы, всегда чувствовали, что обе статуи расположены очень удачно. Они составляют страшную пару, верно? Смерть и владычица разрушений.

— Мощная чета, — ответил посетитель. — Но не хочешь ли ты сказать, что Яме никто не приносит жертв? Вообще никто?

— Только мы, жрецы, когда того требует календарь праздников, и иногда горожане, когда любимый человек лежит на смертном ложе, а в непосредственном перевоплощении ему отказано — вот и все, других нет. Я ни разу не видел, чтобы Яме приносили жертву просто так, искренно, от доброй воли, от сердца.

— Он, наверное, обижается?

— Нет, воин. Разве не все живые существа сами по себе жертвы Смерти?

— Да, ты говоришь правду. Зачем ему добрая воля и чувства? Дары не обязательны, он и так возьмет, что захочет.

— И Кали тоже, — согласился жрец. — И в случаях обоих божеств я часто оправдываю атеизм. К несчастью, они проявляют себя в мире слишком сильно, чтобы их существование можно было бы отрицать. Очень жаль!

Воин засмеялся.

— Жрец, не желающий верить! Я тоже. Меня это смешит. На-ка, купи себе бочонок сомы... для жертвенных целей.

— Спасибо, воин. Куплю. Не пойдешь ли ты со мной на небольшое возлияние в честь Храма?

— Клянусь Кали, пойду! — сказал воин. — Только ненадолго.

Он пошел со жрецом в центральное здание и спустился по лестнице в келью, где стоял бочонок сомы и две чашки.

— За твое здоровье и долгую жизнь, — сказал воин, поднимая чашку.

— За твоих ужасных покровителей — Яму и Кали, — ответил жрец.

— Спасибо.

Они залпом выпили крепкое питье, и жрец зачерпнул еще две чаши.

— Согреть горло в холодную ночь.

— Отлично.

— Приятно видеть, что некоторые путешественники уезжают, — сказал жрец. — Их набожность обогащает Храм, но они очень сильно утомляют служителей.

— За отъезд пилигримов!

— За отъезд пилигримов!

— Я думаю, что большинство их прибыло, чтобы увидеть Будду, — сказал Яма.

— Это правда. Но с другой стороны, они не хотят вызвать этим вражду богов. Так что, прежде чем идти в пурпурную рощу, они обычно приносят жертвы или дают Храму на молитвы.

— Что ты знаешь о так называемом Татагатхе и его учении?

Жрец отвел глаза.

— Я жрец богов и брамин. Я не желаю говорить об этом человеке.

— Значит, он насолил и тебе тоже?

— Хватит! Я пояснил тебе свои желания. Об этом я разговаривать не буду!

— Это не имеет значения. Оставим. Спасибо тебе за сому. Спокойной ночи, жрец.

— Спокойной ночи, воин. Пусть боги улыбаются на твоей дороге.

— И на твоей тоже.

Поднявшись по лестнице, Яма вышел из Храма и пошел через город.

Когда он подошел к пурпурной роще, на Небе было три луны, за деревьями слабо светили костры лагеря пилигримов, в небе над городом сияли отсветы огня. Влажный ветер шевелил растительность.

Яма бесшумно вошел в рощу.

Выйдя на освещенное место, он оказался перед рядами неподвижно сидящих фигур. Все они были в желтых плащах с капюшонами, натянутыми на головы. Они сидели тут сотнями, не издавая ни звука.

Яма подошел к ближайшей фигуре.

— Я пришел увидеть Татагатху, Будду.

Человек, казалось, не слышал.

— Где он?

Человек не отвечал.

Яма наклонился и посмотрел в глаза монаха. Человек как будто спал, их взгляды не встретились.

Тогда он возвысил голос, чтобы все в роще услышали:

— Я пришел увидеть Татагатху, Будду. Где он?

Он словно бы обращался к камням.

— Не думаете ли вы спрятать его таким манером? — крикнул он. — Не думаете ли вы, что, если вас много и вы одинаково оделись, я не найду его среди вас?

Только вздох ветра, идущего с другого конца рощи. Свет замерцал, зашевелились пурпурные листья.

Яма засмеялся.

— В этом, возможно, вы и правы, — согласился он. — Но когда-нибудь вам придется двигаться, если вы хотите остаться живыми. Я могу ждать так долго, как и всякий другой.

И он сел на землю, прислонившись к высокому дереву и положив на колени свой клинок.

Его тут же охватила дремота. Голова несколько раз кивала и дергалась вверх. Затем он уронил подбородок на грудь и захрапел.

Он шел через сине-зеленую равнину, и травы расступались перед ним. В конце этой тропы стояло массивное дерево, которое как бы не росло на земле, а держало весь мир своими корнями, а его ветви достигали звезд.

У подножия дерева сидел, скрестив ноги, человек с легкой улыбкой на губах. Яма знал, что этот человек — Будда, подошел и встал перед ним.

— Приветствую тебя, о Смерть, — сказал сидящий, увенчанный розовым ореолом, ярко сиявшим в тени дерева.

Яма не ответил, но вытащил свой клинок.

Будда продолжал улыбаться, а Яма, шагнув вперед, услышал звуки далекой музыки.

Он остановился и огляделся вокруг, подняв клинок вверх.

Они шли с четырех сторон, четыре Властителя, спустившиеся с гор Шумерну: впереди Хозяин Севера, сопровождаемый своими Якшасами, одетыми в золото, на желтых лошадях, в сверкающих золотом доспехах; затем Ангел Юга, в сопровождении своих воинов Кумбхаядов, на голубых конях, с сапфировыми щитами; с запада приближался тот, чьи Наги ехали на кроваво-красных лошадях, в красной одежде и несли перед собой коралловые щиты. Копыта лошадей не касались травы. В воздухе была слышна только музыка, и она становилась все громче.

— Зачем приближаются владыки мира? — спросил Яма.

— Они идут, чтобы унести мои кости, — ответил Будда, продолжая улыбаться.

Четыре Владыки натянули поводья. Их отряды остановились позади. Яма стоял перед Владыками.

— Вы пришли унести его кости, — сказал он. — А кто придет за вашими?

Владыки спешились.

— Ты не можешь взять этого человека, — сказал Хозяин Севера, — потому что он принадлежит всему миру, а мы от имени всего мира будем защищать его.

— Послушайте, Владыки, живущие на Шумерну, — сказал Яма, принимая свой божественный облик, — в ваши руки отдана забота о планете, но Смерть берет с нее кого захочет и когда захочет. Вам не дано оспаривать мою силу и власть.

Четыре Владыки стали между Ямой и Татагатхой.

— Мы оспариваем твое решение насчет этого человека, Господин Яма, потому что в его руках судьба нашего мира. Ты коснешься его только после того, как уничтожишь четыре Силы.

— Пусть будет так, — сказал Яма. — Кто из вас первый выступит против меня?

— Я, — сказал говоривший, поднимая свое золотое лезвие.

Яма разрезал мягкий металл, как масло, ударил плашмя своей кривой саблей по голове Владыки, и тот растянулся на земле.

Из рядов Якшасов раздался громкий крик: двое золотых всадников выступили вперед, чтобы унести своего вождя. Затем они повернули лошадей и поехали обратно на Север.

— Кто следующий?

К нему подошел Владыка Востока с прямым серебряным клинком и сетью, сплетенной из лунного света.

— Я, — сказал он и швырнул сеть.

Яма наступил на нее ногой, схватил руками и дернул. Владыка, потеряв равновесие, качнулся вперед, и Яма ударил его в челюсть рукояткой сабли.

Два серебряных воина посмотрели на Яму, опустили глаза и повезли своего господина на Восток; вслед за ними неслась нестройная музыка.

— Следующий! — сказал Яма.

Перед ним встал дородный глава Нагов, он отбросил оружие и сорвал с себя тунику, говоря:

— Я буду бороться с тобой, Бог Смерти.

Яма отложил в сторону оружие и снял верхнюю одежду.

Пока все это происходило, Будда сидел в тени громадного дерева и улыбался, словно эти стычки не имели для него никакого значения.

Глава Нагов схватил Яму левой рукой за шею и дернул его голову вперед. Яма сделал то же самое. Владыка нагнулся, забросил правую руку на левое плечо и шею Ямы и сцепил пальцы обеих рук, резко нагибая голову Ямы к своему бедру. Но Яма протянул левую руку, схватил Владыку за левое плечо, а правой под коленками и таким образом поднял его за ноги над землей, не выпуская его плеча.

Несколько секунд он баюкал Владыку на руках, как ребенка, затем поднял его на уровень плеч и отпустил руки.

Когда Владыка ударился о землю, Яма упал коленями на него, но тут же вскочил. Владыка остался лежать на земле.

Когда всадники Запада уехали, перед Ямой стоял только Ангел Юга в голубой одежде.

— А ты? — спросил Бог Смерти, вновь обнажая свое оружие.

— Я не подниму ни стального оружия, ни кожи, ни камня против тебя, Бог Смерти. И не противопоставлю силу моего тела твоей силе, — сказал Ангел. — Я знаю, что эти вещи бесполезны, потому что никто не может совладать с тобой с помощью оружия.

— Тогда залезай обратно на свою голубую клячу и проваливай, — сказал Яма, — раз не хочешь драться.

Ангел не ответил, но подбросил в воздух свой голубой щит. Тот закружился, как сапфировое колесо, и повис в воздухе.

Затем щит упал на землю и стал бесшумно погружаться в нее. Он скоро исчез из виду, и трава сомкнулась над местом, куда он упал.

— Что это означает?

— Я не сражаюсь. Я только защищаю. Моя сила в пассивном сопротивлении. У меня сила жизни, у тебя — сила смерти. Ты можешь уничтожить любое оружие, какое я пошлю против тебя, но ты не посмеешь уничтожить ВСЕ, о Смерть. Моя сила — щит, а не меч. Жизнь встанет против тебя, Господин Яма, чтобы защитить твою жертву.

Голубой Ангел повернулся, сел на голубого коня и поехал на Юг, сопровождаемый своими Кумбхандами. Звуки музыки не ушли с ним, а остались в воздухе.

Яма шагнул вперед, подняв саблю.

— Твои усилия ни к чему не привели, — сказал он. — Твой час настал.

И он ударил клинком.

Удар, однако, не состоялся, потому что ветка громадного дерева упала между Ямой и Буддой и выбила саблю из рук Ямы.

Он потянулся за оружием, но трава склонилась и сплелась над саблей в плотную неразрушимую сетку.

Выкрикивая проклятия, Яма вытащил кинжал и снова ударил.

Мощная ветвь наклонилась, качнулась перед сидящим, так что лезвие глубоко ушло в древесину. Затем ветвь снова поднялась в небо, унося с собой оружие.

Глаза Будды закрылись в медитации. Его ореол сиял в тени.

Яма сделал еще шаг, подняв руки, но трава заплелась вокруг его лодыжек и удержала на месте.

Он некоторое время боролся, дергая неподатливые корни, но затем поднял обе руки вверх и закинул голову назад. Смерть лилась из его глаз.

— Услышьте меня, о Могучие! — закричал он. — С этой минуты на этом месте лежит проклятие Ямы! Ни одно живое существо никогда

не шевельнется на этой земле! Не запоет птица, не проползет змея! Это место будет голым и застывшим, местом камней и зыбучего песка! Ни одна травинка не поднимется здесь! Я высказываю это проклятие и накладываю смерть на защитников моего врага!

Трава стала вянуть, но прежде, чем она освободила Яму, послышался странный треск, и дерево, чьи корни держали весь мир и чьи ветви хватали звезды, как сеть рыбу, качнулось вперед и сломалось посередине; верхние его ветви раздирали Небо, корни открыли пропасти в земле, листья посыпались сине-зеленым дождем. Массивная часть ствола упала перед Ямой, бросив темную, как ночь, тень.

Яма все еще видел вдалеке Будду, сидевшего в медитации и как бы не знающего о хаосе, разверзшемся вокруг него.

Затем только тьма и звук, похожий на раскат грома.

Яма дернул головой, глаза его резко открылись.

Он сидел в пурпурной роще, прислонившись к синему дереву; его сабля лежала на коленях.

Ничто, казалось, не изменилось.

Ряды монахов сидели перед ним в медитации. Ветер был таким же холодным и влажным, и свет все еще мерцал.

Яма встал, каким-то образом поняв, куда ему надо идти, чтобы найти желаемое.

Он прошел мимо монахов по хорошо утоптанной тропе в глубь леса.

Он дошел до пурпурного павильона, но павильон был пуст.

Он пошел дальше, где лес стал гуще. Земля здесь была сырая, опускался слабый туман. Но тропа перед ним была все еще ясно заметна, освещаемая светом двух лун.

Путь шел под уклон, синие и пурпурные деревья были здесь ниже и более искривлены. По сторонам тропы стали появляться небольшие лужи с плавающими островками лишайника и серебряной пены. Запах болота ударил в ноздри Ямы. Из зарослей болотных кустарников слышалось хриплое дыхание неведомых существ.

Далеко позади он услышал пение и понял, что монахи, которых он оставил, теперь проснулись и бродят по роще. Они покончили со своей задачей: объединив мысли, послали ему видение непобедимости их вождя; это видение, вероятно, было сигналом отбоя...

Вот!

Кто-то сидел на камне среди поляны, в полном лунном свете. Яма вынул свой клинок и пошел вперед.

Когда он был шагах в двадцати от сидящего, тот повернул голову.

— Приветствую, о Смерть, — сказал он.

— Приветствую, Татагатха.

— Зачем ты здесь?

— Было решено, что Будда должен умереть.

— Это не ответ на мой вопрос. Зачем ты пришел сюда?

— Разве ты не Будда?

— Меня называли Буддой, и Татагатхой, и Просветленным, и многими другими именами. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: нет, я не Будда. Тебе уже удалось сделать то, что ты намереваешься: ты убил настоящего Будду.

— В моей памяти, как видно, провал: я, признаться, не помню, чтобы сделал такое.

— Настоящего Будду мы называли Сугатой. А до этого он был известен как Ральд.

— Ральд! — Яма хмыкнул. — Ты пытаешься уверить меня, что он больше чем просто палач, которого ты отговорил заниматься его ремеслом?

— Многих палачей отговаривали от выполнения их работы, — ответил человек, сидящий на камне. — Ральд добровольно отказался от выполнения своей миссии и вступил на Путь. Из всех, кого я знаю, он единственный действительно получил Просветление.

— Ведь ты распространяешь миротворческую религию!

— Да.

Яма откинул голову и расхохотался.

— Боги! Хорошо еще, что ты не проповедуешь религию воинственную! Твой лучший ученик — Просветленный и все такое — едва не оторвал мне голову сегодня.

Усталый взгляд пробился сквозь отрешенное выражение лица Будды.

— Ты думаешь, он и в самом деле мог побить тебя?

Яма помолчал, а потом сказал:

— Нет.

— Как ты думаешь, он знал это?

— Возможно.

— А ты знал его раньше, до этой встречи? Ты видел его в деле?

— Да. Мы были знакомы.

— Значит, он знал твое мастерство и предвидел исход стычки.

Яма промолчал.

— Он добровольно пошел к своей мученической судьбе и не поставил меня в известность. Не думаю, что у него была надежда победить тебя.

— Тогда зачем же?

— Доказать главное.

— Что он надеялся доказать таким образом?

— Не знаю. Знаю только, что это было именно так, потому что я знал его. Я очень часто слушал его проповеди, его мудрые притчи и уверен, что он мог бы поступить так без определенной цели. Ты убил истинного Будду, Бог Смерти. Ты знаешь, кто я?

— Сиддхарта, — сказал Яма, — я знаю, что ты обманщик. Я знаю, что ты не Просветленный. Я знаю, что твое учение — это то, что мог бы вспомнить любой из Первых. Ты решил воскресить его, уверяя, что ты

его автор. Ты решил распространить его в надежде вызвать оппозицию той религии, которую правят истинные боги. Я восхищен твоими усилиями. Все было мудро спланировано и выполнено. Но твоя главная ошибка, я считаю, в том, что ты выбрал бездействие для борьбы с действием. Мне интересно, зачем ты это сделал, когда мог выбрать из множества религий более подходящую?

— Может, мне было как раз интересно посмотреть, каково это — идти против течения, — ответил тот.

— Нет, Сэм, это не так. Я чувствую, что это часть более широкого замысла и что все эти годы, когда ты считался святым и произносил проповеди, в которые сам ничуть не верил, ты строил другие планы. Армия, заняв большое пространство, может противоборствовать короткое время; один человек, занимая мало места, должен растянуть свою оппозицию на долгие годы, тогда у него есть шанс преуспеть. Ты это знаешь и сейчас сеешь семена украденного учения, планируя двинуться к другой фазе противоборства. Ты пытаешься в единственном числе стать антитезой Неба, много лет противясь воле богов различными способами и под различными масками. Но этому немедленно будет положен конец, фальшивый Будда!

— Почему, Яма?

— Ради безопасности. Мы не хотели делать из тебя мученика и увеличивать этим рост твоего учения. С другой стороны, если тебя не остановить, рост его будет продолжаться. Поэтому было решено, что ты должен принять свой конец из рук посланца Неба — это покажет, какая религия сильнее. Так что, будешь ты мучеником или нет, буддизм будет с этих пор считаться второстепенной религией. Вот почему ты должен умереть реальной смертью.

— Когда я спросил «почему», я имел в виду совсем другое. Ты ответил не на тот вопрос. Я имел в виду — почему ТЫ пришел сделать это, Яма? Почему ты, Мастер Оружия, Мастер Наук, пришел как лакей по приказу этих меняльщиков тел, не умеющих даже отполировать твой клинок или вымыть твои пробирки? Почему ты, наиболее свободный дух из всех нас, унизился до того, чтобы прислуживать низшим?

— За эти слова твоя смерть не будет легкой.

— Почему? Я только задал вопрос, который давно должен был прийти в голову не только мне. Я не обиделся, когда ты назвал меня фальшивым Буддой. Я знаю, кто я. А кто ты, Бог Смерти?

Яма сунул саблю за пояс и достал трубку, которую купил в гостинице. Он набил ее и закурил.

— Ясно, что мы должны побеседовать хотя бы для того, чтобы очистить наши мозги от вопросов, — сказал он, — так что я устроюсь поудобнее.

Он тоже сел на низкий камень.

— Во-первых, некто может превосходить своих товарищей но, тем не менее подчиняться им, если все они служат общему делу, которое больше, чем любое личное. Я уверен, что служу такому делу, иначе я не стал бы

в этом участвовать. Ты чувствуешь то же самое относительно своего дела, иначе ты не стал бы вести эту презренную аскетическую жизнь — хотя я заметил, что ты не такой изможденный, как твои последователи. Насколько я помню, тебе предлагали божественность несколько лет назад в Мюнхене, а ты посмеялся над Брамой, напал на Дворец Кармы и набил жетонами все молитвенные машины города...

Будда хихикнул. Яма тоже посмеялся с ним и продолжал:

— В мире не осталось ни одного Акселерациониста, кроме тебя. Это тупик, ты из него никогда не выйдешь на первое место. Я в какой-то мере уважаю твой образ действий. Мне даже пришло в голову, что, если бы ты понял безнадежность своего нынешнего положения, тебя можно было бы убедить присоединиться к хозяевам Неба. Хотя я пришел сюда убить тебя, но, если тебя можно убедить и ты дашь слово, что кончишь свою дурацкую борьбу, я поручусь за тебя. Я возьму тебя с собой в Небесный Город, где ты примешь то, от чего однажды отказался. Боги послушают меня, потому что я им нужен.

— Нет, — сказал Сэм. — Я отказываюсь именно потому, что я убежден в тщетности моего положения и полон решимости продолжать спектакль.

Из лагеря в пурпурной роще донеслось пение. Одна из лун скрылась за вершинами деревьев.

— Почему твои последователи не ломают кустов в стремлении спасти тебя?

— Они придут, если я позову, но я не будут звать. Мне этого не нужно.

— Зачем они наслали на меня этот дурацкий сон?

Будда пожал плечами.

— Почему они не поднялись и не убили меня, пока я спал?

— Это не их Путь.

— А ты мог бы? Никто бы не узнал, что Будда сделал такое.

— Возможно. Как тебе известно, личные силы и слабости вождя еще не мерило самого дела.

Яма сильнее пыхнул трубкой. Дым окутал голову и слился с туманом, который становился все гуще.

— Я знаю, что мы здесь одни и ты безоружен, — сказал Яма.

— Мы одни. Мои дорожные принадлежности спрятаны дальше по моей дороге.

— Какие дорожные принадлежности?

— Я здесь закончил. Ты угадал правильно. Я начал то, что собирался начать. Когда мы закончим нашу беседу, я уйду.

Яма засмеялся.

— Оптимизм революционера всегда вызывает удивление. Каким образом ты предполагаешь уйти? На ковре-самолете?

— Я пойду, как всякий другой.

— Это, пожалуй, унизительно для тебя. Может, стихии мира поднимутся на твою защиту? Я не вижу громадного дерева, укрывающего тебя

ветвями. И здесь нет разумной травы, хватающей меня за ноги. Скажи, как ты совершишь свой уход?

— Я, пожалуй, удивлю тебя.

— А как насчет нашего боя? Я не люблю убивать безоружных. Если у тебя действительно спрятаны какие-то припасы неподалеку, то сходи за своим мечом. Это все-таки лучше, чем вовсе не иметь шансов. К тому же я слышал, что господин Сиддхарта был в свое время замечательным фехтовальщиком.

— Спасибо, нет. В другой раз, может быть. Но не сейчас.

Яма снова выпустил дым, потянулся и зевнул.

— По-моему, у меня нет больше вопросов к тебе. Спорить с тобой бесполезно. Мне больше нечего сказать. Ты можешь еще что-нибудь добавить к разговору?

— Да, — сказал Сэм, — любит ли кого-нибудь эта шлюха Кали? Сведения самые разные, и их так много, что я уж стал думать, что она — подстилка для всех мужчин...

Яма отшвырнул трубку. Она задела его по плечу и рассыпала поток искр вдоль его рукава. Он поднял саблю над головой и шагнул вперед.

Когда он ступил на песчаную полосу перед камнем, его движение было остановлено. Он чуть не упал, согнулся, но не мог двинуться, как ни старался.

— Зыбучий песок, — сказал Сэм. — И более быстрый, чем обычно. К счастью, ты попал в более медленную часть. Так что тебе придется оставаться в этом положении довольно долго. Я хотел бы продолжить разговор, если бы думал, что у меня есть шанс убедить тебя присоединиться ко мне. Но я знаю, что мне это не удастся — так же, как и ты не убедишь меня идти на Небо.

— Я освобожусь, — тихо сказал Яма, не дрогнув. — Я освобожусь каким-нибудь образом и снова приду за тобой.

— Да, — сказал Сэм, — чувствую, что так и будет. Я даже научу тебя, как это сделать. Сейчас же ты представляешь собой как раз то, о чем мечтает каждый проповедник: плененного, придерживающегося противоположных взглядов. Так что я произнесу для тебя короткую проповедь, господин мой Яма.

Яма решил не терять саблю, приподнял ее и вложил в ножны.

— Проповедуй, — сказал он, и ему удалось поймать взгляд Сэма.

Сэм покачнулся, но заговорил снова:

— Поразительно, каким образом твой мутантский мозг генерирует мысль, передается любому другому сознанию, которое тебе удается перехватить. Прошло много лет с тех пор, как я в последний раз воспользовался своей единственной способностью, как сделал сейчас, но она тоже все еще работает. В каком бы теле я ни обитал, моя сила, оказывается, следует за мной. Я знаю, что это происходит со всеми нами. Я слышал, что Ситала может управлять температурой на далеком расстоянии. Когда она берет

себе новое тело, сила следует за ней в ее новую нервную систему, но сначала действует очень вяло. Агни, я знаю, может зажигать предметы, пристально глядя на них некоторое время и желая, чтобы они загорелись. Возьмем, к примеру, твой смертельный взгляд, который ты сейчас направил на меня. Разве не поразительно, что ты хранишь этот дар в любом месте и времени целые столетия? Я часто задумывался, какова физиологическая основа этого феномена. Ты когда-нибудь исследовал эту область?

— Да, — сказал Яма, глаза его горели под черными бровями.

— И каково же объяснение? Некто родится с нормальным мозгом, позднее его душа переносится в ненормальный мозг, но его аномальные способности не разрушаются при переходе. Почему это происходит?

— Потому что реально ты имеешь только одно тело-образ, которое является как электрическим, так и химическим по природе. Оно немедленно начинает изменять свое новое физиологическое окружение. Новое тело кажется ему как бы больным, и оно старается вылечить это тело по образцу старого. Если тело, в котором ты сейчас живешь, было бы сделано физически бессмертным, оно когда-нибудь стало бы похожим на твое изначальное тело.

— Как интересно.

— Вот поэтому перенесенная сила вначале слаба, но становится сильнее, по мере того как ты продолжаешь занимать новое тело. Вот поэтому так важно развивать свою энергию и на первых порах пользоваться также механическими помощниками.

— Хорошо. Об этом я частенько задумывался. Спасибо. Кстати, воздержись от попыток достать меня своим смертельным взглядом — он, знаешь, болезненен. Сбивает мысль, мешает речи. А теперь проповедь. Один гордый и надменный человек, вроде тебя, и с предрасположением к учительству, занялся исследованиями в области одной уродливой и дегенеративной болезни. Однажды он подхватил ее сам. Поскольку он не нашел лекарства от этого состояния, он смотрит на себя в зеркало и говорит: «Но на МНЕ она выглядит хорошо!» Ты как раз такой человек, Яма.

Ты не борешься со своим состоянием. Ты, скорее, гордишься им. Ты выдал себя в своей ярости, поэтому я знаю, что говорю правду. Я назову имя твоей болезни: Кали. Ты не отдал бы власти в недостойные руки, если бы эта женщина не заставила тебя сделать так. Я давно знаю ее и уверен, что она не изменилась. Она не может любить мужчину. Ей становятся близки только те, кто приносит ей дары хаоса. Если ты когда-нибудь перестанешь служить ее людям, она отшвырнет тебя прочь, о Бог Смерти. Я говорю это не потому, что мы враги, а просто как мужчина мужчине. Я знаю. Поверь, я знаю.

Возможно, твое несчастье в том, что ты никогда не был молод, Яма, и не знал первой любви в весенние дни... Итак, мораль моей проповеди на этом маленьком пригорке такова: даже зеркало не покажет тебе тебя самого, если ты не пожелаешь увидеть. Стань ей однажды поперек дороги,

чтобы проверить истинность моих слов — пусть даже в каком-нибудь пустяке, — и увидишь, как быстро она ответит и каким манером. Что ты сделаешь, если твое собственное оружие обернется против тебя, Смерть?

— Ты кончил? — спросил Яма.

— Пожалуй. Проповедь — предупреждение, и ты предупрежден.

— Какова бы ни была твоя сила, Сэм, я вижу, что в данный момент она защищает тебя от моего смертельного взгляда. Тебе повезло, что я ослабел...

— Это верно, потому что моя голова готова треснуть. Будь прокляты твои глаза!

— Когда-нибудь я испытаю твою силу снова, и, даже если она по-прежнему будет тебе защитой против моей силы, ты все равно падешь в этот день. Если не от моей энергии, так от моей сабли!

— Если это вызов, то я предпочитаю не сразу принять его. Я советую тебе проверить мои слова, прежде чем попробуешь как следует сделать свое дело.

К этому времени песок засыпал Яму до бедер.

Сэм вздохнул и поднялся со своего места.

— Здесь только одна тропа свободна, и я собираюсь уйти по ней. А сейчас, если ты не чрезмерно горд, я скажу тебе, как спасти жизнь. Я велел монахам прийти сюда помочь мне, если они услышат крик о помощи. Я уже говорил тебе, что не собираюсь звать их, и это правда. Однако, если ты начнешь кричать изо всей мочи, они будут здесь раньше, чем ты увязнешь слишком глубоко. Они выволокут тебя на твердую землю и не нанесут никакого вреда, потому что это не их Путь. Мне приятна мысль, что Бог Смерти будет спасен монахами Будды. Спокойной ночи, Яма. Теперь я оставляю тебя.

Яма улыбнулся.

— Есть и другой способ, о Будда! Я могу подождать его. Беги как можно дальше и как можно скорее. Мир не на столько велик, чтобы спрятать и тебя от моего гнева. Я последую за тобой и научу тебя просветлению в чистом адском огне.

— А тем временем, — сказал Сэм, — обратись-ка за помощью к моим приверженцам или познай трудное искусство дышать грязью.

Он пошел через поляну. Глаза Ямы жгли ему спину. Дойдя до тропы, он оглянулся.

— А на Небе ты можешь сослаться на то, что я был вызван прочь из города для делового соглашения.

Яма не ответил.

— Я думаю, — закончил Сэм, — что заключу сделку насчет оружия. Специального оружия. Так что, когда ты придешь за мной, возьми с собой свою подружку. Если ей нравится то, что она видит, то она, наверное, уговорит тебя объединить силы.

Затем он ступил на тропу и пошел, насвистывая, через ночь, под луной белой и луной золотой.

Говорят, что Бог Света спускался в Колодец Демонов, чтобы сторговаться с главой Ракшей. Он-то действовал честно, но Ракша есть Ракша. Известно, что это зловредные создания, обладающие великой силой, быстрой жизнью и способностью принимать почти любую форму. Уничтожить Ракшу почти невозможно. Их главный недостаток — отсутствие настоящего тела; их главная добродетель — честная уплата проигранного. То, что Бог Света пошел в Адский Колодец за услугами, показывает, что он, видимо, в какой-то мере утратил понимание мира...

> Когда потомки Прайяпати, боги и демоны, сражались друг с другом, боги ухватились за жизненный принцип Удгиты, думая, что так они победят демонов...
>
> Они использовали Удгиту, действующую через нос, но демоны наполнили воздух злом. Следовательно, бог вдыхал одновременно запах приятного и скверного. Дыхание *соприкоснулось со злом.*
>
> Они использовали Удгиту как слова, но демоны наполнили слова злом. Следовательно, бог говорил одновременно и правду, и ложь. И слово соприкоснулось со злом.
>
> Они использовали Удгиту, которая действует через глаза, но демоны наполнили глаза злом. Следовательно, бог видел одновременно приятное и безобразное. Глаз соприкоснулся со злом.
>
> Они использовали Удгиту, как слух, но демоны наполнили ухо злом. Следовательно, бог слышал одновременно хорошее и плохое. Уши соприкоснулись со злом.
>
> Они использовали Удгиту, как мысль, но демоны наполнили мысль злом. Следовательно, бог думал, что мысль правильная, истинная и хорошая и что она же неправильная, фальшивая и испорченная. Мысль соприкоснулась со злом.
>
> *Шхандогья Упанишада* (1 и 1-6)

Адский Колодец лежит на вершине мира и ведет вниз, к его корням. Он, вероятно, так же стар, как и сам мир: если и нет, то выглядит таким.

Он начинается с двери. Это огромная дверь из закаленного металла, воздвигнутая Первыми, тяжелая, как грех, втрое выше человека и в половину этого расстояния шириной. Она в полный локоть толщиной, на ней медное кольцо размером с голову, сложная пластина замка и надпись, говорящая примерно следующее: «Уходи. Здесь тебе не место. Если попробуешь войти — пропадешь, а также будешь проклят. Если тебе каким-то образом удастся войти — не жалуйся, что тебя не предупредили, и не докучай нам своими предсмертными молитвами». Подписано: «Боги».

Вход расположен близ пика очень высокой горы, называемой Шенна, в центре страны очень высоких гор, называемых Ратнагари. Здесь на земле всегда лежит снег и радуга сверкает на сторонах сосулек, висящих на замерзших шапках утесов. Воздух здесь словно острый меч. Небо сверкает, как кошачий глаз.

Очень немногие ноги когда-либо проходили по тропе, ведущей к Адскому Колодцу. Те, кто посещал это место, как правило, приходили только взглянуть, существует ли дверь на самом деле: вернувшись домой и рассказывая о виденной ими двери, они обычно подвергались насмешкам.

Разговоры насчет пластины замка свидетельствовали, что кто-то действительно нашел вход. Однако оборудование, достаточное, чтобы осилить громадную дверь, нельзя было доставить сюда или правильно установить: тропа к Адскому Колодцу на последних трехстах футах ее подъема была в ширину всего в десять дюймов, а на том месте, которое оставалось от некогда широкого уступа против двери, едва ли поместилось бы в ряд шесть человек.

Говорили, что Пенналал Мудрый, обострив свой мозг медитацией и аскетизмом, предугадал действия, открывающие замок, и вошел в Адский Колодец. После этого он был известен как Пенналал безумный.

Пик, называемый Шенна, который держит огромную дверь, находится в пяти днях пути от небольшой деревушки далекого северного королевства Мальва. Сама эта горная деревня, ближайшая к Шенне, не имеет названия и населена свирепыми и независимыми людьми, у которых нет особого желания, чтобы их городок был нанесен на карту и в налоговые списки раджи. О радже достаточно сказать, что он средних лет, среднего роста. умный, довольно крепкий, не слишком религиозный и сказочно богатый. Богат он потому, что налагает на своих подданных высокие налоги. Когда подданные начинают жаловаться и шептаться о мятеже, идущем по королевству, он объявляет войну соседнему королевству и удваивает налог. Если война идет плохо, он казнит нескольких генералов и велит своему министру заключить договор о мире; если же, по счастью, она идет хорошо, он накладывает дань за какое-нибудь оскорбление, бывшее причиной всего дела. Обычно же война кончалась перемирием, и подданные, озлобленные военными действиями, примиряются с высоким налогом. Зовут раджу Видегха, у него много детей. Он любитель грак-птиц, которых можно научить петь непристойные песни, змей, которых он время от времени кормит грак-птицами, не могущими держать мелодию, и игры в кости. Детей он не очень любит.

Адский Колодец начинается с громадной двери высоко в горах самого северного угла королевства Видегха, дальше которого больше нет королевства. Он начинается там и по спирали ввинчивается вниз, через сердце горы Шенна, пробиваясь, как штопор, по многочисленным пещерам, не известным людям, и тянет далеко под грядой Ратнагари глубочайшие переходы все ниже и ниже, к корням мира.

К этой двери пришел путник.

Он был просто одет и путешествовал один и, похоже, точно знал, куда он идет и что делает.

Он карабкался по тропе на Шенну, прокладывая себе путь по ее мрачному лику.

Ему потребовалась большая часть утра, чтобы достичь цели — двери.

Остановившись перед ней, он немного отдохнул, выпил воды из фляги, вытер рот тыльной стороной ладони и улыбнулся.

Затем он сел, прислонившись к двери спиной, и поел. Закончив, он бросил листья, в которые была завернута еда, и смотрел, как они падают, покачиваясь из стороны в сторону на воздушных течениях, пока они не скрылись из виду. Он набил трубку и закурил.

Отдохнув, он встал и снова посмотрел на дверь.

Рука его легла на пластину замка и медленно двинула ее серией разных жестов. Когда рука его отпустила пластину, за дверью раздался мелодичный звук.

Человек взялся за кольцо и потянул; его плечевые мускулы напряглись. Дверь поддалась, сначала медленно, потом быстрее. Он отступил в сторону и распахнул дверь, отведя ее за уступ.

На внутренней поверхности двери было второе кольцо, вдвое больше первого. Человек схватил кольцо, когда оно проходило мимо него, и затормозил пятками, чтобы дверь не отошла слишком далеко.

Из отверстия за его спиной шел поток теплого воздуха.

Подтащив дверь, чтобы она снова закрылась за ним, он остановился и зажег один из маленьких факелов, которые принес с собой. Затем он пошел по коридору, расширяющемуся по мере его продвижения.

Пол начал резко опускаться, и после сотни шагов потолок стал таким высоким, что его не было видно.

После двухсот шагов путник остановился на краю колодца.

Теперь его окружала тьма, простреленная огнем его факела. Стены исчезли — кроме одной, позади и справа. Пол кончался на небольшом расстоянии от него.

За краем было что-то вроде бездонной шахты. Он ничего не видел там, но знал, что она приблизительно круглая по форме. Он знал также, что по мере углубления она расширяется по окружности.

Он стал спускаться вниз по выступу, идущему винтом вокруг стены колодца. Из глубины поднимались потоки теплого воздуха. Выступ был искусственного происхождения. Это чувствовалось, несмотря на его крутизну. Он был очень опасным и очень узким; во многих местах он треснул, и на нем накопились камни. Но его ровный спиральный спуск доказывал, что его существование имело цель и систему.

Он осторожно шел по этому выступу. Слева от него была стена, а справа — пустота.

Когда протекло, казалось, полтора столетия, он увидел далеко внизу крошечный мерцающий огонек, висевший в воздухе.

Однако кривизна стены постепенно отклоняла его путь, так что этот огонек больше не висел в пространстве, а лежал внизу и чуть справа.

Еще один изгиб выступа поставил этот свет прямо впереди.

Когда он миновал нишу в стене, где скрывался огонек, он услышал голос в своем мозгу, выкрикивавший:

— Освободи меня, Хозяин, и я положу мир к твоим ногам!

Но он поспешил дальше, даже не взглянув на лицо в отверстии.

Теперь стало больше видимого света, плывущего по океану мрака, что лежал под ногами путника.

Стена продолжала расширяться и была полна ярким мерцанием вроде пламени, но не пламени, полна фигурами, лицами, полузабытыми образами. И от каждого шел крик:

— Освободи меня! Освободи меня!

Но путник не останавливался.

Наконец он спустился на дно колодца и пошел через него, мимо разбитых камней, через трещины в каменном полу. Он достиг противоположной стены, где плясало огромное оранжевое пламя.

При его приближении огонь стал вишнево-красным, а когда он остановился перед ним, огонь стал голубым с сапфировой сердцевиной. Он поднимался на высоту удвоенного человеческого роста, пульсировал, изгибался. От него исходили мелкие лучики, тянулись к путнику, но втягивались обратно, как бы натолкнувшись на невидимый барьер.

Во время спуска путник прошел мимо такого количества огней, что потерял им счет. Он знал также, что еще больше их скрыто в пещерах, которые открывались в дно колодца.

Каждый огонек, мимо которого он проходил на своем пути, обращался к нему, используя собственные манеры обращения, так что слова в голове звучали, как барабаны, слова угрожающие, умоляющие, обещающие. Но от этого голубого слепящего огня, который был больше всех других, никакого послания не пришло. В его яркой сердцевине не крутилось, не изгибалось ни одной фигуры. Это было пламя, пламенем оно и оставалось.

Путник зажег новый факел и закрепил его между двумя камнями.

— Итак, Ненавистный, ты вернулся!

Слова упали на путника, как удар кнута. Утвердившись покрепче, он повернулся лицом к голубому пламени, сказав:

— Тебя звали Тарака?

— Тот, кто привязал меня здесь, должен знать, как меня звали, — пришли слова. — Не думай, о Сиддхарта, что в другом теле ты неузнаваем. Я смотрю на волны энергии — твое настоящее существо, а не плоть, что маскирует их.

— Понятно.

— Ты пришел насмехаться надо мной в моей темнице?

— Разве я насмехался над тобой в дни Связывания?

— Нет.

— Я делал то, что должен был сделать, чтобы сохранить свою расу. Люди ослабели и уменьшились в числе. Твой род напал на них и собирался уничтожить.

— Ты украл у нас мир, Сиддхарта. Ты приковал нас здесь.

— Может быть, есть способ как-то возместить это?

— Чего ты хочешь?

— Союзничества.

— Ты хочешь заставить нас участвовать в твоей борьбе?

— Именно.

— А когда она кончится, ты снова свяжешь нас?

— Нет, если мы заранее выработаем какое-то соглашение.

— Скажи мне свои условия, — сказало пламя.

— В прежние времена ваш народ ходил, видимый и невидимый, по улицам Небесного Города.

— Это правда.

— Теперь Город укреплен гораздо лучше.

— В каком смысле?

— Вишну-Хранитель и Яма-Дхарма, Бог Смерти, закрыли все Небо, а не только Город, как было в старину, каким-то, как говорят, непроницаемым куполом.

— Нет такой вещи — непроницаемый купол.

— Я говорю только то, что слышал.

— В Город есть множество путей, Господин Сиддхарта.

— И ты найдешь их все для меня?

— Это будет ценой за мою свободу?

— За твою личную свободу, да.

— А как другие из моего рода?

— Если их тоже освободить, вы все должны будете помочь мне осадить Город и взять его.

— Освободи нас, и Небо падет!

— Ты говоришь и за других?

— Я — Тарака. Я говорю за всех.

— Какую гарантию ты дашь, Тарака, что этот договор будет выполнен?

— Мое слово. Поклянусь, чем хочешь.

— Легкость в клятве — не самое надежное качество договаривающегося. И твоя сила является также твоей слабостью в любом договоре вообще. Ты так силен, что не можешь дать другому власть контролировать тебя. Ты не можешь поклясться богами. Ты чтишь только одну вещь — игорный долг, а здесь не место для игры.

— У т е б я есть власть контролировать нас.

— Одного — возможно. Но не всех.

— Это трудная проблема, — сказал Тарака. — Я отдал бы все, что имею, за свободу, но я имею только силу, чистую энергию, которую, в сущности, нельзя передать. Большая сила может ее подчинить себе, но это

не ответ. Я, по правде говоря, не знаю, как дать тебе удовлетворительную гарантию, что сдержу свое обещание. На твоем месте я, конечно, не поверил бы.

— Есть кое-что в качестве дилеммы. Я освобожу тебя сейчас — тебя одного, — чтобы ты посетил Полюс и провел разведку защиты Неба. В твое отсутствие я обдумаю эту проблему поглубже. Ты сделаешь так же, и, возможно, когда ты вернешься, мы заключим подходящий договор.

— Согласен! Освободи меня от этой участи!

— Однако помни мою силу, Тарака. Как я развяжу, так могу и связать.

Пламя отошло от стены.

Оно свернулось в огненный шар и взвилось над стеной, как комета. Оно горело, как маленькое солнце, освещая темноту; поднимаясь, оно меняло цвета, так что камни сверкали то призрачно, то ласково.

Затем оно повисло над головой того, кого звали Сиддхарта, и послало вниз на него взволнованные слова:

— Ты не представляешь, как я рад чувствовать свою силу свободной. И хотел бы еще раз испытать твою мощь.

Человек под ним пожал плечами.

Огненный шар сжался. Съеживаясь, он стал ярче и медленно опустился на пол.

Он лежал, дрожа, как лепесток гигантского цветка; затем медленно потянулся через пол Адского Колодца и вернулся в нишу.

— Ты удовлетворен? — спросил Сиддхарта.

— Да, — пришел ответ через некоторое время. — Твоя сила не ослабела, Связавший. Освободи меня снова.

— Мне надоело это соревнование, Тарака. Я, пожалуй, оставлю тебя как есть и поищу помощи в другом месте.

— Нет! Я обещал тебе! Чего тебе еще надо?

— Мне нужно, чтобы мы не спорили. Либо ты служишь мне в этом деле, либо нет. Только и всего. Выбирай и будь верен своему выбору... и своему слову.

— Прекрасно. Освободи меня, я побываю на Небе, на его ледяных горах и сообщу тебе о его слабостях.

— Тогда иди!

На этот раз пламя возникло более медленно. Оно качалось перед ним, приняв грубо-человеческие контуры.

— В чем твоя сила, Сиддхарта? Как ты делаешь то, что делаешь?

— Можешь назвать это электроуправлением, — ответил Сиддхарта. — Мысль над энергией. Это определение не хуже всякого другого. Но как бы ты не назвал эту силу, не старайся встретиться с ней снова. Я могу убить тебя этим, хотя никакое оружие на тебя не действует. А теперь отправляйся!

Тарака исчез, как горящая ветка, опущенная в воду, а Сиддхарта остался среди камней, его факел освещал тьму вокруг него.

Он спал, и его мозг наполнился бормотанием голосов — обещающих, искушающих, умоляющих. Видения богатства и роскоши плыли перед его глазами. Изумительные гаремы проходили парадом перед ним, банкетные столы стояли у его ног. Ароматы мускуса и магнолии и голубоватая дымка горящего ладана, смягчающего душу, обволакивали его. Он ел среди цветов, сопровождаемый светлоглазыми девушками, которые улыбались и несли чаши с вином; серебряный голос пел ему, и нечеловеческие создания танцевали на поверхности озера...

— Освободи нас, освободи нас, — пели они.

Он улыбался и смотрел, но ничего не делал.

Постепенно мольбы и молитвы сменились хором проклятий и угроз. Бронированные скелеты с наколотыми на мечи младенцами наступали на него. Вокруг него появлялись шахты, откуда вырывались огни с запахом серы. Змеи свешивались с веток перед его лицом и плевались ядом. Дождь пауков и жаб падал на него.

— Освободи нас, или агонии не будет конца! — кричали голоса.

— Если вы будете упорствовать, — сказал он, — Сиддхарта очень рассердится и вы лишитесь единственного шанса на освобождение, какой у вас еще есть.

Вскоре все стихло; он опустошил свой мозг и задремал.

Он два раза поел там, в пещере, потом опять спал.

Позднее вернулся Тарака в виде птицы с громадными когтями и сообщил:

— Создания моей породы могут пройти через вентиляционные отверстия, но люди не смогут. Внутри горы много лифтов. В более крупных клетках легко может подняться сразу много людей. Лифты, конечно, охраняются. Но если перебить стражу и отключить сигнализацию тревоги, то подняться можно. И бывает такое время, когда сам купол открыт в разных местах, чтобы впускать и выпускать летательные аппараты.

— Отлично, — сказал Сиддхарта. — В нескольких неделях пути отсюда у меня есть королевство. На моем месте много лет сидит регент, но если я вернусь, я могу собрать армию. По земле идут теперь новые религии. Теперь люди меньше думают о богах, чем раньше.

— Ты хочешь разграбить Небо?

— Да, я хочу открыть миру его сокровища.

— Это мне нравится. Победа нелегка, но с армией людей и армией моего народа мы сумеем это сделать. Освободи мой народ сейчас, чтобы мы могли начать.

— Наверное, будет проще поверить тебе, — сказал Сиддхарта. — Так что ж, давай, начинаем.

И он пошел по дну Адского Колодца к первому глубокому туннелю, ведущему вниз.

В этот день он освободил шестьдесят пять демонов, наполнив пещеры их цветом, движением и светом. В воздухе звучали их мощные радостные

крики и шум, с которым они кружились вокруг Адского Колодца, все время меняя форму и радуясь своему освобождению.

Один принял форму летающей змеи и бросился на Сиддхарту, вытянув когти. На секунду все внимание Сиддхарты сосредоточилось на демоне.

Демон издал короткий крик, отлетел в сторону и рассыпался потоком голубовато-белых искр.

Затем искры погасли, и демон исчез окончательно.

В пещере стояла тишина, огоньки пульсировали и прижимались к стенам. Сиддхарта направил свое внимание на самую большую точку света — Тараку.

— Не для того ли этот демон атаковал меня, чтобы проверить мою силу? — спросил он. — Посмотреть, могу ли я убить, как я тебе говорил?

Тарака приблизился и повис над ним.

— Он напал не по моему приказу. Я чувствую, что он наполовину спятил в своем заточении.

Сиддхарта пожал плечами:

— Некоторое время развлекайтесь, как хотите, а я отдохну, — сказал он и ушел в маленькую пещеру.

Улегшись на свое одеяло, он уснул.

Он увидел сон.

Он бежал.

Его тень ложилась перед ним и росла по мере того, как он бежал по ней.

Она росла до тех пор, пока стала уже не его тенью, а гротескным контуром.

Внезапно он понял, что его тень покрылась тенью его преследователя: покрылась, переполнилась, затопилась.

На миг он впал в страшную панику, там, на неизвестной равнине, через которую он пронесся.

Он знал, что отныне она стала его собственной тенью.

Смерть, преследовавшая его, больше не была за его спиной.

Он знал, что был своей собственной смертью.

Сознавая, что он в конце концов схватится с самим собой, он громко захохотал, хотя испытывал желание завопить.

Проснувшись, он обнаружил, что идет.

Он поднимался по изогнутому выступу Адского Колодца.

Он шел мимо плененных огней. И снова каждый из них кричал ему:

— Освободите нас, Хозяева!

И край льда, который был его мозгом, медленно начал таять.

Хозяева!

Во множественном числе — не в единственном.

Они говорили — Хозяева.

И тогда он понял, что идет не один.

Ни вокруг него, ни под ним не было ни одного танцующего, мерцающего образа.

Те, кто был пленен, так и остались плененными. Те, кого он освободил, исчезли.

Теперь он поднимался по высокой стене Адского Колодца. Ни один факел не освещал его путь, но он все-таки видел.

Он видел детали скалистого выступа как бы в лунном свете.

Он знал, что его глаза неспособны на такой подвиг.

И к нему обращались во множественном числе.

И его тело двигалось, но не по его воле.

Он старался остановиться, не двигаться, но продолжал идти по выступу. И тут его губы задвигались, выговаривая слова:

— Я вижу, ты проснулся. Доброе утро!

В его мозгу сам собой сформировался вопрос, и ответ немедленно последовал через его же собственный рот:

— Да. И каково тебе самому оказаться связанным, Связывающий, в своем собственном теле?

Сиддхарта сформировал другую мысль:

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из твоей породы способен взять контроль надо мной против моей воли, даже когда я сплю.

— Честно говоря, — сказал демон, — я не могу. Но я имел в своем распоряжении объединенную силу многих из моего народа. Похоже, попытка удалась.

— А другие? Где они?

— Ушли. Бродить по миру, пока я их не вызову.

— А как насчет тех, которые еще связаны? Ты не дождался, чтобы я освободил их тоже.

— Какое мне дело до остальных? Я теперь свободен и снова в теле. Что мне еще нужно?

— Значит, твое обещание помочь мне ничего не стоит?

— Почему же, — ответил демон, — мы вернемся к этому вопросу, скажем, через месяц или около того. Мне пришла идея... Я чувствую, что война с богами будет отличным делом, но сначала я хочу на некоторое время предаться радостям плоти. Чего тебе скупиться на небольшие развлечения для меня после столетней скуки и пленения, причиненных мне тобой?

— Должен сознаться, я не хочу, чтобы ты пользовался для этого моей особой.

— Как бы то ни было, тебе пока придется смириться с этим. Ты ведь тоже будешь радоваться тому, чему радуюсь я, так почему бы тебе не взять лучшее из этого?

— Ты утверждаешь, что *намерен* воевать с богами?

— Да. Жаль, что я не подумал об этом сам в прежние времена. Тогда, наверное, мы никогда не были бы связаны. Возможно, что в этом мире не осталось бы ни людей, ни богов. Хотя мы никогда не были склонны

действовать сообща. Независимость духа, естественно, сопровождает независимость личности. Каждый сражался за себя в общем конфликте с человеческим родом. Правда, я вождь — благодаря тому, что я старше, сильнее и умнее других. Они идут ко мне за советом, они служат мне, когда я прикажу. Но я никогда не приказывал им в сражениях. Теперь буду. Новизна покажется разнообразием после монотонности.

— Я бы советовал тебе не ждать, потому что «дальнейшего» не будет, Тарака.

— Почему не будет?

— Когда я шел в Адский Колодец, гнев богов роился и жужжал за моей спиной. А теперь в мир выпущены шестьдесят пять демонов. Их присутствие будет обнаружено очень скоро. Боги поймут, кто сделал это, и выступят против нас. Элемент неожиданности пропадет.

— В древности мы бились с богами...

— Теперь не те времена, Тарака. Теперь боги стали сильнее, много сильнее. Вы очень долго были связаны, и их мощь за столетия увеличилась. Даже если бы ты командовал первой в истории армией Ракшей и послал их помогать в битве мощной армии людей, и то финал был бы неопределенным. Отсрочка погубит все.

— Я не хочу, чтобы ты говорил мне такое, Сиддхарта, потому что это тревожит меня.

— Именно это я и имел в виду. Как ты ни силен, но, если ты встретишь бога в красном, он выпьет твою жизнь глазами. Он придет сюда, на Ратнагари, потому что идет за мной. Освобождение демонов направит его, как указательный столб. Он может привести с собой и других. Их может оказаться больше, чем всех вас.

Демон не ответил. Они достигли вершины колодца, и Тарака прошел двести шагов до двери, которая теперь стояла открытой. Он перешагнул на уступ и посмотрел вниз.

— Ты сомневаешься в силе Ракшей, о Связывающий? — спросил он. — Смотри!

Тарака шагнул за край.

Они не упали.

Они плыли, как листья, которые он бросил — давно ли это было?

Вниз.

Они приземлились на тропу, на полпути с горы, называемой Шенна.

— Я не только занял твою нервную систему, — сказал Тарака, — но я распространился по всему твоему телу и обернул его в энергию моего существа. Так что пришли мне своего бога в красном, что пьет жизнь глазами. Я хотел бы встретиться с ним.

— Хоть ты и можешь ходить по воздуху, — сказал Сиддхарта, — но тут ты говоришь опрометчиво.

— Принц Видегха держит свой двор неподалеку отсюда, в Паламайдсу, — сказал Тарака. — Я посетил его, когда возвращался с Неба. Как я понимаю, он обожает игру. Значит, мы идем туда.

— А если Бог Смерти придет и вступит в игру?

— Пусть его, — закричал демон. — Ты перестал развлекать меня, Связывающий. Уходи спать!

Настала небольшая темнота и великая тишина, растущая и давящая.

Последующие дни были яркими фрагментами.

Они приходили к нему обрывками разговора или песни, цветными видами галерей, комнат, садов. А однажды он увидел себя в башне, где люди висели на дыбах, и услышал собственный смех.

Между этими фрагментами приходили сны и полусны. Они освещались огнями, сопровождались кровью и слезами. В затемненном бесконечном соборе он кидал кости, которые были солнцем и планетами. Метеоры рассыпались огнем над его головой, кометы вычеркивали сияющие дуги на своде черного стекла. Затем приходили вспышки радости сквозь страх, и он понимал, что это в основном радость другого, но частично и его тоже. Страх же был только его.

Когда Тарака выпивал слишком много вина или лежал, запыхавшись на своем широком низком ложе в гареме, контроль над захваченным им телом несколько ослабевал, но измученный мозг Сиддхарты был слаб, а его тело было слишком утомленным, либо пьяным, и он понимал, что еще не настало время для состязания в мастерстве с демоном-хозяином.

Случалось, он видел, но не глазами тела, когда-то принадлежавшего ему, а как видел демон – во всех направлениях, и сдирал плоть и кость с тех, кто проходил мимо, чтобы видеть пламя их сущности, окрашенное цветами и тенями их страстей, вспыхивающее скупостью, вожделением или завистью, пронзенное жадностью или голодом, тлеющее ненавистью, ослабевшее от страха или боли. Для него ад был местом многоцветным, иногда только смягченным холодным голубым сиянием ученого интеллекта, белым светом умирающего монаха, розовым ореолом благородной дамы, попавшейся ему на глаза, и танцующими простыми красками детей.

Он ходил по высоким залам и обширным галереям королевского дворца Паламайдсу, который он выиграл. Принц Видегха лежал в цепях в собственной башне. Его подданные не знали, что теперь на троне сидит демон. Все, казалось, шло так же, как и всегда. Сиддхарта видел себя едущим на слоне по улицам города. Всем городским женщинам было приказано стоять в дверях их жилищ. Он выбирал тех, кто ему нравился, и отправлял в свой гарем. Сиддхарта с внезапным шоком осознал, что помогает выбирать, спорит с Таракой о достоинствах той или иной матроны, девушки или дамы. Он соприкоснулся с вожделением демона-хозяина, и оно стало его собственным. И осознавая это, он впал в сильное возбуждение. И не всегда только по воле демона его рука поднимала к губам чашу с вином или хватала кнут в башне. Он приходил в сознание на больший промежуток времени и с некоторым ужасом замечал, что в нем, как в каждом человеке, сидит демон, соответствующий ему.

Однажды он стал бороться за власть над своим телом и напряг свой мозг. Он уже в значительной мере оправился и сосуществовал с Таракой во всех его делах, и оба они молча следили за взаимной активностью.

Они стояли на балконе над садом. Одним жестом Тараки сад был преображен: цветы стали черными, в деревьях и в бассейнах стали жить ящероподобные создания, крича и летая в сумерках. Благовония и ароматы, ранее наполнявшие воздух, стали гуще и вызывали отвращение. По земле тянулся, извиваясь, как змея, дым.

На жизнь Сиддхарты было три покушения. Последнюю попытку сделал капитан дворцовой стражи. Но клинок в его руке обернулся змеей. Она ударила в лицо капитана, выбила глаза и наполнила его вены ядом, так что он почернел, распух и умер, умоляя о глотке воды.

Сиддхарта обдумал поведение демона и в этот момент нанес ему удар.

Его сила снова стала расти, медленно, с того дня в Адском Колодце, когда он в последний раз владел ею. Странно зависимая от мозга его тела, как однажды говорил ему Яма, сила поворачивалась медленно, как тележное колесо, в центре пространства, которое было Сиддхартой.

Это вращение теперь ускорилось, и Сиддхарта швырнул эту силу против другой силы.

Тарака закричал, и контрудар чистой энергии вернулся к Сиддхарте, как копье.

Он сумел частично отклонить удар, поглотить часть силы, однако его существа коснулись боль и беспорядок.

Он не стал задерживаться на боли, а ударил снова, как копьеносец бьет в темное логово страшного зверя.

И снова услышал крик, сорвавшийся с его губ.

Затем демон воздвиг черные стены против Сиддхарты. Но под бешеной атакой эти стены падали одна за другой.

— О, человек многих тел, — вскричал Тарака, — неужели тебе жалко оставить меня на несколько дней в этом теле? Это ведь не то тело, в котором ты родился, и ты тоже занял его на время. Почему ты думаешь, что мое прикосновение замарает его? В один прекрасный день ты возьмешь себе другое тело, нетронутое мной. Почему же ты рассматриваешь мое присутствие как скверну, как болезнь? Не потому ли, что в тебе самом есть нечто похожее на меня? Не потому ли, что ты тоже познал наслаждение на манер Ракши, испытывал удовольствие от причиняемой тобой боли? То, что ты выбирал, ты выбирал по своей воле. Не потому ли? Потому что ты тоже знаешь эти вещи и желаешь их, но носишь человеческое проклятие, называемое виной, грехом? Если так, я смеюсь над твоей слабостью, Связывающий! И я все равно возьму верх над тобой!

— Как раз потому, что я есть я, демон, — сказал Сиддхарта, швыряя ему обратно энергию, — потому что я человек, который время от времени стремится к чему-то большему, чем брюхо и фаллус. Я не святой буддист, как обо мне думают, и не герой легенд. Я человек, познавший страх и время от времени чувствующий свою вину. Но главным образом, я

человек, который должен сделать свое дело, и ты сейчас загораживаешь мне путь. Но ты унаследовал мое проклятие независимо от того, буду ли я победителем или побежденным. Твоя судьба, Тарака, уже изменена. Это проклятие Будды — ты никогда не будешь таким, как был.

И весь этот день они простояли на балконе в промокшей от пота одежде. Они стояли, как статуя, пока солнце не ушло с Неба и золотой след не разделил чашу ночи. Над садовой стеной поднялась луна, потом к ней присоединилась другая.

— Что это за проклятие Будды? — спрашивал Тарака снова и снова.

Но Сиддхарта не отвечал.

Он разбил последнюю стену, и они фехтовали теперь энергией, как залпами сверкающих стрел.

Из далекого храма пришел монотонный бой барабанов, каркали садовые существа, кричали птицы, рой насекомых опускался на Сиддхарту, питался и улетал прочь.

Затем, как град звезд, прилетели на крыльях ночи освобожденные из Адского Колодца и выпущенные в мир другие демоны.

Они пришли на зов Тараки, чтобы добавить к его силе свою.

Тарака стал как бы смерчем, прибоем, штормом молний.

Сиддхарта чувствовал, что его сметает титаническая лавина, раздавливает, сваливает сверху...

Последнее, что он сознавал, — это смех в его горле.

Скоро ли он пришел в себя — он не знал. На этот раз дело шло медленно, и, когда он проснулся, слугами во дворце были демоны.

Когда с него спали последние оковы умственной усталости, вокруг него творилось нечто странное.

Гротескные пирушки продолжались. Они устраивались в башнях, где демоны оживляли тела своих жертв и занимали их. Творились темные чудеса, вроде рощи Изогнутых деревьев, растущих на мраморных плитах тронного зала, — рощи, где люди спали без пробуждения и кричали, когда старые кошмары уступали место новым. Но во дворце появились и другие странности.

Тарака больше не веселился.

— Что это за проклятие Будды? — спросил он снова, когда почувствовал, что присутствие Сиддхарты снова давит на него. Сиддхарта не ответил.

— Я чувствую, — продолжал Тарака, — что скоро отдам тебе обратно твое тело. Я устал от этого многоборья, от этого дворца. Мне все надоело, и я думаю, что близок день, когда мы начнем войну с Небом. Что ты на это скажешь, Связывающий? Я же говорил, что сдержу слово.

Сиддхарта молчал.

— Моя радость уменьшается с каждым днем. Ты знаешь, почему это, Сиддхарта? Не скажешь ли, почему ко мне приходят странные ощущения, угнетают меня в самые сильные моменты, ослабляют меня и отталкивают

прочь, как раз тогда, когда я мог бы ликовать, мог быть полон радости? Это и е с т ь проклятие Будды?

— Да, — сказал Сиддхарта.

— Тогда сними свое проклятие, Сиддхарта, и я уйду в тот же день. Я отдам тебе обратно твою плотскую одежду. Я снова жажду холода, чистого ветра высот! Ты освободишь меня сейчас?

— Слишком поздно, глава Ракшасов. Ты сам навлек на себя это.

— Что именно? Как ты связал меня на этот раз?

— Помнишь, когда мы стояли на балконе, ты насмехался надо мной? Ты говорил, что я тоже получал удовольствие от зла, которое ты делал. Ты был прав, потому что все люди имеют в себе и темное, и светлое одновременно. У человека множество частей: он не чистое, яркое пламя, каким был когда-то ты. Его разум часто воюет с эмоциями, а его воля – с желаниями. Его идеалы отличаются от его окружения, и если он следует им, он глубоко осознает утрату старого; но если он не следует этим идеалам, он ощущает боль, отказавшись от новой, благородной мечты. Что бы он ни делал, все представляет собой одновременно выигрыш и потерю, приход и уход. И он всегда скорбит об ушедшем и в какой-то мере боится нового. Разум противится традиции. Эмоции противятся ограничениям, которые накладывают на человека окружающие его люди. И всегда из этих разногласий встает то, что ты в насмешку назвал проклятием человека — грех, вина!

— Пойми теперь, что, поскольку мы существовали в одном теле и я участвовал в твоих делах не всегда против своей воли, дорога, по которой мы шли, не была той, где все движение идет в одном направлении. Как ты исказил мою волю своими делами, так исказилась и твоя воля от моего отвращения к твоим делам. Ты познал то, что называется грехом, и он всегда будет падать тенью на то, то ты ешь и пьешь. Вот почему твоя радость разрушена. Вот почему ты теперь хочешь улететь. Но это не даст тебе ничего: чувство вины пойдет за тобой через весь мир. Оно поднимется с тобой в области холодных чистых ветров. Оно будет преследовать тебя, куда бы ты ни пошел. Это и есть проклятие Будды.

Тарака закрыл лицо руками.

— Остается только плакать, — сказал он через некоторое время.

Сиддхарта не отвечал.

— Будь ты проклят, Сиддхарта, — сказал Тарака, — ты снова связал меня и ввел в еще более страшную темницу, чем Адский Колодец!

—Ты сам себя связал. Ты нарушил наш договор. Я же соблюдал его.

— Люди страдают, когда нарушают договор с демоном, — сказал Тарака. — Но Ракши доселе никогда не страдали.

Сиддхарта молчал.

На следующее утро, когда он сел завтракать, раздались удары в дверь его комнат.

— Кто смеет? — закричал он.

Дверь с грохотом распахнулась, петли вылезли из стены, засов переломился, как щепка.

В комнату упал Ракша — голова рогатого тигра на плечах обезьяны, ноги с громадными копытами, руки с когтями. Из его рта шел дым, когда он начал сначала превращаться в призрака, затем снова обрел полную видимость, снова растаял и опять возник. С его когтей что-то капало — но не кровь, а на груди был обширный ожог. Воздух наполнился запахом паленой шерсти и горелой плоти.

— Хозяин! — закричал он. — Пришел чужой и просит у тебя аудиенции.

— И тебе не удалось убедить его, что я недоступен?

— Господин, множество людей-стражников напало на него, но он сделал жест... он махнул им рукой, и вспыхнул свет такой яркий, что даже Ракша не мог смотреть на него. Секунда — и все стражники исчезли, словно их никогда не было.. А в стене, перед которой они стояли, громадная дыра... И ни одного камешка не унесло, гладкая, чистая дыра.

— А затем на него напал ты?

— На него кинулось много Ракшасов, но вокруг него было что-то отталкивающее нас. Он снова сделал жест, и трое наших исчезло в свете, который он швырнул.. Я не получил полной силы этого света, меня только задело слегка. И он послал меня с поручением... Я больше не могу удерживать себя в форме...

И с этими словами он исчез, и там, где лежало это существо, повис огненный шар. Теперь его слова шли прямо в мозг.

— Он приказал тебе немедленно принять его. И еще он сказал, что разрушит этот дворец.

— А те трое, которых он сжег, обрели собственную форму?

— Нет, — ответил Ракша, — их больше нет...

— Опиши этого чужака! — приказал Сиддхарта, с трудом выдавливая слова из губ.

— Он очень высокий, — сказал демон, — в черных штанах и сапогах. А до талии какая-то странная одежда, вроде перчатки без всяких швов. Она натянута только на правую руку, идет вверх через плечи, обертывает шею и всю голову туго и гладко. Видна только нижняя часть лица, потому что на глазах его большие черные очки, наполовину выступающие по сторонам лица. На поясе у него короткие ножны из того же белого материала, что и одежда, но в них не кинжал, а жезл. Под тканью одежды там, где она перекрещивается на плечах и поднимается к затылку, заметен горб, как будто там лежит небольшой сверток.

— Господин Агни! — воскликнул Сиддхарта. — Ты описал Бога Огня.

— Да, наверное, так, — сказал Ракша. — Я заглянул под его плоть и увидел цвета его истинной сущности. Там пламя, похожее на сердцевину солнца. Если существует Бог Огня, то это он и есть.

— Теперь мы должны бежать, — сказал Сиддхарта, — потому что

здесь будет великое пожарище. Мы не можем бороться с этим существом, так что давай поскорее убираться.

— Я не боюсь богов, — сказал Тарака, — и хочу проверить его силу.

— Тебе не одолеть Бога Огня, — сказал Сиддхарта. — Его огненный жезл непобедим. Он дан ему Богом Смерти.

— Тогда я выхвачу у него жезл и поверну против него.

— Никто не может взять жезл: ослепнет и потеряет руку. Поэтому Агни и носит эту необычную одежду. Давай не будем тратить времени.

— Я должен сам увидеть, — сказал Тарака. — Должен.

— Не бери на себя новую вину, потому что ты заигрываешь с самоуничтожением.

— Вина? — удивился Тарака.— Эта хилая грызущая мозг крыса, о которой ты мне говорил? Нет, это не вина, связывающий. Когда-то я был самым мощным, если не считать тебя, но в мире поднялись новые силы. В старые времена боги не были так сильны, и если теперь они действительно усилились, то их силу следует проверить на мне самом! Это в моей природе — бороться со всякой новой силой и либо победить ее, либо быть связанным ею. Я должен изведать силу Бога Агни и победить его.

— Но ведь нас двое в этом теле!

— Да, это верно... Если тело будет уничтожено, я возьму тебя с собой, обещаю. Я уже укрепил твое пламя по образцу нашего рода. Если это тело умрет, ты будешь продолжать жить как Ракша. Наш народ когда-то тоже носил тела, и я помню искусство укрепления пламени, чтобы оно горело независимо от тела. И я сделал это для тебя, так что не бойся.

— Премного благодарен.

— Теперь давай нападем на огонь и высечем его!

Они вышли из королевских комнат и спустились по лестнице. Глубоко внизу, в башне, пленный принц Видегха всхлипывал во сне.

Они появились из двери за драпировками позади трона. Откинув эти драпировки, они увидели, что громадный зал был пуст, если не считать спящих в темной роще и человека, стоящего среди зала; в пальцах его руки, одетой в белую перчатку, был зажат жезл.

— Видишь, как он стоит? — спросил Сиддхарта. — Он уверен в своей мощи, и не напрасно. Он — Агни из Локапалас. Он видит самый далекий горизонт, будто он у него на кончиках пальцев. И может туда дотянуться. Он, говорят, однажды ночью сделал своим жезлом зарубки на лунах. Стоит ему прикоснуться основанием жезла к контакту внутри этой перчатки — и с ослепительной яркостью выскочит Мировое Пламя, уничтожая материю и рассеивая энергию, находящуюся в ней. Еще не поздно убежать...

— Агни! — закричал его рот. — Ты просил аудиенции у того, кто правит здесь?

Черные очки повернулись к нему. Губы Агни скривились в улыбке, которая разложилась на слова:

— Я так и думал, что найду тебя здесь, — сказал он своим гнусавым пронзительным голосом. — Ты отбросил всю святость, которую тебе приписывают. Как мне тебя называть — Сиддхартой, Татагатхой, Махасаматманом или просто Сэмом?

— Ты дурак, — ответил Сиддхарта. — Тот, кого ты знал, как Связывающего Демонов и под всеми прочими именами, теперь сам связан. Ты имеешь честь обращаться к Тарака Ракше, Господину Адского Колодца!

Щелчок — и очки стали красными.

— Да, я ощущаю истину твоих слов, — ответил Агни. — Я вижу клетку, захваченную демоном. Это интересно. И он, без сомнения, мешает мне.

Он пожал плечами и добавил:

— Но я могу уничтожить и обоих.

— Ты так думаешь? — осведомился Тарака, подняв обе руки.

Раздался грохот, и тут же из пола поднялся черный лес, поглотивший того, кто стоял там; черные ветви согнулись над ним. Грохот продолжался, и пол осел на несколько дюймов. Наверху раздался треск камня. Вниз посыпались пыль и гравий.

Вылетела слепящая стрела света, и деревья исчезли; на полу остались пеньки и чернеющие угли.

Со скрипом и треском обрушился потолок.

Отступив за дверь позади трона, они увидели фигуру, все еще стоящую посреди зала; она подняла над головой жезл и описала им крошечный круг.

Вверх взлетел конус света, расплавляя все, чего касался. Губы Агни по-прежнему улыбались, когда громадные камни падали вниз, не задевая его тела.

Грохот продолжался. Затрещал пол, стены начали падать.

Они захлопнули дверь. У Сэма закружилась голова, когда окно, только что бывшее в дальнем конце коридора, пронеслось мимо него.

Они летели вверх, в Небо, и звенящее, булькающее ощущение наполнило тело Сэма, как будто он стал жидкостью, через которую пропустили ток.

Глядя назад зрением демона, который мог видеть во всех направлениях, Сэм увидел Паламайдсу уже так далеко, что его, казалось, можно было обрамить на стену, как картину. На высоком холме в центре города дворец Видегхи обрушился, и гигантские вспышки света, как стрелы молний, пущенные в обратную сторону, вылетали в небо из развалин.

— Вот тебе ответ, Тарака, – сказал Сиддхарта. — Полетишь обратно и снова будешь проверять его силу?

— Я должен узнать, — ответил демон.

— Позволь мне предупредить тебя еще раз. Я не шутил, когда сказал, что он может видеть самый дальний горизонт. Если он скоро освободится и поглядит в этом направлении, он заметит нас. Не думаю, что ты можешь лететь быстрее света, так что советую тебе лететь ниже и пользоваться землей для укрытия.

— Я сделаю нас невидимыми, Сэм.

— Глаза Агни видят глубже в красном и дальше в фиолетовом, чем люди.

Они стали быстро терять высоту. Сэм увидел перед собой останки дворца Видегхи на сером от пыли холме.

С быстротой урагана они неслись далеко на север, пока, наконец, горы Ратнагари не оказались перед ними. Подлетев к горе Шенна, они проплыли мимо ее пика и приземлились на уступе перед открытым входом в Адский Колодец.

Они шагнули внутрь и закрыли за собой дверь.

— Преследование будет продолжаться, — сказал Сэм, — и даже Адский Колодец не устоит против него.

— Они, видимо, уверены в своей мощи, раз послали только одного, — сказал Тарака.

— Ты считаешь, что эта уверенность не оправдана?

— Нет, — ответил Тарака. — А как насчет существа в красном, о котором ты говорил, что он выпивает жизнь глазами? Ты не думаешь, что следовало послать не Агни, а Господина Яму?

— Да, — сказал Сэм, когда они двинулись к колодцу, — я уверен, что он этого хочет. Когда мы виделись в последний раз, я причинил ему кое-какие неприятности и чувствую, что он будет охотиться за мной повсюду. Кто знает, может, он уже лежит на дне Адского Колодца.

Они дошли до края колодца и вступили на выступ.

— Его там нет, — возразил Тарака. – Если бы кто-нибудь, кроме Ракши, прошел этим путем, со мной уже вошли бы в контакт ожидающие связанные.

— Он придет, — сказал Сэм. — А когда красный пойдет в Адский Колодец, его ничего не остановит.

— Но многие будут пытаться, — сказал Тарака. — Вот первый.

Первый огонь появился в виду, в нише рядом с выступом.

Проходя мимо, Сэм освободил его, и он взвился в воздух, как яркая птица, и по спирали пошел вниз.

Шаг за шагом они спускались, и из каждой ниши выскакивал огонек и улетал. Некоторые, по приказу Тараки, поднялись и исчезли за краем колодца, за мощной дверью, на другой стороне которой были написаны слова богов.

Дойдя до дна колодца, Тарака сказал:

— Давай освободим и тех, кто заперт в пещерах.

Они прошли через проходы в глубокие пещеры и освободили запертых там демонов.

Затем, через какое-то время — через какое, Сэм не мог бы сказать, — все демоны были освобождены.

Ракша собрал их в пещере. Они стояли в великих фалангах пламени, и их крики сливались в одну звенящую ноту, которая каталась и билась в голове Сэма, пока он не понял, к своему изумлению, что они поют.

— Да, — сказал Тарака, — они поют впервые за много веков.

Сам слушал вибрацию в своем черепе, стараясь схватить что-то значимое в свисте и вспышках, и ощутил это как аккомпанемент к словам, более привычным его мозгу:

Мы — легионы Адского Колодца,
Осужденные, изгнанные
создания нашего огня,
Мы — раса,
погубленная человеком,
И мы прокляли человека.
Забудем его имя!

Этот мир был нашим
до прихода богов,
До появления человеческой расы.
И когда боги и люди исчезнут,
Этот мир снова будет нашим.
Горы обрушатся,
океаны высохнут,
Луны исчезнут с неба,
Мост Богов упадет,
И в один день умрет
всякое дыхание.

Но мы, из Адского Колодца,
возьмем верх,
Когда падут люди и боги.
Легионы осужденных не умрут.
Мы ждем, и мы поднимемся снова!

Сэма охватила дрожь, когда они пели снова и снова, рассказывая о своей былой славе, уверенные в своей способности пережить любые обстоятельства, встретить любую силу космическим противоборством, силой долгого ожидания, следить за тем, чтобы все, чего они не одобряют, повернуло свою силу против себя же и пропало. В этот момент он почти готов был поверить, что их песня — правда и что когда-нибудь только одни Ракшасы заполнят мертвый мир.

Затем он переключился мыслями на другие дела и отогнал от себя это настроение. Но и на следующий день, и даже через несколько лет оно иногда возвращалось, чтобы портить его усилия, насмехаться над его радостью, заставлять его задумываться, сознавать свою вину, чувствовать печаль и унижение.

Через некоторое время один из улетевших демонов вернулся и спустился в колодец. Он повис в воздухе и сообщил, что видел. Пока он рассказывал, его пламя приобрело форму креста тау.

— Колесница такой формы, — сказал он, — пронеслась по небу и упала в долину за Южным Пиком.

— Связывающий, ты знаешь этот корабль? — спросил Тарака.

— Я слышал это описание и раньше, — ответил Сэм. — Это громовая

колесница Бога Шивы. Опиши тех, кто в ней был, — обратился он к демону.

— Там было четверо, Господин.

— Не верю!

— Да. Там был тот, кого ты называл Агни, Бог Огня. Другой с бычьими рогами на полированном шлеме; броня его похожа на старинную бронзу; она сделана как бы из множества змей, и, когда он двигается, она вроде бы ничего не весит. В одной руке его — сверкающий трезубец, но щита перед собой он не несет.

— Это Шива, — сказал Сэм.

— И с ним еще двое, в красном, и взгляд у них мрачный. Один молчит, но время от времени бросает взгляд на женщину рядом с ним, слева. Глаза ее — как море, а улыбающиеся губы цвета человеческой крови. На шее у нее ожерелье из черепов. При ней лук, а за поясом короткий меч. В руках она держит странный инструмент. Вроде черного скипетра с серебряным черепом на конце; череп этот также и колесо.

— Эти двое — Яма и Кали, — сказал Сэм. — Теперь слушай меня, Тарака, могущественнейший из Ракшасов, я скажу тебе, что надвигается на нас. Силу Агни ты хорошо знаешь, о Красном я уже тебе говорил. Та, что идет слева от Смерти, тоже выпивает жизнь взглядом. Ее скипетр-колесо вопит, как трубы, сигнализирующие окончание йоги, и всякий, кто появится перед ними, падает и теряет сознание. Она много страшнее своего Господина, а он безжалостен и непобедим. Тот, что с Трезубцем, — Сам Бог Разрушения. Это правда, что Яма — Царь Смерти, а Агни — Повелитель Пламени, но сила Шивы — это сила хаоса. Его сила отделяет один атом от другого, разрушает формы всех вещей, на которые он направит ее. Против этих четверых вся освобожденная мощь Адского Колодца не может выстоять, так что давай немедленно покинем это место, потому что они наверняка идут сюда.

— Разве я не обещал тебе, Связывающий, помогать в битве с богами?

— Да, но я говорил тебе о неожиданном нападении. А теперь они приняли свой боевой вид и подняли свои Атрибуты. Даже не высаживаясь из громовой колесницы, они могут решить, что Шенна не достойна существования, и тогда вместо этой горы в середине Ратнагари появится глубокий кратер. Мы должны улететь, а сражаться с ними будем в другой раз.

— Ты помнишь проклятие Будды? — спросил Тарака. — Помнишь, как ты поучал меня насчет вины, Сиддхарта? Я помню и чувствую, что должен дать тебе эту победу. Я кое-что должен тебе за твои страдания, и я в уплату отдам этих богов в твои руки.

— Нет! Это ты сделаешь в другой раз, если вообще хочешь служить мне! А сейчас послужи мне тем, что унеси меня отсюда подальше и побыстрее!

— Ты боишься этой схватки, Господин Сиддхарта?

— Да, боюсь! Потому что это безрассудно! Как там в вашей песне: «Мы ждем, мы ждем, чтобы подняться снова»? Где же терпение

Ракшасов? Вы говорите, что будете ждать, пока океаны высохнут и горы обвалятся, и луны исчезнут с неба — а ты не можешь подождать, пока я назову время и место битвы? Я знаю этих богов куда лучше, чем ты, потому что когда-то был сам одним из них. Не делай этого необдуманного шага сейчас. Если хочешь послужить мне — избавь меня от этой встречи!

— Прекрасно! Я выслушал тебя, Сиддхарта. Твои слова тронули меня, Сэм. Но я должен испытать их силу. Я вышлю против них несколько Ракшасов. А мы с тобой уйдем далеко вниз к корням мира. Там мы будем ждать известия о победе. Если же Ракши каким-то образом проиграет стычку, тогда я унесу тебя далеко отсюда и верну тебе свое тело. Я хочу поносить его еще несколько часов, чтобы вкусить твои страсти в этой битве.

Сэм наклонил голову.

— Аминь, — сказал он и с ощущением звона и бульканья понял, что его подняли с пола и понесли по обширным пещерам, которых никто из людей не видел.

Пока они неслись из одной пещеры в другую под туннелями, ущельями и стенами, через лабиринты, гроты и каменные коридоры, Сэм пустил свой мозг по течению, назад по путям памяти. Он думал о временах своего недавнего пастырства, когда он пытался привить учение Гаутамы к стволу религии, которая правила миром. Он думал о странном человеке — Сугате, руки которого несли и смерть и благословление. Через много лет их имена всплывут вновь, и дела их, вероятно, смешаются. Он жил достаточно долго и знал, как время перемешивает котлы легенд. Теперь Сэм знал, что Сугата был настоящим Буддой. Учение, которое Сэм, пусть притворно, предлагал, привлекло этого истинно верующего человека, который каким-то образом добился просветления, запал в мозг людей своей святостью, а затем добровольно погиб в руках самой Смерти. Татагатха и Сугата будут частью одной легенды, и Татагатха будет сиять в свете, исходящем от его ученика. Только один Дхарма переживет века. Затем мысли Сэма перекинулись на битву в Зале Кармы и к машинам, все еще хранящимся в тайном месте. Он подумал о бесчисленных переселениях души, которым он подвергался до сих пор, о битвах, в которых он участвовал, о женщинах, которых любил за прошедшие века; он думал о мире, каким он должен быть, и каким был, почему. И его снова охватила ярость против богов. Он думал о тех днях, когда горсточка их сражалась с Ракшасами, Гандхарвами и Морским Народом, с демонами Катапутны и Матерями Страшного Жара, с Дакшинами и Претами, со Скандасами и Пизакасами, и победила, вырвала мир из хаоса и построила первый человеческий город. Он видел, как этот город прошел все стадии, через которые может пройти город, пока не оказался населенным теми, кто сами могли превратиться в богов, приняв на себя вид, усиливающий их тела, укрепляющий волю и дотягивающий силу их желаний до Атрибутов, что падают, как магическая сила, на тех, против кого повернуты. Он думал об этом городе и этих

богах, и он знал их красоту и справедливость, их уродливость и несправедливость. Он думал об их пышности и красках, контрастирующих с остальным миром, и плакал от ярости, ибо знал, что никогда не почувствует ни настоящей правоты, ни настоящей ошибочности в противостоянии этому. Вот почему он ждал так долго и ничего не предпринимал. А теперь, будет у него победа или поражение, удача или провал, будет ли в результате всех его действий смерть или продолжение мечты о городе, — все равно тяжесть вины останется с ним.

Они ждали в темноте.

Они ждали долго и молча. Время тянулось, как старик, взбирающийся на холм.

Они стояли на выступе, окружающем черный водоем, и ждали.

— Услышим ли мы?

— Возможно. А может, нет.

— Что мы будем делать?

— Что ты имеешь в виду?

— Если они вообще не придут? Долго ли будем ждать здесь?

— Они придут с пением.

— Надеюсь.

Но не было ни пения, ни движения. Вокруг них было безмолвие времени, не имеющего предметов, которые можно изнашивать.

— Сколько времени мы ждем?

— Не знаю. Долго.

— Чувствую, что дело плохо.

— Может, ты и прав. Не подняться ли нам на несколько уровней и проверить? Или мне сразу же отнести тебя на свободу?

— Давай подождем еще.

— Давай.

И снова тишина.

— Что это?

— Что?

— Звук.

— Я ничего не слышу, а мы пользуемся одними ушами.

— Не телесными ушами... Вот опять!

— Я ничего не слышу, Тарака.

— Звук продолжается. Похож на визг, но он не прерывается.

— Далеко?

— Да, порядочно. Послушай моим способом.

— Да! Я уверен, что это скипетр Кали. Значит, сражение продолжается.

— Так долго? Значит, боги сильнее, чем я предполагал.

— Выиграем мы или проиграем, Сиддхарта, боги некоторое время будут заняты. Если мы сможем пройти мимо них, может, их корабль не охраняется... Ты хотел бы этого?

— Украсть громовую колесницу? Это мысль. Она ведь не только транспорт, но и мощное оружие. Каковы наши шансы?

— Я уверен, что Ракшасы могут задержать их на необходимое время, а подниматься из Адского Колодца долго. Мы не сможем воспользоваться выступом. Я очень устал, но все-таки могу удержать нас в воздухе.

— Давай поднимемся на несколько уровней и посмотрим.

Они оставили свой выступ у черного водоема, и время снова билось вокруг них, когда они взлетели наверх.

Пока они поднимались, навстречу им вылетел шар света. Он опустился на пол пещеры и вырос в дерево зеленого огня.

— Как идет сражение? — спросил Тарака.

— Мы удерживаем их, — ответил огонь, – но не можем подойти к ним близко.

— Почему?

— Вокруг них что-то отталкивает нас. Я не знаю, как это назвать, но мы не можем подойти достаточно близко.

— Тогда как же вы сражаетесь?

— Вокруг них бушует каменный шторм. Мы также крутим огонь, воду и сильный ветер.

— Как они отвечают на это?

— Трезубец Шивы прорезает толпу через все. Но как бы много он ни разрушал, мы поднимаем против него еще больше. Так что он стоит, как статуя, уничтожая штормы, а мы не даем им кончиться. Время от времени он отвлекается, чтобы убивать, в то время как Бог Огня сдерживает нападение. Скипетр богини замедляет действие тех, кто оказывается против него. А замешкавшийся встречает трезубец или руку, либо глаза Смерти.

— И вам не удалось повредить им?

— Нет.

— Где они стоят?

— Они медленно спускаются по стене колодца. Они еще близко от вершины.

— Сколько мы потеряли?

— Восемнадцать.

— Значит, это была ошибка — кончить ваше ожидание и начать битву. Цена высока, а выигрыша никакого. Сэм, ты желаешь попытаться захватить колесницу?

— Стоило бы рискнуть... Да, давай попробуем.

— Пошли.

Тарака обернулся к качающемуся перед ним Ракше:

— Иди, а мы будем медленно подниматься. Мы поднимемся по противоположной от них стороне колодца. Когда мы начнем подъем, удвойте атаку. Займите их полностью, пока мы будем проходить мимо них. Удерживайте их столько времени, чтобы мы успели захватить их колесницу в долине. Когда это будет сделано, я вернусь к вам в своей истинной форме, и мы положим конец сражению.

— Повинуюсь, — ответил демон, упал на пол, стал зеленой змеей света и пополз от них.

Они ринулись вперед и часть пути пробежали, чтобы сберечь силу Тараки для последнего необходимого броска — преодоления гравитации.

Они находились глубоко под Ратнагари, и обратное путешествие казалось бесконечным.

Но наконец они оказались на дне колодца; света там было достаточно даже для телесных глаз. Сэм отчетливо видел все вокруг. Шум стоял оглушающий. Если бы Сэм и Тарака общались с помощью речи, то общения не было бы вовсе.

На стене колодца расцвело пламя, как фантастическая орхидея на эбеновом сучке. Когда Агни махал жезлом, оно, корчась, изменяло форму. В воздухе носились Ракши, как яркие насекомые. Грохот происходил как от порывов ветра, так и от падения множества камней. И все это покрывалось завыванием черепа-колеса, которым Кали махала перед собой, как веером; и звук этот был более ужасным, когда переходил в визг и поднимался за порог слышимости. Скалы расщеплялись, плавились и растворялись в воздухе; их раскаленные добела куски разлетались, как искры с наковальни, и падали вниз. Они прыгали, катались и сверкали красным в тенях Адского Колодца. Стены колодца были в оспинах, выбоинах и зарубках в тех местах, где их касались пламя и хаос.

— Ну, идем! — воскликнул Тарака.

Они поднялись в воздух и двинулись вдоль стены колодца. Сила атаки Ракшасов возросла, но и контратака усилилась. Сэм зажал уши ладонями, но и это не спасло от обжигающих игл в голове, шевелящихся всякий раз, когда серебряный череп махал в его сторону. На небольшом расстоянии от него сразу исчезла целая скала.

— Они нас не заметили, — сказал Тарака.

— Пока да, — ответил Сэм. — Этот проклятый Бог Огня может увидеть песчинку в море чернил. Если он повернется в нашу сторону, ты, надеюсь, сумеешь увернуться...

— Вот так? — спросил Тарака, когда они внезапно рванули на сорок футов вверх и настолько-то влево.

Теперь они поднимались быстро; линия плавящейся скалы преследовала их. Затем их путь замедлился, когда демоны подняли вой, отрывая гигантские валуны и швыряя их в богов под аккомпанемент ураганов и широких полос огня.

Они достигли вершины колодца, перешли через край и стремительно понеслись прочь от места битвы.

— Теперь нам придется бежать кругом, чтобы достичь коридора, ведущего к двери.

Из колодца вылетел Ракша и бросился к ним.

— Они отступают! — закричал он. — Богиня упала. Бог в красном подхватил ее и поддерживает, пока они летят!

— Они не отступают, — сказал Тарака, — они отрезают нас. Блокируйте им путь! Разрушьте выступ! Быстро!

Ракша, как метеор, упал в колодец.

— Связывающий, я очень устал. Не знаю, смогу ли нести нас от внешнего выступа весь путь до земли внизу.

— А часть пути сможешь?

— Да.

— Первые триста футов, там, где тропа очень узкая?

— Думаю, да.

— Хорошо!

И они побежали.

Когда они огибали Адский Колодец, появился второй Ракша и полетел рядом с ними.

— Свидетельствую! — крикнул он. — Мы дважды разрушали выступ, но каждый раз Бог Огня выжигал новый!

— Больше ничего нельзя сделать. Теперь оставайся с нами! Нам понадобится твоя помощь в другом деле.

Демон полетел впереди. Клин малинового света освещал им путь.

Они обогнули колодец и вступили в коридор. Дойдя до его конца, они распахнули дверь и шагнули на выступ. Ракша, бывший впереди, захлопнул за ними дверь, сказав:

— Они продолжают!

Сэм шагнул через выступ. Дверь вспыхнула на миг, а затем расплавилась.

С помощью второго Ракши они спустились к подножию Шенны и пошли по тропе вокруг склона. Гора защищала их теперь от богов.

Но по ней на миг хлестнуло пламя.

Второй Ракша взлетел высоко в воздух, покружился и исчез.

Они бежали по тропе к долине, где стояла колесница. Когда они уже подбегали к ней, Ракша вернулся.

— Кали, Яма и Агни спускаются, — доложил он. — Шива остался сзади удерживать коридор. Агни ведет преследование. Яма помогает хромающей богине.

В долине перед ними стояла громовая колесница. Гладкая, без украшений, цвета бронзы, хотя это была и не бронза, она стояла на широкой травянистой равнине. Она была похожа на упавшую молитвенную башню или на ключ от гигантского дома, или на какую-то часть небесного музыкального инструмента, выскользнувшую из созвездия и упавшую на землю. Она почему-то выглядела незаконченной, хотя глаз не мог найти никакого изъяна в ее линиях. Она была прекрасна той особой красотой, которая свойственна оружию высшего порядка, и требовала действий, которые сделают ее совершенной.

Сэм подошел к ней, нашел люк, открыл его.

— Ты можешь управлять этой колесницей, Связывающий? — спросил Тарака. — Поднять ее и сеять разрушение по стране?

— Я уверен, что Яма поставил здесь самое простое управление. Он упрощает, где только может. Я летал раньше на реактивных двигателях Неба и думаю, что этот такого же порядка.

Он нырнул в кабину, сел на сиденье водителя и уставился на панель управления перед собой.

— Черт побери! — сказал он.

Его рука потянулась вперед и отдернулась.

Другой Ракша неожиданно появился, пройдя сквозь металлическую стенку кабины, и повис над консолью.

— Боги движутся быстро, — возвестил он. — Особенно Агни.

Сэм щелкнул серией переключателей и нажал кнопку. Над всей панелью вспыхнул свет и послышалось жужжанье.

— Далеко он? — спросил Тарака.

— Почти на полпути вниз. Он расширил тропу огнем и теперь бежит по ней, как по дороге. Препятствия сжигает. Расчищает путь.

Сэм потянул рычаг и проверил шкалу, читая индикаторы. По кораблю прошла дрожь.

— Ты готов? — подал голос Тарака.

— Греется. Не могу охладить. Этот бортовой механизм хитрее, чем я думал.

— А погоня близка.

— Да.

Издалека послышались звуки нескольких взрывов, заглушивших шум колесницы. Сэм подвинул рычаг на другую отметку, снова уставился на шкалу.

— Я пойду замедлить им ход, — сказал второй Ракша и исчез.

Сэм передвинул рычаг на две отметки дальше; что-то зашипело и умерло. Корабль снова стал безмолвным.

Сэм дернул рычаг в первоначальное положение, повернул выключатель, снова нажал кнопку.

По колеснице пробежала новая дрожь, где-то послышалось мурлыканье. Сэм подвинул рычаг на одно деление, установил шкалу. Через минуту повторил, и мурлыкание перешло в мягкое ворчание.

— Пропал, — сказал Тарака. — Умер.

— Кто?

— Тот, кто хотел остановить Бога Огня. Не удалось.

Послышались новые взрывы.

— Адский Колодец уничтожен, — сказал Тарака.

Сэм ждал, положив руку на рычаг. Пот выступил на его лбу.

— Вот он — Агни!

Сэм взглянул сквозь наклонную щитовую пластину. Бог Огня вошел в долину.

— Прощай, Сиддхарта!

— Нет еще, — сказал Сэм.

Агни взглянул на колесницу и поднял жезл.

Ничего не случилось.

Агни постоял, направив жезл, затем опустил его, потряс.

Снова поднял.

Пламя так и не появилось.

Он закинул левую руку за шею и что-то поправил. Пока он это делал, из жезла выскочил свет и прожег глубокую дыру в земле рядом с ним.

Агни снова направил жезл.

Ничего.

Тогда он побежал к кораблю.

— Электрическое управление? — спросил Тарака.

— Да.

Сэм нажал на рычаг, настроил шкалу. Вокруг поднялся рев. Он нажал другую кнопку, и в задней части корабля послышался треск. Сэм двинул циферблат, но тут к люку подошел Агни.

Вспышка огня и звон металла.

Сэм встал с сиденья и вышел из кабины в коридор.

Агни вошел и указал на жезл.

— Не двигаться! Сэм! Демон! — крикнул он, перекрывая шум машины; его очки стали красными, и он улыбнулся. — Демон, не двигайся, иначе сгоришь вместе со своим хозяином!

Сэм кинулся на него. Агни упал, потому что не ожидал нападения.

— Короткое замыкание, а? — сказал Сэм, хватая Агни за горло. — Или пятна на солнце?

И он ударил Агни в висок.

Агни завалился набок, и Сэм нанес ему окончательный удар ребром ладони над ключицей.

Он отшвырнул жезл ногой в коридор, но, подойдя к люку, понял, что уже поздно.

— Уходи теперь, Тарака, — сказал он. — Здесь моя битва. Ты больше ничего не сможешь сделать.

— Я обещал тебе свою помощь.

— Теперь ты не можешь помочь. Уходи, пока еще можешь.

— Ну, раз ты не хочешь... Но я хочу сказать тебе одну вещь...

— Брось! В следующий раз, когда я буду по соседству...

— Связывающий, это та вещь, которой я научился от тебя. Мне очень жаль... Прости меня... я...

Страшное дергание, ощущение скручивания тела и мозга, когда смертельный взгляд Ямы упал на Сэма и проник глубже в его сущность.

Кали тоже смотрела в его глаза, подняв свой воющий скипетр. Это было как подъем одной тени и падение другой.

— Прощай, Связывающий, — пронеслось в мозгу Сэма.

Затем завизжал череп.

Сэм почувствовал, что падает.

Вибрация.

В его голове и всюду вокруг него.

Он проснулся от вибрации. Он чувствовал, что боль окутала его, как бинтом.

На запястьях и лодыжках были цепи.

Он полусидел на полу маленького помещения. В дверях сидел и курил Яма.

Яма кивнул ему, но ничего не сказал.

— Почему я еще жив? — спросил его Сэм.

— Ты жив, чтобы принять назначение много лет тому назад в Махартхе, — сказал Яма. — Брама очень желает снова увидеть тебя.

— Но я не очень желаю видеть Браму.

— После стольких лет это заметно.

— Я вижу, ты благополучно выбрался из песка.

Яма улыбнулся.

— Ты опасный тип, — сказал он.

— Знаю. Я практик.

— Однако я попортил тебе дело.

— К несчастью, да.

— Возможно, тебе удастся возместить свои потери. Мы на полпути к Небу.

— Ты думаешь, у меня есть шанс?

— Пожалуй. Времена меняются. Брама, может быть, станет на этой неделе снисходительным богом.

— Мой бывший лекарь говорил мне, что надо указывать крайние случаи.

Яма пожал плечами.

— А что с демоном? — спросил Сэм. — С тем, что был со мной?

— Я коснулся его, — сказал Яма. — Крепко. Не знаю, покончил я с ним или просто сбросил. Но ты насчет этого не беспокойся: я обрызгал тебя демонским репеллентом. Если этот демон все еще жив, то пройдет много времени, прежде чем он оправится от нашего контакта. Если вообще оправится. Как это вышло в первый раз? Я думал, что ты защищен против демонского захвата.

— Я тоже так думал. А что за демонский репеллент?

— Я нашел химическое вещество, безвредное для нас, но против которого не может устоять ни одно энергетическое существо.

— Полезная вещь. Вот бы воспользоваться им в дни связывания!

— Да. Мы применили его в Адском Колодце.

— Это было настоящее побоище, насколько я мог видеть.

— Да, — сказал Яма. — А на что это похоже — захват демоном? Каково ощущение, когда чужая воля довлеет над твоей?

— Очень странное, — сказал Сэм, — и пугающее, но одновременно и воспитывающее.

— В каком смысле?

— Первоначально это был их мир. Мы его у них отняли. И их же возненавидели. Для них мы — демоны.

— На что похоже это ощущение?

— Что твоя воля захвачена другой. Ты должен это знать.

Улыбка Ямы исчезла, но затем вернулась снова.

— Ты хочешь, чтобы я ударил тебя, не так ли, Будда? Это дало бы тебе чувство превосходства. К несчастью, я не садист и не сделаю этого.

Сэм засмеялся.

— Тебя задело, Смерть.

Некоторое время они сидели молча.

— Не поделишься ли со мной сигаретой?

Яма зажег сигарету и протянул Сэму.

— Как выглядит сейчас Первая Ваза?

— Ты ее вряд ли узнаешь, — сказал Яма. — Если бы в данный момент все там умерли, она останется идеальной еще десять тысяч лет. Цветы будут цвести, музыка — играть, фонтаны будут рябить от переливов спектра. В садовых павильонах будет стоять горячая пища. Сам по себе город бессмертен.

— Подходящее жилище, я полагаю, для тех, кто называет себя богами?

— Называет? — переспросил Яма. — Ты ошибаешься, Сэм. Божественность — не только название; это условие существования. Бог не потому Бог, что он бессмертен — ведь даже последний работяга может получить непрерывность существования. Любой умелый гипнотизер может играть с собственным обличием. Я могу сконструировать машины более мощные и точные, чем любая способность, могущая развиться у человека. Быть богом — это качество бытия, способность быть самим собой в такой мере, что его страсти соответствуют силам вселенной, и тот, кто смотрит на него, понимает его, даже не слыша имени. Один древний поэт сказал, что мир полон откликов и соответствий. Другой написал большую поэму об Аде, где каждому уготовлена та музыка, которая соответствует силам природы, управляющим его жизнью. Быть богом — значит, быть способным осознать в себе то, что важно, а затем бить в одну точку, чтобы привести это важное в одну линию со всем существующим. Затем быть за пределами морали, логики и эстетики. Бог есть ветер или огонь, море, горы, дождь, солнце или звезды, полет стрелы, конец дня, любовные объятия. Бог правит через преобладающие страсти. И те, кто смотрит на богов, говорят, даже не зная их имен: «Он — Огонь», «Она — Танец», «Он — Разрушение», «Она — Любовь». Итак, отвечаем на твое замечание: они не называют себя богами; богами называют их все остальные, все, кто видит их.

— Итак, они все играют на своих фашистских банджо?

— Ты выбрал неудачное прилагательное.

— Все остальные ты уже использовал.

— Похоже, что наши мысли насчет этого никогда не сойдутся.

— Если кто-то спрашивает тебя, зачем ты угнетаешь мир, а ты отвечаешь кучей поэтического вздора, тогда, конечно, нет. Думаю, что тут мысли просто не могут сойтись.

— Тогда давай выберем другую тему для разговора.

— Однако я видел тебя и сказал: «Он — Смерть».

Яма не ответил.

— Странная, преобладающая страсть. Я слышал, что ты стал старым до того, как был молодым.

— Ты знаешь, это правда.

— Ты был замечательным механиком и мастером оружия. Твоя юность сгорела во взрыве, и ты в тот же день стал стариком. Не в этот ли день смерть стала твоей главной страстью? Или это было раньше? Или позднее?

— Неважно, — сказал Яма.

— Почему ты служишь богам? Потому что веришь в то, что сказал мне, или потому, что ненавидишь большую часть человечества?

— Я не солгал тебе.

— Значит, Смерть — идеалист. Забавно.

— Вовсе нет.

— А не может быть, Господин Яма, что ни одна из этих догадок неправильна? Что это твоя главная страсть...

— Ты уже упоминал ее имя, — сказал Яма, — в такой же речи и сравнил ее с болезнью. Ты и тогда был неправ, и сейчас заблуждаешься. Я не хочу слушать эту проповедь еще раз, и, поскольку сейчас я не в зыбучем песке, я и не буду слушать.

— Ладно, — сказал Сэм. — Но скажи, главные страсти богов когда-нибудь меняются?

Яма улыбнулся.

— Богиня танца когда-то была богом войны. Похоже, что все может меняться.

— Когда я умру реальной смертью, — сказал Сэм, — тогда я, наверное, изменюсь. Но до этого момента я буду ненавидеть Небо. Ненавидеть до последнего вздоха. Если Брама сожжет меня, я буду плевать в пламя. Если он меня задушит, я буду пытаться кусать его руки. Если он перережет мне глотку, может быть, его клинок заржавеет от моей крови. Это тоже — главная страсть?

— Ты — хороший бог материи, — сказал Яма.

— Хороший бог!

— Прежде чем что-то случится, — сказал Яма, — я получил заверение, что тебе позволят присутствовать на свадьбе.

— На свадьбе? Твоей и Кали? Скоро?

— Когда меньшая луна будет полной. Поэтому, что бы там Брама ни решил, я, по крайней мере, могу поставить тебе выпивку, прежде чем это произойдет.

— За это спасибо, Бог Смерти. Но я всегда считал, что свадеб на Небе не бывает.

— Эту традицию собираются ломать, — ответил Яма, — нет больше проклятой традиции.

— Тогда — желаю счастья.

Яма кивнул, зевая. Снова закурил.

— Кстати, — сказал Сэм, — какова последняя мода в небесных казнях? Я спрашиваю в чисто информативных целях.

— Казни на Небе не совершаются.

Из Адского Колодца он пошел в Небо, чтобы объединиться
с богами. Небесный Город хранит многие тайны,
в том числе и кое-что из его прошлого. Известно далеко не все,
что случилось за то время, пока он пребывал там.
Однако известно, что он ходатайствовал перед богами
в интересах планеты, приобрел симпатии одних и вражду других.
Если бы он предпочел продать человечество и принять
предложение богов, то он, как некоторые говорили,
мог бы жить вечно, как Хозяин Города, и не встретил бы
смерть в когтях призрачных кошек Канибурхи.
Правда, клеветники говорили, что он принял эти предложения,
но позднее выдал сам себя, вернувшись в своих симпатиях
к страдающему человечеству до конца своих дней,
которых осталось очень мало...

Опоясанная молниями, несущая знамя, вооруженная мечом, колесом, луком, защитница, обманщица, ясная, любящая и любимая, Брахмани, Матерь Вед, живущая в тишине самых тайных мест, знаменующая доброе и спокойное, всезнающая, быстрая, как мысль, носительница черепов, обладающая властью, сумерками, непобедимый вождь, сострадательная, открывающая путь потерянным, умоляющим о милости, учитель, доблесть в образе женщины, изменчивая сердцем, суровая, волшебница, пария, бессмертная и вечная...

Ариатаррабхаттариканамасхтот — тарасатакаспютра (36-40)

В то время, как часто бывало и в прошлом, ее снежный мех был приглажен ветром.

Она шла там, где колыхалась лимонного цвета трава. Она шла по извилистой тропе под темными деревьями и цветами джунглей, и яшмовые утесы поднимались направо, прожилки молочно-белого камня, прошитые оранжевыми полосками, открывались ей.

Затем, как часто бывало и раньше, она шла на мягких подушечках своих лап, ветер гладил ее белый, как мрамор, мех, и десять тысяч ароматов джунглей и равнины окружали ее здесь, в сумерках места, которое существовало лишь наполовину.

Она шла одна по неимевшей возраста тропе через джунгли, которые были частично иллюзией. Белая тигрица — одинокая охотница. Если другие идут тем же курсом, никто из них не сможет составлять ей компанию.

Затем, как это бывало и раньше, она взглянула вверх, на серую оболочку Неба и на звезды, что блестели там, как чешуйки льда. Ее серповидные глаза широко раскрылись, она остановилась и села, глядя вверх.

За кем она охотилась?

Низкий звук, вроде хихиканья, перешедшего в кашель, вырвался из ее горла. Внезапно она прыгнула на широкий камень и села там, облизывая

плечи. Когда показалась луна, она стала следить за луной. Она казалась статуей, вылепленной из нетающего снега, под ее бровями играло топазовое пламя.

Затем, как и раньше, она подумала — в настоящих ли джунглях Канибурхи она сидит? Она чувствовала, что она все еще в границах настоящего леса. Но точно не знала.

За кем она охотится?

Небо находилось на плато, которое когда-то было горной грядой. Эти горы были расплавлены и сглажены, чтобы сделать ровную основу. С зеленого юга была перенесена почва, чтобы эта голая поверхность покрылась растительностью. Все пространство прикрыл прозрачный купол, защищающий от полярного ветра и от прочих нежелательных проникновений внутрь.

Небо стояло высокое и сдержанное и радовалось долгим сумеркам и долгим ленивым дням. Свежий воздух, нагретый, когда его втягивали внутрь, циркулировал по Городу и лесу. В самом куполе можно было генерировать облака. Из них вызвали сильнейший дождь, который падал почти на все пространство. Таким же способом можно было вызвать и снегопад, но этого никогда не делалось. На Небе всегда было лето.

В Небесном Лете стоял Небесный Город.

Небесный Город рос не так, как растут города людей — вокруг порта или хорошей пахотной земли, пастбищ, охотничьих угодий, торговых путей или районов, богатых теми или иными природными ресурсами, нужными людям. Небесный Город возник из замысла в умах его первых жителей. Растительность его не растет медленно и как попало, не строят здание — здесь, а новую дорогу — там, не ломают один дом, чтобы дать место другому, не соединяют все части в одно неправильное и разномастное целое. Нет. Каждое полезное требование обсуждалось, каждый дюйм великолепия рассчитывался первыми планировщиками и увеличивающими чертеж машинами. Эти планы были скоординированы и осуществлены несравненным художником-архитектором.

Вишну, Охраняющий, держал в своем мозгу весь Небесный Город до того дня, когда он повернул шпиль высотой в милю на спине Птицы-Гаруды книзу, и Город был полностью воплощен из капли пота с его лба.

Итак, Небо возникло из мысли Бога, эта концепция стимулировалась желаниями его товарищей. Небо было заложено больше по желанию, чем по необходимости, в пустыне льда, снега и камня, на безвременном полюсе мира, где могли создать себе дом только могучие.

За кем же она охотится? Под куполом Неба, рядом с небесным Городом, был большой лес Канибурха. Вишну в своей мудрости видел, что должно быть равновесие между Городом и пустыней. В то время как пустыня могла существовать независимо от городов требовались для удовольствия не только культурные растения. Если бы весь мир был городом, рассуждал Вишну, часть его жителей жила бы в пустыне, потому что в людях есть желание иметь место, где кончается порядок и начинается

хаос. Итак, по его мысли вырос лес с могучими ручьями и запахами растительности и разложения, полный криков бесчисленных существ, живущих в темных местах, сжимающихся на ветру и искрящихся в дождь, гибнущих и снова возрождающихся.

Пустыня подошла к краю Города и остановилась. Входить туда было запрещено, и Город охранял свои границы.

Но некоторые из живших в лесу существ были хищниками, они не признавали пограничных рубежей и входили и выходили по своему желанию. Главными среди них были тигры-альбиносы. Было написано богами, что кошки-призраки не могут видеть Небесный Город, так как в их глаза, в глазные нервы было заложено, что Города здесь нет. Белые кошки полагали, что мир — это только лес Канибурхи. Они ходили по улицам Неба, и для них это были тропы джунглей. Если боги, проходя мимо, поглаживали их мех, для кошек это было прикосновение руки ветра. Если они поднимались по ступеням — это был каменистый склон. Здания были утесами, статуи — деревьями. Прохожих они просто не видели.

Однако если бы кто-то из Города вошел в настоящий лес, кошка и бог жили бы тогда на одном уровне существования: дикое место, равновесие.

Она снова кашлянула, как это бывало и раньше, и ее снежный мех пригладил ветер. Она была призрачной кошкой, она три дня шла по диким местам Канибурхи, убивая и пожирая сырую красную плоть жертвы, выкрикивая громогласный кошачий вызов, вылизывая мех широким, шершавым языком, чувствуя, как на спину ей падает дождь, капает с высоких веток, приходит с грозой из туч, которые чудесным образом скапливаются в центре Неба; шла с огнем в пояснице, потому что спаривалась накануне с лавиной мертвокрасного меха, чьи когти царапали ее плечи, и запах крови приводил их обоих в неистовство. Мурлыкала, когда холодные сумерки сошли на нее и принесли луны, похожие на изменяющиеся полукруги ее глаз, золотую, серебряную и серо-коричневую. Она сидела на камне, лизала лапы и думала, за кем же она охотится.

В Саду Лакапалас Лакшми лежала с Куберой, сильным хранителем мира, на душистом ложе, поставленном у бассейна, где купались Апсары. Трое других из Лакапаласа в этот вечер отсутствовали... Апсары со смехом брызгали душистой водой на ложе. Бог Кришна Темный почему-то выбрал этот момент, чтобы дунуть в свою свирель. Девушки тут же отвернулись от Куберы-Судьбы и Лакшми-Возлюбленной, положили локти на край бассейна и уставились на Кришну, лежащего под цветущим деревом между бурдюками с вином и остатками пищи.

Он пробежал пальцами по свирели и извлек одну долгую жалобную ноту и гамму козьеподобного блеяния. Гвари Прекрасная, которую он добрый час раздевал, а потом, по-видимому, забыл, встала, нырнула в бассейн и исчезла в одной из многочисленных подводных пещер. Он икнул, начал одну мелодию, остановился и начал другую.

— Правду ли говорят насчет Кали? — спросила Лакшми.

— Что говорят? — ворчливо спросил Кубера, потянувшись к чаше сомы.

Она взяла чашу из его рук, отпила и вернула ему. Он выпил залпом и поставил на поднос. Слуга снова наполнил ее.

— Что она желает человеческую жертву для празднования своей свадьбы?

— Возможно, — сказал Кубера. — С нее станется. Кровожадная сука, вот она кто. Вечно переселяется в какое-нибудь злобное животное для праздника. Однажды она стала огненным петухом и вцепилась в лицо Ситалы в отместку за ее слова.

— Когда?

— Ну ... десять или одиннадцать воплощений назад. Ситала носила вуаль чертовски долгое время, пока ей готовили новое тело.

— Странная пара, — сказала Лакшми, куснув его за ухо. — Твой друг Яма, наверное, единственный, кто хотел бы любиться с ней. Вдруг она разозлится на своего любовника и бросит смертельный взгляд на него? Кто, кроме Ямы, может его выдержать?

— Никто, — сказал Кубера. — Мы таким образом потеряли Картикайю, Бога Сражений.

— Да?

— Угу. Она странная особа. Вроде Ямы, хоть и непохожа на него. Он Бог Смерти, это верно, но он убивает быстро и чисто. А Кали — как кошка.

— Яма когда-нибудь говорил о тех чарах, которыми она его держит?

— Ты пришла сюда собирать сплетни или для чего-нибудь путного?

— И для того, и для другого, — сказала она.

В этот момент Кришна принял свой божественный вид и поднял Атрибут опьянения. Из его свирели полилась горько-темная, кисло-сладкая заразительная мелодия. Опьянение распространилось по саду попеременно то радостными, то печальными волнами. Он встал на гибкие смуглые ноги и начал танцевать. Плоские черты его лица ничего не выражали. Влажные темные волосы лежали тугими кольцами, точно проволока; даже борода была такая же кудрявая. Когда он двинулся, Аспары вышли из бассейна и последовали за ним. Его свирель блуждала по тропам древних мелодий и становилась все более и более неистовой, по мере того как он двигался все быстрее и быстрее, пока, наконец, не сорвался на Раза-Лила, Танец Вожделения, и его свита, положив руки на бедра, следовала за ним с невероятной скоростью по спиральным движениям танца.

Кубера крепче прижал к себе Лакшми.

— Теперь э т о — Атрибут, — сказала она.

Рудра Жестокий натянул лук и послал стрелу. Стрела неслась все дальше и дальше и, наконец, нацелилась на отдых в центре далекой мишени.

Стоявший рядом с ним Господин Муруган хмыкнул и опустил лук.

— Опять твоя взяла,— сказал он. — Мне этого не побить.

Они ослабили луки и пошли к мишени за стрелами.

— Ты встречался с ним? — спросил Муруган.

— Когда-то, очень давно, я знал его, — ответил Рудра.

— Акселерационалист?

— Тогда он им не был. Вообще ничего политического. Он из Первых, из тех, кто смотрел на Уратху.

— Да?

— Он отличился в войнах с Морским Народом и Матерями Страшного Жара. — Рудра сделал в воздухе знак. — Позднее об этом вспомнили, и он получил назначение в северный поход в войне против демонов. В те дни он был известен как Калкин, а там стал называться Связывающим. Он развил Атрибут и воспользовался им против демонов. Он уничтожил большую часть Якшасов, а Ракшасов связал. Когда Яма и Кали захватили его в Адском Колодце в Мальве, ему уже удалось освободить Ракшей. Таким образом Ракши снова распространились по миру.

— Зачем он это сделал?

— Яма и Агни говорили, что он предложил этому Ракше в аренду свое тело в обмен на обещание, что отряды демонов будут воевать с нами.

— Значит, на нас могут напасть?

— Сомневаюсь. Демоны не дураки. Если они не смогли справиться с четырьмя нашими в Адском Колодце, вряд ли они нападут на нас всех здесь, в Небе. А Яма сейчас в Большом Зале Смерти конструирует особое оружие.

— А где его будущая супруга?

— Кто знает, — ответил Рудра. — Да и кому какое дело?

Муруган улыбнулся.

— Я когда-то думал, что ты сам всерьез влюблен в нее.

— Слишком холодная, слишком насмешливая, — сказал Рудра.

— Она оттолкнула тебя?

Рудра повернул свое темное, никогда не улыбающееся лицо к прекрасному Богу Юности.

— Ты судишь божества хуже, чем марксисты, — сказал он. — Ты думаешь, что все это идет как между людьми. Мы и в самом деле были некоторое время друзьями, но она слишком сурова с друзьями и поэтому теряет их.

— И этим она оттолкнула тебя?

— Полагаю, что так.

— А когда она взяла в любовники Моргана, поэта с равнин, он в один прекрасный день воплотился в джек-птицу и улетел. Ты как раз тогда охотился на джек-птиц, пока твои стрелы не выбили за месяц почти всех их в небе.

— Я и сейчас охочусь на джек-птиц.

— Зачем?

— Мне не нравится их пение.

— Слишком холодное, слишком насмешливое, — согласился Муруган.

— Я не люблю н и ч ь и х насмешек, Бог Юности. Можешь ты обогнать стрелы Рудры?

Муруган снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — и никто из моих друзей в Лакапаласе не мог бы. Да им этого и не надо.

— Когда я принимаю свой божественный вид, — сказал Рудра,— я беру большой лук, данный мне самой Смертью, посылаю свистящую стрелу за много миль преследовать движущуюся цель, и она поражает насмерть, как удар молнии.

— Давай поговорим о другом, — сказал Муруган. — Я слышал, что наш гость несколько лет назад в Махартхе насмехался над Брамой и напал на священные места. Как я понимаю, он и есть тот самый, кто основал религию мира и просветления.

— Тот самый.

— Интересно.

— Пожалуй.

— Что сделает Брама?

Рудра пожал плечами.

— Об этом знает только Брама, — ответил он.

В месте, называемом Брошенным Миром, где за краем Неба нет ничего, кроме далекого мерцания купола, а далеко внизу — пустой земли, скрытой под дымно-белым туманом, стоял открытый со всех сторон Павильон Тишины; на его круглую серую крышу никогда не падал дождь, на его балконах и балюстрадах по утрам клубился туман, а в сумерках гуляли ветры. В пустых комнатах иногда сидели на жесткой темной мебели или прохаживались между серыми колоннами задумчивые боги, сломленные воины или оскорбленные любовники: они приходили сюда подумать обо всех пагубных или пустяшных вещах под небом за Мостом Богов, среди камней, где мало красок и единственный звук — шум ветра. Здесь, вскоре после Первых дней, сидели философ и колдун, мудрец и маг, самоубийца и аскет, свободный от желания нового рождения или обновления. Здесь, в центре отречения и забвения, было пять комнат под названием Воспоминание, Страх, Разбитое Сердце, Пыль и Отчаяние; и этот павильон был построен Куберой-Судьбой, который не слишком заботился давать названия любому из этих чувств, но, как друг Господина Калкина, сделал это здание по настоянию Канди свирепой, иногда известной как Дурга или Кали, потому что он один из всех богов обладал свойством материализовать соответствие и мог облечь работу своих рук в ощущения и страсти, переживаемые теми, кто появлялся тут.

Они сидели в комнате Разбитое Сердце, пили сому, но не пьянели.

Вокруг Павильона Тишины сгустились сумерки, и ветры, кружащие по Небу, летели мимо.

Они сидели в черных плащах на темных сиденьях. Его руки лежали на ее руках на столе, разделявшем их; гороскопы всех их дней проходили

мимо них по стене, отделявшей Небо от небес. Они молчали, рассматривая страницы пережитых ими столетий.

— Сэм, — сказала она наконец, — разве это не было замечательно?

— Ты права, — ответил он.

— И в те давние дни — до того, как ты оставил Небо, чтобы жить среди людей, — ты любил меня?

— Теперь уже не помню, — ответил он, — это было очень давно. Мы оба тогда были другими — другие мысли, другие тела. Может быть, те двое, какие бы они ни были, любили друг друга. Но я не помню.

— А я помню весну мира, как будто это было вчера — те дни, когда мы вместе ездили сражаться, и те ночи, когда мы стряхивали звезды со свежеокрашенных небес! Мир был такой новый и совсем другой тогда, с затаившейся в каждом цветке угрозой и бомбой за каждым восходом солнца. Мы вместе отбивали мир — ты и я, потому что ничто, в сущности, не нуждалось в нас здесь, и все сопротивлялось нашему приходу. Мы прорезали и прожигали себе путь по земле и морям, и мы сражались под морями и под небесами, пока не выбили все, что сопротивлялось нам. Затем были построены города и королевства, и мы возвысили тех, кого мы выбрали, чтобы управлять через них, а когда они перестали развлекать нас, мы снова их сбросили. Что знают молодые боги о тех днях? Могут ли они понять ту власть, которую знали мы — Первые?

— Не могут, — ответил Сэм.

— Когда мы жили в нашем дворце у моря, и я принесла тебе много сыновей, и наш флот завоевал острова, разве не были прекрасны и полны очарования те дни? И ночи с огнем, ароматами и вином? Ты любил меня тогда?

— Я думаю, что те двое любили друг друга.

— Те двое? Мы не настолько уж отличаемся от них. Мы не настолько изменились. Хотя с тех пор прошли века, есть что-то внутри нас, что не меняется, не переделывается, сколько бы тел мы ни сменили, сколько бы любовников ни брали, сколько бы прекрасного и безобразного ни видели и ни делали, сколько бы ни передумали, ни перечувствовали. Сущность наша остается в центре всего этого и наблюдает.

— Разрежь плод — внутри семя. Это и есть центр? Разрежь семя — в нем нет ничего. Это и есть центр? Мы с тобой совершенно отличны от хозяина и хозяйки сражений. Те двое знали хорошее, но это и все.

— Ты ушел с Неба, потому что устал от меня?

— Я хотел сменить перспективу.

— Долгие годы я ненавидела тебя за твой уход. Было время, когда я сидела в комнате, называемой Отчаянье, но была слишком труслива, чтобы пойти за пределы Брошенного Мира. И было время, когда я простила тебя и умоляла семерых Риши принести мне твое изображение, чтобы я смотрела на тебя, как будто ты вернулся, как будто мы снова вместе. А однажды я желала твоей смерти, но ты обратил палача в друга, так же,

как обратил мой гнев в прощение. Ты хочешь сказать, что не чувствуешь ко мне ничего?

— Я хочу сказать, что больше не люблю тебя. Было бы очень приятно, если бы хоть что-то в мире оставалось постоянным и неизменным. Если бы такая вещь была, она была бы сильнее любви, но я такой вещи не знаю.

— Я не изменилась, Сэм.

— Подумай хорошенько над всем, что ты рассказала обо всех своих воспоминаниях. На самом деле ты вспомнила не мужчину, а резню, через которую мы прошли с тобой вместе. Теперь мир укрощен, а ты жаждешь былых пожаров и стали. Дело не в мужчине — нас с тобой разделила судьба, эта судьба теперь — прошлое, она тревожит твой мозг, и ты называешь это любовью.

— Как бы я ее ни называла, она не изменилась! Ее дни не прошли. Это и есть постоянная вещь в мире, и я зову тебя разделить ее со мной снова!

— А как же Господин Яма?

— А что Яма? Ты имеешь дело с теми, кто считается ему ровней, а они еще живы.

— Значит, тебя интересовало только его божественное предназначение?

Она улыбнулась в тени и ветре.

— Конечно.

— Нет, забудь меня! Живи с Ямой и будь его любимой. Наши дни прошли, и я не хочу вспоминать о них. Хорошие были дни, но они прошли. Как есть время для всего, так есть время и для конца чего бы то ни было. Сейчас время для человеческого роста в этом мире. Время делиться знанием, а не скрещивать клинки.

— Ты хотел бы биться с Небом за это знание? Ты хотел пробить Небесный Город, чтобы открыть его своды миру?

— Ты знаешь, чего я хотел.

— Тогда у нас еще может быть общее дело.

— Нет, не обманывай себя. Ты предана Небу, а не миру. И ты это знаешь. Коли бы я получил свободу и ты присоединилась ко мне в сражении, ты, возможно, некоторое время была бы счастлива. Но, независимо от победы или поражения, ты в конце концов станешь еще более несчастной, чем раньше.

— Послушай, мягкосердечный святой из пурпурной рощи! Это дело как раз для тебя — предугадывать мои ощущения, но Кали не отбрасывает свою преданность, когда хочет, она никому не обязана, кроме своего выбора. Она богиня наемников, помни это! Возможно, что твои слова — истина, а она лгала, когда говорила, что все еще любит тебя. Но она жестока и полна вожделений битвы, она идет по запаху крови. Я чувствую, что Кали может стать Акселерационалисткой.

— Остерегайся говорить так, богиня. Мало ли кто может подслушать.

— Никто не подслушает, — сказала она, — потому что в этой местности редко произносятся слова.

— Тем больше причин для кого-нибудь заинтересоваться, если здесь заговорили.

Она помолчала, потом сказала:

— Никто не подслушивает.

— Твоя сила возросла.

— Да. А твоя?

— Осталась той же, я думаю.

— Так ты примешь мой меч, мое колесо, мой лук во имя Акселерации?

— Нет.

— Почему нет?

— Ты слишком легко даешь обещания и так же легко нарушаешь их. Если бы мы сражались и победили во имя акселерационализма, это была бы, вероятно, последняя великая битва в этом мире. А этого ты не пожелаешь.

— Ты глуп, Сэм, если говоришь о последней великой битве, потому что последняя великая битва — всегда следующая. А если я приду к тебе в более приятном виде, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов? Если я обниму тебя в теле с печатью девственности. Тогда ты поверишь моему слову?

— Сомнение есть целомудрие мозга, и я ношу на своем мозге эту печать.

— Тогда знай, что я привела тебя сюда, чтобы помучить тебя. Ты прав: мне плевать на твой Акселерационизм, и я уже исчислила твои дни. Я хотела подать тебе фальшивые надежды, чтобы ты был сброшен с большей высоты. И только твоя глупость и твоя усталость спасли тебя от этого.

— Прости, Кали...

— Мне не нужны твои извинения! Я хотела твоей любви, чтобы воспользоваться ею против тебя в твои последние дни и сделать их еще тяжелее. Но, как ты сказал, мы слишком изменились, и ты больше не стоишь трудов. Не думай, что я не могла бы заставить тебя улыбками и ласками снова полюбить меня. Я чувствую в тебе жар, а мне нетрудно разжечь его в мужчине. Но ты не стоишь той великой смерти, когда мужчина падает с высоты страсти в бездну отчаяния. И у меня нет времени дать тебе что-нибудь, кроме презрения.

Нестирающиеся, жгучие звезды закружились вокруг него, ее рука ушла из-под его ладони, когда она наливала еще две чашки сомы, чтобы согреться в ночи.

— Кали!

— Да?

— Если это даст тебе какое-нибудь удовлетворение, то я все еще забочусь о тебе. Это не любовь, или это слово ничего не значит. А то, что я подумал, имеет разные значения. Это чувство, по существу, безымянно,

лучше таким его и оставить. Так что прими его и уходи вместе со своими шутками. Ты знаешь, что мы снова вцепимся друг другу в глотки, как только истощим запас общих врагов. У нас бывали частые примирения, но всегда ли они стоили той боли, которая предшествовала примирению? Ты побеждаешь, и ты богиня, а я поклоняюсь — разве не поклонение и религиозный страх создает сочетание любви и ненависти, желания и страха?

Они пили сому в комнате Разбитого Сердца, и чары Куберы окружали их.

Кали сказала:

— Если я кинусь на тебя и стану целовать и скажу, что лгала, когда говорила, что солгала — чтобы ты засмеялся и сказал, что ты солгал, получится ли финальный реванш? Иди, Господин Сиддхарта! Лучше бы одному из нас умереть в Адском Колодце, потому что велика гордость Первых. Не следовало приходить сюда, в это место.

— Да.

— Значит, уходим?

— Нет.

— С этим я согласна. Давай посидим здесь и будем почитать друг друга некоторое время.

Ее рука легла на его руку и погладила ее.

— Сэм!

— Да?

— Ты не хотел бы лечь со мной?

— И таким образом скрепить свою гибель? Конечно!

— Тогда давай пойдем в комнату Отчаяния, где нет ветра и есть ложе...

Он пошел за ней из Разбитого Сердца в Отчаяние; пульс его быстро бился на горле. А когда он положил ее нагую на ложе и дотронулся до мягкой белизны ее живота, он понял, что Кубера действительно самый могущественный в Лакапаласе, потому что чувства, которым была посвящена эта комната, наполнили его, и тогда в нем поднялись желания, а следом пришло ослабление, сжатие, вздох и последние обжигающие слезы.

— Чего ты желаешь, Госпожа Майя?

— Расскажи мне об Акселерационализме, Тэк из Архивов.

Тэк вытянул свой большой тощий костяк, и его кресло с треском подалось назад.

За ним были банки информации, довольно редкие записи заполняли своими пестрыми переплетами и запахом плесени длинные высокие стеллажи.

Он поглядел на даму, сидящую перед ним, улыбнулся и покачал головой. Она была в туго облегающем зеленом платье и выглядела нетерпеливой; ее волосы были вызывающе рыжими, мелкие веснушки покрывали нос и полушария щек. Бедра и плечи были широкими, а талия узкой.

— Почему ты качаешь головой? К тебе все идут за информацией.

— Ты молода, госпожа. За тобой всего три воплощения, если я не ошибаюсь. На этой точке твоей карьеры ты, я уверен, не захочешь, чтобы имя твое было занесено в особый список молодых, которые ищут этого знания.

— Список?

— Список.

— А зачем тут быть списку при таких вопросах?

Тэк пожал плечами.

— Боги коллекционируют самые странные вещи, и кое-кто из них собирает списки.

— Я всегда считала, что Акселерационализм считается полностью мертвым — тупиком.

— Так почему же этот внезапный интерес к мертвому?

Она засмеялась и уставилась зелеными глазами в его серые.

Архивы взорвались вокруг него, и он оказался в танцевальном зале в середине шпиля в милю высотой. Была поздняя ночь, почти перед рассветом. Бал явно кончился уже давно, но в углу зала собралась толпа, в которой стоял и он. Кто сидел, кто полулежал, и все слушали невысокого, смуглого, крепкого человека, стоявшего рядом с богиней Кали. Это был Великодушный Сэм-Будда, только что прибывший со своим тюремщиком. Он говорил о буддизме и Акселерационализме, о временах связывания и об Адском Колодце, о богохульстве Господина Сиддхарты в городе Махартхе у моря. Он говорил, и его голос слышался далеко, гипнотизировал, излучал силу, доверие и тепло, и слова шли, и шли, и шли, и люди медленно теряли сознание и падали вокруг него. Все женщины были совершенно безобразны, кроме Майи. Она хихикнула, хлопнула в ладоши, привела обратно Архивы, и все еще улыбающийся Тэк оказался в своем кресле.

— Так почему этот внезапный интерес к мертвому? — повторил он.

— Но этот человек не мертвый!

— Не мертвый? Госпожа Майя, он мертв с той самой минуты, когда ступил в Небесный Город! Забудь о нем. Забудь его слова. Считай, что он никогда не существовал. Не оставляй в своих мыслях ни следа о нем. Настанет день, когда тебе понадобится обновление — так знай, что Боги Кармы ищут сведений об этом человеке в мозгу каждого, кто проходит через их залы. Будда и его слова отвратительны в глазах богов.

— Но почему?

— Он анархист, бомбист, очаровывающий революционер. Он хочет скинуть само Небо. Если ты хочешь более полной информации, я воспользуюсь машинами, чтобы найти сведения. Ты позаботилась получить подписанное разрешение для этого?

— Нет.

— Тогда выкини его из своего мозга и запри дверь.

— Он и в самом деле такой плохой?

— Он еще хуже.

— Тогда почему ты улыбаешься, говоря о таких вещах?

— Потому что я человек несерьезный. Это не относится к моему сообщению. Так что будь осторожна.

— Ты, похоже, знаешь об этом все. А сами архивариусы внесены в эти списки?

— Едва ли. Мое имя стоит в списке первым. Но не потому, что я архивариус. Он — мой отец.

— Этот человек — твой отец?

— Да. Ты удивляешься, как девчонка. Я думаю, что он даже не знает, что он мне отец. Что такое отцовство для богов, привыкших обладать многими телами, порождающих многочисленное потомство с богинями, которые также меняют тела четыре-пять раз в столетие? Я сын того тела, которое он когда-то носил, рожденный матерью, которая тоже прошла через многие тела, да и сам я сижу не в том теле, в котором родился. Таким образом, родственные связи полностью запутаны и интересны главным образом на уровне метафизических размышлений. Что есть истинный отец человека? Обстоятельства, соединившие два тела и тем произведшие его? Было ли, что по какой-то причине эти двое нравились друг другу больше, чем любые возможные альтернативы? Был ли это просто голос плоти, любопытство или воля? Или еще кое-что? Жалость? Одиночество? Желание покорить? Что чувствовал или что думал отец тела, в котором я впервые осознал себя? Я знаю, что мужчина, живший именно в этом отцовском теле именно в этот момент времени, был сложной и могучей личностью. Хромосомы для нас не имеют значения. Если мы живем, мы не проносим эти отличительные признаки через столетия. Мы в сущности вообще ничего не унаследуем, кроме случайного дара имущества и денег. Тела имеют так мало значения в долгом пробеге, что гораздо интереснее размышлять об умственных процессах, которые выталкивают нас из хаоса. Я рад, что именно он вызвал меня к жизни, и я часто гадал, каковы были причины этому. Я вижу, что твое лицо вдруг потеряло краски, госпожа. Я совсем не собирался огорчать тебя этим разговором, просто хотел как-то удовлетворить твое любопытство и заложить в твой мозг кое-какие мысли, которые есть у нас, стариков, насчет этих дел. Когда-нибудь и ты захочешь взглянуть на это с моей точки зрения, я уверен. Но мне жаль видеть тебя такой расстроенной. Умоляю тебя, успокойся. Забудь мою болтовню. Ты — Госпожа иллюзии. Не могу ли я поговорить о чем-нибудь близком тебе? Я знаю, что ты скажешь о манере, в которой я говорил, почему мое имя первое в списке. Это поклонение герою, я полагаю... Ну вот, ты немного раскраснелась. Не хочешь выпить холодного? Подожди минутку... Вот, выпей. Теперь насчет Акселерационализма. Это просто доктрина дележа. Она предлагает, чтобы мы, жители Неба, отдали живущим внизу наши знания, могущество и имущество. Этот благотворительный акт должен быть направлен на подъем их условий существования на высший уровень,

сродни тому, который занимаем мы сами. Тогда любой человек будет как бог, видишь ли. В результате не будет никаких богов, а только люди. Мы должны отдать им наши знания науки и искусства, а сделав это, мы разрушим их простодушную веру и уберем весь базис их надежд на лучшее — потому что лучший путь для уничтожения веры и надежды — это позволить им реализоваться. Почему мы должны позволить людям страдать от этого груза коллективной божественности, как того желают Акселерационалисты, когда мы и так даруем им это индивидуально, если они того заслуживают? В шестидесятилетнем возрасте человек проходит через Залы Кармы. Его судят, и, если он делал добро, подчинялся правилам и ограничениям своей касты, оплачивал ритуалы Небу, продвигался вперед интеллектуально и морально, он воплощается в более высокой касте, а иногда получает божественность и приходит жить сюда в Город. Каждый человек время от времени получает заслуженный десерт — например, ограждение от несчастных случаев, и таким образом каждый человек, скорее, чем общество в целом, может войти в божественное наследие, которое честолюбивые Акселерационалисты желают оптом раскидать перед всеми, даже перед неготовыми. Как видишь, эта позиция страшно несправедливая и ориентирована на низшие касты. На самом же деле они желают понизить требование божественности. Требования эти строги по необходимости. Дашь ли ты силу Шивы, Ямы или Агни в руки ребенка? Если ты не дура, ты этого не сделаешь. Ты не захочешь проснуться утром и увидеть, что мира не существует. Именно это и могли вызвать Акселерационалисты, поэтому их остановили. Теперь ты знаешь об этом учении все. Ну, я вижу, тебе жарко. Могу я повесить твою одежду и принести выпить? Очень хорошо. Так на чем мы остановились, Майя? Акселерационалисты уверяли, что все, только что сказанное мною, было бы правдой, если бы не тот факт, что порочна сама система. Они клевещут на честность тех, кто разрешает перевоплощение. Некоторые даже осмеливались утверждать, что Небо содержит бессмертную аристократию своевольцев, играющих с миром. Другие смеют говорить, что лучшие люди никогда не получают божественности, но в конце концов встречаются с реальной смертью или воплощением в низшие формы жизни. Кое-кто мог бы даже сказать, что ты сама выбрана была для божественности потому только, что твоя первоначальная форма и стать поразили воображение некоего похотливого божества, а вовсе не из-за твоих явных доброжелателей, милочка... Смотри-ка, у тебя, оказывается, полно веснушек! Да, об этих вещах проповедовали трижды проклятые Акселерационалисты. Эти обвинения, которые поддерживает отец моего разума, я стыжусь произносить. Что человек может сделать с таким наследством, кроме как удивляться? Этот человек представляет последнюю ересь среди богов. Он — явное зло, но он и великая фигура, этот отец моего разума, и я уважаю его, как в древности сыновья уважали отцов своих тел... Теперь тебе холодно? Иди сюда, позволь мне... Сюда... Сюда... Теперь сотки для нас иллюзию, моя любимая, чтобы мы вошли в мир свободными от таких глупостей... Вот так. Повернись сюда... Пусть

в этом убежище будет новый Эдем, моя влажногубая с зелеными глазами... Что главное во мне в этот миг? Истина, моя любовь, и искренность, и желание разделить...

Ганеша, бог-творец, шел с Шивой по лесу Канибурхи.

— Бог разрушения, — сказал он, — как я понимаю, ты уже нашел наказание для тех, кто отметил слова Сиддхарты не просто ухмылкой?

— Ясное дело, — сказал Шива.

— Сделав так, ты уничтожаешь его эффективность.

— Какую эффективность? Что ты имеешь в виду?

— Убей вон ту зеленую птицу на молодой ветке.

Шива двинул трезубцем, и птица упала.

— Теперь убей ее самца.

— Я его не вижу.

— Ну, любую другую из ее стаи.

— Ни одной не вижу.

— И не увидишь, потому что эта лежит здесь мертвая. Так что, если желаешь, убей сначала тех, кто слушал слова Сиддхарты.

— Я уловил смысл твоих слов, Ганеша. Пока он останется на свободе.

Ганеша, бог-творец, смотрел на джунгли вокруг. Хотя он шел по королевству призрачных кошек, он не боялся зла: рядом с ним шел Бог Хаоса, и Трезубец Разрушения защищал его.

Вишну Вишну Вишну смотрел смотрел смотрел на Браму Браму Браму ...

Они сидели в Зале Зеркал.

Брама крепко держался на Восьмисложном Пути, триумф которого есть Нирвана.

Выкурив три сигареты, Вишну откашлялся.

— Да, Господин? — спросил Брама.

— Могу я осведомиться, зачем этот буддийский трактат?

— Ты не нашел его чарующим?

— Нет, не слишком.

— Это уж твое лицемерие.

— Что ты хочешь сказать?

— Учитель должен показывать хотя бы умеренный интерес к собственным урокам.

— Какой еще Учитель? Какие уроки?

— Конечно, Татагатха. Зачем же еще в недавние годы Бог Вишну стал воплощаться среди людей, как не для того чтобы учить Пути Просветления?

— Я?

— Славься, реформатор, убиравший из людских мозгов страх реальной смерти. Те, кто не родится снова среди людей, теперь уходят в Нирвану.

Вишну улыбнулся.

— Лучше объединиться, чем бороться за искоренение?

— Почти афоризм.

Брама встал, взглянул на зеркала, взглянул на Вишну.

— Итак, когда мы отделаемся от Сэма, ты будешь реальным Татагатхой.

— Как мы избавимся от Сэма?

— Я еще не решил, но открыт советам.

— Не могу ли я посоветовать, чтобы он был воплощен в джек-птицу?

— Можешь. Но тогда кто-нибудь может пожелать, чтобы Джек-птица воплотилась в человека. Я чувствую, что у него есть заступники.

— Ну, у нас есть еще время рассмотреть эту проблему. Спешить некуда, раз он теперь под охраной Неба. Я сообщу тебе свои мысли насчет этого дела, как только они у меня будут. Сразу нелегко.

Затем они они они вышли вышли вышли из Зала.

Вишну вышел из Сада Радостей Брамы; как только он ушел, сюда вошла Госпожа Смерть.

Она обратилась к восьмирукой статуе с виной, и статуя начала играть.

Услышав музыку, подошел Брама.

— Кали! Любезная Дама! — воскликнул он.

— Могуч Брама, — ответила она.

— Да, — согласился Брама, — так могуч, как только можно пожелать. А ты так редко бываешь здесь, что я безмерно рад твоему визиту. Пройдемся по цветущим тропинкам и поговорим. Ты прекрасно одета.

— *Спасибо.*

— Как идут приготовления к свадьбе?

— Хорошо.

— Вы проведете медовый месяц в Небе?

— Нет, мы планируем провести его подальше отсюда.

— Где же, могу я спросить?

— Мы еще не решили.

— Время летит на крыльях джек-птицы. Если ты и Господин Яма пожелаете, можете пожить в моем Саду Радостей.

— Спасибо, Создатель, но это слишком роскошное место, чтобы два разрушителя проводили здесь время и чувствовали себя легко. Мы поедем куда-нибудь подальше.

— Как хотите, — пожал он плечами. — Что еще у тебя на уме?

— Что с тем, кого называют Буддой?

— С Сэмом? Твоим бывшим любовником? А что с ним, в сущности? Что ты хотела бы знать о нем?

— Как он... Как с ним поступят?

— Я еще не решил. Шива советовал мне подождать некоторое время, прежде чем что-нибудь сделать. Таким образом мы можем проверить его воздействие на общество Неба. Я решил, что Вишну станет Буддой ради исторических и теологических целей. А что касается самого Сэма, я прислушиваюсь к любому разумному совету.

— Ты однажды предлагал ему божественность.

— Да. Однако он не согласился.

— Что, если ты снова это сделаешь?

— Зачем?

— Не будет существовать теперешней проблемы, а он очень талантлив. Его таланты делают его ценным добавлением к пантеону.

— Такая мысль появилась и у меня. Теперь он должен был согласиться, поскольку тут — быть или не быть. А я уверен, что он хочет жить.

— Есть средство точно удостовериться в этом вопросе.

— А именно?

— Психозонд.

— А если это покажет недостаток обязательств к Небу, и будет...

— Не может ли быть изменен сам его мозг, скажем Господином Марой?

— Никогда не думал, что ты грешишь сантиментами, богиня. Но ты, похоже, очень хочешь, чтобы он продолжал существовать, пусть в любой форме.

— Возможно.

— Ты знаешь, что, если с ним сделать такую вещь, он уже не будет прежним. Он очень изменится. И его талант может исчезнуть совсем.

— С течением лет все люди, естественно, меняются; меняются мнения, верования, убеждения. Одна часть мозга может спать, а другая — бодрствовать. Талант, мне кажется, трудно уничтожить, пока остается сама жизнь. А жить лучше, чем умереть.

— Может быть, ты убедишь меня в этом, богиня, если у тебя будет время.

— Сколько времени?

— Скажем, три дня.

— Пусть будет три дня.

— Тогда давай перейдем в мой Павильон Радостей и поговорим о пустяках.

— Прекрасно.

— Где сейчас Господин Яма?

— Он работает в своей мастерской.

— И долго он там пробудет?

— По крайней мере, три дня.

— Это хорошо. Да, для Сэма тут может быть некоторая надежда. Хотя это и против моих лучших мыслей, но я, пожалуй, смогу оценить положение. Да, смогу.

Восьмирукая статуя богини, уныло играющая на вине, роняла музыку вокруг них, пока они шли по саду.

Хальба жила в дальнем конце Неба, возле края дикости. Дворец, называвшийся Грабеж, был так близко к лесу, что животные, проходя через прозрачную стену, наталкивались на него. Из комнаты под названием Похищение можно было видеть сумрачные тропы джунглей.

В этой комнате, где стены были увешаны сокровищами, украденными в прошлых жизнях, Хальба приняла Сэма.

Хальба была богом-богиней воров.

Никто не знал истинного пола Хальбы, потому что она имела привычку менять его в каждом воплощении.

Сэм смотрел на гибкую темнокожую женщину в желтом сари и желтом покрывале. Сандали и ногти ее были цвета корицы, а на черных волосах она носила тиару.

— Ты мне симпатичен, — сказала Хальба мягким мурлыкающим голосом. — Только в те сезоны жизни, когда я воплощалась в мужчину, я понимаю свое предназначение и занимаюсь грабежом по-настоящему.

— Но ты и теперь можешь принять свой божественный вид?

— Конечно.

— И взяться за свое дело?

— Вероятно.

— Но ты не хочешь?

— Нет, пока я в виде женщины. Когда я мужчина, я могу поручиться, что украду что угодно и откуда угодно... Видишь, на дальней стене висят мои трофеи? Большой плащ из синих перьев принадлежал Ориту, главе демонов Катапутхи. Я украла его из его пещеры, когда его адские собаки спали, опоенные мною же. Ту, меняющую форму, драгоценность я взяла из Купола Жара, забравшись туда с помощью присасывающихся дисков на запястьях, коленях и пальцах ног, в то время как матери внизу...

— Довольно! — остановил ее Сэм. — Я знаю все эти сказки, Хальба, потому что ты их постоянно рассказываешь. Прошло очень много времени с тех пор, как ты предпринимала рискованное воровство, и я полагаю, что слава далекого прошлого нуждается в частом повторении. Иначе даже старшие Боги забудут, кем ты был когда-то. Я вижу, что пришел не туда, и постараюсь найти какое-нибудь другое место.

Он встал, как бы собираясь уйти. Хальба шевельнулась.

— Подожди.

— Да?

Сэм остановился.

— Ты мог бы, по крайней мере, рассказать мне о краже, которую ты замышляешь. Может, я дам совет...

— А на что мне даже самый лучший совет, Повелитель Воров? Мне нужны не слова, а действия.

— Тогда, может быть... Расскажи!

— Хорошо, — сказал Сэм, — хотя я сомневаюсь, что тебя заинтересует столь трудная задача...

— Брось ребяческую психологию и расскажи, что ты хочешь украсть.

— В Музее Неба, крепко построенном и постоянно охраняемом...

— И который всегда открыт. Дальше.

— В этом здании, в витрине с компьютерной защитой...

— Достаточно ловкий человек может вывести ее из строя.

— В этой витрине на манекене висит серая кольчужная униформа; рядом много всякого оружия.

— Чья?

— Древняя одежда того, кто сражался в северных походах во время войны против демонов.

— Не твоя ли?

Сэм сдержал улыбку и продолжал:

— Мало кто знает, что частью этой выставки является предмет, который когда-то назывался Талисманом Связывающего. Возможно, он теперь утратил свои свойства, а возможно, и нет. Он служил для фокусировки особого свойства Связывающего, и Связывающий думает, что этот предмет снова ему понадобится.

— Какой из себя предмет?

— Большой широкий пояс из раковин, обвивающий талию костюма. По цвету — розовый и желтый. Он набит микро-миниатюрными схемами, которые сегодня, вероятно, нельзя сдублировать.

— Не бог весть какая великая кража, подумаю о ней даже и в этом теле...

— Мне нужно быстро или совсем не нужно.

— Как скоро?

— За шесть дней.

— А что ты мне заплатишь, когда я отдам его в твои руки?

— Ничего не заплачу, потому что у меня ничего нет.

— Ты пришел на Небо без богатства?

— Да.

— Несчастный!

— Если мне удастся сбежать, ты можешь называть любую цену.

— А если тебе не удастся сбежать, я ничего не получу?

— Похоже, что так.

— Я подумаю. Может, мне покажется интересным проделать такую вещь, и чтобы ты был мне обязан за любезность.

— Только прошу тебя, не раздумывай слишком долго.

— Иди, сядь рядом со мной, Связывающий Демонов, и расскажи о днях своей славы — когда ты с бессмертной богиней шествовал по миру и сеял хаос, как семена.

— Это было давно, — сказал Сэм.

— А могут эти дни вернуться, если ты добьешься свободы?

— Могут.

— Приятно слышать. Да...

— Ты сделаешь это?

— Славься, Сиддхарта! Освободитель!

— Почему — славься?

— Гром и Молния! Они могут прийти снова?

— Хорошо бы.

— А теперь расскажи мне о днях своей славы. А я снова расскажу о своей.

— Идет.

Продираясь через лес, Кришна в поясе из перьев преследовал Госпожу Ратри, которая не согласилась лечь с ним после обеда. День был чистым и благоухающим, но и в половину не таким благоухающим, как полуночно-синее сари, которое он держал в левой руке. Она бежала далеко впереди, под деревьями, и он следовал за ней, изредка теряя ее из виду, когда она сворачивала на боковую тропу.

Она стояла на бугре, подняв обнаженные руки над головой и соединив кончики пальцев. Глаза ее были полузакрыты, ее единственная одежда — длинная черная вуаль — шевелилась на белом сверкающем теле.

Тут он понял, что она приняла свой божественный вид и, вероятно, готова воспользоваться своею властью.

Задыхаясь, он шагнул к бугру перед ней, она кинула вуаль ему в лицо, и он услышал ее смех — где-то в безмерной ночи, которой она окутала его.

Ночь черная, беззвездная, безлунная, без единого проблеска, без искорки откуда бы то ни было. Ночное время, родственное слепоте, упало на него.

Он захрипел, и сари было вырвано из его пальцев. Он стоял, дрожа, и слышал вокруг себя ее смех.

— Ты слишком много позволяешь себе, Господин Кришна, — сказала она, — и оскорбляешь святость Ночи. За это я накажу тебя, оставив эту ночь на Небе на некоторое время.

— Я не боюсь темноты, богиня, — хихикнул он.

— Тогда у тебя и в самом деле вместо мозгов половые железы. Что ж, оставайся затерянным и слепым в чаще Канибурхи, чьих жителей не нужно подгонять... А не бояться, я думаю, иногда рискованно. До свиданья, Темный. На свадьбе, думаю, наверное, увидимся.

— Подожди, дорогая госпожа. Может, примешь мои извинения?

— Да, потому что ты обязан извиниться.

— Тогда сними эту ночь, которую ты наложила.

— В другой раз, Кришна, когда я буду готова.

— А что я буду делать до тех пор?

— Говорят, что твоя свирель может очаровать самого страшного зверя. Если это правда, советую взять свирель и начать самую нежную мелодию. А я пока подготовлюсь к тому, чтобы снова впустить в Небо дневной свет.

— Ты жестока, Госпожа!

— Такова жизнь, Мастер Свирели.

Она ушла. Он начал играть, размышляя о происшедшем.

Они шли: ехали с неба на полярных ветрах, через море и сушу, над горящими снегами, под ними и сквозь них. Изменяющие форму плыли по белым полям, и небесные странники падали вниз, как листья: над пустынями

звучали трубы, и колесницы снегов с грохотом шли вперед; свет вылетал из их боков, подобно копьям; плащи из огненного меха, белые перья мощного дыхания тянулись над ними и за ними; они шли, солнцеглазые, в золотых ратных рукавицах, лязгая и скользя, торопясь и кружась, шли, сияя перевязями, масками-оборотнями, огненными шарфами, дьявольской обувью, морозными кожаными латами и крепкими шлемами; а на другом конце мира, лежавшего за их спиной, были сборища в Храмах с пением и приношением жертв; процессии и молитвы, пожертвования и раздачи, великолепие и красочность. Ибо страшная богиня должна была обвенчаться со Смертью, и все надеялись, что все происходящее смягчит обоих. Праздничный дух захватил также и Небо, и с собранием богов и полубогов, героев и благородных, верховных жрецов, раджей-фаворитов и браминов высокого ранга, этот дух набирал силу и закружился, как многоцветный вихрь, грохоча в головах живых от Первого до последнего.

Итак, они вошли в Небесный Город, въезжая на подушках на спине Птицы-Гаруды, кружась в Небесных гондолах, проезжая через артерии гор, сверкая в мокрых снегах и ледяных тропах пустынь, заставляя Шпиль в милю высотой звенеть от их пения и смеясь в чарах короткой и неожиданной тьмы, что спустилась и снова быстро рассеялась. И в дни и ночи их прихода поэт Адазаи сказал, что они напоминают, по крайней мере, шесть различных вещей (он всегда был щедр на сравнения): перелет ярких птиц через молочный океан, но не имеющий волн; процессию музыкальных нот через мозг не очень хорошего композитора; стаю глубоководных рыб, чьи тела в завитках и канавках света, который поднимается от какого-то фосфоресцирующего растения в холодных колодцах морских глубин; Спираль Туманности, внезапно обрушившуюся в центре; шторм, каждая капля которого становится пером певчей птицы или драгоценностью; и (возможно, наиболее убедительное) храм, полный страшных, обильно украшенных статуй, внезапно оживших и запевших, внезапно бросившихся через весь мир с яркими знаменами, играющими на ветру, потрясающих дворцы и сшибающих верхушки башен, чтобы встретиться в центре всего, разжечь огромный костер и танцевать вокруг него, помня, что либо огонь, либо танец полностью выйдут из-под контроля.

Они шли.

Когда в Архивах зазвенел тайный тревожный сигнал, Тэк выхватил Сверкающее Копье из гнезда в стене. В разное время дня тревога должна была поднять разных часовых. Получив предупреждение о возможном таком случае, Тэк порадовался, что сигнал не звонил в другое время. Он поднялся на уровень Города, к Музею на Холме.

Но было уже поздно.

Витрина была открыта, служитель лежал без сознания. Никого другого в Музее не было из-за предпраздничных хлопот в городе.

Здание Музея стояло так близко от Архива, что Тэк успел заметить двоих, спускавшихся с другой стороны холма.

— Стой! — закричал он, размахивая Сверкающим Копьем, но боясь воспользоваться им.

Те повернулись к нему.

— Ты включила тревогу! — обвинил один другого, поспешно застегивая на себе пояс. — Уходи прочь, а я буду иметь дело с этим!

Тэк увидел, что один из них женщина.

— Я не включала тревогу! — закричала она.

— Уходи отсюда!

Мужчина повернулся к Тэку, а женщина продолжала отступать вниз по холму.

— Положи его назад, — задыхаясь, сказал Тэк.— Раз уж ты его взял — верни. Может быть, мне удастся покрыть...

— Нет, — сказал Сэм. — Слишком поздно. Теперь я равен любому здесь, и это мой единственный шанс уехать. Я знаю тебя, Тэк из Архивов, и не хочу убивать тебя. Так что уходи — и быстро!

— Яма через минуту будет здесь. И..

— Я не боюсь Ямы. Нападай на меня или уходи немедленно!

— Я не могу напасть на тебя.

— Тогда — до свидания!

Сказав это, Сэм поднялся в воздух, как воздушный шарик.

Пока он парил над землей, на склоне холма появился Господин Яма с оружием в руках. Это была тонкая сверкающая трубка с маленьким прикладом и широким спусковым механизмом.

Он поднял оружие вверх и прицелился.

— Твой последний шанс! — крикнул он, но Сэм продолжал подниматься.

Яма выстрелил; высоко наверху треснул купол.

— Он принял свой божественный вид и поднял символ власти, — сказал Тэк. — Он связал энергию твоего оружия.

— Почему ты не остановил его? — спросил Яма.

— Я не мог, Господин. Я был захвачен его властью.

— Ладно, — сказал Яма. — Третий часовой перехватит его.

Связав своей волей гравитацию, Сэм поднялся.

Пока он летел, в нем усиливалось ощущение преследовавшей его тени. Она затаилась где-то на окраине поля его зрения, но как он ни вертел головой, тень ускользала от его взгляда. Но она все время была здесь и увеличивалась.

Впереди преграда. Неподалеку ворота. Талисман мог открыть запоры, мог согреть человека на холоде, мог перенести его в любую точку мира...

Послышался звук хлопающих крыльев.

— Лети! — прогремел голос в его голове. — Увеличивай скорость, Связывающий! Лети быстро! Быстрее!

Это было самое странное ощущение из всех, когда-либо испытанных им; он чувствовал, что движется вперед и вперед, но ничто не менялось —

ворота не приближались. При всем ощущении страшной скорости он не двигался.

— Быстрее, Связывающий! Быстрее! — крикнул дикий бухающий голос. — Соревнуйся с ветром и молнией в скорости движения!

Сэм старался остановить испытываемое им чувство движения.

Затем его ударили ветры, могучие ветры, кружащие над Небом. Он боролся с ними, но голос звучал совсем рядом, хотя он не видел ничего, кроме тени.

— Чувства — это лошади, а вещи — дороги, по которым они путешествуют, — сказал голос. — Если разум связан с мозгом, который отвлечен в сторону, он теряет проницательность.

И Сэм узнал великие слова Хатхи Упанишады, гремевшие позади него.

— В этом случае, — продолжал голос, — чувства становятся неуправляемыми, подобно плохим, одичавшим лошадям в руках слабого возницы.

Небеса над Сэмом взорвались молниями, и тьма окутала его.

Он старался связать энергию напавшего на него, но не нашел ничего, что можно было схватить.

— Это нереально! — выкрикнул он.

— Что есть реальность, а что — нет? — спросил голос. — Твои лошади убежали от тебя.

Секунда ужасающего мрака, словно он проходил через вакуум чувств. Потом боль. Потом — ничего.

В деловых сношениях плохо быть самым старшим из младших богов.

Он вошел в Зал Кармы, попросил аудиенции с представителем Колеса и очутился в присутствии того Господина Кармы, который два дня назад отказался проверить его.

— Ну? — спросил он.

— Я извиняюсь за отсрочку, Господин Муруган. Наш персонал был занят приготовлением к свадьбе.

— Значит, он бражничает вместо того, чтобы готовить мне новое тело?

— Не говори так, Господин, словно это в самом деле твое тело. Это тело дается тебе взаймы Великим Колесом в соответствии с твоими теперешними кармическими нуждами...

— И оно не готово, потому что материал пропили?

— Оно не готово, потому что Великое Колесо вращается в манере...

— Я хочу иметь тело самое позднее завтра вечером. Если оно не готово, Великое Колесо может погубить управляющих им! Ты слышишь и понимаешь меня, Господин Кармы?

— Я слышу тебя, но твоя речь не подходит для этого места...

— Пересадку рекомендовал Брама, и он хочет, чтобы я появился на праздновании свадьбы в новом теле. Не сообщить ли ему, что Великое

Колесо не способно выполнить его желания, потому что поворачивается слишком медленно?

— Нет, Господин. Тело будет готово вовремя.

— Прекрасно.

Муруган повернулся и вышел.

Господин Кармы сделал за его спиной древний мистический знак.

— Брама!

— Да, богиня?

— Насчет моего намека...

— Да, будет сделано, как ты просила.

— Я хотела бы по-другому...

— По-другому?

— Да, Господин. Я хотела бы получить человеческую жертву.

— Нет...

— Да.

— Ты еще более сентиментальна, чем я думал.

— Так будет это сделано или нет?

— Откровенно говоря, в свете недавних событий я предпочел бы этот способ.

— Значит, решено?

— Пусть будет по твоему желанию. Теперь у него оказалось больше силы, чем я думал. Не будь на страже Бог Иллюзии... я не предполагал, что тот, кто был так долго спокоен, мог оказаться таким... т а л а н т л и в ы м, как ты выразилась.

— Ты отдашь мне это существо в мое полное распоряжение, Создатель?

— С удовольствием.

— И добавишь на десерт Повелителя Воров?

— Да, пусть будет так.

— Спасибо, Могучий.

— Не за что. Спокойной ночи.

Говорят, что в этот день, этот великий день, Бог Вайю остановил ветры Неба, и тишина сошла на Небесный Город и лес Канибурхи. Ситрагупта, слуга Господина Ямы, готовил в Брошенном Мире громадный погребальный костер из ароматического дерева, смол, благовоний, ароматов и дорогих одежд; и на этот костер он положил Талисман Связывающего и громадный плащ из синих перьев, принадлежавший Ориту, главе Демонов Катапутны; он также положил меняющую форму драгоценность Матерей из Купола Жара и шафрановую мантию из пурпурной рощи Алондила, которая, как говорили, принадлежала Татагатхе-Будде. После праздничной ночи стояла полная утренняя тишина. В небе не было видно никакого движения.

Говорили, что демоны невидимо пролетали по верхней части воздушного пространства, но боялись приближаться. Говорили, что было много

знаков и знамений, означающих падение могущества. Теологи и святые говорили, что тот, кого звали Сэм, отрекся от своей ереси и отдал себя на милость Тримурти. Говорили также, что богиня Парвати, которая была то ли его женой, то ли матерью, то ли сестрой, а может быть, всеми ими, бежала с Неба, чтобы жить в скорби и печали среди ведьм восточного континента, которых считала родственниками. На заре великая Птица Гаруда, перевозившая Вишну, клюв которой разбивал колесницы, шевельнулась в момент пробуждения в своей клетке и издала единственный хриплый крик; он пронесся по Небу, дробя стекла, эхом прокатываясь по стране, будя всех спящих. В спокойном лете Неба начался день Любви и Смерти.

Улицы Неба были пусты. Боги до времени сидели по домам и ожидали. Все порталы Неба охранялись.

Вор и тот, кого почитатели называли Махасаматманом — считая его богом, были освобождены. В воздухе внезапно похолодало, и это было предзнаменованием.

Высоко-высоко над Небесным Городом, на платформе, венчающей Шпиль высотой в милю, стоял Бог Иллюзии, Мара, Мастер Снов. На нем был его многоцветный плащ. Мара поднял руки, и энергия других богов вливалась через них, добавляясь к его энергии.

В его мозгу формировался сон. Затем Мара швырнул его, как высокая волна бросает воду на берег.

Во все века, начиная от сотворения Богом Вишну Города и диких мест, они существовали рядом, но реально не соприкасались, смежные, однако отдаленные друг от друга великим расстоянием мысли, а не просто природным расстоянием. Вишну, Хранитель, сделал это не без причины. Сейчас он не полностью одобрял поднятие этого барьера, даже на ограниченное время. Он не хотел видеть что бы то ни было из диких мест в Городе, который, по его замыслу, увеличивал совершенное торжество форм над хаосом.

Тем не менее властью мастера Снов призрачным кошкам дано было право временно появляться на всем Небе.

Они неустанно бродили по темным вневременным тропам джунглей, которые были частью иллюзии. Там, в месте, что существовало лишь наполовину, их глазам представали новые видения, а с ними неутомимость и призывы к охоте.

Среди мореплавателей, разносящих слухи и легенды по всему миру и вроде бы знающих все, шли разговоры, что призрачные кошки, охотившиеся в этот день, вовсе не были настоящими кошками. В разных местах мира, где боги проходили позднее, рассказывалось, что кое-кто из Небесного Отряда переселился в этот день в тела белых тигров Канибурхи, чтобы участвовать в охоте по улицам Неба за вором-неудачником и за тем, кого называли Буддой.

Говорят, что, когда он бродил по улицам Города, древняя джек-птица трижды облетела вокруг него, села на плечо и спросила:

— Не ты ли Матрейя, Бог Света, которого мир ждет много лет и о чьем приходе я когда-то пророчествовал в своей поэме?

— Нет, меня зовут Сэм, — ответил он, — и я готов уйти из мира, а не возвращаться в него. Кто ты?

— Я птица, которая когда-то была поэтом. Каждое утро я взлетаю, когда крик Гаруды открывает новый день. Я летал по дорогам Неба, выискивал Господина Рудру, чтобы нагадить на него, когда почувствовал власть дикого, идущего по стране. Я летал далеко и видел многое, Бог Света.

— Что же видела ты, птица, которая была поэтом?

— Я видела незажженный погребальный костер на краю мира, и туманы дрожали над ним. Я видела богов, опаздывающих, торопящихся через снега, пробивающихся над куполом. Я видела молящихся на р а н г а и н е п а т х и а, создающих маску Крови для свадьбы Смерти и Разрушения. Я видела Бога Вайю, поднявшего ветры, что кружились по Небу. Я видела многоцветного Мару, стоящего на Шпиле высокой башни, и чувствовала, что грядет власть дикого — потому что видела призрачных кошек, потревоженных в лесу и спешащих сюда. Я видела слезы мужчины. Я слышала смех богини. Я видела Сверкающее Копье, поднятое против утра, и слышала молитву, перешедшую в клятву. И, наконец, я видела Бога Света, о котором я, будучи поэтом, писал давным давно:

Всегда умирающий,
но никогда не умерший;
Всегда конечный,
но никогда не конченный;
Ненавидимый мраком,
Одетый в свет, Он идет к краю мира,
Когда утро заканчивает ночь.
Эти строки были написаны
Морганом, свободным,
Который в день своей смерти
увидит исполнение этого
пророчества.

Птица взъерошила перья и замолкла.

— Я рад, птица, что у тебя был случай увидеть так много вещей, — сказал Сэм, — и что от придуманной тобой метафоры ты получила некоторое удовлетворение. К сожалению, поэтическая истина сильно отличается от того, что окружает нас в жизни.

— Славься, Бог Света! — сказала птица и взлетела в воздух.

В полете ее пронзила стрела, выпущенная из окна тем, кто ненавидел джек-птиц.

Сэм бросился вперед.

Говорят, что призрачные кошки, взявшие его жизнь и чуть позднее — жизнь Хальбы, были на самом деле богом и богиней, и это вполне возможно.

Говорят также, что у призрачных кошек, убивших их, это была не первая и не вторая попытка. Несколько тигров погибли от Сверкающего Копья, которое прошло в них, само выдернулось, задрожало, очищаясь от крови, и вернулось в руку метателя. Тэк, Сверкающее Копье, однако, и сам упал, пораженный в голову стулом, брошенным Богом Ганешей, который вошел в комнату за спиной Тэка. Некоторые говорили, что Сверкающее Копье было уничтожено Богом Агни, но другие утверждают, что Богиня Майя зашвырнула его за пределы Брошенного Мира.

Вишну был недоволен и, говорят, позднее упирал на то, что Город нельзя было марать кровью, что, если хаосу показать вход, он рано или поздно войдет.

Но младшие боги его осмеяли, потому что он считался наименьшим в Тримурти, а его идеи относились к тем временам, когда он просто был среди Первых. По этой причине он отказался принимать какое-либо решение и удалился в свою башню. Бог Варуга Справедливый отвернул свое лицо от дел и пошел в Павильон Тишины на Брошенном Мире, где скрылся в комнате, называемой Страх.

Поставленная театром масок «Маска Крови» была очень привлекательна. Она была написана поэтом Адазаи, известным своим элегантным языком и принадлежавшим к антиморганистской школе. «Маска Крови» сопровождалась мощными иллюзиями, которые Мастер Снов порождал специально для этого случая. В пьесе говорилось, что в этот день Сэм тоже ходил в иллюзии и что, как участник дикого, он проходил частично в темноте, в ужасном запахе, через области плача и стенаний и снова видел все ужасы, какие знал в своей жизни. Они возникали перед ним, яркие и тусклые, молчащие и грохочущие, свежевырванные из ткани его памяти и капающие эмоциями своего рождения в его жизнь, пока она не кончилась.

То, что осталось, было отнесено к погребальному костру в Брошенном Мире, положено на самый верх и сожжено под пение.

Бог Агни поднял свои темные очки, посмотрел некоторое время на костер — и взметнулось пламя. Бог Вайю поднял руку — и пришел ветер, чтобы раздуть костер. Когда все было кончено, Бог Шива разметал пепел за пределы мира движением своего трезубца.

Все это представляло собой весьма впечатляющие похороны.

Давно невиденная на Небе свадьба прошла со всей силой традиций. Шпиль высотой в милю ослепительно сиял, как ледяной сталагмит. Дикое было отстранено, призрачные кошки снова ходили по улицам Города, не видя их. Их мех приглаживался как бы ветром; широкие ступени были пологими скалами, статуи — деревянными. Ветры, что кружились по Небу, захватывали звук и рассеивали его. В Сквере, в центральной части Города, был зажжен священный костер. Девственницы, собранные для этого случая, подкладывали в костер чистое, сухое, араматичное дерево, которое трещало и горело почти без дыма, если не считать случайных клубов чистейшего белого цвета. Сурья, солнце, сияла так ярко, что день дрожал

прозрачностью. Жених в сопровождении великой процессии друзей и вассалов в красном был проведен через Город и Павильон Кали, где их встретили ее слуги и отвели в обеденный зал. Там служил хозяином Бог Кубера; он рассаживал гостей — числом триста — попеременно на черные и красные стулья вокруг длинных столов черного дерева, инкрустированных костью. Всем подали м а д ж у п а р к у — смесь меда, творога и услаждающих дух порошков; гости пировали вместе с одетой в голубое свитой новобрачной; свита эта, тоже в количестве трехсот человек, вошла в зал, неся двойные чаши. Когда все уселись и выпили мадхупарки, Кубера выступил с речью. Она пересыпалась шутками и касалась попеременно то практической мудрости, то ссылок на древние записи. Затем легион жениха отправился в Квадратный павильон, а невеста со свитой двинулась туда же, но с другого направления. Яма и Кали порознь вошли в этот павильон и сели по обеим сторонам небольшой занавески. Затем загремели древние песни, и Кубера убрал занавеску, дав возможность молодым впервые за этот день взглянуть друг на друга. Кубера обратился к ним, призывая Кали заботиться о Яме в ответ на обещания блага, богатства и радости, которые будут даны ей. Потом Яма взял Кали за руку и повел вокруг костра, ее вассалы связали вместе одежду Ямы и Кали, а Кали бросила в костер жертвенные зерна. После этого Кали встала на жернов и поднялась с Ямой на семь ступеней, насыпая на каждую ступеньку по горсточке риса. С неба пошел легкий дождь; он продолжался всего несколько секунд — освящение благословляющей водой. Затем вассалы и гости составили одну процессию и двинулись через Город к Павильону Ямы, где было устроено великое пиршество и веселье и где была представлена «Маска Крови».

Когда Сэм встретился со своим последним тигром, тигр медленно наклонил голову, зная, что это охота. Сэму некуда было бежать, поэтому он стоял на месте и ждал. Кошка тоже некоторое время выжидала. В эту минуту орда демонов пыталась спуститься в Город, но пустынные дебри не пропускали их. Все видели, что богиня Ратри плачет, и ее имя внесли в список. Тэк из Архивов был временно посажен в башню под Небом. Слышали, как Яма сказал: «Жизнь не воскресает», как будто он считал, что это все-таки возможно.

Все это представляло собою весьма впечатляющую смерть.

Свадебные торжества длились семь дней, и Бог Мара крутил один сон за другим вокруг пирующих. Как на магическом ковре, он переносил их по стране иллюзий, воздвигал дворцы из цветного дыма на столбах воды и огня, поднимал скамьи, на которых сидели гости, в каньоны звездной пыли, кораллом и миррой выводил из равновесия их чувства, наводил на них все божественные чары и заставлял вспоминать прототипы, на которых они основали свою силу, так что Шива танцевал на кладбище Танец Разрушения и Танец Времени, прославляя легенду об аннигиляции им трех летающих городов Титана, а Кришна Темный двигался в Танце Борца в память его победы над черными демонами, Бана. Лакшми танцевала Танец

Статуи, и даже Бог Вишну был вынужден сделать несколько па Танца Амфоры, а Муруган в новом теле надсмехался над миром со всеми его океанами и танцевал Танец Триумфа на этих водах, как на подмостках, танец, который он танцевал после убийства Шуры, укрывшегося в глубинах моря. Когда Мара делал жест — появлялись чудеса, цветы, музыка и вино. Была поэзия, игры, песни и смех. Были состязания с нелегкими испытаниями силы и ловкости. В общем, требовалась сила бога, чтобы вынести все семь дней удовольствий.

Все это представляло собой весьма впечатляющую свадьбу.

Когда все это кончилось, молодые уехали с Неба побродить по миру, получить удовольствие от перемены мест. Они уехали без слуг и вассалов, чтобы бродить свободно. Они не объявляли, какие места намерены посетить и сколько времени потратят на то... чтобы новобрачная забеременела, как говорили небесные шутники.

После их отъезда пирушка еще продолжалась. Бог Рудра, оценив отличное качество сомы, взгромоздился на стол и начал произносить речь насчет новобрачной — речь, за которую Яма, без сомнения, выкинул бы его прочь, если бы слышал. В данном же случае Бог Агни шлепнул Рудру по губам и был немедленно вызван на дуэль на всем протяжении Неба.

Агни взлетел на вершину горы позади Канибурхи, а Рудра занял позицию возле Брошенного Мира. Когда подали сигнал, Рудра послал прочерчивающую жаркий след свистящую стрелу за много миль в направлении противника. Однако Агни обнаружил стрелу в полете за пятнадцать миль и сжег ее в воздухе дуновением Мирового Огня, а затем послал тот же Огонь в виде иглы света, которая коснулась Рудры и сожгла его в пепел, а также пробила купол за его спиной. Часть Локапаласа требовала выдвижения нового Рудры, и он вышел из рядов полубогов занять место погибшего старого.

Один раджа и два верховных жреца умерли весьма красочно от отравления. Для их посиневших останков были устроены погребальные костры. Бог Кришна поднял свою свирель и играл музыку, лучше которой не бывало, а Гвари Прекрасная смягчилась и пришла к нему снова. Сарасвати в сиянии своей славы танцевала Танец Наслаждения, и тогда Бог Мара снова сотворил побег Хальбы и Будды через Город. Это последнее видение многих, однако, встревожило, и в это время были записаны многие имена. Потом в их среду рискнул войти демон с телом юноши и головой тигра и со страшной яростью кинулся на Бога Агни. Его отогнала объединенная сила Ратри и Вишну, но ему удалось исчезнуть в бестелесности, прежде чем Агни успел наложить на него свой жезл.

В последующие дни в Небе произошли перемены.

Тэка Сверкающее Копье судили Мастера Кармы и переселили его в тело обезьяны; в его мозг было вложено предупреждение, что, когда бы он ни предстал для обновления, он снова попадет в тело обезьяны и будет бродить по миру в этой форме до тех пор, пока Небо не проявит милосердия

и не снимет с него эту участь. Затем его выслали в джунгли юга и там оставили избывать кармический груз.

Бог Варуна Справедливый собрал своих слуг и уехал из Небесного Города, чтобы поселиться где-нибудь на земле.

Некоторые из клеветников сравнивали его уход с уходом Ниррити Черного, Бога Тьмы и Обмана, который, оставляя Небо, наполнил его злой волей и миазмами многих темных проклятий. Клеветники Варуны были не очень многочисленны, однако, поскольку всем было известно, что титул Справедливого он заслужил, то его осуждение легко могло отразиться на репутации осуждавших; поэтому мало кто говорил о нем непосредственно после его ухода.

Много позднее, в дни Небесных Чисток, были изгнаны на землю другие боги. Их уход совпал со временем, когда в Небе вновь появился Акселерационализм.

Брама, самый могущественный из четырех порядков богов и восемнадцати хозяев Рая, Создатель всего, Господин Верхнего Неба и всего под ним, из чьего пупка вырастал лотос и чьи руки вспенивали океаны, тот, кто в трех своих шагах заключал все миры, барабаны славы которого наводили ужас на его врагов, в чьей правой руке было колесо Закона, тот, кто связывал катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой, — Брама все больше и больше чувствовал себя смущенным и теряющим рассудок после того, что явилось результатом данного им Госпоже Смерти необдуманного обещания. Но затем он решил, что поступил бы точно так же и без ее подсказки. Главный эффект ее действий состоял в том, что ему было кого упрекнуть за свое неприятное состояние. Его же называли Брамой Непогрешимым.

Когда празднества закончились, купол Неба пришлось чинить в нескольких местах.

Музей Неба получил впоследствии вооруженного стражника, обязанного все время находиться в помещении Музея.

Несколько добровольческих отрядов демонов составляли планы, но дальше планов никуда не шли.

Был назначен новый архивариус, который решительно ничего не знал о своих родителях.

Призрачные кошки Канибурхи были почтены символическим изображением во всех храмах страны.

В последнюю ночь празднеств одинокий бог вошел в Павильон Тишины на Брошенном Мире и на долгое время поселился в комнате под названием Память. Затем он долго смеялся и вернулся в Небесный Город, а его смех был символом юности, красоты, силы и чистоты, и ветры, кружащие по Небу, подхватили этот смех и понесли далеко по стране, и все, кто слышал его, изумлялись странной, вибрирующей ноте торжества, содержащейся в нем.

Все это представляло собой весьма впечатляющее время Любви и Смерти, Ненависти, Жизни и Безумия.

После смерти Брамы
в Небесном Городе начался период беспорядка.
Несколько богов даже выгнали с Неба.
Каждый боялся, чтобы его не приняли за Акселерационалиста;
и, как бы по велению судьбы, в этот период как раз
каждого и подозревали в Акселерационализме.
Хотя Сэм Великодушный умер, но дух его, как говорили,
продолжал жить и насмехаться. А в дни недовольства и интриг,
которые повели к великой Битве, прошел слух,
что, возможно, жив не только его дух...

Когда солнце
страдания
закатывается,
Приходит покой,
Господин тихих звезд,
В этот мир творения,
В это место дымных
спиралей мандалы.
Глупец говорит себе,
Что его мысли —
всего лишь мысли...

Сараха (98—99)

Это случилось рано утром. Брама находился недалеко от бассейна пурпурного лотоса в Саду Радостей, у подножия статуи голубой богини с виной.

Девушка, нашедшая его, сначала подумала, что он отдыхает, потому что глаза его были открыты. Но уже через минуту она поняла, что он не дышит, и искаженное лицо его не изменяет выражения.

Она затряслась, ожидая конца света. Бог умер — значит, если естественно, последует светопредставление. Но через некоторое время она решила, что внутренние связи между вещами могут поддержать мироздание на час-другой. И в таком случае, подумала она, благоразумнее будет довести дело о грозящей Юге до сведения того, кто лучше сумеет обращаться с этим.

Она сказала об этом первой наложнице Брамы; та прибежала посмотреть лично и признала, что ее Господин действительно умер, и обратилась к статуе голубой богини, которая немедленно начала играть на вине. Затем первая наложница послала сообщение Вишну и Шиве, чтобы они срочно пришли в павильон.

Вскоре они появились, ведя с собой Бога Ганешу.

Они осмотрели останки, убедились в их состоянии и заперли обеих женщин в их комнатах до казни. Затем стали совещаться.

— Нам срочно нужен другой Создатель, — сказал Вишну. — Появилось вакантное место.

— Я предлагаю Ганешу, — сказал Шива.

— Отклоняю, — сказал Ганеша.

— Почему?

— Я не люблю быть на виду. Я бы предпочел оставаться где-нибудь в тени.

— Тогда давай рассмотрим какие-то другие кандидатуры, и побыстрей.

— Не разумней ли сначала установить причину этого события?

— Нет, — сказал Ганеша. — Первым делом нужно избрать преемника. Даже вскрытие тела может подождать. Небо не должно оставаться без Брамы.

— Как скажешь. Может, кого-нибудь из Локапаласа?

— Пожалуй.

— Яма?

— Нет. Он слишком серьезный, слишком добросовестный — он техник, а не администратор. К тому же он, по-видимому, эмоционально не стабилен.

— Кубера?

— Больно уж хитер и ловок. Я боюсь Куберы.

— Индра?

— Слишком своеволен.

— Может, Кришна?

— Чрезмерно фриволен. Никакой рассудительности.

— Кого же ты посоветуешь?

— Какова наша величайшая проблема в настоящее время?

— Не думаю, чтобы у нас сейчас были какие-нибудь большие проблемы, — сказал Вишну.

— Тогда разумнее было бы заполучить какую-то прямо сейчас, — сказал Ганеша. — По-моему, наша величайшая проблема — Акселерационализм. Сэм вернулся и мутит воду.

— Да, — сказал Шива.

— Акселерационализм? Зачем пинать дохлую собаку?

— Ах, она как раз и не сдохла среди людей. И это также отвлечет внимание от преемственности внутри Тримурти и создаст хотя бы поверхностную солидарность в Городе. Если, конечно, ты не собираешься взять на себя компанию против Ниррити и его зомби.

— Покорно благодарю.

— Не стоит.

— М-м-м... Значит, наша величайшая проблема в настоящее время — Акселерационализм?

— Именно, Акселерационализм — наша величайшая проблема.

— Кто ненавидит его больше всего?

— Ты?

— Вздор. Кроме меня.

— Скажи, Ганеша.

— Кали.

— Сомневаюсь.

— А я нет. Два зверя — Буддизм и Акселерационизм — тянут одну колесницу. Будда презирал Кали. А она женщина. Она поведет компанию.

— Тогда ей придется отказаться от своей женственности.

— Не говори чепухи.

— Ладно — Кали.

— А как же Яма?

— А что Яма? Я беру его на себя.

— И я тоже.

— И я.

— Прекрасно. Поезжайте тогда через планету на громовой колеснице и на спине великой Птицы Гаруды. Найдите Яму и Кали. Верните их на Небо. Я останусь ждать вашего возвращения и разберусь, что случилось с Брамой.

— Да будет так.

— Согласен.

— До свидания.

— Уважаемый торговец Вама, подожди! У меня есть кое-что сказать тебе.

— Да, Кабада? Чего тебе?

— Трудно подобрать слова для того, что я имею сказать. Но они относятся к некоему состоянию дел, которое вызывает заметное чувство у твоих соседей.

— Да? Давай дальше.

— Насчет атмосферы...

— Какой атмосферы?

— Может, ветры, бризы...

— Ну и что ветры?

— И то, что они переносят.

— Например?

— Запах, уважаемый Вама.

— Какой запах?

— Запах... ну... фекальной массы.

— Фе... А! Да, правильно. Все правильно. Немного такого может быть. Я забыл, потому что привык к нему.

— Могу я спросить о причине?

— Запах происходит от продукта дефекации, Кабада.

— Это я знаю. Я имел в виду спросить о том, п о ч е м у они присутствуют, а не об их источнике.

— Они присутствуют из-за ведер в задней комнате моего дома, полных этого самого...

— Да?

— Да. Я собираю продукцию моей семьи. Уже восемь дней.

— Для какой цели, почтенный Вама?

— Разве ты не слышал об одной вещи, в которую эти самые продукты спускаются: в воду, а затем дергают рычаг, и все это с мощным звуком уходит глубоко под землю.

— Я слышал о таком...

— О, это правда, это правда! Е с т ь такая вещь. Ее недавно изобрел один человек, имени которого я не знаю, и у нее большие трубы, а сверху сиденье без дна. Это самое удивительное открытие века, и у меня оно будет через несколько дней.

— У тебя? Такая вещь?

— Да. Она будет установлена в маленьком помещении, которое я пристроил к задней части дома. Возможно, я в ту ночь дам обед и позволю всем моим соседям воспользоваться этой вещью.

— Это воистину поразительно. И ты очень великодушен.

— И я так думаю.

— Но... но запах?

— Запах из-за ведер, которые я сохраняю до устройства этой вещи.

— Зачем?

— Я должен иметь в своей кармической записи, что этой вещью начали пользоваться восемь дней назад, а не несколько лун спустя. Это покажет мое быстрое продвижение в жизни.

— А! Теперь я вижу мудрость твоих поступков, Вама. Я не хочу стоять на дороге человека, который ищет для себя лучшего. Прости меня, если я создал у тебя такое впечатление.

— Прощаю.

— Твои соседи любят и тебя, и запах, и все прочее. Когда ты перейдешь в высшее состояние, прошу тебя помнить об этом.

— Конечно.

— Такой прогресс, наверное, пойдет быстро.

— Наверняка.

— Почтенный Вама, мы будем наслаждаться воздухом со всеми его острыми предзнаменованиями.

— Это всего лишь второй мой жизненный цикл, дорогой Кабада, но я уже чувствую, что меня коснулось предназначение.

— И я тоже. Ветры Времени меняются и несут человечеству множество удивительных вещей. Да хранят тебя боги.

— И тебя тоже. Только не забывай благословения Просветленного, которому мой двоюродный кузен Вазу дал убежище в своей пурпурной роще.

— Как я могу забыть? Махасаматман был и богом тоже. Некоторые говорят — Вишну.

— Врут. Он был Буддой.

— Добавляю тогда и его благословение.

— Хорошо. Прощай, Кабада.

— Прощай, почтенный.

Яма и Кали вернулись в Небо. Они въехали в Небесный Город на спине Птицы Гаруды. Они вошли в город вместе с Вишну и, нигде не останавливаясь, прошли прямо к Павильону Брамы.

В Саду Радостей они встретили Шиву и Ганешу.

— Послушайте, Смерть и Разрушение, — сказал Ганеша. — Брама умер, и об этом знаем только мы пятеро.

— Как могла произойти такая вещь? — спросил Яма.

— Похоже, его отравили.

— Вскрытие делали?

— Нет.

— Тогда я сделаю.

— Хорошо. Но есть другое дело, более серьезное.

— Назови его.

— Его преемник.

— Да. Небо не может быть без Брамы.

— Точно... Кали, как ты смотришь на то, чтобы стать Брамой, золотым седлом и серебряными шпорами?

— Не знаю...

— Тогда подумай, и быстро. Тебя сочли лучшей кандидатурой.

— А Бог Агни?

— Он не так значим в списке. И он, похоже, не настолько Антиакселерационалист, как Госпожа Кали.

— Понятно.

— И мне тоже.

— Значит, он хороший бог, но не великий?

— Да. Но кто мог убить Браму?

— Не имею представления. А ты?

— Тоже нет.

— Но ты найдешь его, Господин Яма?

— Да. С помощью моей божественной сущности.

— Может, вы хотите посовещаться вдвоем?

— Да.

— Тогда мы пока оставим вас. Через час вместе пообедаем в Павильоне.

— Да.

— Да.

— Пока.

— Пока.

— Пока.

— Госпожа!

— Да?

— Со сменой тел автоматически происходит развод, если не будет подписано продолжение контракта.

— Да.

— Брама должен быть мужчиной.
— Да.
— Откажись.
— Но, Господин мой...
— Ты колеблешься?
— Это так неожиданно. Яма...
— Однако ты задержалась, чтобы обдумать это.
— Я должна была.
— Кали, ты причиняешь мне страдания.
— В мои намерения это не входило.
— Я требую, чтобы ты отказалась от предложенного.
— Я — богиня по собственному праву, а не только как твоя жена, Господин Яма.
— Что это означает?
— Что я решаю сама.
— Если ты это примешь, Кали, тогда между нами все кончится.
— Похоже на то.
— Что, черт побери, представляет собой Акселерационализм? Подумаешь — гроза над муравейником! Почему они вдруг так ополчились на него?
— Видимо, им нужно на что-то ополчиться.
— Почему выбрали тебя руководить этим?
— Не знаю.
— Нет ли у тебя особых причин быть Антиакселерационалисткой, моя дорогая?
— Не знаю.
— Как бог, я еще юн. Но я слышал, что герой ранних дней мира — Калкин, с которым ты странствовала вместе, и есть тот самый Сэм. Если у тебя были основания ненавидеть своего прежнего Господина и если Сэм и вправду он, тогда я понимаю, почему они вербуют тебя выступить против дела, которое он начал. Это правда?
— Возможно.
— Тогда, если ты любишь меня и ты в самом деле моя жена, пусть выбирают другого Браму.
— Яма...
— Они ждут твоего решения через час.
— Они его получат.
— Какое оно?
— Прости меня, Яма.

Яма уехал из Сада Радостей до обеда. Хотя это выглядело опасным нарушением этикета, все знали, что Яма — самый дисциплинированный из богов, и поняли этот факт и его причины. Итак, он оставил Сад Радостей и поехал к месту, где Небо кончалось.

Он пробыл этот день и последующую ночь в Брошенном Мире, и его

никто не тревожил досадными призывами. Он провел какое-то время в каждой из пяти комнат Павильона Тишины. О чем он думал — его дело, и мы тоже не будем касаться этого. Утром он вернулся в Небесный Город и узнал о смерти Шивы.

Трезубец Шивы прожег еще одну дыру в куполе, но его голова была раздроблена, как было установлено, тупым предметом.

Яма пошел к своему другу Кубере.

— Ганеша, Вишну и новый Брама уже предложили Агни занять место Разрушителя, — сказал Кубера. — Я думаю, он согласится.

— Это великолепно для Агни, — сказал Яма. — Кто убил бога?

— Я много думаю об этом, — сказал Кубера, — и я считаю, что в случае с Брамой это был кто-то достаточно близкий, чтобы Брама принял от него отравленное питье, а в случае с Шивой — кто-то хорошо знающий, как захватить его врасплох. Кроме одного свидетеля, никто не знает.

— Одно и то же лицо?

— Так мне кажется.

— Может, это часть заговора Акселерационалистов?

— Трудно поверить. Те, кто симпатизирует Акселерационализму, не имеет настоящей организации. Акселерационизм слишком недавно на Небе, чтобы считать его чем-то стоящим. Возможно, интриги. Похоже, что делал это кто-то сам по себе, независимо от сторонников.

— А причины?

— Месть. Или какое-нибудь младшее божество пожелало сделаться старшим. Почему вообще кто-то кого-то убивает?

— Ты не думал о ком-нибудь в частности?

— Главнейшая проблема, Яма, — устранить подозрения, а не искать их. Расследование передадут в твои руки?

— Не уверен, но думаю, что да. Я найду того, кто это сделал, и убью его.

— Почему?

— Мне нужно что-то сделать, кого-то...

— Убить?

— Да.

— Мне жаль, мой друг.

— Мне тоже. Тем не менее это моя привилегия и мое намерение.

— Я бы хотел, чтобы ты вообще не говорил со мной насчет этого дела. Оно явно конфиденциальное.

— Я никому не скажу, если ты не скажешь.

— Уверяю тебя, что не скажу.

— И знай, что я займусь кармическим слежением, психозондированием.

— Я упоминал об этом и Шиве говорил. Пусть будет так.

— До свидания, мой друг.

— До свидания, Яма.

Яма ушел из Павильона Локапалас. Через некоторое время туда вошла богиня Ратри.

— Приветствую, Кубера.

— Приветствую, Ратри.

— Почему ты сидишь один?

— Потому что нет никого, кто разделил бы со мной мое одиночество. А почему ты пришла одна?

— Потому что некому пойти со мной.

— Тебе нужен совет или хочешь поговорить?

— И то и другое.

— Садись.

— Спасибо. Я боюсь, Кубера.

— Голодна?

— Нет.

— Возьми плод и чашу сомы.

— Хорошо.

— Чего же ты боишься и как я могу помочь тебе?

— Я видела, что Господин Яма вышел отсюда...

— Да.

— Взглянув в его лицо, я увидела, что он — Бог Смерти и что есть сила, которой должны бояться даже боги...

— Яма силен, и он мой друг. Смерть могущественна, и она никому не друг, но они оба существуют вместе, и это удивительно. Агни тоже силен, и он Огонь. Он мой друг. Кришна может быть сильным, если пожелает. Но он никогда не желает этого. Он изнашивает тела с фантастической скоростью. Он пьет сому и занимается музыкой и женщинами. Он ненавидит прошлое и будущее. Он мой друг. И наконец, — я, но я не силен. Тело, которое я ношу, почему-то быстро жиреет. И я для моих трех друзей скорее отец, нежели брат. Через них я ценю музыку, любовь и огонь, потому что все это — жизнь, и я люблю своих друзей как людей или как богов. Но иногда Яма пугает меня тоже, Ратри. Потому что, когда он принимает свой божественный вид, он — вакуум, который вгоняет в страх беднягу-толстяка. Тогда он никому не друг. Так что не стесняйся того, что боишься моего друга. Ты знаешь, что, когда бог встревожен, его божественность поддерживает его, о богиня Ночи. Ты прошла мимо встревоженного Ямы.

— Он вернулся так неожиданно.

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Боюсь, что дело конфиденциальное.

— Оно касается Брамы?

— Почему ты так думаешь?

— Я уверена, что Брама умер. Я боюсь, что Яму призвали сюда, чтобы он нашел убийцу. Я боюсь, что он найдет меня, хотя бы я призвала на помощь столетнюю ночь. Он найдет меня, и я не смогу встать лицом к вакууму.

— Что ты знаешь насчет предполагаемого убийства?

— Я уверена, что последняя видела Браму живым или первая видела его мертвым — в зависимости от того, что означали его судороги.

— Как это произошло?

— Я пришла в его Павильон вчера рано утром, чтобы просить его сменить гнев на милость и позволить Парвати вернуться. Мне сказали, что он в Саду Радостей, и я пошла туда...

— Кто сказал?

— Одна из его женщин. Я не знаю ее имени.

— Ладно, давай дальше. Что произошло потом?

— Я нашла его у подножия голубой статуи. Он весь дергался. И дыхания не было. Затем он перестал дергаться и затих. Сердце его не билось, пульса не было. Я снова призвала часть ночи, чтобы она укрыла меня, и ушла из Сада.

— Почему ты не позвала на помощь? Может быть, было еще не поздно.

— Потому что я хотела его смерти. Я ненавидела его за то, что он сделал с Сэмом, за то, что он выгнал Парвати и Варуну, за то, что он сделал с архивариусом Тэком, за то...

— Хватит. Это затянется на весь день. Ты сразу ушла из Сада или сначала вернулась в Павильон?

— Я прошла мимо Павильона и увидела ту же девушку. Я сделала себя видимой и сказала ей, что не нашла Браму и вернусь позднее... Но ведь он умер, не так ли? Что я теперь буду делать?

— Возьми еще один плод и выпей сомы.

— Яма придет за мной?

— Конечно. Он придет за каждым, кто был замечен поблизости от этого места. Это был, без сомнения, быстродействующий яд, и ты пришла как раз перед моментом смерти. Так что Яма, естественно, придет к тебе и сделает тебе психозондирование, как и всем другим. Выяснится, что ты не убивала. Так что я советую тебе просто ждать, пока тебя возьмут под стражу. И никому больше не говори об этой истории.

— А что мне сказать Яме?

— Если он доберется до тебя раньше, чем я увижу его, скажи ему все, включая и разговор со мной. Это потому, что я предположительно ничего не знаю о случившемся. Смерть одного из Тримурти всегда хранится в тайне как можно дольше, даже ценою жизней.

— Но Боги Кармы прочтут это в твоей памяти, когда ты встанешь перед судом для обновления.

— Лишь бы они не прочитали это в твоей памяти сегодня. О смерти Брамы будут знать очень немногие. Поскольку Яма, вероятно, будет проводить официальное расследование, а он — конструктор психозонда, я не думаю, что в работу с машинами будет втянут кто-то посторонний. Но мне нужно обсудить этот факт с Ямой, или намекнуть ему — и немедленно.

— Пока ты не ушел...

— Да?

— Ты сказал, что лишь немногие могут знать об этом, даже если придется пожертвовать жизнями... Не означает ли это, что я...

— Нет. Ты будешь жить, потому что я стану защищать тебя.

— Зачем это тебе?

— Ты — мой друг.

Яма управлял машиной, зондирующей мозг. Он проверил тридцать семь субъектов, имевших доступ к Браме в его Саду Радости в течение всего дня до богоубийства. Одиннадцать из них были богами и богинями, включая Ратри, Сарасвати, Вайлю, Мару, Лакшми, Муругана, Агни и Кришну.

Из этих тридцати семи богов и людей никто не был признан виновным.

Кубера-искусник стоял рядом с Ямой и просматривал психоленты.

— Что теперь, Яма?

— Не знаю.

— Может быть, убийца был невидим?

— Может быть.

— Но ты этого не думаешь?

— Нет, не думаю.

— А если каждого в Городе заставить пройти через зонд?

— Много народу приезжает и уезжает каждый день через множество входов и выходов.

— А ты не думал о возможности, что это был кто-то из Ракшасов? Они снова распространились на земле, как ты знаешь, и они ненавидят нас.

— Ракшасы не отравляют своих жертв. К тому же, я думаю, вряд ли они осмелятся войти в Сад из-за отпугивающих демонов курений.

— Так что же теперь?

— Вернусь в свою лабораторию и подумаю.

— Не могу ли я сопровождать тебя в Большой Зал Смерти?

— Пожалуйста, если желаешь.

Кубера пошел с Ямой. Пока Яма размышлял, Кубера внимательно рассматривал каталог лент, который Яма вел, когда экспериментировал с первыми зондирующими машинами. Конечно, ленты были бракованные, неполные; одни только Боги Кармы хранили ленты жизнеописания каждого в Небесном Городе. И Кубера это, конечно, знал.

В месте, называемом Кинсет, у реки Ведры, был заново открыт печатный пресс. Эксперименты со сложным водопроводом тоже шли в этом месте. На сцене появились также два очень искусных храмовых художника, а старый стекольщик сделал пару бифокальных очков и начал вытачивать еще. Итак, были сведения, что один из городов-государств потихоньку возродился.

Брама решил, что пора выступить против Акселерационализма.

В Небе создался военный отряд. Храмы в городах, близких к Кинсету, призывали верующих готовиться к священной войне.

Шива-Разрушитель взял трезубец только как символ, потому что его настоящая сила была в огненном жезле, который он носил на боку.

Брама, на золотом седле и в серебряных шпорах, имел меч, колесо и лук.

Новый Рудра получил лук и колчан старого.

Бог Мара облачился в сверкающий плащ, все время меняющий цвет, и никто не мог сказать, какого рода его оружие и на какой колеснице он ехал, поскольку пристальный взгляд на него вызывал головокружение, а все вокруг меняло формы, кроме его лошадей, из чьих ртов все время капала кровь, пеной растекаясь по земле.

Из полубогов было набрано пятьдесят новичков, все еще старающихся дисциплинировать свои божественные свойства, мечтающих усилить свою власть и отличиться в битве.

Кришна воевать отказался и ушел в Канибурху играть на свирели.

Кубера нашел его далеко за городом; он лежал на поросшем травой склоне холма и смотрел в звездное небо.

— Добрый вечер.

Он повернул голову и крикнул:

— Как поживаешь, дорогой Кубера?

— Довольно хорошо, Господин Калкин. А ты?

— Тоже неплохо. Нет ли у тебя сигаретки?

— Всегда со мной.

— Спасибо.

— Огонька?

— Благодарствую.

— Что это была за джек-птица, которая кружила над Буддой, прежде чем госпожа Кали выпустила из него кишки?

— Давай поговорим о более приятных вещах.

— Ты убил славного Браму, и его заменило могучее существо.

— Да?

— Ты убил сильного Шиву, но его заменила равная сила.

— Жизнь полна перемен.

— Чего ты добиваешься? Мести?

— Месть — это часть личной иллюзии. Может ли человек убить то, что не жило и не умирало по-настоящему, а существует лишь в отражении Абсолюта?

— Ты проделал чертовски хорошую работу, даже если это всего лишь переустройство.

— Спасибо.

— Но зачем ты это сделал? Я предпочел бы пространный ответ.

— Я намеревался стряхнуть всю иерархию Неба. Но похоже, что это должно идти по пути всех добрых намерений.

— Расскажи, зачем ты это сделал.

— Если ты расскажешь, как обнаружил меня...

— Вполне честно. Так говори, зачем?

— Я решил, что человечеству лучше будет жить без богов. Если бы я ликвидировал их всех, люди могли бы снова придумать консервные ножи и открывать банки, не боясь гнева Неба. Мы уже достаточно попирали ногами этих бедняг. Я хочу дать им шанс к освобождению, чтобы они создавали то, что хотят.

— Только для своей жизни?

— Хотя бы и да. Как и боги. А впрочем... они это решат сами.

— Ты, вероятно, последний Акселерационалист в мире, Сэм. Но никто бы не подумал, что ты также и самый беспощадный.

— Как ты нашел меня?

— Мне пришло в голову, что в число подозреваемых должен входит Сэм, если бы не тот факт, что он умер.

— А я предполагал, что это достаточно надежная защита от обнаружения.

— Вот я и спросил себя, нет ли какого-нибудь средства, с помощью которого Сэм мог бы избежать смерти? Я ничего не мог придумать, кроме обмена телами. Тогда я спросил себя, кто брал себе новое тело в день смерти Сэма. Только Господин Муруган. Правда, получалось не совсем логично, поскольку он сделал это п о с л е смерти Сэма, а не до нее. Я как-то упустил это. Ты — Муруган — был среди тридцати семи подозреваемых, прошел психозонд и был признан Господином Ямой невиновным. Казалось, я действительно шел по ложному следу, пока не подумал об очень простой вещи — проверить запись. Сам Яма мог бы сбить психозонд, так почему бы не сделать этого кому-нибудь другому? Я вспомнил, что божественные свойства Калвина включали в себя контроль над молниями и электромагнитными феноменами. Он мог повлиять на работу машины излучением своего мозга таким образом, что она не заметила этого. Значит, надо было учитывать не то, ч т о читала машина, а к а к она это читала. Как нет двух одинаковых отпечатков пальцев, так нет и мозговых записей одного и того же рисунка. Но при переходе из одного тела в другое сохраняется та же самая мыслематрица, хотя она и включается в другой мозг. Каковы бы ни были мысли, проходящие через мозг, запись самих мысленных рисунков всегда уникальна. Я сравнил твою запись с записью Муругана, которую нашел в лаборатории Ямы. Они отличались. Я не знаю, как ты выполнил обмен телами, но я узнал тебя.

— Очень мудро, Кубера. Кто еще знает о твоем удивительном рассуждении?

— Пока никто. Боюсь, что Яма скоро дознается. Он всегда решает проблемы.

— Почему ты поставил под угрозу свою жизнь, отыскивая меня?

— Человек, достигший нашего с тобой возраста, обычно становится рассудительным. Я знал, что ты, по крайней мере, выслушаешь меня, прежде чем принять решение. И знаю также, что, поскольку я хочу тебе добра, мне не будет вреда.

— Что ты предлагаешь?

— Я достаточно симпатизирую тому, что ты сделал, чтобы помочь тебе бежать с Неба.

— Спасибо, но не надо.

— Ты хочешь выиграть в этой борьбе или нет?

— Хочу, но я сделаю это своими методами.

— Как?

— Вернусь в Город и уничтожу столько богов, сколько удастся, пока меня не остановят. Если падет достаточное количество сильных, то слабые не сумеют удержать Небо.

— А если погибнешь ты? Что будет с миром и с делом, которое ты затеял? Сможешь ли ты восстать снова, чтобы защитить их?

— Не знаю.

— Как ты смог устроить возвращение?

— Одно время я был одержим демоном. Он, пожалуй, любил меня и сказал однажды, когда мы были в опасности, что он «укрепил мое пламя», так что я мог бы существовать вне своего тела. Я забыл об этом и вспомнил лишь тогда, когда увидел свое искромсанное тело, лежащее подо мной на улице Неба. Я знал, что есть только одно место, где я могу добыть себе новое тело, — Павильон Богов Кармы. Там Муруган требовал обслуживания. Как ты сам только что сказал, моя сила — управление электричеством. Я научился это делать, не задевая мозга. Ток на мгновение прервался, я вошел в новое тело Муругана, а Муруган отправился в ад.

— Тот факт, что ты рассказал мне все это, указывает, кажется, на то, что ты намерен отправить и меня вслед за Муруганом.

— Мне очень жаль, Кубера, потому что я люблю тебя. Если ты дашь мне слово, что забудешь все то, что узнал, и будешь ждать, пока все это дело обнаружит кто-то другой, то я позволю тебе уйти живым.

— Рискованно.

— Я знаю, что ты никогда не нарушал данного тобой слова, хотя ты так же стар, как холмы Неба.

— Кого первого ты хочешь убить?

— Конечно, Господина Яму, потому что он ближе всех в погоне за мной.

— Тогда тебе придется убить меня, Сэм, потому что он брат Локапала и мой друг.

— Уверяю тебя, мы оба пожалеем, если я буду вынужден убить тебя.

— Не получил ли ты от знакомства с Ракши его пристрастия к игре?

— Во что играем?

— Если твоя победа — я дам тебе слово молчать, моя — ты полетишь со мной на спине Гаруды.

— И в чем состязание?

— Ирландский бой.

— С тобой, жирный Кубера? Мне, в моем прекрасном новом теле?

— Да.

— Тогда бей первым.

На темном холме в дальней стороне Неба Сэм и Кубера стояли лицом к лицу.

Кубера отвел назад правый кулак и выбросил его в челюсть Сэма.

Сэм упал, полежал секунду и медленно поднялся на ноги.

Потирая челюсть, он встал на прежнее место.

— Ты сильнее, чем кажешься, Кубера, — сказал он и нанес удар.

Кубера лежал на земле, со свистом втягивая воздух.

Он изо всех сил пытался встать, застонал, но все-таки поднялся.

— Я не думал, что ты встанешь, — сказал Сэм.

Кубера повернулся к нему. Темная влажная полоса спускалась по его подбородку. Когда он встал твердо, Сэм вздрогнул.

«Беги под серой стеной ночи. Спасайся! Под скалу. Прячься! Ярость обратит твои кишки в воду. Решетки трут твой позвоночник ...»

— Бей! — сказал Сэм.

Кубера улыбнулся и ударил.

Сэм лежал, дрожа, и голос ночи, смешанный со звуками насекомых, ветром и вздохами травы, доносился до него.

«Трепещи, как последний упавший лист. В твоей груди глыба льда. В твоем мозгу нет слов, а только слова ужаса ...»

Сэм потряс головой и встал на колени.

«Упади снова, свернись в клубок и рыдай. Ибо, каково у человека начало, таков и его конец. Мир — это черный катящийся шар. Он давит все, чего коснется. Он катится на тебя. Беги! Ты выиграешь минуту, может быть, час, прежде чем он навалится на тебя...»

Он поднял руки к лицу, опустил их, взглянул на Куберу и встал.

— Ты построил в Павильоне Тишины комнату, называемую Страхом. Теперь я вспомнил твою силу, старый бог. Но ее недостаточно.

«Невидимая лошадь бежит по пастбищам твоего мозга. Ты узнаешь ее по отпечаткам копыт, каждый из которых — рана ...»

Сэм встал в позицию, сжав кулак.

«Небо трепещет над тобой. Земля может разверзнуться под твоими ногами. А что за высо-

кая, похожая на фигуру, что хочет встать за твоей спиной?»

Кулак Сэма вздрогнул, но он выбросил его вперед.

Кубера покачнулся, голова его дернулась в сторону, но он устоял на ногах.

Сэм стоял, трепеща, когда Кубера занес руку назад для последнего удара.

— Старый бог, ты плутуешь, — сказал Сэм.

Кубера улыбнулся кровоточащим ртом, и его кулак вылетел вперед, как черный шар.

Яма разговаривал с Ратри, когда тишину ночи нарушил крик проснувшейся Гаруды.

— Такого еще не бывало, — сказал он.

Небеса стали медленно раскрываться.

— Может, Господин Вишну собирается выехать...

— Он никогда не ездит ночью. Я совсем недавно говорил с ним, и он ничего не сказал насчет этого.

— Значит, какой-то другой бог рискнул сесть на нее.

— Нет! К загону, госпожа моя! Быстро! Мне может понадобиться твоя сила.

Он потянул ее за собой к воздушному стойлу Птицы.

Гаруда была разбужена и отвязана, но колпак еще оставался на ее глазах.

Кубера отнес потерявшего сознание Сэма в загон и привязал к сиденью седла. Затем он спустился и повернул последнюю рукоятку. Верх клетки откатился. Кубера взял длинный металлический крюк и пошел обратно к веревочной лестнице. От Птицы невыносимо воняло. Гаруда беспрерывно двигалась и топорщила перья длиной в два человеческих роста.

Кубера медленно взобрался на нее.

Как раз когда он привязывался к сиденью, к клетке подошли Яма и Ратри.

— Кубера! Что за безумие! — закричал Яма. — Ты же никогда не любил высоты!

— Важное дело, Яма, — ответил Кубера, — а ехать в громовой колеснице — потратишь целый день.

— Какое дело? И почему бы не взять гондолу?

— На Гаруде быстрее. Я расскажу тебе, когда вернусь.

— Может, я могу помочь тебе?

— Нет. Спасибо.

— А Муруган может?

— В этом случае, да.

— Вы никогда не были в хороших отношениях.

— Мы и сейчас не в хороших. Но мне нужны его услуги.
— Эй, Муруган! Ты почему молчишь?
— Он спит, Яма.
— Но у тебя лицо в крови, брат!
— Со мной произошел небольшой несчастный случай.
— И Муруган тоже плохо выглядит...
— От того же несчастного случая.
— Что-то тут неладно, Кубера. Подожди, я войду в клетку.
— Отойди, Яма!
— Локапаласы не приказывают друг другу. Мы равны.
— Отойди, Яма! Я снимаю колпак Гаруды!
— Не делай этого!

Кубера внезапно наклонился с крюком и снял колпак с высокой головы Птицы. Гаруда закинула голову и снова крикнула.

— Ратри! — сказал Яма. — Наложи тьму на глаза Гаруды, чтобы она не могла видеть.

Яма двинулся к входу в клетку. Тьма, как грозовая туча, окутала голову Птице.

— Ратри! — сказал Кубера. — Сними этот мрак и наложи на Яму, или все пропало.

Ратри поколебалась секунду, но послушалась.

— Иди быстрее ко мне! — крикнул Кубера. — Поднимайся на Гаруду, поедешь с нами. Ты нам чертовски нужна!

Ратри вошла в клетку и пропала из виду, потому что тьма распространилась, как чернильная лужа, и Яма ощупью искал дорогу.

Веревочная лестница была сброшена, и Ратри поднялась на Гаруду.

Птица закричала и подскочила в воздух, потому что Яма двигался вперед с кинжалом в руке; он резанул первое, что попало под руку.

Ночь окутала их, и Небо осталось далеко внизу.

Когда они набрали высоту, начал приближаться купол. Гаруда спешила к воротам, не переставая кричать.

Они миновали ворота, и Кубера поторопил Птицу.

— Куда мы едем? — спросила Ратри.
— В Кинсет, на реке Ведра, — ответил Кубера. — А это Сэм. Он жив.
— Что случилось?
— Он тот, кого ищет Яма.
— Он найдет его в Кинсете?
— Без сомнения, госпожа. Без сомнения. Но прежде чем он найдет его, мы, возможно, подготовимся получше.

В дни, предшествующие Великой Битве, в Кинсет пришли защитники. Кубера, Сэм и Ратри дали предупреждение. Кинсет уже знал, что его соседи поднимаются, но не знал о небесных мстителях, готовых прийти.

Сэм обучал войска, которые должны были сражаться с богами, а Кубера — тех, кто будет сражаться с людьми.

Для Богини Ночи были выкованы черные доспехи, на которых было написано: «Охраняй нас от волка и волчицы и от ночного вора».

А на третий день перед палаткой Сэма на равнине за городом поднялась огненная башня.

— Владыка Адского Колодца пришел сдержать свое обещание, о Сиддхарта, — сказал голос в его голове.

— Тарака! Как ты нашел меня... и как узнал меня?

— Я смотрю на пламя, которое является истинной твоей сущностью, а не плоть, скрывающую его. Ты же знаешь.

— Я думал, что тебя нет в живых.

— Почти так и было. Эти двое действительно пьют жизнь глазами! Даже жизнь такого существа, как я.

— Я же тебе говорил. Ты привел с собой свои легионы?

— Да. Привел.

— Это хорошо. Боги скоро будут здесь.

— Я знаю. Я много раз бывал в Небе на ледяных шапках его гор, а мои шпионы и сейчас там. Поэтому я знаю, что они готовы идти сюда. Они также приглашают людей принять участие в сражении. Хотя они и не считают, что им нужна людская помощь, но думают, что люди пригодятся для разгрома Кинсета.

— Да, это понятно, — заметил Сэм, созерцая громадный вихрь желтого пламени. — Что еще новенького?

— Идет Красный.

— Я его ждал.

— Идет к своей смерти. Я должен победить его!

— У него будет с собой репеллент.

— Тогда я найду способ убрать репеллент или убить Красного на расстоянии. Он будет здесь с наступлением ночи.

— Как он идет?

— На летающей машине — не такой большой, как громовая колесница, которую мы пытались украсть, — но очень скоростной. Я не мог напасть на нее в полете.

— Он один?

— Да, если не считать того, кто при машинах.

— Какие машины?

— Много машин. Его летающая машина битком набита странным оборудованием.

— Плохое предзнаменование.

Башня полыхнула оранжевым.

— Но едут также и другие.

— Но ты только что сказал, что он один.

— Правильно.

— Тогда поясни мне истинный смысл твоих слов.

— Другие не с Неба.

— Откуда же?

— С тех пор как ты уехал с Неба, я много путешествовал по миру и искал связи с теми, кто тоже ненавидит Богов. Кстати, в твоем прошлом воплощении я пытался спасти тебя от кошек Канибурхи.

— Я знаю.

— Боги сильны. Сильнее, чем были раньше.

— Теперь скажи, кто идет помогать нам?

— Бог Ниррити Черный, который ненавидит все, но больше всего — Богов Неба. Так что он посылает тысячу неживых сражаться на равнине возле Ведры. Он сказал, что после битвы мы, Ракшасы, можем выбрать себе тела из тех выращиваемых им безмозглых существ, которые уцелеют.

— Мне не хочется, чтобы он был с нами, но выбора у меня нет. Когда они прибудут?

— Ночью. Но Далисса будет здесь раньше. Я уже чувствую ее приближение.

— Далисса? Кто...

— Последняя из матерей Страшного Жара. Она единственная скрылась в глубинах, когда Дурга и Калкин приехали морем в купол. Все ее яйца были передавлены, и она больше не может откладывать их, но она несет в своем теле пылающую энергию Морского Жара.

— Ты думаешь, она станет помогать мне?

— Она никому не станет помогать. Она последняя в роду. Она будет только наблюдать.

— Имей в виду, что особа, которую знали под именем Дурги, теперь носит тело Брамы, главного нашего врага.

— Да, это делает вас обоих мужчинами. Она могла принять другую сторону и остаться женщиной. Но теперь она связала себя. Она сделала выбор из-за тебя.

— Эта помощь чуточку уравнивает положение.

— Сейчас Ракши гонят слонов, слизардов и больших кошек, чтобы напустить их на наших врагов.

— Хорошо.

— Далисса уже близко. Она будет ждать на дне реки и выплывет, когда понадобится.

— Передавай ей привет от меня, — сказал Сэм, поворачиваясь к входу в палатку.

— Передам.

Сэм опустил за собой клапан.

Когда Бог Смерти спустился с Неба на равнину возле Ведры, Тарака Ракша кинулся на него в образе большой кошки из Канибурхи, но тотчас же отлетел назад. На Яме был демонский репеллент, из-за которого Тарака не мог подойти близко.

Ракша откатился, сбросил кошачью форму и стал вихрем серебряных пылинок.

«Бог Смерти! — взорвалось в голове Ямы. — Помнишь Адский

Колодец?» И тут же камни и песок втянулись в вихрь и метнулись по воздуху к Яме, который запахнул плащ, прикрыл его полой глаза, но не трогался с места.

Через некоторое время буря утихла. Яма не шевелился. Вокруг него все было успано обломками, но рядом с ним не было ни камешка.

Яма опустил край плаща и посмотрел на вихрь.

«Что за колдовство? — услышал он. — Как тебе удается устоять?» Яма продолжал смотреть на Тараку.

— Как тебе удается кружиться? — спросил он.

— Я — величайший из Ракшасов. Я однажды вынес твой смертельный взгляд.

— А я — величайший из Богов. Я устоял против всего твоего легиона в Адском Колодце.

— Ты лакей Тримурти.

— Ты ошибаешься. Я пришел сюда сражаться против Неба во имя Акселерационализма. Ненависть моя велика, и я принес оружие, чтобы его использовать против Неба.

— Тогда, я полагаю, мне придется отказаться от удовольствия продолжать сейчас нашу битву.

— Я бы счел это разумным.

— И ты в самом деле хочешь, чтобы тебя проводили к нашему вождю?

— Я и сам найду дорогу.

— Тогда до встречи, Бог Яма!

— До свидания, Ракша!

Тарака взлетел, как горящая стрела, в небо и исчез из виду.

Некоторые говорят, что Яма разрешил свою задачу, когда стоял в темноте в большой птичьей клетке. Другие же полагают, что он сдублировал соображения Куберы, пользуясь лентами в Большом Зале Смерти. Как бы то ни было, он, войдя в палатку на равнине у Ведры, приветствовал находящегося там человека, назвав его Сэмом. Этот человек положил руку на свое оружие и встал перед Ямой.

— Смерть, ты предвосхищаешь битву, — сказал он.

— Произошли перемены, — ответил Яма.

— Какого рода?

— Изменение позиции. Я пришел сюда воспротивиться воле Неба.

— Каким образом?

— Сталью. Огнем. Кровью.

— Из-за чего такая перемена?

— В Небе произошел развод. И предательство. И позор. Госпожа зашла слишком далеко, и теперь я знаю причину, господин Калкин. Я не одобряю твой Акселерационализм, но и не отрицаю его. Для меня важно лишь то, что это единственная сила в мире, способная противостоять Небу. И, понимая это, я присоединяюсь к тебе, если ты примешь мой меч.

— Я приму твой меч, Господин Яма.

— И я подниму его против любого из небесной шайки, за исключением лишь самого Брамы, против которого я не встану.

— Договорились.

— Тогда позволь мне быть твоим возничим.

— Я бы не против, но у меня нет боевой колесницы.

— Я привез специальную колесницу. Я долгое время работал над ней, и она еще не вполне закончена, но и такой будет достаточно. Я должен собрать ее в эту ночь, потому что сражение начнется завтра утром на заре.

— Так я и думал. Ракша предупредил меня о приближении войск.

— Да, я видел их, когда пролетал над ними. Главная атака будет с северо-востока, через равнину. Боги присоединятся позднее. Но, без сомнения, войска идут со всех сторон, включая и реку.

— Мы контролируем реку. Далисса ждет на дне. Когда придет время, она поднимет волны, заставит их кипеть и захлестывать скамьи их галер.

— Я думал, что Жар весь вымер.

— Да, кроме Далиссы. Она последняя.

— Как я понял, Ракшасы будут сражаться с нами?

— Да, и другие...

— Кто другие?

— Я принял помощь... безмозглых тел... их боевой отряд... от Бога Ниррити.

Яма прищурился и раздул ноздри.

— Это плохо, Сиддхарта. Рано или поздно его будет нужно уничтожить, и нехорошо быть в долгу у такого типа.

— Я знаю, Яма, но я в отчаянном положении. Они прибывают ночью...

— Если мы победим, Сиддхарта, опрокинем Небесный Город, сломаем древнюю религию, освободим людей для технического прогресса, но оппозиция все равно останется. Ниррити, который сам все эти столетия ждал смерти богов, будет атакован и побит сам. Будет так, или все начнется сначала — во всяком случае, Боги города несколько более тактичны в своих некрасивых действиях.

— Я думаю, мы должны принять помощь независимо от того, просим мы о ней или нет.

— Да, но, приглашая его или принимая его предложение, ты, в любом случае, будешь обязан ему.

— Ну, когда дело дойдет до расплаты, тогда и посмотрим.

— Это политично, согласен. Но мне это не нравится.

Сэм налил сладкого темного кинсетского вина.

— Я думаю, Кубера захочет с тобой позднее повидаться, — сказал он, предлагая Яме стаканчик.

— Что он делает? — спросил Яма, выпив вино одним глотком.

— Тренирует войска и ведет класс по двигателям внутреннего сгорания для местных ученых, — сказал Сэм. — Даже если мы проиграем, то что-то останется и будет совершенствоваться.

— Если это принесет какую-то пользу, то им нужно знать не только описания машины...

— Он говорил в эти дни до хрипоты, и писцы все записывали за ним — геологию, рудное дело, металлургию, химию нефти...

— Будь у нас больше времени, я бы помог. А сейчас, если хоть десять процентов сохранится, и то будет достаточно. Не завтра-послезавтра, но...

Сэм допил свое вино и снова наполнил стаканчики.

— За завтрашний день, возничий!

— За кровь, Связывающий, за кровь и убийство!

— Часть крови может быть и нашей собственной, Бог Смерти. Но все равно мы возьмем с собой достаточное количество врагов...

— Я не могу умереть, Сиддхарта, иначе как по собственному желанию.

— Как это так, Господин Яма?

— Позволь Смерти иметь свои маленькие секреты, Связывающий. А то я могу отказаться выполнять свою долю работы в этой битве.

— Как угодно, Господин.

— За твое здоровье и долгую жизнь!

— За твое.

День сражения заалел зарей. С реки потянулся легкий туман. Мост Богов сиял на востоке, темнел в уходящей ночи, разделял Небо как бы горящим экватором.

Воины Кинсета выстроились за городом, на равнине у Ведры. Пять тысяч человек с мечами, луками, пиками и пращами ждали сражения. В первых рядах стояла тысяча зомби под предводительством живых сержантов Черного, которые направляли все их движения барабанным боем и полотнищами черного шелка, вьющимися на ветру, как дымные змеи, над шлемами зомби.

Пятьсот копьеносцев держались в тылу. Серебряные циклоны — Ракшасы — висели в воздухе. Время от времени вдали слышался рев зверей джунглей. Знаки пяти стихий сверкали на остриях пик и на войсковом знамени.

В небе не было ни облачка. Трава на равнине влажно блестела. Воздух был холоден, земля еще достаточно мягкая, так что видны были отпечатки ног. Серый, зеленый и желтый цвета под небом били в глаза. Ведра кружилась в берегах, собирая листья деревьев. Говорят, что каждый день повторяет историю мира: выходит из темноты и холода в начинающееся тепло и смутный свет, сознательно щурит глаза в середине утра, пробуждает мысли скачком нелогичной и несвязной эмоции, спешит к полуденному теплу медленно, болезненно склоняется в пыль, к таинственному полусвету, к концу энтропии, которая есть ночь.

Начался день.

Далеко в конце поля стала заметна темная линия. Звук труб прорезал воздух, и эта линия двинулась вперед.

Сэм стоял в своей боевой колеснице во главе строя, в сверкающей броне и с длинным серым копьем смерти. Он услышал слова Смерти, который носил красное и был его возничим.

— Их первая волна — кавалерия на слизардах.

Сэм искоса взглянул на далекую линию.

— Это она, — сказал возничий.

— Прекрасно.

Он сделал жест копьем, и Ракшасы устремились вперед, как приливная волна белого света. Двинулись и зомби.

Когда белая волна и темная линия сошлись, послышалась сумятица голосов, скрежет и грохот оружия.

Темная линия остановилась; над ней дымились громадные сгустки пыли.

Затем пришли звуки поднимающихся джунглей, когда собранные хищные звери были выпущены на фланг врагов.

Зомби шли медленно, в такт барабанному бою, а огненные стихии летели перед ними, и там, где они пролетали, засыхала трава.

Сэм кивнул Смерти, и колесница медленно двинулась вперед на воздушной подушке. За ней двинулась армия Кинсета. Господин Кубера спал в наркотическом сне, подобном смерти, в тайном подземелье под городом. Госпожа Ратри ехала на черной кобыле позади строя копьеносцев.

— Их атака отбита, — сказал Яма.

— Да.

— Вся их кавалерия сброшена на землю, и звери все еще свирепствуют среди них. Они до сих пор не перестроили свои ряды. Ракшасы обрушились лавиной, как дождь с неба, на их головы. Теперь на них идет волна огня.

— Да.

— Мы уничтожим их. Сейчас они уже повстречали безмозглых ставленников Ниррити, идущих на них ровным шагом и без страха, их барабаны отбивают такт, а в их глазах нет ничего, вообще ничего. А глядя поверх их голов, враги видят здесь нас в грозовом облаке и видят, что твоей колесницей правит Смерть. Их сердца бьются чаще, холодеют их мышцы. Видишь, как звери проходят среди них?

— Да.

— Пусть не будет звука рога в наших рядах, потому что это не сражение, а убийство.

— Да.

Зомби убивали все на своем пути и, если падали, то падали без слов, потому что для них все было одинаково, а слова для неживых не имеют никакого значения.

Они очистили поле, и свежая волна воинов пошла на них. Но кавалерия была разбита. Пешие солдаты не могли устоять перед копьями и Ракшасами, перед зомби и пехотой Кинсета.

С острыми, как бритва, краями боевая колесница, ведомая Смертью,

врезалась во вражеское войско, как пламя пожара. Стрелы и копья в полете поворачивали под прямым углом, не задевая колесницы и стоявших в ней. Темные огни плясали в глазах Ямы, когда он сжимал двойное колесо, управляющее ходом колесницы. Снова и снова безжалостно направлял он колесницу на врага, а копье Сэма разило, как змеиный язык, когда они проезжали через ряды воинов.

Неизвестно откуда прозвучал сигнал к отступлению, но уже мало кто мог ответить на его призыв.

— Протри глаза, Сиддхарта, — сказал Яма, — и прикажи перестроиться заново. Нам надо усилить атаку. Манджурси, Меч, должен отдать приказ. Боги наблюдают и оценивают наши силы.

— Да, Смерть, я знаю.

Сэм поднял копье как сигнал, и в отрядах началось новое движение. Затем над ними нависла тишина. Вдруг не стало ни ветра, ни звука. Небо было ясное. Земля была серо-зеленая, утоптанная. Вдали призрачной оградой поднималась пыль.

Сэм оглядел ряды и показал копьем вперед. И в то же мгновение раздался удар грома.

— Боги сейчас сойдут на поле, — сказал Яма, глядя вверх.

Наверху пронеслась громовая колесница. Однако разрушительного дождя не последовало.

— Почему мы еще живы? — спросил Сэм.

— Я думаю, они больше хотят нашего позорного поражения. А может, боятся использовать громовую колесницу против ее создателя... и справедливо боятся.

— В таком случае...

Сэм подал сигнал к атаке.

Колесница помчала его вперед.

Сзади шли силы Кинсета.

Раздался звук небесной трубы.

Линия человеческих воинов противника расступилась. Вперед выехало пятьдесят полубогов.

— Сиддхарта, — сказал Яма, — Господин Калкин никогда не бывал побит в сражении.

— Знаю.

— У меня с собой Талисман Связывающего. На погребальном костре сожгли поддельный, а настоящий я оставил у себя для изучения. Но мне никогда не везло: минутку подержал — и вот, сейчас, надену на тебя.

Сэм поднял руки, и Смерть застегнул на его талии пояс из раковин.

Сэм дал знак армии Кинсета остановиться, и Яма повез его одного навстречу полубогам.

Над головами некоторых полубогов играли нимбы раннего обожествления. У других было странное оружие для фокусировки их странных

свойств. Пламя шло понизу и лизало колесницу. Ветры хлестали ее. Грохочущий шум падал на нее. Сэм сделал жест копьем — и первые три противника зашатались и упали наземь со своих слизардов.

Смерть направил колесницу в гущу полубогов. У нее были острые, как бритвы, края, а ее скорость втрое превышала скорость лошади и вдвое — слизарда.

Пока он ехал, вокруг него возникал туман, окрашенный кровью. Тяжелые метательные снаряды летели к нему и исчезали, сверкнув в ту или иную сторону. Ультразвук штурмовал его уши, но каким-то образом частично гасился.

Сэм с бесстрастным лицом поднял копье высоко над головой. Внезапная ярость пробежала по его лицу, и из верхушки копья выскочили молнии.

Слизарды и всадники загорелись и скорчились.

Запах горелой плоти ударил в его ноздри. Он засмеялся, и Смерть повернул колесницу для повторного захода.

— Вы наблюдаете за мной? — крикнул Сэм в небо. — Продолжайте! Вы сделали ошибку!

— Не надо, — сказал Смерть. — Рано еще. Никогда не насмехайся над богом, пока он не умер!

И колесница снова понеслась через ряды полубогов, и никто не мог коснуться ее.

Звуки трубы наполнили воздух, и небесная армия хлынула на помощь передовому отряду.

Воины Кинсета двинулись вперед, чтобы вступить с нею в бой.

Сэм стоял в колеснице, и снаряды тяжело падали вокруг него, не попадая в цель. Яма вез его через ряды врагов, теперь уже как клин, а не как рапира. Сэм запел, и его копье было похоже на змеиный язык и иногда трещало, когда с него слетали яркие вспышки. Талисман на его талии горел бледным огнем.

— Мы одолеем их! — воскликнул Сэм.

— На поле только полубоги и люди, — сказал Яма. — Боги все еще проверяют твою силу. Из них мало кто помнит полную мощь Калкина.

— П о л н а я мощь Калкина? Она никогда не проявлялась, о Смерть. Ни в одном веке. Пусть выйдут против меня теперь, и небеса будут плакать над их телами, и Ведра станет цвета крови! Вы слышите меня, боги? Выходите против меня! Я вызываю вас сюда, на это поле! Здесь вы встретитесь с моей силой!

— Нет, — сказал Смерть. — Еще не время.

Громовая колесница вновь пронеслась над ними.

Сэм поднял копье, и пиротехнический ад разверзся вокруг проходящего судна.

— Не следовало бы показывать им, что ты можешь это делать. Еще рано.

Затем в мозгу Сэма зазвучал голос Тараки.

«Они идут теперь по реке, о Связывающий. А другой отряд штурмует ворота города!» «Скажи Далиссе, чтобы поднялась и энергией Жара заставила Ведру кипеть! Пошли Ракшасов к воротам Кинсета, чтобы уничтожить захватчиков!» «Слушаюсь, Связывающий!» И Тарака исчез.

Луч слепящего света вылетел из громовой колесницы и врезался в ряды защитников.

— Время настало, — сказал Смерть и махнул плащом.

В самом заднем ряду Богиня Ратри привстала на стременах и подняла черную вуаль, которая была накинута на броню.

С обеих сторон раздались вопли, потому что солнце скрыло свое лицо и темнота опустилась на поле. Стебель света исчез изпод громовой колесницы, и сияние прекратилось.

Но из неведомого источника возникла слабая фосфоресценция, когда Бог Мара влетел на поле сражения в своей многоцветной колеснице, запряженной изрыгающими реки крови конями.

Сэм повернулся к нему, но между ними вклинилось громадное количество воинов; однако прежде чем они успели пробиться к Маре, он уже умчался через поле, убивая всех на своем пути.

Сэм поднял копье, но его мишень расплылась и изменилась, и молнии пролетали либо позади нее, либо по сторонам.

В глубине реки появился мягкий свет. Он ярко пульсировал, и что-то вроде щупальцев на миг всколыхнулось над водой.

Из города донеслись звуки сражения. Воздух был полон демонами. Земля, казалось, шевелилась под ногами воинов.

Сэм поднял копье и прочертил светящуюся линию, которая поднялась в небо, вызывая еще дюжину богов на поле.

Звери рычали, кашляли и выли, бегая по рядам и убивая людей обеих сторон.

Зомби продолжали убивать; черные сержанты подгоняли их непрерывным боем барабанов; огненные стихии вцеплялись в грудь мертвых, как будто питались ими.

— Полубогов мы разбили, — сказал Сэм. — Давай теперь попробуем разбить Господина Мару.

Они высматривали его на другом конце поля среди воплей и стонов, едущего по тем, кто скоро будет трупом, и по тем, кто уже был им.

Увидев цвета его колесницы, они бросились преследовать его. Наконец он повернулся к ним в коридоре тьмы. Смутно и издалека доносились звуки битвы. Смерть уже остановил колесницу, и они смотрели сквозь ночь в глаза друг другу.

— Ты будешь сражаться, Мара? — крикнул Сэм. — Или мы должны гонять тебя, как собаку?

— Не говори мне о своих родителях — кобеле и суке, о Связывающий! — ответил Мара. — Это ведь ты, Калкин? Твой пояс и твоя манера

воевать. Твои молнии поражают одинаково и друзей, и врагов. Ты и в самом деле каким-то образом жив, а?

— Это я, — сказал Сэм, уравновешивая копье.

— И дохлый бог правит твоей тележкой?

Смерть поднял левую руку ладонью вперед.

— Я обещаю тебе смерть, Мара, — сказал он. —Если не от руки Калкина, то от моей. Если не сегодня, так в другой день, но она все равно между нами.

Пульсация на реке стала учащаться.

Яма наклонился вперед, и колесница быстро помчалась к Маре. Кони Мастера Снов попятились и выпустили огонь из ноздрей.

Сэм и Яма прыгнули вперед. Стрелы Рудры искали их в темноте, но, приближаясь к Смерти или колеснице, сворачивали в сторону и взрывались, давая на мгновение слабое свечение.

Вдалеке тяжело шагали слоны, гонимые Ракшей через равнину.

Послышался мощный ревущий звук.

Мара стал гигантом, а его колесница — горой. Его кони, скачущие вперед, вытянулись в бесконечность. С копья Сэма сорвалась молния, как струя с фонтана. Над Марой внезапно закружилась снежная метель, космический холод проник в его кости. В последний момент Мара повернул свою колесницу и выскочил из нее.

Сэм и Мара столкнулись на борту колесницы. Раздался скрежет, и оба медленно опустились на землю.

С оглушительным ревом и пульсацией света река вспучилась, готовая взорваться. Стремительная волна пронеслась через поле, когда Ведра вышла из берегов.

Вопли усилились. Лязг оружия продолжался. Барабаны Ниррити все еще бухали в темноте, а сверху донесся странный звук, когда громовая колесница быстро неслась к земле.

— Куда он делся? — закричал Сэм.

— Скрылся. Но он не может прятаться вечно.

— Черт побери! Так мы победили или проиграли?

— Хороший вопрос. Ответа на него у меня пока нет.

Вода пенилась под стоящей колесницей.

— Мы можем снова пустить ее в ход?

— В темноте и в захлестывающей воде — нет.

— Что же мы будем делать?

— Курить и набираться терпения.

Через некоторое время над ними завис Ракша.

— Связывающий! — рапортовал он. — Новые нападающие на город имеют на себе этот чертов репеллент!

Сэм поднял копье, и с острия слетела линия молнии. Поле на мгновение осветилось яркой вспышкой.

Всюду лежали мертвые: кучами и по отдельности. Между ними валялись трупы животных. Несколько больших кошек еще бродили, выбирая

пищу. Огненные стихии улетели от воды, которая покрывала грязью упавших и хлестала на тех, кто еще мог стоять. На поле лежали холмы из разбитых колесниц и мертвых слизардов и лошадей. По полю все еще шли, повинуясь приказу, зомби с пустыми глазами, убивая все живое перед собой. Барабаны все еще били, но иногда сбивались с ритма. Из города слышались звуки битвы.

— Найди Госпожу в черном, — приказал Сэм Ракше, — и скажи, чтобы сняла темноту.

— Слушаюсь, — ответил демон и полетел к городу.

Снова засияло солнце, и Сэм прикрыл глаза рукой.

Под голубым небом и золотым мостом резня выглядела еще ужаснее.

В дальнем конце поля на возвышении стояла громовая колесница.

Зомби убили последнего человека в поле зрения. Когда они повернулись, ища оставшихся в живых, барабаны смолкли, и зомби сами упали на землю.

Сэм и Смерть стояли в колеснице и оглядывались в поисках живых.

— Никакого движения, — сказал Сэм. — А где боги?

— Может быть, в громовой колеснице.

Вернулся Ракша.

— Защитники не могут удержать город!

— Боги участвуют в штурме?

— Там Рудра. И его стрелы производят страшную панику. Бог Мара там, Брама, я думаю, тоже и много других. Очень большое смятение. Я спешил доложить.

— Где госпожа Ратри?

— Она вошла в Кинсет, в свой храм.

— Где остальные боги?

— Не знаю.

— Я пойду в город, — сказал Сэм, — и помогу защитникам.

— А я — к громовой колеснице, — сказал Яма, — чтобы захватить ее и использовать против врагов — если ею еще можно пользоваться. Если нет — остается Гаруда.

— Хорошо, — сказал Сэм, поднимаясь в воздух.

Яма выскочил из колесницы.

— Удачи тебе.

— И тебе тоже.

Они прошли по месту резни, каждый своим путем.

Он поднялся на небольшую возвышенность. Его красные кожаные сапоги бесшумно ступали по траве.

Он перекинул через плечо свой алый плащ и осмотрел громовую колесницу.

— Она повреждена молниями.

— Да, — согласился он и посмотрел на хвостовую часть, на того, кто говорил.

Броня бога сияла как бронза, хотя не была бронзовой, и украшена была фигурами змей. На сверкающем шлеме бычьи рога, а в левой руке — трезубец.

— Брат Агни, ты появился на земле.

— Я больше не Агни, а Шива — Бог Разрушения.

— Ты надел его доспехи на новое тело и взял его трезубец. Но никто не может так быстро овладеть трезубцем Шивы. Вот поэтому ты носишь на правой руке белую перчатку и очки на лбу.

Шива поднял руку и опустил очки на глаза.

— Это правда, я знаю. Убери свой трезубец, Агни. Дай мне твою перчатку и жезл, твой пояс и твои очки.

Шива покачал головой.

— Я уважаю твою мощь, Бог Смерти, твою скорость и твою силу, твою ловкость. Но ты стоишь слишком далеко, чтобы любое из этого помогло тебе сейчас. Ты не можешь подойти ко мне, потому что я сожгу тебя раньше. Смерть, ты умрешь!

— Ты хочешь повернуть дар Смерти против дарителя?

В руке Смерти появился кроваво-красный ятаган.

— Прощай, Дхарма. Твои дни кончились.

Агни потянул жезл.

— Во имя прошлой жизни и дружбы, — сказал Красный, — я сохраню тебе жизнь, если ты сдаешься.

Жезл закачался.

— Ты убил Рудру, защищая имя моей жены!

— Я сделал это, чтобы сохранить честь Локапаласа. А теперь я Бог Разрушения и один из Тримурти!

Он нацелил огненный жезл, а Смерть завертел перед ним своим алым плащом.

Вспышка света была так ослепительна, что за две мили, на стенах Кинсета, защитники увидели ее и удивились.

Враги вошли в Кинсет. Теперь здесь были пожары, вопли, удары металла о дерево, металла о металл.

Ракшасы опрокидывали дома на врагов, к которым не могли подойти близко. Врагов, как и защитников, осталось очень мало. Основная масса обеих армий погибла на равнине.

Сэм стоял на вершине самой высокой башни Храма и смотрел вниз на павший город.

— Я не мог спасти тебя, Кинсет, — сказал он. — Я пытался, но мне не хватило сил.

Далеко внизу на улице Рудра натянул свой лук.

Молния упала на Рудру, и стрела взорвалась.

Когда воздух очистился и Рудра встал, в центре обугленной земли был маленький кратер.

На дальней крыше появился Бог Вайю и призвал ветры, чтобы раздувать пожары. Сэм снова поднял копье, но на дюжине крыш стояла дюжина Вайю.

— Мара! — закричал Сэм. — Покажись, Мастер Снов! Если осмелишься!

Вокруг него слышался смех.

— Когда у меня не будет выхода, — раздался голос из дымного воздуха, — я осмелюсь. Но я могу выбрать... У тебя не кружится голова? Что, если ты свалишься оттуда на землю? Подхватят ли тебя Ракшасы? Станут ли твои демоны спасать тебя?

Молнии полетели вниз на все близкие к Храму здания, но сквозь шум слышался смех Мары. Он замер в отдалении, и затрещали новые пожары.

Сэм сел и смотрел на горящий город. Звуки сражения прекратились. Осталось только пламя.

Резкая боль возникла в его голове и исчезла. Затем появилась снова и осталась. Она распространилась на все тело, и Сэм вскрикнул.

Брама, Вайю, Мара и четверо полубогов стояли внизу на улице.

Сэм пытался поднять копье, но его рука так дрожала, что копье выпало, загрохотало на камнях и исчезло.

Скипетр с черепом и колесом был направлен на Сэма.

— Спускайся, Сэм, — сказал Брама, легко двигая скипетром, отчего боль усилилась и стала жгучей. — В живых остались только ты и Ратри. Ты последний! Сдавайся!

Сэм с трудом поднялся и вцепился руками в свой сверкающий пояс. Покачнувшись, он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Прекрасно! Я спущусь, как бомба, прямо на вас!

Небо периодически меняло свою освещенность.

Над звуками пожара поднялся мощный крик.

— Это Гаруда! — воскликнул Мара.

— Зачем бы Вишну приходить сюда?

— Гаруду украли, разве ты забыл?

Громадная птица пикировала на горящий город, как гигантский феникс на свое охваченное огнем гнездо.

Сэм повернул голову кверху и увидел, что на глаза Гаруды внезапно опустился колпак. Птица взмахнула крыльями и нырнула вниз, к богам, которые стояли у Храма.

— Красный! — закричал Мара. — Наездник в красном!

Брама повернул свой визжащий скипетр, держа его обеими руками, к голове пикирующей птицы.

Мара сделал жест, и крылья Гаруды, казалось, загорелись.

Вайю поднял руки, и ураганный ветер обрушился на верховое животное Вишну, разбивающее клювом колесницы.

Птица снова закричала и распахнула крылья, замедляя спуск. Но на ее голову обрушились Ракшасы, тычками и уколами принуждая птицу спускаться.

Она замедлила спуск, но не остановилась. Боги бросились врассыпную.

Гаруда ударилась о землю, и земля задрожала.

Яма выбрался из ее спинных перьев, соскочил с ятаганом в руке, сделал три шага и упал. Из развалин появился Мара и ударил Яму по затылку ребром ладони.

Сэм прыгнул еще до того, как был нанесен удар, но опоздал. Скипетр снова завизжал, и все завертелось вокруг Сэма. Он старался прервать свое падение, но лишь замедлил его.

Земля в сорока футах, тридцати, двадцати...

Земля была окутана тусклым кровавым туманом, затем почернела.

— Наконец-то Господин Калкин побежден в бою, — тихо сказал кто-то.

Брама, Мара и два оставшихся в живых полубога понесли Сэма и Яму из умирающего города Кинсет на берег Ведры. Госпожа Ратри шла за ними с веревкой на шее.

Они положили Сэма и Яму в громовую колесницу, которая была в значительно худшем состоянии, чем они оставили ее; в правом борту зияла громадная дыра, а часть хвостового оборудования отсутствовала. Они заковали пленников в цепи, сняв Талисман Связывающего и алый плащ Смерти. Затем послали сообщение на Небо, и через некоторое время пришла небесная гондола и увезла их в Небесный Город.

— Мы победили, — сказал Брама. — Кинсета больше нет.

— Дорого он обошелся нам, я считаю, — сказал Мара.

— Но мы победили!

— И Черный снова шевелится.

— Он хочет проверить наши силы.

— И что же он думает о них? Мы потеряли целую армию, и даже боги умирали в этот день.

— Мы сражались со Смертью, с демонами и Калкином, с Ночью и Матерью Жара. Ниррити больше не поднимет руки против нас после такой победы, как эта.

— Могуч Брама, — сказал Мара и отвернулся.

Боги Кармы были вызваны, чтобы судить пленников. Богиня Ратри была изгнана из Небесного Города и приговорена жить на земле как смертная, и перевоплощаться всегда в немолодые тела некрасивой внешности, которые не могли бы нести полную силу ее божественности. Ей была оказана такая милость, потому что ее признали лишь случайной соучастницей, обманутой Куберой, которому она доверяла.

Когда пошли за Богом Ямой, чтобы привести его на суд, то обнаружили, что он умер в камере. В его тюрбане был маленький металлический ящичек. Он взорвался.

Боги Кармы провели вскрытие тела и совещались.

— Почему он не принял яд, если хотел умереть? — спросил Брама. — Пилюлю спрятать куда легче, чем эту коробку.

— Вполне возможно, — сказал один из Богов Кармы, — что где-то на земле у него было спрятано другое тело, и он намеревался переселиться

в него с помощью радиопередатчика, который был поставлен на самоуничтожение после использования.

— Разве это можно сделать?

— Конечно нет. Оборудование пересадки сложное и объемное. Но Яма хвастался, что может сделать все. Он однажды пытался убедить меня, что такой прибор можно сделать. Но между двумя телами должен быть прямой контакт с помощью грифелей и проводов. А такой крошечный прибор не мог бы генерировать достаточной энергии.

— Кто сделал твой психозонд? — спросил Брама.

— Господин Яма.

— А громовую колесницу Шивы? А огненный жезл Агни? Твой страшный лук, Рудра? Трезубец? Сверкающее Копье?

— Яма.

— Тогда я скажу тебе, что приблизительно в то же время, когда действовал этот ящичек, в Большом Зале Смерти вроде бы сам по себе крутился громадный генератор. Он действовал не более пяти минут, а потом сам собой выключился.

— Радиоволны?

Брама пожал плечами.

— Пора приговаривать Сэма.

Это было сделано. Поскольку Сэм уже однажды умер, но безрезультатно, решили, что приговаривать его к смерти не имеет смысла.

По общему решению он был переселен. Но не в другое тело. Была воздвигнута радиобашня. Одурманенного снадобьями Сэма положили на место, передаточные провода были присоединены к нему, как полагается, только не было другого тела. Вместо него провода были присоединены к конвертеру башни.

Его а т м а н проецировался вверх, через открытый купол в громадное магнитное облако, которое окружало всю планету и называлось Мостом Богов.

Затем ему был дан единственный знак отличия: вторичные похороны в Небе. Господин Яма получил первые, и Брама, следя за поднимающимся от погребального костра дымом, задумался, где сейчас Яма на самом деле.

— Будда ушел в Нирвану, — сказал Брама. — Объявите это в Храмах! Пойте на улицах! Славен был его путь! Он реформировал старую религию, и мы стали лучше, чем были! А те, кто думает иначе, пусть вспомнят о Кинсете!

Так и было сделано.

Но Бога Куберу они так и не нашли.

Демоны были свободны.

Ниррити был силен.

И где-то в мире были те, кто помнил бифокальные очки и смывные туалеты, химию нефти и двигатели внутреннего сгорания, и в тот день, когда солнце спрятало свое лицо от правосудия Неба.

Вишну слышал, что звери пустыни наконец вошли в Город.

Его иногда называли Митрейя, что значит Бог Света.
После возвращения из Золотого Облака он поехал
во дворец Камы в Кейпур, где обдумывал планы
и укреплял свою силу против Дня Юги.
Мудрец сказал однажды, что никто никогда
не видел Дня Юги, но узнает его, когда он придет.
Ибо день этот начинается так же, как всякий другой,
и приходит так же, повторяя историю мира.
Иногда его называли Митрейя, что означает
Бог Света...

Мир есть жертвенный костер, солнце — его топливо, солнечные лучи — его дым, день — его пламя, стороны света — его угли и искры. В этот костер боги приносят веру, как возлияние. Из этой жертвы родится Повелитель Луны.

Дождь, о Гаутама, есть костер, год — его топливо, тучи — его дым, молнии — его пламя, угли, искры. В этот костер боги приносят Повелителя Луны, как возлияние. Из этой жертвы родится дождь.

Этот мир, о Гаутама, есть костер, земля — его топливо, огонь — его дым, ночь — его пламя, луна — его угли, звезды — его искры. В этот костер боги приносят дождь, как возлияние. Из этой жертвы происходит пища.

Мужчина, о Гаутама, — это костер, его открытый рот — топливо, его дыхание — дым, его глаза — угли, его уши — искры. В этот костер боги кладут пищу, как возлияние. Из этой жертвы родится сила поколений.

Женщина, о Гаутама, есть костер, ее волосы — пламя, ее прелести — угли и искры. В этот костер боги приносят силу поколений, как возлияние. Из этой жертвы родится человек. Он живет, пока живется.

Когда человек умирает, его приносят, чтобы предложить костру. Костер становится его костром, топливо — его топливом, дым — его дымом, пламя — его пламенем, угли — его углями, искры — его искрами. В этот костер боги приносят человека, как возлияние. Из этой жертвы человек возникает в сияющей пышности.

Брихадараниака Упанишада (YI, 9—14)

В высоком голубом дворце со стройными шпилями и филигранными воротами, где пахнет солью моря и крики морских существ летят в чистом воздухе в пору ощущений жизни и наслаждения, Господин Ниррити Черный разговаривал с человеком, которого привели к нему.

— Морской капитан, как тебя зовут? — спросил он.

— Ольвигга, Господин, — ответил капитан. — Почему ты убил мою команду, а меня оставил в живых?

— Потому что я хотел спросить тебя, капитан Ольвигга.

— О чем?

— О многом. О том, что старый морской капитан может знать из своих путешествий. Мой контроль над южными морскими путями по-прежнему силен?

— Сильнее, чем я думал, иначе бы меня здесь не было.

— А другие? Боятся рисковать?

— Боятся.

Ниррити подошел к окну и задумчиво уставился на морскую поверхность. Через некоторое время, стоя спиной к пленнику, он сказал:

— Я слышал, что на севере после битвы в Кинсете идет большой научный прогресс.

— Я тоже слышал и знаю, что это правда. Я видел паровую машину. Печатный пресс прочно вошел в жизнь. Ноги мертвого слизарда дергаются от гальванического тока. Теперь выплавляют лучшую сталь. Снова изобретены телескоп и микроскоп.

Ниррити повернулся лицом к нему, и они изучающе смотрели друг на друга.

Ниррити был невысок, с подмигивающим глазом, с легкой улыбкой, темными волосами, схваченными серебряным обручем, курносым носом и глазами цвета его дворца. Он носил черное одеяние, и ему недоставало загара.

— Почему Богам Города не удалось остановить этот прогресс?

— Я думаю, потому что они ослабели, если это то, что ты хочешь услышать, Господин. После бедствия у Ведры они почему-то боятся подавлять прогресс силой. Говорят также, что в Городе постоянные раздоры между полубогами и оставшимися старшими. Это дело новой религии. Люди больше не боятся Неба, как боялись раньше. Они полны решимости защищаться, и теперь, когда они лучше экипированы, боги не очень-то желают поднять оружие против них.

— Значит, Сэм победил. Через столько лет, но все-таки победил их.

— Да, Рэнфри. Я чувствую, что это правда.

Ниррити взглянул на двух стражников, стоящих по бокам Ольвигги.

— Выйдите! — приказал он и, когда они вышли, спросил: — Ты знаешь меня?

— Да, капеллан. Потому что я — Ян Ольвигг, капитан «Звезды Индии».

— Ольвигг? Сомнительно что-то.

— Однако это правда. Я получил это теперь уже старое тело в тот день, когда Сэм разгромил Мастеров Кармы в Махартхе. Я был там.

— Один из Первых, и... да, христианин!

— Иногда. Когда у меня истощается запас ругательств на хинди.

Ниррити положил руку ему на плечо.

— Тогда твоя истинная сущность должна очень страдать от того богохульства, которое они произвели!

— А я не слишком вникаю в них... И они в меня.

— Надеюсь. Но Сэм сделал то же самое — смешал множество ересей, похоронил истинное Слово даже глубже...

— Оружие, Рэнфри, — сказал Ольвигг. — Ничего более. Я уверен, что он хотел быть богом не меньше, чем ты или я.

— Возможно. Но я хотел бы, чтобы он выбрал другое оружие. Если он победит, их души все равно пропали.

Ольвигг пожал плечами.

— Я не теолог, как ты.

— Но ты поможешь мне? За века я создал могучую армию. У меня есть люди и машины. Ты говоришь, что наши враги ослабели. Мои бездушные создания, рожденные не от мужчины и женщины, не знают страха. У меня есть небесные гондолы — много. Я могу добраться до их Города на полюсе. Я могу разрушить их храмы здесь, на земле. Я думаю, пора очистить мир от их скверны. Истинная вера должна взойти снова! И скорее! Это д о л ж н о б ы т ь скорее...

— Я уже сказал, что я не теолог. Но я тоже хотел бы видеть Город побежденным, — сказал Ольвигг. — Я помогу тебе, чем смогу.

— Тогда мы захватим несколько городов, осквернim их храмы и посмотрим, какое действие это окажет.

Ольвигг кивнул.

— Ты будешь советовать мне. Будешь осуществлять моральную поддержку, — сказал Ниррити и наклонил голову. — Давай помолимся вместе.

Старик долгое время стоял перед дворцом Камы в Кейпуре, глядя на его мраморные столбы. Наконец, девушка пожалела его и вынесла ему хлеба и молока. Хлеб он съел.

— Выпей и молоко, дедушка. Оно питательно и поддержит твое тело.

— К черту! — воскликнул старик. — К черту молоко! К черту мое тело! Главное — это мой дух!

Девушка отпрянула.

— Разве так отвечают на милостыню?

— Я возражаю не против твоей милости, девушка, а против твоего выбора напитка. Не можешь ли ты уделить мне глоток хоть самого дрянного вина из кухни... Коим гости пренебрегают, а повар даже не плеснет его на обрезки мяса? Я жажду выжимок из винограда, а не из коровы.

— Может, тебе еще меню принести? Убирайся, пока я не позвала слуг!

Он пристально посмотрел ей в глаза.

— Не обижайся, госпожа моя, прошу тебя. Нищенство мне трудно дается.

Она посмотрела в черные глаза на морщинистом, загорелом лице. В уголках его губ играла чуть заметная улыбка.

— Ладно... Иди за мной. Я провожу тебя на кухню, и посмотрим, что там найдется. Хотя я, собственно, не понимаю, почему я должна это делать.

Улыбка его стала шире, когда он пошел за девушкой, следя за ее походкой.

— Потому что я хотел, чтобы ты это сделала, — ответил он.

Тарака, Ракша, был не в духе. Летя над облаками, он думал о путях власти. Когда-то он был самым могущественным. До дней связывания не было никого, кто мог бы устоять перед ним. Затем пришел Сиддхарта-Связывающий. Тарака знал его раньше, еще как Калкина, и знал, что он силен. В конце концов он решил, что они должны встретиться, и он, Тарака, должен проверить силу божественности, которой, как говорили, наделен Калкин. Когда они сошлись вместе в тот давно прошедший день, когда от их ярости пылали вершины гор, в тот день победил Связывающий. А при второй их встрече, столетия спустя, Тараке удалось победить Связывающего даже более полно. Но Связывающий был только один, и теперь он ушел из мира. Из всех живых только Связывающий взял верх над Владыкой Адского Колодца. Затем боги бросили вызов его силе. В прежние времена они были слабы, старались тренировать свои мутантские силы наркотиками, гипнозом, медитацией, нейрохирургией и выковали свои свойства — и вот, века спустя, их силы выросли. Четверо их вошли в Адский Колодец, всего лишь четверо, и легионы Тараки не смогли отбросить их. Один из них, Шива, был силен, но позднее Связывающий убил его. Так и должно было быть, ибо Тарака считал Связывающего равным себе. Женщину Тарака не учитывал. Она всего лишь женщина, и она требовала помощи от Ямы. Но Бог Агни, чей дух был ярким, слепящим пламенем, заставил Тараку бояться себя. Он вспомнил, как однажды Агни вошел один во дворец Паламайдсу и бросил ему, Тараке, вызов. Тарака не смог остановить его, хотя и пытался, и увидел, как весь дворец был разрушен силою огня Агни. И в Адском Колодце ничто не смогло остановить его. Тарака обещал тогда себе, что со временем проверит силу Агни, как это сделал с силой Сиддхарты, чтобы либо победить ее, либо быть связанным ею. Но обещание это Тарака так и не выполнил: Бог Огня сам пал перед Красным, который был четвертым в Адском Колодце. Красный каким-то образом повернул пламя Агни против него же в день битвы за Кинсет. Это означало, что величайшим был Красный. Ведь даже Связывающий предупреждал Тараку насчет Ямы-Дхармы, Бога Смерти. Да, тот, чьи глаза выпивают жизнь, был самым могущественным из оставшихся в мире. Тарака чуть не погиб от этой силы в громовой колеснице. Однажды он хотел еще раз проверить эту силу, но быстро отступился, потому что он и Яма оказались союзниками в битве. Говорили, что Яма вскоре после этого умер в Городе. Позднее же говорили, что он все еще бродит по земле.

Говорят, что, как Бог Смерти, он не может умереть иначе, как по своему желанию. Тарака принял это как факт, понимая, что это означает. Это значит, что он, Тарака, вернется на юг, на остров голубого дворца, где Бог Зла, Ниррити Черный, ждет его ответа. Тарака даст свое согласие. Начиная с Махартхи и дальше от моря на север, Ракшасы прибавят свою мощь к мощи Черного, разрушат Храмы в шести самых больших городах юго-запада, зальют улицы этих городов кровью их жителей и беспламенных легионов Черного — чтобы боги пришли защищать их и встретили бы свою гибель. Если боги не придут, они покажут этим свою слабость. Тогда Ракшасы будут штурмовать Небо, и Ниррити снесет Небесный Город; Шпиль в милю высотой упадет, купол будет разбит вдребезги, большие белые кошки Канибурхи будут смотреть на развалины, Павильоны богов и полубогов покроются снегами. И все это, в сущности, по одной причине, помимо скуки, помимо приближения последних дней богов и людей в мире Ракшасов: когда бы ни пришла эта великая битва и могучие деяния, огненные деяния — придет и он, Тарака знал, придет Красный, где бы он ни был, обязательно придет, потому что его божественность потянет его к власти. Тарака знал, что будет искать, ждать, ничего не делать до того дня, когда он посмотрит в темные огни, горящие в глазах Смерти...

Брама уставился на карту, затем оглянулся на хрустальный экран, вокруг которого обвился бронзовый Наг, зажавший в пасти хвост.

— Пожар, о жрец?

— Пожар, Брама... Весь район складов!

— Прикажи людям гасить.

— Они уже делают это, могучий.

— Тогда зачем ты беспокоишь меня этим делом?

— Боимся, Великий.

— Чего боитесь?

— Черного, чье имя я не могу назвать в твоем присутствии, чья сила неуклонно растет на юге, того, кто контролирует морские пути, подрезая торговлю...

— Почему ты опасаешься назвать передо мною имя Ниррити? Я знаю Черного. Ты думаешь, что пожары — его затея?

— Да, Великий, через какого-нибудь негодяя, которому он заплатил. Многие говорят, что он хочет отрезать нас от остального мира, отнять наши богатства, уничтожить наши склады и истощить наш дух, и поэтому он собирается...

— Захватить тебя, конечно.

— Ты сказал это, Могучий.

— Это вполне возможно, жрец. Скажи, ты думаешь, что твои боги не встанут рядом с тобой, если Бог Зла нападет?

— В этом никогда не было никакого сомнения, Могущественнейший. Мы только хотели напомнить тебе о такой возможности и возобновить наши постоянные мольбы о милосердии и божественной защите.

— Ты это сделал, жрец. Не бойся.

С этими словами Брама закончил передачу.

— Он нападет.

— Конечно.

— Хотел бы я знать, насколько он силен. Кто-нибудь знает, Ганеша?

— Ты спрашиваешь меня, Господин мой? Своего скромного политического советника?

— Никого другого я здесь не вижу, скромный бог-творец. Ты знаешь кого-нибудь, кто принесет информацию?

— Нет, Повелитель. Не знаю. Все избегают это отвратительное существо, как будто оно само реальная смерть. Вообще-то так оно и есть. Как тебе известно, три полубога, посланные мною на юг, не вернулись.

— А ведь они тоже были сильны, верно? Давно это было?

— По крайней мере год назад, когда мы послали нового Агни.

— Да, он был не очень хорош — пользовался зажигательными гранатами... но силен.

— Когда богов мало, приходится выбирать из полубогов.

— В старину я взял бы громовую колесницу...

— В старину громовой колесницы не было. Господин...

— Помолчи! Сейчас у нас громовая колесница есть. Я думаю о трубочисте, который наклонится над дворцом Ниррити.

— Брама, я думаю, что Ниррити может остановить громовую колесницу.

— Почему ты так думаешь?

— По некоторым рапортам из первых рук я понял, что он пользовался самонаводящимися ракетами против военных судов, посланных за его разбойниками.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Эти рапорты получены совсем недавно. И это первый случай, когда я мог завести разговор об этом.

— Значит, ты считаешь, что мы не должны напасть?

— Нет. Подожди. Пусть он двинется первый, чтобы мы могли судить об его силе.

— Но это означает — пожертвовать Махартхой?

— Ну и что? Ты никогда не видел павшего города? Какую пользу принесет ему Махартха сам по себе и надолго ли понадобится ему? Если мы не сможем снова вытребовать ее — вот т о г д а пусть трубочист наклонит свою широкополую шляпу... над Махартхой.

— Ты прав. Это будет полезно — правильно оценить его силы и оттянуть часть их назад. Но нам надо подготовиться.

— Да. Приказывай.

— Подними все силы Города. Вызови Индру с восточного континента, и немéдленно!

— Твоя воля будет исполнена.

— И подними тревогу в остальных пяти городах на реке: в Лананде, Кейпуре, Кильбаре...

— Немедленно.

— Тогда иди.

— Уже ушел.

Время — океан, пространство — его вода. Сэм решительно встал в середине.

— Бог Смерти, — окликнул он, — перечисли наши силы.

Яма потянулся и зевнул, затем поднялся с алого ложа, на котором дремал, почти невидимый. Он перешел в комнату и пристально посмотрел в глаза Сэму.

— Здесь все мои божественные свойства.

Сэм встретил его взгляд, выдержал его.

— Это ответ на мой вопрос?

— Частично. Но в основном это проба твоей силы. Похоже, что она вернулась. Ты выносишь мой смертельный взгляд дольше любого смертного.

— Я знаю, что моя сила возвращается. Я ее чувствую. Сейчас многое возвращается. В течение тех недель, что мы прожили во Дворце Ратри, я размышлял о своих прежних существованиях. Не все они были пропавшими, Бог Смерти. Сегодня я это понял. Хотя Небо побивало меня в каждом обороте, победы эти дорого им стоили.

— Да, ты, очевидно, человек предназначения. Теперь они явно слабее, чем в то время, когда ты бросил им вызов в Махартхе. Но слабость эта относительна, потому что люди стали сильнее. Боги разбили Кинсет, но не уничтожили Акселерационализм. Они пытались похоронить буддизм в своих собственных учениях, но не смогли. Может, твоя религия не сюжет придуманной тобой легенды помогла поддержать Акселерационализм в чем-то — в чем, я не знаю, и боги тоже не знают. Это послужило хорошим отвлекающим маневром, отвлекло их внимание от вреда, который оно могло нанести, а поскольку это было принято как учение, их усилия подавить его вызвали некоторый подъем богоборческих чувств. Можно подумать, что тебе это было внушено свыше, если бы ты не был так умен.

— Спасибо. Не желаешь ли моего благословения?

— Нет. А ты моего не желаешь?

— Позднее — возможно, Смерть. Но ты не ответил на мой вопрос. Пожалуйста, скажи, какими силами мы располагаем?

— Хорошо. Скоро прибудет Кубера.

— Кубера? Где он?

— Он много лет жил в потаенном месте, позволяя просачиваться в мир научным знаниям.

— Столько лет! Его тело, вероятно, совсем уже древнее! Как он ухитрился?

— Ты помнишь Нараду?

— Моего бывшего врача из Капила?

— Его самого. Когда ты распустил своих копьеносцев после битвы в Махартхе, он ушел со слугами в глухие места. Он взял с собой все оборудование, которое ты отобрал в Зале Кармы. Я нашел его много лет назад. После Кинсета, после моего побега с Неба с помощью Пути Черного Колеса, я вывел Куберу из подвала под разрушенным городом. Позднее он сам связался с Нарадой, который теперь держит в холмах тайную мастерскую тел. Они с Куберой работают вместе. Мы также устроили еще несколько таких же мастерских в разных местах.

— И Кубера идет сюда? Отлично!

— А Сиддхарта все еще принц Капил, и его приказ к отрядам должен быть услышан. И мы дали этот призыв.

— Их, вероятно, горсточка. Но все равно приятно знать...

— И Господин Кришна.

— Кришна? Что ему делать на нашей стороне? Где он?

— Был здесь. Я нашел его на другой день после нашего прибытия. Он действительно путался здесь с одной из девушек. Жалко смотреть.

— Как так?

— Стар. До жалости стар и изношен, но все еще выпивоха и юбочник. Его божественность пока служит ему, периодически показывая кое-что от былой гениальности и колоссальной жизнеспособности. Его выгнали с Неба после Кинсета за то, что он не пожелал сражаться против меня и Куберы, как это сделал Агни. Он полстолетия бродил по миру: пил, любил, играл на свирели и старел. Кубера и я несколько раз пытались найти его, но он все время перемещался. Это общая потребность талантливых божеств-ренегатов.

— Зачем он нам?

— Как только я нашел его, я послал его к Нараде за новым телом. Он должен был поехать туда с Куберой. Его силы тоже всегда быстро восстанавливаются после пересадки.

— Но з а ч е м он нам?

— Не забывай, что именно он победил черного демона Бану, против которого боялся выступить даже Индра. Трезвый он один из самых отважных бойцов в мире. Яма, Кубера, Кришна и, если хочешь, Калкин! Мы станем новым Локапаласом и будем держаться вместе.

— Я бы не прочь.

— В таком случае, так и будет. Пусть боги высылают против нас своих новичков! Я был Мастером Нового Оружия. Здесь должно быть так много индивидуального и экзотического оружия. Я трачу свою гениальность и свое искусство на каждый предмет в отдельности вместо массового производства главным образом наступательных средств. Но большинство паранормальных способностей требует как раз этого. У некоторых всегда имеется свойство, чтобы противостоять любому общему оружию. Пусть-ка встанут перед Адской Пушкой и будут разнесены по волокнам, или

скрестят мечи с Электромечом, или окажутся перед фонтанным Щитом с его струями цианида и диметилсульфоксида — вот тогда узнают, что перед ними встал Локапалас!

— Теперь я понимаю, Смерть, почему любой бог, даже Брама, может умереть и быть заменен другим — любой, кроме тебя.

— Спасибо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Пока нет. Мне нужно больше информации о силах внутри города. Небо демонстрировало свою мощь в последние годы?

— Нет.

— Нет ли какого-нибудь способа проверить их, не обнаруживая себя? Может, Ракшасы...

— Нет, Сэм, я не доверяю им.

— И я тоже, но иногда с ними можно иметь дело.

— Как ты имел дело с ними в Адском Колодце или в Паламайдсу?

— Хорошо сказано. Может, ты и прав. Я подумаю об этом. Интересно, как обстоят дела с Черным?

— За последние годы он овладел морями. Говорят, его легионы растут и он строит военные машины. Я однажды говорил тебе о своих опасениях на этот счет. Давай-ка держаться от Ниррити подальше, насколько это возможно. Общее у нас с ними только одно: желание сокрушить Небо. Он не Акселерационалист и не приверженец власти богов, и в случае успеха он может установить темный век еще хуже того, из которого мы начали вылезать. Лучше всего было бы спровоцировать драку между Ниррити и Богами Города, выждать, а затем стрелять в победителей.

— Пожалуй, ты прав, Яма. Но как это сделать?

— Мы не можем, но, возможно, скоро это произойдет само собой. Махартха раболепно встала на колени, закрыв лицо от моря.

— Ты стратег, Сэм, а я только тактик. Мы вернули тебя, чтобы ты сказал нам, как действовать. Прошу тебя, подумай об этом хорошенько, раз уж ты снова стал самим собой.

— Ты всегда подчеркиваешь эти последние слова.

— Ты прав, проповедник. Потому что ты не был в сражениях с тех пор, как вернулся из Нирваны... Скажи-ка, ты можешь заставить буддистов сражаться?

— Вероятно, но для этого я должен опять стать той личностью, которую теперь нахожу столь неприятной.

— Ну... может, и не придется, но держи это в уме на случай, если нам будет туго. Однако надежнее было бы каждую ночь упражняться перед зеркалом в той эстетической речи, которую ты выдал в монастыре Ратри.

— Мне не хотелось бы...

— Понятно. Тогда сделай это как-то по-другому.

— Лучше я буду практиковаться с мечом. Принеси мне его, и я дам тебе урок.

— Хо! Отлично! Получу урок и сам стану новообращенным.

— Тогда перейдем во двор, и я буду просвещать тебя.

Когда Ниррити в своем голубом дворце поднял руки, с палуб его боевых кораблей поднялись к небу ракеты и по дуге понеслись над городом Махартхой.

Когда он застегнул свою черную наклонную пластину, ракеты опустились на город и начались пожары.

Когда он надел сапоги, его флот вошел в гавань.

Когда его черный плащ был застегнут у горла, а черный стальной шлем надет на голову, его сержанты начали бить в барабаны под палубами кораблей.

Когда он подвесил меч к поясу, бездушные существа зашевелились в трюмах судов.

Когда он натянул перчатки из кожи и стали, его флот под ветром, направляемым Ракшасами, подошел к порту.

Когда он жестом приказал младшему стюарду Ольвиггу следовать за ним во двор, безгласные воины его поднялись на палубы и встали перед горящей гаванью.

Когда заурчали машины в черной небесной гондоле и дверь открылась, первый отряд вошел в Махартху.

Когда они долетели до Махартхи, город был взят.

В зеленых участках сада пели птицы. Рыбы, похожие на старинные монеты, лежали на дне голубого бассейна. Цветы были в основном красные, с крупными лепестками, но вокруг каменной скамьи попадались и желтые.

Она положила руку на белую стальную спинку скамьи и смотрела, как по плитам скользили его сапоги, когда он шел в ее направлении.

— Господин, это частный сад, — сказала она.

Он остановился и взглянул на нее — мускулистый, загорелый, с темными глазами и бородой. Лицо его ничего не выражало до тех пор, пока он не улыбнулся.

— Гости сюда не ходят, — добавила она, — для них есть сады в другом крыле. Пройдите через ту арку...

— В м о е м саду, Ратри, ты всегда была желанной гостьей, — сказал он.

— Ты...

— Кубера.

— Лорд Кубера! Но ты не...

— Не жирный. Знаю. Новое тело, и оно неустанно работало. Изготовляло оружие Ямы, транспортировало его...

— Когда ты прибыл?

— Только что. Я привез с собой Кришну вместе с грузом взрывателей, гранат, осколочных мин...

— Боги! Это было так давно...

— Да. Очень. Но я должен перед тобой извиниться, поэтому и пришел. Меня это мучило много лет. Прости меня, Ратри, за ту давнюю ночь,

— Брама, ты забыл, что Ниррити фанатик, сумасшедший. Ему не нужны ни Махартха, ни Лананда, ни Кейпур. Он хочет уничтожить наши Храмы и нас самих. В этих городах его интересуют не тела, а души. Он пойдет по стране, уничтожая каждый символ нашей религии, какой встретит, пока мы не станем с ним драться. Если мы ничего не сделаем, он, скорее всего, пошлет миссионеров.

— Значит, мы должны что-то сделать!

— Ослабим его, пока он идет. Когда он ослабеет достаточно — ударим! Отдай ему Лананду и Кейпур тоже, если понадобится. Даже Кильбар и Хамсу. Когда он ослабеет, разобьем его. Мы обойдемся и без этих городов. Сколько мы их сами уничтожили? И не вспомнишь!

— Тридцать шесть, — сказал Брама. — Давай вернемся в Небо, и я обмозгую это дело. Если я последую твоем совету, а он уйдет прежде, чем достаточно ослабнет, мы многое потеряем.

— Хотел бы поспорить, что не уйдет.

— Ты не свои кости бросаешь, Ганеша, а мои. Смотри, с ним эти проклятые Ракшасы. Давай-ка уйдем побыстрее, пока они нас не увидели.

— Да. Немедленно!

Они повернули своих слизардов в глубь леса.

Кришна отложил свирель, когда к нему прибыл посланец.

— Да? — спросил он.

— Махартха пала...

Кришна встал.

— И Ниррити готовится идти на Лананду.

— Что делают боги для защиты городов?

— Ничего. Вообще ничего.

— Пойдем со мной. Локапаласы собираются совещаться.

Отложенная Кришной свирель так и осталась лежать на столе.

В эту ночь Сэм стоял на самом высоком балконе дворца Ратри. Дождь с ветром бил его ледяными струями. Железное кольцо на его левой руке горело изумрудным блеском.

Падающая молния застыла в воздухе, когда он поднял руку, а грохочущий гром продлил свой рокот, став похожим на предсмертный крик всех драконов, которые жили когда-то где-то...

Огненные стихии превратили ночь в день, встав перед дворцом Камы.

Сэм поднял обе руки, и стихии, все, как одна, поднялись в воздух и зависли высоко в небе.

Он сделал жест, и они полетели над Кейпуром, с одного конца города до другого.

Там они закружились кольцом, затем разделились и стали танцевать в грозе.

Он опустил руки. Стихии вернулись и снова встали перед ним.

Он не двигался. Он ждал.

После ста ударов сердца из ночи пришло и сказало ему:

«Кто ты, чтобы командовать рабами Ракшасов?» «Приведи ко мне Тараку», — сказал Сэм.

«Смертные мне не приказывают!» «Тогда посмотри на пламя моей истинной сущности, пока я не привязал тебя к металлическому флагштоку на все то время, пока он стоит».

«Связывающий! Ты жив?» «Приведи мне Тараку», — повторил Сэм.

«Сейчас, Сиддхарта. Твоя воля будет исполнена».

Сэм хлопнул в ладоши, и стихии взвились к небу, и над Сэмом снова была темная ночь.

Владыка Адского Колодца принял человеческую форму и вошел в комнату, где в одиночестве сидел Сэм.

— Последний раз я видел тебя в день Великой Битвы, — сказал Тарака. — Потом, я слышал, боги нашли способ обезвредить тебя.

— Как видишь, они этого не сделали.

— Как ты снова пришел в мир?

— Господин Яма — Красный — вернул меня обратно.

— Его сила в самом деле велика?

— Это достаточно доказано. Как дела у Ракшасов?

— Хорошо. Мы продолжаем нашу борьбу.

— Да? Какими методами?

— Мы помогаем твоему старому союзнику — Черному, Господину Ниррити, в его кампании против богов.

— Я так и думал. Поэтому я и вызвал тебя.

— Хочешь поехать с ним?

— Я обдумал это очень основательно и, несмотря на возражения моих товарищей, очень хочу ехать с ним, но при условии, что он заключит договор с нами. Я хочу, чтобы ты передал ему мое предложение.

— Какое предложение, Сиддхарта?

— Что Локапалас — Яма, Кришна, Кубера и я — будем сражаться вместе с ним против богов и приведем с собой всех поддерживающих нас, всю силу и оборудование, если он согласится не воевать с последователями буддизма или индуизма, пока они существуют в мире, с целью обращения их в его веру, и, кроме того, не станет подавлять Акселерационализм, как делали боги. Когда он даст тебе ответ, посмотришь на его пламя и скажешь мне, искренне ли он говорил.

— Думаешь, он согласится?

— Думаю. Он знает, что, если боги не будут больше силой насаждать индуизм, как они это делают, Ниррити получит обращенных. Он видит, что я сумел сделать с буддизмом, несмотря на противодействие богов. Он считает, что его путь — единственно правильный и предназначен для выигрыша в соревновании. Я думаю, он согласится на *честное* сотрудничество. Передай ему это предложение и принеси ответ. Согласен?

Тарака пошел волнами. Лицо его и левая рука стали прозрачными.

— Сэм...

— Что?

— Какой путь правильный?

— Ты спрашиваешь меня? Откуда мне знать?

— Смертные называют тебя Буддой.

— Это только потому, что у них недостаток в словах и избыток в невежестве.

— Нет. Я смотрю на твое пламя и называю тебя Богом Света. Ты связываешь смертных, как связал нас. Ты отпускаешь их, как отпустил нас. Твоя сила наложила на них веру. Ты тот, кем назвал себя.

— Я лгал. Я сам никогда в это не верил и сейчас не верю. Я мог бы так же легко выбрать другой путь — скажем, религию Ниррити — только распятие мешает. Я мог бы выбрать религию, называемую исламом, только не знаю, как она смешивается с индуизмом. Мой выбор был основан на расчете, не на внушении, и я — никто.

— Ты — Бог Света.

— Ладно, иди передай мое предложение, а о религии поговорим в другой раз.

— Локапалас, ты сказал, это Яма, Кришна, Кубера и ты?

— Да.

— Значит, Яма действительно жив. Скажи, Сэм, пока я не ушел... ты можешь победить Яму в битве?

— Не знаю. Не думаю. И не думаю, что кто-нибудь сможет.

— А он может победить тебя?

— Вероятно, в честном бою. В прошлом, когда мы встречались как враги, мне всякий раз везло, либо удавался какой-нибудь трюк. Недавно я тренировался с ним — ему нет равных. Он чрезвычайно разносторонен в способах уничтожения.

— Понятно, — сказал Тарака; его правая рука и половина груди расплылись. — Ну, спокойной ночи тебе, Сиддхарта. Я уношу с собой твое послание.

— Спасибо, и тебе тоже доброй ночи.

Тарака весь превратился в дым и растворился в грозе.

Тарака кружился высоко над миром. Гроза бушевала вокруг него, но он почти не обращал внимания на ее ярость.

Гремел гром, падал дождь, и Моста Богов не было видно.

Но Тараке ничто не мешало.

Ибо он был Тарака Ракша, Властелин Адского Колодца...

И он был самым могущественным существом в мире, после Связывающего.

Теперь Связывающий сказал ему, что есть существо еще более великое... И они будут сражаться вместе, как раньше.

Как вызывающе держался Красный в своей Мощи! В тот день. Полстолетия назад. У Ведры.

Уничтожить Смерть, победить Яму-Дхарму, чтобы доказать превосходство Тараки...

Доказать превосходство Тараки было куда важнее, чем победить богов, которые так или иначе должны когда-то умереть, поскольку они не Ракшасы.

Следовательно, предложение Связывающего к Ниррити, с которым, как сказал Связывающий, Черный должен согласиться, нужно передать только грозе, и Тарака посмотрит на ее пламя и узнает, что гроза сказала правду.

Потому что гроза никогда не лжет... И всегда говорит НЕТ!

Сержант Черного привел его в лагерь.

Он выглядел роскошно в своих сверкающих доспехах, и он не был взят в плен: он сам подошел к сержанту и заявил, что у него есть сообщение для Ниррити. По этой причине сержант решил не убивать его немедленно. Он отобрал у пришельца оружие и провел его в лагерь — в лес неподалеку от Лананды, оставил его под охраной, а сам пошел доложить вождю.

Ниррити и Ольвигг сидели в палатке Черного. Перед ними была развернута карта Лананды.

Разрешив привести пленника в палатку, Ниррити оглядел его и отпустил сержанта.

— Кто ты? — спросил он.

— Ганеша из Города. Тот самый, что помог тебе в твоей борьбе с Небом.

Ниррити, по-видимому, задумался.

— Что ж, я помню своего друга прежних дней. Зачем ты пришел ко мне?

— Потому что для этого настало время. Ты наконец предпринял великий крестовый поход.

— Да.

— Я хотел бы частным образом посовещаться с тобой.

— Говори.

— А как насчет него? — кивнул он в сторону собеседника Ниррити.

— Говори при Яне Ольвигге все, что хочешь сказать мне. Говори, что у тебя на уме.

— Ольвигг?

— Да.

— Хорошо. Я пришел сказать тебе, что Боги Города слабы. Слишком слабы, я думаю, чтобы победить тебя.

— Я тоже так думаю.

— Но они не настолько слабы, чтобы не повредить тебе, и крепки, когда выступят. Если они соберут все свои силы в подходящий момент, неизвестно, куда качнутся весы.

— Я имел это в виду, когда начал борьбу.

— Лучше, если твоя победа будет стоить менее дорого. Ты знаешь, что я симпатизирую христианам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я решился на этот рискованный шаг только для того, чтобы сказать тебе: Лананда твоя. Боги не станут защищать ее. Если ты пойдешь дальше, как сейчас — не закрепляя своих завоеваний — и пойдешь на Кейпур, — Брама и его не станет защищать. Но когда ты пойдешь на Кильбар, а силы твои истощатся в боях за первые три города и с нашими партизанами по пути, тогда Брама ударит полной силой Неба, так что ты можешь пасть, не дойдя до стен Кильбара. Все силы Небесного Города наготове и ждут, когда ты пойдешь к воротам четвертого города по реке.

— Понятно. Это полезно знать. Значит, они боятся того, что я несу.

— Конечно. Ты понесешь это до Кильбара?

— Да. И возьму Кильбар. Я пошлю за своим самым мощным оружием, прежде чем атаковать этот город. Силы, которые я держу в запасе для самого Небесного Города, будут выпущены на моих врагов, когда они явятся защищать обреченный Кильбар.

— Они тоже принесут мощное оружие.

— В таком случае, когда мы встретимся, исход, в сущности, не будет зависеть ни от них, ни от меня.

— Есть способ подтолкнуть весы, Рэнфри.

— Да? Что ты еще придумал?

— Многие полубоги недовольны ситуацией в Городе. Они жаждут продолжать кампанию против Акселерационализма и против последователей Татагатхи. Они были разочарованы, когда этого не последовало за Кинсетом. И Бог Индра вызван с западного континента, где он ведет войну с ведьмами. Индра может оценить чувства полубогов, и его последователи охотно перейдут на другое поле битвы.

Ганеша поправил свой плащ.

— Говори дальше, — сказал Ниррити.

— Когда боги придут в Кильбар, — сказал Ганеша, — может случиться, что они не станут сражаться в защиту его.

— Понятно. А что ты выиграешь от всего этого, Ганеша?

— Удовлетворение.

— И больше ничего?

— Я хотел бы, чтобы ты запомнил день, в который я нанес тебе визит.

— Так и будет. Я не забуду, и ты получишь от меня вознаграждение... Стража!

Полотнище палатки откинулось, и в палатку вошел тот, кто привел Ганешу.

— Проводи этого человека, куда он пожелает, и отпусти невредимым, — приказал Ниррити.

— Ты веришь ему? — спросил Ольвигг, когда Ганеша ушел.

— Да, — сказал Ниррити, — и придется впоследствии отдать ему его серебреники.

Локапаласы совещались в комнате Сэма во Дворце Камы в Кейпуре. Присутствовали также Тэк и Ратри.

— Тарака сказал мне, что Ниррити не хочет договариваться с нами, — сказал Сэм.

— Хорошо, — сказал Яма. — Я все-таки опасался, что он согласится.

— А сегодня утром они напали на Лананду. Тарака уверен, что они возьмут город. Это будет чуть потруднее, чем с Махартхой, но он уверен в их победе. Я тоже.

— И я.

— И я.

— Затем они пойдут сюда, на Кейпур. А потом на Кильбар, Хамсу, Гайятри. Он знает, что где-то на этом пути боги выступят против него.

— Наверняка.

— Так что мы в середине, и перед нами несколько возможностей. С Ниррити мы не можем иметь дела. Как вы думаете, можем мы иметь дело с Небом?

— Нет! — воскликнул Яма, стукнув кулаком по столу. — На чьей стороне ты, Сэм?

— На стороне Акселерационизма. Если бы дело можно было свести к переговорам, а необязательно к кровопролитию, было бы лучше всего.

— Я скорее соглашусь иметь дело с Ниррити, чем с Небом!

— Так давайте проголосуем, как голосовали за установление контакта с Ниррити.

— И ты потребуешь единогласного решения?

— Таковы были мои условия при вступлении в Локапалас. Вы просили меня руководить вами, и я требую власти, чтобы разрубать узлы. Позволь мне объяснить мою аргументацию, прежде чем говорить о голосовании.

— Давай объясняй.

— Насколько я понимаю, Небо за последние годы заняло более либеральную позицию по отношению к Акселерационизму. Официально ничего не изменилось, но против Акселерационизма не делалось ни шагу — предположительно из-за разгрома, который они учинили в Кинсете. Я прав?

— По существу, да, — сказал Кубера.

— Они, похоже, решили, что слишком дорого производить подобные действия всякий раз, когда Наука поднимает свою опасную голову. В той битве с ними сражался народ, люди. Против Неба. А люди, в противовес богам, имеют семьи, связи, которые ослабляют, и к тому же они связаны обязанностью хранить в чистоте кармическую запись, если хотят нового

рождения. И все-таки они сражались. Поэтому Небо в последние годы проявляло несколько большую терпимость. Поскольку такая ситуация реально существует, богам нечего терять. В сущности, они могли бы показать свою благосклонность, дать Акселерационизму благословляющий жест милосердия. Я думаю, они захотят сделать уступку, чтобы Ниррити не...

— Я хочу видеть, как падет Небо, — сказал Яма.

— Понятно. Я тоже. Но подумай хорошенько. При том, что ты дал человечеству за последние полстолетия, может ли Небо по-прежнему держать его в кабале? Небо почувствовало это в тот день в Кинсете. Еще одно-два поколения — и их власть над смертными пропадет. В этой битве с Ниррити они очень повредят себе, даже если победят. Дай им еще несколько лет клонящейся к упадку славы. С каждым годом они будут становиться все более бессильными. Они достигли своего пика. Теперь они идут под уклон.

Яма закурил.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь убил за тебя Браму? — спросил Сэм.

Яма молчал, возбужденно затягиваясь. Затем сказал:

— Может быть. Не знаю. Не хочу думать об этом. Но, наверное, это все-таки так.

— Ты хотел бы получить мою гарантию, что Брама умрет?

— Нет! Если ты попробуешь это сделать, я тебя убью!

— Ты сам не знаешь, хочешь ли ты видеть Браму живым или мертвым. Видимо, твои любовь и ненависть равны. Ты состарился еще до молодости, Яма, и она была единственным существом, которое когда-нибудь занимало твое сердце. Я прав?

— Да.

— Значит, я не могу отвечать за тебя, за твои личные проблемы, но ты сам должен отделить их от проблемы общей.

— Ладно, Сиддхарта. Я голосую за то, чтобы остановить Ниррити здесь, в Кейпуре, если Небо поддержит нас.

— У кого-нибудь есть возражения?

Все молчали.

— Тогда отправимся в Храм и потребуем связи.

Яма отбросил сигарету.

— Я не буду разговаривать с Брамой.

— Разговор поведу я, — сказал Сэм.

И л и, пятая нота арфы, зазвенела в Саду Пурпурного Лотоса.

Когда Брама включил экран в своем Павильоне, он увидел мужчину в сине-зеленом тюрбане Уратхи.

— Где жрец? — спросил Брама.

— Лежит в стороне связанный. Я могу его притащить, если ты желаешь услышать одну-две молитвы...

— Кто ты такой, что носишь тюрбан Первого и входишь в Храм с оружием?

— У меня странное ощущение, что все это однажды происходило со мной, — ответил человек.

— Отвечай на мои вопросы!

— Хочешь ли ты, Госпожа, чтобы Ниррити остановили? Или отдашь ему все города по реке?

— Ты испытываешь терпение Неба, смертный. Ты не выйдешь из Храма живым.

— Твои угрозы смерти ничего не значат для главы Локапаласа, Кали.

— Локапаласа больше нет, и у них не было главы.

— Ты смотришь на него, Дурга.

— Яма? Это ты?

— Нет, но он здесь, со мной, а также Кришна и Кубера.

— Агни умер. Каждый новый Агни умирал после...

— Кинсета, я знаю, милая. Я не был членом первоначальной группы. Рилд не убил меня. Призрачная кошка, оставшаяся безымянной, хорошо поработала, но все-таки недостаточно хорошо. А теперь я вернулся обратно по Мосту Богов. Локапалас выбрал меня своим вождем. Мы будем защищать Кейпур и бить Ниррити, если Небо поможет нам.

— Сэм! Не может быть, чтобы это был ты!

— Тогда называй меня Калкином или Сиддхартой, Связывающим, Буддой, Митрейей, но все это — Сэм. Я пришел поклониться Трем и заключить сделку.

— Назови ее.

— Люди могут ужиться с Небом, но Ниррити — дело другое. Яма и Кубера доставили в город оружие. Мы можем укрепить город и создать хорошую защиту. Если Небо добавит свою мощь, Ниррити встретит в Кейперу свое падение. Мы это сделаем, если Небо санкционирует Акселерационизм, религиозную свободу и конец правления Богов Кармы.

— Не много ли, Сэм...

— Первые два условия требуют согласия на то, чтобы кое-что существовало и имело право на развитие; третье же произойдет независимо от того, нравится это тебе или нет, так что я даю тебе возможность проявить милосердие.

— Мне надо подумать...

— Даю тебе минуту. Я подожду. Если ты скажешь нет, мы удаляемся и позволяем Рэнфри взять город и разорить этот Храм. После того как он возьмет еще несколько городов, мы встретимся с ним. Здесь нас, конечно, не будет. Мы подождем, пока все кончится. Если ты к тому времени все еще будешь при исполнении обязанностей, у тебя уже не будет никакой возможности решать насчет условий, которые я только что тебе поставил. Если тебя не будет, мы, я думаю, сумеем взяться за Черного, помириться с ним и с теми, кто останется от его зомби. В любом случае мы получаем, что хотим. Последний способ для нас даже легче.

— Ладно, договорились! Я немедленно соберу армию. Мы поедем вместе в эту последнюю битву, Калкин. Ниррити умрет в Кейпуре! Оставь

кого-нибудь в помещении коммуникатора, чтобы мы могли быть в контакте.

— Я сделаю эту комнату своей штаб-квартирой.

— Теперь развяжи жреца и давай его сюда. Он получит несколько божественных приказов, а вскоре и божественное посещение.

— Хорошо, Брама.

— Сэм, подожди! После сражения, если мы останемся живы, я хотел бы поговорить с тобой... насчет общего культа.

— Ты хочешь стать буддистом!?

— Нет, снова женщиной...

— Для всего есть время и место; для этого сейчас нет ни того, ни другого.

— Когда настанет время, я буду здесь.

— Я сейчас дам тебе твоего жреца. Не выключай коммуникатор.

После падения Лананды Ниррити служил молебен в развалинах этого города, моля о победе над другими городами. Его сержанты медленно ударили в барабаны, и зомби упали на колени. Ниррити молился до тех пор, пока пот не покрыл его лицо как бы блестящей стеклянной маской и не проник внутрь его брони, которая умножала его силу. Только тогда он поднял лицо к небесам, посмотрел на Мост Богов и сказал:

— Аминь!

Когда Ниррити шел к Кейпуру, боги ждали.

Войска из Кильбара ждали, как и войска из Кейпура.

Ждали полубоги, герои и благородные. Ждали брамины высокого разряда, ждали многочисленные приверженцы Махасаматмана.

Ниррити посмотрел на заминированное поле, ведущее к городским стенам, и увидел у ворот четырех конных всадников — Локапаласов; рядом с ними на ветру развевалось знамя Неба.

Он опустил подзорную трубу и повернулся к Ольвиггу.

— Ты был прав. Интересно, Ганеша там, внутри?

— Скоро узнаем.

Ниррити продолжал движение вперед.

В этот день поле удерживал Бог Света. Клевреты Ниррити так и не вошли в Кейпур. Ганеша пал от меча Ольвигга, когда пытался нанести удар в спину Браме, сражавшемуся с Ниррити на холме. Затем Ольвигг упал, зажав живот, и пополз к скале.

Брама и Черный переглянулись, когда голова Ганеши покатилась вниз.

— Это он говорил мне о Кильбаре, — сказал Ниррити.

— Ему нужен был Кильбар, — сказал Брама, — который он хотел приобрести. Теперь я знаю почему.

И они снова бросились друг на друга.

Яма пришпорил коня на подъеме и неожиданно был засыпан песком и пылью. Он поднес к глазам край плаща и услышал над собой смех.

— Где теперь твой смертоносный взгляд, Яма-Дхарма?

— Ракша! — закричал Яма.

— Да. Это я, Тарака.

И Яма внезапно был окачен потоками воды; лошадь его встала на дыбы и опрокинулась на спину.

Яма вскочил на ноги с мечом в руках, когда крутящееся пламя приняло человеческую форму.

— Я смыл с тебя этот проклятый репеллент, Бог Смерти. Теперь я уничтожу тебя своими руками!

Яма сделал выпад. Он разрубил своего серого противника от плеча до бедра, но на Тараке не оказалось ни крови, ни следов удара.

— Меня ты не убьешь, как убил бы человека, о Смерть! Но гляди, что я сделаю с тобой!

Тарака прыгнул на Яму, прижал его руку к бокам и швырнул его на землю. Поднялся фонтан искр.

Брама наступил коленом на спину Ниррити и оттянул его голову назад, от энергии черной брони. Как раз в это время Бог Индра спрыгнул со своего слизарда и занес свою Громовую Стрелу над Брамой. Он услышал, как хрустнула шея Ниррити.

— Тебя защищает твой плащ! — закричал Тарака, борясь с Ямой на земле, и взглянул в глаза Смерти...

Яма сбросил с себя обессиленного Тараку, отшвырнул его прочь и бросился к Браме, даже не подобрав свой меч. Когда он поднялся на холм, Брама парировал удары Громовой Стрелы; кровь струилась из обрубка его левой руки и из ран на голове и груди. Ниррити стальным захватом сжимал его лодыжку.

Яма закричал и вытащил кинжал. Индра отступил, чтобы его не достал меч Брамы, и повернулся к Яме.

— Кинжал против Громовой Стрелы, Красный? — спросил он.

— Да, — сказал Яма и замахнулся правой рукой, перекинув кинжал в левую руку для молниеносного удара.

Острие вошло в предплечье Индры. Индра выронил Громовую Стрелу и ударил Яму в челюсть. Яма упал, но при падении подсек ноги Индры и увлек его за собой.

Теперь божественное свойство Ямы полностью овладело противником, и под взглядом Смерти Индра стал как бы засыхать. Как раз в момент смерти Индры Тарака прыгнул на спину Яме. Яма пытался освободиться, но на его плечи словно навалилась гора.

Брама, лежавший рядом с Ниррити, сорвал с себя броню, смоченную демонским репеллентом, и швырнул ее через разделявшее их пространство; броня упала рядом с Ямой.

Тарака отскочил. Яма повернулся и взглянул на него. Тогда Громовая Стрела прыгнула с того места, где упала, и полетела в грудь Ямы.

Яма схватил обеими руками лезвие, когда острие было в нескольких дюймах от его тела. Оно продвигалось вперед, и кровь из ладоней Ямы капала на землю.

Яма обратил смертельный взгляд на Властелина Адского Колодца, и этот взгляд вытягивал из Тараки саму силу жизни.

Острие коснулось груди Ямы. Он рванулся в сторону, и лезвие прошло от грудной кости к плечу.

Глаза Ямы стали как два копья. Ракша потерял свою человеческую форму и обратился в дым. Голова Брамы упала на грудь.

Тарака завизжал, когда Сиддхарта подскакал к нему на белой лошади, а в воздухе слышался треск и запах озона.

— Нет, Связывающий! Удержи свою силу! Моя смерть принадлежит Яме...

— О, глупый демон, — сказал Сэм. — Не надо было...

Но Тарака больше не существовал.

Яма упал на колени перед Брамой и стал затягивать жгут на остатке левой руки бога.

— Кали, — говорил он. — Не умирай! Поговори со мной, Кали!

Брама задыхался. Глаза его открылись, но тут же закрылись снова.

— Слишком поздно, — пробормотал Ниррити, повернул голову и взглянул на Яму. — Или, вернее сказать, как раз вовремя. Ведь ты Азраил? Ангел Смерти?

Яма хлестнул его, и кровь на его руке размазалась по лицу Ниррити.

— «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», — сказал Ниррити. — «Блаженны плачущие, ибо они утешаются. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...»

— «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо и они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...»

— «И блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божьми», — сказал Яма. — Себя ты относишь к ним, Черный? И как назвать тебя по тому, что ты сделал?

Ниррити улыбнулся.

— «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

— Ты сумасшедший, — сказал Яма, — и только поэтому я не возьму твою жизнь. Отдай ее сам, когда будешь готов, а это произойдет скоро.

Он поднял Браму на руки и пошел обратно к городу.

— «Блаженны вы, когда будут поносить вас и всячески неправедно злословить на Меня...»

— Воды? — спросил Сэм, откупоривая фляжку и приподнимая голову Ниррити.

Ниррити взглянул на него, облизнул губы и слегка кивнул. Тонкая струйка воды медленно полилась ему в рот.

— Кто ты? — спросил Ниррити.

— Сэм.

— Ты? Ты снова возродился?

— Это не в счет, — сказал Сэм. — Мне это не составило труда.

Слезы брызнули из глаз Черного.

— Однако это означает, что ты победил. — Он задохнулся. — Я не понимаю, почему Он допустил это...

— Это только один мир, Рэнфри. Кто знает, что делается на других? И я желал выиграть, в сущности, не сражение. Ты это знаешь. Мне жаль тебя и жаль все. Я согласен со всем, что ты говорил Яме, и с этим также согласны последователи того, кого они называли Буддой. Я уж не помню теперь, я ли был Буддой, или им был другой. Но теперь я отошел от этого. Я снова будут человеком и позволю людям хранить того Будду, который живет в их сердцах. Каков бы ни был источник, послание было чистым, поверь мне. Только по этой причине оно пустило корни и стало расти.

Рэнфри сделал еще несколько глотков.

— «Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые», — сказал он. — Воля более сильная, чем моя, определила мне умереть на руках Будды, избравшего этот Путь для э т о г о мира... Дай мне свое блогословение, о Гаутама. Я умираю...

Сэм наклонил голову.

— «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ветру своем, и возвращается ветер на круги своя. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...» — Затем Сэм накрыл белым плащом мертвое тело Черного, носившего в миру имя Ниррити.

Ян Ольвигг был принесен на носилках в город. Сэм послал за Куберой и Нарадой, чтобы они встретили его в Зале Кармы, потому что Ольвигг явно не мог остаться в живых в его теперешнем теле.

Когда они вошли в Зал, Кубера споткнулся о тело мертвого человека, лежавшее в проходе.

— Кто это? — спросил он.

— Мастер.

Еще трое носителей желтого колеса лежали в коридоре, ведущем в их передаточные комнаты. Все трое были вооружены.

Возле аппаратуры они нашли еще одного. Удар меча поразил его точно в центр желтого круга, и человек казался хорошо использованной мишенью. Рот его был открыт для крика, который он так и не издал.

— Не могли ли это сделать горожане? — спросил Нарада. — В последние годы Мастера Кармы стали очень непопулярны.

— Нет, — сказал Кубера, когда приподнял запятнанную простыню, покрывавшую тело на операционном столе, заглянул под нее и снова опустил. — Нет, не горожане.

— А кто же?

Кубера бросил взгляд на стол.

— Там Брама, — сказал он.

— Ох!

— Видимо, кто-то сказал Яме, что он не может воспользоваться оборудованием, чтобы делать пересадку.

— Тогда где же Яма?

— Не имею представления. Но нам лучше побыстрее заняться делом, если мы хотим помочь Ольвиггу.

— Да. Давай!

Высокий молодой человек вошел во Дворец Камы и спросил Господина Куберу. Он нес на плече длинное сверкающее копье и, пока ждал, без устали ходил взад и вперед.

Кубера вошел, глянул на копье, на юношу и сказал только одно слово.

— Да, это Тэк, — подтвердил копьеносец. — Новое копье, новый Тэк. Теперь уже нет надобности оставаться обезьяной, вот я и сменил обличье. Близится время отъезда, и я пришел проститься с тобой и Ратри...

— Куда ты едешь, Тэк?

— Хочу посмотреть остальной мир, Кубера, прежде чем ваши механизмы отнимут у него всю магию.

— Этот день близок, Тэк. Не могу ли я уговорить тебя остаться здесь подольше?

— Нет, Кубера, спасибо, но капитан Ольвигг торопится в путь. Мы идем вместе.

— Куда же вы хотите идти?

— На запад, на восток... кто знает? В какую-нибудь из четырех сторон... Скажи, Кубера, кто сейчас владеет громовой колесницей?

— Первоначально она принадлежала Шиве. Но Шивы больше нет. Долгое время ей пользовался Брама...

— Но Брамы тоже больше нет. В первый раз Небо без Брамы — правит Вишну, охранитель. Так что...

— Колесницу построил Яма. Если она принадлежит кому-нибудь, то, конечно, ему...

— И он не пользуется ею, — закончил Тэк. — Вот я и думаю, не могли ли мы с Ольвиггом позаимствовать ее для нашего путешествия?

— Что ты имеешь в виду, говоря, что Яма не пользуется ею? За три дня, прошедшие после битвы, его никто не видел...

— Привет, Ратри! — приветствовал Тэк вошедшую в комнату богиню Ночи. — «Храни нас от волка и волчицы, оберегай нас от вора, о Ночь, и будь добра к нам на нашем пути».

Он поклонился, и она коснулась его головы. Затем он посмотрел ей в лицо, и на один великолепный миг богиня заняла все пространство, глубины и высоты. Ее сияние разгоняло тьму...

— Теперь я должен идти, — сказал Тэк. — Спасибо, спасибо тебе за твое благословение.

Он быстро повернулся и пошел из комнаты.

— Подожди, — сказал Кубера. — Ты говорил о Яме. Где он?

— Видел его в гостинице Трехголовой Огненной Курицы, — сказал Тэк, не оборачиваясь. — Если ты хочешь увидеть его, то он там. Но лучше бы подождать, пока он не придет к тебе сам.

И Тэк ушел.

Когда Сэм подошел к Дворцу Камы, он увидел Тэка, быстро сбегавшего по лестнице.

— Тэк, доброе утро! — приветствовал его Сэм, но Тэк ответил только тогда, когда почти налетел на него и резко остановился, заслоняя рукой глаза от солнца.

— Сэм! Доброе утро!

— Куда ты спешишь, Тэк? Впору ли тебе новое тело?

Тэк засмеялся.

— Ты знаешь, Сиддхарта, что меня ждут новые приключения.

— Да, я слышал. Я разговаривал прошлой ночью с Ольвиггом. Желаю вам всех благ в вашем путешествии.

— Я хотел сказать... — Тэк запнулся. — Я знал, что ты победишь. Я знал, что ты найдешь ответ.

— Это был не общий Ответ, а только частный. Этого мало. Это и в самом деле маленькая битва. Ее могли выиграть и без меня.

— Я имею в виду все вообще, — сказал Тэк. — Ты действовал во всем, что привело к этому. Ты должен был быть здесь.

— Полагаю, что должен был. Да, наверное, должен был быть... Всегда случается так, что меня тянет к дереву, в которое вскоре ударит молния.

— Предназначение.

— Боюсь, что скорее случайная общественная совесть и некоторое право на совершение ошибок.

— Чем ты думаешь заняться теперь?

— Не знаю, Тэк. Еще не решил.

— Поедем с нами? Вокруг света? С приключениями?

— Спасибо, нет. Я устал. Может, я попрошусь на твою прежнюю работу и стану Сэмом из Архивов.

Тэк улыбнулся.

— Сомневаюсь. Я еще увижусь с тобой, Господин мой. А пока до свидания.

— До свидания. Да, еще кое-что...

— Что?

— Нет, ничего. На мгновение ты напомнил мне кого-то, кого я когда-то знал. Это неважно. Удачи тебе!

Он хлопнул Тэка по плечу и прошел мимо.

Тэк заторопился дальше.

Содержатель гостиницы сказал Кубере, что у них есть гость, подходящий

по описанию; он на втором этаже, в задней комнате, но, кажется, не хочет, чтобы его беспокоили.

Кубера поднялся на второй этаж.

На его стук никто не ответил, и он дернул дверь. Она была закрыта на засов изнутри. Кубера налег на дверь.

Наконец он услышал голос Ямы:

— Кто там?

— Кубера.

— Уходи, Кубера.

— Нет. Открой. Я все равно не уйду, пока ты не откроешь.

— Сейчас.

Через некоторое время засов отодвинулся, и дверь слегка приоткрылась.

— Вином от тебя не пахнет, так что, я бы сказал, у тебя девка.

— Нет, — ответил Яма, не глядя на Куберу. — Что тебе надо?

— Объясниться. Помочь тебе, если смогу.

— Не сможешь, Кубера.

— Откуда ты знаешь? Я ведь тоже Мастер, правда, в другом роде.

Яма подумал, затем открыл дверь шире и отступил.

— Входи.

На полу сидела девушка, едва вышедшая из детского возраста. Перед ней лежала кучка различных предметов. Она прижала к себе коричневую с белым куклу и смотрела на Куберу широко раскрытыми испуганными глазами, но он сделал жест, и она улыбнулась.

— Кубера, — сказал Яма.

— Куб-бра, — сказала девочка.

— Это моя дочь, — сказал Яма. — Ее зовут Мурга.

— Я не знал, что у тебя есть дочь.

— Она умственно отсталая. Какое-то повреждение мозга.

— Врожденное или эффект пересадки?

— Эффект пересадки.

— Понятно.

— Это моя дочь, — повторил Яма. — Мурга.

— Я понял, — сказал Кубера.

Яма опустился на колени рядом с девочкой и взял кубик.

— Кубик, — произнес он.

— Кубик, — повторила она.

Он взял ложку.

— Ложка.

— Ложка.

Он взял мячик и держал перед ней.

— Мячик.

— Мячик, — сказала она.

Он снова взял кубик и показал ей.

— Мячик, — сказала она.

Яма бросил кубик.

— Помоги мне, Кубера.

— Охотно, Яма. Если есть какой-нибудь способ, мы найдем его.

Он сел рядом с девочкой и поднял руки.

Ложка пошла к ложкам, мячик к мячикам, кубик к кубикам, и девочка засмеялась. Казалось, даже кукла изучала предметы.

— Локапаласы никогда не пропадут, — сказал Кубера, а девочка подняла кубик, долго смотрела на него и затем назвала.

Стало известно, что после событий в Кейпуре Варуна вернулся в Небесный Город. Примерно в то же время система продвижения в рангах Неба стала нарушаться. Боги Кармы были заменены Хранителями Передачи, и их функции были отделены от Храмов. Был снова изобретен велосипед. Было воздвигнуто семь буддийских гробниц. Дворец Ниррити сделался галереей искусства и Павильоном Камы. Фестиваль в Аландиле открывается каждый год, и его танцорам нет равных. Пурпурная роща все еще существует, и верующие ухаживают за ней.

Кубера остался в Кейпуре с Ратри. Тэк уехал с Ольвиггом в громовой колеснице в неизвестном направлении. В Небе правит Вишну.

Те, кто молится семерым Риши, благодарят их за велосипед и за своевременное воплощение Будды, которого они называют Митрейя — Бог Света, то ли потому, что он управлял молниями, то ли потому, что он воздерживался от этого. Другие продолжают его называть Махасаматманом и говорят, что он был богом. Сам он по-прежнему предпочитает отбрасывать Махаи – атман и продолжает называть себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он бог, однако же никогда не говорил, что он не бог. Обстоятельства были таковы, что ни то, ни другое утверждение не могло быть полезным. И он не остался со своим народом на достаточно долгое время, чтобы оправдать многие теологические споры. О его последних днях ходит несколько противоречивых рассказов.

Общим для всех этих легенд является одно: однажды в сумерках, когда он ехал на лошади по берегу реки, к нему явилась громадная красная птица, хвост которой был втрое длиннее ее тела.

В ту же ночь, перед рассветом, он уехал из Кейпура, и никто его больше не видел.

Некоторые говорят, что появление птицы случайно совпало с его отъездом и что эти два события никак не связаны. Он уехал искать покой безымянности, потому что выполнил задачу, ради которой вернулся, и, говорят, уже устал от шума и славы своей победы. Может быть, птица напомнила ему о том, как быстро проходит такой блеск. А может, и нет, если он уже и так настроился уехать.

Другие говорят, что он вовсе не надевал снова шафрановую мантию, а птица была посланцем Потусторонних Сил, вызывавших его обратно в мир и покой Нирваны, чтобы он познал Вечный Великий Покой, вечное блаженство и слушал песни звезд на берегах великого океана. Думаю, что он перешел Мост Богов. И говорят, что он не вернется.

Кое-кто говорит, что он принял новую личность и все еще ходит среди людей, чтобы охранять их и направлять во время раздоров, предупреждать эксплуатацию низших классов власть имущими.

А еще говорят, что птица была посланцем, но не другого мира, а этого, и что послание было не ему, а держателю Громовой Стрелы, Господину Индре, который посмотрел в глаза Смерти. Такую красную птицу никто никогда раньше не видел, хотя теперь стало известно, что они существуют на восточном континенте, где Индра воевал с ведьмами. Если птица имела какое-то подобие разума в своей огненной голове, она могла нести сообщение о какой-то большой нужде этой отдаленной страны. Следует помнить, что Госпожа Парвати, которая была то ли женой, то ли матерью, то ли сестрой, то ли дочерью, то ли всеми ими Сэму, улетела с Неба во времена призрачных кошек, чтобы жить с ведьмами, своими родственниками. Если птица несла такое сообщение, рассказывающие эту легенду ничуть не сомневаются, что Сэм немедленно отправился на восточный континент спасать Парвати от какой-то опасности.

Таковы четыре версии о Сэме и о Красной Птице, Которая Вызвала Его Отъезд, высказанные моралистами, мистиками, социальными реформаторами и романтиками. Каждый может, осмелюсь сказать, выбрать версию по своему желанию. Однако пусть не забывает, что таких птиц на западном континенте нет, а на восточном они, похоже, в изобилии.

Приблизительно через полгода Яма-Дхарма уехал из Кейпура. Об отъезде Бога Смерти многие имели достаточную информацию, но ничего особенного неизвестно. Он оставил свою дочь Мургу на попечение Ратри и Куберы, и она выросла в поразительно красивую женщину. Возможно, он поехал на восток, а может, и за море, потому что в других местах есть легенда о том, как Красный выступил против власти Семи Властителей Комлата в стране ведьм. Но об этом никто точно не знает, как и о реальном конце Бога Света.

Но поглядите вокруг...

Смерть и Свет всюду, всегда они рождаются, борются, умирают в Сновидении Безымянности, которое есть мир, слова, горящие внутри Самсары, могущие творить вещи красоты.

В то время как носители шафрановых мантий все еще размышляют о Пути Света, девушка по имени Мурга ежедневно посещает Храм, чтобы положить перед тайным светом в его гробнице единственное принимаемое им поклонение — цветы.

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ

Глава 1

Произошло это, когда Джек, чье имя произносят в тени, отправился в Иглес, в Сумеречные Земли, показаться на Адских Играх. Там-то, пока он прикидывал, как расположен Пламень Ада, его и заметили.

Пламень Ада представлял собой узкий сосуд из изящно перевитых язычков пламени, которые на самых кончиках удерживали рубин величиной с кулак. Они держали мертвой хваткой холодно сверкавший драгоценный камень.

На сей раз Пламень Ада был выставлен на всеобщее обозрение. Видели, что Джек рассматривал его, — и это стало причиной для серьезного беспокойства. Не успел он прибыть в Иглес, как его увидали проходящим под фонарями в толпе зевак, которая двигалась через открытый с боков павильон. В нем демонстрировался Пламень Ада. Джека опознали Смейдж и Квазер, которые покинули места, где были сильны, чтобы вступить в спор за этот приз. Они тут же отправились к Распорядителю Игр.

Смейдж переминался с ноги на ногу и дергал себя за усы до тех пор, пока в его квадратных глазах не появились слезы и он не заморгал. Он уставился на своего огромного спутника, Квазера, волосы, глаза и тело которого были одинакового серого цвета, вместо того чтобы рассматривать живописную персону Бенони, Распорядителя Игр.

— Что вам нужно? — спросил тот.

Смейдж продолжал таращить глаза и моргать, пока Квазер не заговорил наконец голосом, похожим на флейту:

— Мы хотим кое-что сообщить.

— Я слушаю. Говорите, — ответил Бенони.

— Мы кое-кого узнали. Он здесь, и это может причинить некоторое беспокойство.

— Кто же это?

— Прежде, чем я смогу ответить, подойдем ближе к свету.

Распорядитель Игр покрутил головой на толстой шее. Когда он по очереди посмотрел на них, его янтарные глаза блеснули.

— Если вы решили пошутить... — начал он.

— Нет, — не дрогнув, ответил Квазер.

— Ну ладно. Следуйте за мной. — Он вздохнул и, взмахнув оранжево-зеленым плащом, повернулся, направляясь к ярко освещенному навесу.

Там он вновь обернулся к ним.

— Здесь вам довольно света?

Квазер огляделся.

— Да, — сказал он. — Здесь ему нас не подслушать.

— О ком вы говорите? — спросил Распорядитель Игр.

— Известен ли там некий Джек, который всегда слышит свое имя, если его произнесли в тени?

— Джек-из-Тени? Вор?.. Да, я слыхал о нем.

— Потому-то мы и хотели говорить с вами на ярком свету. Он здесь. Мы со Смейджем видели его всего несколько минут назад. Он разглядывал Пламень Ада.

— Господи! — Распорядитель Игр вытаращил глаза и забыл закрыть рот. — Он украдет его! — сказал Бенони.

Смейдж перестал теребить усы ровно на столько времени, чтобы несколько раз кивнуть.

— А мы явились, чтобы попытаться выиграть его, — засопел он. — Если его украдут, мы не сможем этого сделать!

— Надо его остановить, — сказал Распорядитель Игр. — Как вы думаете, что делать?

— Ваша воля тут закон, — сказал Квазер.

— Верно... Возможно, следует засадить его в тюрьму до окончания Игр.

— Тогда, — сказал Квазер, — нужно убедиться, что там, где его схватят, или там, куда его запрут, не будет никакой тени. Говорят, его чрезвычайно трудно удержать где-либо — особенно, если там есть тень.

— Но тут везде тень!

— Да. В том-то главная сложность, когда сажаешь его под замок.

— Ну, тогда решение проблемы – яркий свет или полная тьма!

— Но если вы не установите все светильники под нужными углами и вне его досягаемости, — сказал Квазер, — он сможет создать тени и воспользоваться ими. А если ему удастся зажечь хоть крохотный огонек, тени тоже появятся.

— Какую силу черпает он из теней?

— Не знаю никого, кто знал бы это точно.

— Значит, он человек тьмы? Не простой смертный?

— Поговаривают, что он — порождение сумерек, тех, что предшествуют тьме. Там всегда множество теней.

— Ну, тогда в нашей программе — Сточные Ямы Глива.

— Жестоко, — сказал Смейдж и хихикнул.

— Пошли, покажете мне его, — сказал Распорядитель Игр.

Они вышли из-под навеса. Серый цвет неба у них над головой переходил в серебряный на востоке и в черный на западе. Небо было чистым. Тьма над вздымавшейся горной грядой была усеяна звездами.

Они шли по освещенной факелами дорожке через территорию лагеря, направляясь к павильону, в котором находился Пламень Ада. На западе трепетали огоньки — казалось, у той черты, за которой находились храмы беспомощных богов.

Когда они подошли к открытому с боков павильону, Квазер тронул Бенони за руку и мотнул головой. Распорядитель Игр проследил направление его жеста. Там, прислонясь к подпирающему навес столбу, стоял высокий худой человек. Он был темноволосым, смуглым, а в чертах его лица было что-то орлиное. Он был в сером, через правое плечо был переброшен черный плащ. Человек курил какую-то травку из тех, что растут в царстве тьмы, и дым в свете факелов казался голубым.

Некоторое время Бенони рассматривал его. Он испытывал чувство, знакомое человеку, столкнувшемуся с существом, рожденным не женщиной, а чем-то темным и загадочным. Люди в таких случаях держатся подальше.

Он сглотнул, потом сказал:

— Можете идти.

— Мы бы хотели помочь... — начал Квазер.

— Можете идти!

Бенони посмотрел им вслед, потом пробормотал: «Бьюсь об заклад, один продаст другого».

Он отправился за яркими факелами и стражей.

Во время ареста Джек не пытался ни спорить, ни сопротивляться. Пойманный в центр светового круга, окруженный вооруженными мужчинами, он медленно кивнул и подчинился их приказаниям, не сказав за все это время ни слова.

Его отвели в ярко освещенный шатер Распорядителя Игр. Джека вытолкнули к столу, за которым сидел Бенони. Стражники задвигались, чтобы снова окружить его фонарями и зеркалами, уничтожающими тень.

— Тебя зовут Джек, — сказал Распорядитель Игр.

— Я этого не отрицаю.

— А иногда — Джек-из-Тени.

Молчание.

— Ну?

— Мало ли, как можно называть человека, — ответил Джек.

Бенони бросил взгляд в сторону.

— Приведите их, — велел он одному из стражников.

Тот вышел и вскоре вернулся со Смейджем и Квазером. Джек быстро взглянул на них, но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Вы знаете этого человека? — спросил Бенони.

— Да, — хором сказали они.

— Назовите его имя.

— Его зовут Джек-из-Тени.

Распорядитель Игр улыбнулся.

— И правда, мало ли как можно называть человека, — сказал он. — Но в твоем случае, похоже, все сходятся на одном... Я — Бенони,

Распорядитель Адских Игр, а ты — Джек-из-Тени, вор. Бьюсь об заклад, ты здесь, чтобы похитить Пламень Ада.

Снова молчание.

— Можешь отрицать, можешь соглашаться, — продолжал Бенони, — твое присутствие здесь говорит само за себя.

— Я мог явиться для участия в Играх, — рискнул Джек.

Бенони расхохотался.

— Конечно! Разумеется! — сказал он, смахивая рукавом слезу. — Но здесь не состязаются в воровстве, так что тебе не в чем соревноваться.

— Вы предубеждены против меня, это нечестно, — сказал Джек. — Даже если я — тот, о ком идет речь, я не сделал ничего, чтобы нападать на меня.

— Пока, — сказал Бенони. — Пламень Ада и впрямь отличная штука, а?

Глаза Джека, казалось, на миг вспыхнули, а рот дернулся в невольной усмешке.

— С этим никто не спорит, — быстро сказал он.

— И ты явился сюда выиграть его... по-своему. Человек тьмы, тебя знают как закоренелого вора.

— И это лишает меня права быть честным зрителем на общедоступном празднестве?

— Да, лишает, когда речь идет о Пламени Ада. Он не имеет цены. Его алчут и те, кто привык к дневному свету, и люди тьмы. Как Распорядитель Игр, я не могу терпеть тебя поблизости от него.

— Что за беда с дурными репутациями, — сказал Джек. — Что бы ты ни делал, все равно подозревают тебя.

— Хватит! Ты приехал, чтобы похитить его?

— Только дурак сказал бы «да».

— Значит, добиться от тебя честного ответа невозможно?

— Если «честный ответ» — сказать то, что вы хотите от меня услышать, то вы правы.

— Свяжите ему руки за спиной, — сказал Бенони.

Что и было сделано.

— Сколько у тебя жизней, человек тьмы? — спросил Распорядитель.

Джек не отвечал.

— Ну, ну! Все знают, что людям тьмы дана не одна жизнь. Сколько их у тебя?

— Мне не нравится, как это звучит, — сказал Джек.

— Но ведь ты умрешь не насовсем?

— Путь из Сточных Ям Глива на западном полюсе планеты долог, а не идти нельзя. Иногда на создание нового тела уходят годы.

— Значит, ты бывал там раньше?

— Да, — сказал Джек, проверяя свои путы. — И я бы не хотел попасть туда снова.

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть еще самое меньшее одна жизнь. Это хорошо! Тогда меня не будет мучить совесть, если я прикажу немедленно наказать тебя!

— Погодите! — сказал Джек, откинув голову назад и оскалившись. — Это же смешно! Я еще ничего не сделал. Забудьте про это, ладно? Прибыл я сюда украсть Пламень Ада или нет, сейчас-то я не в состоянии сделать это. Освободите меня, и я добровольно подвергну себя изгнанию на время Игр. Я вообще не появлюсь в сумеречных Землях, а останусь в царстве тьмы.

— Чем же ты можешь поручиться?

— Своим словом.

Бенони снова рассмеялся.

— Слово человека тьмы, который к тому же стал героем легенд о преступниках? — сказал он наконец. — Нет, Джек. Я не вижу иного способа обезопасить наш приз, как только убить тебя. И поскольку в моей власти отдать приказ, я сделаю это. Писец! Запиши: в этот час я судил его и вынес ему приговор.

Горбун с кудрявой бородой расписал перо и начал писать. Его склонности оставили заметные следы на его похожем на пергамент лице.

Джек выпрямился во весь рост и пристально посмотрел на Распорядителя из-под полуопущенных век.

— Вы, смертные, — начал он, — боитесь меня потому, что не понимаете. Вы привыкли к дневному свету, и жизнь вам дана только одна, а когда она проходит, ждать больше нечего. Мы, люди тьмы, по слухам, не имеем души — так же, как о вас говорят, будто у вас она есть. Но благодаря процессу, который вам недоступен, мы проживаем несколько жизней. Я полагаю, вы завидуете нам — вот почему вы хотите убить меня. Вы знаете, что умирать нам так же тяжело, как и вам!

Распорядитель Игр опустил взгляд.

— Это не...

— Примите мое предложение, — перебил его Джек. — Я покину ваши состязания. Но если вы допустите до исполнения своего приказа, то в итоге проиграете сами!

Горбун перестал записывать и обернулся к Бенони.

— Джек, — сказал Распорядитель, — ведь ты же собирался похитить его, а?

— Конечно.

— Зачем? От него было бы трудно избавиться. Он такой приметный.

— Он предназначался одному моему другу, перед которым я в долгу. Ему понадобилась эта побрякушка. Отпустите меня, а я скажу ему, что потерпел неудачу, — это и впрямь так.

— Я не хочу обрушить на себя твой гнев, когда ты вернешься...

— Чего вы не хотите — ерунда по сравнению с тем, что вам предстоит, если вы сделаете мое путешествие неизбежным...

— ...но человек в моем положении не может так легко заставить себя поверить тому, кто известен как Джек-Обманщик.

— Значит, мое слово для вас — ничто?

— Боюсь, что так.

Писцу он сказал:

— Продолжай записывать.

— И мои угрозы тоже?

— Они беспокоят меня. Но на одной чаше весов — твоя месть несколько лет спустя, а на другой — наказание, которое я понесу немедленно, укради ты Пламень Ада. Попробуй понять, в каком я положении, Джек.

— Пытаюсь, — сказал тот, оборачиваясь к Смейджу и Квазеру.

— Ну, ослиные уши, и ты, гермафродит, вас-то я не забуду! Обоих!

Смейдж посмотрел на Квазера, а тот заморгал и улыбнулся.

— Скажи это нашему господину, Повелителю Нетопырей, — сказал он. При звуке имени своего старинного врага лицо Джека изменилось. Поскольку в сумеречных землях, где процветают науки, колдовство слабеет, то прошло целых полминуты, прежде чем в шатер влетел нетопырь и пронесся между ними. Квазер продолжал:

— Мы состязаемся под знаменем Нетопыря!

При появлении этой твари Джек перестал смеяться.

Увидев ее, он склонил голову и его подбородок затвердел.

Только царапанье пера нарушало наступившую тишину.

И Джек сказал: «Да будет так».

Его вывели в центр площадки, где стоял человек по имени Блайт с тяжелым топором в руках. Джек быстро отвел глаза и облизал губы. Блестящий край лезвия неодолимо притягивал его взгляд.

Его еще не успели попросить преклонить перед плахой колени, а воздух наполнился кожистыми «снарядами». Он знал, что это — рой плящущих летучих мышей. С запада появлялись все новые и новые твари, но они двигались слишком быстро для того, чтобы создать достаточно тени.

Тогда Джек выругался, зная, что его враг прислал своих приспешников поиздеваться над ним в его последний час.

Когда дело касалось краж, удача обычно сопутствовала ему. То, что приходилось терять одну из жизней из-за такой скверной работы, раздражало его. В конце концов, он был тем, кем был...

Джек встал на колени и нагнул голову.

Ожидая, он размышлял, верно ли, что голова, отделенная от тела, сохраняет сознание еще пару секунд. Он попытался избавиться от этой мысли, но она возвращалась.

— А может быть, это не просто сорвавшееся дельце? — недоумевал Джек. Если бы Повелитель Нетопырей пожелал устроить ему ловушку, все это могло бы выглядеть именно так.

Глава 2

Тьму прочерчивали тонкие лучи света — белые, серебристые, голубые, желтые, красные, в основном прямые, иногда — колеблющиеся. Они пронизывали тьму насквозь. Некоторые были ярче прочих.

Медленнее, медленнее...

Наконец они перестали походить на нити паутины.

Лучи превратились в тонкие длинные прутья... затем в палочки... огненные черточки...

А потом стали мерцающими точками.

Долгое время он лежал, уставившись на звезды, ничего не воспринимая. Лишь много позже в его сознании откуда-то возникло слово «звезды», а перед глазами появилось слабое мерцание.

Тишина и способность видеть — больше ничего...

И снова, спустя много времени, он почувствовал, что летит. Летит вниз, будто с большой высоты, обрастая плотью, — а потом понял, что лежит на спине вверх и груз его бытия вновь вернулся.

— Я — Джек-из-Тени, — произнес он про себя, все еще не в состоянии пошевелиться.

Он не знал, ни где лежит, ни как попал в эту звездную тьму. Ощущения казались знакомыми, возвращение было чем-то, уже пережитым раньше — давным-давно.

По телу от сердца разлилось тепло, и Джек ощутил покалывание, обострившее все его чувства. Тогда пришло знание.

«Черт!» — было первое слово, которое он произнес, потому что с возвращением разума пришло и полное осознание ситуации.

Он лежал в Сточных Ямах Глива, на Западном полюсе планеты, во владениях злокозненного барона Дреккхейма, через царство которого обязаны пройти все, желающие воскреснуть.

Тогда он сообразил, что валяется на огромной куче отбросов посреди целого озера грязи. Джек в сотый раз повторил себе, что для смертных этим все и начинается и заканчивается, в то время как подобные ему не могут желать ничего лучше — и лицо Джека озарила злая улыбка.

Когда он сумел пошевелить правой рукой, то принялся растирать горло. Боли не было, но перед глазами отчетливо встало недавнее ужасное происшествие. Давно ли это было? Скорей всего, несколько лет назад, решил Джек. Это был обычный для него срок. Он вздрогнул и отогнал внезапную мысль о том времени, когда истратит свою последнюю жизнь. Потом его охватила дрожь, и он не сумел ее подавить. Одежда исчезла, и Джек выругался. Она или разрушилась вместе с его прежним телом, или же, что было куда вероятнее, была изношена в клочья кем-нибудь другим.

Он медленно поднялся. Воздуха не хватало, но хотелось, чтобы некоторое время можно было не дышать. Джек отбросил в сторону камень яйцевидной формы, который обнаружил у себя в руке. Теперь, когда он почти совсем стал самим собой, не годилось долго оставаться на одном месте.

Куда ни глянь, был восток. Скрипнув зубами, Джек избрал путь, который, как он надеялся, будет самым легким.

Долго ли он добирался до берега, Джек не знал. Хотя его привыкшие к тени глаза быстро приспособились к свету звезд, он не видел настоящих теней, которыми мог бы воспользоваться.

Что такое время? Год — это полный оборот планеты вокруг ее солнца. Внутри таких отрезков времени даты всегда определяются более сложно: по звездам, которые всегда видны, и с помощью магических принципов для того, чтобы определить настроения духов, повелевающих звездами. Он знал, что у смертных есть механические и электрические приспособления, чтобы следить за ходом времени, потому что когда-то украл несколько штук. Но в царстве тьмы они не работали и были никчемными. Разве что годились девчонкам из таверны, которым он выдавал их за предохранительные, очень действенные амулеты.

Ободранный и воняющий, Джек стоял на тихом и темном берегу. Он перевел дух и набрался сил, а потом направился на восток.

Дорога шла в гору, вокруг было полно луж грязи. Она потоками стекала в озеро — ведь в конце концов вся грязь попадает в Глив. Время от времени грязь вздымала высокие фонтаны, забрызгивавшие его. Из трещин и расселин все время пахло сернистым газом. Джек торопливо зажал нос и воззвал к своим божествам. Однако он сомневался, что его мольбы будут услышаны. Он не думал, что боги обратят внимание на что бы то ни было, если оно исходит из этой части света.

Он шел вперед, почти не отдыхая. Дорога все поднималась в гору, и через некоторое время начали попадаться камни. Дрожа, Джек пробирался между ними. Он забыл — разумеется, нарочно, — многие из самых скверных особенностей этих краев. Острые камешки впивались в его ступни, поэтому он знал, что оставляет на земле кровавый след. Позади он слышал неясный топот каких-то многоногих тварей, явившихся, чтобы слизывать кровь. Но он слыхал, что оглядываться в этих местах — дурная примета.

Джек всегда испытывал легкую грусть, когда теряло кровь какое-нибудь новое тело, особенно, если оно было его собственным. Он шел вперед, а характер почвы менялся, и вскоре он уже брел по гладкому камню.

Позже, заметив, что топот затих вдали, он обрадовался.

Поднимаясь все выше в гору, Джек был приятно удивлен тем, что запах стал слабее. Он подумал, что это, возможно, просто потому, что у него от непрерывной сильной вони притупилось обоняние. Как бы там ни было, это позволило его телу — и разуму тоже — заняться другими проблемами. Мало того, что он был усталым, грязным и ноги его болели. Он понял, что к тому же хочет есть и пить.

Сражаясь со своей памятью, как с запертой дверью, он вошел и начал искать. Джек как можно подробнее восстановил в памяти свои прежние возвращения из Глива, но, рассматривая на ходу окрестности, не нашел никаких знакомых ориентиров.

Он обошел небольшую рощу металлических деревьев и сообразил, что раньше никогда не ходил этой дорогой.

Здесь на множество миль не будет чистой воды, подумал он. Разве что фортуна мне улыбнется и я найду яму с дождевой водой. Но тут так редко идет дождь... Это страна грязи, а не чистоты. Если же я попытаюсь

немножко поколдовать, чтобы вызвать дождь, кто-нибудь это заметит, и меня найдут. Тогда либо меня ожидает гнусная жизнь, либо я погибну и вернусь в Сточные Ямы. Нет, буду идти, пока смерть не замаячит перед носом, и только тогда попрошу дождя.

Позже он заметил вдали предмет, явно созданный не силами природы. Он осторожно приблизился и увидел, что тот был в два раза выше него и в два обхвата шириной. Это был камень; сторона, обращенная к Джеку, была гладкой. Джек прочел высеченную крупными буквами надпись, которая на языке царства тьмы гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ».

Ниже стояла Великая Печать Дреккхейма.

Джек почувствовал огромное облегчение. Некоторым — тем немногим, кто избежал служения барону и с кем Джек беседовал об этом, — было известно, что такие знаки устанавливают в наименее охраняемых областях. Идея была такова, что возвращающийся повернет назад и попадет туда, где будет больше шансов его поймать.

Джек миновал камень и плюнул бы на него, но рот слишком пересох. Он шел вперед, а силы покидали его. Каждый раз, как он поскальзывался, восстановить равновесие было все труднее. Он знал, что в норме за столько времени он бы уже несколько раз поспал. Но он все еще не нашел достаточно безопасного места для ночлега.

Не спать становилось все труднее и труднее. В какой-то момент, споткнувшись и упав, Джек был уверен, что только что очнулся после того, как во сне прошел огромное расстояние, не сознавая, что за местность вокруг. Земля была здесь менее ровной, чем в том месте, которое он запомнил последним. Это родило в нем крошечную надежду, а она, в свою очередь, придала ему достаточно решимости, чтобы еще раз подняться.

Почти сразу он увидал место, которое должно было стать его приютом. Идти дальше он не мог.

Там, у самого подножия отвесной скалы, было полным-полно обрушенных и косо торчащих камней. Скала вела на более высокое плато. Из последних сил, ползком, Джек исследовал окрестности в поисках признаков живых существ.

Ничего не обнаружив, он забрался в камни, сумел дотащиться до каменного лабиринта, нашел относительно ровное местечко, рухнул и уснул.

Сколько времени прошло, прежде чем это случилось, он не мог сказать. В глубинах его сна возникло нечто... некое известие. Словно утопающий, он рванулся к далекой поверхности.

На горле Джек ощутил поцелуй, а ее длинные волосы легли ему на плечи, как стихарь.

Мгновение он отдыхал, собирая остаток сил. И пока его правая рука двигалась вдоль ее тела, левая ухватила гостью за волосы. Стоило ему проснуться, как он вспомнил, что следует делать, и, с силой оторвав ее от себя, откатился влево. Его голова склонилась вперед всего лишь с десятой долей своей прежней быстроты.

Когда все было кончено, он утер губы, встал и посмотрел на безжизненное тело.

— Бедная кровопийца, — сказал он. — Немного же в тебе было крови. Вот почему ты так отчаянно жаждала моей и так неудачно пыталась добыть ее. Но и я был отчаянно голоден. Все мы делаем то, что приходится...

Облачившись в черные одежды, плащ и облегающие сапоги, Джек перебрался на плато повыше и время от времени проходил через заросшие черной травой поля. Трава обвивалась вокруг щиколоток и пыталась его остановить. Привычный к этому, Джек пинками отбрасывал ее, расчищая путь, прежде чем она успевала обвиться слишком крепко. Ему вовсе не хотелось становиться удобрением.

Наконец он увидел дождевую воду. Несколько часов он с разных точек наблюдал за водоемом, так как это было идеальное место для поимки возвращающегося. Придя к выводу, что охраны нет, Джек подошел ближе, присмотрелся, потом упал на землю и долго пил. Он отдохнул, снова напился, снова отдохнул и напился еще раз, жалея, что с собой нет ничего, в чем можно было бы унести немного воды.

Все еще жалея об этом, он разделся и смыл грязь с тела.

Потом он проходил мимо цветов, похожих на змей, пустивших корни. А может, это и были змеи — они шипели и распластывались, пытаясь достать его.

Он спал еще два раза, а потом нашел еще один водоем. Этот водоем охраняли, и ему пришлось применить всю воровскую ловкость, чтобы заполучить воду. Заодно он украл и меч дремлющего стражника, поскольку тому он вряд ли теперь понадобится. Джек забрал еще хлеб, сыр, вино и одежду на смену — это было кстати.

Еды было на один раз. Это, а также то, что поблизости не было гор, навело Джека на мысль, что пост где-то неподалеку и смена может прийти в любой момент. Джек выпил вино и наполнил флягу водой, проклиная ее за малую вместительность.

Потом, так как рядом не было ни пещеры, ни расселины, чтобы спрятать труп, он быстро пошел прочь.

На ходу он медленно ел, но сначала его желудок воспротивился этому. Тем не менее он съел половину, а половину оставил. Время от времени ему попадались маленькие зверюшки. Но то ли они были слишком шустрыми, то ли Джек слишком нерасторопным. Надеясь убить хоть одну, он набрал камней. Все-таки, когда он в седьмой раз пополнял запас камней, ему удалось подобрать кремень приличных размеров.

Через некоторое время он услышал цокот копыт и спрятался, но мимо никто не проехал. Джек знал, что к этому времени он уже сильно углубился во владения Дреккхейма и задумался, к которой же из границ идет. При мысли, что с одной стороны эти земли граничат с безымянным

царством, которым из Хай-Даджен правит Повелитель Нетопырей, его передернуло.

С темной земли он послал к ярким звездам еще один призыв.

Он продвигался вперед петляя, карабкаясь, иногда бегом, а ненависть росла быстрее, чем голод.

Смейдж. Квазер. Бенони. Блайт-палач. Повелитель Нетопырей.

Он по очереди разыщет их и отомстит, начав с малого и набирая силу, пока не рассчитается с тем, кто и сейчас может оказаться слишком близко для того, чтобы Джек мог спать спокойно.

Ему снилось, что он снова в Сточных Ямах. На этот раз, однако, он был в цепях, так что подобно Утренней Звезде, неотлучно находящемуся у Врат Зари, должен был оставаться там всегда.

Джек проснулся в поту, несмотря на то что было прохладно, казалось, зловоние Глива вернулось к нему со всей остротой.

Поесть он смог лишь гораздо позже.

Но ненависть поддерживала его силы, питала его. Она избавляла Джека от жажды или заставляла забыть о ней. Она давала ему силы пройти еще часть пути всякий раз, когда тело умоляло его лечь.

Он представлял себе их конец снова и снова. Ему виделась дыба, клещи, огонь и цепи. Он слышал их вопли и мольбы. Он видел куски плоти, моря крови и реки слез, которые он выжмет из них прежде, чем позволит им умереть.

... И он сознавал, что, несмотря на все трудности пути, больше всего его мучает уязвленная гордость. Быть пойманным так легко, между делом, погибнуть так быстро — словно они избавились от надоедливого насекомого! С ним обошлись не как с наделенным Силой человеком тьмы, а как с обыкновенным вором!

Поэтому его мысли были не о простом ударе мечом, а о пытках. Они оскорбили его, покончив с ним подобным образом. Сделай они это иначе, он был бы обижен меньше. Повелитель Нетопырей — вот чье вероломство, возбуждаемое завистью и желанием отомстить, нанесло ему такое оскорбление. Он отплатит!

Джек шел, кипя от ненависти. Но, хоть она и согревала его, это не спасало от надвигающегося холода. Несмотря на то что он вряд ли сильно продвинулся к северу, стало заметно прохладнее.

Джек улегся на спину и принялся рассматривать темный шар, загородивший звезды посреди неба. Эту сферу — средоточие Сил Щита — держали подальше от дневного света, и нужно было все время следить, чтобы с ней ничего не случилось. Где те семь Сил, внесенные в Расчетную Книгу, чья очередь была нести службу у Щита? Какая бы ни шла междоусобица — нет такой Силы, которая отказалась бы соблюдать перемирие Щита, от которого зависят судьбы мира. Самому Джеку приходилось нести эту службу много раз, и пару раз даже вместе с Повелителем Нетопырей.

Ему очень хотелось увидеть страницу, на которой сейчас была раскрыта

Книга, и прочесть записанные там имена. Ему пришло в голову, что одним из них может оказаться его собственное имя. Но с тех пор как он вышел из Сточных Ям, Джек не слыхал, чтобы кто-нибудь звал его. Нет, на этот раз не я, решил Джек.

Открыв свое существо, он ощутил жуткий холод. Холод просачивался из внешней тьмы, обтекая сферу, венчающую Щит в его высшей точке. Это было лишь начало утечки, но чем дольше пришлось бы ждать, тем труднее было бы остановить ее. Дело было слишком серьезным, чтобы рисковать. Щит не давал царству тьмы оледенеть среди Вечной Зимы, так же, как силовые экраны жителей дневной стороны планеты не давали им изжариться в немилосердном сиянии солнца. Джек закрыл свое существо. Остался лишь небольшой внутренний озноб.

Немного позже ему удалось убить маленькое животное с темным мехом, которое взбиралось вверх по скале. Джек снял шкурку, разделал его ножом и, так как огня не было, съел мясо сырым. Он дробил зубами кости и высасывал мозг. Такая суровая жизнь была ему не по вкусу, хотя среди его знакомых были и те, кто предпочли бы ее цивилизованной.

Он порадовался, что никто не видел, как он ест.

Он шел вперед, и вдруг в ушах у него зазвенело.

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ, И...

И все.

Кто бы это ни произнес, в тот момент на губы ему упала тень. На слишком короткое время.

Джек медленно покрутил головой, определяя направление. Источник находился справа от него, далеко впереди. Если бы он знал, где сейчас находится, то по крайней мере смог бы догадаться, откуда это исходило. Тогда бы он сумел услышать все — от кабацкой болтовни до планов того, кто уже понял, что Джек вернулся. Это последнее долго занимало его.

Он ускорил шаг и не стал отдыхать, хотя и собирался. Джек решил, что это приблизит его к успеху. Вдруг он обнаружил яму с дождевой водой. Охраны не было, и он, оглядевшись, напился.

Он не мог как следует разглядеть свое отражение в темной воде, поэтому напрягал глаза, пока черты лица не стали более четкими: смуглый, вместо глаз — слабые огоньки. Силуэт человека на фоне звезд.

— Ах, Джек! Ты и впрямь стал тенью, — пробормотал он. — Затерялся в суровом краю... И все потому, что пообещал Неумирающему Полковнику эту проклятую побрякушку. Ты ведь не думал, что дойдет до такого, правда?

Джек рассмеялся — впервые с тех пор, как воскрес.

— Ты тоже смеешься, тень тени? — спросил он свое отражение. — Возможно, — решил он. — Но будь повежливее. Ты — мое отражение, и тебе известно, что стоит мне узнать, где этот проклятый камень, как я отправлюсь за ним снова. Он того стоит.

На миг ненависть покинула его, и он улыбнулся. Языки пламени, стоявшие перед его взором, исчезли, и вместо них возникла девушка.

Ее лицо было бледным, а глаза — зелеными, как кромка старинного зеркала. Короткая верхняя губка влажно смыкалась с нижней. Подбородок мог уместиться в кольцо из его большого и указательного пальцев, а по лбу были раскиданы пряди цвета меди. Звали ее Ивен, а ростом она была Джеку по плечо. До талии она была в зеленом бархате. Шея напоминала очищенный от коры стройный ствол молодого деревца. Пальцы, танцуя, летали по струнам пальмирины. Такова была Ивен из крепости Холдинг.

Она была плодом редкостного союза тьмы и света. Отцом ее был Неумирающий Полковник, а матерью — смертная женщина по имени Лорет. Не в том ли ее очарование? — снова подивился он. Раз она отчасти порождение света, у нее должна быть душа? Наверное, решил Джек. Он не смел вызвать ее образ силами тьмы сейчас, когда шел от Сточных Ям Глива. Нет! Он прогнал эту мысль.

Пламень Ада был ценой, назначенной ее отцом за их брак, и Джек поклялся снова вернуться за ним. Сперва, конечно, он отомстит... Но Ивен поймет. Она знала, до чего он горд. Она подождет. В тот день, когда он отправлялся в Иглес на Адские Игры, она сказала, что будет ждать вечно. Для нее, дочери своего отца, время значило мало. Она переживет смертных женщин, сохранив молодость, красоту и изящество. Она будет ждать.

— Да, тень тени, — сказал он своему отражению в луже. — Она того стоит.

Джек торопился сквозь тьму, жалея, что его ноги — не колеса. Он услыхал топот копыт и снова спрятался. И вновь всадники проскакали мимо, только на этот раз гораздо ближе.

Имени своего он не услышал, но задумался, нет ли связи между тем, что он услышал раньше, и всадниками.

Не холодало, но и теплее не становилось. Его все время немного знобило, и, когда бы он ни открыл свое существо, он чувствовал, как сверху, от Щита, что-то медленно и неуклонно перетекает к нему. Сточные Ямы Глива находятся прямо под высшей точкой Щита, сферой, потому-то больше всего это ощущаешь здесь. Может быть, дальше к востоку это будет не так заметно.

Он продолжил свой путь, поспал, но больше не слыхал ничего, что можно было бы счесть выходом на связь. Устав, он стал отдыхать чаще и время от времени отклонялся от маршрута, выбранного по звездам, чтобы поискать воду или дичь. Воду он раза два нашел, но ничего съедобного не попадалось.

Во время одной из таких экспедиций Джека привлекло слабое красное свечение, шедшее из трещины в скале справа от него. Если бы он шел быстрее, то миновал бы его, не заметив, — так слаб был исходивший из расселины свет. Джек как раз поднимался по склону, пробираясь между камней.

Заметив свечение, он остановился и задумался. Огонь? Если там что-то горит, то должны быть и тени. А если там тени...

Он обнажил клинок и повернулся к камню. Сперва Джек сунул в

расселину лезвие, затем, держа меч перед собой, начал пробираться по узкому коридору, через каждый шаг прижимаясь спиной к камню и отдыхая.

Поглядев наверх, он прикинул, что скала выше него раза в четыре. Над камнем, который был чернее неба, плыла звездная река.

Проход понемногу сворачивал влево, а потом резко оборвался, открывшись на широкий уступ, расположенный примерно в трех футах над ложбиной. Джек стоял, оглядывая это место.

Со всех сторон были высокие каменные стены, похоже, естественного происхождения. У их подножия рос черный кустарник, а поодаль — черные травы и сорняки. Однако по периметру круга никакой растительности не было.

Круг находился в дальнем конце ложбины, его диаметр составлял примерно восемь футов. Он был идеально очерчен, но никаких признаков живых существ не было. В центре круга стоял большой, поросший мхом валун и слабо светился.

Джеку стало не по себе, хотя почему — он не понимал. Он оглядел отвесные камни, огораживавшие ложбину. Потом он посмотрел на звезды.

Действительно ли сияние мигнуло, пока он смотрел в другую сторону, или это ему только почудилось?

Он спустился с уступа. Потом осторожно начала двигаться вперед, держась стены слева.

Мох покрывал валун целиком. Он был розоватого цвета и, похоже, сияние исходило именно от него. Подойдя ближе, Джек заметил, что в ложбине вовсе не так холодно, как снаружи. Возможно, стены создавали некоторую изоляцию.

С мечом в руке Джек вошел в круг и двинулся вперед. В чем бы ни заключалась необычность этого места, он рассудил, что сможет извлечь из этого выгоду.

Но не успел он пройти и полдюжины шагов, как почувствовал что-то вроде жужжания в голове.

— НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ! МЕНЯ НЕ УДЕРЖИШЬ! — возникла мысль.

Джек остановился.

— Кто ты? Где ты? — спросил он.

— Я ПЕРЕД ТОБОЙ, МАЛЫШ. ИДИ КО МНЕ.

— Я вижу только заплесневелый камень.

— СКОРО УВИДИШЬ БОЛЬШЕ. ИДИ КО МНЕ!

— Нет, спасибо, — сказал Джек, а дурное предчувствие росло. Ему не нравился обращавшийся к нему разум.

— ЭТО НЕ ПРИГЛАШЕНИЕ. ЭТО ПРИКАЗ. Я ТАК ВЕЛЮ.

Джек ощутил, как в него вливается чуждая сила, а с ней — желание идти вперед. Он изо всех сил воспротивился и спросил:

— Что ты такое?

— Я ТО, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ ПЕРЕД СОБОЙ. ИДИ ЖЕ!

— Камень? Плесень? — спросил он, стараясь оставаться на месте. Джек чувствовал, что теряет контроль над собой. Если только он сделает хоть

один шаг, то второй дастся уже легче. Его воля будет сломлена, и каменная штуковина сделает с ним, что пожелает.

И верно — правая нога Джека пыталась сделать шаг без его ведома, сама, и он понял, что так оно и случится. Поэтому он пошел на компромисс.

Развернувшись в сторону, он поддался давлению, но шаг получился скорее вбок, чем вперед.

Тогда его левая нога начала медленно ползти в сторону камня. Подчиняясь и сопротивляясь одновременно, он продвинулся вперед и в сторону.

— ПРЕКРАСНО, ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ НЕ ПО ПРЯМОЙ — НО ВСЕ РАВНО ПРИДЕШЬ.

Шаг за шагом Джек продолжал бороться, на лбу выступил пот. Но шаг за шагом он по спирали против часовой стрелки приближался к тому, что требовало его. Он не знал, как долго сражается, он позабыл все: ненависть, голод, жажду, любовь. Во вселенной остались только он да розовый валун. Напряжение, возникшее между ними, заполнило атмосферу подобно надоевшей мелодии, которая звучит постоянно — привыкая к ней, перестаешь ее замечать. Похоже было, что Джеку придется бороться со своим противником вечно.

Затем в тесную маленькую вселенную их конфликта вошло что-то еще.

Сорок или пятьдесят шагов, давшихся с трудом... Он сбился со счета. Джек оказался в таком положении, что стала видна дальняя часть валуна. Тут его сосредоточенность чуть не поддалась минутному всплеску эмоций, и он почти подчинился чужой воле.

Джек споткнулся, увидев перед светящимся камнем груду костей.

— ДА. МНЕ ПРИШЛОСЬ ПОМЕСТИТЬ ИХ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВНОВЬ ПРИБЫВШИЕ НЕ ПУГАЛИСЬ И МОГЛИ ПОПАСТЬ В РАДИУС МОЕГО ВЛИЯНИЯ. И ТЫ, ТЕПЛОКРОВНЫЙ, БУДЕШЬ ТУТ ЛЕЖАТЬ.

Восстановив контроль над собой, Джек продолжил поединок. Вид груды костей укрепил его силы. Он медленно, кругами прошел мимо валуна, миновал кости и двинулся дальше, но теперь был футов на десять ближе. Движение по спирали продолжалось, и он обнаружил, что снова приближается к тыльной стороне камня.

— ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ ПРОДЕРЖАЛСЯ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЕ ПРОЧИЕ. НО В ТАКОМ СЛУЧАЕ ТЫ — ПЕРВЫЙ, КТО ТАК МНЕ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ.

Джек не ответил, но, совершая очередной круг, еще раз наткнулся на ужасающие останки. Теперь он заметил, что мечи, кинжалы, уздечки, металлические пряжки лежат нетронутыми, а одежда и прочее тряпье наполовину сгнило. На земле валялась разная мелочь, вывалившаяся из сумок и мешков, но что именно — он не мог разобрать в слабом свете звезд. Если он и вправду увидел то, что, как ему показалось, лежало среди костей, то можно было позволить себе капельку надежды.

— ЕЩЕ КРУЖОК — И ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ, МАЛЫШ. ТОГДА ТЫ КОСНЕШЬСЯ МЕНЯ.

По мере своего движения Джек все больше и больше приближался к скользкой розовой поверхности этого существа. Оно, казалось, вырастало с каждым шагом, а бледный свет, испускаемый им, становился все более рассеянным. Он шел не из одной определенной точки, а со всей поверхности сразу.

Снова вперед. Уже можно доплюнуть...

Двигаясь теперь сбоку от камня, он уже мог дотронуться до него, вытянув руку.

Джек перекинул меч в левую руку и нанес удар, обдирая мшистую поверхность. Из царапины потекла жидкость.

— ТЫ МНЕ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЕШЬ. ТЫ ВООБЩЕ НЕ МОЖЕШЬ МНЕ НИЧЕГО СДЕЛАТЬ.

Снова стали видны скелеты. Джек был совсем рядом от напоминающей раковую опухоль поверхности. Он чувствовал, как она голодна, и пинками расшвыривал кости в стороны, слыша, как они хрустят под сапогами, когда он идет к центру круга. Он увидел то, что хотел увидеть, и заставил себя сделать три шага, чтобы до него дотянуться, хотя это напоминало движение навстречу урагану. Теперь от смертоносной поверхности его отделяли только дюймы.

Джек бросился к сумкам. Он подтащил их к себе, пользуясь и мечом, и рукой. Заодно он прихватил и лежавшие возле него сгнившие куртки и плащи.

Затем он почувствовал, что под действием непреодолимой силы движется назад — и плечо Джека коснулось покрытого лишайником камня.

Какое-то время Джек ничего не чувствовал. Потом в том месте, где он касался камня, он ощутил леденящий холод. Это быстро прошло. Боли не было. А потом он понял, что плечо полностью онемело.

— ЭТО НЕ ТАК СТРАШНО, КАК ТЫ ДУМАЛ, ПРАВДА?

Потом в глазах потемнело, и волной нахлынуло головокружение — словно, просидев много часов кряду, он резко встал. Это прошло, но возникло новое ощущение. В его плечо словно вонзили что-то. Джек чувствовал, как силы покидают его. С каждым ударом сердца становилось все труднее сохранять ясность мысли. Онемение начало распространяться на спину и руку. Было очень трудно поднять правую руку и схватить сумку, висевшую у пояса. Время, пока он шарил в ней, показалось вечностью.

Сопротивляясь сильному желанию закрыть глаза и опустить голову на грудь, Джек швырнул на землю собранную им кучу тряпья. Ноющей левой рукой он дотянулся до кремня возле нее и ударил мечом. По сухим тряпкам заплясали искры, но Джек продолжал высекать их и после того, как закурился дымок.

Когда появились первые языки пламени, Джек с их помощью зажег свечу, которую держал один из мертвецов.

Джек держал ее перед собой, и возникали тени.

Поставив свечу на землю, он понял, что его тень упала на валун.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ЕДА?

Джек отдыхал в своем сером царстве, голова его вновь прояснилась, в кончиках пальцев возникло знакомое покалывание.

— Я — КАМЕНЬ, ПЬЮЩИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КРОВЬ! ОТВЕЧАЙ! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

Свеча горела, тени ласкали его. Джек положил правую руку на левое плечо. Покалывание перешло в него, и онемение исчезло. Затем, укутавшись тенью, он поднялся.

— Что я делаю? — сказал он. — Нет. Уже сделал. Ты погостил в моем сознании, и я думаю, будет только справедливо, если я отплачу тебе тем же.

Он отошел от валуна и повернулся к нему лицом. Тот попытался снова завладеть им, но на сей раз Джек шевельнул рукой и на поверхность камня упали тени. Он вложил в возникший калейдоскоп теней все силы.

— ГДЕ ТЫ?

— Везде, — сказал он. — И нигде.

Он вытер меч и вернулся к валуну. Когда от свечи остался огарок, Джек понял, что действовать надо быстро. Он положил руки на губчатую поверхность.

— Я здесь, — сказал он.

Не в пример прочим власть имущим в царстве тьмы, области влияния которых были географически фиксированны, владения Джека были разбросаны в разных местах и их можно было перегруппировывать, но возникали они только, если можно было создать хоть малейшую тень.

Джек начал подчинять валун своей воле.

Они поменялись ролями, и, конечно, возникло сопротивление. Сила, вынудившая его сражаться, сама превратилась в жертву. Джек наращивал в себе голод, открывая свое существо во внешнее пространство, вакуум. Поток, струйка... объем был заполнен.

А Джек кормился.

— ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА НИЧЕГО МНЕ СДЕЛАТЬ. ТЫ — ВЕЩЬ.

Но Джек рассмеялся. Он становился все сильнее, а сопротивление валуна ослабевало.

Вскоре тот был не в состоянии даже протестовать.

Мох стал коричневым раньше, чем, ярко вспыхнув, догорела свеча, а сияние исчезло. Что бы ни обитало там прежде, оно было мертво.

Прежде чем покинуть ложбину, Джек много раз вытер руки о плащ.

Глава 3

Сила, перешедшая в Джека, поддерживала его долго, и он начал надеяться, что вскоре выберется из вонючего царства. Холоднее не становилось, а когда он собрался спать, пошел небольшой дождик. Джек свернулся калачиком возле скалы и натянул на голову плащ. Плащ защищал его очень слабо, но Джек смеялся, даже когда вода добралась до его тела. Это был первый дождь с тех пор, как он ушел из Глива.

После дождя осталось достаточно луж, чтобы он смог вымыться, напиться и снова наполнить флягу. Джек решил не спать, а идти дальше, чтобы одежда побыстрее просохла.

Оно пронеслось мимо его лица так стремительно, что Джек едва успел отреагировать. Это случилось, когда он поравнялся с разрушенной башней. От нее отделился клочок тьмы и, быстро вращаясь, начал падать прямо на него.

У Джека не хватило времени обнажить меч. Оно пронеслось мимо него и метнулось прочь. Правда, он успел запустить в него теми камнями, что нес с собой, и вторым камнем чуть не попал. После этого он поник головой и добрых две минуты изрыгал проклятия. Тварь была летучей мышью.

Джек бросился бежать, мечтая о тени.

На равнине было множество разрушенных башен. Возле одной из них начиналась дорога, которая вела между холмов к горам. Джек, не любивший ходить возле построек — разрушенных ли, нет ли — все равно, потому что в них могли найти приют враги, старался держаться от них подальше.

Миновав башни, он подходил к расселине, как вдруг услыхал свое имя.

— Джек! Мой Джекки-Тень! — донесся крик. — Это ты! Это и впрямь ты!

Держа руку на рукояти меча, Джек повернулся в ту сторону, откуда доносились слова.

— Нет! Нет, Джек! Со старушкой Рози меч тебе ни к чему!

Она стояла так неподвижно, что он чуть не прошел мимо. Сморщенная старуха в черном опиралась на посох возле разрушенной стены.

— Откуда ты знаешь мое имя? — наконец спросил он.

— Ты что же, забыл меня, миленький? Забыл? Скажи, что нет.

Он глядел на сгорбленную фигуру, на копну спутанных седых волос.

— Сломанная метла, — подумал он. — Она похожа на сломанную метлу.

И все же...

Что-то знакомое в ней было. Он не мог понять, что.

Джек убрал руку с меча и подошел.

— Рози?

Он подошел совсем близко. Наконец он заглянул ей в глаза.

— Скажи, что помнишь, Джек.

И он вспомнил.

— Дорога вдоль побережья. «Под Знаком Огненного Пестика». Розали. Но это было в Сумеречных землях так давно...

— Да, — сказала она, — это было давным-давно и очень далеко отсюда. Но я всегда помнила тебя, Джек. У девушки из таверны бывает много мужчин... но помнила я тебя. Что с тобой стало, Джек?

— Ах, моя Розали! Мне отрубили голову... спешу заметить, несправед-

ливо... и сейчас я как раз возвращаюсь из Глива. А ты как? Ты ведь смертна. Что ты делаешь в жутком царстве Дреккхейма?

— Я — Ведунья с Восточных границ, Джек. Признаюсь, в молодости я была не больно-то умна... Потерять голову из-за одних только твоих обещаний! Но чем старше я становилась, тем больше умнела. Мне пришлось ухаживать за одной старушкой развратницей, когда та уже не могла работать, и она обучила меня кой-какому Искусству. Когда я узнала, что барону нужна Ведунья охранять эту часть владений, я пошла и поклялась ему в верности. Говорят, он злой, но к старой Рози он всегда был добрым. Добрее многих, кого она знала... Хорошо, что ты помнишь меня.

Потом она вытащила из-под плаща какой-то тряпичный сверток и развернула его на земле.

— Садись, поешь со мной, Джек, — сказала она. — Как в старое доброе время.

Джек расстегнул перевязь и уселся напротив нее.

— Прошло немало времени с тех пор, как ты съел живой камень, — сказала она, протягивая ему кусок сушеного мяса с хлебом. — Поэтому я знаю, что ты голоден.

— Откуда ты знаешь о моем приключении с камнем?

— Я уже сказала тебе, что я — Ведунья. В буквальном смысле слова. Я не знала, что ты делаешь, знала только, что с камнем покончено. Я стерегу эти места для барона и знаю обо всем, что происходит. Я вижу всех, кто идет по этой дороге. Все это я сообщаю ему.

— О, — сказал Джек.

— Должно же было быть что-то в твоей болтовне о том, что ты не просто человек тьмы, что ты — один из облеченных властью, — хотя и бедных, — сказала Рози. — Мне кажется, только тот, кто обладает Силой, может съесть этот камень. Значит, когда ты распускал хвост перед бедной девушкой, ты не врал. Остальное, может, и враки, но это...

— Что остальное? — спросил он.

— Например, то, что в один прекрасный день ты за ней вернешься и вы вместе поселитесь в Шедоу-Гард — замке Теней, которого не видел никто из смертных. Ты пообещал ей это, и она много лет ждала. Потом однажды ночью в гостинице заболела старая распутница. Девушка — а лет ей было уже немало — задумалась о своем будущем. И заключила сделку, чтобы научиться получше новому ремеслу.

Некоторое время Джек молча смотрел в землю. Он проглотил хлеб, который жевал, а потом сказал:

— Я возвращался. Я вернулся, но никто не помнил мою Розали. Все изменилось, люди были не те. И я снова ушел.

Она хихикнула.

— Джек! Джек! — сказала она. — Твоя утешительная ложь теперь вовсе ни к чему. Для старухи ничего не значит то, чему верила молоденькая девчонка.

— Ты говоришь, что стала Ведуньей, — сказал он. — Ты что же, отличаешь ложь от правды только по догадкам?

— Я не хотела бы применять Искусство против Силы... — начала она.

— А ты примени, — сказал Джек и еще раз заглянул ей в глаза.

Она пришурилась и наклонилась вперед, не отрывая своего взгляда от его глаз. Это вызвало у Джека ощущение падения. Стоило ей отвести глаза — и оно исчезло. Рози склонила голову к правому плечу.

— И правда, ты возвращался, — сказала она.

— Я же сказал тебе.

Джек взял хлеб и начал яростно жевать, чтобы не замечать, как ее щеки стали мокрыми.

— Я забыла, — наконец сказала она. — Я уже забыла, как мало значит время для людей тьмы. Вы просто не считаете годы. Ты однажды решил вернуться к Рози и не подумал, что она может состариться, умереть или уехать. Теперь я поняла, Джекки. Ты привык к вещам, которые не меняются. Сила остается Силой. Ты можешь сегодня убить кого-нибудь, а спустя десять лет обедать с ним, хохоча над вашей дуэлью и пытаясь вспомнить, что было ее причиной. Да, хорошая у тебя жизнь!

— У меня нет души. А у тебя есть.

— Душа? — она засмеялась. — Что такое душа? Я никогда не видала ее. Почем я знаю, есть она или нет? А даже если есть, что мне от нее было проку? Я бы мигом продала ее, если бы могла стать такой, как ты. Хотя тут мое Искусство бессильно.

— Прости, — сказал Джек.

Некоторое время они ели молча.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказала она.

— О чем?

— Шедоу-Гард и правда существует? — сказала она. — Замок с высокими стенами, залами, полными теней, невидимый для твоих врагов... и для друзей тоже... Ведь ты хотел забрать ту девушку туда?

— Конечно, — ответил он и стал смотреть, как она ест. У нее не хватало многих зубов, она часто облизывала губы и причмокивала. Но вдруг сквозь сетку морщин Джек увидел лицо той девчонки, какой она была когда-то. Когда она улыбалась, сверкали белые зубы, волосы были длинными и черными, как небо между звезд. А голубые глаза были, как небо над дневной стороной планеты, как небо, на которое он частенько смотрел. Ему нравилось думать, что все это было только для него.

— Ей долго не протянуть, — подумал он. Девичье лицо исчезло, и он увидел дряблую кожу у нее под подбородком.

— Конечно, — повторил он. — А теперь я тебя нашел. Ты вернешься со мной? Прочь из этой проклятой страны, в царство уютных теней. Проведи остаток своих дней со мной. Я буду добр к тебе.

Она разглядывала его лицо.

— И ты сдержишь свое слово через столько лет... теперь, когда я стала уродливой старухой?

— Давай перейдем границу и вернемся в сумеречные земли вместе.

— Зачем тебе это?

— Ты знаешь.

— Дай руки, быстро! — сказала она.

Он протянул руки, и она ухватилась за них, повернув ладонями вверх. Наклонившись вперед, Рози изучала их.

— А! Бесполезно! — сказала она. — Я не могу читать по твоей руке, Джек. Руки вора слишком много работают — все линии неверные. Хотя это сильно настрадавшиеся руки...

— Рози, ты увидела там что-то, о чем не хочешь говорить. Что это?

— Не доедай. Бери хлеб и беги. Я слишком стара, чтобы пойти с тобой. Очень мило с твоей стороны меня пригласить. Той девчонке понравился бы Шедоу-Гард, но я собираюсь провести остаток своих дней здесь... Теперь иди. Торопись! И прости меня, если сможешь.

— Простить? За что?

Она поднялась и поцеловала его руки.

— Увидев, что сюда идет тот, кого я ненавидела все эти годы, я с помощью Искусства послала сообщение и решила задержать тебя здесь. Теперь я знаю, что была не права. Но стражники барона, должно быть, уже спешат сюда. Иди по этой дороге и ни за что не останавливайся. Ты можешь обойти их с другой стороны. Я постараюсь вызвать бурю и сбить их с твоего следа.

Он вскочил и помог ей подняться.

— Спасибо, — сказал он. — Но что ты увидела на моей ладони?

— Ничего.

— Розали, скажи.

— Не имеет значения, поймают ли они тебя, — сказала она, — потому что тебе *предстоит встреча с Силой*, страшнее барона... а с ним ты тоже встретишься. Что бы ни случилось — это будет решающим. Не давай своей ненависти привести тебя к машинам, которые думают, как люди, только быстрее. Слишком большие силы вовлечены в игру, а они не могут идти рядом с ненавистью.

— Такие машины существуют только на дневной стороне.

— Я знаю. Иди же, Джекки. Иди!

Он поцеловал ее в лоб.

— Как-нибудь встретимся, — сказал он и, повернувшись, бросился к дороге.

Рози смотрела, как он уходит, и вдруг почувствовала, что над долиной пронесся холодный ветер.

Холмы, склоны которых сперва были пологими и поднимались медленно, теперь стояли вокруг Джека, как башни. Он бежал и видел, как их сменяют высокие каменные стены. Дорога ширилась, сужалась, опять становилась широкой. Наконец он справился со своим страхом и взял себя в руки. Джек перешел на шаг. Не было смысла быстро уставать —

медленный, ровный шаг позволил бы ему пройти немало, прежде чем усталость возьмет верх.

Он глубоко дышал и прислушивался, нет ли погони. Ничего не было слышно.

По скале справа от него скользнула длинная черная змея. Она исчезла в расселине и больше не появилась. В небе горела одинокая звезда. В ее свете вкрапления разных пород блестели, как стекло.

Он подумал о Рози и подобных ей: что значит иметь родителей, быть ребенком, зависеть от кого-то, чтобы жить. Джек задумался, каково быть старым, знать, что умрешь и больше не вернешься. Вскоре эти мысли, как и все прочие, утомили его. Ему очень хотелось завернуться в плащ, лечь и уснуть.

Чтобы не заснуть, он считал шаги — тысячу, потом еще тысячу. Он тер глаза, спел несколько песенок, думал о еде, женщинах, о своих самых крупных кражах, проигрывал в уме пытки и, наконец, подумал об Ивен.

Стены вскоре стали ниже.

Он шел у подножия холмов — таких же, как те, от которых началась дорога. Погони все еще не было. Джек надеялся, что это означает, что его не схватят в пути. Только бы добраться до открытой местности, а уж там он сумеет найти множество укрытий.

Над головой загремело, и, посмотрев наверх, он увидел, что звезды начали скрываться в тучах. Джек сообразил, что облака собираются очень быстро, и вспомнил обещание Розали вызвать бурю и замести его следы. Когда блеснула молния, грянул гром и первые капли дождя упали на землю, он улыбнулся.

Сойдя с тропы, Джек еще раз вымок насквозь. Буря, казалось, не собиралась утихать. Видно было скверно, но ему показалось, что он вышел на такую же равнину, с разбросанными по ней скалами, как та, которую он оставил по ту сторону гор.

Джек почти на милю отклонился от своего курса — самый выгодный маршрут, чтобы уйти из владений барона. Потом он заметил несколько валунов. Джек устроился на сухой стороне самого большого и уснул.

Разбудил его цокот копыт. Он лежал, прислушиваясь, и определил, что звук идет от дороги. Джек вытащил меч и положил рядом. Дождь еще шел, хотя и потише. Издалека время от времени доносились раскаты грома.

Цокот копыт затихал. Он прижал ухо к земле, вздохнул, потом улыбнулся. Он все еще был в безопасности.

Несмотря на то что все тело болело и протестовало, Джек поднялся и пошел дальше. Он решил идти, пока льет дождь, чтоб уничтожить как можно больше следов.

В темной грязи сапоги Джека оставляли углубления, одежда липла к телу. Он несколько раз чихнул и вздрогнул от холода. Ощутив странную боль в правой руке, он опустил глаза и увидел, что все еще сжимает меч. Джек насухо вытер клинок полой плаща и спрятал его в ножны.

В просветах между тучами он отыскал знакомые созвездия. По ним он снова взял курс на восток.

Дождь постепенно перестал. Джек был весь в грязи, но продолжал идти. Одежда начала просыхать, а бивший его озноб почти прошел.

Позади него снова возник и затих цокот копыт. Зачем тратить столько сил на поимку одного человека, удивился он. Когда он возвращался в прошлый раз, все было иначе. Правда, раньше он никогда не ходил этой дорогой.

— То ли, пока я был мертв, я стал очень важной персоной, — решил Джек, — то ли люди барона охотятся на возвращающихся просто из спортивного интереса? — В любом случае Джек счел за лучшее не связываться с ними. — Что имела в виду Розали, когда говорила, что неважно, поймают меня или нет? Если это действительно так, это очень странно.

Время шло. Он оказался на еще более высокой и каменистой террасе. Грязь осталась внизу позади него. Джек начал искать место для отдыха, но это была равнина, и он предпочел идти дальше, нежели быть пойманным на открытой местности.

Продвигаясь вперед, он заметил в отдалении нечто, напоминающее каменную изгородь. Приблизившись, Джек увидел, что эти камни были светлее соседних, а промежутки между ними, казалось, были одинаковыми. Похоже, форма камней не была результатом действия сил природы, скорее, их вытесал какой-то маньяк, зациклившийся на пятиугольниках.

Джек нашел себе место для отдыха у ближайшего камня, где было сухо, и заснул.

Ему снова снились дождь и гром. Гром гремел, не переставая, и от этого содрогалась вся вселенная. Потом Джек очень долго находился на грани сна и бодрствования. И все равно он чувствовал, что чего-то не хватает, хотя точно не знал, чего и почему.

— Вот оно что, я не промок! — удивленно и раздраженно решил он.

Потом, вслед за громом, он вернулся в свое тело. Голова его покоилась на откинутой руке. Мгновение он лежал, совсем проснувшись, а потом вскочил на ноги, сообразив, что на его след напали.

Показались всадники. Джек насчитал семерых.

Он отбросил плащ за спину, в руке очутился меч. Потом он пальцами взъерошил волосы и протер глаза. И стал ждать.

Высоко в небе, за его левым плечом, разгорелась звезда.

Джек решил, что удирать пешему от всадников смысла нет, особенно, когда негде спрятаться. Они посто будут гнать его, пока он не свалится на землю, а тогда усталость не даст ему достойно сразиться и хоть нескольких из них отправить в Глив.

Поэтому он ждал, раздосадованный, что небо светлеет. Кони дьявольских всадников в черном высекали копытами искры из камней. Высоко над землей на него, как горсть раскаленных углей, неслись их глаза. Из ноздрей вырывались струйки дыма, а иногда — пронзительный свист. С ними, опустив к земле голову и вытянув хвост, молча бежала похожая на волка

тварь. Там, где Джек свернул, подходя к камням, она тоже изменила направление.

— Ты — первая, — сказал он, поднимая меч.

При звуке его голоса тварь подняла морду, завыла и рванулась, обгоняя всадников. Пока она приближалась, Джек отступил на четыре шага и прижался спиной к камню. Он высоко занес меч, словно собираясь рубить, и обеими руками стиснул рукоять.

Из открытой пасти этой твари свешивался язык, почти человечья ухмылка открывала огромные зубы.

Когда она прыгнула, Джек опустил меч, описав им полукруг, и задержал его перед собой, упершись локтями в камень.

Тварь не рычала, не выла и не лаяла — напоровшись на меч, она завизжала.

Удар выжал из Джека воздух и раскровянил упиравшиеся в камень локти. На мгновение он начал отключаться, но визг и едкий запах, исходивший от твари, удержали его в сознании.

Мгновение — и тварь замолчала. Она дважды дернулась на лезвии, содрогнулась и издохла.

Джек стал на труп ногой и, с силой повернув, вытащил меч. Потом он снова занес его и повернулся лицом к подъезжавшим всадникам.

Они сбавили темп, натянули поводья и остановились в какой-нибудь дюжине шагов от него.

Их предводитель — лысый, маленького роста и совершенно необъятный по толщине — спешился и пошел вперед. Увидев окровавленную тварь, он покачал головой.

— Не стоило убивать Шандера, — сказал он. Голос был хриплым и грубым. — Он не хотел причинить тебе вред — только обезоружить.

Джек рассмеялся.

Мужчина посмотрел на него снизу вверх. Желтый огонь в глазах говорил о таящейся в нем силе.

— Ты дразнишь меня, вор! — сказал он.

Джек кивнул.

— Если вы возьмете меня живым, я, несомненно, много претерплю от твоей руки, — сказал он. — Не вижу причин скрывать свои чувства, барон. Я смеюсь над тобой, потому что ненавижу. Что, тебе нечего делать, кроме как гоняться за возвращающимися?

Барон отступил и поднял руку. По этому знаку спешились остальные. Ухмыляясь, он вытащил меч и сказал:

— Ты нарушил границу моих владений, верно?

— Это единственный путь из Глива, — сказал Джек. — Всем, кто возвращается, приходится пройти через них.

— Да, — сказал барон, — и те, кого я арестую, должны заплатить пошлину. То есть прослужить мне несколько лет.

Всадники обошли Джека с флангов, образовав полукруг.

— Отдай меч, человек-тень, — сказал барон. — Если мы отнимем у тебя оружие, ты вряд ли сумеешь покалечиться в схватке. Мне бы не хотелось иметь увечного слугу.

Пока барон говорил, Джек сплюнул. Двое из людей барона посмотрели наверх — да так и остались таращиться в небо. Подозревая, что так они хотят отвлечь его внимание, Джек не стал смотреть, что там такое.

Но тут задрал голову еще один, и, увидев это, сам барон посмотрел на небо.

Краем глаза Джек заметил появившееся высоко в небе свечение. Тогда он поднял голову и увидел быстро приближавшийся к ним большой шар. Чем ближе он был, тем больше и ярче становился.

Джек быстро опустил глаза. Что бы это ни было, такой шанс упускать было нельзя.

Он бросился вперед и снес голову крайнему справа, который стоял, глазея на шар.

Ему удалось раздробить череп еще одному — тот слишком медленно поворачивался. После этого барон и четверка оставшихся развернулись и кинулись на него.

Джек отступал, парируя удары со всей возможной быстротой, не решаясь на ответные выпады. Он попытался обойти камень слева от себя, желая вымотать их. Но они двигались слишком быстро, и Джек обнаружил, что окружен. Каждый удар, который он отражал с близкого расстояния, теперь причинял ладони мучительную боль, а по руке пошли мурашки. С каждым ударом меч казался все тяжелее.

Они начали прорывать оборону. На плечах, руках и бедрах Джека появились небольшие порезы. В его мозгу возникло и исчезло видение Сточных Ям. По тому, с какой яростью они нападали, он понял, что теперь они хотят не взять его в плен, а отомстить за погибших.

Сообразив, что еще немного — и его изрубят в куски, Джек твердо решил при малейшей возможности захватить с собой в Глив барона. Он приготовился кинуться на него, как только в обороне Дреккхейма наметится брешь. Лучше бы это случилось поскорее, подумал Джек, потому что с каждой проклятой минутой он слабел.

Словно чувствуя это, барон дрался осторожно, все время защищаясь. Нападали его люди. Хватая ртом воздух, Джек решил, что больше ждать не может.

И все кончилось. Мечи стали слишком горячими, чтобы их удерживать, когда по клинкам заплясало синее пламя. Они с криком выпустили их из рук, и тогда вспышка белого света прямо над головами ослепила их. От мечей летели искры, а ноздри щекотал запах горелого.

— Барон, — раздался сладкий как мед голос, — ты нарушил границы моих владений и пытался убить моего пленника. Что ты скажешь в свое оправдание?

Когда Джек узнал этот голос, его охватил страх.

Глава 4

Джек искал тени, а перед его глазами плясали точки.

Свет исчез так же быстро, как появился, и наступившая за ним тьма казалась почти абсолютной. Он попытался воспользоваться этим и добраться до скалы. Он начал ее обходить.

— ТВОЕГО пленника? — услышал он вопль барона. — Он мой!

— Мы долго были добрыми соседями, барон, с тех пор, как я в последний раз давал тебе урок географии, — сказала фигура, стоявшая на вершине скалы. Теперь ее можно было различить. —Возможно, требуется повторное обучение. Эти скалы — границы между нашими владениями. Пленник стоит на моей стороне... и должен добавить, ты со своими людьми — тоже. Ты, конечно, уважаемый гость, а пленник, разумеется, мой.

— Лорд, — сказал барон, — эта граница всегда была спорной. Да будет тебе известно, что я преследовал этого человека на своей земле. Вряд ли честно с твоей стороны встревать в это.

— Честно? — донесся в ответ смех. — Не говори мне о честности, сосед... И не называй этого пленника «человеком». Мы оба знаем, что на границе кончается наша сила — сила, а не законы или договоры. Там, куда из Хай-Даджен достает моя сила, земля — моя. То же самое касается тебя в твоих владениях. Если ты хочешь состязаться, чтобы пересмотреть границу, — давай. Что касается пленника, тебе известно, что и сам он наделен Силой — одной из немногих подвижных сил. Он черпает ее не из определенного источника, а из сочетания света и тьмы. Тот, кто изловит его, не может не получить выгоды, поэтому он мой. Ты согласен со мной, повелитель падали? Или мы немедленно начнем пересмотр границы?

— Я вижу, Сила не покинула тебя...

— И значит, мы на моей территории. Иди домой, барон.

Обойдя вокруг скалы, Джек спокойно отправился в темноту. Ему представился случай проскочить обратно через границу и, может быть, вызвать драку, но в любом случае он становится чьим-то пленником. Путь только один — лучше удрать. Он пошел быстрее.

Оглянувшись, Джек увидел нечто, что могло означать продолжение спора, поскольку барон топал ногой и бурно жестикулировал. Он слышал его сердитые крики, хотя отошел слишком далеко для того, чтобы разбирать слова. Зная, что его отсутствие будет оставаться незамеченным еще недолго, Джек побежал. Он взобрался на небольшой холм и, проклиная потерю меча, сбежал с его восточного склона.

Он быстро устал, но заставил себя идти, остановившись только, чтобы вооружиться парой увесистых камней.

Потом на какое-то мгновение перед ним упала его длинная тень, и он остановился, оглядываясь. Над холмом появилось сияние, в котором, поднимаясь и опускаясь словно пепел или сорванные ветром листья, плясали рои летучих мышей. Прежде чем он сумел использовать тень, свет потускнел и опять воцарилась тьма. Определяясь, Джек посмотрел на

звезды и заторопился дальше, отыскивая по дороге убежище. Он знал, что будет погоня.

Он продолжал оглядываться, но сияние больше не появлялось. Он задумался, чем же закончился конфликт. Барон, несмотря на свою зверскую внешность, был известен как довольно чувствительный объект. Кроме того, ситуация на границе указывала на то, что оба спорщика были одинаково далеки от источников своей Силы.

Неплохо было бы, решил он, если бы они уничтожили друг друга. Хотя вряд ли. А жаль.

Понимая, что к этому моменту его отсутствие там уже заметили и что единственное, что может остановить погоню, это начавшаяся драка, он взмолился, чтобы скандал оказался затяжным. Заодно он отметил, что идеальным выходом была бы смерть или тяжкие повреждения у обеих участвующих сторон.

Словно в насмешку над его мольбой, очень скоро мимо промелькнул темный силуэт. Джек запустил в него оба камня, но оба раза промахнулся.

Решив не идти по прямой, он свернул влево и пошел в этом направлении. Шел он медленно, экономя силы, пот высох, и он снова почувствовал озноб. Но только ли поэтому?

Кажется, темный силуэт преследовал его слева на некотором расстоянии. Стоило повернуть голову, как он исчезал. Все-таки, глядя прямо перед собой, Джек уголком глаза уловил некоторое движение.

Вскоре силуэт очутился рядом с ним. Джек почувствовал его присутствие, хотя едва различал его. Поскольку тот больше не двигался, Джек приготовился защищаться при первом же прикосновении.

— Можно узнать, как ты себя чувствуешь? — раздался мягкий приятный голос.

Подавив дрожь, Джек сказал:

— Я голоден, хочу пить и устал.

— Какая жалость. Я прослежу, чтобы вскоре это прошло.

— Почему?

— Мой обычай — оказывать гостям все почести.

— Я не знал, что я чей-то гость.

— Все, кто попадает в мои владения, мои гости, Джек. Даже те, кто раньше пренебрег моим гостеприимством.

— Приятно слышать. Особенно, если это значит, что ты поможешь добраться до восточной границы твоих владений по возможности быстро и спокойно.

— Мы обсудим это после обеда.

— Отлично.

— Сюда, пожалуйста.

Он взял вправо, и Джек последовал за ним, понимая, что больше ничего не остается. По дороге ему удалось мельком увидеть смуглое красивое лицо, наполовину освещенное светом звезд, наполовину скрытое высоким

круглым воротом плаща. Глаза напоминали лужицы воска, которые натекают вокруг фитилей черных свечек — горячие, темные и влажные. С неба все время срывались летучие мыши и исчезали в складках плаща. После долгого молчания спутник Джека указал на видневшееся впереди возвышение.

— Сюда,— сказал он.

Джек кивнул и посмотрел на холм со срезанной вершиной. Малое средоточие Силы, решил он, и находится в пределах досягаемости хозяина.

Медленно карабкаясь вверх, они приближались к нему. Когда Джек поскользнулся, то почувствовал на своем локте сильную руку, вернувшую ему равновесие. Он заметил, что сапоги его спутника ступали бесшумно, хотя под ногами был гравий.

Наконец он спросил:

— А что с бароном?

— Барон — умный человек, он поехал домой, — блеснув мгновенной белозубой усмешкой, ответил его спутник.

Они добрались до вершины и направились к ее центру.

Темная фигура вытащила меч и начертила им на земле знаки. Некоторые были знакомы Джеку. Затем он отстранил Джека движением руки и провел большим пальцем по клинку так, чтобы его кровь попала в центр узора. При этом он произнес несколько слов. Потом он обернулся и жестом велел Джеку подойти и снова стать рядом с ним. Он очертил вокруг них окружность и снова повернулся к узору.

После произнесенных слов тот вспыхнул у них под ногами. Джек старался не смотреть на пылающие линии, но узор притягивал его взгляд и он начал следить за ним глазами.

Когда рисунок полностью овладел его разумом, вытеснив все остальное, он почувствовал оцепенение. Казалось, он движется внутри узора, он — его часть...

Кто-то подтолкнул его, и он упал.

Он стоял на коленях среди сияния и блеска и множество людей дразнили его. Нет.

Те, кто передразнивал его малейшее движение, были всего лишь отражениями.

Джек потряс головой, желая вернуть ясность мысли, и тогда понял, что окружен зеркалами и ярким светом.

Он встал, рассматривая неясную панораму. Он находился почти в центре большой многогранной комнаты. Все грани были зеркальными, так же как бесчисленные ячейки потолка и сияющий пол. Откуда шел свет, Джек не знал. Может быть, его источали сами зеркала. Неподалеку у стены справа был накрыт стол. Идя к нему, Джек понял, что поднимается в гору, хотя избыточного напряжения мышц не чувствовал и равновесия не терял. Тогда он торопливо миновал стол и продолжал идти, как полагал, по прямой. Стол был позади него, затем — над ним. Через несколько

сот шагов Джек свернул направо и опять пошел к столу. Результат был прежним.

Ни окон, ни дверей не было. Имелись: стол, кровать и стулья. Они стояли возле разбросанных по комнате небольших столиков. Похоже было, что его заключили в огромный драгоценный камень, полный сияния. Его отражения и отражения отражений уходили в бесконечность, и, куда бы он ни посмотрел, везде был свет.

Тени нигде не должно было быть — и не было.

Узник того, кто однажды уже убил тебя, подумал он. К тому же неподалеку от источника его Силы, в клетке, сделанной специально для тебя. Скверно, очень скверно.

Вдруг повсюду началось движение. Зеркала на мгновение показали его бесконечность, потом все опять замерло. Джек огляделся, отыскивая результат этих перемещений.

Теперь на висевшем перед ним столе стояли мясо, хлеб, вино и вода.

Встав на ноги, он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Джек мигом обернулся, и ему с поклоном улыбнулся Повелитель Нетопырей.

— Кушать подано, — сказал он, указывая на стол.

Джек кивнул, подошел вместе с ним к столу, уселся и принялся наполнять тарелку.

— Как тебе квартира?

— Очень забавная, — ответил Джек. — Кроме всего прочего, как я заметил, тут ни окон ни дверей.

— Да.

Джек принялся за еду. Его аппетит был подобен пламени, которое невозможно унять.

— После своего путешествия ты выглядишь не слишком хорошо.

— Знаю.

— Позже я пришлю тебе ванну и чистую одежду.

— Спасибо.

— Не за что. Я хочу, чтобы ты чувствовал себя уютно, а пробыть здесь тебе придется, несомненно, долго.

— Как долго? — спросил Джек.

— Кто знает? Возможно, годы.

— Понятно.

Джек задумался. Если я нападу на него с ножом для мяса, сумею ли я его убить? Или сейчас он слишком силен для меня? Сумеет ли он мгновенно умножить свои силы? А если я добьюсь своего, найду ли я выход отсюда?

— Где мы? — спросил Джек.

Повелитель Нетопырей улыбнулся.

Он расстегнул тяжелую серебряную цепь, которую носил на шее. С нее свисал сверкающий драгоценный камень. Он склонился вперед и протянул руку.

— Посмотри-ка на него, Джек, — сказал он.

Джек дотронулся до камня кончиками пальцев, взвесил его, повертел.

— Ну, стоит он того, чтобы его украсть?

— Само собой. Что это за камень?

— Собственно говоря, это не камень. Это — комната, в которой мы сейчас. Погляди, какой он формы.

Джек проделал это, переводя взгляд с камня на стены и обратно.

— Его форма очень напоминает эту комнату...

— Они идентичны. Так и должно быть, ведь они — одно и то же.

— Не понимаю...

— Возьми. Поднеси к глазам. Посмотри, что у него внутри.

Джек поднес камень к глазам, прищурился и уставился внутрь.

— Внутри... — сказал он. — Крохотная копия этой комнаты.

— Посмотри на стол.

— Вижу! Я вижу, как мы сидим за столом! Я... Я рассматриваю... Этот камень!

— Отлично! — Повелитель Нетопырей захлопал в ладоши.

Джек выпустил камень из рук, и собеседник вернул его на место.

— Посмотри, пожалуйста, — сказал он.

Он взял камень свободной рукой и стиснул в кулаке.

Наступила тьма. Она пришла лишь на миг и исчезла, как только он разжал пальцы.

Тогда он достал из-под плаща свечу, закрепил в подсвечнике на столе и зажег. Потом поднес свисающий с цепочки камень к пламени.

В комнате стало тепло, даже слишком. Через некоторое время жара стала угнетающей, и Джек почувствовал, что на лбу выступили капли пота.

— Хватит! — сказал он. — Вовсе ни к чему нас поджаривать!

Повелитель Нетопырей убрал пламя и окунул камень в графин с водой. Сразу же стало прохладно.

— Где мы? — повторил Джек.

— Да вот — я ношу нас на шее, — ответил Повелитель Нетопырей, снова надевая цепочку.

— Хороший фокус. А где же сейчас ты?

— Здесь.

— В камне?

— Да.

— А камень у тебя на шее?

— Конечно. Неплохой фокус. Выдумать и осуществить все это мне удалось быстро. В конце концов, я, несомненно, один из способнейших. Хотя много лет назад несколько моих самых ценных манускриптов по Искусству были украдены.

— Какое несчастье. Я полагаю, ты тщательно охраняешь подобные документы.

— Их хорошо охраняли. Но был пожар. Во время замешательства вор сумел взять их и исчезнуть в тени.

— Ага, — сказал Джек, прикончив последний кусок хлеба и потягивая вино. — Вора поймали?

— О да. И казнили. Но я с ним еще не покончил.

— Да? — сказал Джек. — И как же ты думаешь с ним поступить?

— Я собираюсь свести его с ума, — сказал Повелитель Нетопырей, играя вином в своем кубке.

— Может быть, он уже сошел с ума. Разве клептомания — не болезнь психики?

Его собеседник покачал головой.

— Не в этом случае, — сказал он. — Для этого вора кражи — вопрос гордости. Ему нравится обманывать власть имущих и завладевать их собственностью. Это, похоже, укрепляет его уверенность в себе. Если подобные желания — психическое расстройство, значит, им страдает большинство. Хотя в его случае желание часто бывает удовлетворено. Удача сопутствует ему, поскольку он обладает кой-какой Силой и применяет ее жестко и без жалости. Я с огромным наслаждением пронаблюдаю, как постепенно он спятит вконец.

— Чтобы укрепить свою гордость и уверенность в себе?

— Отчасти. Кроме того, это вселит в него некоторое почтение к богине правосудия и пойдет на пользу обществу в целом.

Джек засмеялся. Его собеседник только улыбнулся.

— Как же ты намерен этого добиться? — наконец спросил он.

— Я заточу его в тюрьму, откуда нет выхода. Там ему совершенно нечего будет делать — он будет просто существовать. Время от времени я стану помещать туда определенные вещи и удалять их — вещи, которые с течением времени будут все сильнее завладевать его мыслями. Начнутся приступы ярости и периоды депрессии. Я сломаю самоуверенность этого задаваки и с корнем вырву его гордыню.

— Ясно, ясно, — сказал Джек, — звучит так, будто ты давно уже собирался это проделать.

— Можешь не сомневаться.

Джек оттолкнул пустую тарелку, откинулся на спинку стула и пересчитал окружавшие их отражения.

— По-моему, дальше ты, пожалуй, заявишь, что твою побрякушку легко невзначай потерять во время океанской прогулки, зарыть в землю, сжечь или скормить свиньям.

— Нет, это уже ты только что сообразил.

Повелитель Нетопырей поднялся, небрежно махнув рукой куда-то наверх.

— Я вижу, тебе доставили ванну, — сказал он, — и, пока мы обедали, приготовили чистую одежду. Я удаляюсь. Займись собой.

Джек кивнул и поднялся.

Тут под столом раздался глухой стук, за которым последовало дребезжание и короткий резкий вопль. Джек почувствовал, что его ухватили за лодыжку. Потом он очутился на полу.

— Прочь! — крикнул Повелитель Нетопырей, быстро обойдя вокруг стола. — Назад я сказал!

Из складок его плаща вырвались тучи нетопырей и ринулись на то, что было под столом. Оно от ужаса завизжало и так стиснуло лодыжку Джека, что ему почудилось, будто кости разваливаются в порошок.

Он поднялся и начал нагибаться вперед. Потом, увидев, что же там было, он на миг остолбенел, и тут была бессильна даже боль.

Существо было белым, голым, блестящим и покрытым синяками. Повелитель Нетопырей пнул его, и оно выпустило Джека, но прежде чем оно успело загородиться скрещенными руками, Джек мельком увидел его перекошенное лицо.

Похоже, это создание было задумано, как человек, но так до конца им и не стало. По нему словно прошлись, перекрутили его, а в оплывшей голове, как в сыром тесте, проткнули дыры. Сквозь прозрачную плоть его торса виднелись кости; короткие ноги были толщиной с дерево и заканчивались дискообразными ступнями. С них свисало множество длинных пальцев, похожих на червей или на корни. Руки были длиннее тела. Это был раздавленный слизняк; нечто, замороженное и оттаявшее, прежде чем пропеклось. Это было...

— Это — Боршин, — сказал Повелитель Нетопырей, протягивая руки к визжащему существу, которое, казалось, не могло решить, кого боится больше — летучих мышей или их хозяина. Оно колотилось головой о ножки стола, пытаясь ускользнуть.

Повелитель Нетопырей сорвал с груди камень и запустил им в существо, бормоча при этом проклятия. Оно исчезло, оставив после себя лужицу мочи. Летучие мыши вновь пропали в одеждах своего господина. Он улыбнулся Джеку.

— Что, — спросил Джек, — такое Боршин?

Некоторое время Повелитель Нетопырей рассматривал свои ногти. Потом он сказал:

— На дневной стороне планеты ученые уже некоторое время пытаются создавать искусственную жизнь. До сих пор безуспешно. Я собирался добиться успеха с помощью волшебства там, где их наука бессильна, — продолжал он. — Я долго занимался исследованиями, потом поставил опыт. Ничего не вышло... или, скорее, вышло наполовину. Результат ты только что видел. Я избавился от своего мертвого гомункулуса, отправив его в Сточные Ямы Глива, но однажды он ко мне вернулся. Я не могу приписать себе честь его оживления. Силы, питающие нас здесь, каким-то образом стимулировали его. Я не думаю, что Боршин и вправду живое существо... в обычном смысле слова.

— Это — одна из тех вещей, предназначенных, чтобы пытать твоего врага, о которых ты говорил?

— Да, поскольку я обучал его двум вещам: бояться меня и ненавидеть моего врага. Правда, на этот раз я его сюда не приводил. Он приходит

и уходит сам, своими путями. Но я не думал, что они достигают этого места. Этим я еще займусь.

— А пока что он сможет являться сюда, когда вздумается?

— Боюсь, что так.

— Тогда нельзя ли мне иметь при себе оружие?

— Увы — у меня нет оружия, чтобы тебе одолжить.

— Понятно.

— Теперь я лучше пойду. Купайся на здоровье.

— И еще одно, — сказал Джек.

— Что? — спросил тот, лаская пальцами камень.

— У меня тоже есть враг, которому я должен отомстить. Не стану утомлять тебя подробностями, но должен сказать, что моя месть превзойдет твою.

— Правда? Интересно узнать, что у тебя на уме.

— Я постараюсь, чтобы ты непременно узнал.

Оба улыбнулись.

— Тогда — до скорого.

— Пока.

Повелитель Нетопырей исчез.

Джек вымылся, долго просидев в теплой блестящей воде. Накопившаяся за время его путешествия усталость, казалось, овладела им мгновенно. Только мощным усилием воли ему удалось встать, вытереться и дойти до постели, на которую он рухнул. Он слишком устал для того, чтобы должным образом ненавидеть или обдумывать побег.

Он спал и видел сны.

Ему снилось, что он держит Великий Ключ, Кольвинию, — ключ от хаоса и порядка, — и им отпирает небо и землю, море и ветер, приказывая им обрушиться на Хай-Даджен и ее хозяина со всех концов света. Ему снилось, что родилось пламя и Властелин тьмы оказался навеки в его сердце, как муравей в январе, но живой, способный чувствовать и лишенный сна. Он, будучи возбужден до предела, вдруг услышал бормотание Великой Машины. От этого знамения он застонал, а по стенам, на пропитанных потом постелях заметалось множество Джеков.

Глава 5

Джек сидел на стуле возле постели, вытянув ноги и сцепив пальцы под подбородком. Он был одет в красно-черно-белый костюм шута, украшенный бриллиантами. Носки туфель винного цвета были загнуты и заканчивались шнурками, от которых Джек оторвал бубенчики. Колпак с бубенчиками он выбросил в помойное ведро.

— Теперь — когда угодно, — решил он. — Надеюсь, Боршин за ним не пойдет.

На столе стояли остатки завтрака — его тридцать первой трапезы в

этих стенах. Воздух был холоднее, чем ему бы хотелось. С тех пор как Джек очутился здесь, Боршин приходил трижды. Он появлялся внезапно и, пуская слюни, пытался схватить Джека. Каждый раз Джек отгонял его стулом, крича изо всех сил, и каждый раз через несколько минут являлся Повелитель Нетопырей и забирал эту тварь, извиняясь за причиненные неудобства. После первого же такого визита Джек стал плохо спать, зная, что в любой момент он может повториться.

Еду доставляли регулярно. Она была весьма однообразной, но он машинально съедал ее, думая о другом. Позже он так и не смог вспомнить, что это было — да и не хотел вспоминать.

Он размышлял: теперь скоро.

Чтобы не раскиснуть, Джек делал гимнастику. Он уже набрал часть потерянного им веса. Он боролся со скукой, выстраивая и отвергая множество вариантов побега и мести. Потом он вспомнил слова Розали и решил, что делать.

Воздух словно наполнился мерцанием, а потом возник такой звук, словно по кубку постукивали ногтем.

Рядом с ним очутился Повелитель Нетопырей — и на этот раз он не улыбался.

— Джек, — сразу же приступил он к делу, — ты разочаровываешь меня. Что ты пытался сделать?

— Не понял?

— Ты только что проговорил какое-то слабое заклинание. Ты и правда думаешь, что здесь, в Хай-Даджен, я не замечу попытку воспользоваться Искусством?

— Только в том случае, если она будет успешной, — сказал Джек.

— Что явно не так. Ты все еще здесь.

— Конечно.

— Ты не можешь ни разрушить эти стены, ни пройти сквозь них.

— Я это уже понял.

— Тебе не кажется, что ты поправился?

— Немного.

— Тогда, наверное, пора ввести в твое окружение дополнительные элементы.

— Ты не сказал мне, что есть еще один Боршин.

Его собеседник издал смешок и откуда-то появилась летучая мышь. Она несколько раз облетела вокруг хозяина и повисла на цепочке, которая была у него на шее.

— Нет, я имел в виду не это, — сказал он. — Я размышлял, насколько у тебя хватит чувства юмора.

Джек, лениво оттирая с указательного пальца правой руки пятнышко сажи, пожал плечами.

— Когда ты это выяснишь, дай мне знать, — сказал он.

— Сообщу тебе одному из первых. Даю слово.

Джек кивнул.

— Я бы предпочел, чтоб ты оставил свои упражнения в магии, — сказал Повелитель Нетопырей. — В такой сильно изменившейся атмосфере последствия могут быть весьма суровыми.

— Буду иметь это в виду, — сказал Джек.

— Великолепно. Извини, что помешал. Занимайся своими делами. Адью.

Джек не ответил — потому что был один.

Через некоторое время в его окружении появился дополнительный элемент.

Осознав, что он не один, Джек внезапно поднял глаза. При виде ее рыжих волос и полуулыбки он на миг от неожиданности чуть не поверил.

Потом он встал, подошел к ней, отошел в сторону и рассмотрел ее с разных сторон.

Наконец он сказал:

— Отличная работа. Передай своему создателю мои поздравления. Ты — прекрасная копия моей леди Ивен из крепости Холдинг.

— Я не копия. И не твоя леди, — сказала она, делая реверанс.

— Как бы там ни было, ты принесла мне свет, — сказал он. — Могу я предложить тебе сесть?

Усадив ее, он пододвинул второй стул и уселся слева от нее. Откинувшись на спинку, он внимательно разглядывал ее.

— Ну, а теперь ты, может быть, объяснишь то, что сказала? — спросил он. — Если ты — не моя Ивен и не двойник, созданный моим врагом, чтобы досадить мне, то что ты такое? Или, выражаясь более деликатно, кто ты?

— Я? Ивен из крепости Холдинг, дочь Лорет и Неумирающего Полковника, — ответила она, все еще улыбаясь, и только тогда он заметил, что с ее серебряной цепочки свисает странный драгоценный камень, схожий по форме с его тюрьмой. — Но я — не т в о я леди, — закончила она.

— Он отлично поработал, — сказал Джек. — Даже голос похож как две капли воды.

— Я даже могу посочувствовать лорду-бродяге из несуществующего замка Шедоу-Гард, — сказала она. — Джек-врун. Ты настолько знаком со всеми формами обмана, что тебе стало трудно различать, где же правда.

— Шедоу-Гард существует! — сказал он.

— Тогда не стоит так волноваться, когда его упоминают, верно?

— Он хорошо выучил тебя, существо. Смеяться над моим домом — значит смеяться надо мной!

— Что я и собиралась сделать. Но я — не творение того, кого ты называешь Повелителем Нетопырей. Я — его женщина. Я знаю его тайное имя. Он показал мне мир внутри сферы. Я видела из Хай-Даджен все. Я знаю, что Шедоу-Гард не существует.

— Никто, кроме меня, никогда не видел его, — сказал он, — потому что он всегда скрыт тенью. Это — огромный замок с залами, освещенными

факелами, с высокими потолками, с подземными лабиринтами и множеством башен. Там с одной стороны — немного света, а с другой — полная тьма. Он полон памятных вещиц от самых крупных краж, какие когда-либо совершались. Там много очень красивых безделушек и бесценных вещей. В его коридорах пляшут тени, а множество драгоценных камней сияет ярче, чем солнце над другой половиной планеты. Вот над чем ты смеешься — над Шедоу-Гард, по сравнению с которым замок твоего хозяина просто свинарник. Верно, иногда там бывает одиноко, но настоящая Ивен оживит его своим смехом, зажжет своим изяществом, так, что он сохранит свое великолепие много времени спустя после того, как твой хозяин сойдет в вечную тьму, когда я отомщу.

Она тихонько поаплодировала.

— Нетрудно вспомнить, как однажды твои речи и твоя страстность убедили меня, Джек. Теперь-то я понимаю, что, говоря о Шедоу-Гард, ты говоришь слишком хорошо для того, чтобы описывать реальное место. Я ждала тебя долго, а потом узнала, что тебе отрубили голову в Иглесе. Я все-таки собиралась ждать твоего возвращения, но мой отец решил иначе. Сперва я думала, что им движет желание обладать Пламенем Ада. Но я ошибалась. Он сразу понял, что ты — лжец и бродяга. Я плакала, когда он обменял меня на Пламень Ада, но я полюбила того, кому меня отдали. Мой повелитель добр тогда, когда ты ни о чем не думаешь; он умен там, где ты просто жесток. Его замок существует на самом деле, он один из самых могущественных в стране. В нем — все то, чего тебе недостает. Я люблю его.

Джек смотрел ей в лицо, которое теперь было серьезно, а потом спросил:

— Как он завладел Пламенем Ада?

— Его человек завоевал для него в Иглесе этот камень.

— Имя этого человека?

— Квазер, — сказала она. — Чемпионом Адских Игр стал Квазер.

— Для двойника — это умеренно бесполезная информация, — заметил Джек, — если это все правда. Хотя мой враг весьма тщателен. Очень жаль, но я не верю, что ты — настоящая.

— Вот пример эгоизма, который не дает заметить очевидное.

— Нет. Я знаю, что ты — не настоящая Ивен, а нечто, посланное мучить меня. Настоящая Ивен — моя Ивен — не стала бы судить меня за глаза. Она дождалась бы моего ответа, что бы про меня ни говорили.

Тогда она отвела взгляд.

— Еще одна умная фраза, — сказала она наконец. — Она ничего не значит.

— Можешь идти, — сказал он. — И скажи своему хозяину, что у вас ничего не вышло.

— Он не хозяин мне! Он — мой повелитель и возлюбленный!

— ... Или, если не хочешь уходить, можешь остаться. Мне все равно.

Он встал, подошел к постели, растянулся на ней и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, ее уже не было.

Но он заметил то, что она хотела скрыть.

... Я ничего им не дам, решил он. Неважно, какие доказательства они представят. Я буду объяснять это трюками. Пока что я упрячу знание туда же, куда и чувства.

Через некоторое время он уснул. Ему снилось красочное будущее — таким, каким он себе его представлял..

Потом он долго был один. Это его вполне устраивало.

Он чувствовал, что загнал Повелителя Нетопырей в угол и дал отпор первому покушению на свой здравый рассудок. Иногда, меряя шагами полы, стены и потолки своей тюрьмы, он посмеивался. Он обдумывал свой план — его опасные стороны — и прикидывал, сколько лет уйдет на его осуществление. Он ел. Он спал.

Потом ему пришло в голову, что, если Повелитель Нетопырей может видеть его в любую минуту, возможно, он находится под наблюдением постоянно. Ему немедленно представилось, как слуги его врага передают этот странный камень из рук в руки. Мысль была стойкой. Независимо от того, чем Джек занимался, у него появилось назойливое ощущение, что за ним подглядывают. Он приобрел привычку подолгу сидеть, уставясь на предполагаемых соглядатаев за зеркалами. Он внезапно оборачивался и делал жесты в сторону своих невидимых зрителей.

Господи! Сработало! — решил он однажды, проснувшись и быстро оглядев комнату. Он и правда добирается до меня! Я везде подозреваю его присутствие, и это начинает выводить меня из равновесия. Но я буду действовать тайком. Если только он даст мне нужный выход, а все прочее останется по-прежнему, я, возможно, получу шанс. Впрочем, лучший способ отыскать выход — оставаться внешне спокойным. Я должен прекратить расхаживать и бормотать.

Он лежал, раскрыв свое существо, и ощущал отрезвляющий холод высоты.

После этого случая он замолчал и начал двигаться медленно. Подавить более мелкие реакции оказалось труднее, чем он думал. Но он подавлял их — иногда для этого приходилось сесть, стиснуть руки и считать до нескольких тысяч. Зеркала говорили ему, что у него выросла борода приличных размеров. Его шутовской наряд обносился и стал грязным. Частенько он просыпался в холодном поту, не в состоянии вспомнить, что за кошмар мучил его. Хотя рассудок его порой помрачался, теперь он поддерживал в своей вечно сияющей зеркальной тюрьме видимость нормы.

— В заклятии ли тут дело? — думал он. — Или это просто результат длительного однообразия? Наверное, дело в последнем. Я думаю, что почувствовал бы это заклятие, хотя в колдовстве он сильнее меня. Ну, теперь-то уж скоро. Скоро он ко мне придет. Он почувствует, что тратит слишком много времени на то, чтобы меня расстроить. Начнется обратный эффект. Забеспокоится он сам. Теперь скоро. Скоро он придет.

Когда тот пришел, Джек сделал полезное наблюдение.

Он проснулся и обнаружил, что ему доставили ванну — второй раз с тех пор, как он тут очутился (тысячу лет назад), и чистый костюм. Он отмылся и влез в бело-зеленые одежды. На этот раз он оставил бубенцы на носках туфель, а колпак напялил под вызывающим углом.

После этого он уселся, хлопнул в ладоши над головой и слабо улыбнулся. Нельзя было показывать, как он нервничает.

Когда внезапно раздался знакомый звук и воздух замерцал, Джек, глядя в том направлении, чуть наклонил голову.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил тот. — Как дела?

— Да вроде бы пришел в себя. И хотел бы вскоре тебя покинуть.

— Когда дело касается здоровья, излишняя осторожность не вредит. По-моему, тебе все еще требуется отдых. Но это мы обсудим позже.

— Очень жаль, что я не могу уделить тебе больше времени, — продолжал он. — Я был занят делами, которые требуют моего полного внимания.

— Ничего страшного, — сказал Джек. — Вскоре все твои усилия будут сведены к нулю.

Повелитель Нетопырей изучал его лицо, словно выискивал в нем признаки безумия. Потом он уселся и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Джек повернул левую руку ладонью кверху и сказал:

— Если все когда-нибудь кончается, значит, любые усилия сведутся к нулю.

— Почему это все должно кончиться?

— Ты в последнее время не обращал внимания на температуру, любезный лорд?

— Нет, — ответил тот, озадаченный. — Физически я довольно давно не покидал своего замка.

— Тебе было бы полезно проделать это. Или лучше открой свое существо излучениям Щита.

— Пожалуй... Когда я буду один... Но какая-то утечка существует все время. Те семеро, чье присутствие необходимо, чтобы ее прекратить, узнают об этом и примут меры. Нет причин для дурных предчувствий или беспокойства.

— Нет, есть. Если кто-то из этой семерки не в состоянии отозваться.

Его собеседник широко раскрыл глаза.

— Я тебе не верю, — сказал он.

Джек пожал плечами.

— Когда ты предложил мне свое... гм... гостеприимство, я искал тихое местечко, откуда мог бы высадиться. Конечно, проверить это очень легко.

— Почему же ты раньше молчал?

— Почему? — переспросил Джек. — Если я должен был сойти с ума,

то какое мне дело, продолжит ли свое существование остальной мир или тоже погибнет?

— Весьма эгоистическая позиция, — сказал Повелитель Нетопырей.

— Такова м о я позиция, — сказал Джек и звякнул бубенчиками.

— Полагаю, надо проверить твою историю, — его собеседник со вздохом поднялся.

— Я подожду здесь, — сказал Джек.

Повелитель Нетопырей отвел его в зал с высоким потолком, находившийся за железной дверью, и там перерезал его путы.

Джек осмотрелся. На мозаичном полу он заметил знакомые символы, по углам — кучи тряпья, темные занавеси на стенах. В центре зала находился маленький алтарь, а рядом — столик с инструментами. Пахло ладаном.

Джек шагнул вперед.

— Твое имя странным образом попало в Расчетную Книгу, — сказал Повелитель Нетопырей. — А другое имя было вычеркнуто.

— Возможно, ангелы-хранители передумали.

— Насколько мне известно, раньше такого не бывало. Но если ты — один из семи избранных, пусть будет так. Послушай, что я скажу, прежде чем отправишься нести свою службу у Щита.

Он хлопнул в ладоши и занавес зашевелился. Вошла Ивен. Она подошла к своему господину и стала рядом с ним.

— Хотя для этого понадобится твоя Сила, — сказал он Джеку, — не думай, что она столкнется с моей здесь, в Хай-Даджен. Скоро мы зажжем огни и появятся тени. Даже если я недооценил тебя, знай, что у моей леди были годы, чтобы изучить Искусство, и что она оказалась исключительно одаренной. Попробуй только устроить что-нибудь помимо того, зачем я тебя сюда привел, и мы с ней объединим свое умение. Неважно, в чем ты уверился, она — не двойник.

— Знаю, — сказал Джек. — Двойники не плачут.

— Когда это ты видел, чтобы Ивен плакала?

— Спросишь ее когда-нибудь.

Когда он посмотрел на алтарь и пошел вперед, она опустила глаза.

— Я лучше начну. Будьте любезны, станьте в малый круг, — сказал он.

Он по очереди раздувал угли в десяти вазах, которые стояли в три ряда — три вазы, четыре и три. Джек добавил ароматические порошки, и они вспыхнули, пуская разноцветный дым. Потом он прошел в дальний конец алтаря и начертил на полу лезвием железного ножа узор. Он заговорил, и тень его разделилась на несколько теней, потом снова собралась в одно целое, заколебалась, застыла, потемнела и, словно бесконечная дорога на восток, простерлась через зал. Несмотря на мигающий свет, она после этого уже не двигалась и потемнела настолько, что, казалось, обрела глубину.

Джек услыхал, как Повелитель Нетопырей шепнул Ивен:

— Мне это не нравится! — и быстро посмотрел в их сторону.

Стоя в кругу, в мигающем свете и клубящемся дыму, он, казалось, становился все темнее и двигался все увереннее. Когда он взял с алтаря маленький колокольчик и зазвонил в него, Повелитель Нетопырей крикнул: «Перестань!» — но не нарушил малый круг, потому что возникло ощущение присутствия в зале кого-то еще — напрягшегося, приглядывающегося.

— Ты прав в одном, — сказал Джек. — Что касается Искусства, ты — мой хозяин. Я не собираюсь скрестить с тобой мечи, тем более там, где ты — властелин. Скорее, я просто хочу на некоторое время занять тебя и обеспечить свою безопасность. Вам, даже обоим вместе, потребуется несколько минут, чтобы сломить Силу, которую я здесь накопил... А тогда вам будет о чем подумать помимо этого. А, вот!

Он схватил за ножку ближайшую вазу и швырнул ее через весь зал. Угли рассыпались по тряпью. Оно загорелось, и языки пламени лизнули край занавесей. Джек продолжал:

— Меня не призывали нести службу у Щита. Когда обломки стола обугливались в пламени свечи, горевшей у нас за обедом, я изменил запись в Расчетной Книге. Запись, которую ты обнаружил, — моих рук дело.

— Ты посмел нарушить Великий Договор и играть судьбами мира?

— Да, — сказал Джек. — Какой прок от мира сумасшедшему? Ты же хотел свести меня с ума. А на договор мне плевать.

— Значит, отныне ты навсегда становишься вне закона, Джек. Не считай больше своим другом никого из людей тьмы.

— Я никогда и не считал.

— Договор и его исполнитель, Книга, — единственное, к чему мы все относились с почтением... Всегда относились с почтением. Несмотря на все прочие различия, Джек. Теперь ты в итоге движешься к своему уничтожению.

— Ты здесь и так чуть меня не уничтожил. А таким образом я могу с тобой распрощаться.

— Я уничтожу то представление о тебе, которое ты создал, и потушу пламя, которое ты зажег. Потом я восстановлю против тебя полмира. У тебя больше не будет ни минуты покоя. Ты кончишь свою жизнь несчастным.

— Ты однажды убил меня. Ты отнял мою женщину и сбил ее с пути. Ты сделал меня своим пленником, носил меня на шее, напускал на меня Боршина. Знай, когда мы снова встретимся, не меня будут пытать и сводить с ума. У меня длинный список... и ты возглавляешь его.

— Мы встретимся снова, Джекки-тень, может, даже через несколько минут. Тогда ты сможешь позабыть о своем списке.

— О, ты сказал «список». Это напомнило мне кое о чем. Тебе неинтересно узнать, чье имя я вычеркнул, когда вносил в Книгу свое?

— Что же это было за имя?

— Как ни странно — твое. Право, тебе нужно почаще выбираться из дома. Если бы ты не сидел тут постоянно, то ощутил бы холод, обратил

бы внимание на Щит и прочел бы запись в Книге. Потом ты отправился бы нести службу у Щита, а я не стал бы твоим пленником, и всех неприятностей можно было бы избежать. Отсюда мораль: побольше упражнений на свежем воздухе. Так-то.

— Тогда ты стал бы пленником барона или опять вернулся бы в Глив.

— Спорный вопрос, — сказал Джек, бросив взгляд через плечо. — Теперь занавес занялся, как надо, и можно отправляться. Через... скажем, три сезона, может, меньше, как знать?.. когда бы ни закончилась твоя служба у Щита, ты, конечно же, отыщешь меня. Если сразу не получится, не теряйся. Добивайся своего. Когда я буду готов, мы встретимся. Я отберу у тебя Ивен. Я отберу у тебя Хай-Даджен. Я уничтожу твоих нетопырей. Я буду смотреть, как ты идешь от жизни к смерти и обратно — не один раз. Ну, а пока прощай.

Он повернулся и пристально осмотрел свою тень.

— Я не буду твоей, Джек, — услышал он голос Ивен. — Все, что я говорила, правда. Я скорее убью себя, чем стану твоей.

Он глубоко вдохнул ароматный воздух, потом сказал:

— Посмотрим.

И шагнул вперед, в тень.

Глава 6

С сумкой за плечами он шел на восток, а небо тем временем просветлело. Воздух был прохладным, меж серых трав вились струйки тумана. Туманом были полны долины и глубокие ущелья. Сквозь прозрачную пелену облаков пробивался свет звезд. Налетавшие с ближайшего озера ветерки влажно бились о каменистую землю.

Джек на минуту остановился и перебросил ношу на правое плечо. Он оглянулся и посмотрел на страну тьмы, которую покидал. Шел он быстро и ушел далеко. Но нужно было уйти еще дальше. С каждым шагом, который Джек делал к свету, силы его врагов, способных сокрушить его, ослабевали. Вскоре он станет для них недосягаем. Но враги и дальше будут искать его, они не забудут. Значит, удрав, он поступил правильно. Он будет тосковать по царству тьмы с его жестокостью и ведьмовством, восторгами и чудесами. Оно было его жизнью: в нем было и то, что он ненавидел, и то, что любил. Джек знал, что ему придется вернуться и принести с собой то, что удовлетворит оба эти чувства.

Повернувшись, он продолжил свой путь.

Тени перенесли его в тайник неподалеку от Сумеречных Земель, где он хранил накопленные за многие годы магические рукописи. Он бережно завернул их и понес с собой на восток. Как только он попадет в Сумеречные Земли, то окажется в безопасности, а когда минует их, то будет вне всякой опасности.

Карабкаясь, он пробирался по Реннссалским горам. Там, где горная

цепь ближе всего подходила к Сумеречным Землям, Джек увидел самую высокую гору — Паникус.

Поднявшись выше тумана, Джек увидал вдали неясный силуэт Утренней Звезды на фоне Эвердон — Вечного Рассвета. Там, на своем утесе, Утренняя Звезда лежала неподвижно, с поднятой головой, лицом к востоку. Непосвященному он показался бы скульптурой, созданной ветром на вершине Паникуса. В самом деле, больше чем наполовину он был камнем, его кошачий торс был со скалой одним целым. Сложенные крылья были прижаты к спине, и Джек знал, хотя подходил к нему сзади, что руки Утренней Звезды все еще скрещены на груди, левая поверх правой; что ветер не спутал его похожие на проволоку волосы и бороду и что лишенные век глаза все еще уставлены на восточный горизонт.

Тропинки не было. Последние несколько сот футов Джеку пришлось подниматься почти по отвесному каменному склону. Тени здесь были густыми, и Джек как всегда шагал вверх, будто шел по равнине. Не успел он достичь вершины, как вокруг завизжали ветры, но и они не заглушили голос Утренней Звезды, который шел словно из недр горы.

— Доброе утро, Джек.

Тот стоял слева от него и смотрел наверх, где черную, как покинутая им ночь, голову Утренней Звезды закрыло облачко.

— Утро? — сказал Джек.

— Почти. Всегда почти утро.

— Где?

— Везде.

— Я принес тебе выпить.

— Я пью дождевую воду из туч.

— Я принес вино, сделанное из винограда.

Огромная, испещренная шрамами от ударов молний фигура тут же повернулась к нему, рога склонились вперед. Джек отвел взгляд от немигающих глаз, цвет которых никак не мог запомнить. В глазах, никогда не видевших того, на что должны были бы смотреть, есть что-то жуткое.

Он опустил левую руку, и перед Джеком оказалась покрытая шрамами ладонь. Джек поставил на нее мех с вином. Утренняя Звезда поднял его, выпил и уронил к ногам Джека. Он утер рот тылом ладони, легонько срыгнул и снова уставился на восток.

— Что тебе нужно, Джек-из-Тени? — спросил он.

— От тебя? Ничего.

— Тогда почему же ты всякий раз, как идешь этой дорогой, приносишь мне вино?

— По-моему, ты его любишь.

— Да.

— Ты, наверное, мой единственный друг, — сказал Джек. — У тебя нет ничего, что мне хотелось бы украсть. У меня нет ничего, что тебе было бы действительно нужно.

— Может, тебе жаль меня? Я ведь привязан к этому месту?

— Что такое жалость? — спросил Джек.

— То, что удерживает меня здесь в ожидании зари.

— Ну так во мне ее нет, — сказал Джек, — потому что у меня есть нужда не сидеть на одном месте.

— Знаю. Полмира узнало, что ты нарушил Договор.

— А знают они, почему?

— Нет.

— А ты?

— Конечно.

— Откуда?

— По форме облаков я узнал, что далеко отсюда в одном городе три сезона спустя кто-то поссорится с женой и убийцу повесят раньше, чем я закончу говорить. Падает камень, и по его падению я узнаю, сколько девиц лишилось чести и как движутся айсберги на другом краю света... По тому, каков ветер, я определяю, куда в следующий раз ударит молния. Я так долго смотрел и настолько сам часть всего этого, что от меня ничего нельзя скрыть.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Да.

— А что я буду там делать?

— И это тоже.

— Тогда, если знаешь, скажи — сбудется ли мое желание?

— Твой план удастся, но к тому времени может получиться так, что ты уже захочешь совсем другого.

— Я не понимаю тебя, Утренняя Звезда.

— Я знаю и это. Но так со всеми оракулами, Джек. Когда происходит то, что было предсказано, тот, кто спрашивал, — уже не тот же самый человек, каким был, когда задавал вопрос. Невозможно заставить человека понять, каким он станет с течением времени, а тот, для кого пророчество действительно верно, всего лишь его будущее «я».

— Очень мило, — сказал Джек. — Но я-то — не смертный. Я — человек тьмы.

— Вы все смертны, неважно, какую часть мира зовете своей родиной.

— Я не меняюсь. У меня нет души.

— Меняешься, — сказал Утренняя Звезда. — Все, что живет, меняется или умирает. Ваш народ холоден, но ваш мир — теплый, имеющий и обаяние, и очарование, и чудеса. Вы не можете понять тех, кто обитает на освещенной стороне планеты, — но их наука так же холодна, как ваши сердца. Они бы приняли ваш мир, если бы так его не боялись, а вам пришлись бы по вкусу их чувства, если бы не та же причина. Тем не менее в каждом из вас заложены способности. Только страх мешает открыть дорогу пониманию — ведь вы зеркальное отражение друг друга. Поэтому не говори мне о душе, человек. Ты никогда ее не видал.

— Ты прав. Я не понимаю.

Джек уселся на камень и стал смотреть на восток вместе с Утренней Звездой.

Через некоторое время он сказал:

— Ты говоришь, что ждешь здесь рассвета, чтобы увидеть, как над горизонтом встает солнце.

— Да.

— Мне кажется, тебе придется ждать вечно.

— Возможно.

— Ты не знаешь? Я думал, ты знаешь все.

— Многое — но не все. Это не одно и то же.

— Тогда скажи мне вот что. Я слышал, что смертные считают сердце земли расплавленным демоном; говорят, когда спускаешься к нему, жар усиливается. Если земная кора лопнет, вырвутся языки пламени и расплавленные минералы образуют вулканы. А я знаю, что вулканы — дело рук духов огня, которые, если их побеспокоить, плавят вокруг себя почву и выбрасывают ее наверх. Живут они в тесных норах. Мимо них можно спуститься довольно далеко, и жара усиливаться не будет. Если зайти достаточно далеко, попадешь в самое сердце земли — оно вовсе не расплавленное. Там находится Машина с огромными пружинами, как в часах; с механизмами, рычагами, противовесами. Я знаю, что это правда, поскольку бывал в тех краях и был неподалеку от Машины. Но смертные все равно находят способ доказать, что верна их точка зрения. Один человек почти убедил меня, хотя я-то знал лучше. Как такое может быть?

— Вы оба были правы, — сказал Утренняя Звезда. — И говорили об одном, хотя ни один из вас не видит того, что есть на самом деле. Все вы расцвечиваете реальность в соответствии со своими средствами наблюдения за ней. А если пронаблюдать за ней невозможно, вы ее боитесь. Иногда вы непостижимо приукрашиваете ее. Для тебя это Машина. Для них — демон.

— Я знаю, что звезды — прибежище духов и богов... Иногда дружественных, иногда нет, а чаще — равнодушных. Все они рядом, их легко отыскать. Если правильно воззвать к ним, они откликнутся. А те, кто живет на дневной стороне планеты, твердят, что звезды очень далеко и ничего разумного там нет. Опять...

— Опять это не что иное, как два способа видеть реальность. И оба — верные.

— Если существуют два способа, может ли не быть третьего? Или четвертого? Или, получается, что их столько же, сколько людей?

— Да, — сказал Утренняя Звезда.

— Тогда какой же из них правильный?

— Все.

— Но можно ли, несмотря на это, видеть все так, как оно есть на самом деле?

Утренняя Звезда не ответил.

— А ты, — сказал Джек. — А т ы видел реальность?

— Я вижу облака и падающие камни. Я чувствую ветер.

— Но по ним ты каким-то образом узнаешь про остальное?

— Я... Однажды... Я жду восхода солнца. Вот и все.

— Ты знаешь, куда я иду и что собираюсь делать, — сказал Джек немного спустя. — Ты знаешь, что произойдет и каким я стану много позже. Ты способен видеть все это отсюда, со своей горы. Может быть, ты даже знаешь, когда я наконец умру в последний раз и как это случится. Из-за тебя моя жизнь начинает казаться бесполезной, а рассудок — чем-то, что просто существует и не в состоянии влиять на события.

— Нет, — сказал Утренняя Звезда.

— Я чувствую, ты сказал это просто, чтобы я не был несчастен.

— Нет. Я сказал это потому, что на твою жизнь падают тени, сквозь которые я не могу пробиться.

— Почему не можешь?

— Может быть, наши жизни каким-то образом переплетаются. От меня всегда скрыто то, что влияет на мое существование.

— В любом случае, это кое-что, — сказал Джек.

— ... Или это, может быть, потому, что, когда ты получишь то, что ищешь, ты станешь непредсказуемым.

Джек рассмеялся.

— Это будет приятно, — сказал он.

— Возможно, не так приятно, как ты думаешь.

Джек пожал плечами.

— Как бы там ни было, выбора у меня нет — я могу только ждать. А там посмотрим.

Далеко внизу, слева от него, слишком далеко для того, чтобы услышать мерный рев, водяной вал промчался сотни футов и исчез за остроконечной скалой. Еще ниже, на равнине, через сумрачный лес текла широкая река. Еще дальше на берегу Джек увидал дымы деревни. На мгновение, непонятно почему, ему захотелось пройтись по ней, заглядывая во дворы и окна.

— Почему же, — спросил он, — Упавшая Звезда, который дал нам знание Искусства, не дал его и смертным тоже?

— Может быть, — сказал Утренняя Звезда, — те смертные, что наиболее склонны к теологии, спрашивают, отчего он не дал людям тьмы знание науки. Какая разница? Я слышал, что ни то ни другое не было даром Упавшей Звезды, что это — изобретение человека и что его дар, скорее, заключался в разуме, сознании, которое само создает свои собственные системы.

Потом, пыхтя, сопя и сильно пульсируя темно-зелеными суставами, на их каменный уступ спустился дракон. Они не услышали его приближения из-за ветра. Он лежал, часто выдыхая короткие языки пламени. Через некоторое время глаза, похожие на красные яблоки, повернулись вверх.

— Здравствуй, Утренняя Звезда, — сказал он шелковым голосом. — Надеюсь, тебе не помешает, если я тут минутку отдохну. Ш-ш-ш! — он выдохнул длинный язык пламени, осветив весь уступ.

— Отдыхай, ладно, — сказал Утренняя Звезда.

Дракон заметил Джека, сосредоточил на нем взгляд и не отводил глаз.

— Я стал слишком стар, чтоб перелетать через эти горы, — сказал он. — Но ближайшее стадо овец пасется возле деревни на той стороне.

Джек поставил ногу в тень, которую отбрасывал Утренняя Звезда, и спросил:

— Так почему ты не переберешься на ту сторону?

— Мне причиняет беспокойство свет, — ответил дракон. — Мне нужно отлеживаться в темноте.

И спросил Утреннюю Звезду:

— Это твой?

— Что мой?

— Человек.

— Нет. Он сам по себе.

— Тогда я могу сэкономить силы на путешествии и заодно очистить твой уступ. Он больше овцы, хотя, несомненно, не такой вкусный.

Когда дракон выдохнул в его сторону огненный фонтан, Джек полностью переместился в тень. Он вдохнул, и пламя исчезло. Джек выпустил его назад в дракона.

Тот удивленно фыркнул, прижимая крылья к увлажнившимся глазам. Тогда тень подползла к нему и упала ему на морду. Это пресекло вторую попытку испепелить Джека.

— Ты! — сказал дракон, глядя на укутанную в тени фигуру. — Я думал, ты — житель Сумеречных Земель, пришедший надоедать бедняге Утренней Звезде. Но теперь я узнал тебя. Ты — тот неизвестный, который ограбил мою тайную сокровищницу. Что ты сделал с моей диадемой из бледного золота с бирюзой и моими четырнадцатью серебряными браслетами великолепной работы, с мешком лучших драгоценных камней числом двадцать семь?

— Теперь это — часть м о и х сокровищ, — сказал Джек, — а сейчас тебе лучше отправиться в дорогу. Хоть ты и больше куска баранины и, несомненно, не такой вкусный, я могу тобой разговеться.

Он опять выдохнул пламя, и дракон подался назад.

— Прекрати, — сказал дракон. — Дай мне отдохнуть здесь еще немного, и я отправлюсь.

— Сейчас же! — сказал Джек.

— Ты жесток, человек-тень. — Дракон вздохнул. — Ну ладно.

Он поднялся, балансируя длинным хвостом и пыхтя, вразвалку направился к краю. Оглянувшись, он сказал:

— Ты полон ненависти! — и, перевалившись через край, исчез из виду.

Джек подошел к краю и смотрел, как тот падает. Когда казалось, что сейчас он разобьется насмерть о склон горы, дракон расправил крылья и, подхваченный воздушным потоком, набрал высоту и скользнул по направлению к деревеньке на берегу реки в лесу.

— Удивительно, зачем нужен разум, — сказал Джек, — если он не меняет природы зверя.

— Этот дракон когда-то был человеком, — сказал Утренняя Звезда. — Его алчность сделала его таким, каков он сейчас.

— Это мне знакомо, — сказал Джек, — поскольку, коротко говоря, однажды мне пришлось быть крысой.

— Тем не менее ты одолел свою страсть и вернулся к людям, как, возможно, в один прекрасный день вернется и он. С помощью своего разума ты преодолел кое-что из того, что заставляет тебя быть предсказуемым. Разум обычно меняет своего обладателя. Почему ты не убил дракона?

— Ни к чему было, — начал Джек. Потом он рассмеялся: — Его труп провонял бы тебе все скалы.

— Может, ты решил, что нет необходимости убивать того, кого не собираешься съесть, или того, кто на самом деле тебе не угрожает?

— Нет, — сказал Джек, — поскольку теперь я несу ответственность за смерть овцы и за то, что в будущем кто-то из жителей деревни останется без пищи.

Чтобы распознать возникший звук, Джеку понадобилось несколько секунд. Раздался звенящий, клацающий шум. Утренняя Звезда сжал зубы. Налетел холодный ветер. Свет на востоке потускнел.

— ... Может быть, ты был прав, — услышал он тихий голос Утренней Звезды, словно тот обращался не к нему, — насчет разума...

И он слегка наклонил большую темную голову.

Джек, чувствуя неловкость, не смотрел на него. Он следил взглядом за немигающей белой звездой, которая всегда его тревожила. Она пересекала небо на востоке справа налево.

— Тот, кто управляет этой звездой, — сказал он, — противится любому общению. Она движется не так, как другие, быстрее. Она не мерцает. Почему?

— Это — не настоящая звезда, это искусственный объект, помещенный на орбиту Сумерек учеными с дневной стороны.

— Для чего?

— Чтобы наблюдать за границами.

— Зачем?

— Ты ее боишься?

— У нас нет никаких таких штук на их стороне.

— Я знаю.

— Но разве ты сам не наблюдаешь за границей — по-своему? — спросил Джек.

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы знать обо всем, что пересекает ее.

— И только? — фыркнул Джек. — Если эта штука и вправду летает над областью Сумерек, то она будет подчиняться волшебству так же, как

своим законам. Достаточно сильное заклятие ее достанет! Когда-нибудь я сшибу ее оттуда.

— Зачем? — спросил Утренняя Звезда.

— Чтобы показать, что мое волшебство сильнее их науки... Станет сильнее в один прекрасный день.

— Поиски превосходства не пойдут на пользу ни одной из сторон.

— Пойдут — если оказаться на стороне, у которой будет первенство.

— И все-таки, чтобы рискнуть, ты воспользуешься их методами.

— Я буду пользоваться всем, что понадобится для достижения моей цели.

— Интересно, каков будет результат.

Джек отошел к восточному склону вершины, перепрыгнул через край, отыскал ногой выступ и посмотрел наверх.

— Ладно. Ждать с тобой восхода солнца я не могу. Мне надо идти... и стащить вниз эту штуковину. Пока, Утренняя Звезда.

— Доброе утро, Джек.

С мешком на плече, словно разносчик, Джек пошел навстречу свету. Он прошел через разрушенный город Дедфут и даже не поглядел на опутанные паутиной изваяния бесполезных богов — его самую главную достопримечательность. С их алтарей красть было нечего. Плотно обернув голову шарфом, он торопливо прошел по знаменитой Улице Поющих Статуй, каждая из которых, будучи по натуре индивидуалисткой, заслышав шаги, начинала свою собственную песню. Перестав наконец бежать (а было это много позже), Джек вышел из города запыхавшись, отчасти оглохнув и с больной головой.

Опустив кулак, он растерял слова и замер на середине проклятия. Он не мог придумать, какую кару призвать на эти заброшенные руины, чтобы она была для них внове.

«Когда я стану править, все будет иначе, — решил он. — Города не будут строиться так хаотично, чтобы потом превращаться в такое».

Править?

Мысль была непрошеной.

— А почему бы и нет? — спросил он себя. — Если я обрету силу, которую ищу, почему бы не использовать ее для достижения всего, чего я ни пожелаю? Потом, когда я отомщу, мне придется иметь дело со всеми, кто сейчас против меня. Почему бы не выступить в роли завоевателя? Я — единственный, чьи силы не сосредоточены в определенном месте. Если только я заполучу Утерянный Ключ — Кольвинию, — то сумею выгнать всех прочих с их земель. Наверное, я все время думал об этом. Я награжу Розали за то, что она подсказала мне путь... А к своему списку я кое-кого добавлю. Отомстив Повелителю Нетопырей, Бенони, Смейджу, Квазеру и Блайту, я доберусь до барона, а также прослежу за тем, чтобы у Неумирающего Полковника появились причины сменить имя.

Джека забавляло, что, помимо прочего, в его мешке лежали те самые рукописи, что вызвали гнев Повелителя Нетопырей. Какое-то время он

действительно прикидывал, не предложить ли их в обмен на свою свободу. Единственная причина, по которой он этого не сделал, заключалась в осознании того, что либо Повелитель Нетопырей примет их, но его не выпустит, либо — что было бы еще хуже — станет торговаться. Необходимость вернуть украденное стала бы для него самой большой потерей. А избежать этого можно было, только сделав то, чем он теперь и занимался: получив силу, которая даст ему удовлетворение. Конечно, без рукописей это было бы куда труднее, и...

У него закружилась голова. Он решил, что был прав, поговорив с Утренней Звездой. Головная боль была результатом того, что в его сознании возник диссонанс, подобный шуму от двух сотен статуй Дедфута.

Вдали, справа от него, опять появился спутник жителей дневной стороны планеты. По мере того как Джек шел вперед, становилось светлее. В далеких полях курились дымки. Он заметил впереди первые ростки зелени. Облака на востоке засветились ярче. Впервые за много лет его слуха достигла песня птицы, а когда он отыскал на ветках певца, то увидал яркое оперение.

Добрый знак, решил он, когда тебя встречают песней.

Он затоптал костер, забросил его вместе с косточками и перьями и двинулся навстречу дню.

Глава 7

Примерно в середине семестра Джек ощутил медленное приближение. Каким образом, он не был уверен. Здесь, казалось, его восприятие было ограничено так же, как у его товарищей. Тем не менее нечто искало Джека — ощупью, прячась, петляя, возвращаясь и снова выправляя свой путь. Джек это знал. Что касается природы ищущего, у Джека не было на этот счет ни малейшего представления. Хотя в моменты, подобные этому, он с недавних пор ощущал, что это существо все ближе.

Джек прошел восемь кварталов от университетского городка к Дагауту, минуя высокие здания с окнами, похожими на дырочки в перфокарте, по улицам, где, несмотря на прошедшие годы, выхлопные газы все еще были невыносимыми для его носа. Он, петляя, брел по улицам. На тротуарах валялись банки из-под пива, а из промежутков между домами вываливался мусор. Из окон, с лестниц, из дверей люди с равнодушными лицами наблюдали, как он проходит. Высоко над головой небо разрезал пассажирский лайнер, а потом вечно неподвижное солнце попыталось пригвоздить его к раскаленной мостовой, не давая тени. Возившиеся у открытого пожарного крана дети бросили игру и смотрели, как он идет мимо. Потом появилось что-то вроде намека на ветер, журчание воды, под одним из карнизов раздался хриплый птичий крик. Он швырнул сигарету в сточную канаву и стал смотреть, как она уплывает. Везде сплошной свет, никакой тени, подумал он. Странно, никто ничего не заметил. Где же я это оставил?..

Там, где свет был тусклее, кое-что переменилось. То ли нечто пришло

в этот мир, то ли исчезло из него. Поэтому возникло неосознанное чувство разобщенности — его не было, когда день сиял во всей красе. С ним возникли и другие чувства и образы. Словно тени, несмотря на его невосприимчивость к ним, все еще пытались воззвать к нему. Потому-то, заходя в малоосвещенный бар, Джек понял, что нечто, искавшее его, приближается.

Когда он очутился на окраине Дагаута, дневная жара спала. Там, в падавшем сквозь стекло розовом свете свечи, он заметил ее темные волосы, тронутые кое-где оранжевыми отсветами. Пробираясь между столиками, он почувствовал, как спадает напряжение — в первый раз с тех пор, как он оставил свою аудиторию.

Он проскользнул в кабинет напротив нее и улыбнулся.

— Привет, Клэр.

Она уставилась на него, широко раскрыв темные глаза.

— Джон! Ты в своем репертуаре, — сказала она. — Просто раз — и вот он ты.

Джек продолжал улыбаться, разглядывая ее тяжеловатые черты, след от очков, легкую припухлость под глазами, несколько упавших на лоб соломенных прядей.

— Как коммивояжер, — сказал он. — А вот и официант.

— Пиво.

— Пиво.

Оба со вздохом откинулись на спинки стульев и стали смотреть друг на друга.

Потом она засмеялась.

— Ну и год! — заявила она. — До чего же я рада, что семестр кончился!

Он кивнул.

— Все еще самый большой выпускной класс...

— ... И несданные книжки, которых мы уже не увидим.

— Поговори с кем-нибудь из канцелярии, — сказал он. — Подай им список...

— Выпускники игнорируют штрафы.

— Когда-нибудь им понадобятся копии диплома. Если они начнут просить их, поставь их перед фактом, что они ничего не получат, пока не расплатятся.

Она наклонилась вперед.

— Хорошая мысль!

— Конечно. Если речь пойдет об устройстве на работу, они родят тебе эти книги.

— Когда ты устраивался на кафедру антропологии, ты ошибся в выборе. Тебе надо было стать администратором.

— Я работал там, где хотел.

— А почему ты говоришь в прошедшем времени? — спросила она.

— Не знаю.

— Случилось что-нибудь?

— Честное слово, ничего.

Но ощущение оставалось. Уже близко...

— Твой контракт, — сказала она. — Были какие-нибудь неприятности?

— Нет, — сказал он. — Никаких.

Принесли пиво. Он взял свою кружку и начал пить. Скрестив под столом ноги, он коснулся ноги Клэр. Она не отодвинулась — но, в конце концов, она всегда вела себя так. Со мной ли, с кем-то другим, подумал Джек. Хорошая девочка, но слишком хочет замуж. За семестр она потеряла со мной всякое терпение. Теперь в любой день...

Он отбросил эту мысль. Встреть он ее раньше, он мог бы жениться на ней, потому что, возвращаясь туда, где он должен был быть, и оставляя жену здесь, был бы абсолютно спокоен. Но он встретил ее только в этом семестре, а его дело близилось к завершению.

— Как насчет часов по субботам, о которых ты говорил? — спросила она. — Уже что-нибудь решил?

— Не знаю. Это зависит кое от каких исследований, которыми я как раз сейчас занят.

— И насколько ты продвинулся?

— Узнаю, когда получу машинное время. Я поэтому и пришел.

— Скоро?

Он посмотрел на часы и кивнул.

— Т а к скоро? — спросила она. — Если результат будет благоприятным?..

Он закурил.

— Тогда это может случиться в следующем семестре, — сказал он.

— Но ты говорил, что твой контракт...

— ... в полном порядке, — сказал он. — Но я его не подписал. Еще не подписал.

— Ты как-то сказал, что тебе кажется, будто Квилиэн тебя не любит.

— Не любит. Он старомоден. Ему кажется, что я провожу слишком много времени у компьютера. И слишком мало в библиотеках.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

— Как бы там ни было, я слишком популярный лектор, чтобы не предложить мне возобновить контракт.

— Тогда почему ты не подписал его? Хочешь прибавки?

— Нет, — сказал он. — Но если я попрошу часы по субботам, забавно будет сказать ему, чтобы он выкинул этот контракт. Не то чтобы я отказался подписать контракт и ушел, если это нужно будет для моих исследований, но я с удовольствием скажу доку Квилиэну, куда ему запихать его предложение.

Она потягивала свое пиво.

— Значит, у тебя на подходе что-то важное?

Он пожал плечами.

— Как твой семинар?

Она рассмеялась.

— Ты — как кость в горле у профессора Уизертона. Он почти всю лекцию посвятил тому, чтобы расправиться с твоим курсом «Философия и обычаи царства тьмы».

— Мы расходимся во мнении по многим вопросам, но он там никогда не бывал.

— Он намекал, что ты тоже. Он согласен с тем, что там феодальное общество и что некоторые из тамошних лордов действительно могут считать, будто в своих владениях имеют непосредственную власть над всем. Он отрицает саму идею их объединения Договором, который основан на положении, что небеса упадут, если их не поддерживать чем-то вроде Щита, сотрудничая в области магии.

— Но что же тогда поддерживает жизнь в той части мира?

— Кто-то задал такой вопрос. Он сказал, что это проблема для физиков, а не для социологов-теоретиков. Хотя лично он считает, что к этому имеет отношение утечка энергии из наших силовых экранов на больших высотах.

Джек фыркнул.

— Надо бы взять его разок в экспедицию. И его дружка Квилиэна тоже.

— Я знаю, что ты бывал в царстве тьмы, — сказала она. — Правду сказать, я думаю, что твоя связь с ним куда сильнее, чем ты говоришь.

— Как это?

— Если бы ты сейчас мог себя увидеть, ты бы понял. Я долго не могла сообразить, в чем дело, но когда заметила, отчего у тебя в таких местах, как этот, странный вид, все стало ясно... Твои глаза. Они более чувствительны к свету, чем у всех, кого мне приходилось видеть раньше. Стоит тебе попасть из света в полумрак, как здесь, и зрачки делаются огромными. Вокруг них остается только тоненькая полоска радужки. И еще я заметила, что темные очки, которые ты почти не снимаешь, куда темнее обычных.

— У меня глаза не в порядке. Вижу я неважно, а яркий свет их раздражает.

— Вот я и говорю.

В ответ он улыбнулся.

Джек смял сигарету, и, словно это было сигналом, из динамика высоко над ними раздалась тихая расслабляющая музыка. Он отхлебнул еще глоток.

— Я полагаю, Уизертон фотографировал выкапывание трупов?

— Да.

«А если я умру здесь? — подумал он. — Что будет со мной? Лишусь ли я Глива и возвращения?»

— Что-то не так? — спросила она.

— В смысле?

— У тебя раздуваются ноздри. А брови нахмурены.

— Ты слишком много на меня смотришь. Все из-за этой жуткой музыки.

— Мне нравится на тебя смотреть, — сказала она. — Давай допьем и

пойдем ко мне. Я сыграю тебе что-нибудь другое. И потом, у меня есть кое-что, что я бы хотела показать тебе. И спросить тебя об этом.

— Что?

— Давай подождем.

— Ладно.

Они допили пиво, и Джек расплатился. Они ушли. Когда они вышли на свет, его опасения уменьшились.

Они поднялись на третий этаж и вошли в ее квартиру. Едва переступив порог, Клэр остановилась и тихонько откашлялась.

Джек, быстро передвинувшись влево, протиснулся мимо нее и остановился.

— Что это? — спросил он, обшаривая комнату взглядом.

— Я уверена, что, когда я уходила, этого не было. Бумаги на полу... По-моему, этого стула здесь не было. И ящик был закрыт. И дверца шкафа...

Он вернулся в коридор, поискал царапины на дверном замке и не нашел. Тогда он пересек комнату. Когда она зашла в спальню, она услышала звук, который мог быть только щелканьем складного ножа.

Через минуту он вышел, исчез в соседней комнате, а оттуда пошел в ванную. Когда он снова появился, то спросил:

— Окно возле столика было открыто, как сейчас?

— Наверное, — сказала она. — Наверное, да.

Он вздохнул, потом осмотрел подоконник и сказал:

— Может быть, бумаги сбросило порывом ветра. Что касается ящика и шкафа, держу пари, ты утром сама оставила их открытыми. И, вероятно, забыла, что переставила стул.

— Я очень педантичный человек, — сказала она, закрывая входную дверь. А потом обернулась и добавила:

— Но я думаю, ты прав.

— Почему ты нервничаешь?

Она ходила по комнате, собирая бумаги.

— Откуда у тебя нож? — спросила она.

— Какой нож?

Она захлопнула шкаф, повернулась и посмотрела на него.

— Который был у тебя в руке минуту назад!

Он вытянул руки ладонями кверху.

— У меня нет ножа. Если хочешь, обыщи меня. Оружия ты не найдешь.

Она подошла к комоду и задвинула ящик. Нагнувшись, Клэр открыла нижний ящик и вынула что-то, завернутое в газету.

— Это не все, — сказала она. — Почему я нервничаю? Вот почему! — Она положила сверток на стол и развязала веревочку.

Джек подошел к ней и смотрел, как она разворачивает газеты. Внутри оказались три очень старые книги.

— Я думал, ты уже вернула их обратно!

— Я собиралась...

— Мы же договорились!

— Я хотела узнать, где и как ты их заполучил.

Он покачал головой.

— А еще мы договорились, что, если мне надо будет их вернуть, ты не станешь задавать подобные вопросы.

Она уложила книги рядком. Потом указала на корешок одной из них и на обложку другой.

— Раньше тут этого не было, я уверена, — сказала она. — Это же пятна крови, правда?

— Не знаю.

— Я пыталась сырой тряпкой стереть пятна поменьше, и то, что сошло, было очень похоже на засохшую кровь.

Он пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги были украдены из Хранилища Редких Книг, ты предложил вернуть их, и я сказала: «О'кей».

Она продолжала:

— Я согласилась, что, если ты хочешь их вернуть, я прослежу, чтобы возврат был анонимным. Никаких вопросов. Но я и подумать не могла, чтобы это означало кровопролитие. Одни только пятна не заставили бы меня думать, что произошло именно это. Но тогда я начала задумываться о тебе, и поняла, как мало я на самом деле знаю. Тогда-то я и начала замечать вещи вроде твоих глаз, того, как тихо ты двигаешься. Я слыхала, что ты в дружбе с преступниками... но тогда ты написал несколько статей по криминологии и преподавал курс этого предмета. То есть тогда, когда я задумывалась об этом, это казалось нормальным. Теперь я вижу, как ты с ножом в руке расхаживаешь по комнатам, явно готовый убить того, кто сюда залез. Ни одна книга не стоит человеческой жизни. Наш договор потерял силу. Расскажи, как они к тебе попали.

— Нет, — сказал он.

— Я должна знать.

— Ты подстроила эту сцену к нашему приходу, просто чтобы посмотреть, что я стану делать, ведь так?

Она покраснела.

«Думаю, теперь она попытается шантажировать меня, чтобы я женился на ней, — подумал он, — если считает, что сумеет раздуть это дело в достаточно крупное».

— Хорошо, — сказал он, сунув руки в карманы и отворачиваясь к окну. — Я нашел того, кто это сделал, и потолковал с ним. Произошло недоразумение — мы не поняли друг друга. Я разбил ему нос. К несчастью, кровь залила книги. Мне не удалось отмыть ее всю.

Он услышал, как она сказала: «О», потом повернулся и посмотрел ей в лицо.

— Вот и все, — сказал он.

Потом он шагнул вперед и поцеловал ее. Через минуту она расслабилась в его объятиях. Он гладил ей спину и плечи, потом положил руки на ягодицы.

«Весь набор развлечений», — решил он, поглаживая ее бока и медленно поднимаясь к пуговицам на блузке.

— Извини, — она вздохнула.

— Ничего, все нормально, — сказал он, расстегивая пуговицы. — Все в порядке.

Позже, уставившись через сетку ее волос в подушку и анализируя свою реакцию на более ранние события, он еще раз ощутил, что нечто приближается. На сей раз оно было так близко, что Джеку казалось, будто за ним наблюдают. Он быстро оглядел комнату, но ничего не заметил.

Слушая шум уличного движения внизу, он решил вскоре заняться делами... вот только сигарету выкурит.

Наверху раздался акустический удар, словно рукой, распахнувший окно.

Медленно наползающие облака отчасти приглушили солнце. Джек знал, что приехал раньше времени. Он поставил машину в факультетском дворе и достал из багажника тяжелый дипломат. В машине лежали три тяжелые дорожные сумки.

Он направился в дальний конец двора. Джек чувствовал необходимость быть в движении, быть готовым бежать, если будет нужно. Тут он подумал про Утреннюю Звезду, наблюдающего за птицами, скалами и облаками, чувствующего молнии, дождь и ветер, и удивился: правда ли тот знает о каждом его шаге. Джек чувствовал, что так оно и есть, и ему очень захотелось, чтобы его друг оказался рядом и мог дать совет. Узнал ли он — а может быть, давно уже знает, — каков будет результат того, что Джек собрался предпринять?

Трава и листья приобрели то слабое белое свечение, которое иногда предвещает грозу. Все еще было очень тепло, но теперь легкий ветерок с севера уменьшал жару. Университетский городок был почти пустынным. Джек миновал группу студентов, которые сидели у фонтана и сравнивали только что полученные на экзамене оценки. Ему показалось, что двоих он узнал — они посещали курс «Введение в культуру антропологии», который он читал несколько семестров назад. Но они не обратили на него внимания.

Проходя мимо Дрейк-Холла, он услышал, что его окликают:

— Джон! Доктор Шейд!

Остановившись, он увидел приземистую грузную фигуру молодого инструктора по фамилии Пойндекстер, выходящего из дверей. Его тоже звали Джоном, но, так как он был у них новичком, они решили обращаться к нему по фамилии, чтобы не вносить путаницу в разговоры.

Когда тот подошел, кивая в знак приветствия, Джек заставил себя улыбнуться.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы в отпуске, восстанавливаете силы.

— Мне еще надо проверить несколько лабораторных работ, черт их возьми, — сказал тот, тяжело дыша. — Я подумал, надо выпить чего-нибудь горячего, и только закрыл дверь в свой кабинет, как понял, что я натворил. Ключи — на моем столе, а замок защелкивается, когда захлопываешь дверь. В здании больше никого нет, канцелярия тоже закрыта. Вот я и стоял тут, ждал, не пройдет ли вахтер. Я думал, может, у него есть ключ. Вы его не видели?

Джек покачал головой.

— Нет. Я приехал только что. Но я знаю, что у вахтеров нет доступа к ключам... Ваш кабинет в дальнем крыле, да?

— Да.

— Как насчет того, чтобы забраться через окно? Я, правда, не помню, высоко ли там.

— Слишком высоко. Лестницы нет... А потом, все равно оба окна закрыты.

— Идемте внутрь.

Пойндекстер вытер красноватый лоб и кивнул.

Они вошли в здание и прошли в дальнее крыло. Джек вытащил из кармана связку ключей и вставил один из них в замок той двери, на которую указал Пойндекстер. Ключ повернулся, послышался щелчок. Джек толкнул дверь, и она открылась.

— Повезло, — сказал он.

— Откуда у вас ключ?

— Это от моего кабинета. Я же говорю — вам повезло.

Лицо Пойндекстера осветилось улыбкой.

— Спасибо, — сказал он. — Большущее спасибо. Вы спешите?

— Нет, я приехал раньше, чем нужно.

— Тогда давайте я принесу вам что-нибудь из автомата. Мне все еще хочется освежиться.

— Согласен.

Он вошел в кабинет, поставил дипломат за дверь. Шаги Пойндекстера постепенно затихли вдали.

Джек смотрел из окна, как собирается гроза. Где-то зазвонил звонок.

Через некоторое время Пойндекстер вернулся, и Джек взял дымящуюся чашку, которую он принес.

— Как ваша мама?

— Поправляется. Скоро ее отпустят.

— Передавайте ей привет.

— Конечно. Спасибо. Очень мило, что вы ее навестили.

Они потягивали питье. Потом Пойндекстер сказал:

— Слава богу, что я вас встретил. Возможно, во всем здании одинаковые замки только в наших кабинетах. Черт, я бы согласился, даже если бы мне могло отпереть это привидение.

— Привидение?

— Да вы знаете. Самая последняя шутка.

— Боюсь, я про это ничего не слыхал.

— Как утверждают, это — нечто белое. Его заметили недавно, когда оно перепархивало с дерева на дерево и с крыши на крышу.

— А когда это началось?

— Естественно, совсем недавно. В прошлом семестре это были камни-мутанты в геологическом корпусе. До этого, по-моему, были усиливающие половое влечение средства в водопроводе. Как всегда, закрытие семестра — это конец света. По-моему, сплошь слухи и дурные предзнаменования. А в чем дело?

— Ни в чем..Хотите сигарету?

— Спасибо.

Джек услышал гром, словно громыхала жесть, а вечный лабораторный запах вызвал неприятные воспоминания. Потому-то я всегда терпеть не мог этот корпус, понял он. Из-за запахов.

— В следующем семестре вы с нами? — спросил Пойндекстер.

— Думаю, нет.

— А, ваш уход одобрили. Поздравляю!

— Не совсем так.

За толстыми стеклами очков промелькнуло беспокойство.

— Но вы же не насовсем уходите, нет?

— Это зависит... от нескольких обстоятельств.

— Если вы позволите мне побыть самоуверенным, я надеюсь, вы решите остаться.

— Спасибо.

— Но если вы уйдете, я думаю, мы останемся в контакте?

— Конечно.

Оружие, решил он. Нужно что-то получше, чем то, что я достал. Но его я просить не могу. Хотя неплохо, что я зашел.

Он затянулся и посмотрел в окно. Небо делалось все темнее, мостовая стала влажной. Он допил и выбросил стаканчик в корзину для мусора. Сминая сигарету, Джек поднялся.

— Побегу, а то мне надо отнести это в Уокер до дождя.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Ладно, всего хорошего. Может, какое-то время мы не увидимся, — сказал он.

— Спасибо... Ключи.

— Что?

— Ключи. Почему бы вам не взять их со стола и не положить в карман прямо сейчас?

Пойндекстер покраснел и последовал его совету. Потом он хихикнул:

— Да. Еще раз мне не захочется такое сделать, верно?

— Надеюсь, что нет.

Джек забрал дипломат. Пойндекстер зажигал над столом светильник. В небе что-то вспыхнуло, и раздалось низкое ворчание.

— Пока.

— До свидания.

Джек вышел и заторопился к Уокер Билдинг, задержавшись только, чтобы заскочить в лабораторию и стащить бутылку серной кислоты, закупорив ее получше.

Глава 8

Он оторвал первые листы распечатки и разложил на столике, который занял. Машина продолжала позвякивать, заглушая дождь.

Джек вернулся к ней, оторвал следующий лист. Он поместил его рядом с остальными и смотрел на них.

Со стороны окна раздался звук, похожий на царапанье. Джек вскинул голову и раздул ноздри.

Ничего. Там ничего не было.

Он закурил и уронил спичку на пол. Он походил по комнате. Он проверил, который час. В подсвечнике, мигая, горела свеча, воск стекал вниз. Он подошел к окну, послушал ветер.

У двери раздался шелчок, он повернулся туда лицом. В комнату вошел крупный мужчина и посмотрел на Джека. Он снял темную шапочку от дождя, положил на стул возле двери и пригладил редкие седые волосы.

— Доктор Шейд, — сказал он, кивая и расстегивая плащ.

— Доктор Квилиэн.

Мужчина повесил плащ за дверь, вынул носовой платок и начал протирать очки.

— Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у вас?

— Отлично.

Доктор Квилиэн закрыл дверь, а Джек вернулся к машине и оторвал еще несколько страниц.

— Что вы делаете?

— Считаю кое-что для той работы, о которой говорил вам... по-моему, недели две назад.

— Понятно. Я только что узнал, что вы тут договорились. — Он жестом указал на машину. — Стоит кому-нибудь отказаться — и вы тут как тут, чтобы забрать его машинное время.

— Да. Я тут со всеми в контакте.

— В последнее время стало отказываться жуткое количество народа.

— По-моему, это грипп.

— Понятно.

Он затянулся. Когда машина перестала печатать, он уронил сигарету и наступил на нее. Повернувшись, он забрал последние распечатки и отнес их на стол к остальным.

Доктор Квилиэн наблюдал за ним.

— Можно посмотреть, что тут у вас такое? — спросил он.

— Конечно, — ответил Джек, передавая ему бумаги.

— Не понимаю, — сказал Квилиэн через минуту.

— Я был бы очень удивлен, если бы это было не так. Это имеет очень отдаленное отношение к реальности и для статьи мне придется это перевести.

— Джон, — сказал его собеседник, — у меня к вам стали появляться странные чувства.

Тот кивнул и, прежде чем свернуть листы, закурил еще одну сигарету.

— Если вам самому нужен компьютер, то я закончил, — сказал он.

— Я много думал о вас. Сколько вы у нас проработали?

— Лет пять.

Со стороны окна еще раз донесся какой-то звук. Оба повернули головы.

— Что это было?

— Не знаю.

Через некоторое время Квилиэн сказал, надевая очки:

— Вы тут делаете чертовски много того, что вам хочется, Джон...

— Верно. Признаю.

— Вы пришли к нам вроде бы с хорошими рекомендациями. И оказались отличным специалистом в вопросах культуры царства тьмы.

— Благодарю.

— Я это задумывал не как комплимент.

— Да, правда? — по мере того как он изучал последнюю страницу, Джек начал улыбаться. — А как же?

— У меня странное ощущение, что вы не тот, за кого себя выдаете, Джон.

— В каком смысле?

— Когда вас брали на эту должность, вы заявили, что родились в Нью-Лейдене. В этом городе ваше появление на свет не зарегистрировано.

— Да? Как же вы это обнаружили?

— Этим недавно занимался доктор Уизертон.

— Ясно. Это все?

— Помимо того, что про вас известно, будто вы водите компанию с преступниками, существуют сомнения относительно вашей степени.

— Снова Уизертон?

— Источник не имеет значения. Заключение таково: ваша степень ничего не стоит. Мне кажется, вы не тот, за кого себя выдаете.

— А почему вы решили излить свои сомнения здесь и сейчас?

— Семестр закончился. Я знаю, что вы хотите уехать. Сегодня вы в последний раз брали машинное время... согласно количеству времени, которое вы запрашивали. Я хочу знать, что вы забираете с собой и куда.

— Карл, — сказал он, — что, если я признаюсь, что немного неверно представился? Вы уже отметили, что в своей области я специалист. Мы оба знаем, что я — популярный лектор. Что бы ни выкопал Уизертон... что с того?

— У вас какие-то неприятности, Джон? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Ничего, все в порядке.

Квилиэн пересек комнату и уселся на низкую скамью.

—Я впервые вижу одного из вас так близко, — сказал он.

— К чему вы клоните?

— К тому, что вы — не человек, а нечто иное.

— Например?

— Вы родились в царстве тьмы. Не так ли?

— Почему вы так полагаете?

— Предполагается, что при определенных обстоятельствах вам подобных следует сажать в тюрьму.

— Я вас понимаю так, что, если я скажу «да», возникнут и определенные обстоятельства?

— Может быть, — сказал Квилиэн.

— А может быть, и нет? Что вам нужно?

— Пока что все, чего я хочу, — узнать, кто вы.

— Вы меня знаете, — сказал он, складывая листы и беря дипломат.

Квилиэн покачал головой.

— Из всего, что меня в вас беспокоит, — сказал он, — я только что выделил нечто новое, серьезно меня тревожащее. Допустим на минуту, что вы — человек из царства тьмы, перебравшийся на дневную сторону. Есть определенные моменты, указывающие на это и заставляющие меня выяснять вопрос о вашем происхождении. Существует некто, кто, как я полагал, всего лишь персонаж мифов царства тьмы. Я раздумываю — способен ли легендарный вор осмелиться выйти на солнечный свет? А если да, то зачем? Может ли Джонатан Шейд быть смертным эквивалентом Джека-из-Тени?

— А если может, то что? — спросил он, пытаясь не смотреть в сторону окна, где теперь нечто заслоняло почти весь тусклый свет.

— Вы приготовились арестовать меня? — спросил он, медленно перемещаясь влево так, чтобы Квилиэну пришлось повернуть голову.

— Да.

Тогда он сам поглядел в окно, и, когда увидел, что прижималось к стеклу, вернулось прежнее отвращение.

— Поэтому я полагаю, вы вооружены?

— Да, — сказал тот, доставая из кармана и показывая маленький пистолет.

«Я могу швырнуть в него дипломат и рискнуть провести один раунд, — решил он. — В конце концов, пистолет не такой уж большой. И потом, если я выиграю время и подберусь поближе к свету, это может и не понадобиться».

— Странно, что вы пришли один, если задумали такое. Даже если вы имеете полномочия произвести в университете арест в интересах безопасности...

— Я не сказал, что я один.

— ... Хотя, когда я обдумал это, это не так уж странно.

Он шагнул к мигавшему свету.

— Я говорю, что вы один. Вам бы хотелось проделать все это самому. Может быть, вы просто хотите убрать меня без свидетелей. Или, может быть, вы желаете, чтобы мое задержание было полностью вашей заслугой. Я полагаю, однако, дело в последнем. Вы ведь, кажется, меня терпеть не можете. Не могу точно сказать, почему.

— Боюсь, вы переоцениваете свою способность не нравиться и мое стремление к насилию... Нет, власти поставлены в известность и направляются сюда, чтобы арестовать вас. Я намерен только обеспечить ваше присутствие здесь до их появления.

— Можно подумать, вы ждали чуть ли не до последнего момента.

Свободной рукой Квилиэн указал на дипломат.

— Я заподозрил, что, если расшифровать вашу последнюю работу, она не будет иметь ничего общего с социологией.

— Какой вы недоверчивый. Знаете, существуют законы против тех, кто арестовывает людей без доказательств.

— Да. Потому-то я и выжидал. Бьюсь об заклад, доказательства у вас в руках... и я уверен, что найдутся другие. Я заметил также, что, когда речь идет о вопросах безопасности, законы куда менее строги.

— Тут вы правы, — ответил Джек, поворачиваясь так, что свет упал ему на лицо.

— Я — Джек-из-Тени! — выкрикнул он. — Хозяин Шедоу-Гард! Я — Джекки-Тень, вор, крадущийся в тени и тишине! Мне отрубили голову в Иглесе, но я вновь восстал из сточных Ям Глива! Я выпил кровь вампира и съел камень! Я нарушил Договор. Я тот, кто подделал имя в Расчетной Книге. Я — узник драгоценного камня. Я однажды оставил в дураках хозяина Хай-Даджен и вернусь отомстить ему. Я — враг своих врагов. Ну, поймай меня, грязная тварь, если любишь Повелителя Нетопырей или ни в грош не ставишь меня, потому что я назвал свое имя — Джек-из-Тени!

При этом взрыве эмоций лицо Квилиэна приняло озадаченное выражение и, хотя он открыл рот, пытаясь заговорить, его слова утонули в криках Джека.

Потом окно разлетелось, свеча погасла, а в комнату прыгнул Боршин.

Обернувшись, Квилиэн увидел в дальнем конце комнаты израненную, мокрую от дождя тварь. Он издал невнятный вопль и остолбенел. Джек раскрыл дипломат, отыскал склянку с кислотой и откупорил ее. Он выплеснул содержимое твари на голову и, не задержавшись, чтоб увидеть результат, подхватил дипломат и проскочил мимо Квилиэна.

Джек был у двери раньше, чем тварь испустила первый крик боли. Он выскочил в холл, заперев за собой дверь и задержавшись ровно настолько, чтобы стащить с гвоздя плащ Квилиэна.

Когда он услышал первый выстрел, то был уже на середине лестницы. Потом последовали другие, но к этому времени он уже пересек двор, придерживая на плечах плащ и проклиная лужи, поэтому он их не слышал. Кроме того, гремел гром. Скоро, боялся он, добавятся еще и сирены.

Он бежал, и мысли его неслись ураганом.

Кое в чем погода помогала ему, а кое в чем мешала.

Движение на улицах сильно замедлилось, а когда он достиг открытой дороги, ее сухая длинная поверхность оказалась достаточно скользкой, чтобы помешать ему идти так быстро, как хотелось. Сумерки, вызванные грозой, заставили водителей при первой же возможности покинуть улицы, а тех, кто уже был дома, в безопасности, при свете множества свечей, заставили там задержаться. Переходов не было видно. Все это позволило ему с легкостью сменить свою машину на другую, не отъезжая слишком далеко.

Выбраться из города было нетрудно, другое дело — обогнать грозу. Казалось, они движутся в одном и том же направлении, по одной и той же дороге, давным-давно проложенной им по карте и заученной. Она была одновременно и короткой, и уединенной, и вела назад в царство тьмы. В любом другом случае он бы приветствовал ослабление того постоянного сияния, которое сперва пекло, а потом обжигало его не желавшую этого кожу. Теперь же это заставляло его медлить, а рисковать уже было нельзя. Гроза заливала машину дождем, ветер раскачивал ее, а вспышки молний показывали ему линию горизонта, которую он оставил позади.

Полицейские фонари, установленные на шоссе, заставили его значительно сбавить скорость в поисках места, где можно было бы свернуть с трассы. Он вздохнул и слабо ухмыльнулся, проплывая мимо трех столкнувшихся машин. Оттуда на носилках к открытой «скорой помощи» несли двоих, мужчину и женщину.

Он покрутил радио, но слышен был только треск разрядов. Джек закурил и приоткрыл окно. Изредка ему на щеку падала капля. Только сейчас осознав, в каком напряжении пребывал, Джек глубоко задышал, пробуя расслабиться.

Только гораздо позже гроза стала затихать, превратилась в непрерывный мелкий дождь, а небо немного прояснилось. В это время он уже ехал по открытой местности в пригороде, испытывая смешанные чувства: облегчение и предчувствие, что случится что-то скверное. Это последнее возникло с момента его отъезда. «Чего я добился?» — спросил он себя, думая о проведенных на дневной стороне годах.

Чтобы освоиться на местности, получить необходимые документы, вникнуть в преподавательскую рутину, потребовалось довольно много времени. Потом возникла проблема устройства на работу в университет, где находилось необходимое компьютерное оборудование. В свободное время ему пришлось научиться пользоваться им, а потом разобраться в схемах, чтобы управляться с машиной, не задавая вопросов. Потом ему пришлось пересмотреть все полученные первичные данные в соответствии с его подлинными проблемами, получить информацию и привести ее в необходимую форму. Все это в целом заняло годы. И он много раз ошибался.

Но на этот раз... на этот раз он был так близко, что мог понюхать

это, попробовать на вкус. На этот раз ему стало ясно, что ответы, которые он искал, рядом.

Теперь он удирал с дипломатом, полным бумаг, которые у него не было случая просмотреть. Возможно, он опять ошибся и возвращался без искомого оружия — возвращался в логово врага. Если дела обстояли таким образом, то он лишь отсрочил свой приговор. Но все равно, остаться он не мог — ведь он приобрел врагов и здесь. Он на миг задумался, не было ли какого-нибудь скрытого предостережения, какого-то доступного ему предчувствия, которым он пренебрег и которое больше сказало бы ему о нем самом, чем о его врагах. Если так, то оно от него ускользнуло.

Еще немного... Если бы у него было еще немного времени, он мог бы проверить данные, еще раз сформулировать и при необходимости составить программу заново. Сейчас времени уже не оставалось. Если бы это был затупившийся меч, который он нес, то нельзя было бы вернуться и наточить его. И потом, были и иные проблемы — личные, — которые он хотел бы решить оптимальным образом. Например, Клэр...

Потом дождь утих, хотя тучи по-прежнему были сплошными и выглядели угрожающе. Тогда он рискнул прибавить скорость и еще раз попробовал включить приемник. Все еще был слышен треск разрядов, но музыку стало лучше слышно, и он оставил радио включенным.

Он съезжал с крутого холма, когда начался выпуск новостей, и только Джек подумал, что услыхал свое имя, как звук настолько ослаб, что нельзя было быть ни в чем уверенным.

Сейчас он был на дороге один. Он начал периодически оглядываться через плечо и всматриваться во все ответвления дороги, мимо которых проезжал. У смертных все еще была прекрасная возможность поймать его раньше, чем он обретет силу, — и это приводило его в ярость.

Въезжая на более высокий холм, он увидел вдалеке слева завесу дождя и несколько слабых вспышек молнии, но так далеко, что гром был не слышен. Продолжая рассматривать небо, он заметил, что движения на дороге все еще не было, и поблагодарил за это Короля Бурь. Закурив еще одну сигарету, он отыскал станцию, которую было слышно лучше, и стал ждать выпуска новостей. Когда он начался, о Джеке не было сказано ни слова.

Джек подумал о том далеком дне, когда он стоял у водоема с дождевой водой и обсуждал со своим отражением, что должен сделать. Теперь он пытался представить себе то свое «я», теперь уже мертвое, — усталое, истощенное, замерзшее, голодное, с израненными ногами и дурно пахнущее. Теперь все это сгладилось, стерлось, не считая легкого чувства голода, которое возникло только что и вряд ли стоило того, чтобы равнять его с тем, прежним, больше всего напоминавшим голодную смерть. Но все же, было ли полностью мертво его прежнее «я»? Как изменилось его положение? Тогда он выбирался с Западного полюса Мира, борясь за свою жизнь, стараясь убежать от преследователей и добраться до Сумеречных Земель. Сейчас он бежал в Сумеречные Земли с сияющего Восточного полюса. Питаемая ненавистью и отчасти любовью, в его сердце горела жажда мести,

поддерживая и согревая его. Да и сейчас она не исчезла. Он узнал науки и искусства дневной стороны планеты, но это никоим образом не меняло того, кто тогда стоял у водоема. Он все еще стоял там — внутри Джека — и его мысли были прежними.

— Утренняя Звезда, — сказал он, открывая окошко и адресуясь к небу, — раз ты все слышишь, услышь и это: со времени нашей последней беседы я не изменился.

Он рассмеялся.

— Хорошо это или плохо? — спросил он. Эта мысль пришла ему в голову только что. Он закрыл окно и обдумал этот вопрос. Хотя Джек и не любил самоанализ, тем не менее он был любознателен.

Во время работы в университете он замечал, как меняются люди. Лучше всего это было заметно по студентам и происходило так быстро — за короткий промежуток времени между поступлением и выпуском. Но и его коллеги тоже менялись — в мелочах, например, в чувствах, оценках. Только он один не изменился. Он подумал: что же, это — нечто, присущее ему? Не в том ли одно из основных различий между людьми тьмы и смертными? Они меняются, а мы — нет. Важно ли это? Вероятно, важно, хотя я не могу понять, почему. Нам нет необходимости меняться, а им, похоже, есть. Отчего? Продолжительность жизни? Разное отношение к ней? Возможно, и то и другое. Но все-таки, чем важны эти перемены?

Послушав еще один выпуск новостей, он свернул на дорогу, казавшуюся заброшенной. На этот раз объявили, что он разыскивается, чтобы дать показания в связи с убийством.

Он развел небольшой костер и сжег все документы, какие у него были. Пока они горели, он открыл сумку и переложил в бумажник новые документы, которые заготовил несколько семестров назад. Джек пошевелил пепел и развеял его.

Перейдя через поле, он разорвал плащ Квилиэна в нескольких местах и затолкал в канаву, по которой текла грязная вода. Возвращаясь к машине, он решил побыстрее сменить ее.

Потом, торопливо двигаясь по шоссе, он обдумал ситуацию — так, как понимал ее в данный момент. Боршин убил Квилиэна и удрал — несомненно так же, как и пришел, через окно. Властям было известно, почему Квилиэн там оказался, а Пойндекстер подтвердит, что он был в университете, и скажет, где именно. Клэр и многие другие засвидетельствуют, что они с Квилиэном не жаловали друг друга. Вывод ясен. Хотя при необходимости Джек мог бы убить Квилиэна, он возмутился при мысли, что пострадает за то, чего не совершал. Ситуация напомнила ему происшествие в Иглесе, и он, почти не сознавая, что делает, потер шею. Несправедливость причиняла боль.

Он удивился: думал ли Боршин, неистовствуя от боли, что убивает Джека, или же просто хотел защититься, зная, что Джек сбежал. Как сильно он был ранен? Джек ничего не знал о способности этой твари к самовосстановлению. Может быть, она и сейчас искала его след, по которому

так долго шла? Послал ли его Повелитель Нетопырей или Боршина вело собственное чувство ненависти к Джеку? Вздрогнув, он прибавил скорость.

Стоит мне вернуться, это станет безразлично, сказал он себе.

Но он задумался.

На окраине следующего города, через который он проезжал, Джек взял другую машину. На ней он поспешил в Сумеречные Земли, туда, где распевала яркая птица.

Он долго сидел на вершине холма, скрестив ноги, и читал. Его одежда была пыльной, под мышками — пятна пота, под ногтями — грязь. Глаза закрывались сами собой. Он все время вздыхал и делал пометки в своих бумагах. На западе над горами слабо светили звезды.

Свою последнюю машину он бросил за много миль от этого холма, на западе, и пришел сюда пешком. Машина, прежде чем остановиться окончательно, сперва начала работать с перебоями. Тогда он понял, что миновал то место, где Силы – соперники поддерживали перемирие, и ступил в темноту, прихватив только дипломат. Джек всегда любил забраться повыше. За время своего путешествия он спал только один раз и, так как сон его был крепким, глубоким, без видений, то Джек, не переставая жалеть свое тело, поклялся не повторять этого, пока не окажется вне досягаемости людских законов. Теперь, достигнув своей цели, нужно было сделать еще только одно, а потом уже позволить себе отдохнуть.

Хмуря брови, он переворачивал страницы, отыскал то, что хотел, сделал пометку на полях и вернулся к тому месту, где были пометки в оригинале.

Похоже, все было верно. Вроде бы это подходило...

Над вершиной холма пронесся холодный ветер. Он принес запахи дикой природы, почти позабытые Джеком в городе. Не было больше городских шумов и запахов, рядов лиц в аудиториях, скучных собраний, монотонного шума машин; не было ни ярких до непристойности красок — все это казалось тающим сном, над которым неистовым светом сияло дневное светило. Эти бумаги были его единственным достоянием. Обратный перевод, сделанный им с распечатки, так и бросался в глаза, ускоряясь в мозгу, словно внезапно понятые стихи.

Да!

Взгляд Джека пошарил по небу и нашел белую немигающую звезду, которая пересекала небосклон.

Он поднялся, позабыв про усталость. Правая нога Джека оставила в грязи короткую цепочку следов. Он указал пальцем на спутник и произнес слова, которые записал в своих бумагах.

Какое-то время ничего не происходило.

Потом спутник остановился.

Джек продолжал указывать на него, но молча. Тот сделался ярче и начал расти.

Потом он вспыхнул подобно звезде — и исчез.

— Новое знамение, — сказал Джек и улыбнулся.

Глава 9

Когда проклятая тварь вернулась в Хай-Даджен, она заметалась по комнатам в поисках своего господина. Наконец отыскав его, когда он отмерял серу в бассейн, заполненный ртутью, в центре восьмиугольной комнаты, Боршин обратил на себя внимание хозяина. Ему протянули палец, и он перевесился через него. Потом (конечно, по-своему) он сообщил новости.

После этого его хозяин отвернулся, проделал любопытные действия со свечой, сыром и перышком и покинул комнату.

Он перебрался в высокую башню и долго смотрел оттуда на восток. Потом он быстро повернулся и посмотрел на единственный оставшийся неприступным подход к его крепости — на северо-восток.

Да, и там тоже! Но это невозможно.

Если только это, конечно, не иллюзия...

Он поднялся по лестнице, которая шла вдоль стены против движения солнца, открыл люк и выбрался наружу. Подняв голову, он разглядывал огромный черный шар, окруженный яркими звездами. Он втягивал носом ветер. Глянув вниз, он изучал свой массивный замок — Хай-Даджен, вознесенный его Силой вскоре после того, как он сам был создан на этой горной вершине. Когда он узнал, в чем разница между «быть созданным» и «родиться», когда он обнаружил, что его Сила была сосредоточена именно здесь, он вытянул ее через корни горы и обрушил вниз ураганом с небес так, что тот воссиял, подобно вспыхнувшей спичке, и сам занялся творением. Если его Сила жила здесь — значит, это место должно быть его домом и крепостью. Так оно и было. Те, кто причинял ему зло, умирали, получив свой урок, или же носились в Вечной Тьме на кожистых крыльях, пока не заслуживали его благоволения. С последними он обращался сравнительно неплохо, так, что, снова превратившись в людей, многие предпочли остаться у него на службе. Прочие Силы, в своих сферах, возможно, равные его Силе, мало тревожили его с тех пор, как были установлены приемлемые границы.

Но чтобы кто-то сейчас двинулся на Хай-Даджен... Невозможно подумать! На это мог решиться только дурак или безумец.

И все-таки сейчас там, где была равнина, встали горы... горы или их видимость. Он отвел взгляд от своего дома и поглядел на силуэты вдали. Его беспокоило, что он не может ощутить в себе тот подъем сил, который был бы нужен, чтобы создать хотя бы видимость гор в своих владениях.

Услышав шаги на лестнице, он обернулся. Из проема появилась Ивен, перешагнула порог и подошла к нему. На ней было свободное черное платье с короткой юбкой, перетянутое в талии поясом и схваченное на левом плече серебряной брошью. Когда он одной рукой обнял ее и притянул к себе, она задрожала, почувствовав поднимающиеся в нем токи Силы; она знала, что он предпочел бы не разговаривать.

Он указал на горы, которые рассматривал, а потом на другие, на востоке.

— Да, я знаю, — сказала она. — Посланец мне рассказал. Вот почему я поспешила сюда. Я принесла твою волшебную палочку.

Она приподняла черный шелковистый футляр, висевший у нее на поясе.

Он улыбнулся и тихонько качнул головой слева направо.

Левой рукой он поднял и снял цепь с драгоценным камнем, висевшую у него на шее. Высоко держа ее, он раскачивал перед ними яркий камень.

Она почувствовала водоворот Силы. Мгновение казалось, что она вот-вот начнет падать вперед, внутрь камня. Он рос, заполняя все ее поле зрения.

И вот она смотрит уже не на драгоценный камень, а на неожиданно возникшую гору на северо-западе. Она долго глядела на нее — высокую, величественную, серо-черную.

— Как настоящая, — сказала она. — Она кажется такой вещественной...

Молчание.

Потом, когда звезда за звездой небесные огни стали исчезать за вершинами и склонами, Ивен воскликнула:

— Она... она растет! — а потом:

— Нет... Она движется, движется к нам, — сказала она.

Гора исчезла, и Ивен, как и раньше, смотрела на камень. Потом он обернулся, повернув и ее, и они посмотрели на восток.

Снова кружение, падение, рост.

Теперь перед ними лежала одна из восточных гор — словно нос огромного странного корабля. Ее контуры были очерчены холодными огнями. Она тоже бороздила небо, продвигаясь вперед. Пока они смотрели, из-за горы поднялись высокие языки пламени и запылали перед ней.

— Тут что-то на... — начала Ивен.

Но рубин разлетелся вдребезги, а цепочка, внезапно ставшая красной от жара, выпала из руки ее господина. Дымясь, она лежала у ног Ивен. При этом Повелитель Нетопырей внезапно толкнул ее, и она отстранилась.

— Что случилось?

Он не ответил, только протянул руку.

— Что?

Он указал на волшебную палочку.

Она подала ее. Он, подняв палочку, молча созывал своих слуг.

Так он стоял долго, потом появился первый из них. Вскоре его слуги, нетопыри, роились вокруг него.

Кончиком волшебной палочки он тронул одного из них, и к его ногам упал человек.

— Господин! — воскликнул он, склонив голову. — Какова твоя воля?

Тот указал на Ивен. Человек поднял глаза и повернул к ней голову.

— Доложись лейтенанту Квазеру, — сказала она. — Он вооружит тебя и скажет, что делать.

Она посмотрела на своего повелителя. Он кивнул.

Потом он начал касаться палочкой прочих, и они становились теми, кем были прежде.

Над башней образовался зонт из летучих мышей, а колонна более крупных существ, казавшаяся бесконечной, двигалась мимо Ивен вниз по лестнице в центральную часть замка.

Когда все прошли, Ивен повернулась лицом на восток.

— Прошло столько времени, — сказала она. — Посмотри, как она приблизилась.

Она почувствовала на плече руку и, оберувшись, подняла лицо. Он поцеловал ее глаза и губы, а потом оттолкнул ее от себя.

— Что ты хочешь делать?

Он указал на люк.

— Нет, — сказала она. — Я не уйду. Я останусь и буду помогать тебе.

Он продолжал указывать на выход.

— Ты знаешь, что там такое?

— Иди, — произнес он (или, может быть, она только подумала, что произнес). Стоя в своей комнате в северо-западном крыле замка, она вспомнила об этом, неуверенная в том, что же произошло с того момента, как слово заполнило ее разум и тело. Она подошла к окну, но за ним были только звезды.

Потом вдруг, каким-то образом, она поняла.

И заплакала по тому миру, который они теряли.

Они были настоящими, теперь он это знал. Потому что, приблизившись, они разбивались, а он всем телом ощущал вибрацию от их движения. Пока звезды говорили ему, что не за горами худшие — долгие — времена, он не требовал их совета по этому поводу. Он продолжал стягивать к себе Силу, которая воздвигла Хай-Даджен, и теперь он должен был защищать свою обитель. Он снова чувствовал себя так, как бывало в давние времена.

На востоке, на вершине новой горы, стала возникать змея. Она была огненной, и он не мог понять, каких же она размеров. В те времена, когда его еще не было, по слухам, существовали подобные Силы. Но те, кто владеет ими, в конце концов окончательно расстались с жизнью и Ключ был потерян. Он и сам искал его — как и почти все, кто имел власть. Теперь же было похоже, что там, где он потерпел неудачу, кому-то повезло... или же древняя Сила вновь зашевелилась.

Он смотрел, как змея появилась полностью. Очень хорошая работа, решил он. Он смотрел, как змея поднялась в воздух и поплыла к нему.

Ну, начинается, сказал он себе.

Он поднял палочку и начал битву.

Прежде чем змея, дымясь и вывалив кишки, упала, прошло немало времени. Он слизнул пот, выступивший на верхней губе. Змея была сильной. Гора приближалась. Пока он сражался с насланной на него тварью, она не сбавила скорость.

Теперь, решил он, мне надо быть таким, каким я был вначале.

Смейдж расхаживал туда-сюда на своем посту в зале у центрального входа в Хай-Даджен. Он ходил так медленно, как только мог, чтобы

не выдать пятидесяти с лишним воинам, ожидавшим его распоряжений, что ему не по себе. Вокруг него пыль оседала и снова поднималась. Каждый раз, как где-то внутри замка на пол со своего места на стене с грохотом срывалось оружие, среди его подчиненных начиналось движение. Он выглянул в окно и быстро отвел глаза. Снаружи все загораживала гора, которая теперь была совсем рядом. Что-то постоянно громыхало, тьму разрывали неестественные крики. Перед глазами Смейджа, подобно молниям, проносились и исчезали видения — обезглавленные рыцари, многокрылые птицы, звери с человеческими головами и еще нечто, не оставшееся в памяти. Но ни одно из них не задержалось, чтобы напасть на него. Скоро. Теперь это скоро кончится. Он знал это, потому что гора должна была приближаться к башне, где находился его повелитель.

Когда раздался треск и хруст, его сбило с ног и он испугался, что потолок обрушится на него. В стенах появились трещины, а все центральные укрепления замка, казалось, откачнулись на шаг назад. Донесся звук падающих камней и ломающихся балок. Потом, через несколько ударов сердца, он услышал высоко над головой крик. Где-то во дворе слева от него раздался заключительный треск. Потом воцарились пыль и тишина.

Он поднялся и объявил своему воинству сбор.

Протирая от пыли глаза, он осмотрелся.

Все они лежали на полу, и ни один не шевелился.

— Встать! — заорал он и потер плечо.

Постояв неподвижно еще минуту, он подошел к тому, кто лежал ближе всех, и осмотрел его. Повреждений вроде бы не было. Смейдж слегка похлопал его, но тот не реагировал. Он принялся за следующего, потом потряс еще двоих. То же самое. Они едва дышали.

Обнажив меч, кашляя, Смейдж вышел на двор.

Половина небесной тверди была затенена горой, которая уже не двигалась. Двор был завален руинами башни. Выступавшая вперед часть горы сломалась. Теперешняя неподвижность казалась более жуткой, чем прежний грохот и шум. Все видения исчезли. Ничто не шевелилось.

Он пошел вперед. И увидел ожоги, словно тут порезвилась молния.

Когда Смейдж увидел простертую на камнях фигуру, то остановился. Потом он рванулся вперед. Лезвием меча он перевернул тело.

Выронив меч, он упал на колени, судорожно прижимая к груди искалеченную руку. У него вырвался один-единственный всхлип. Он услышал, что за спиной внезапно затрещали языки пламени. Его обдало жаром. Он не двинулся.

Он услыхал смешок.

Тогда он поднял глаза и огляделся. Никого не было видно.

Опять раздался смешок — где-то справа от него.

Здесь!

Среди пляшущих по накренившейся стене теней.

— Привет, Смейдж. Помнишь меня?

Тот покосился туда и начал тереть глаза.

— Но я... Я не могу увидеть тебя...

— Зато я отлично тебя вижу... как ты тут сжимаешь этот кусок мяса.

Смейдж осторожно выпустил руку и поднял с каменных плит двора выпавший меч. Он поднялся.

— Кто ты?

— Иди сюда, узнаешь.

— Это все твоя работа? — он сделал жест свободной рукой.

— Да.

— Тогда я подойду.

Он приблизился к силуэту и взмахнул мечом. Меч рассек только воздух, а Смейдж потерял равновесие. Восстановив его, он прицелился и снова нанес удар. Снова безрезультатно.

После седьмой попытки он заплакал.

— Теперь я знаю, кто ты! Выходи из теней, посмотрим, что ты за птица!

— Ладно.

Движение — тот появился перед ним. На миг он показался громадным, пугающим, величественным.

Рука Смейджа замерла на эфесе меча. Эфес загорелся. Он выпустил его, и когда меч упал между ними, его противник улыбнулся.

Смейдж поднял руки, и их парализовало. Он видел лицо того, другого, сквозь свои пальцы, как сквозь кривые сучья.

— Как ты и предполагал, — услышал он. — Похоже, дела мои неплохи. Лучше, чем твои. Приятно было снова увидеться, — добавил он.

Смейджу захотелось плюнуть, но слюны не было, да и руки мешали.

— Убийца! Зверь! — прохрипел он.

— Вор, — любезно подсказал тот. —К тому же я колдун и завоеватель.

— Если бы я только мог двигаться...

— Сможешь. Подбери меч и подрежь своему околевшему хозяину ногти на ногах...

— Я не...

— Отруби ему голову! Сделай это одним ударом — быстро и чисто! Как палач топором...

— Никогда! Он был мне хорошим господином. Он был добр ко мне и к моим товарищам. Я не оскверню его тело.

— Он не был хорошим господином. Он был жестоким садистом.

— Только со своими врагами... А они этого заслуживали.

— Ну, теперь ты видишь нового господина в его владениях. Доказать ему свою преданность ты можешь только одним — принеси голову своего прежнего хозяина.

— Я этого не сделаю.

— Я сказал: сделать это по своей воле — единственный способ сохранить жизнь.

— Нет.

— Сказано — сделано. Теперь слишком поздно спасаться. И все равно ты выполнишь мой приказ.

После этого в тело Смейджа словно вселился чужой дух, и он обнаружил, что нагибается за мечом. Меч жег ему руки, но он поднял его, взял и обернулся.

Изрыгая проклятия, всхлипывая, он подошел к телу, встал над ним и рывком опустил поющее лезвие вниз. Голова откатилась на несколько футов, и камни потемнели от крови.

— Теперь принеси ее мне.

Он поднял голову за волосы и, держа на вытянутой руке, вернулся туда, где стоял Джек. Тот принял ее и небрежно отбросил в сторону.

— Благодарю, — сказал он. — Сходство вовсе неплохое. — Он поднял ее, оглядел и снова начал раскачивать. — Нет, правда. Интересно, что стало с моей прежней головой? Ладно, неважно. Этой я найду достойное применение.

— Теперь убей меня, — сказал Смейдж.

— Извини, но с этой неприятной задачей придется повременить. А сейчас ты можешь составить компанию останкам своего прежнего господина, присоединившись ко всем прочим спящим... кроме двоих.

Он сделал движение рукой, и Смейдж, захрапев, повалился на землю. Пока он падал, пламя исчезло.

Дверь отворилась, но Ивен не повернулась к нему.

После долгого молчания она услышала его голос и вздрогнула.

— Ты должна была знать, — сказал он, — что рано или поздно я приду за тобой.

Она не отвечала.

— Ты должна вспомнить, что я обещал, — сказал он.

Тогда она обернулась, и Джек увидел, что она плачет.

— Так ты явился украсть меня? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я пришел, чтобы сделать тебя хозяйкой Шедоу-Гард, м о е й леди.

— Украсть меня, — повторила она. — Только так ты теперь можешь завладеть мной, а ведь это твой любимый способ получать желаемое. Только любовь ведь не украдешь, Джек.

— Обойдусь без нее, — сказал он.

— Что теперь? В Шедоу-Гард?

— Зачем? Шедоу-Гард здесь. Это и есть Шедоу-Гард, и я не собираюсь покидать его.

— Я знала это, — очень тихо произнесла она. — ... И ты собираешься править тут, в замке моего господина. Ч т о т ы с д е л а л с н и м? — прошептала она.

— А что он сделал со мной? Что я обещал ему? — сказал он.

— ... А с остальными?

— Они все спят — кроме тех, кто может немного развлечь тебя. Идем-ка к окну.

Она неловко подошла. Он откинул штору и указал вниз. Наклонив голову, она проследила за его жестом.

Внизу, по равнине, которой, насколько ей было известно, раньше не было, шел Квазер. Серый двуполый гигант выделывал па бального танца. Несколько раз он падал, вставал и двигался дальше.

— Что он делает? — спросила Ивен.

— Повторяет тот подвиг, который принес ему Пламень Ада. Он будет повторять момент своего триумфа до тех пор, пока у него не лопнет сердце или один из крупных сосудов и он не умрет.

— Какой ужас! Останови его!

— Нет. Это не ужаснее того, что он сделал со мной. Ты обвинила меня в том, что я не держу слова. Что ж, я обещал отомстить ему — и ты можешь посмотреть, как я не замедлил исполнить свое обещание.

— Какой Силой ты владеешь? — спросила она. — Ты не был способен на такое, когда... когда мы были близко знакомы.

— Я владею Потерянным Ключом, — сказал он. — Кольвинией.

— Как ты заполучил его?

— Неважно. Важно то, что я могу заставить горы двигаться, а землю — разверзнуться, я могу обрушить на нее молнии и призвать себе на помощь духов. Я могу уничтожить любого властителя там, откуда он черпает свою Силу. Я стал самым могущественным существом в царстве тьмы.

— Да, — сказала она. — Ты сам назвал себя: существо. Ты им и стал.

Он обернулся, чтобы увидеть, как Квазер снова упал, а потом позволил шторе опуститься.

Ивен отвернулась.

— Если ты смилостивишься над всеми, кто здесь остался, — сказала она наконец, — я сделаю все, что ты скажешь.

Он протянул свободную руку, словно собираясь коснуться ее. Вверху за окном раздался визг, и он замер. Улыбаясь, Джек опустил руку. Слишком хорошо, решил он.

— Я узнал, что жалость — такая штука, которой всегда не хватает, каждый раз, как она больше всего нужна, — сказал он. — А когда человек в таком положении, что может жалеть сам, те, кто раньше отказал ему в жалости, рыдая, умоляют о ней.

— Я уверена, — сказала она, — что здесь никто не просил пощады.

Она снова повернулась к нему и вгляделась в его лицо.

— Нет, — сказала она. — Никакой жалости. Когда-то в тебе были зачатки вежества. Теперь это ушло.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать с Потерянным Ключом, когда отплачу своим врагам?

— Не знаю.

— Я намерен объединить царство тьмы в единое владение...

— ... И, конечно, править в нем?

— Конечно, поскольку никто другой этого не сможет. Я установлю эру мира и законности.

— Твоей законности. Твоего мира.

— Ты все еще не понимаешь. Я долго размышлял над этим, и, хотя я действительно сперва разыскивал Ключ, чтобы отомстить, я передумал. Я использую Ключ, чтобы положить конец вечным стычкам между лордами и обеспечить благоденствие государства, которое возникнет.

— Тогда начни отсюда. Обеспечь хоть какое-нибудь процветание в Хай-Даджен... или в Шедоу-Гард, если тебе нравится так его называть.

— Верно и то, что я уже по большей части отплатил за то, как со мной обошлись, — задумчиво сказал он, — но все же...

— Начни с милосердия — и в один прекрасный день твое имя будет в почете, — сказала она. — Забудь о нем — и можешь быть уверен, тебя проклянут.

— Может быть... — начал он, отступив на шаг.

При этом Ивен смерила его взглядом с головы до ног.

— Что ты сжимаешь под плащом? Ты, верно, принес это, чтобы показать мне?

— Так, ничего, — сказал он. — Я передумал, да и дела у меня еще есть. Я вернусь к тебе позже.

Но она быстро шагнула вперед и, когда Джек повернулся, вцепилась ему в плащ.

Потом раздался вопль, и Джек выронил голову, чтобы успеть схватить Ивен за запястье. В правой руке у нее был кинжал.

— Мерзавец! — крикнула она, укусив его за щеку.

Он собрал волю, пробормотал одно-единственное слово, и кинжал превратился в темный цветок. Он поднес этот цветок к лицу Ивен. Она плевалась, ругалась и пинала его, но через несколько минут стала слабеть, а глаза начали закрываться. Когда она почти спала, Джек отнес ее на постель. Ивен продолжала сопротивляться, но ослабла окончательно.

— Говорят, эта Сила может уничтожить все хорошее, что есть в человеке, — выдохнула она. — Но тебе нечего бояться. Даже не будь этой силы, ты был бы тем, что ты есть: злом.

— Пусть будет так, — сказал он. — Но все, о чем я тебе рассказал, произойдет, и ты будешь тому свидетельницей. Со мной вместе.

— Нет. Я покончу с собой задолго до этого.

— Я подчиню себе твою душу, и ты полюбишь меня.

— Тебе никогда не получить ни моей души, ни тела.

— Сейчас ты уснешь, — сказал он, — а когда проснешься, мы уже будем мужем и женой. Бороться ты будешь недолго и сдашься мне... сперва твое тело, а потом душа. Ты будешь лежать смирно, а потом я приду к тебе, и еще. После этого ты придешь ко мне. Спи, пока я не принесу Смейджа в жертву на алтаре его хозяина и не очищу это место от всего, что мне неприятно. Спи крепко. Тебя ждет новая жизнь.

И он вышел, и все стало так, как он сказал.

Глава 10

После того как Джек решил все проблемы, связанные с границами, то есть завоевал владения Дреккхейма, присоединив их к своим, и отправил барона в Сточные Ямы, он обратил свое внимание на крепость, Холдинг — дом Неумирающего Полковника. Крепость оправдывала свое название недолго, и Джек пошел в нее.

Они с Полковником сидели в библиотеке, потягивая легкое вино, и долго предавались воспоминаниям.

Наконец Джек коснулся деликатного вопроса союза Ивен с тем, кто заполучил Пламень Ада.

Полковник, на чьих впалых щеках виднелись подобные лунным серпам шрамы и чьи волосы поднимались вверх от переносицы подобно рыжему смерчу, покачал головой над кубком. Он опустил блеклые глаза.

— Ах, ты это понял так, — тихо сказал он.

— Так это понял не я, — сказал Джек. — Я воспринял это, как задачу, которую вы поставили передо мной — передо мной, а не перед любым желающим.

— Ты должен признать, что потерпел неудачу. Поэтому, когда объявился другой поклонник и принес назначенную цену, я...

— Вы могли бы дождаться моего возвращения. Я украл бы камень и принес вам.

— Возвращение занимает много времени. Мне не хотелось, чтобы моя дочь осталась старой девой.

Джек покачал головой.

— Признаюсь, я весьма доволен тем, как повернулось дело, — продолжал Полковник. — Теперь ты — могущественный лорд и моя дочь принадлежит тебе. Я думаю, она счастлива. Я владею Пламенем Ада, и это меня радует. Мы все получили то, чего желали...

— Нет, — сказал Джек. — Я могу предположить, что вы никогда не желали видеть меня своим зятем и сговорились с бывшим хозяином Хай-Даджен, как это все получше устроить.

— Я ...

Джек поднял руку.

— Я сказал только, что могу предполагать это. Конечно, я так не считаю. Я точно не знаю, что вы там решили... или не решили... кроме вопроса об Ивен и Пламени Ада... И знать не хочу. Я знаю только, что произошло. Учитывая это, а также то, что вы теперь мой родственник, я позволю вам самому покончить с собой, не отдавая свою жизнь в чужие руки.

Полковник вздохнул и улыбнулся, еще раз подняв глаза.

— Спасибо, — сказал он. — Очень мило с твоей стороны. Я боялся, что ты мне в этом откажешь.

Они попивали вино.

— Придется мне сменить имя, — сказал Полковник.

— Еще рано, — сказал Джек.

— Верно. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Нет. Хотя, пока вас не было, я думал над этим.

— Благодарю, — сказал Полковник. — Знаешь, раньше мне не приходилось проделывать ничего подобного... Тебе не трудно будет предложить мне что-нибудь особенное?

— Яд — хорошая штука, — сказал он. — Но эффект для каждого индивидуума настолько различается, что иногда это может оказаться болезненным. По-моему, вы добьетесь своего наилучшим образом, если усядетесь в горячую ванну и вскроете под водой вены. Это почти не больно. Как будто вы заснули.

— Тогда, пожалуй, я так и сделаю.

— В таком случае, — сказал Джек, — позвольте мне дать вам кое-какие инструкции.

Он наклонился вперед, взял Полковника за запястье и повернул внутренней стороной вверх. И вытащил кинжал.

— Ну, — начал он почти забытым преподавательским тоном, — не повторите ошибки, которую совершают практически все, кто в этом деле не профессионал.

Используя лезвие, как указку, он продолжал:

— Не режьте поперек, вот так. Свертывание крови, которое последует, может оказаться достаточным для повторного пробуждения. Тогда придется повторить процесс. Так может произойти несколько раз. Несомненно, в результате вы будете до некоторой степени травмированы — как если бы вам сделали недостаточную анестезию. Надо резать в д о л ь, по синим линиям, вот так, — сказал Джек, демонстрируя. — Если сосуды окажутся слишком скользкими, вам следует приподнять их кончиком своего орудия и быстро повернуть лезвие. Не надо просто тянуть вверх. Это неприятно. Помните об этом. Этот поворот — важный момент, если вам не удалось добиться своего при продольном разрезе. Вопросы есть?

— Мне кажется, нет.

— Тогда повторите.

— Дай мне кинжал.

— Держите.

Джек слушал, кивая, делая только мелкие замечания.

— Очень хорошо. По-моему, вы поняли, — сказал он, принимая кинжал обратно и снова пряча его в ножны.

— Хочешь еще вина?

— Да. У вас отличные погреба.

— Спасибо.

Высоко над миром тьмы, под темной сферой, сидя на спине ленивого дракона, которому он скормил Бенони и Блайта, Джек смеялся на ветру и сильфиды смеялись вместе с ним, потому что теперь он был их господином.

Время шло, а Джек продолжал решать споры о границах заново, в свою пользу. Споров становилось все меньше и меньше. Он принялся, сперва лениво, а потом с возрастающим пылом, применять полученные на дневной стороне знания для составления толстого тома под названием «Оценка культуры царства тьмы». Поскольку теперь его власть простиралась почти на все царство ночи, он принялся собирать ко двору тех, чьи знания или особое искусство могли дать для его работы историческую, техническую или художественную информацию. Он уже почти решил после завершения опубликовать свой труд на дневной стороне. Теперь, когда он установил контрабандные пути и заполучил агентов в главных городах на дневной стороне, он знал, что это выполнимо.

Он сидел в Хай-Даджен, ныне Шедоу-Гард, в просторном замке с высокими, освещенными факелами залами, подземными лабиринтами и множеством башен. Здесь было полным-полно прекрасных вещей, вещей бесценных. В коридорах плясали тени, а грани бесчисленных драгоценных камней сверкали ярче, чем солнце над другой половиной мира. Он сидел в библиотеке Шедоу-Гард, держа череп его прежнего хозяина на столе вместо пепельницы, и работал над своим исследованием.

Он закурил (одна из причин, по которым он установил тайную торговлю с дневной стороной), поскольку находил этот обычай как приятным, так и трудным для отвыкания. Он глядел, как табачный дым смешивается с дымом свечи и поднимается к потолку, когда Стэб — летучая мышь, превращенная обратно в человека, теперь его личный слуга — вошел и остановился на предписанном расстоянии.

— Господин, — сказал он.

— Да?

— Тут у ворот старуха, она хочет говорить с вами.

— Я не посылал ни за какими старухами. Скажи ей, чтобы убиралась.

— Она говорит, вы ее приглашали.

Джек поглядел на низенького черного человечка. Длинные руки и ноги и пучки белых волос, похожие на антенны над слишком длинным лицом, делали его похожим на насекомое. Он уважал его, потому что когда-то тот был удачливым вором, попытавшимся ограбить прежнего хозяина этого замка.

— Приглашал? Ничего такого я не припоминаю. Что ты о ней думаешь?

— Похоже, она с запада, сэр.

— Странно...

— ... и она требует, чтобы я сказал вам, что это Рози.

— Розали! — сказал Джек, убирая ноги со стола и выпрямляясь. — Приведи ее ко мне, Стэб!

— Да, сэр, — ответил Стэб, отшатываясь, как всегда, когда его господин неожиданно выказывал эмоции.

Джек стряхнул пепел в череп и посмотрел на него.

— Интересно, твой дух тут еще не бродит? — пробормотал он. — У меня такое чувство, что это возможно.

Он нацарапал записку, припомнив, что надо приговорить к смерти несколько групп людей с жестокими головными болями и отправить их патрулировать Сточные Ямы.

Джек вытряхнул пепел из черепа и расправлял на столе бумаги, когда Стэб ввел ее в комнату. Поднимаясь, он посмотрел на Стэба, который быстро вышел.

— Розали! — сказал Джек, идя ей навстречу. — Как хорошо...

Она не ответила на его улыбку, но когда он предложил ей кресло, уселась, кивнув.

О боги! Она и впрямь похожа на сломанную метлу, снова решил он, вспоминая. И все же... Это Розали.

— Так ты все-таки пришла в Шедоу-Гард, — сказал он. — За то, что ты тогда дала мне хлеба, тебя всегда будут хорошо кормить. За то, что ты дала мне добрый совет, ты всегда будешь в чести. У тебя будут слуги, которые станут купать и одевать тебя и прислуживать тебе. Если ты желаешь овладеть Искусством, я приобщу тебя к высшей магии. Чего бы ты ни пожелала, тебе нужно только попросить. Мы устроим в твою честь праздник... как только подготовим его! Добро пожаловать в Шедоу-Гард!

— Я ведь пришла не насовсем, Джек, только поглядеть на тебя еще разок... на тебе новые серые одежды и отличный черный плащ! А сапоги какие блестящие!.. Ты в таких никогда не ходил...

Он улыбнулся.

— Я не хожу так много, как когда-то.

— ... и тайком не крался. Теперь в этом нет нужды, — сказала она. — Значит, ты обзавелся собственным королевством, Джек... самым большим из всех, какие я знаю. Теперь ты счастлив?

— Вполне.

— Значит, ты ходил к машине, которая думает, как человек, только быстрее. К той машине, от которой я тебя предостерегала. Верно?

— Да.

— ... И она дала тебе Потерянный Ключ, Кольвинию.

Он отвернулся, схватил сигарету, закурил, затянулся. Потом он поглядел на Розали и кивнул.

— Но это я не хочу обсуждать, — сказал он.

— Конечно, конечно, — сказала Розали, кивая. — И с ним ты получил Силу, которая впору твоим амбициям, а ведь когда-то ты даже не знал, что они у тебя есть.

— Должен сказать, ты права.

— Расскажи мне о той женщине.

— О какой женщине?

— В холле я прошла мимо красивой женщины в зеленом — под цвет ее глаз. Я поздоровалась, и губы ее улыбнулись мне, но ее дух следовал за ней в слезах. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я поступил так, как было необходимо.

— Ты что-то украл у нее... знаю, что... так же, как воровал у всех, кого

знал. Есть ли кто-нибудь, кого ты считаешь своим другом, Джек? У кого ты ничего не взял, а, наоборот, дал ему что-то?

— Да, — ответил он. — Он сидит на вершине горы Паникус — наполовину камень, наполовину не знаю что. Я много раз приходил к нему и всеми силами пробовал освободить. Но даже от Ключа не было толку.

— Утренняя Звезда... — сказала она. — Да, твоему единственному другу только и быть богом проклятым.

— Рози, за что ты наказываешь меня? Я предлагаю любым доступным способом вознаградить тебя за страдания, которые ты приняла из-за меня... и не только из-за меня.

— Женщина, которую я видела... Сумел бы ты сделать ее такой, какой она была до того, как ты обокрал ее... если бы я больше всего захотела именно этого?

— Может быть, — сказал Джек, — но я сомневаюсь, чтобы ты попросила об этом. К тому же, если бы я и сделал это, она, я чувствую, стала бы безнадежно безумной.

— Почему?

— Потому, что ей пришлось многое повидать и перечувствовать.

— И в ответе за это ты?

— Да, но это и так надвигалось.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает того страдания, которое я заметила, проходя мимо нее.

— Душа! Не говори мне о душе! И о страданиях! Ты что, намекаешь, что у тебя душа есть, а у меня нет? Или ты думаешь, мне незнакомы страдания?.. Хотя ты права в том, что касается ее. Она отчасти человек.

— Но у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Боюсь, что я не понимаю.

— Ты оставил свою душу в Сточных Ямах Глива, как все люди тьмы. Я вытащила ее оттуда — на случай, если в один прекрасный день она тебе понадобится.

— Ты, конечно, шутишь.

— Нет.

— А как ты узнала, что это — моя душа?

— Я — Ведунья.

— Дай мне поглядеть на нее.

Он потушил сигарету, а Рози тем временем развернула свой узелок с вещами. Она извлекла небольшой предмет, завернутый в чистую полотняную тряпицу. Она развернула его и положила на ладонь.

— Вот эта штука? — спросил он и захохотал.

Это был серый шарик, который на свету стал делаться ярче, просветляться, сперва став блестящим и похожим на зеркало, а потом прозрачным. Поверхность заиграла разными красками.

— Это же просто камень, — сказал он.

— Он был с тобой в момент твоего пробуждения в Ямах, правда?

— Да. Он был у меня в руке.

— Почему ты бросил его там?

— А почему бы и нет?

— А разве он не оказывался с тобой к а ж д ы й раз, как ты приходил в себя в Гливе?

— Ну и что?

— В нем заключена твоя душа. Может быть, когда-нибудь ты захочешь соединиться с ней.

— Это — душа? И что же прикажешь с ней делать? Таскать в кармане?

— Можно придумать что-нибудь получше, чем бросать ее на куче падали.

— Дай мне ее!

Он выхватил камень у нее из рук и уставился на него.

— Никакая это не душа, — сказал он. — Это крайне непривлекательный кусок камня или, может, яйцо гигантского навозного жука. Оно и в о н я е т, как сами Ямы!

Он занес руку, чтобы отшвырнуть от себя камень.

— Не надо! — крикнула она. — Это... Это твоя душа... — тихо закончила она, когда камень ударился о стену и разбился вдребезги.

Джек быстро отвернулся.

— Я могла бы знать, — сказала она. — Никому из вас душа по-настоящему не нужна. А тебе — меньше всех. Ты должен признать, что это было нечто большее, чем просто камень или яйцо, иначе бы ты так не взбесился. Ты почувствовал в нем что-то, касающееся лично тебя и к тому же опасное. Разве не так?

Но Джек не отвечал. Он медленно повернул голову в сторону разбившегося камня и уставился на него. Она проследила за его взглядом.

Из камня выплыло туманное облачко. Оно росло вверх и вширь. Вот оно воспарило над ними. Облачко перестало двигаться и начало окрашиваться. Они смотрели, как появляются контуры фигуры, напоминающей человеческую.

Когда Джек увидел, что проступающие черты — его собственные, у него перехватило дыхание и глаза выкатились из орбит. Облако становилось все плотнее и плотнее на вид, пока не начало казаться, что он разглядывает своего близнеца.

— Дух, кто ты? — спросил Джек с пересохшим горлом.

— Джек, — слабо ответил тот.

— Джек — это я, — сказал он. — Кто ты?

— Джек, — повторил тот.

Оборачиваясь к Розали, Джек проворчал:

— Это ты притащила его сюда! Ты его и выгоняй!

— Не могу, — ответила она, пригладив волосы и уронив руки на колени. Она начала ломать пальцы. — Он твой.

— Почему ты не оставила эту проклятую штуку там, где нашла ее? Там, где ей и место?

— Там ей не место, — сказала она. — Она твоя.

Отворачиваясь, он проговорил:

— Эй, ты! Ты душа?

— Погоди минутку, а? — ответил двойник. — Я кое-что соображу... Да. Я подумал, и теперь считаю, что я — душа.

— Чья?

— Твоя, Джек.

— Отлично, — сказал Джек. — Ты и правда отплатила мне, Рози, а? Что, черт побери, мне делать с душой? А как ты избавилась от своей? Если я умру, пока эта штука на свободе, для меня не будет возврата.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответила она. — Я думала, так будет правильно... когда пошла искать ее и нашла... принести и отдать тебе.

— З а ч е м?

— Давным-давно я сказала тебе, что барон всегда был добрым к старушке Рози. Когда ты захватил его земли, то повесил его за ноги и вспорол ему живот. Я плакала, Джек. Он — единственный, кто за долгое время по-хорошему ко мне отнесся. Мне много приходилось слышать о твоих делах, и ничего хорошего я не слыхала. Теперь, с Силой, которой ты владеешь, так легко многим причинить зло — что ты и делал. Я подумала, что, если я отыщу твою душу, она, может быть, смягчит твои намерения.

— Розали, Розали, — он вздохнул. — Ты дура. Ты хотела, как лучше, но ты дура.

— Может, и так, — ответила она, стискивая руки и оглядываясь на душу, которая стояла, уставившись на них.

— Душа, — сказал Джек, снова поворачиваясь к ней, — ты все слышала? Что ты теперь скажешь?

— У меня только одно желание.

— Какое же?

— Соединиться с тобой. Пройти с тобой по жизни, заботясь о тебе, предостерегая тебя и ...

— Погоди минутку, — сказал Джек, поднимая руку. — А что для этого нужно?

— Твое согласие.

Джек улыбнулся. Он закурил сигарету. Руки у него слегка дрожали.

— А если бы я не дал своего согласия? — спросил он.

— Тогда я стану бродячей. Я буду следовать за тобой в отдалении, не в силах поддержать тебя и предостеречь, не в силах...

— Класс, — сказал Джек. — Я не даю своего согласия. Пошла вон.

— Ты шутишь? Так с душой не обращаются, это черт знает что. Я тут жду, чтоб поддержать и предостеречь тебя, а ты вышвыриваешь меня пинком. Что скажут люди? «Вон идет душа Джека, — скажут они, — бедняжка. Общается с духами и низшими астралами и...»

— Выметайся, — сказал Джек. — Обойдусь без тебя. Знаю я вас, подлых ублюдков. Вы заставляете людей меняться. Ну а я меняться не желаю. Я и так счастлив. Ты — ошибка. Убирайся обратно в Сточные Ямы. Иди, куда хочешь. Делай, что хочешь, только уйди. Оставь меня в покое.

— Ты это серьезно?

— Точно. Я даже дам тебе новенький красивенький кристалл, если тебе больше нравится сидеть скрючившись в чем-то подобном.

— Для этого слишком поздно.

— Ну, это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Если ты не хочешь соединиться со мной, пожалуйста, не вышвыривай меня, как какую-то бродяжку. Позволь мне остаться здесь, с тобой. Может, так я смогу давать тебе советы, поддерживать и предостерегать тебя, и когда-нибудь ты поймешь, как я нужна, и переменишь свое решение.

— Катись!

— А что, если я откажусь уйти? Что, если я просто усилю свое внимание к тебе?

— Тогда, — сказал Джек, — я напущу на тебя самые разрушительные силы Ключа, те, которые я никогда не использовал раньше.

— Ты уничтожишь собственную душу?

— Ты права, черт побери! Убирайся!

Тогда она повернулась к стене и исчезла.

— С душами покончено, хватит, — сказал Джек. — Теперь мы подберем тебе покои и несколько слуг. Мы проследим, чтобы подготовились к торжеству.

— Нет, — сказала Розали. — Я хотела увидеться с тобой. Что ж, вот мы и повидались. Я хотела принести тебе кое-что — и принесла. Вот и все.

Она стала подниматься.

— Погоди, — сказал Джек. — Куда ты пойдешь?

— Подошло к концу мое время быть Ведуньей Западных Границ, и я возвращаюсь на дорогу у моря, в таверну «У Огненного Пестика». Может случиться так, что я найду какую-нибудь молодую шлюшку из таверны, чтобы она ухаживала за мной, когда я ослабею. За это я обучу ее Искусству.

— По крайней мере, побудь здесь хоть немного, — сказал он. — Отдохни, поешь...

— Нет. Мне не нравится здесь.

— Если ты твердо решила уйти, позволь я облегчу тебе путь. Тебе не придется идти пешком.

— Нет. Спасибо.

— Могу я дать тебе денег?

— Меня могут ограбить.

— Я пошлю эскорт.

— Я хочу путешествовать одна.

— Хорошо, Розали.

Он смотрел, как она уходит, а потом подошел к очагу и развел маленький огонь.

Джек работал над своей «Оценкой», становясь в ней все более выдающейся фигурой, и укрепил свое правление в царстве ночи. За это время он повидал свои бесчисленные изваяния, воздвигнутые по стране.

Он слышал, как его имя слетало с уст менестрелей и поэтов, но не в старых стихах и песнях о его мошенничествах, а в рассказах о его мудрости и могуществе. Четырежды он позволял Повелителю Нетопырей, Смейджу, Квазеру, барону и Блайту пройти часть пути из Глива, и только потом отправлял их назад — каждый раз другим способом. Он решил исчерпать до конца их жизни и таким образом избавиться от них навсегда.

На празднестве, устроенном Джеком в честь возвращения ее отца, Ивен плясала и смеялась. Его запястья были еще перевязаны, но он произнес тост и пил вино из погребов, которые некогда были его собственными.

— За леди и лорда из Шедоу-Гард, — сказал он. — Пусть их власть и счастье длятся, пока над нами царствует ночь.

Потом Полковник, Ни Разу Не Принявший Смерть от Чужой Руки, большими глотками выпил вино, и они веселились.

На вершине Паникуса Утренняя Звезда — часть Паникуса — смотрел на восток.

Душа блуждала в ночи, изрыгая проклятия.

Жирный дракон, пыхтя, нес овцу в свое далекое логово.

В сумеречном болоте зверю снилась кровь.

Потом настали времена, когда Договор и впрямь был нарушен.

Делалось все холоднее, и Джек сверился с Книгой. Он отыскал имена тех, чья очередь была нести службу. Он ждал и смотрел, но ничего не происходило.

Наконец он собрал у себя этих лордов тьмы.

— Друзья, — сказал он, — пришла ваша очередь нести службу у Щита. Почему вы не делаете этого?

— Сэр, — сказал лорд Элдридж, — мы пришли к соглашению отказаться от этой обязанности.

— Почему?

— Вы сами нарушили Договор, — сказал Тот. — Если нельзя, чтобы все в мире шло по-прежнему, то мы хотели бы оставить все так, как есть. Так сказать, на пути к разрушению. Убейте нас, если желаете, но мы и пальцем не пошевельнем. Если вы такой могущественный волшебник, отправляйтесь к Щиту сами. Убейте нас и смотрите, как мы будем умирать.

— Ты слышал, о чем он просит? — сказал Джек слуге. — Проследи, чтобы их убили.

— Но, сэр...

— Делай, что я сказал.

— Есть.

— Я сам присмотрю за Щитом.

И их схватили и убили.

А Джек двинулся вперед.

На вершине ближайшей горы он обдумал эту проблему. Он ощущал холод и раскрыл свое существо. И обнаружил в Щите трещину.

Потом Джек принялся набрасывать чертежи. Он выцарапывал их кон-

чиком меча на камне. Пока он делал это, они тлели, а потом засветились. Джек произнес слова Ключа.

— Э-э... здравствуй.

Он резко обернулся, занеся меч.

— Это только я.

Он опустил меч. Налетели порывы ледяного ветра.

— Что тебе нужно, душа?

— Мне было интересно, что ты делаешь. Знаешь, я иногда следую за тобой.

— Знаю. Мне это не нравится.

Джек снова вернулся к чертежу.

— Ты объяснишь мне?

— Ладно, — сказал он. — Если ты после этого перестанешь тут ныть...

— Я — пропащая душа. Мы как раз всегда ноем.

— Тогда скули, сколько угодно. Мне все равно.

— Но то, чем ты занят...

— Я собираюсь отремонтировать Щит. Мне кажется, я разработал заклинания.

— Не думаю, что тебе это удастся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не думаю, что это можно сделать в одиночку.

— Посмотрим.

— Я могу помочь?

— Нет!

Он вернулся к чертежу, еще поработал над ним мечом и продолжил заклинания. Мимо проносились ветры, а огни начали струиться.

— Теперь я должен идти, — сказал Джек. — Держись от меня подальше, душа.

— Ладно. Я просто хочу соединиться с тобой.

— Может быть, когда-нибудь, когда мне станет скучно жить. Но не сейчас.

— Ты хочешь сказать, есть надежда?

— Возможно. Как бы там ни было — не сейчас.

Потом Джек распрямился и рассмотрел дело рук своих.

— Что, не выходит?

— Заткнись.

— Не получилось.

— Заткнись.

— Ты хочешь со мной соединиться?

— Нет!

— Может, я мог бы помочь.

— Попробуй — в аду.

— Я только спросил...

— Оставь меня в покое.

— А что ты теперь будешь делать?

— Уйди!

Он поднял руки и швырнул в нее Силу. Не получилось.

— Я не могу, — сказал он.

— Я знаю это. А ты знаешь, что теперь делать?

— Я думаю.

— Я знаю, что делать.

— Что?

— Сходи к своему другу, Утренней Звезде, он много чего знает. Думаю, он мог бы дать тебе совет.

Джек опустил голову и уставился на тлеющий чертеж. Ветер был холодным.

— Может быть, ты прав, — сказал он.

— Я уверен в этом.

Джек закутался в плащ.

— Пойду прогуляюсь по тени, — сказал он.

И он шел среди теней, пока не достиг нужного места. Там он начал взбираться наверх.

Достигнув вершины, он подошел к Утренней Звезде и сказал:

— Я здесь.

— Я знаю.

— И ты знаешь, чего я хочу?

— Да.

— А получится это?

— Это не так уж невозможно.

— Что я должен делать?

— Это будет нелегко.

— Так я и думал. Расскажи.

Утренняя Звезда слегка подвинул свое огромное тело.

А потом рассказал.

— Не знаю, сумею ли я, — сказал Джек.

— Кто-то должен.

— Ты больше никого не знаешь, с кем я мог бы встретиться?

— Нет.

— Можешь ты предсказать мне успех или провал?

— Нет. Когда-то я говорил тебе про тени.

— Припоминаю.

На горе воцарилась тишина.

— До свидания, Утренняя Звезда, — сказал Джек. — Спасибо.

— Прощай, Джек.

Повернувшись, Джек ушел в тень.

Он вошел в огромный шурф, который вел к сердцу планеты. Местами на стенах тоннеля виднелись пятна света. Там он входил в тень и за короткое время продвигался на большие расстояния. Там, где тьма была абсолютной, он шел, как ходят все прочие.

Кое-где попадались странно обставленные боковые галереи и темные дверные проемы. Джек не задерживался, чтобы их исследовать. Иногда, не часто, до него доносился топот быстро бегущих когтистых лап и стук копыт. Один раз он прошел мимо открытой топки, в которой горели кости. Дважды он слышал крики, словно женщина мучилась от боли. Он не остановился, но вытащил меч из ножен.

Джек миновал галерею, где на паутине толщиной с веревку сидел огромный паук. Паук зашевелился. Джек бросился бежать.

Паук не стал гнаться за ним, но через какое-то время далеко позади Джек услыхал смешок.

Когда он остановился передохнуть, то увидел, что стены там были сырыми, в корке плесени. До него донесся звук, напоминающий шум реки вдалеке. Крошечные, похожие на крабов существа разбегались от него, цепляясь за стены.

Продолжая свой путь, Джек неожиданно натыкался на расселины и ямы, откуда поднимались едкие испарения. Иногда оттуда вырывались языки пламени.

Только много времени спустя он подошел к металлическому мосту шириной всего в руку. Джек заглянул в бездну, через которую был переброшен мост, но кроме черноты ничего не увидел. Он подумал и, осторожно балансируя, не торопясь пошел вперед. Когда его нога коснулась противоположного берега, он вздохнул, но оглядываться не стал.

Теперь стены тоннеля расступились и исчезли, а потолок стал таким высоким, что не был виден. Вокруг него двигались темные массы разной плотности, и, хотя Джек в любой момент мог бы создать небольшой огонь, чтобы осветить дорогу, он боялся сделать это. Огонь мог бы привлечь то, что двигалось мимо, что бы это ни было. Можно было бы создать и яркий сильный свет, но только ненадолго — он исчез бы в тот момент, когда Джек вошел бы в мир созданных им теней, и он опять остался бы в темноте.

Одно время Джек боялся, что забрел в огромную пещеру и там сбился с пути, но перед ним появилась белая полоска. Он стал смотреть на нее и продолжил свой путь. Когда много позже он приблизился к ней, то увидел, что это был большой черный водоем, и над ним, как рыбья чешуя, блестели огни. Это отражался слабый свет, источаемый плесенью, сплошь покрывавшей стены и потолок пещеры.

Когда Джек обходил вокруг водоема, направляясь туда, где на другом берегу тьма была гуще, в воде раздался плеск. Джек обернулся и в его руке уже был меч.

Теперь, когда его обнаружили, он произнес несколько слов — и над бассейном вспыхнул свет. В его сторону по воде стремительно двигалась рябь, словно под поверхностью двигалось что-то очень крупное. Потом по обеим сторонам выросли черные когтистые щупальца, с которых капало, и потянулись к Джеку.

Он прищурился против созданного им же света и занес меч, готовясь нанести удар обеими руками.

Джек произнес самое короткое из известных ему заклинаний, чтобы исполниться меткости и силы. Потом, как только ближайшее щупальце оказалось в пределах досягаемости удара, он размахнулся и перерубил его. Оно упало возле его левой ноги и, все еще извиваясь, ударило Джека и сбило с ног.

Но он счел, что ему повезло. Потому что, когда он упал, второе щупальце рассекло воздух там, где минуту назад находились его голова и плечи.

Потом над водой с шумом появилась круглая голова около трех футов в диаметре, с пустыми глазами, увенчанная массой извивающихся отростков толщиной с большой палец Джека. В нижней части головы появилось большое отверстие, и существо двинулось к Джеку.

Он, не вставая, взмахнул мечом и, сжав его обеими руками, направил прямо на этого зверя. При этом он повторял слова Ключа так быстро, как только мог их выговорить.

Лезвие меча засветилось, раздался звук, напоминающий фырканье, и с кончика меча заструился огненный поток.

Джек медленно описывал мечом круг. Скоро он почуял запах горелого мяса.

Но существо продолжало приближаться, пока Джек не увидел множество белых зубов. Неповрежденное щупальце и обрубок второго дико извивались, нанося удары в опасной близости. Зверь издавал шипящие звуки и плевался. В этот момент Джек поднял меч так, чтобы пламя попало на извивающиеся отростки на голове.

Издав звук, очень похожий на всхлип, существо кинулось обратно в воду.

Джека окатило волной, которую подняла эта туша. Но прежде, чем та обрушилась на него, а чудовище исчезло в глубине, Джек увидал спину зверя и содрогнулся — но не от холодной воды.

Потом он поднялся, сунул меч в воду и повторил заклинание, чтобы в тысячу раз усилить мощь, вложенную в оружие. При этом меч в его руках завибрировал так, что Джек с трудом его удерживал. Но он пересилил себя и стоял так, в сиянии света, а перед ним лежало замершее щупальце.

Чем больше его пугала набранная им сила, тем дольше, казалось ему, он там стоял. Внезапно по всему телу выступил пот, одев его, словно еще одна теплая одежда.

Потом с шипением, почти визгом, всколыхнув воду в центре водоема, наполовину вынырнул зверь. Когда он снова исчез под водой, Джек не пошевелился. Он продолжал держать меч, пока вода не закипела.

Зверь больше не появлялся.

Джек не ел, пока не обошел вокруг водоема и не попал в дальний тоннель. Он знал, что не осмелится уснуть. Подкрепив свои силы наркотиком, Джек пошел дальше.

Добравшись до места, где горели огни, он был атакован двумя косматыми человеко-зверями. Но он отступил в тень и дразнил их, пока они

пытались добраться до него. Однако, не желая тратить время на муки и убийство, он отказался от этого удовольствия и заставил тени перенести его как можно дальше.

Освещенное огнями место осталось позади, чуть позже, на его дальнем краю, Джек понял, что приближается к своей цели. Там он приготовился миновать следующее опасное место, через которое должен был пройти.

Шел он долго, а потом начал различать запахи, напомнившие ему Сточные Ямы Глива и нечто, еще более грязное. Он знал, что вскоре опять сможет видеть, хотя света не будет, а значит, не будет и теней, в которых он мог бы исчезнуть. Джек повторил все необходимое.

Запахи усиливались, и под конец Джеку пришлось бороться со своим желудком, чтобы заставить его удержать то, что он съел.

Потом он постепенно стал видеть — не так, как всегда.

Он увидел сырой скалистый ландшафт, над которым, казалось, была разлита скорбь. Место было тихим, в воздухе между скал медленно клубился туман, над неподвижной водой в лужах висели слабые испарения, а невысоко над головой они соединялись с туманом и запахами, чтобы время от времени проливаться дождем, перераспределяя по почве грязь. Кроме этого, ничего не было видно, а озноб пробирал до костей.

Джек шел так быстро, как только смел.

Не успел он отойти далеко, как слева от себя уловил еле заметное движение. Он увидел, как из одной из обычно неподвижных луж выпрыгнуло крошечное темное создание, покрытое лохматой шерстью. Оно уселось и не мигая уставилось на Джека.

Обнажив меч, Джек легонько тронул существо кончиком лезвия и быстро отступил на шаг, ожидая, что же произойдет. Существо начало преображаться, а воздух словно взорвался. Теперь оно возвышалось над Джеком на черных кривых ногах. Лица у него не было. Оно казалось плоским и было словно нарисовано чернейшими чернилами. То, на что оно опиралось, не было ступнями ног. Дергая хвостом, оно заговорило.

— Назови свое имя, идущий по дороге, — раздался голос, звучавший подобно серебряным колокольчикам Крелла.

— Никто не услышит моего имени, пока не назовется сам, — сказал Джек.

Рогатый силуэт испустил тихий смешок.

Потом существо сказало:

— Ну, ну! Мне не терпится услышать твое имя.

— Ну ладно, — сказал Джек и назвался.

Существо упало перед ним на колени.

— Господин, — сказало оно.

— Да, — ответил Джек. — Меня зовут именно так. Теперь ты во всем должен повиноваться мне.

— Слушаюсь.

— Именем, которое я назвал, приказываю тебе: отнеси меня на спине к самой дальней границе твоих владений. Спускайся, пока не доберешься

до того места, дальше которого нет хода ни тебе, ни тебе подобным. И да не предашь ты меня никому из своих товарищей и сородичей.

— Я сделаю, как ты велишь.

— Да.

— Повтори мне это еще раз, как заклятие.

Джек так и сделал.

— Теперь пригнись пониже, чтобы я мог оседлать тебя. Ты станешь моим скакуном.

Джек взобрался на спину существа, потянулся вперед и ухватился за рога.

— Ну! — сказал он, и тот поднялся и тронулся в путь.

Раздавался стук копыт и что-то, похожее на звон колоколов. Джек заметил, что шкура существа напоминала очень мягкую ткань.

Шаг убыстрился. Когда бы Джек ни пытался остановить на чем-нибудь взгляд, то видел размытый пейзаж.

... А потом наступила тишина.

Он понял, что в черноте вокруг что-то движется. Его лицо с регулярностью бьющегося сердца овевали ветры. Потом он понял, что они налетали сверху, гонимые над вредоносной землей большими черными крыльями.

Путешествие было долгим. Джек сморщил нос, потому что вонь, исходившая от зверя, была сильнее, чем запах окружающего ландшафта. Они двигались очень быстро, но он успевал заметить возникавшие время от времени в верхних слоях знакомые темные силуэты.

Несмотря на скорость, путешествие казалось бесконечным. Джек начал ощущать, что его силы иссякают, потому что его ладони болели сейчас даже сильнее, чем тогда, когда он вскипятил черный водоем.

Он боялся уснуть, потому что хватка могла ослабеть. И, чтобы отогнать сон, Джек принялся размышлять о самых разных вещах. Странно, думал он, что мой злейший враг оказал мне величайшую в жизни услугу. Если бы Повелитель Нетопырей не указывал мне путь, я бы никогда не отыскал Силу, которой теперь владею. Силу, сделавшую меня правителем. Силу, позволившую мне отомстить сполна и получить Ивен... Ивен... Я все еще не совсем доволен тем, каким образом удерживаю тебя. И все же... Есть ли иной путь? Ты заслужила то, что я сделал. А разве любовь сама по себе — не заклятие? Один любит, другой позволяет себя любить, и тот, кто влюблен, принужден исполнять требования другого. Конечно. Это то же самое.

... А потом он подумал о ее отце, Полковнике, и о Квазере, Смейдже, Блайте, Бенони и бароне. Все они уже заплатили ему, все. Он подумал о Розали, старушке Рози, и подивился — жива ли еще она. Он решил как-нибудь справиться о ней в таверне «Под Знаком Огненного Пестика», на дороге вдоль океанского побережья. Боршин. Джек задумался, сумело ли каким-то образом выжить это изуродованное существо и продолжает ли оно где-то разыскивать его след, подгоняемое единственным жгучим желанием, живущим в искореженном теле. Боршин действительно был

последним оружием Повелителя Нетопырей, его последней надеждой на отмщение. Эта мысль, как взрыв стручка г е б л и н к и, заставила Джека вспомнить то, к чему он давно не возвращался: компьютеры, университет, занятия и ту девушку... как ее звали?.. Клэр! Он улыбнулся тому, что вспомнил ее имя, хотя ее лицо от него ускользало. А потом еще и Квилиэн. Джек знал, что ему никогда не забыть лица Квилиэна. Как же Джек его ненавидел! Он хихикнул, вспомнив, что оставил того в лапах обезумевшего от боли Боршина, который, несомненно, принял Квилиэна за него самого. Он припомнил свою безумную поездку по стране, как он мчался, спасаясь от света, стремясь в царство тьмы, не зная, действительно ли те распечатки, которые он везет, содержат в себе Потерянный Ключ, Кольвинию. Ему вспомнилось, как у него захватило дух, когда он это проверил. Хотя больше он не возвращался на дневную сторону, Джек ощутил странную ностальгию по дням в университете. «Может быть, это от того, что сейчас я рассматриваю их как сторонний наблюдатель, — подумал он, — а тогда я сам был частью всего этого».

... И все время его мысли возвращались к возвышающейся подобно башне фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникус...

Джек припомнил все, что делал, начиная с Адских Игр до нынешнего положения дел; с того, откуда это все началось, до этого момента его теперешнего путешествия.

... И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде на вершине Паникуса, единственному другу Джека...

Почему они сдружились? Что у них было общего? Джек ничего не мог придумать. Но все равно он чувствовал, что это загадочное создание его привлекает — чего он никогда не испытывал ни к какому другому существу. К тому же он чувствовал, что по какой-то непонятной причине Утренняя Звезда тоже к нему неравнодушен.

... Ведь это Утренняя Звезда посоветовал ему отправиться в это путешествие, потому что оно — единственный способ довести до конца то, что должно быть сделано...

Потом Джек задумался об условиях, господствовавших в царстве тьмы, и понял, что он, Джек, не просто был единственным, кто способен на такое путешествие, но и большей частью нес ответственность за то положение дел, которое сделало это путешествие необходимым. Тем не менее руководило им не чувство долга или ответственности. Скорее, это был инстинкт самосохранения. Если царство тьмы погибнет, заледенев в Вечной Зиме, Джек погибнет вместе с ним и уже не воскреснет.

... И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде, подобно башне возвышающемуся на вершине Паникуса...

Тут он вздрогнул и чуть не выпустил рога жуткого существа, которое его несло. Сходство! Сходство.

Но нет, подумал он. Эта тварь — карлик по сравнению с Утренней Звездой, который подобно башне подпирает небо. Эта тварь прячет лицо, а черты Утренней Звезды полны благородства. Эта скотина воняет, а от

Утренней Звезды пахнет свежим ветром и горными дождями. Утренняя Звезда мудрый и добрый, а эта тварь — злобная и тупая. По чистой случайности оба они имеют рога и крылья. Эту тварь можно подчинить заклятию, а кто может подчинить себе Утреннюю Звезду?

А правда, кто? — подумал Джек. Разве он не заколдован так же, как эта тварь заколдована мной, хотя и по-другому? Но это было бы под силу только богам...

... И он обдумал эту идею, и отбросил ее.

Неважно, решил он наконец. Он — мой друг. Я могу спросить этого демона, не знакомы ли они, но его ответ ничего не изменит. Утренняя Звезда — мой друг.

Потом мир вокруг Джека стал темнеть, и он ухватился покрепче, испугавшись, что слабеет. Но чем ниже они спускались, чем темнее становилось, тем понятнее было, что они приближаются к границе.

Наконец существо, которое несло его, пропело приятным голосом:

— Только до этих пределов могу я донести тебя, господин, но не далее. Черный камень перед тобой отмечает границу царства видимой тьмы. Пересечь ее я не смею.

Джек прошел мимо черного валуна. Тьма позади камня была абсолютной.

Обернувшись, он сказал:

— Ну хорошо. Я освобождаю тебя от служения мне. Приказываю тебе только: если нам придется встретиться еще, ты не попытаешься причинить мне вред и будешь повиноваться моей воле так же, как в этот раз. Теперь приказываю тебе уйти. Иди! Я посылаю тебя вперед!

И Джек пошел прочь от границы, зная, что близок к цели.

Он узнавал это по слабому дрожанию земли под ногами, по едва уловимой вибрации воздуха, словно вдалеке гудели машины.

Он шел вперед, размышляя о своей задаче. Вскоре волшебство потеряет силу, даже Ключ станет бесполезным. Но черное пространство, которое сейчас пересекал Джек, должно было быть свободным от зла. Это просто чернота, простирающаяся до нужного ему места. Джек создал небольшой мигающий огонек, чтобы освещать себе дорогу под ногами. Выбирать направление было не нужно: достаточно было просто идти на звук и ощущать, как он усиливается.

... И по мере того, как звук усиливался, способность Джека создавать путеводный огонь слабела, пока, наконец, не исчезла.

Из-за этого он стал двигаться осторожно, не слишком сожалея об исчезнувшем огоньке, потому что теперь вдалеке видна была светящаяся точка.

Глава 12

Пятнышко света росло, а гудение и вибрация усиливались. Наконец света стало достаточно, чтобы Джек мог разглядеть дорогу. Через некоторое время свет стал настолько ярким, что Джек выругался — он забыл захватить свои старые темные очки.

Яркий свет превратился в светящийся квадрат. Лежа на животе, Джек долго смотрел на него, давая глазам возможность приспособиться. По дороге он не один раз повторил это, испытывая боль.

Почва под ногами стала ровной, воздух — холодным, но приятным, лишенным тех запахов, которые преобладали там, откуда Джек недавно ушел.

Он шел, пока оно не оказалось прямо под ним. Там не было ничего, кроме света. Это был гигантский выход куда-то — но все, что Джек сумел разглядеть, это желто-белое сияние. Он услышал гудение, звякание и скрежет, словно там работало множество машин.

... Или Великая Машина.

Джек опять лег ничком. Он пополз вперед через этот выход. Он лежал на карнизе, и на миг его разум отказался вобрать в себя все то, что было внизу.

Там было столько механизмов, что потребовалось бы бог знает сколько времени, чтобы все их пересчитать. Некоторые крутились медленно, некоторые — быстро, большие поворачивались к маленьким. Там были кулачки, рычаги управления, рукоятки и маятники. Некоторые маятники были больше Джека раз в двадцать и ходили медленно, тяжеловесно. Там были штуки, которые штопором ввинчивались в цилиндры и выползали наружу из черных металлических пазов. Там были конденсаторы, трансформаторы и выпрямители. Там были огромные корпуса из вороненого металла, на которых располагались циферблаты, выключатели, кнопки и множество разноцветных, все время мигающих лампочек. Слышался непрерывный шум, гудели генераторы, спрятанные еще ниже... или, может быть, это было что-то другое, черпающее мощность прямо из планеты, от ее тепла, гравитационного поля и определенных скрытых напряжений... Все это гудело в ушах у Джека, словно рой насекомых. Повсюду резко пахло озоном. Стены огромного котлована, в котором все это располагалось, источали яркий свет. Целая батарея вагонеток двигалась по рельсам через весь комплекс, иногда останавливаясь, чтобы выгрузить смазку в разных точках. Там были силовые кабели, похожие на змей, которые пронизывали Машину в разных направлениях — но это ничего не говорило Джеку. Там были крохотные коробочки со стеклянными окошечками, связанные с прочим тонкими проводами, а в них — такие мельчайшие детали, что Джек со своего места не мог различить их очертаний. Там было никак не меньше сотни механизмов, напоминавших лифты. Они все время то ныряли в глубину, то исчезали наверху. На разных уровнях они останавливались, чтобы вытолкнуть из себя в Машину какие-то механизмы. На дальней стене светились широкие красные полосы. Они мигали. Разум Джека не мог вместить все то, что он увидел, почувствовал, услышал и обонял, хотя Джек понимал, что с этим придется как-то разбираться, и поэтому искал ту часть этой массивной структуры, ту оптимальную точку воздействия, которая уничтожила бы машину. Он обнаружил, что на стенах висели инструменты титанических размеров — инструменты, пользоваться которыми для обслуживания этой машины могли бы только великаны. Там были гаечные

ключи, плоскогубцы, отвертки, рычаги. Джек знал, что среди них есть нужная ему штука, которая, если правильно ее использовать, сможет сломать Великую Машину.

Он еще прополз вперед и продолжал глазеть. Зрелище было великолепным — ничего подобного прежде не бывало и никогда больше не будет.

Джек посмотрел вниз и увидел далеко справа от себя металлическую лестницу. Он пошел к ней.

Карниз сузился, но Джеку удалось добраться до верхней ступеньки. С нее он рывком перемахнул туда, куда ему было нужно, и начал долгий спуск.

Не успел он добраться до дна котлована, как услыхал шаги. Они были еле различимы среди шумов от работающих машин, но он расслышал их и отступил в тень.

Тень, хотя и не имела своих обычных свойств, скрыла его. Там, неподалеку от лестницы, рядом с каким-то генератором, Джек выжидал, обдумывая свой следующий шаг.

Показался низенький седой человек. Джек рассматривал его. Тот остановился, нашел канистру с маслом и стал закапывать смазку в разные механизмы.

Джек наблюдал, как человечек ходит по Машине, отыскивая клапаны и отверстия, и заливает в них масло.

— Здравствуйте, — сказал он, когда человечек проходил мимо него.

— Что... Кто вы такой?

— Я — человек, который пришел к вам.

— Зачем?

— Я пришел кое-что у вас спросить.

— Приятно слышать. Я готов вам отвечать. Что вы хотели бы знать?

— Меня интересует, как устроена Машина.

— Это очень сложно, — ответил тот.

— Еще бы. А нельзя ли поподробнее?

— Да, — ответил его собеседник и ошеломил Джека объяснениями.

Джек кивал, чувствуя, как его руки напрягаются.

— Понимаете?

— Да.

— А в чем дело?

— По-моему, вы собираетесь умереть, — сказал Джек.

— Что... — Но Джек ударил его кулаком в левый висок.

Он подошел к набору инструментов около Машины, поглядел на огромное количество оборудования. Джек выбрал тяжелый металлический брусок, назначения которого не понимал. Подняв его, он отыскал небольшой стеклянный корпус, о котором говорил старик. Внутри он увидел сотни крохотных деталек, вращающихся с разной скоростью.

Занеся брусок, Джек раздробил стекло и принялся уничтожать внутренний механизм. С каждым новым ударом, который он наносил, механизмы в очередной части Машины издавали протестующие звуки. За этим

последовал пронзительный вой, резкий скрип и скрежет металла о металл. Потом раздался взрыв и несколько частей Машины задымились. Раздалось прерывистое гудение и звяканье, словно рвалось или разбивалось что-то большое. Один из самых массивных механизмов заработал с перебоями, сбавил скорость, остановился и пошел снова, медленнее, чем раньше.

Пока Джек крушил другие корпуса, емкости со смазкой наверху взбесились. Они метались туда-сюда, вываливая свое содержимое и возвращаясь к кранам на стенах за новыми порциями. Запахло горелой изоляцией. Раздались такие звуки, словно что-то лопалось. Пол затрясся, и несколько поршней вырвались на свободу. Теперь в дыму мелькали языки пламени. От едких испарений Джек чихал.

Машина содрогнулась до основания, остановилась и снова заработала в бешеном темпе. Пока валы и оси лязгали, а механизмы метались, она тряслась. Машина принялась разрывать себя на части. У Джека от грохота заболели уши. Размахнувшись, он обрушил брусок на Машину и побежал в сторону лестницы.

Когда он оглянулся, то увидел, что к машине мчатся огромные фигуры, наполовину скрытые дымом. Слишком поздно, знал Джек.

Он взлетел по лестнице, добрался до карниза и помчался в темноту, из которой явился.

Так началось уничтожение того мира, который был ему знаком.

Обратный путь оказался в определенных отношениях опаснее спуска, потому что теперь земля дрожала, поднимая вековую пыль, стены трескались, обваливались куски свода. Два раза Джеку приходилось, кашляя, расчищать дорогу от мусора, прежде чем он смог пройти. Кроме того, те, кто населял этот огромный тоннель, в панике бежали, с новоявленной жестокостью нападая друг на друга. Чтобы пройти там, Джек многих поубивал.

Джек вышел из тоннеля и посмотрел на черную сферу высоко в небе. От нее все еще исходил холод, теперь даже больше, чем когда Джек только начинал свою миссию. Он осмотрел шар и отметил, что, похоже, тот слегка сместился из своего прежнего положения.

Потом, дабы сдержать данное себе обещание, Джек поспешно воспользовался Ключом и перенесся на океанское побережье, к таверне «Под Знаком Огненного Пестика».

Он зашел в эту сделанную из местного дерева гостиницу, тысячу раз чиненную и такую древнюю, что даже Джек с трудом припоминал, когда она появилась. Когда он спустился в центральный обеденный зал, земля дрогнула, а стены вокруг него затрещали. За этим последовала тишина. Потом стал слышен гул голосов, доносившийся от группы обедавших у огня.

Джек подошел к ним.

— Я ищу старуху по имени Розали, — сказал он. — Она живет здесь?

Широкоплечий мужчина со светлой бородой и синевато-багровым шрамом на лбу поднял глаза от тарелки.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Джек из Шедоу-Гард.

Мужчина рассмотрел лицо и одежду Джека. Он широко раскрыл глаза, потом опустил их.

— Я не знаю никакой Розали, сэр, — тихо сказал он. — А вы, ребята?

Остальные пятеро обедавших сказали «нет», не глядя на Джека, и торопливо прибавили «сэр».

— Кто хозяин гостиницы?

— Его зовут Хэрик, сэр.

— Где мне найти его?

— Идите через ту дверь в конце зала, справа от вас, сэр.

Джек повернулся и направился к двери. Проходя, он услышал, что в тени кто-то прошептал его имя.

Он поднялся на два лестничных пролета и вошел в небольшую комнату, где, попивая вино, сидел толстый краснолицый мужчина в грязном фартуке. В свете желтой свечи, которая трещала на столе перед ним, его лицо казалось еще более грубым. Он медленно повернул голову и несколько минут пытался сфокусировать свой взгляд на Джеке.

Потом он спросил:

— Чего надо?

— Меня зовут Джек и я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда, Хэрик, — ответил он. — Я ищу старуху, которая приходила, чтобы прожить здесь свои последние дни. Ее зовут Розали. Расскажи, что ты знаешь о ней.

Хэрик наморщил лоб, опустил голову и прищурился.

— Погоди-ка, — сказал он. — Б ы л а тут старая швабра... Да померла намедни.

— О, — сказал Джек — Тогда скажи мне, где вы ее похоронили, чтобы я мог сходить к ней на могилу.

Хэрик фыркнул и большими глотками допил вино. Вытерев рот тыльной стороной кисти, он поднял руку и промокнул глаза рукавом.

— Похоронили? — переспросил он. — Да кому она была нужна? Мы держали ее тут из жалости... и еще потому, что она кое-что смыслила в знахарстве.

Челюсти Джека затвердели.

— И что же вы с ней сделали? — спросил он.

— Как это что? Бросили в океан. Правда, не велика это была пожива для рыб...

Джек покинул «Огненный Пестик», а за его спиной, на побережье, пылала гостиница.

Теперь он шел вдоль черной плоскости океана. Стоило задрожать земле или воде, и отражения звезд на его поверхности пускались в пляс. Воздух был очень холодным. Джек чувствовал, что сильно устал. Меч, висевший на перевязи, стал чуть ли не слишком тяжелым для него. Ему

страшно хотелось завернуться в плащ и ненадолго прилечь. И выкурить сигарету.

Он шел, словно сомнамбула, сапоги тонули в песке. Он снова пришел в себя только от шока, увидев, кто появился перед ним.

Похоже, это был он сам.

Тогда Джек потряс головой.

— А, это ты, душа, — сказал он.

Тот кивнул.

— Вовсе ни к чему было разрушать гостиницу, — сказал он, — потому что скоро моря вырвутся на свободу и могучие волны смоют землю. Эта гостиница исчезла бы одной из первых.

— Ты не прав, — сказал Джек, зевая. — Причина была: моему сердцу это пошло на пользу... А как это ты узнаешь, как поведет себя море?

— Я никогда не удаляюсь от тебя. Я был с тобой на вершине Паникуса, когда ты беседовал с могучим Утренней Звездой. Я спускался с тобой в недра земли. Когда ты крушил Великую Машину, я стоял рядом. Я сопровождал тебя сюда.

— Зачем?

— Ты знаешь, чего я хочу.

— ... А я уже несколько раз давал тебе ответ.

— Ты знаешь, что сейчас дело обстоит иначе, Джек. Своими действиями ты лишил себя большей части сил... может быть, всех. Может быть, ты уничтожил все свои жизни, кроме теперешней. Теперь я тебе нужен. Ты знаешь, как нужен.

Джек уставился на океан и метавшиеся, как светляки, звезды.

— Возможно, — сказал он. — Но еще не пора.

— Посмотри на восток, Джек. Посмотри на восток.

Джек поднял глаза и повернул голову.

— Это горит гостиница, — сказал он.

— Значит, ты не увидишь, как мы соединимся?

— Не сейчас. Но я и не гоню тебя. Давай-ка теперь вернемся в Шедоу-Гард.

— Отлично.

Потом земля затряслась так, как до сих пор не содрогалась ни разу, и Джек пошатнулся.

Когда почва снова успокоилась, он вытащил меч и принялся чертить на песке знаки.

Джек начал заклинание. Когда он уже был близок к завершению, огромная волна накрыла его с головой и сбила с ног. Он почувствовал, что его выкинуло на площадку уровнем выше. Легкие горели без воздуха. Зная, что произойдет в следующий момент, Джек попытался последовать за волной еще дальше.

Перед глазами Джека плавали огни, когда он, зарываясь в песок, пополз вперед. Таким образом он немного продвинулся вперед раньше, чем вода начала спадать.

Джек боролся, а волны тащили его. Он цеплялся за песок, греб руками, дрыгал ногами, пытался ползти...

... А потом освободился.

Он лежал, наполовину зарывшись лицом в холодный сырой песок, ногти были обломаны, в сапогах – полно воды.

— Джек! Сюда! Скорее!

Это звала душа Джека.

Он лежал, хватая воздух, не в силах шевельнуться.

— Джек, ты должен идти! Или немедленно прими меня! Скоро придет еще одна волна!

Джек застонал. Он попытался встать, но неудачно.

Потом, со стороны горящей гостиницы, которая озаряла весь берег бледным рыжеватым светом, раздался треск — это провалилась крыша и рухнула одна из стен.

Стало темнее, и вокруг Джека заплясали тени.

Чуть не плача, Джек вытягивал из них силу каждый раз, как тени попадали на него.

— Надо спешить, Джек! Она повернула обратно! Она идет!

Он встал на колени, потом рывком поднялся. Шатаясь, он пошел вперед.

Добравшись до площадки, расположенной повыше, он повернул в глубь берега. Душа ждала его впереди, и, заметив это, он пошел к ней.

Позади усиливался шум воды.

Он не оглядывался.

Наконец он услышал, как волна обрушилась на берег, и ощутил водяную пыль. Только пыль.

Он слабо улыбнулся душе.

— Видишь? Мне, в общем-то, твои услуги не нужны, — сказал он.

— Скоро понадобятся, — возвращая улыбку, сказала душа.

Джек поискал на поясе кинжал, но океан забрал его себе вместе с плащом. Туда же отправился и его меч, который он держал в руке, когда обрушилась волна.

— Стало быть, море ограбило вора. — Он хихикнул. — Это осложняет дело.

Джек упал на колени и, морщась от боли, потому что ногти были сломаны, указательным пальцем еще раз начертил на песке знаки.

Потом, не вставая, он произнес заклинание.

Он стоял на коленях в большом зале у себя в Шедоу-Гард. Вокруг мигали факелы и огромные свечи. Джек очень долго не шевелился, позволяя теням омывать себя. Потом он встал и прислонился к стене.

— Что теперь? — спросила его душа. — Может, вымоешься и отоспишься?

Джек качнул головой.

— Нет, — ответил он. — Я не рискну упустить момент своего величай-

шего триумфа... или, может статься, поражения. Я немного отдохну тут, потом приму наркотик, чтоб оставаться сильным и быть начеку.

Потом Джек перебрался в кабинет, где держал свои стимуляторы, отпер шкаф, пробормотав заклинание, и приготовил себе снадобье. Занимаясь приготовлениями, он заметил, что у него дрожат руки. Прежде чем выпить оранжевую жидкость, ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы очистить рот от песка.

Потом он запер кабинет и подошел к ближайшей скамье.

— Ты давно не спал... А когда шел к Великой Машине, то принимал те же средства...

— По-моему, я это чувствую даже сильнее, чем ты, — сказал Джек.

— Тебе предстоит сильное напряжение.

Джек не ответил. Немного погодя его затрясло. Он так ничего и не сказал.

— На этот раз оно подействовало не сразу, а?

— Заткнись! — сказал Джек.

Потом он встал и повысил голос.

— Стэб! Где ты, черт тебя возьми! Я вернулся домой!

Почти сразу появился черный человечек. Он почти бежал.

— Господин! Вы вернулись! Мы не знали...

— Теперь знаете. Приготовьте мне ванну, чистую одежду, новый меч и поесть... да побольше! Я умираю с голоду! Ну, шевелись, задница!

— Слушаюсь, сэр!

И Стэб исчез.

— Ты что, не чувствуешь себя в безопасности? Зачем тебе меч в твоей собственной крепости, Джек?

Он обернулся, улыбаясь.

— Есть особые случаи, душа. Если ты все время был рядом со мной, как ты говоришь, ты знаешь, что обычно в этих стенах я так не хожу. Зачем ты пытаешься вывести меня из терпения?

— Тревожить время от времени — привилегия души, можно сказать, обязанность.

— Оставь свои привилегии до лучших времен.

— Но сейчас великолепный момент, Джек. Такого подходящего момента не было давным-давно. Ты что, боишься, что, если ты высвободишь свои силы, твои вассалы могут восстать на тебя?

— Заткнись!

— Ты, конечно, знаешь, что они зовут тебя Злым Джеком?

Джек снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Не выйдет. Я не позволю тебе разозлить меня и обманом впутать в какую-нибудь глупость... Да, я знаю, что за прозвище мне дали, хотя немногие называли так меня в лицо — и никто из них дважды. Ты что же, не понимаешь, что, займи мое место кто-нибудь из моих вассалов, он вскоре заработал бы это же прозвище?

— Да, понимаю. Потому что у них нет души.

— Я не стану спорить с тобой, — сказал Джек. — Хотя я желал бы знать, почему никто ни разу не высказался по поводу твоего присутствия?

— Меня видишь только ты — я только тогда, когда я хочу этого.

— Отлично! — сказал Джек. — Почему бы тебе не стать сейчас невидимым и для меня! И не мешать мне вымыться и поесть.

— Извини. Я не совсем готов.

Джек пожал плечами и отвернулся.

Через некоторое время принесли наполненную водой ванну. Когда земля дрогнула так, что по стене пробежала похожая на черную молнию трещина, часть воды разлилась. Две свечи опрокинулись и сломались. Из потолка вывалился камень и упал в соседнем покое, но никто не пострадал.

Не успел Джек до конца раздеться, как принесли новый меч. Он бросил раздеваться и опробовал его. Он кивнул.

Он еще не закончил мыться, а рядом уже поставили стол.

К тому времени, как он вытерся, оделся и взял меч, на столе появились приборы и еда.

Джек ел медленно, смакуя каждый кусок. Съел он неимоверно много.

Потом он встал из-за стола и вернулся в кабинет, где держал сигареты. Оттуда он прошел в основание своей любимой башни и поднялся по лестнице.

С вершины башни он, покуривая, принялся рассматривать черную сферу. Да, с тех пор как он в последний раз видел ее, она заметно сместилась. Джек выпустил дым в сторону сферы. Он ощущал восторг от того, что сделал, — может быть, из-за того, что принял наркотик. Будь что будет, он — хозяин и творец нового положения вещей.

— Ты сейчас испытываешь сожаления, Джек? — спросила его душа.

— Нет, — сказал Джек. — Это нужно было сделать.

— Но тебе ж а л ь, что это пришлось сделать?

— Нет, — сказал Джек.

— Зачем ты спалил гостиницу «Под Знаком Огненного Пестика»?

— Чтобы отомстить за то, как там обходились с Розали.

— А что ты чувствовал, когда потом шел по берегу?

— Не знаю.

— Только голод и усталость? Или еще что-то?

— Печаль. Сожаления.

— А часто с тобой бывает такое?

— Нет.

— Хочешь узнать, почему с недавних пор ты стал чаще испытывать подобные чувства?

— Скажи, если знаешь.

— Потому что я рядом. У тебя есть душа, которую ты освободил. Я всегда неподалеку от тебя. Ты начал ощущать мое влияние. Так ли уж это плохо?

— Спросишь в другой раз, — сказал Джек. — Я пришел посмотреть, как обстоят дела, а не болтать.

... И слова его достигли ушей того, кто его разыскивал, когда дальняя гора стряхнула свою вершину, изрыгнула в воздух огонь и пепел и снова затихла.

Глава 13

Джек слушал грохот дробящихся камней и наблюдал, как черная точка падает. Он слышал стоны, шедшие из сердца земли. Он видел, как ее пересекали огненные линии.

Его ноздрей коснулись едкие запахи подземного мира. Пепел роился в холодном воздухе, поднимаясь и опускаясь, как нетопыри его предшественника. Раньше перемещений звезд в небе по чьему-то приказу не бывало. Вдали стояли семь гор с вершинами, похожими на факелы, и он припомнил тот день, когда заставил одну из них двигаться. Небосвод постоянно прочерчивали скопления метеоритов, напоминая Джеку, как выглядело небо в день его последнего воскрешения. Иногда облака пара и струйки дыма затемняли созвездия. Земля дрожала не переставая, а далеко внизу Шедоу-Гард дрожал на своем фундаменте. Джек не боялся, что башня упадет, потому что так любил этот замок, что наложил на него сильное заклятие и знал, что, пока он обладает Силой, Шедоу-Гард устоит.

Рядом с ним стояла его душа. Он снова закурил и стал рассматривать склон горы невдалеке.

Медленно наползли тучи. Они собирались вдали, где начиналась гроза. Подобно многоногим насекомым с огненными лапками, тучи перепрыгивали с горы на гору. На севере небо от них пылало, их пробивали метеориты, а атакуемая земля плевала в них. Позже Джек сумел расслышать ворчание, означающее начало столкновения. Еще чуть позже он заметил, что грозовой фронт движется в его сторону.

Когда буря была почти над его головой, Джек улыбнулся и вытащил меч.

— Ну, душа, — сказал он, — теперь посмотрим, какова моя Сила.

С этими словами он начертил на камне узор и начал говорить.

Молния и гром разделились, обтекая подобно огненной реке Шедоу-Гард с двух сторон, не затрагивая его.

— Отлично.

— Спасибо.

Теперь они были словно бы в конверте: внизу горела и содрогалась земля, над головой бесновалась буря, небо было исполосовано падающими звездами.

— Ну, теперь ты можешь мне сказать?

— Могу. Теперь можно сказать уже о многом, правда? — сказал Джек.

Душа не ответила.

Услышав шаги, он обернулся к лестнице.

— Это, должно быть, Ивен, — сказал он. — Она боится грозы и всегда приходит ко мне.

Из двери на лестницу появилась Ивен, увидела Джека и кинулась к нему. Она ни слова не сказала. Джек обнял ее одной рукой и завернул в плащ. Она дрожала.

— Ты не сожалеешь о том, что сделал с ней?

— Отчасти, — сказал Джек.

— Так почему бы тебе не исправить дело?

— Нет.

— Потому что, вспомнив, она возненавидит тебя?

Джек молчал.

— Она не может меня услышать. Если я спрашиваю, можешь отвечать коротко. Она подумает, что ты просто что-то бормочешь... Или это больше, чем ненависть?

— Да.

Оба помолчали.

— Ты боишься, что, вспомнив, она сойдет с ума?

— Да.

— Значит, ты более чувствителен и эмоционален, чем был когда-то. Даже больше, чем я подозревал.

Джек молчал.

Над ними все еще гремел гром, сверкали молнии, и Ивен, наконец, повернула голову, заглянула Джеку в лицо и сказала:

— Тут, наверху, ужасно. Не сойти ли нам вниз, милый?

— Нет. Можешь спуститься, если хочешь. Но я должен остаться.

— Тогда я остаюсь с тобой.

Медленно, очень медленно гроза стала уходить, затихла, прошла. Джек увидел, что горы еще пылают, а разорванная земля сама изрыгает языки пламени. Обернувшись, он увидел, что в воздухе кружится что-то белое, и понял, наконец, что это не дым, а снег. Но снег шел далеко на востоке.

Джек внезапно почувствовал, что ничего не выйдет — опустошение будет слишком полным. Но теперь делать было нечего, оставалось только смотреть.

— Ивен...

— Да, господин.

— Я хочу кое-что сказать...

— Что, любимый?

— Я... Нет, ничего!

А душа Джека подошла поближе и встала прямо у него за спиной. В нем поднималось странное чувство, и он не выдержал. Снова повернувшись к ней, он сказал:

— Мне очень жаль. Прости.

— За что, милый?

— Сейчас я не могу объяснить, но может наступить время, когда ты вспомнишь, что я сказал.

Она, озадаченная, сказала:

— Надеюсь, такое время не придет никогда, Джек. Я всегда была с тобой счастлива.

Он отвернулся и стал смотреть на восток. На миг он перестал дышать и всем телом ощутил биение сердца.

Оно шло по следу сквозь пыль, шум, холод. Пылающий огонь, дрожащая земля, гроза для него ничего не значили, потому что это существо не знало страха. Оно соскальзывало вниз по склонам холмов, как призрак, и струилось среди скал, как змея. Оно перепрыгивало глубокие расселины, увертывалось от падающих камней. Один раз его ударило молнией. Это был комок протоплазмы на ножке, огромный, испещренный шрамами, и не было настоящих причин, чтобы оно жило и двигалось. Но, возможно, оно и не жило в полном смысле слова — по крайней мере, оно существовало не так, как прочие, даже жители царства тьмы. У него не было имени, только название. Рассудок его, вероятно, был невелик. Это был комок инстинктов и рефлексов, некоторые из них были врожденными. Чувств у него не было, кроме одного. Но это единственное было очень сильным. Оно позволяло ему вытерпеть крайнюю нужду, боль и увечья. Существо не говорило ни на одном языке, и все, с кем бы оно ни столкнулось, убегали от него.

Пока земля сотрясалась, а камни вокруг грохотали, оно начало спускаться с горы-которая-однажды-сдвинулась-с-места, и его сопровождали огненные потоки, а тучи роняли пламя.

Ни оползни, ни буря его не остановили.

Оно пробралось через валуны, разбросанные у подножия горы, и на миг задумалось о последнем подъеме.

След вел туда. Туда и нужно было идти.

Высокие стены, хорошая охрана...

Но, кроме силы, у этого существа была и кое-какая хитрость.

... И одно-единственное чувство.

— Выигрываю я или теряю, но действую, — сказал Джек, и, хотя Ивен промолчала, его душа отозвалась.

— Теряешь. Потеря это или приобретение для мира — другой вопрос. Но ты теряешь, Джек.

И, глядя на светлеющий восток, Джек почувствовал, что так оно и есть.

Потому что небо побледнело, но не от вулканического огня и не от грозы. Джек чувствовал, как Сила в нем ослабевает. Повернувшись к западу, он опять увидел, насколько снизилась черная сфера, и в его мозгу взорвался рассвет.

Сила ускользала от него, и по мере этого стены Шедоу-Гард начали крошиться.

— Теперь нам лучше уйти, да побыстрее.

— Какое тебе дело, дух? Тебе нельзя причинить вред. Я не побегу. Эта башня устоит перед зарей.

Внизу под ними камни градом сыпались во двор. Стена подалась, обнажив внутренности нескольких покоев. До Джека донеслись крики его челяди и несколько человек пробежали по двору. Земля опять содрогнулась, и башня качнулась.

Джек снова повернулся лицом к розовому небу на востоке.

— Потерянный Ключ, Кольвиния, снова потерян, — сказал он. — На этот раз — навсегда.

Потому что он попробовал простое заклинание, и оно не подействовало.

Он услышал рев, словно открыли шлюзы, и дальняя часть замка рухнула и развалилась.

— Если ты не уйдешь, что станет с девушкой, которая стоит рядом с тобой?

Джек повернулся к Ивен. Он почти забыл о ее присутствии. Он увидел, что ее лицо приобретает странное выражение.

Сначала он не мог понять, что это означает, а когда она заговорила, он заметил, что тембр ее голоса изменился.

— Что происходит, Джек?

Пока она говорила это, Джек почувствовал, что ее тело цепенеет и слегка отстраняется от него. Он тут же разжал руки, чтобы приспособиться к ее движениям.

И его осенило. Когда его магические силы стали слабеть, заклятие, которое он так давно наложил на нее, перестало действовать. Над потревоженным миром разливалась заря, и память Ивен прояснялась пропорционально этому.

Он заговорил, надеясь полностью завладеть ее вниманием и удержать от мгновенного осознания происходящих в ней перемен.

— Это моих рук дело, — заявил он. — Семеро, вписанные в Красную Расчетную Книгу, не захотели сотрудничать и удерживать Щитом внешний холод, поэтому я убил их. Но я ошибался, считая их заменимыми. Хотя я думал, что справлюсь, я не смог один провернуть все это. Была только одна альтернатива. Я разрушил Великую Машину, которая делала мир таким, каким он был. Сейчас мы, жители царства тьмы, черпаем свои легенды из той непонятной штуки, которая зовется наукой, и говорим, что мир движет Машина. Те, кто живет на дневной стороне планеты, точно так же суеверны и считают, что земное ядро заполнено духами огня и расплавленными минералами.

Как определить, кто тут прав, а кто нет? Философы на обеих сторонах часто говорят, что мир чувств иллюзорен. Мне это, в общем, неважно. Что бы ни являлось реальностью, от которой мы постоянно изолированы, я пробрался к самому центру земли и вызвал там катастрофу. Теперь ты видишь ее результаты. Из-за того, что я сделал, мир начинает вращение. Больше не будет ни царства тьмы, ни царства света. Скорее, свет и тьма будут чередоваться во всех частях планеты. Я чувствую, что тьма всегда

будет сохраняться в каких-то вещах, привычных для нас здесь, а науки, несомненно, будут процветать там, где свет.

Если, добавил он про себя, мир не разрушится.

Тут он задумался, каково сейчас было там, на светлой стороне... в университете... увидеть, как приходит вечер, за ним — тьма, увидеть звезды. Решит ли Пойндекстер, что это какая-то студенческая штучка к окончанию очередного семестра?

— И значит, — продолжал он, — не нужно будет устанавливать защиту ни от жары, ни от холода. Тепловое излучение звезды, вокруг которой мы движемся, будет не концентрироваться, а, скорее, распределяться. Я...

— Злой Джек! — выкрикнула Ивен, быстро отшатнувшись от него.

Уголком глаза он заметил, что над горизонтом появилась сияющая оранжевая дуга.

Когда ее лучи упали на них, башня задрожала, затряслась и сильно закачалась. Джек услышал, как внутри башни сыплются камни, и почувствовал сквозь сапоги вибрацию от их движения.

... А Ивен пригнулась, готовясь прыгнуть, и ее глаза за массой освободившихся волос, которые стелились по ветру, были безумными и широко раскрытыми.

... А Джек увидел, что в правой руке у нее кинжал.

Он облизал губы и сделал шаг назад.

— Ивен, — сказал он. — Пожалуйста, выслушай меня. Я могу отнять у тебя эту игрушку, но не хочу сделать тебе больно. Я уже причинил тебе достаточно боли. Убери его. Пожалуйста. Я постараюсь сделать...

Тогда она прыгнула на Джека, а он потянулся к ее запястью, промахнулся и отступил в сторону.

Клинок прошел рядом с ним, за ним — ее плечо и рука. Он ухватил ее за плечи.

— Злой Джек! — снова сказала она и с размаху ударила его по руке, рассекая ее.

Его хватка ослабла, Ивен вырвалась и накинулась на Джека, подбираясь к горлу.

Левой рукой он схватил ее за запястье, а правой оттолкнул от себя. При этом он мельком увидел ее лицо: клочья пены в уголках рта, струйки крови, текущей из прокушенной губы по подбородку.

Она отступила, наткнулась на балюстраду, и та обвалилась почти беззвучно.

Джек стремительно кинулся к ней, но успел только увидеть ее развевающиеся юбки, когда она падала вниз во двор. Ее крик был коротким.

Когда башня закачалась так, что грозила свалить его с ног, он отступил назад.

Солнце взошло уже наполовину.

— Джек! Нужно уходить! Замок разваливается!

— Все равно, — сказал он.

Но он повернулся и пошел к двери на лестницу.

Пробравшись в крепость через дыру, зиявшую в северной стене, оно принялось обыскивать коридоры. Когда ему приходилось убивать, оно оставляло тела там, где они падали. В одном месте на него рухнул кусок кровли. Оно выбралось из-под него и продолжало свой путь.

Пока водоносы метались, пытаясь потушить огонь, оно лежало за валуном, припав к земле. Оно пряталось в нишах, за портьерами, за дверями и мебелью. Оно скользило, как призрак, и ползло, как рептилия.

Оно пробиралось между обломками, пока вновь не напало на след.

След вел все выше, выше, петлял...

Туда.

Разорванное светом небо, ясно помнящаяся сломанная балюстрада, развевающиеся юбки Ивен, стоящие перед глазами Джека, ее слюна и кровь — вот чернила для его обвинительного акта. Громыхание измученной земли, ставшее из-за своей монотонности как бы формой тишины, раздробленные камни, заострившиеся в ясном свете зари, ветры, поющие траурные песни, движение разрушающейся башни — теперь почти успокаивающее... Джек подошел к верхней ступеньке и увидел, что оно поднимается.

Он вытащил меч и ждал. Другого пути вниз не было.

Странно, подумал он, как инстинкт самосохранения берет верх над чем угодно.

Он держал меч неподвижно. Перепрыгнув последние ступени, Боршин напал на него.

Джек проткнул ему левое плечо, но не остановил. Меч вырвался у него из рук, когда Боршин ударил его сзади и склонился над ним.

Джек откатился в сторону и сумел занять положение перед прыжком раньше, чем тварь напала снова. Его меч все еще торчал у него в плече и блестел на свету, кровь по нему не текла, вместо этого по краям раны выступило немного густой коричневой жидкости.

Джеку удалось увернуться от повторного нападения и ударить ее обеими руками, но незаметно было, чтобы это что-нибудь дало. Казалось, он бьет по пудингу, а тот остается целым.

Ему удалось увернуться от нападения еще дважды. Один раз он лягнул тварь по ноге, а потом треснул локтем по затылку, когда она двигалась мимо.

Потом она без труда поймала Джека, но он втолкнул меч ей в плечо и отскочил, разорвав себе рубаху.

Припадая к земле, кружа, стремясь сохранить между ними максимальное расстояние, Джек отклонился назад, схватив два камня. Если бы не это, тварь добралась бы до него. Она очень быстро обернулась, а Джек запустил в нее одним из новоприобретенных снарядов — и промахнулся.

Потом, прежде чем он успел прийти в себя после броска, она накинулась на него, повиснув у него на спине.

Джек бил ее по голове оставшимся камнем, пока тот не вырвался у него из руки. Его грудная клетка была сломана, а морда твари была так близко от его лица, что ему хотелось закричать — он бы закричал, если бы у него хватило дыхания.

— Жаль, что ты сделал неправильный выбор, — услышал он свою душу.

Потом тварь ухватила его одной рукой за шею, а другой — за голову и начала крутить.

Из глубин его тела поднялась чернота, слезы боли смешались на его лице с потом, а голова оказалась повернутой таким образом, что Джек увидел нечто, мгновенно повергшее его в изумление.

Волшебство исчезло, но рассвет все еще напоминал сумерки. В сумерках же Джеку было легче — не как волшебнику, а как вору.

Потому что в тени он был силен.

Ни один меч не мог его там тронуть, ни одна сила не могла причинить ему вред.

Восходящее солнце, ударив сквозь балюстраду, создало длинную густую тень, которая упала в каком-нибудь футе от Джека.

Он попытался дотянуться до нее, но не смог. Тогда он выбросил правую руку в сторону тени так далеко, как только мог.

Джек все еще чувствовал боль, позвоночник хрустел, сокрушительный груз все еще давил на грудь.

Но только теперь пришло старое чувство тьмы и растеклось по телу.

Напрягая мышцы шеи, Джек сопротивлялся обмороку. Пользуясь силой, которую он извлек из тени, он втолкнул в тень руку и плечо. Потом, на пятках и локтях, он сумел впихнуть в глубокую тень голову.

Высвободив другую руку, он нашел горло Боршина. Он втащил его за собой в тень.

— Джек, что происходит? — услыхал он свою душу. — Я не могу видеть тебя, когда ты в тени.

Джек вышел из тени много позже.

Он тяжело облокотился на перила и стоял там, задыхаясь. Он был перемазан кровью и тягучим коричневым веществом.

— Джек?

Когда он полез в то, что осталось от его одежды, руки у него дрожали.

— Черт... — хрипло прошептал Джек. — Последние сигареты пропали.

Казалось, он готов из-за этого расплакаться.

— Джек, я не думал, что ты останешься жив...

— Я тоже... Ладно, душа. Ты надоедала мне достаточно долго. Я много перенес. Мне ничего не осталось. Хотя я еще могу сделать тебя счастливой. Делай, что должна.

Потом он на миг закрыл глаза, а когда открыл их, душа исчезла.

— Душа! — позвал он.

Ответа не было.

Разницы Джек не ощущал. Правда ли они соединились?

— Душа! Я дал тебе то, что ты хотела. Ты могла бы, по крайней мере, поговорить со мной.

Ответа не было.

— Ну ладно! Кому ты нужна!

Потом Джек повернулся и оглядел опустошенную землю. Он увидел, как косые лучи солнца окрасили сотворенную им пустыню. Ветер немного утих, и, казалось, воздух поет. Несмотря на разруху и тлеющий огонь, пейзаж был красив несущей печать проклятия красотой разрушения. Не следовало так терзать землю, если бы не что-то в нем самом, что принесло боль, смерть и бесчестие туда, где их прежде не было. Тем не менее вне этой бойни, или, точнее, над ней, было что-то, чего Джек раньше никогда не видел. Словно все, на что он смотрел, могло стать лучше. Вдалеке виднелись разрушенные деревни, срезанные горы, сожженные леса. Он был в ответе за все это зло — он действительно заслужил свое прозвище. И все же он чувствовал, что из этого вырастет нечто иное. Хотя эту заслугу он не мог себе приписать. Он мог лишь нести вину. Но Джек чувствовал, что предвидение того, что может случиться теперь, когда изменился порядок мира, больше не может его напугать. Нет, не то. По крайней мере, еще нет. Новым порядком вещей станет преемственность света и тьмы, и Джек чувствовал, что это будет неплохо. Тогда он повернулся лицом на восход и, промокнув глаза, продолжал смотреть, потому что ощущал — прекраснее он ничего не видел. Да, решил он, должно быть, у меня есть душа — раньше ничего подобного я не чувствовал.

Башня перестала качаться и начала разваливаться.

Вот чего я добивался, Ивен, подумал он. Я даже говорил об этом — когда у меня еще не было души. Я изменился, и имел в виду именно это: мне было жаль не только тебя. Весь мир. Я прошу прощения. Я люблю тебя.

... И, камень за камнем, башня рухнула, а Джека бросило вперед через балюстраду.

Правильно, подумал он, чувствуя, что ударяется о перила. Только так и должно быть. Выхода нет. Когда ветер, огонь и вода очистят мир, а злобные существа погибнут или будут унесены прочь, последний и самый великий из них не должен избежать этого уничтожения.

Он слышал сильный шум, словно от ветра, — это рухнула балюстрада и перила скользнули вперед. На мгновение звук стал прерывистым, словно хлопало вывешенное для просушки белье.

Когда Джек оказался на краю, он сумел обернуться и посмотреть вверх. Падая, он увидел в небе темный силуэт, который рос, пока Джек глядел на него.

Конечно, подумал он, он наконец увидел восход солнца и освободился.

Сложив крылья, с бесстрастным лицом, вниз, как черный метеор, падал Утренняя Звезда. Приближаясь, он во всю длину вытянул руки и раскрыл огромные ладони.

Интересно, подумал Джек, он успеет?

ТЕПЕРЬ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА

Глава 1

Дрейф... Безмятежный, но неумолимый. Мирный, но безжалостный. Дрейф.

Стрела молнии, за ней бесконечный вздох...

Рывок, падение...

Медленный душ из ажурных кусочков, некоторые из них складываются в картинку около меня...

...И я начинаю узнавать.

Однако так, как будто я все это пережил когда-то.

Потом картинка готова, и я созерцаю ее в завершенности, будто пользуясь правом, дарованным мне вечностью.

Существовала последовательность по принципу домино, и не составило труда выстроить ее так, так и так.

Вот. Например.

...Уходим из клуба холодным субботним вечером в ноябре. По-моему, было немногим позже половины одиннадцатого. Эдди был со мной, и мы стояли у выхода за стеклянными дверями заведения, застегивая плащи и глядя на унылую улицу Манхэттена; порывы ветра гнали мимо нас обрывки бумаги, пока мы ждали, когда Дэнни подгонит машину. Мы молчали. Он знал, что у меня все еще скверное настроение. Я вытащил сигарету. Он торопливо дал мне прикурить.

Наконец подкатил блестящий черный лимузин. Я как раз натянул одну перчатку, держа другую в руке. Эдди, открыв дверцу, придержал ее для меня. Я вышел на улицу, и холодный ветер хлестнул меня по глазам, они заслезились. Я задержался, чтобы достать платок и вытереть их, отвлекаемый тогда ветром, ленивым гудением двигателя на холостом ходу и несколькими отдаленными сигналами автомобильного гудка.

Опустив платок, я сразу заметил, что в машине на заднем сиденье сидел неизвестный, и в ту же секунду до меня дошло, что заднее стекло опущено, а Эдди отступил от меня на несколько шагов.

Я услышал выстрелы, ощутил, как в меня пару раз попали. Но еще много времени должно было пройти, прежде чем я узнал, что меня подстрелили четыре раза.

Моим единственным утешением за миг до того, как погасли все огни и когда я, корчась, валился на землю, стало то, что я увидел, как улыбка исчезла с лица Эдди, как его рука дернулась к его собственному оружию, но не успела, а потом медленное начало его падения.

И вот так я видел его в последний раз в жизни, падающим за миг до того, как он рухнул на мостовую.

Вот еще.

Слушая Пола, я разглядывал прелестный вид на сверкающее под солнцем горное озеро, куда несет свои воды неширокий, но бурный поток, а рядом трепещет огромная ива, словно чувствуя озноб от воды, которой касается она зелеными и блестящими кончиками своих ветвей. Это было подделкой. То есть все было подлинным, но изображение передавалось с места, находящегося в сотнях миль отсюда. Однако это приятнее, чем вид из окна его квартиры на верхнем этаже, если все, что я могу видеть оттуда, — лишь вполне ухоженный, симпатичный участок городского комплекса, протянувшегося от Нью-Йорка до Вашингтона. Апартаменты были звуконепроницаемыми, с кондиционированным воздухом и, я полагаю, изящно декорированы в соответствии с самыми изысканными вкусами эпохи. Не мне судить, так как я еще не ознакомился с этой эпохой. Хотя коньяк в эту эпоху превосходен.

«...Должно было сбить с толку ко всем чертям, — говорил Пол. — Я поражен тем, как быстро вы приспособились».

Я повернулся и снова посмотрел на него, на этого стройного, моложавого, темноволосого человека с обворожительной улыбкой и с глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. Он по-прежнему очаровывал меня. Мой внук, а перед этим словом еще шесть или семь раз «пра». Я продолжал отыскивать общие черты и обнаруживал их там, где менее всего ожидал. Выпуклый лоб, короткая верхняя губа, полная нижняя. Нос у него свой собственный, но опять-таки у него была наша манера кривить левый уголок рта в моменты досады или изумления.

Я улыбнулся ему в ответ.

«В этом нет ничего такого уж поразительного, — ответил я. — То обстоятельство, что я предусмотрел все то, что я предусмотрел, должно свидетельствовать о том, что я все-таки немного задумывался о будущем».

«Полагаю, да, — сказал он. — Но, говоря по правде, мне просто кажется, что вы искали возможность перехитрить смерть».

«Конечно, искал. Я осознавал вероятность того, что со мной получится именно так, и хотя замораживание тела еще было лишь красивой сказкой тогда, в «семидесятых»...»

«В тысяча девятьсот семидесятых», — перебил он, опять улыбнувшись.

«Да, у меня это действительно звучит так, словно прошли всего лишь пара лет, не так ли? Попробуй это как-нибудь и ты почувствуешь, что это такое. Во всяком случае, я подумал, какого черта. Если меня подстрелят, то, что повреждено, может быть заменено когда-нибудь. Почему бы не

устроить так, чтобы они меня заморозили, и не надеяться на лучшее? Я прочитал несколько статеек на эту тему, и мне показалось, что это может получиться. Так я и поступил. Кроме того, было забавно. У меня это превратилось в своего рода навязчивую идею. Я хочу сказать, что я начал много над этим размышлять, так, как истинно верующий человек может мечтать о рае, вроде как: «Когда я умру, я попаду в будущее». Потом меня стало все больше занимать, на что это может быть похоже. Я много думал и много читал, пытаясь вычислить разные возможности того, как это все может получиться. «Неплохое хобби, — сказал я, наливая себе еще. — Это меня здорово забавляло и, как выяснилось, дело того стоило».

«Да», — сказал он.

«Итак, вы не были слишком удивлены, когда узнали о разработке способов передвижения со скоростью, превышающей скорость света, и о том, что мы посещаем миры за пределами солнечной системы?»

«Конечно, я удивился. Но я надеялся на это».

«А недавние успехи в телепортации на межзвездном уровне?»

«Это меня удивило больше. Хотя и приятно удивило. Объединение отдаленных миров таким способом станет великим достижением».

«Тогда позвольте полюбопытствовать, что на вас произвело самое сильное впечатление?»

«Ну, — сказал я, присаживаясь и делая очередной глоток, — кроме того обстоятельства, что мы ухитрились забраться так далеко, но все еще не нашли способа исключить возможность войны...» — В этот момент я поднял руку, потому что он попробовал перебить меня, забормотав что-то о контролях и санкциях. Он заткнулся. Я рад был отметить, что он уважает старших. — «Кроме этого, — продолжал я, — мне думается, что самое удивительное для меня то, что мы теперь более или менее легализировались».

Он ухмыльнулся.

«Что вы подразумеваете под «более или менее»?»

Я пожал плечами.

«Итак?» — сказал я.

«Мы столь же легальны, как и любые другие, — возразил он, — иначе мы никогда бы не смогли оказаться на Всемирной Акционерной Бирже».

Я ничего не сказал, но опять улыбнулся.

«Безусловно, эта организация очень тщательно ведет свои дела».

«Был бы разочарован, если бы это не соответствовало действительности».

«Именно так, именно так, — сказал он. — Но мы там. КОЗА Инк. Все законно, достойно и солидно. И так было в течение многих поколений. Движение в этом направлении фактически началось еще в ваше время с «отмывания», как любили выражаться сочинители, финансовых средств и их перевложения в более приемлемые предприятия.

Зачем бороться с системой, если ты достаточно силен для того, чтобы занять в ней достойное место без борьбы? Что значат несколько долларов

туда или сюда, если можно иметь все, что угодно, и гарантию безопасности к тому же? Без риска. Просто соблюдая правила».

«Все?»

«Ну, их так много, что дело упрощается, если вы можете позволить себе пошевелить мозгами».

Он допил свой бокал и снова налил нам обоим.

«Но клейма на нас нет, — заключил он потом. — Тот имидж, который был у нас в ваше время, теперь относится к преданиям древности». С заговорщическим видом он подался вперед.

«Однако действительно было что-то особенное в тех местах», — сказал он и посмотрел на меня выжидательно.

Я не знал, то ли мне раздражаться, то ли чувствовать себя польщенным. Судя по тому, как они относились ко мне с момента моего пробуждения недели две назад, я безусловно разделял некую историческую нишу с ночными горшками и бронтозаврами. С другой стороны, казалось, что Пол общается со мной не просто с некоторой гордостью, но как с фамильным наследием, которое было доверено его попечению. Но тогда я уже знал, что он занимает в структуре организации прочное и солидное положение. Он настоял на том, чтобы я поселился у него, хотя меня могли поместить куда-нибудь в другое место. Казалось, ему доставляет огромное удовольствие выспрашивать меня про мою жизнь и мое время. Постепенно до меня дошло, что свои сведения он черпал в основном из нелепых сочинений, фильмов и слухов своего времени. Но все же я ел его хлеб, спал под его крышей, мы были родственниками, а все прежние законы давно канули в небытие. Поэтому я угождал ему некоторыми воспоминаниями. Пола, может быть, разочаровало, что я провел пару лет в колледже до того, как принял бизнес моего отца, после его внезапной, безвременной кончины. Но то обстоятельство, что я прожил большую часть своего детства на Сицилии, пока отец не прислал за семьей, кажется, удовлетворило моего родственника. Потом, по-моему, я опять огорчил его, рассказав, что, насколько мне известно, Сицилия никогда не была центром всемирного преступного заговора. Я понимал дело так, что «onorata societa»[1] была местным, не безвыгодным, замкнутым на семейных связях предприятием, из которого в свое время вышли такие заслуженные galantuomi[2], как Дон Вито Касцио Ферро и Дон Кало Виззини. Я попытался объяснить, что имелось существенное различе между societa degliamici[3] со своими собственными, местническими интересами и субъектами, которые эмигрировали и могли быть (но могли и не быть) amici. И люди общества занимались противозаконной деятельностью, просто предпочитая иметь дело друг с другом, а не с посторонними, и среди них сохранялись сильные традиции семейственности. Однако Пол был такой же жертвой разговоров

[1] Onorata societa (*um.*) — достопочтенное общество.
[2] Galantuomi (*um.*) — благородный господин.
[3] Societa degliamici (*um.*) — общество друзей.

о тайном заговоре посвященных, как и любой читатель бульварной прессы,и был убежден, что я по-прежнему соблюдаю какой-то тайный обет или что-нибудь в этом роде. Постепенно я понял, что он романтик своего рода, ему хочется, чтобы все было по-другому, и ему хочется ощущать свою причастность к несуществующей традиции. Поэтому я рассказал ему кое-какие вещи из тех, которые, я думал, ему очень понравятся.

Я рассказал ему, как я разобрался с делом о кончине моего отца, а также о некоторых других столкновениях, подтвердивших, что я достоин своего имени Анджело ди Негри[1]. Где-то в связи со всем этим семья впоследствии изменила фамилию на Неро. Не то чтобы для меня это что-то значило. Я оставался тем, кем был. И Пол Неро улыбался, и кивал, и наслаждался подробностями. Он испытывал беспредельный интерес к бывшей в употреблении жестокости.

Может быть, все это звучит немного пренебрежительно, но это не так, на самом деле не так. Потому что со временем он начал мне действительно нравиться. Возможно, потому, что он чем-то напоминал мне меня самого в другое время и в другом месте, помягче, пожизнерадостней, более утонченный вариант. Возможно, он был похож на кого-то, кем мог бы стать я, или мне хотелось, чтобы я мог позволить себе роскошь попытаться стать таким.

Но мне было уже под сорок. Характер мой давно сформировался. Хотя вылепившие меня условия давным-давно исчезли, мои радости в этом обществе, в котором, по-моему, почти совсем не ощущалось напряжения, омрачались нотками, звучащими во мне с переменной громкостью, и это сперва вызывало во мне смутное беспокойство, за которым последовала растущая неудовлетворенность. Жизнь редко представляет собой нечто, зацикленное на кризисах до упора, как в этом пытаются убедить нас романисты. Хотя правда, что мы иногда выходим из потрясений с ощущением свежести бытия и чуда существования. Но такое душевное состояние проходит, и довольно скоро, при этом снова оставляя и нас и действительность непреобразовавшимися. Осознание данного факта пришло ко мне, когда я ради своего потомка сентиментальничал о минувших несовершенствах, и в течение следующих недель переросло в сильнейшее недовольство. В отличие от всего прочего, я не очень изменился. Мое состояние не было вызвано ощущением собственной ненужности здесь, хотя что-то было и от этого, оно не могло быть и ностальгией, потому что воспоминания мои были довольно свежими и вполне достаточными, чтобы не допустить появления каких-либо розовых иллюзий относительно того, что для Пола было лишь далеким прошлым. Может быть, усиливающаяся чувствительность к тому, что люди казались чуть-чуть добрее, более умиротворенными, возбуждала некое ощущение собственной ущербности, словно я умудрился пропустить какой-то необходимый шаг в процессе цивилизации. Я обычно не склонен к самонаблюдениям подобного рода, но когда

[1] Игра слов: Анджело — ангел (angelo); negri — негры, черные.

ощущения становятся достаточно сильными и навязчивыми, они заставляют думать о себе. Но все-таки, как может человек показать кому-либо свое внутреннее состояние, а тем более тот, кто кажется карикатурой на себя самого? То, что я хотел сказать, слишком многозначно, и подобные вещи, на самом деле, не могут быть переданы словами.

Однако Пол понял все это, понял меня лучше, чем я ожидал. Ибо он сделал два предложения, и одно из них я немедленно принял, размышляя над другим.

Вот. Например.

Я вернулся на Сицилию. Я бы сказал — почти непредсказуемый поступок для человека в моих условиях и в моем душевном состоянии. Кроме напрашивающихся ассоциаций с попыткой возвращения к детству я еще узнал, что это одно из немногих мест в мире, пока не пострадавшее от чрезмерного усовершенствования. Тогда это было для меня в самом подлинном смысле способом возвращения назад, сквозь время.

Я не задерживался в Палермо, но сразу отправился в глубинку. Я снял уединенный дом, в котором чувствовалось что-то знакомое, и ежедневно по нескольку часов проводил, катаясь на одной из двух лошадей, доставшихся в придачу к нему. По утрам я спускался верхом на каменистый берег и смотрел, как накатывается на меня пенящийся и грохочущий прибой. Я проезжал вдоль мокрых камней-голышей, на которых таяла пена, слушал пронзительные крики птиц, чертящих над прибоем круги, падающих к нему, вдыхал соленый морской ветер, следя за игрой ослепительных бликов и теней в панораме нежно-светлых тонов. Днем или по вечерам, в зависимости от собственного настроения, я часто катался среди холмов, где хилая травка и кривые деревца отчаянно льнули к худосочной земле, и влажное дыхание Средиземного моря, в зависимости от настроения, нагоняло на меня духоту и прохладу. Если я не засматривался слишком на несколько неподвижных звезд, если я не поднимал глаз, когда огни транспортного самолета высоко и стремительно проносились над моей головой, если я не использовал блок связи ни для чего, кроме музыки, и ездил в ближайший городок не чаще, чем раз в неделю или около того, за быстро иссякающими запасами, то казалось, что время для меня повернуло вспять. Казалось, что не только текущее столетие, но и вся моя взрослая жизнь отступили и растворились в вечном ландшафте моей молодости. Поэтому то, что произошло потом, не было чем-то необъяснимым.

Ее звали Джулия, и я в первый раз встретил ее в скалистом тупике, покрытом пышной зеленью, по сравнению с холмами цвета ссадин, среди которых я весь этот день катался. Она сидела на земле под деревом, напоминавшим застывший фонтан варенья, к которому прилипли светлые конфетти, ее темные волосы были зачесаны и собраны заколкой кораллового цвета, на коленях лежал блокнот для эскизов, она вскидывала и опускала глаза, делала рукой точные, расчетливые движения, зарисовывая маленькое стадо овец. Некоторое время я просто сидел на лошади и наблюдал за

ней, но потом выглянувшее из-за облака солнце отбросило мою длинную тень возле нее.

Тогда она повернулась и заслонила глаза от солнца. Я спешился, обмотал поводья вокруг подвернувшейся ветки ближайшего куста и пошел вниз.

«Привет», — сказал я, приблизившись.

Пока я шел к ней, прошло десять или пятнадцать секунд, именно столько времени потребовалось ей, чтобы решиться кивнуть и слегка улыбнуться.

«Привет», — сказала она.

«Меня зовут Анджело. Я проезжал мимо и заметил вас, увидел это место, подумал, что было бы славно остановиться, выкурить сигарету и посмотреть, как вы рисуете. Не возражаете?»

Она кивнула, улыбнулась немного дружелюбней, взяла у меня сигарету.

«Я Джулия, — сказала она. — Я здесь работаю».

«Художник по натуре?»

«Биопроектант. Это просто хобби», — сказала она, слегка хлопнув по блокноту и оставив на нем руку, чтобы закрыть нарисованное.

«Вот как? Что же вы биопроектируете?»

Она кивнула на шерстяную ораву.

«Ее», — сказала она.

«Какую из них?»

«Их всех».

«Боюсь, я не понимаю».

«Это клоны, — сказала она, — каждая выращена из ткани одного и того же донора».

«Ну, это тонкая работа, — сказал я. — Расскажите мне о клонах», — и я уселся на траву, и стал смотреть, как ее поедают.

Кажется, она обрадовалась возможности закрыть блокнот, не позволив мне посмотреть на ее работу. Она принялась рассказывать историю своего стада, и понадобилось всего лишь подкинуть несколько вопросов, чтобы я узнал кое-что и о ней тоже.

Она была родом из Катании, но училась во Франции и теперь была сотрудницей института в Швейцарии, в котором проводились научные исследования в области животноводства. В том числе в полевых условиях велись испытания по клонированию перспективных особей в различных условиях окружающей среды. Ей было двадцать шесть, совсем недавно на очень печальной ноте завершилась ее семейная жизнь, и она добилась, чтобы ее отправили в поле с подопытным стадом. Она вернулась на Сицилию немногим более двух месяцев назад. Она многое рассказала мне о клонах, действительно увлеклась, обнаружив мое очевидное невежество в этом деле, описывая в чрезмерных подробностях процессы, посредством которых ее овечка была выращена из клеточных образцов гибрида в Швейцарии для копирования ее во всех подробностях. Она даже поведала мне о странном и до сих пор не разъясненном резонансном эффекте, проявляющемся, если

у них у всех возникают временные симптомы одной и той же болезни, если поражена одна из них, в том числе и у оригинала в Швейцарии, и у всех прочих в разных частях света. Нет, насколько ей известно, еще не было попыток клонирования на уровне человеческих существ, хотя ходят слухи насчет экспериментов на одном из внешних миров. Хотя было ясно, что она очень неплохо знает свое дело, через некоторое время мне внезапно пришло в голову, что она говорит все это скорее ради удовольствия иметь собеседника, а вовсе не из какого-нибудь желания как можно больше рассказать. Но и это тоже сближало нас.

Но в тот день я не рассказал ей свою собственную историю. Я слушал, некоторое время мы сидели молча, глядя на овец, на удлиняющиеся тени, опять разговаривали, перескакивая с самых серьезных тем на незначительные и неопределенные. Постепенно в нашей беседе все очевиднее стало проявляться обоюдное желание увидеться на следующий день или через день и видеться снова и снова.

Прошло некоторое время, и она заинтересовалась верховой ездой. Вскоре мы катались вместе каждый день по утрам или вечерам, а иногда и по утрам и по вечерам. Я рассказал ей, откуда я взялся и каким образом, пропустив только историю о том, чем я занимался, и о подлинном характере своей кончины. Довольно долго я не отдавал себе отчета в том, что влюбляюсь, даже после того, как мы стали любовниками. Я совершил это открытие в тот день, когда решился на второе предложение Пола, я понял, насколько важное место оно занимает в моих раздумьях.

Я встал, пересек комнату, подошел к окну, поднял штору и уставился в ночь. Тлеющие в золе камина угольки все еще светились вишневым и оранжевым. Холод снаружи проник сквозь стены и теперь полз к нашему углу комнаты.

«Мне придется скоро уехать», — сказал я.

«Куда ты едешь?»

«Не могу сказать».

Молчание. Потом: — «Ты вернешься?»

У меня не было ответа, хотя я бы хотел его иметь.

«А ты хочешь?» Опять молчание. Затем: — «Да».

«Я постараюсь», — сказал я.

Почему я собирался взять контракт на Стайлера? Я хотел этого с того момента, как Пол ввел меня в курс дела. Высокооплачиваемая синекура в компании и большая пачка дорогих акций были лишь лежащим на поверхности авансом по этому делу. Я не питал иллюзий насчет того, что мое оттаивание, мое лечение, мое восстановление стали следствием ничем не замутненного желания моих потомков иметь меня в своем обществе. Необходимая технология существовала уже несколько десятилетий. Тем не менее в ощущении того, что в тебе нуждаются, неважно по каким причинам, нет ничего неприятного. Мое удовольствие от их внимания ко мне ни в коей мере не омрачалось пониманием, что я владею чем-то, в чем они заинтересованы. Во всяком случае, это поддерживало меня. Какое еще

влияние мог я иметь на текущий день? Я был больше, чем просто диковина. Я владел ценностью, и это освобождало меня от случайных эмоций, а ее реализация могла вернуть мне некую меру господства, могла принести мне новый авторитет. Я размышлял об этом или о чем-то вроде этого еще раньше, когда остановил лошадь у ближайшей деревушки в местечке, где оливковые сады поднимались через заросли кустарника до оголенной земли. Вскоре за моей спиной появилась Джулия.

«Что такое?» — спросила она.

В этот момент я прикидывал, как бы это было, если бы я вдруг проснулся без воспоминаний о своем прошлом. Проще или труднее было бы найти мне какое-нибудь пристанище в жизни и удовлетвориться этим? Смог бы я тогда, как эти обитатели деревушки внизу, заинтересованно и не без удовольствия заниматься простыми делами, повторяющимися по десять тысяч раз?

Я стоял на берегу мелкой, надежно укрытой бухточки, теплым, солнечным днем, глядел, как сверкающие под солнцем струйки воды, дрожа, сбегают по ее обнаженной груди; когда она перестала плескаться, улыбка сбежала с ее лица и она спросила: «Что такое?», я думал о тех семнадцати убитых мной, после чего меня начали называть «Энджи Ангел», а я занимал все более высокое положение и обеспечил себе приличное существование. Конечно, Пол не знал обо всех этих убийствах. Я был удивлен, что он вообще знает так много, — о восьми, если быть точным, имена были названы с такой уверенностью, которую, мне казалось, он бы не смог разыграть. Со своей стороны мне представлялось почти непостижимым, что юридические тонкости и соблюдение установленных организацией норм и правил оказались не просто прикрытием, что на самом деле осталось очень мало надежных профессиональных убийц. Итак, кажется, я действительно притащил с собой через годы нечто ценное. Однако, когда я обеспечил себе положение на самом высшем уровне организации, я, в основном, лично избегал участия в такого рода деятельности. И теперь получить предложение о контракте, в эти спокойные времена почти полного окультуривания, плавно сцепляющихся шестеренок, продления жизни и межзвездных путешествий... Это казалось не просто странным, как бы Пол ни деликатничал в этом вопросе.

Когда мы ели апельсины в тени водообрабатывающего цеха, стены которого, когда-то ровные и гладкие, утратили былой вид частично из-за погоды, а частично под влиянием сирени и глициний, я погладил ее по голове, и она нарвала морозника, этого древнего средства от безумия, надела венок мне на голову, и мои мысли унеслись далеко за пределы строго расчерченных диаграмм черепной коробки и стен, подточенных пеной цветения, и забрались в полностью автоматизированный механизм установки, звуки которой доносились до нас с мягкой неотвратимостью; пока она вбирала в себя, очищала и изрыгала я не знаю сколько тысяч галлонов моря, я размышлял о двойственной сущности Герберта Стайлера, представителя «Доксфорд Индастриз» на планете, называющейся Алво, непостижимо

удаленной от бледной человеческой звезды. На этот раз Джулия не заметила и не спросила: «Что такое?», а я подумал, должен ли человек, подвергнувшийся экспериментальному нейровмешательству, которое по-прежнему считается незаконным на Земле, но открывает доступ к работе величайшего компьютерного комплекса, должен ли этот человек, который ради своей компании препятствует экспансии КОЗА на самых лакомых из отдаленных миров, считаться машиной в человеческом обличье или человеком с компьютерным разумом, и может ли считаться то, что меня попросили сделать, человекоубийством в прямом смысле слова, или это нечто абсолютно новое, например, механизмоубийство, или киберубийство. А между тем впитывали глухое ворчание моря, и вибрацию ближайших водосооружений, и ароматы цветов, и соленые прикосновения морского ветерка.

Пол заверил меня, что я получу необходимую подготовку и лучшее оборудование, имеющееся для выполнения работы по контракту. Потом он посоветовал мне съездить куда-нибудь. «Уезжайте на время, — сказал он. — И подумайте об этом».

Всматриваясь в ночь, чувствуя холод, прикидывая, смогу ли я убить его, выбраться оттуда, вернуться назад и начать сначала, воспрянув и очистившись, найдя здесь свое место, ведь моя прежняя жизнь окончена и забыта, тогда...

«Я постараюсь», — сказал я и дал опуститься занавесу.

Потом, вот.

Глядя на нее, сидящую под этим сумасшедшим праздничным деревом, ее мягкие волосы собраны заколкой нежного кораллового цвета, голова и рука двигаются, пока она переносит свою овечку на бумагу точными, обдуманными штрихами; потом светлеет день, отбрасывает мою тень, она обращает внимание, поворачивает голову, делает движение рукой, поднимая ее, чтобы прикрыть глаза от солнца, я спешиваюсь, наматываю поводья на ветку, спускаюсь к ней, ищу слова, ее лицо, кивок, медленная улыбка...

Вот.

...Глядя на огненные цветы, распускающиеся подо мной, последняя вспышка, закрывающая половину здания, их цель; мой аппарат вздрагивает, камнем падает вниз, горит, меня выбрасывает, моя кабина цела и двигается сама по себе, уворачиваясь, резко меняя направление, стреляя вниз и вперед, вниз и вперед, потом раздвигается и мягко роняет меня, мой защитный скафандр издает еле слышные щелчки, когда мои ноги касаются земли и отключаются отражатели; а потом в дело вступают мои лазеры, срезая приближающиеся ко мне фигурки, гранаты вылетают из моих рук, волны разрушающих протоплазму сверхзвуковых сигналов исходят от меня, подобно звукам какого-то звонящего невидимого колокола...

Сколько размозжил я андроидов и роботов, разрушил до основания макетов зданий в натуральную величину, метнул снарядов за следующие два месяца там, в том заповеднике, куда меня отвезли, чтобы ознакомить со всеми новейшими способами уничтожения, я не знаю. Много. Моими

учителями были не убийцы, а техники, которым потом предстояло подвергнуться стиранию памяти, чтобы обезопасить организацию и их самих. Открытие, что это возможно, заинтриговало меня, воскресив во мне некоторые из моих прежних мыслей. Техника этого, узнал я, была чрезвычайно сложной и могла применяться с абсолютной избирательностью. Она использовалась долгие годы как психотерапевтическое средство. Со своей стороны учителя представляли собой странное сочетание отношений и настроений, сперва почти беспрестанно призывая меня совершенствоваться в обращении с их оружием, при этом тщательно избегая любого упоминания, что я скоро воспользуюсь им для убийства. Однако потом, когда пришло осознание того, что все сказанное ими, почувствованное или подуманное будет впоследствии удалено из их сознания, они начали часто шутить о смерти и убийстве, и их чувства ко мне, кажется, претерпели изменение. От начальной стадии явного презрения они за считанные недели дошли до того, что стали относиться ко мне с чувством, приближающимся к благоговению, словно я был чем-то вроде жреца, а они скромными участниками обряда жертвоприношения. Это обеспокоило меня, и я стал избегать их как только мог в свое свободное время. Для меня эта работа была просто тем, что я должен сделать, чтобы найти свое место в обществе, которое казалось более совершенным, чем покинутое мною. Именно тогда начал я задумываться о том, изменяются ли люди достаточно быстро, для того чтобы можно было гарантировать продолжение существования человеческой расы, ведь эти парни с такой готовностью и таким вожделением потянулись к идее насилия. Я имел мало иллюзий относительно себя самого, и я хотел попробовать уживаться с собой до конца своих дней; но я полагал, что они превосходят меня своими морально-нравственными качествами, и это в их общество я пытался купить себе билет. Однако лишь перед самым концом моего обучения я узнал нечто о процессах, кроющихся за их изменившимся отношением. Ганмер, один из наименее неприятных моих учителей, однажды вечером пришел ко мне на квартиру и принес бутылку, что сделало его появление приемлемым. Он уже проделал большую работу с ее предшественницей, и его лицо, обычно отличающееся определенностью выражения, свойственного куклам чревовещателей, обмякло, уверенные интонации понизились до тона глубокого замешательства. Довольно скоро я выяснил, что его тревожило. Оказывается, санкции и контроли были не столь уж эффективными. Представлялось, что ситуация, на которую я не так давно намекал, разговаривая с Полом, а именно ограниченный военный конфликт, приобретал все более реальные очертания, по сути дела, был неизбежен, как это понимал Ганмер. Политическая подоплека конфликта была мне неинтересна, потому что она меня по-прежнему не касалась, но в самой вероятности его возникновения вообще, учитывая вековечную угрозу его перерастания в нечто большее и ужасающее, было что-то мрачно-сардоническое. Проделать такой путь, да еще так, как это выпало мне, для того только, чтобы как раз успеть вовремя к мировому пожару... Нет! Нелепость. Полная. Стало казаться, что их близость

к орудию насилия, то есть ко мне, вызвала в этих людях некие загнанные вглубь и основательно подавленные эмоции. Если в остальных прорывалось что-то неистовое и иррациональное, то в Ганмере, который уже через некоторое время сидел, тупо повторяя: — «Это не может произойти», — что-то надломилось.

«Это может и не произойти», — сказал я, чтобы подбодрить его, потому что я пил виски.

Тогда он посмотрел на меня. Показалось, что в его глазах на мгновение мелькнула надежда, потом она исчезла.

«Тебя это волнует?» — спросил он.

«Волнует. Это и мой мир тоже. Теперь».

Он отвернулся.

«Не понимаю я тебя, — выговорил он наконец. — Да и остальных, коли на то пошло...»

Мне думалось, что я понимал, хотя вряд ли от этого было легче. Все мои эмоции в эту минуту заключались в их отсутствии.

Я ждал. Я не знал его настолько хорошо, чтобы понять, почему он должен реагировать иначе, чем все остальные, и это для меня осталось невыясненным. Однако он сказал еще одну вещь, которая мне запомнилась.

«...Но, по-моему, всех надо бы упрятать куда-нибудь, пока они не научатся вести себя как следует».

Банально, смехотворно и абсолютно невозможно, разумеется. Пока, во всяком случае.

Разлив остатки спиртного на две неразбавленные порции, я поторопил его на его пути к забвению, немного сожалея, что больше совсем ничего не осталось, и я не мог последовать за ним.

Вот, вот, и потом: Там...

(Звезды). (Из туннеля под небесами и вниз).

(Вход). (Сливающиеся огни и гром).

(Облака). (Песнь воздуха). (Незримые щупальца материи).

(Облака облака)

(Вспышка N1/N2/N3.) Привлечать озна

сцер- анца

гол ч'

за- ваться?)

...были вспышки, разрезающие небо, словно ножницами молний. Несмотря на защиту и мою отдаленность от взрывов, меня швыряло, как волан. Я подался вперед в своем боевом скафандре, оставив компьютеру разбираться со всеми помехами, но сохраняя готовность перейти на ручную работу, если возникнет необходимость. Алво вспыхивала подо мной слишком быстро изменяющимся зеленокоричневосероголубым узором, чтобы я мог различать подробности до тех пор, вероятно, пока у меня не будет времени просто сидеть и разглядывать ее. Но я не ощущал особого напряжения, наматывая мили внутри себя, уничтожая расстояние, продираясь сквозь его грохот. Чтобы сделать дело так быстро, как это теперь каза-

лось необходимым, не следовало терять время на тонкости восприятия. Система внутренней охраны Доксфорда была слишком надежной и требовала не менее, чем многолетней военной кампании по проникновению внутрь. У Стайлера была превосходная защита, но мы ничего другого и не ожидали. Поэтому было решено, что наибольшие шансы на успех имеет внезапный выпад, стремительная атака, сметающая все на своем пути.

Он, должно быть, засек меня почти сразу после моего появления в окрестностях Алве. Я недолго дивился техническому чуду, обнаружившему меня, пока мчался, теперь уже низко, устремляясь к служебному комплексу, где размещалась его штаб-квартира, но меня интересовало, о чем думал и что чувствовал Стайлер, когда он впервые заметил меня. Как долго ждал он этой атаки? Что может знать о ней?

До сих пор я уворачивался или выдерживал все, что он швырял в меня, мои собственные боевые системы готовы были вступить в игру в любую секунду. Я рассчитывал по крайней мере начать свою атаку с воздуха.

Треск, свисток, звуки тяжелого дыхания. Ожило мое радио. Этого я не ожидал. На данном этапе чья-либо попытка угрожать мне или обхаживать меня представлялась чем-то вроде упражнения в тщетности.

Однако «Неопознанный корабль и т.д., вы проходите над запретной тем-то и тем-то. Вам приказывается...» не последовало.

Вместо этого: «Энджи Ангел, — услышал я. — Добро пожаловать на Алво. Находите ли вы познавательным свой краткий визит?»

Итак, он знал, кто я. И это говорил сам Стайлер. В ходе своей подготовки я много раз слышал его голос и видел его изображения. Мне пришлось заставить своих учителей убрать программное сопровождение, заключающееся в поношении этого человека, что являлось частью ознакомительных занятий, потому что это отвлекало меня. Им оказалось трудно поверить, что я не чувствую необходимости ненавидеть этого маленького, бледноглазого человечка с пухлыми щечками и в чалме, прикрывающей выводы вживленных навечно имплантатов. «Конечно, это пропаганда, — говорили они, — но это поможет вам, когда придет время». Я медленно покачал головой. «Мне не нужны чувства, которые помогали бы мне убивать, — сказал я им. — Они даже могут помешать». Им пришлось смириться с этим, но было ясно, что они не поняли.

Итак, он знал, кто я. Удивительно, но едва ли унизительно. Огромные объемы текущей информации систематически загружались в его компьютерный придаток, а сам он был предположительно наделен глубоким, до известной степени ошеломляющим умом, дополняемым творческим воображением. Итак, хотя я чувствовал, что он строит догадки, это была, без сомнения, очень обоснованная догадка и, конечно, точная. Впрочем, я не видел основания для беседы с ним или, в данном случае, чтобы не беседовать с ним. Для меня это не составляло никакой разницы. Слова ничего не могли изменить.

Тем не менее это будет краткий визит, настаивал он. Вы здесь не задержитесь.

Какая-то вспышка, подобно молнии, прорвала темное облако впереди (мимо) позади меня. Корабль тряхнуло, затрещали какие-то схемы, волна помех поглотила несколько слов Стайлера.

«...Не первый, — сказал он. — Очевидно, никто из других...» Другие? Он мог подбрасывать это, просто надеясь вывести меня из душевного равновесия. Но именно об этом я не думал. Пол никогда не говорил мне, что я первым совершаю эту попытку. В общем, если подумать, вероятно, я не первый. Хотя это не беспокоило меня, меня действительно заинтересовало, сколько могло быть этих других.

Неважно. Современная молодежь. Они, может быть, нуждались в этом самом «промывании мозгов», им требовалось развивать в себе ненависть, чтобы облегчить задачу. Их дело. Их похороны. Не мой вариант.

«Ты все еще можешь прекратить это, Ангел, — сказал он. — Приземляй свой аппарат и оставайся при нем. Я пошлю кого-нибудь забрать тебя. Ты будешь жить. Что скажешь?»

Я хмыкнул. Он, должно быть, расслышал это, потому что «По крайней мере, я знаю, что ты там, — сказал он. — Твое нападение тщетно не по одной причине, по многим. Кроме того обстоятельства, что у тебя нет шанса преуспеть, что ты безусловно погибнешь и очень скоро, устранены основания для того, чтобы ты вообще совершал эту попытку».

Потом он замолчал, словно ожидая, чтобы я сказал что-нибудь. Напрасно.

«Не интересно, а? — сказал он тогда. — Теперь в любой момент моя атака прорвет твой защитный экран. КОЗА никак не может знать, чем я усовершенствовал оборонительную систему со времени их предыдущей попытки».

Последовала серия оглушительных взрывов. Однако и из этого я вышел без потерь.

«Все еще там, — отметил он. Хорошо. У тебя по-прежнему остается шанс передумать. Я бы хотел, чтобы ты выжил, мне очень интересно побеседовать с человеком, вроде тебя, из другого времени, с твоим прошлым. Как я уже сказал, есть и другие причины, кроме непреодолимых препятствий, чтобы бросить все это. Я не знаю, что ты мог или не мог слышать, — насколько мне известно, некоторое время ты был оторван от мира, но истина заключается в том, что была война, и я полагаю, с технической точки зрения, она все еще продолжается. По полученным мной сообщениям, Земля сейчас находится в очень плачевном состоянии. Наши с тобой работодатели понесли очень тяжелый урон. В общем и целом, я полагаю, в настоящий момент оттуда нами командовать некому. Руководствуясь этим, мне видится более необходимым спасение оставшегося от наших организаций, чем продолжение нашего конфликта. Что ты скажешь?»

Конечно, я ничего не сказал. Я не имел возможности проверить сказанное им, а он не имел возможности доказать мне ничего, пока я пожелаю приземлиться и взглянуть на то, что он смог бы предложить мне в качестве

доказательства, но об этом, естественно, не могло быть и речи. Итак, оснований для беседы на этот счет не было.

Я расслышал его вздох сквозь журчание помех.

«Ты полон решимости убивать, — сказал он потом. — Ты думаешь, что все, мной тебе сказанное, носит, по существу, исключительно эгоистический характер...»

Тогда я едва не отключил его, потому что мне не нравятся люди, которые рассказывают мне, о чем я думаю, неважно, правы они или нет. Но все же это было лучшее представление в городе...

«Почему бы тебе не сказать что-нибудь? — предложил он. — Я бы хотел услышать твой голос. Расскажи мне, зачем ты ввязался в это дело. Если только из-за денег, я заплачу тебе больше, а потом обеспечу твою безопасность». Он помолчал, ожидая, потом продолжил: «Конечно, в твоем случае могут быть, вероятно, какие-нибудь еще мотивы. Семейная преданность. Солидарность. Племенные кровные узы. Тому подобное. Если дело в этом, я скажу тебе кое-что. Ты, возможно, единственный, кто сейчас по-прежнему во все это верит. А они нет. Я знаю этих людей, я хорошо их знаю многие годы, тогда как ты знаком с ними совсем мало. Это правда. Их идеалы — не твои. Они наживаются на твоей преданности. Они используют тебя. Ты правда делаешь это во имя верности семье? Дело в этом?» Здесь его голос зазвучал немного напряженно. Когда же он заговорил снова, голос стал более расслабленным.

«Немного огорчает, что приходится беседовать с тобой таким образом, — сказал он, — зная, что ты приближаешься с каждым мгновением, слушая меня. Все же теперь я понимаю твою позицию. Ты полон решимости. Ничто из того, что я могу сказать, не может заставить тебя передумать. Я могу только постараться убить тебя, прежде чем ты убьешь меня. Ты двигаешься, а я привязан к этому месту. Слишком поздно пытаться убежать. Конечно, у тебя ничего не выйдет. Но, как я уже сказал, теперь я понимаю твою позицию. Тебе нечего мне сказать, а мне на самом деле нечего сказать тебе. Это меня и раздражает. Ты не такой, как другие. Они все разговаривали, ты знаешь. Они угрожали мне, они оскорбляли меня, они умирали, вопя. Ты невежественный варвар, неспособный понять, что я такое, но это не останавливает тебя, не беспокоит тебя. Не так ли? Я пытался сделать нечто во благо всего рода человеческого, но это не волнует тебя. Не так ли? Ты просто молчишь и продолжаешь приближаться. Читал ты когда-нибудь Паскаля? Нет. Конечно, ты не читал... «Человек не более чем тростник, самая ничтожная вещь в природе», говорил он, но это мыслящий тростник. Всей вселенной не надо ополчаться на него, чтобы сокрушить его. Достаточно тумана, капли воды, чтобы погубить его. Но если вселенная обрушится на него, человек все же останется более величественным, чем то, что погубит его, ибо знает он, что умирает, а вселенная имеет над ним преимущество; вселенная ничего этого не знает». Ты понимаешь, что я говорю? Нет, конечно нет. Ты никогда не задумывался о таких вещах. Ты туман, капля воды... Придет время, если есть

какой-либо смысл в жизни, когда можно будет принимать смерть, верю я, без особой обиды. Я еще не достиг такого состояния, но я работал над этим. Позволь мне сказать тебе...»

В этот момент заградительный огонь внезапно сделался таким яростным, что озарил небо, заглушил все прочие звуки и обрушил на меня ударные взрывные волны, накатывающиеся, подобно взбесившемуся прибою.

Но затем в поле зрения закачалась моя цель, здание Доксфорда, прижатое к холмам в противоположном конце отдаленной долины.

Через несколько мгновений я начал атаку. Фонтаны огня извергались из поверхности долины и со склонов холмов. Обрушился правый угол здания, загорелась крыша...

Через несколько мгновений после этого небольшого триумфа я сам был подбит и сразу же закувыркался вниз. Так как я не был катапультирован, я понял, что отдел управления, должно быть, остался относительно неповрежденным. Быстрое обследование, визуальное и посредством мониторов, показало мне, что это именно так. Однако отделение прошло удачно, и я увидел мельком несущийся вниз искореженный наружный корпус корабля.

Еще одно попадание — и, хотя мой скафандр, вероятно, спас бы меня, я буду катапультирован. Но если я смогу добраться до земли с неповрежденной кабиной...

«Ты все еще жив? — услышал я слова Стайлера. — Я видел кусок...» Потом был взрыв, который отвлек мое внимание от его слов, отшвырнув, подбросив, закрутив меня. К тому моменту я уже перешел на ручное управление, потому что не хотел замедлить свое снижение до самой последней возможности.

«Ангел? Ты все еще там?»

Я сумел переключить все необходимые системы, пока падал, в самый последний момент затормозил, ударился о землю под плохим углом, закрутился, выровнялся, довел аппарат неповрежденным. Я завел его и немедленно покатился вперед.

Я находился на противоположной стороне от Доксфордского комплекса в дымящейся, покрытой клубами пыли долине. Она была довольно каменистой, испещренной воронками от снарядов и рытвинами, не все из которых образовались недавно. Данное обстоятельство доказывало, что мое нападение не было первым. Но в то же время исключалась возможность минирования, и это было весьма кстати, потому что я продвигался слишком опасливо, высматривая возможные ловушки.

Однако я не мог не думать о его словах про войну. Здесь были затронуты и мои слабые связи с прошлым, и мои единственно важные связи с настоящим. Впрочем, я не видел причины, из-за которой кто-либо стал бомбить Сицилию. Но она еще там? Прошло уже несколько месяцев, а люди теперь так легки на подъем. И как там Пол? И некоторые другие, с которыми я знаком? Я знал, что у них имеются надежные убежища. Все же...

«Ты жив! Я нашел тебя на экранах. Хорошо! Так тебе будет даже проще выйти из игры. Никаких забот о приземлении на мину, раз ты уже внизу. Послушай. Теперь тебе нужно только остановиться и подождать. Я пошлю кого-нибудь за тобой. Я предъявлю тебе доказательства в подтверждение всего того, что говорил. Что скажешь?»

Я поднял свои орудия из их гнезд, развернул их, приподнял и опустил, чтобы проверить надежность турели.

«Это, как я понимаю, и есть твой ответ? — сказал он. — Слушай, ты абсолютно ничего не добьешься, погибнув здесь, а ведь тебя ждет именно это. Оба наших работодателя уже не у дел. Ты уже сейчас в пределах недосягаемости, и от тебя очень скоро только мокрое место останется. Это бессмысленно. Жизнь — драгоценная штука, и как много ее совсем недавно пропало даром. Род человеческий был только что сокращен более чем в десять раз, и этот остаток вполне может быть уменьшен до его десятой части в результате долговременных последствий войны. Кроме того, перед остатком человечества стоит сейчас много проблем: найти уцелевших и позаботиться о них, обеспечить функционирование каналов телепортации, переправить людей на отдаленные миры, попытаться обустроить их жизнь. Земля почти непригодна для обитания, и условия будут продолжать ухудшаться. Большая часть отдаленных миров не подготовлена для продолжительного человеческого обитания, и мы в настоящий момент не в состоянии заниматься их усовершенствованием. Необходимо возводить что-то вроде убежищ, устанавливать и поддерживать в рабочем состоянии коммуникационные линии между мирами. Смертей больше не нужно, и я предлагаю тебе шанс выжить. Можешь ты согласиться с этим? Ты веришь мне?»

Я выбрался на довольно ровный участок каменистой поверхности и увеличил скорость. Сквозь дым, пыль, копоть я смог разглядеть языки пламени, колеблющиеся в дыре, пробитой мной в его крепости. Каким бы уверенным он ни пытался выглядеть в отношении своей способности уничтожить меня, он никак не мог отрицать того обстоятельства, что я повел в счете.

Откуда-то с его стороны долины начался обстрел, сперва недолет, потом перелет, по мне пристреливались. Меняя скорости, я добрался до неровного склона и порадовался, когда начал подниматься по нему, потому что такой угол прицела, казалось, несколько сбил их с толку. Я приготовил свои ракеты, хотя и надеялся, что мне удастся подобраться поближе до их пуска. Я сверился с часами, вздохнул. Вышли все сроки, когда можно было ожидать взрыва двух высокомощных снарядов, отделившихся от корабля-носителя одновременно со мной и отправившихся к цели. Значит, он их перехватил. Впрочем, их шансы на успех были не слишком высоки.

Потом начался заградительный огонь, ошеломивший и потрясший меня. Грохот стал оглушающим, вспышки почти ослепляющими, дым беспросветным. Земля тряслась, и осколки камней разбивались о машину, падая на нее почти непрерывным градом.

«Алло? Алло?» — слабо доносилось до меня сквозь шум. Потом все,

что могло последовать за этим, утонуло в грохоте трех взрывов, раздавшихся совсем рядом.

Я резко свернул, двигаясь под углом, выпрямил машину, воспользовавшись укрытием, которым послужили несколько высоких каменных выступов. Обстрел стал беспорядочным, снаряды ложились все дальше и дальше от меня. Радио заглохло сразу же после того, как я забрался за каменную ограду. Я продолжал движение, заметив мудреный и окольный путь, выводящий меня на цель слева, потому что, казалось, до некоторой степени он может обеспечить прикрытие. Это, видимо, действительно поставило в тупик его систему обнаружения, потому что снаряды стали ложиться в отдалении, все дальше и дальше.

Пробиваясь по своему извилистому маршруту, я едва не проглядел другой комплекс зданий в глубине долины, левее от меня. Они были совсем новенькими и казались совершенно необитаемыми. Они не упоминались в моей ориентировке и не были отмечены ни на одной из карт или фотографий, что я изучал. Я держал их под прицелом, пока не проехал, но у меня не возникло повода открыть огонь.

Когда я поднялся выше, радио опять засекло его голос, слабый сперва, но крепнущий по мере моего движения.

«Итак, ты понимаешь, — говорил он, — я свободен впервые в жизни, свободен использовать кое-что из того, что я разработал, так, как это должно быть использовано, некоммерчески, на благо всего человечества, чтобы помочь нам пережить эти жуткие времена. Существует огромная потребность в моих возможностях, в моем оборудовании, и именно сейчас. Даже технология клони...»

Меня обнаружили. Позади меня раздалось несколько мощных взрывов. Через несколько мгновений я обогнул прикрывающие меня камни и опять оказался на открытом месте. За несколько сотен ярдов виднелось какое-то хилое укрытие, и дорога шла в гору. Я рванулся вперед со всей скоростью, какую только мог выжать, понимая, что удача вот-вот отвернется от меня, и надеясь, что она останется со мной еще на несколько секунд, чтобы я смог выпустить свои ракеты. С той позиции, которую я тогда занимал, было бы практически невозможно достичь его.

Следующие заградительные снаряды легли далеко впереди, и я резко свернул в сторону, чтобы обойти этот взорванный участок. Секундами позже раздался другой взрыв, сзади, на этот раз совсем рядом.

Но я добрался до своего укрытия, хотя пришлось немного поволноваться, когда передо мной дробились и превращались в пыль огромные валуны, потом я рискнул и рванулся по диагонали к другому ближайшему убежищу.

Мне слишком долго везло, чтобы все сошло гладко, и на этот раз у меня почти ничего не получилось. Я был подбит спустя считанные секунды после начала рывка и меня развернуло по кругу. Приподняло над землей, бросило вниз, отшвырнуло в сторону, и передо мной внезапно открылась сквозь восемнадцатидюймовую дыру в защитном экране немного повыше

моего левого плеча неожиданная панорама искореженного ландшафта. Но несмотря на скрежет и сильное заваливание на левую сторону, я мог продолжать движение и прорвался к следующему укрытию, а линия взрывов вытягивалась за мной, подобно узлам в хвосте воздушного змея.

Я преодолел почти половину своего пути по долине, что было почти настолько хорошо, насколько можно было рассчитывать. Возможно, даже еще лучше, учитывая все обстоятельства. Я снова забрал вправо, чтобы оказаться под защитой огромной груды валунов примерно в пятидесяти футах впереди. Я добрался до них и ехал, продолжая поворачивать вправо, пока не достиг той крайней точки, после которой мне бы пришлось обнаружить себя. Это место находилось приблизительно на расстоянии двух сотен ярдов от моего предыдущего укрытия, которое подверглось ожесточенному обстрелу. Я не имел представления о том, какой там расклад на другой стороне, поэтому решил сходить в разведку на своих двоих.

Я все оставил работающим, включая и радио с его еле слышным, назойливым «Ты там, Ангел? Ты все еще там?», и сполз вниз на скалистую поверхность, ощущая сквозь скафандр, как она вздрагивает, чувствуя запах горящих химических веществ и привкус соленой пыли.

Я осторожно обогнул валун, держась поближе к нему; бросился на землю и прополз последние метры вокруг него на животе. Пока я полз, встроенный в скафандр передатчик поймал голос Стайлера.

«Мне очень жаль, что все получается именно так, Энджи, — сказал он. — Если ты все еще жив и можешь слышать меня, я надеюсь, что ты этому веришь. Потому что, чего бы это ни стоило, все, что я говорил, — правда. Я не лгал тебе...»

Так. Если я обойду справа и поднимусь по этому крутому откосу, то выйду на линию огня! Если я выпущу все ракеты, там есть крутой склон, до которого я, возможно, смогу добраться. Он ведет к чему-то похожему на пересохшее устье реки...

«...Я просто собираюсь продолжать обстрел до тех пор, пока не останется камня на камне. Ты не оставил мне выбора...»

Я пробрался к своей машине и перепроверил все системы. Валуны за моей спиной скоро превратятся в карьер для добычи гравия. Или песка.

Все было готово. К тому же теперь в любую секунду он мог швырнуть сюда что-нибудь действительно увесистое. Мне следовало спешить.

Я задребезжал вперед и вверх на приличной скорости. Иногда крен становился таким, что казалось — вот сейчас завалюсь влево. Я все же справился; на миг передо мной открылся хороший вид на штаб-квартиру Доксфорда, уже не горящую, но испускающую огромные клубы серого дыма, а потом я остановился, навел и выпустил свои ракеты, одну за другой, и каждая отдача угрожала сбросить меня вниз по склону.

Я не дожидался результата и нырнул вниз в тот самый момент, когда была выпущена последняя ракета.

Спустился до конца склона, резко повернул влево и продолжил движение. Потом, очень скоро, возвышение, с которого я стрелял, было охвачено

пламенем и превращено в тлеющую воронку. Мгновениями позже на меня обрушился каменный град.

Я двигался, никем не тревожимый, и, казалось, что это длится довольно долго. Пальба продолжалась, но стала довольно беспорядочной, а затем и вовсе ослабла.

Я никак не мог выбраться из своей канавы на ровное место, как того хотел. Я пытался, но двигатель был не в состоянии выволочь меня вверх по склону. Кроме того, его дребезжание стало еще более зловещим, и я уловил запах горящей изоляции.

Когда я наконец добрался до такого угла откоса, который он мог преодолеть, я выжал из него все возможное и выяснил, что нахожусь на расстоянии примерно четырехсот ярдов от цитадели Стайлера.

Ближайшая сторона здания была полностью разрушена, и я мог разглядеть языки пламени, пляшущие среди развалин. Дыма было еще больше, чем прежде. Пушки, теперь уже не опасные, где бы они ни были и какими бы они ни были, некоторое время еще бешено палили, потом смолкли. Это длилось, вероятно, секунд десять. Потом одна из них опять начала стрелять, неторопливо, размеренно, по какой-то воображаемой цели далеко справа и позади от меня. Длинная шеренга приземистых роботов на мощных гусеницах неподвижно выстроилась перед зданием, как можно было предположить, охраняя его.

«Ладно, тебе повезло», — сказал Стайлер, и странно прозвучал его голос после долгого молчания. «Я не могу отрицать нанесенный тобой ущерб, но ты дошел настолько далеко, насколько мог. Поверь мне, это безумная затея. Твоя машина почти готова развалиться, и роботы оставят от тебя мокрое место. Твоя смерть никому не пойдет на пользу, черт побери!»

Тогда роботы покатились ко мне, поднимая то, что, очевидно, было оружием. Я открыл по ним огонь.

Звуки его дыхания наполняли кабину, пока я приближался, стреляя, и роботы вели себя так же.

Я уничтожил почти половину из них, прежде чем машина осела и стала разваливаться на части вокруг меня. Одна из пушек все-таки еще стреляла, и я остался при ней, прицеливаясь и в то же время регулируя устройства на своем скафандре. В меня лично попали всего лишь несколько раз, но мое одеяние довольно неплохо выдерживало лазерные удары и пули.

«Да есть ли там кто-нибудь на самом деле? — спросил наконец Стайлер. — Или я разговаривал с машиной? Мне казалось, что однажды я слышал твой смех. Но, черт! Это могла быть запись! Ты действительно там, Ангел? Или механизм, который, занимаясь уничтожением тростника, ничего об этом не знает? Скажи что-нибудь, ладно? Что угодно. Подай мне какой-нибудь знак, что там присутствует разум!»

Роботы разделились на две группы и покатились ко мне, собираясь взять меня в клещи. Я лупил по тем, что справа, пока моя пушка не была уничтожена. Прежде чем это произошло, я повредил четверых, а граната,

которую я метнул, спрыгивая с горящих обломков разбитой машины, вывела из строя еще троих.

Я укрылся за разрушенным корпусом, с силой швырнул гранату в тех, что слева, привел в готовность свое лазерное ружье, опять переместился вправо и открыл огонь по ближайшему роботу.

Его пришлось слишком долго сжигать, прежде чем остановить, я бросил ружье, метнул гранату и бросился бежать. Может, я бы и смог удерживать лидерство на дистанции, ведущей в гору достаточно долго. Но я не уверен.

Трех из примерно дюжины уцелевших роботов никак нельзя было обойти, поэтому мне пришлось остановиться и сцепиться с ближайшим из них. Он ухватил меня длинным, похожим на трос манипулятором, когда я пытался проскочить мимо него.

Надеясь, что сервосуставы скафандра добавят мне необходимую мускульную силу, я обхватил его снизу и попытался поднять над головой. Мне удалось это как раз в тот момент, когда еще один робот подбирался ко мне, и я обрушил одного из них на другого со всей силой, какая у меня была, останавливая их обоих, повалил третьего на бок и побежал.

Я пробежал тридцать или сорок ярдов, прежде чем их огонь сбил меня с ног и нагрел скафандр так, что в нем стало более чем неуютно.

«По крайней мере, кажется, ты человек», — мой передатчик донес до меня слова Стайлера. «Было бы ужасно, если бы там внутри ничего не оказалось, знаешь, вроде одного из тех зловещих, не имеющих образа созданий из скандинавских легенд — призрачное существо. Господи! Может быть, так оно и есть! Некий кусок кошмарного сна; я проснулся, а он не сгинул...»

Но я уже держал гранату наготове и бросил ее в своих преследователей, туда же полетела моя последняя граната. Потом я был уже на ногах и мчался к груде камней перед зданием. Мне надо было пробежать примерно тридцать ярдов, я чувствовал на себе их лучи и меня сбивало с ног, и я вставал и бежал дальше зигзагами, чувствуя боль от ожогов везде, где скафандр касался тела, и вдыхая запах своего пота и своей поджаренной плоти.

Я нырнул за каменную груду и стал рвать на себе застежки скафандра. Показалось, что прошла целая вечность, пока я, едва сдерживая крик и почти прокусив себе губу, вырвался из него. Наушники, падая на землю, обратились ко мне голосом Стайлера:

«А ты думаешь, что род человеческий достоин спасения? Или хотя бы попытки спасти его? Тебе не кажется, что он заслуживает шанс на осуществление своих возможностей в полной...»

Но тогда я, задыхаясь от дыма и срывая ногти, уже карабкался вверх по склону груды обломков, чтобы занять огневую позицию, не обращая внимания на свои ожоги, и наводил лазер на ближайшего из подступающих роботов. Их оставалось еще три, и на первом я держал луч нестерпимо

долго, пока не прожег в его корпусе дыру, и он остановился, дымясь и скрежеща.

Я мгновенно перевел луч на второго, и тут мне пришло в голову, что они не проектировались специально для ведения боевых действий. Они не были в достаточной степени военными машинами. Видимо, он собрал, вооружил многоцелевые механизмы и послал их против меня. Их можно было спроектировать так, чтобы они и двигались и функционировали с буквально смертоносной эффективностью. Ведь их оружие не было в них встроено, они его несли.

«Конечно, род человеческий достоин спасения, — сказал я, ощущая соленый привкус во рту. — Но всякий раз, когда обстоятельства восстают против него, его вывозит собственная иррациональность. В этом безумии — его судьба. Если бы это зависело от меня, я бы выбил из него дрянь, воспитал бы его по-другому». Потом, когда развалился второй робот, я рассмеялся: «Черт! Да я бы начал с себя!»

Я слышал потрескивание огня за своей спиной и свист противопожарной системы. Теперь я держал свой луч на последнем роботе и уже начинал опасаться, что слишком поздно добрался до него. Его собственный луч растапливал и превращал в пыль прикрывающую меня кучу мусора, и мне приходилось все время наклонять голову и отворачивать ее, смаргивая пыль с глаз, выдувать ее из носа, чувствуя запах своих горящих волос и обожженного уха.

Пошло, пошло, пошло. Казалось, что моя левая рука горит, но я знал, что не шевельнусь, пока один из нас не исчезнет в пламени.

Наверное, я продолжал стрелять и после того, как он остановился, потому что глаза мои закрылись, голова упала набок, и я не видел, как это произошло.

Когда до меня дошло, что я не мог бы так долго оставаться в живых, если бы дело обернулось не в мою пользу, я перестал стрелять и поднял голову. Потом я опять опустил ее и просто валялся там, понимая, что теперь все в порядке, страдая от боли и не в силах пошевелиться.

Прошло, видимо, полминуты, и я осознал, что должен подняться и продолжать дело, иначе я буду просто лежать здесь, понапрасну расходуя весь накопленный адреналин, слабея и засыпая под воздействием боли и усталости. Предприняв невероятное усилие, я поднялся и пошатнулся. Едва не упав, остановился, чтобы достать свою последнюю гранату из гнезда на бедре скафандра. Потом повернулся и посмотрел на здание.

Большие металлические двери были закрыты. Когда я подошел к ним и подергал, выяснилось, что они заперты. Хотя я продырявил здание во многих местах и там, казалось, за каждой пробоиной полыхало пламя. Я отошел назад и, ожидая взрыва, поднял свое оружие и выжег запорный механизм.

Ничего страшного не произошло.

Я приблизился, открыл одну из дверей, вошел.

Обыкновенный коридор, как в любых служебных зданиях, где угодно. Однако нет ни души. Жарко и все в дыму.

Я, крадучись, двинулся вперед, готовый стрелять при любом шорохе, гадая о возможности замаскированных орудий, бомб, отверстий для газов, надеясь, что таковые если и имеются, то либо уже повреждены, либо бессильны, и припоминая планировку того места, где находился.

Мне казалось, что он может быть внизу, в главном аппаратном зале. Это было самым безопасным и в то же время самым уязвимым местом во всем здании.

Когда я пробирался по направлению к задней части здания в поисках лестницы, громкоговоритель донес до меня голос Стайлера.

«Я не заблуждался насчет тебя, — сказал он. — Я боялся тебя с самого начала. Жаль, что мы смогли встретиться только при таких обстоятельствах. У тебя есть качество, которое приводит меня в неимоверное восхищение — твоя решимость. Я никогда раньше не сталкивался с подобной преданностью своему делу, с такой целеустремленностью. Вот ты принял решение взять контракт на меня — и все. В тот момент ты наглухо закрылся для всего прочего, и теперь ничто, кроме смерти, не остановит тебя...»

Я проскочил сквозь горящий коридор, перепрыгнул через кусок обвалившейся стены. Пока я бежал, разбрызгиватели противопожарной системы насквозь промочили меня.

«Мы играем не свои роли, и ты и я, знаешь об этом? Ты никогда не задумывался над тем, что бы произошло, если бы Отелло был вынужден решать проблему Гамлета? Он бы разобрался со всеми этими делами сразу же после разговора с призраком. И тогда была бы всего лишь одноактная пьеса и не было бы великой трагедии. И напротив, датчанин в мгновение ока разрешил бы дилемму бедняги мавра. Печально, что все остается по-прежнему. Если бы я был на твоем месте, я бы уже стоял во главе КОЗА. Они были в ужасном состоянии. Серьезно. Нападение на Доксфорд — это часть их агонии. Члены их высшего руководства ненавидели друг друга куда сильнее, чем своих конкурентов. Ты мог бы воспользоваться своим образом сурового отца и оказаться среди них, а потом выстроить их по ниточке. Ты... О, дьявол! Теперь это не имеет значения, я могу решать чьи угодно проблемы, кроме своих собственных. Если бы ты сидел на моем месте, знал то, что известно мне, что же об этом говорить? Когда уже падали бомбы, я все еще занимался тем, что просчитывал варианты... А ты бы сделал что-нибудь».

Дверь на лестницу была наглухо закрыта. Я поджег ее и вышиб, освобождая себе путь. Оттуда валили клубы дыма, но я задержал дыхание и бросился вперед.

«...И я все ещё размышляю, рассматриваю возможные пути выхода из сложившейся ситуации...»

Я на ощупь добрался до первой лестничной площадки — дальше вниз, мои глаза жгло, и они слезились.

Дверь внизу лестницы была заперта. Я выжег замок; голова кружилась, кровь бешено стучала в висках. Другой пылающий коридор ждал меня. Я проскочил сквозь него на полном ходу, сжег еще одну дверь и очутился в раскаленном, но не горящем коридоре.

Я торопился, пробивая дорогу еще через несколько дверных проемов, в любое мгновение ожидая взрыва, орудийного залпа, шипения газа. По мере моего продвижения воздух становился прохладнее, чище и, наконец, стал таким, что показался нормальным и даже вполне сносным. Равномерно горело освещение, и хотя там имелись расположенные с одинаковыми промежутками передатчики, из них доносились лишь звуки тяжелого дыхания и невнятное бормотание, возможно, проклятия, этого я не сумел как следует разобрать. Всю дорогу я прислушивался. Мне нужно было знать один ли он там. Я еще не сталкивался ни с одним человеческим существом, живым или мертвым, здесь, на Алве, и хотя представлялось вероятным, что все, кто бы здесь ни был, устремились поближе к его защищенному убежищу, когда началась атака, сильно напоминающая монолог, речь Стайлера могла служить подтверждением того, что он находится в одиночестве и, возможно, уже немало времени. Но где могут быть все остальные? Это крупное заведение, предположительно с большим количеством обслуживающего персонала.

Вскоре, однако, этот вопрос прояснится. Я заметил массивную дверь, закрывавшую вход в его святилище.

Я осторожно приблизился и, как и ожидалось, обнаружил, что она крепко-накрепко закрыта. Я поднял оружие и начал выжигать замок.

Однако заряд кончился, прежде чем я справился с ней. Замок все еще держался слишком крепко.

Конечно, у меня была граната. Но если я воспользуюсь ею, чтобы взорвать дверь, то останусь без своего единственного оружия, способного убивать на расстоянии. И под руками у меня будет только стилет, который я прихватил с Сицилии. Мои учителя смеялись, когда я настаивал на том, чтобы взять его с собой. Они не верили в счастливые амулеты.

Я вытащил его из сапога, отшвырнул лучемет в сторону и взял гранату наизготовку.

«Мне представляется, ты рассчитываешь, что твои сообщники заберут тебя после того, как ты завершишь свою миссию», — раздался голос Стайлера из громкоговорителя над дверью. «Когда они так и не появятся, ты, вероятно, начнешь размышлять, то ли тебя бросили, то ли, может быть, я говорил тебе правду относительно войны на Земле. Я говорил правду. Затем ты начнешь изыскивать какие-либо средства, чтобы покинуть Алво самостоятельно. Но обнаружишь, что здесь ничего такого в наличии нет. Ты заподозришь, что являешься единственным человеческим существом на планете. И это подтвердится. Потом ты пожалеешь о том, что не поверил мне сразу, ибо поймешь, что вместе со мной уничтожил решения многих своих проблем».

Я отступил назад по коридору, метнул гранату и нырнул в укромный дверной пролет.

«Я отослал всех. Видишь ли, я видел, что это приближается, уже много месяцев назад. Теперь, когда идет война, сомнительно, что кто-либо вернется. Беженцев отправляют на те планеты, где поселения уже на...»

Взрыв прозвучал с ошеломляющей силой. Я выскочил из своего убежища и побежал, прежде чем стихли отголоски взрыва, перестало трясти и прежде чем все куски стен и потолка обрушились на пол.

Если он и в самом деле отправил всех в отдаленные миры, значит, когда я последовал бы его просьбе и прекратил движение на любом участке своей экспедиции, то за мной некому было бы прийти. Следовательно, ему просто нужна была неподвижная цель. Черт с ним! Любые возможные проблески симпатии немедленно сгинули.

Я рванулся вперед во взорванную брешь, держа стилет низко и наготове.

Вбежав, я уже не останавливался, но успел скользнуть взглядом по сторонам, совершая свой бросок. Никаких всплесков роскоши эпохи Ренессанса, вопреки некоторым моим ожиданиям. Дальнюю стену закрывал огромный пульт управления, по бокам которого разместилось множество экранов, демонстрирующих различные участки долины и горящие здания. Передняя часть комнаты отделялась от задней декоративной перегородкой; была покрыта коврами и обставлена для постоянного проживания. Стайлер, похожий на свои фотографии, сидел за небольшим металлическим столиком рядом с левой стеной. Замысловатая установка, являющаяся, возможно, неким продолжением махины, находящейся в задней части комнаты, выступала из стены, отгораживая его справа. Множество проводков тянулось от его лысой головы к этой установке. Он пристально смотрел на меня, сжимая в правой руке пистолет.

Только впоследствии я выяснил, сколько раз был ранен. По-моему, лишь первый выстрел стал неудачным. Я не уверен насчет второго. Это был пистолет мелкого калибра, и он ухитрился выстрелить из него трижды, прежде чем я выбил его, всадил свое лезвие Стайлеру в диафрагму и стал смотреть, как он оседает в кресло, с которого встал.

«Ты...» — начал он, потом несколько раз открыл и закрыл рот, на его лице на мгновение появилась такая гримаса, словно он был изумлен своей внезапной поломкой.

Его правая рука дернулась в сторону, перебросила маленький переключатель на пульте сбоку. Потом он тяжело подался вперед и повалился поперек стола, подергиваясь.

На другом конце стола, на который я, тяжело дыша, опирался, стоял телефон. Он зазвонил.

Я уставился на него, как зачарованный, не в силах шевельнуться. Это было смехотворно, абсурдно, что он мог зазвонить. Я подавил в себе дикое желание расхохотаться, понимая, что это не приведет ни к чему хорошему, что мне, вероятно, долго не удастся остановиться.

Я должен был выяснить. Не будет мне покоя, если я сейчас не выясню.

Я протянул руку и взял трубку.

«...возможно, найдешь развлечение, — продолжал его голос, звучащий теперь в телефонной трубке, — в здании на другом конце этой долины».

Я сдержал внезапное желание закричать и продолжал сжимать в руке телефонную трубку, затем протянул другую руку и схватил его за плечо. Я толкнул его назад в кресло. Он был либо мертв, либо настолько близок к этому, что это уже почти не имело значения.

«Нейроны по-прежнему в движении, — продолжал его голос по телефону, — и при помощи своей схемы соединений я могу привести в действие здесь все из того, что еще функционирует, даже несмотря на то, что мои собственные голосовые связки более мне не подчиняются. Все здесь проходит через формулятор, и его голос — это мой собственный голос.

Тебе придется изучить то, что ты найдешь в другом здании. Это будет непросто. Ты вполне можешь и не справиться. В этом случае тебе предстоит провести остаток своих дней в одиночестве в этом месте. Но там имеются учебные приспособления, записи, мои заметки, книги. У тебя теперь нет ничего, кроме времени, за которое ты можешь попытаться или нет, по собственному усмотрению. До сих пор я все предугадал правильно. Чувствую, что я зашел почти настолько далеко, насколько мог...»

Раздался щелчок, потом длинный гудок.

Я рухнул.

Здесь, здесь, там и опять. Годы, клоны, проходы... Я научился. Я изучил материалы в том месте, которое потом станет Крылом, Которого Нет. Я научился. Альтернативой была некая более страшная форма безумия, чем та, с которой я уже был знаком. Я должен был выбраться оттуда, попытаться отыскать Джулию, сделать что-нибудь.

Мозаика и вечерняя звезда...

Я выбрался оттуда. Я так никогда и не нашел ее могилы, если она у нее была, но я сумел установить, что ее не было среди тех, кто добрался до Дома, Крылья которого существовали на отдаленных планетах, не вполне приспособленных для человека.

Я выбрался оттуда. Предстояло забыть очень многое, что я и хотел сделать, и, располагая избытком времени для самоанализа, я мог это определять с большой избирательностью. Я овладел техническими приемами, необходимыми для точного выявления того, что мне в себе не нравилось, и для стирания этого из собственной памяти. Я решился на это. Я хотел, чтобы это стало возможным для всего рода человеческого, вернее, остатков его, и решил, что может быть способ осуществить такое желание. Только процесс духовного развития займет больше времени, а я буду направлять его и развиваться вместе с остальными, отставая только на один шаг, занимаясь грязной работой, для чего я вполне годился. Это мне понравилось. Я уничтожил часть себя и воткнул первую булавку. Последующие можно будет в крайнем случае выдернуть, но я желал, чтобы

Анджело ди Негри оставался мертвым. Его я ненавидел. Потом я активировал клоны, и мы могли полностью доверять нам.

Мы выбрались.

Глава 2

Когда я почувствовал, как пуля вошла в мое сердце, моей первой реакцией было чувство безграничного недоумения. Как?..

Потом я умер.

Я не припоминаю крика, хотя Мисси Воул и говорила, что я закричал и стал судорожно хватать воздух правой рукой. Потом я напрягся, расслабился, затих. Ей лучше знать, бедняжке, ведь это случилось в ее постели.

Безумная мысль промелькнула в моем мозгу за миг до моей смерти: Вытащи седьмую булавку... Почему, я понятия не имел.

Я помню ее лицо, зеленые глаза, обычно скрывающиеся за длинными ресницами, розовые губы, слегка приоткрытые в улыбке. Потом я почувствовал боль, изумление, и только теперь до меня, кажется, донесся звук выстрела, поразившего меня, но тогда я его не слышал.

Позднее доктор рассказал мне, что я не испытывал сердечной недостаточности, несмотря на все проявленные мной симптомы, и что почувствовал боль в груди и потерял сознание без какой-либо очевидной причины. К тому времени я уже понимал, что в этом-то все и дело, и я просто хотел выбраться из Амбулатории и прямо отправиться в Крыло 18 Библиотеки, ячейка 17641, чтобы разобраться с последствиями своей кончины.

Но они удерживали меня несколько часов, настаивая, чтобы я отдохнул. Идиоты! Если со мной все в порядке, то почему я должен отдыхать?

И, конечно, я не мог отдыхать. Как? Я только что был убит.

Я был перепуган и в крайнем замешательстве. Кто мог пойти на такое? И запоздалая мысль, зачем это им?

Пока я валялся там, окруженный стерильной белизной, то потея, то впадая в озноб, я понимал, что должен идти, и я хотел пойти и быстро разобраться, что со мной сделали. Но я только что перенес сильнейшее потрясение и испытывал физический страх перед тем, что увижу, перед доказательством содеянного. Некоторое время это подавляло меня, и я не пытался встать. Я был также достаточно разумен, чтобы понять, — пока не ослабнут эти первые эмоции, я не буду ни на что годен.

Поэтому я покорился, заставил себя думать. Убийство. В сущности, неслыханное дело в наше время. Я не мог припомнить, когда было совершено последнее убийство, где бы то ни было, а ведь я находился в более выгодном положении, чем многие другие, чтобы знать о таких вещах. Профилактические меры для улучшения состояния и эффективное подавление насильственно-агрессивного инстинкта способствовали снижению криминогенности. Имелся так же богатый медицинский опыт, когда все-таки приходилось латать жертву патологической вспышки. Но хладнокровное, преднамеренное убийство, такое, как в моем случае... Нет, все это было

ужасно давно. Какой-то более циничный призрак моего прошлого шепнул мне на ухо, что вполне может быть и так, что по-настоящему хладнокровные и преднамеренные совершаются так здорово, что они даже и не похожи на убийства. Я быстренько отправил призрак в небытие, которого он давно заслужил. Или так мне думалось. При том качестве информации, хранящейся в Доме на каждого, это было практически невозможно.

Самое неудачное, что это выпало на мою долю. Теперь требовалось сделать только что отвергнутое мною, как невообразимое для кого-либо. То есть изыскать возможность сокрытия происшедшего. Но, в конце концов, я ведь особый случай. На самом деле я не считаюсь...

Смешок, прозвучавший так, словно он вырвался из моего собственного горла, подействовал мне на нервы.

«Хорошо сказано, старый крот!» — решил я внутри себя. «Полагаю, что к этому можно относиться с определенной долей иронии».

Вздор! У тебя совсем нет чувства юмора, Лэндж!

«Я понимаю противоречивость моего положения. Но я не считаю убийство смешным делом».

Когда жертва — это мы, да?

«Ты употребил не то местоимение».

Нет, но будь по-твоему. Твои руки в крови, как и у любого.

«Я не убийца! Я никогда никого не убивал!»

Я подавил другой смешок в самом его начале.

Как насчет самоубийства? Как насчет меня?

«Человек имеет право распоряжаться собой как ему угодно! Ты? Ты — ничто! Ты даже не существуешь!»

Тогда чего ты так беспокоишься? Может, психопатия? Нет, Лэндж. Я — настоящий. Ты убил меня. Ты прикончил меня! Но я существую. И придет время, когда я буду воскрешен. Твоей собственной рукой.

«Никогда!»

Так будет, потому что я тебе понадоблюсь. Скоро!

Задыхаясь от ярости, я опять отправил своего предка во вполне им заслуженное забвение.

Некоторое время я проклинал то обстоятельство, что я был тем, кем я был, одновременно понимая, что ругань — тоже патологическая вспышка, вызванная травмой смерти. Это не слишком затянулось. Я знал, что, пока люди остаются людьми, необходимо, чтобы я продолжался, в любой форме, какая потребуется на текущий день.

Мы должны были ждать момента, когда я начну двигаться. Я это тоже знал. Ждать и прикрывать. Чем больше времени пройдет, пока я смогу действовать, тем сложнее все может стать при обычном порядке наблюдения за человеком. Мы все это знали, но мы ценили глубину моих чувств и понимали, что необходима пауза, прежде чем я опять смогу нормально функционировать.

Я стиснул зубы и сжал кулаки. Такое потакание своим слабостям может дорого обойтись. Его придется отложить.

Я заставил себя подняться и пересек комнату, чтобы вглядеться в седоволосое, темноглазое отражение моих пятидесяти годов в зеркале, висящем над умывальником. Я провел рукой по волосам. Я ухмыльнулся своей кривой усмешкой, но это не выглядело слишком убедительным.

«Ты выглядишь чертовски погано», — сказал я себе, и мы кивнули в знак согласия.

Я пустил холодную воду, окатил морщинистую поверхность своей физиономии, вымыл руки и почувствовал себя немного лучше. Потом, изо всех сил стараясь не думать ни о чем, кроме непосредственной задачи, я извлек из стенного шкафа свою одежду и оделся. Сразу, как только я начал двигаться, возникла неотвратимая необходимость действовать. Я должен был выбраться отсюда. Я нажал на звонок и стал расхаживать по комнате. Несколько раз я останавливался у окна и смотрел на маленький, огороженный парк, где почти никого не было, кроме нескольких больных и посетителей. Высоко в небе уже тускнели огни. Я мог разглядеть три винтообразных переходника, широкие балконы галереи вдалеке по левую сторону от меня и яркий блеск заградительных покрытий на фоне теней. Движение на ленточных дорожках и на их перекрестках было небольшим, и не было видно находящихся в полете индивидуальных летательных аппаратов.

Дежурная медсестра привела ко мне молодого врача, еще раньше говорившего, что со мной все в порядке. Так как теперь между нами существовало безусловное согласие в данном вопросе, он сказал, что я могу идти домой. Я поблагодарил его и, спускаясь вниз по пандусу в направлении ближайшей ленточной дорожки, обнаружил, что мне действительно стало лучше.

Сначала было в общем-то все равно куда идти. Я просто стремился выбраться из Амбулатории со всеми ее запахами и напоминаниями о том прискорбном состоянии, в коем мне так недавно довелось побывать. Я проходил мимо огромных складов с медикаментами; над моей головой время от времени проплывали воздушные кареты «скорой помощи». Стены, перегородки, полки, штабеля, платформы, пандусы — все вокруг меня выглядело белоснежным и было обработано карболкой. Постепенно я добрался до самой скоростной дорожки. Санитары, медсестры, врачи, пациенты и родственники усопших или недужных проносились мимо меня со все увеличивающейся скоростью и чем быстрее, тем лучше. Я испытывал отвращение к этому месту с его потайными медицинскими припасами, клиническими отделениями, находящимися под наблюдением обителями для выздоравливающих и следующих в противоположном направлении. Дорожка плавно свернула за угол парка, где эти несчастные, сидя на скамейках или в самодвижущихся креслах, ждали, когда для них распахнется черная дверь. Высоко над головой птицеподобные электрокары перевозили людей и оборудование, дабы поддерживать на должном уровне беспрестанно изменяющиеся потребности в перемещении людей, предметов, энергии, равновесия в пространстве, издавая при движении лишь еле слышимые звуки, доносящиеся с перечеркнутых перекрестными штрихами небес и

напоминавшие кудахтанье курицы-несушки. Я, не переводя дыхания, сменил дорожек двенадцать, пока не очутился в сутолоке освещенной дневным светом кухни, с ее запахами и суетой, звуками и красками, напоминавшими мне о моей постоянной принадлежности к этому миру, а не к тому, другому.

Я поел в небольшой, ярко освещенной закусочной. Я очень проголодался, но уже через минуту еда потеряла вкус, а ее пережевывание и проглатывание стали машинальными. Я постоянно бросал взгляды на других посетителей. Голову мне сверлила непрошеная мысль: может ли это быть один из них? Как может выглядеть убийца?

Как угодно. Это может быть любой... любой, имеющий повод и способность к насилию, и ничто из этого не отражается на человеческом лице. Моя неспособность вообразить себе кого-нибудь, наделенного такими качествами, не отменяла того обстоятельства, что они проявились лишь несколько часов назад.

У меня пропал аппетит.

Совсем.

Было чертовски неподходящее время впадать в паранойю, но мной овладело внезапное желание к новой перемене мест, желание убраться отсюда. Все вокруг казалось зловещим. Случайные взгляды и жесты других посетителей стали угрожающими. Я почувствовал, как напряглись мои мышцы, когда за моей спиной прошел какой-то толстяк с подносом. Я знал, что если он толкнет мой стул или ненароком заденет меня, то я, завопив, подпрыгну.

Я встал, как только освободился проход. Это все, что я мог сделать, чтобы сдержаться и не побежать на пути к трассе ленточной дорожки. Потом я некоторое время просто ехал, не думая ни о чем, не желая оставаться в толпе, но и не мечтая оказаться в одиночестве. Я расслышал свои собственные приглушенные проклятия.

Конечно, есть место, где будут люди и где мне не будет страшно. В этом я был уверен. Получить подтверждение можно просто, но мое настроение могло оказаться заразительным, а я хотел сдержать его в себе, пока оно не пройдет вовсе. Самым легким было просто отправиться туда — на место убийства.

Я решил, что сначала нужно выпить. Но мне не хотелось заказывать выпивку в этом Крыле. Почему? Опять нелогично. Мне было не по себе в собственных владениях.

Я двигался поверху, дорожка несла меня к ближайшей станции тоннеля.

Наконец в отдалении я увидел возвышающуюся стену с ее переменчивым рисунком светящихся цифр и букв. Я сошел на станции и изучил расписание. Тоненький людской ручеек струился сквозь ворота прибытия, а другие стояли или сидели на открытой платформе, поглядывая на табло. Посмотрев на него, я выяснил, что через Проход II я за шесть минут доберусь до Коктейль-холла Крыла 19.

Я вошел в клеть при Проходе II, очереди здесь не было, и предъявил

свое удостоверение для считывания. Раздалось гудение, потом последовал щелчок, после которого открылась решетчатая дверь в противоположном конце.

Я прошел в нее и направился вверх по пандусу к месту ожидания у Прохода. Там были трое мужчин и девушка. На ней была форменная одежда медсестры. Один из мужчин, чудаковатый старик в движущемся кресле, как видно, находился под ее присмотром, хотя она и стояла на солидном расстоянии от него. Он бросил на меня быстрый, острый взгляд и чуть заметно улыбнулся, как бы проявляя интерес к тому, чтобы завязать разговор. Я отвернулся, по-прежнему не испытывая желания общаться, и прошел подальше вперед и влево от него. Что касается еще двоих, то один из них стоял около Прохода, читая газету, закрывавшую часть его лица, а другой прохаживался туда-сюда, держа в руке портфель и постоянно поглядывая на часы.

Когда загорелся красный сигнал, сопровождаемый звуком зуммера, я пропустил их всех вперед и только потом направился к Проходу.

Я снова предъявил свое удостоверение и прошел внутрь. Когда я оказался в туннеле, до меня донеслось слабое потрескивание, и в ноздри мне ударил запах озона. Мне предстояло пройти около сотни ярдов по облицованному металлом туннелю, тускло освещаемому висящими наверху грязными светильниками. Стены были беспорядочно залеплены множеством рекламных объявлений, покрыты надписями и рисунками, на полу валялся всевозможный мусор.

Где-то посередине туннеля стоял маленький, смуглый человечек; он читал объявление, сложив руки за спиной и грызя зубочистку. Когда я приблизился, он повернулся ко мне и ухмыльнулся.

Я подался влево, но тогда он направился ко мне, все так же ухмыляясь. Когда он приблизился, я остановился и сложил руки на груди, кончиками пальцев правой руки расстегивая слева застежку на своей куртке и нащупывая маленькую рукоятку транквилизирующего пистолета. Я всегда носил его там.

Его усмешка стала еще более заговорщической, и он подтвердил это кивком, сказав: «Карточки».

Прежде чем я успел среагировать, он распахнул свою куртку и сунул туда руку. Я расслабился, убедившись, что он не лезет за оружием и что у него из внутреннего кармана действительно торчит пачка фотографий. Он вытащил их и сделал шаг вперед, медленно их тасуя.

Где-либо еще, в какое-нибудь другое время я, может быть, арестовал бы его, либо послал подальше, в зависимости от настроения. Но здесь, в этом экстремальном Проходе сквозь подпространство, проблема отправления правосудия всегда была непростой. Она была бы особенно сложной, если, как я подозревал, он ждал здесь в течение нескольких перемещений. Кроме того, я не был при исполнении служебных обязанностей, и все мои профессиональные чувства в настоящий момент отсутствовали. Я двинулся вправо, чтобы обойти его.

Он схватил меня за руку и сунул мне под нос свои фотографии.

«Как насчет этого?» — спросил он.

Я опустил взгляд. Должно быть, я находился в состоянии, гораздо более близком к патологическому, чем я предполагал, потому что я, не отрываясь, смотрел, как он неторопливо играет со своими глянцевитыми картинками.

По причинам, которые я и не пытался проанализировать, эта выставка, оказалось, произвела на меня впечатление, хотя я наблюдал все это в прошлом, в том или ином варианте, бессчетное число раз.

Там были три снимка Земли, сделанные из глубокого космоса, по снимку других планет, может быть, дюжины планет в других солнечных системах и пара десятков фотографий созвездий. Меня они странным образом растрогали, и я слегка разозлился на себя за это.

«Красиво, да?» — спросил он.

Я кивнул.

«Пятьдесят, — сказал он. — Можешь забирать все за пятьдесят долларов».

«Ты спятил? — поинтересовался я. — Слишком дорого».

«Фотки очень хорошие».

«Да, хорошие, — признал я. —Но для меня они столько не стоят. Кроме того, пятидесяти у меня нет».

«Можешь взять любые шесть за двадцать пять».

«Нет».

Я мог просто сказать, что никогда не ношу с собой наличные, и покончить с этим. Теоретически мне не нужны были купюры, так как удостоверение личности также вполне годилось для оплаты чего угодно по моему лицевому счету, баланс которого тотчас же проверялся. Но, конечно, каждый носил с собой некоторую сумму наличными для покупок, регистрация которых представлялась нежелательной. Кроме того, я просто мог послать его ко всем чертям и пойти своей дорогой.

Ладно, по какой-то причине я застрял. Причина, должно быть, заключалась в том, что эти фотографии прельщали меня. И чтобы как можно скорее рассчитаться со своей послекончинной травмой, я решил ублажить свои неврозы и купить парочку.

Я отобрал для себя четкий, ясный снимок Земли и изображение мрачной и яркой россыпи Млечного пути. Я отдал ему по два доллара за штуку, спрятал их рядом со своим пистолетом и оставил его там вместе с его зубочисткой и усмешкой.

Через несколько мгновений я вошел в Коктейль-холл в Крыле 19. Спустился вниз по пандусу и покинул станцию. Затем вскочил на ленточную дорожку. Здесь всегда царил вечер, и именно поэтому мне здесь было уютно. Потолок скрывался в темноте, а маленькие освещенные участки напоминали бивачные костры в необозримом поле. Я оставался на медленно движущейся дорожке в гордом одиночестве. Тех четверых, что прошли передо мной сквозь Проход, нигде не было видно. Несколько раз я менял дорожки, пробираясь к одному из самых затемненных участков левее.

Я двигался мимо затейливо декорированных укромных уголков и сокровенных местечек, выполненных во всевозможных стилях; некоторые из них были заняты, но многие нет. То здесь, то там я наталкивался на вечеринки, иногда до меня доносились звуки музыки и смеха. Случайно я заметил парочку, их пальцы соприкасались, головы склонялись над столиком, на котором мерцал маленький огонек. Однажды на глаза мне попалась одинокая фигура, тяжело облокачивающаяся на столик, пьющая в темноте. Я, должно быть, проехал несколько миль, пока мной не овладело умиротворяющее чувство уединенности, и я сошел вниз, чтобы найти для себя местечко.

Я прошел между затемненными столиками, свернул за угол, перешел небольшой мостик и быстро проскочил сквозь рощицу искусственных пальм, не обращая внимания на этот полинезийский интерьер. Еще несколько поворотов — и я очутился в удивительно маленьком закутке. Усевшись в плетеное кресло за столиком, я наклонился вперед и включил имитацию масляной лампы. Ее нежный, желтоватый свет высветил для меня кресла с подлокотниками, на спинки которых были наброшены кружевные салфеточки, пианино, пару невыразительных портретов, полку книг в дорогих переплетах. Я забрел в гостиную викторианской эпохи, и ее величественная основательность и умиротворенность подействовали на меня так успокаивающе, как мне этого требовалось.

Я нашел заказник, засунул его под стол. Вставив свое удостоверение, я заказал джин с тоником. Вслед за этим я попросил сигару. Через мгновение они появились, я приподнял решетку и перенес их на стол.

Я сделал первый освежающий глоток и закурил сигару. И то и другое было изумительным по вкусу. Какое-то время я просто сидел и, не думая ни о чем, предавался приятным ощущениям. Но наконец, что-то шевельнулось во мне, и я вытащил из куртки две фотографии. Положив их на стол рядышком, стал рассматривать.

И снова очарование и нечто, странно напоминающее ностальгию по невиданному...

Размышляя о Земле и об этой великой звездной реке, я попытался проанализировать свои ощущения. Попытка провалилась, и меня охватила тревога, перерастающая в почти неоспоримую догадку о их происхождении.

Старина Лэндж, мой покойный предшественник. Это имело какое-то отношение к нему, к пожертвованной части...

Существовал только один-единственный способ узнать наверняка — крайняя мера, и я даже не мог припомнить, применялась ли она когда-либо. Даже несмотря на то, что со мной произошло жуткое ужасающее событие, мне не казалось, что исследование моих посттравматических реакций на какие-то фотографии обосновывает ее применение. Мертвые были мертвы и подразумевалось, что они и должны оставаться таковыми по вполне обоснованным причинам. Хотя сложившаяся ситуация представлялась весьма серьезной, я не мог представить себе какое-либо стечение

обстоятельств, при котором извлечение седьмой булавки стало бы обоснованным...

Боже мой! Словно некто, кого я не мог вспомнить и чья судьба была мне неведома, прислал мне нежданный привет. Моя безумная, предсмертная мысль, подавляемая болью, страхом... Вытащи седьмую булавку...

Зачем, я по-прежнему понятия не имел.

Не прозвучало издевательского смешка, не было горячечной шизофренической реакции. Но тогда я обрадовался бы даже этому, ибо испытывал чувство полного одиночества и ужаса, пробиравшего меня почти до костей.

Я боялся того, что за этим скрывалось, что это значило. Седьмая булавка страшила меня больше самой смерти.

Почему я должен нести ответственность?

Я выпил залпом, не разрешив себе заявить: «Это несправедливо». Существовал быстрый, простой способ избавиться от одиночества, но это было бы нечестно по отношению к другим. Нет. Я должен был попотеть и разобраться самостоятельно. Только так. Я проклинал свою слабость и свой страх, но понимал, что по эту сторону черной двери помощи мне не будет. Проклятие!

Я заказал еще порцию выпивки, на этот раз медленно ее потягивая, потом затянулся сигарой. Я пристально вглядывался в фотографии, пытаясь проникнуть в их тайну простым напряжением глазных яблок. Ничего. Манящие и запретные, но кто из живущих помнит, что осталось от Земли, и кто, черт возьми, когда-нибудь видел звезду? Несмотря на свой возраст, я все-таки чувствовал себя в чем-то повинным и мне было неловко, что я сижу здесь, уставившись на изображения того места, откуда мы пришли, и его галактической декорации. Однако я все же не испытывал похотливых вожделений.

Мне показалось, что я слышу шум, но все эти перегородки и меблировки не позволяли определить направление. Вряд ли это имеет особое значение, подумалось мне. Если бы кто-нибудь сидел в нескольких футах от меня, то ни один из нас не ведал бы о присутствии другого. Хотя я предпочитал реальность, мне казалось, что с меня хватит и иллюзии одиночества. Я еще не был готов встать и отправиться дальше.

Я прислушался к тиканью часов в их стеклянном футляре. Мне нравился этот закуток. Мне следовало отметить его координаты, чтобы я смог вернуться сюда. Я...

Я услышал шум, на этот раз не вызвавший сомнений, и громче. Кто-то налетел на какой-то предмет меблировки. Но теперь донесся и другой звук: мягкое механическое жужжание. Ну и хорошо. Это означало, что, вероятно, работает автоматический уборщик и, в таком случае, он обойдет занятый участок.

Я сделал еще глоток и вяло улыбнулся, снимая руку с фотографий. Я машинально прикрыл их, когда понял, что кто-то направляется в эту сторону.

Через несколько секунд я снова услышал его совсем отчетливо, очень

близко. Потом он появился из-за угла в дальнем конце комнаты. Это был старик в движущемся кресле, прошедший передо мной сквозь Проход II. Он кивнул мне и улыбнулся.

«Привет, — сказал он, плавно приближаясь. — Моя фамилия Блэк. Я видел вас на станции тоннеля — Амбулатория, Крыло 3».

Я кивнул.

«Я вас тоже заметил».

Остановившись перед столиком, он хихикнул.

«Когда я заметил, как вы сходите с дорожки, я решил, что вы остановились здесь, чтобы выпить». — Он глянул на мой стакан.

«Я не видел вас на дорожке».

«Я был довольно далеко впереди вас. Как бы там ни было, я оказался в затруднительном положении и мне подумалось, что, может быть, вы соблаговолите помочь мне».

«А что такое?»

«Я бы хотел купить себе выпивку».

«Давайте. Заказник внизу».

Он покачал головой.

«Вы не понимаете. Я не могу этого сделать. То есть непосредственным образом».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Указания врача. Мой счет контролируется. Если я засуну свое удостоверение в эту машину и закажу спиртное, Центральная распорядится не продавать его мне, проведя автоматическую проверку моего кредита».

«Понимаю».

«Но я не разорен. Я хочу сказать, у меня есть наличные. Но для этой штуки наличные не годятся. И вот что у меня было на уме, если я найду кого-нибудь, кто купит мне выпивку по своему удостоверению, я расплачусь с ним наличными — черт! Я бы даже и ему купил тоже, и не останется никаких следов того, что я это сделал».

«Не знаю, — сказал я. — Если ваш врач не хочет, чтобы вы пили, мне не хотелось бы брать на себя ответственность за то, что не может принести вам ничего хорошего».

Он кивнул.

«О, доктор прав, — сказал он. — Едва ли я хорошо выгляжу. Достаточно посмотреть на меня — и вам все станет ясно. Печально быть в моем положении. Они поддерживают во мне жизнь, но мне затруднительно назвать это жизнью. И некоторое физическое недомогание завтра — это не слишком высокая плата за порцию неразбавленного виски. Я от этого не помру». Он пожал плечами. «Но даже если и так, это не будет иметь значения ни для кого. Что скажете?»

Я кивнул.

«Это не преступление, — сказал я, — и только вы можете по-настоящему судить о том, что для вас важнее».

Я вставил свое удостоверение в отверстие.

«Закажите двойную», — сказал он.

Я заказал и передал ему выпивку, он сделал большой, неторопливый глоток, вздохнул. Потом поставил стакан, порылся в кармане куртки и вытащил пачку сигарет.

«И этого мне тоже нельзя», — сказал он, прикуривая.

Около минуты мы сидели в молчании, предаваясь, по-видимому, своим личным ощущениям. Как ни странно, я не испытывал раздражения этим нарушением своего одиночества, за которым я так далеко забрался. Мне было жаль старика, конечно, одинокого в этом мире, ждущего смерти, вынужденного находить предлоги, чтобы вырываться из какого-нибудь приютившего его пансионата, и выпрашивать случайную выпивку, одно из немногих оставшихся у него удовольствий. Но это было больше, чем сочувствие. В его покрытом глубокими морщинами лице чувствовалось воодушевление, дерзость, сила. Его темные глаза были ясными, не тряслись его руки, покрытые пигментными пятнами. В нем было что-то успокаивающее, почти близкое. Я был убежден, что никогда раньше не встречал этого человека, но наша жизнь здесь и при таких обстоятельствах вызывала во мне странное, иррациональное ощущение, что она заранее подготовлена.

«Что у вас там? — спросил он, и я проследил за его взглядом. — Похабные картинки?»

Лицо мое потеплело.

«Ну, в некотором роде», — сказал я, и он хмыкнул. Потом наклонился ко мне, заглянув в глаза.

«Можно?» — спросил он.

Я кивнул.

Он взял их, откинулся назад. Осмотрел искоса из-под косматых бровей и склонил голову набок. Затем, поджав губы, он довольно долго разглядывал их, наконец улыбнулся и положил на стол.

«Очень хорошо, — сказал он. — Очень хорошие фотографии». Тут его голос изменился: «Увидеть Землю и умереть».

«Не понял...»

«Старое присловье, вот сейчас вспомнилось. «Увидеть Венецию и умереть». «Увидеть Неаполь и умереть». «Да скончаться тебе в Ирландии». Некоторые города когда-то так гордились собой, что их посещение для многих считалось величайшим событием в жизни. В моем возрасте можно быть космополитом в несколько большей степени. Спасибо, что дали мне взглянуть на них». Его голос окреп. «Они пробудили во мне много воспоминаний. Некоторые из них даже были приятными».

Он сделал большой глоток, а я смотрел на него как зачарованный. Казалось, он стал выше ростом, когда выпрямился в кресле.

Но это невозможно. Это просто невозможно. Я должен был спросить его.

«И сколько же вам лет, мистер Блэк?»

Он ухмыльнулся уголком рта, небрежно туша свою сигару.

«Можно слишком по-разному ответить на ваш вопрос, — сказал он. — Но я понимаю, о чем вы на самом деле спрашиваете. Да, я видел Землю в действительности, а не только на фотографии. Я помню, как все было до того, как был построен Дом».

«Нет, — сказал я. — Это физически невозможно».

Он пожал плечами, потом вздохнул.

«Может быть, вы и правы, Лэндж, — сказал он. Он поднял стакан и осушил его. — Это неважно».

Я тоже допил, поставил свой стакан рядом с фотографиями.

«Откуда вам известно мое имя?» — спросил я у него. Опустив руку в карман, он сказал: «Я вам кое-что должен».

Но не деньги вытащил он из кармана.

«Увидеть Землю, — сказал он, — и ариведерчи»[1].

Я почувствовал, как пуля вошла в мое сердце.

Глава 3

Как..?

Вокруг меня кружился доводящий до изнеможения, пульсирующий музыкальный водоворот, огни все быстрее и быстрее меняли свои цвета. Потом пришла пора вступать и мне со своим кларнетом. Мне это удалось. С трудом, но удалось.

Довольно скоро раздались аплодисменты. Я на подгибающихся коленях выстоял поклоны. Затем огни эстрады погасли, и я вслед за другими спустился вниз.

Когда мы уходили, рука Мартина опустилась на мое плечо. Он был нашим ведущим музыкантом, склонным к полноте, на три четверти облысевшим, с тяжелыми мешками под блеклыми, слезящимися глазками. Очень хороший тромбонист и к тому же отличный парень.

«Что там с тобой стряслось, Эндже?» — спросил он меня.

«Желудок схватило, — сказал я. — Наверное, что-нибудь съел. Пару минут было погано».

«Как сейчас себя чувствуешь?»

«Спасибо, гораздо лучше».

«Будем надеяться, что это не язва. Это не шутка. Тебя что-нибудь беспокоит?»

«Да. Но скоро все пройдет».

«Ну и хорошо. Не бери в голову».

Я кивнул.

«До завтра».

«Ладно».

Я быстро пошел прочь. Проклятие! Я должен был поторопиться, чтобы найти место, где бы я мог свалиться с ног. Теперь каждая секунда была

[1] A r i v e d e r c i (*ит.*) — всего хорошего.

дорога. Проклятье! Как мог я быть таким благодушным слепцом? Как глупо! Проклятье!

Я запихнул свой инструмент в футляр, переоделся за рекордно короткое время и, игнорируя или избегая всех и все, что могло бы задержать меня, поспешил к ленточной дорожке. Я выбрал самую скоростную трассу и стал петлять. Почти на каждом пересечении я менял дорожки. Я спустился вниз на три уровня и брел до тех пор, пока не почувствовал достаточной уверенности в том, что за мной не следят. Потом я опять вернулся к дорожкам и направился в сторону Жилой Комнаты.

К этому времени подстегивающее меня ощущение, что я должен спешить, неимоверно усилилось, и я понимал, что нахожусь на грани истерики. Моя паника сдерживалась только небольшим, раскаленным очагом гнева в груди. Нечто, чего я не понимал, дважды настигло меня и ударило. Потом, почти неосознанным, появился гнев, и я чувствовал, как он усиливается. Это было странное и сильное ощущение. Я не мог припомнить, когда я ощущал что-либо подобное. Должно быть, приходилось, потому что я узнал его и с готовностью принял. Во всяком случае, казалось, что это несколько подбадривает меня. Возможно, именно гнев с самого начала не давал мне упасть. Я чувствовал, как постепенно нарастает желание найти и покарать своих убийц, причем расквитаться с ними за себя лично, а не в интересах справедливости. Хотя я осознавал извращенную сущность этого побуждения, я не пытался обуздать его, обращаясь к самодисциплине, ведь что-то должно было поддерживать меня.

...И это чувство, в общем, не было неприятным.

Едва заметная ухмылка изогнула уголки моего рта. Нет, разозлиться — это неплохо. Естественное человеческое чувство. Все это знают. Показалось почти постыдным, что приходится расходовать его на заменители для агрессивных побуждений...

Я спустился в Жилую Комнату и пошел, минуя отделение за отделением. Люди сидели, стояли, полулежали, беседовали, читали, выпивали, слушали музыку, смотрели кассеты, и кто-то, желающий побыть в одиночестве, всегда мог найти здесь укромный уголок. Я торопливо шел по мягким коврам, сворачивая за углы, проходя мимо бесконечного разнообразия исторических периодов и стилей, надеясь, что я не встречу никого из знакомых.

Удача!

Маленький, пустующий альков, тускло освещенный... Похоже, что в этом громоздком, зеленом кресле можно будет откинуться назад...

Конечно, можно. Я еще больше притушил свет и откинулся далеко назад. Сюда вели два входа, и я мог присматривать за ними, хотя я был уверен, что за мной не следили.

В первую очередь я постарался расслабиться и решить, кто я такой. Приятно, что смешение звеньев в сети происходит так гладко. Постоянно гадаешь, как это произойдет. Потом это происходит, а ты по-прежнему ничего не понимаешь. Знаешь только, что это сработало.

Я знал, что я не тот же самый Марк Энджел, каким я был до того, как старик застрелил Лэнджа. Я был Лэнджем, но Лэндж также был мной. Я хочу сказать, что мы были нами. Мы, в известном смысле, слились воедино после смещения центра сети, когда его тело было погублено. Для этого не потребовалось значительной корректировки, так как в прошлом нам доводилось переживать подобное явление на временной основе бессчетное количество раз. Но так как теперь это было навсегда, я обязан был предпринять ряд мер, чтобы, так сказать, подогнать схему. Но с этим придется подождать. Мы должны были приступить к действиям немедленно, сразу же после первого убийства. Однако Лэндж протянул ноги, и это оказалось роковым. Даже учитывая его психическое состояние, я не одобрял того, что он тянул с важным делом. Я уже тогда почувствовал, что подобный самоанализ вступает в противоречие с моей собственной решимостью. Тем участком придется пожертвовать, и скоро, когда я воткну восьмую булавку.

Хотя местоположение личности обыкновенно имело первостепенное значение, на сей раз это следовало отодвинуть на второе место.

Примерно в трех сантиметрах позади моих глаз, именно там, казалось, сосредоточена моя жизнь. Мой разум, мое сознание... Я напрягался и расслаблялся, там, в своем доме. Умственное сердцебиение, пульсация разума... Потом расширение всех полостей этого «сердца» и — неудержимый, заполняющий его, словно кровью, поток мыслей.

Потом мы все были там и вместе — Дэвис, Джим, Серафис, Дженкинс, Кэраб, Винкель и другие. Внезапно я стал всеми нами, и мной были мы все. Почти без колебаний каждый проскальзывал на место, осознавая новое положение центра сети. Доброе, уютное, знакомое чувство.

Я видел множество глаз, слышал разнообразие звуков, ощущал вес всей нашей плоти. Все было так, словно мы являлись единым телом, наши разные части во всех Крыльях. То есть все, кроме двух. В определенном смысле, мы и были единым телом.

За безвременный миг все мы стали нами, знающими о мысленных содержаниях всех наших индивидуальных черепов. Сжатая вечность осознания, плазменное пребывание там, где наш временный отказ от индивидуальности побуждал к немедленному совершенствованию новыми единицами накопленного опыта, появившегося при последнем слиянии, может быть, месяцем раньше.

Присутствовал страх, и меня удивило, что так мало было гнева, кроме того, что принес я. Мой гнев был воспринят с мягким порицанием, смягченным пониманием того, что я совсем недавно воспринял связующее звено и не имел времени, чтобы внести соответствующие поправки. В противном случае гнев мог быть устранен, подавлен. И, кроме того, я видел, что они также опасаются любой реакции, которая могла бы повлиять на меня, прежде чем утвердится моя новая индивидуальность. Хорошо. С этим я был согласен.

Первым погиб Хинкли, в Библиотеке, Крыло 18. Мы знали, что это произошло в ячейке 17641, где была его частная квартира, потому что всем нам сразу же стали известны его последние впечатления. Он по-прежнему был с нами, но не мог предоставить нам никаких ключей к разгадке мотивов или личности своего убийцы. Мы все отнеслись по-разному к этой смерти, соответственно своим личным темпераментам, но никто из нас не имел ни малейшего представления о причине убийства и ничего еще не сделал по этому поводу. Что касается тела Лэнджа, моего тела, то оно все еще лежало в викторианской гостиной Коктейль-холла Крыла 19, если старик не сделал с ним что-нибудь.

...И никто не опознал мистера Блэка. Никто и нигде с ним не сталкивался. Я возложил на себя задачу по проведению его поиска, потому что очень скоро должен был получить доступ к необходимому оборудованию.

Дэвис находился в Библиотеке, Крыло 18, присматривая за ячейкой 17641. Он уже позаботился о том, чтобы жилые помещения были объявлены вакантными, а телефоны переключены на автоответчик. Было решено, чтобы он не входил, но продолжал вести наблюдение до тех пор, пока туда не доберется Серафис. Серафис был медиком и мог оформить нужные документы, свидетельствующие о кончине по естественным причинам. Потом тело будет доставлено в похоронное бюро Винкеля и быстро ликвидировано.

Но с Лэнджем была проблема. Только потому, что еще одно выданное Серафисом удостоверение о смерти по естественным причинам выглядело бы странным, появившись из другого Крыла чересчур быстро после Хинкли, да еще после того, как Лэндж только что прошел очень тщательный осмотр и был признан вполне здоровым.

Было решено, что Винкель отправится за телом и, занимаясь им, уничтожит все улики. Он был в состоянии сделать так, чтобы изъятие тела выглядело законным почти для любого, появившегося на сцене. Затем тело должно быть перевезено в Крыло, Которого Нет, и, таким образом, изъято из известного существования. Там оно будет заморожено до тех пор, пока мы не решим, как с ним лучше всего распорядиться. Тем временем мы отправим Лэнджа в отпуск с его места работы и воспользуемся его удостоверением для транспортирования, питания и случайных небольших покупок, чтобы он мог продолжать свое официальное существование. Все возможные улики будут, конечно, собраны для нашего собственного частного расследования убийств. Мы испытывали очень сильный страх. Не могло быть простым совпадением, что двое из нас переместились так, как это выпало на их — нашу долю, а мы были не в состоянии выдвинуть какие-либо предположения по этому поводу, от которых не бросало бы в дрожь. Все попытки оказались, в общем-то, тщетными, и мы решили прервать слияние на время и немедленно перейти к необходимым действиям. Я должен был отправиться в Крыло, Которого Нет, сделать корректировки, требующиеся для постоянного соглашения между Лэнджем и мной.

Я сморгнул тени их мыслей и быстро поднялся. Я прибавил света, сделал несколько пробных шагов, приглядываясь к себе теперь, когда я еще раз стал самим собой. Ну, почти самим собой.

Как я понимал, кто-то стремился истребить всю семью. Повод значения не имел. Хватило того обстоятельства, что жертвами всего двух убийств, совершенных за последнее время, стали члены семьи. Нас здесь не настолько много. Для меня это означало, что тайна, которую мы считали самой сокровенной в Доме, каким-то образом раскрыта, по меньшей мере, частично. Мистер Блэк, безусловно, выжидал, планируя новый удар. Я начну искать его из Крыла, Которого Нет, как только управлюсь там с другим своим делом.

И когда я найду его, то что?

Я отложил решение этого вопроса, по-прежнему не желая обдумывать ответ, к которому подводил меня мой гнев. Потом, потом...

И опять страх... Не только мой ужас при мысли, что смерть может теперь поджидать меня где угодно, но ужас Лэнджа-меня перед частичным самоубийством, которое мы теперь принуждены были совершить. Тебе не следует так к этому относиться, ведь не считаешь же ты удаление шатающегося зуба маленькой смертью. Дело обстояло именно так, и мы должны были отправиться и сделать его немедленно.

Когда я вышел из алькова, размышляя в таком духе, мне припомнилась мелькнувшая у меня как-то мысль о том, что уж если мы способны поступать так с нами самими...

Я не стал возвращаться обратно в Жилую Комнату по пройденному пути, но отправился кружным путем в другом направлении; добрался до медленной, узкой боковой дорожки и некоторое время ехал на ней. Слева от меня тянулась ровная, возвышающаяся перегородка — внутренняя стена здания, покрытая абстрактными узорами, которой не было видно конца. По правую сторону располагались огромные, полуосвещенные кварталы Жилой Комнаты, занимаемые по своему усмотрению отдыхающей публикой.

Я изменил направление, перейдя на другую дорожку, движущуюся под прямым углом к предыдущей, и оглянулся. Позади, в нескольких сотнях ярдов, появилась фигура, которой не было, когда я встал на транспортер. Я переждал минуты две и опять посмотрел в ту сторону. Никуда он не делся и тоже изменил направление. Даже приблизился, потому что шел по дорожке.

Подождав несколько секунд, я тоже пошел. Скорее всего, он был совершенно ни при чем, но в тот момент никакая предосторожность не казалась мне излишней. Я опять сменил дорожки на следующем пересечении, но оборачиваться не стал.

Я видел, что мы двигаемся в направлении достаточно людного участка.

Когда мы проезжали по этому району Жилой Комнаты, я сошел вниз неподалеку от расставленных там мягких диванов, сделал несколько шагов и опять оглянулся.

Да, он был теперь на этой дорожке и смотрел на меня.

Я повернулся, сложил руки на груди и, в свою очередь, уставился на него. Меня окружали десятки людей, беседующих, читающих, перекусывающих, играющих в карты. Я чувствовал себя среди них в полной безопасности. Он, должно быть, тоже пришел к такому выводу, если желал мне зла, так как сразу же отвернулся от меня и проехал мимо. Провожая его взглядом, я почувствовал некоторое удовлетворение, отдавая должное собственной бдительности и находчивости. Но это чувство сразу же испарилось, как только я отвел руки от груди и до меня дошло, что я, сам того не сознавая, расстегнул подмышкой слева застежку на своей куртке и схватился за металлоидный транквилизирующий пистолет, какой носил там каждый из нас. Потом страх в полной мере завладел мной, и я понял, что на самом деле он не покидал меня ни на миг. Эмоционально подкошенный, раздувая в себе искру гнева в надежде воспламенить огонь мужества, я двинулся вперед и снова встал на дорожку.

Этот человек все еще был мне виден далеко впереди. То, что вообще можно было разглядеть, я рассмотрел довольно неплохо. Шатен, волосы до плеч, борода чуть-чуть потемнее. Голубые зеркальные очки, куртка того же цвета и белые штаны до колен.

Голубая вспышка; он оглянулся...

Я пошел к нему, сердце мое тяжело колотилось в груди. Для меня вдруг стало очень важным, даже поважнее собственного страха, выяснить, как он среагирует.

Он отвернулся, постоял неподвижно еще примерно полминуты, потом снова оглянулся. Я продолжал идти, расстояние между нами сокращалось. Когда он во второй раз посмотрел назад, я поднял правую руку и сунул ее внутрь куртки столь популярным в художественной литературе движением человека, хватающегося за смертоносное оружие.

Тогда он сорвался с места, спрыгнул с дорожки и нырнул за простенок, доходящий почти до края дорожки. Только тут я заметил, что он хромает. Я этого не уловил, когда он направлялся прямо ко мне, но он явно старался оберегать свою левую ногу.

Я сразу же сошел с дорожки. Мне не следовало проезжать на ней мимо него, если он сам вооружен. Я устремился в правую сторону, направляясь к другой перегородке. Насколько я понимал в данный момент, сам факт, что он сбежал, позволял предположить, что он вынашивал в отношении меня черные замыслы.

Проскочив вдоль перегородки, я пробирался назад и внутрь; пересек пустующую нишу и двинулся вдоль другой перегородки, образующей стену коридора, ведущего в левую от меня сторону и заканчивающегося тупиком, комнатой, образуемой тремя стенками, где стояли четыре мягких дивана, кресла и потрескивал огонь в камине. Я рывком пересек коридор и отважился выглянуть на мгновение из-за ближайшего угла.

Никого не было видно.

Просматривались несколько пустующих секций, а дальше, на расстоянии примерно в сто пятьдесят футов, взгляд упирался в другие перегородки. Однако еще оставалось пять или шесть закоулков и комнаток, куда я не мог заглянуть.

Я, крадучись, двинулся вперед, уже вытащив пистолет и сжимая его в руке. И преодолел этот участок пути за несколько минут, никого не обнаружив. Еще через пару минут я оказался там, где он скрылся, и тщательно обыскал это место.

Его здесь не было. У него хватило времени, чтобы ускользнуть в одном из нескольких направлений. Мне было очень не по себе, когда я стоял там, думая об этом. Мне пришло в голову, что, возможно, он даже действует не в одиночку, что он намеренно попался мне на глаза, в то время как другой...

Самым для меня безопасным, решил я, было убраться отсюда как можно быстрее, сбить со следа любую возможную погоню и прорываться к Крылу, Которого Нет.

Я проделал обратный путь к дорожке, подождал, пока со мной не поравняется группа пассажиров, вскочил на дорожку и сразу же начал протискиваться в середину этой группы. Пассажиры, которых я толкал и распихивал локтями, бросали на меня косые взгляды и возмущенные взоры, но это было все, что выпало на мою долю, пока мы проезжали по этому участку. Я стоял так, что попасть в меня было почти невозможно.

«... Вы очень невежливы», — сказала мне рослая рыжеволосая женщина с глазами, подведенными синими тенями.

Я согласно кивнул и продолжал наблюдать за обстановкой и людьми, мимо которых мы проезжали. Того человека нигде не было видно.

Проехав еще около полумили, мы подъехали к перекрестку, и я перешел на другую дорожку, движущуюся влево. Люди, которыми я прикрывался, поехали дальше, отпустив мне вслед несколько замечаний. Они все были вместе, очевидно, направлялись куда-то группой.

На другой дорожке пассажиров было побольше, и вскоре она донесла меня до многодорожечной трассы с двусторонним движением. Здесь были толпы людей, спертый воздух и повышенный уровень шума. Я встал на самую скоростную дорожку и проехал по ней несколько минут. Потом я снова стал менять направления, следуя указателям, ведущим к ближайшему переходнику.

Это была ведущая вниз, прозрачная, отражающая звуки труба, навечно ввинтившаяся в Дом. Появился бегущий вверх маленький мальчик, он смеялся и оглядывался через плечо. Я поймал его за руку. Он попробовал вырваться, потом повернулся и уставился на меня. Через секунду снизу показалась запыхавшаяся женщина, по всей видимости его мать, ее раскрасневшееся лицо выдавало еще более решительные намерения. Она шлепнула его и крепко схватила за другую руку.

«Я говорила тебе! — сказала она. — Я говорила тебе никогда так не делать!»

Потом она посмотрела на меня.

«Спасибо вам, — сказала она, — что остановили его. Ума не приложу, почему им так нравится бегать вверх по ведущим вниз и вниз по ведущим вверх переходникам».

Я улыбнулся.

«Я тоже», — сказал я, с некоторым сожалением отпуская его руку.

Они сошли на следующем уровне, на Кухне, и, когда она говорила: «Вот подожди, придем домой!», мальчик обернулся и показал мне язык.

Я попытался представить себе, что это значит — быть ребенком, иметь родителей...

Я спустился до следующего уровня, до Комнаты Активного Отдыха, вышел там и отыскал скоростную дорожку, пересекающую игровой комплекс. Здесь, в районе спортивных площадок, казалось, играли во все спортивные игры, какие я только мог себе вообразить. Некоторое время дорожка шла над землей, и мне было видно далеко во всех направлениях. По мячам лупили руками и ногами, их бросали, ловили, подавали, вели, с ними носились по полям и площадкам, они перелетали через сетки, ударялись об стенки, опускались в корзины. Болельщики на трибунах кричали и топали ногами; на широких, высоко установленных табло вспыхивали результаты; громкоговорители сверху объявляли решения и сообщали статистические данные. Потолок светился нежно-голубым, приятным для глаз, вполне уместным здесь светом. В данную минуту для меня незаметна была работа кранов над этой мирной, разделенной на спортивные площадки территорией. Мерцала вода в бассейнах, отбрасывая пляшущие блики на вышки и тумбы. Воздушные потоки, насыщенные запахами пота и жидких мазей для растираний, устремлялись к вентиляционным отверстиям и уносились сквозь них, чтобы очиститься.

На дорожке было довольно много народу, поэтому мне было невозможно установить, следят ли за мной. Я стал менять дорожки, выбирая из них самые узкие, но придерживаясь общего направления в сторону тускло освещенного района. Когда я добрался до стоявших длинными рядами столиков, предназначенных для более спокойного времяпрепровождения, поток пассажиров резко уменьшился. Маленькие группы и отдельные игроки развлекались картами и настольными играми. Некоторые играли сами с собой, другие с автоматами; их везение, мастерство, знания оценивались в той мере, какая была им желательна. Падали кости, крутились колеса, тасовались и раздавались карты, продвигались вперед фишки; фигурки наступали, отступали, прыгали по доскам, захватывали других и сами оказывались в плену; назывались номера, делались ставки, брались взятки; игроки блефовали, нападали, выигрывали, набирали очки, ставили паты, отправлялись прямо на исходную позицию, не получив двух сотен долларов, деньги часто переходили под столами из рук в руки. Сам я не особо азартен.

Голубизна над головой начала сгущаться, голоса стихали, и тогда я услышал пронзительный звук телефонного звонка; зазвонил телефон

в будке в отдаленном конце безлюдного прохода. Странное это вызвало чувство; телефон слышен и виден, но нет вокруг никого, кто бы ответил на звонок.

В глубине этого затемненного района находился переходник, его прозрачная спираль выделялась ярко светящимися бусинами. Я опять переместился, на этот раз на пустующую, одностороннюю дорожку. Примерно через каждые сто ярдов на нее падал слабый свет; во мгле, по обе стороны от меня, раздавались удары и гудение технического оборудования. Я все время оглядывался через плечо, проверяя, не появился ли на дорожке еще кто-нибудь. Никто не появлялся.

Еще несколько секунд — и я добрался до другого перекрестка, решил опять изменить направление. На перекрестке совсем никого не было. Поднятая автоматическими уборщиками пыль кружилась в желтоватом свете фонаря на угловой башне. Проезжая мимо нее, я снова услышал звонок. На этот раз задребезжал другой телефон, спрятанный где-то в закутке, у самого основания башни. Еще долго до меня доносились его настойчивые, призывные сигналы. В этом было нечто печальное, в попытке добраться до кого-то, кого просто не было там, звонок по неверному номеру никогда не поднимает настроения.

Я миновал пустое поле для игры в поло; механические лошади стояли, словно вереница унылых изваяний. Темные поверхности бассейнов постоянно клубились, подобно воспоминаниям. Распахнутые к полу серые мешки раздувались и качались в воздухе, горловины автоматических уборщиков сновали между шкафчиками раздевалок и игорными столами, заглатывая мусор. С какой-то отдаленной площадки, или со спортивного поля поднялась «скорая помощь» и понеслась сквозь сумеречный воздух; на ней ярко пылал красный крест. Я проехал мимо обнимающейся в нише парочки. Они отвернулись. Я тоже. Потом я миновал внутреннюю стенку, на которой была еще не совсем затерта надпись: «ЗВЕЗДЫ». Проверив, что делается за моей спиной, я убедился, что по-прежнему на дорожке один.

Я снова поменял ленту, переехал несколько открытых трубопроводов, сошел вниз и прошел пешком два квартала, чтобы срезать путь к дорожке, ведущей к переходнику. Это был очень тихий и почти безлюдный район. Несколько человек направлялись с разных сторон к переходнику, из которого, однако, пока никто не появлялся. Поблизости, возле киоска, где продавались сладости и газеты, слонялись трое мужчин и у меня появилось ощущение, что там я смог бы обменять фотографии Лэнджа, или заключить пари, или наверняка сделать какие-либо запрещенные покупки.

Когда я вошел в светящуюся трубу и стал спускаться, меня накрыла волна теплого воздуха. Теперь, вероятно, у меня все было в порядке и я, наконец, оказался в достаточной безопасности после того, как покинул Жилую Комнату. Тем не менее, принимая во внимание цель своего маршрута, я был полон решимости совершать свое отступление как можно осторожнее. Насколько мне было известно, прежде, когда кто-либо из нас уходил в Крыло, Которого Нет, никогда не возникал вопрос о погоне.

Я вышел на следующем уровне в районе Конторы, которая как раз закрывалась. Вид этих людей, готовящихся к выходу на свободу, напомнил мне о том, какая во мне самом накопилась усталость. Некоторое время я прикидывал, не спуститься ли мне еще на один уровень, чтобы избежать толчей. Но затерявшись в толпе, я смогу еще больше запутать свой след, поэтому я решил идти дальше.

Я поднялся на главную трассу; через несколько минут раздался свисток, и людские волны со всех сторон хлынули в мою сторону. Я ехал по средней линии трассы, и скоро она оказалась забита до отказа; меня толкали, сдавливали, не давали вздохнуть, меня несло, беспомощного, вперед. Однако, повторял я себе, растворение в безликой толпе все это оправдывает.

Повернув голову, я мог разглядывать кажущиеся бесконечными ряды столов, от которых набежали все эти люди, расставленные на этих столах в определенном порядке телефоны, разложенные книги записей, бумаги, мягко отсвечивающие в уже меркнущем свете. Скоро там, среди столов, начнут совершать свои круги автоматические уборщики. Я попытался представить себе, что за работа совершается здесь каждый день, потом быстро отогнал эти мысли. Лучше об этом не задумываться.

Я решил следовать по пути наименьшего сопротивления, и напор толпы переносил меня с одной дорожки на другую в течение, вероятно, минут десяти, прежде чем ослаб, спал, позволил мне снова принимать решения по своему усмотрению. Тогда я, в соответствии со своими прежними намерениями, устремился в глубокий тыл.

Вскоре я ехал по конвейерным лентам, приближаясь к совершенно темному участку Конторы. В качестве эксперимента, я поставил перед собой цель добраться до другого ведущего вниз переходника, находящегося в противоположном конце этой унылой территории.

Когда я зигзагами продвигался в том направлении, я вдруг заметил своего вероятного преследователя. Я не был в этом уверен, но мне показалось, что одна из нескольких находящихся далеко позади меня фигур несколько раз вслед за мной меняла дорожки. Но моя нервозность в значительной степени прошла, словно я располагал только ограниченным ее запасом и уже израсходовал большую часть. Я снова сменил дорожку и стал ждать. И вот на ней появился некто. Судя по моим часам и по моим представлениям о скорости движения ленты и расстоянии между нами, он вполне мог оказаться тем самым субъектом. Ладно, основываясь на этом предположении, я принял решение о ходе действий; я совершу последнюю попытку ускользнуть от него. Если не получится, подожду в засаде.

Я двигался во тьму, он следовал за мной. Потом я менял дорожки, пока не добрался до короткой и не побежал за ней. Добежав до следующего перекрестка, я свернул, прежде чем он появился. Я снова побежал. Эта дорожка была длиннее, и, когда я добежал до другого перекрестка, все сорок шесть лет моей жизни напомнили о себе. Но я опять изменил направление, и его не было за моей спиной.

Какое-то время я, тяжело дыша, стоял на месте. Я не слышал никаких настораживающих звуков. Здесь было довольно тихо и достаточно темно для моих целей.

Я спустился с дорожки влево. Передо мной простирались владения служебных столов, исчезая за черным горизонтом, за который не проникал мой взгляд, они словно удалялись в бесконечность. Я направился к ним.

Переход все еще был довольно далеко от меня. Я не пошел прямо к нему, а отправился по касательной, пробегая по кажущемуся бесконечным проходу сквозь служебную зону. Я бежал мимо темных одинаковых столов, пока как следует не углубился во тьму.

Когда я уже больше не мог бежать, я перешел на шаг и оказалось, что мной владеет жуткое, гнетущее чувство. Неумолимо тянущееся по обеим сторонам однообразие: небольшое вращающееся кресло, серый стол, зеленая папка, телефон, корзина для входящих, корзина для исходящих бумаг — все это создавало ощущение неподвижности. Потом возникло чувство неотвратимости, сопровождаемое тем странным намеком на вечность, что иногда возникает при однообразном воздействии на органы чувств, и, пока тянулось это застывшее мгновение, казалось, что я всегда бежал и вечно буду бежать на месте в центре вселенной служебных столов.

Я остановился и прислонился к одному из них, чтобы убедиться в его реальности, а также и для того, чтобы на миг перевести дух. Оглянувшись назад, на освещенную трассу дорожки, я не увидел никого. Даже если кто-то преследовал меня, мне, по-видимому, удалось от него ускользнуть. Среди темнеющих сотен столов, мимо которых я пробегал, не было никакого заметного движения.

Потом, в нескольких дюймах от моей руки, зазвонил телефон.

Я заорал и бросился бежать. Все, что было загнано вглубь, подавлено, отметено в сторону, отвергнуто, забыто, прорвалось наружу в этот ужасающий миг.

Я удирал, обезумевший клубок ощущений и реакций на них; и, напирая, подгоняя, ударяя, раздирая на части даже этот клубок, телефонный звонок неотступно следовал за мной.

... Преследовал меня, казалось, двигался рядом со мной, затихая позади и снова раздаваясь на каждом столе, мимо которого я пробегал; мои облаченные в черное медузы-горгоны, обвитые электрическими змеями. И эти мгновения тоже казались застывшей частицей вечности.

Я бежал, как безумный, как бешеный, налетая на мебель, спотыкаясь, изрыгая проклятия, не человек больше, но порыв страха в дебрях угрозы. Казалось, что в какой-то части моего сознания может скрываться понимание происходящего, но это ни в малейшей степени не спасало меня.

Слишком большая тяжесть обрушилась на меня: смерти, угроза, травля, это нападение неизвестности. Я боялся оглянуться. Я боялся увидеть что-нибудь. Или, что еще хуже, ничего не увидеть. Здесь я сломался; каждый звонок кинжалом вонзался в мою открытую рану.

Мое тяжелое и горячее дыхание разрывало мне грудь, с каждым вздохом дышать становилось все больнее. Мои глаза и лицо были мокрыми, и, по-моему, штаны тогда уже были мокрыми тоже.

Сквозь влажный калейдоскоп моего зрения мне привиделся далеко впереди огонек, маленький, желтый, светящийся ореол, в свете которого виднелась, кажется, склонившаяся человеческая фигурка.

Всхлипывая, я рвался к нему, чем бы он ни оказался, наверно, потому, что он был теплым и ярким, так непохожим на все остальное.

Потом взрыв, лишивший меня всех звуков, вспышка света, отнявшая у меня зрение, потом обжигающий, раздирающий тело удар, разорвавший меня на куски, но за миг до этого отчаянные слова вспыхнули на экране моего разума: «Вытащи седьмую булавку!»

Потом все кончилось.

Глава 4

Страдая каждой клеточкой тела, я вновь приходил в себя. Я не вполне понимал, где нахожусь, что произошло или как долго все это продолжалось. Я бы предпочел снова впасть в забытье, чем сталкиваться с последствиями происшедшего, какими бы они ни были.

Но сознание — упрямая вещь. Оно подступало, вместо того чтобы исчезнуть. Я только начинал понимать, что по-прежнему остаюсь самим собой и что я, кажется, никак не пострадал, когда глаза мои открылись без какого-либо особого намерения с моей стороны и стали собираться в фокус.

«У нас все в порядке?» — спросил голос, принадлежащий чьему-то расплывчатому изображению, находящемуся ближе, чем в футе от моего лица; сразу самое идиотское и приятное из слышанного мной за долгое время.

«Не знаю, — сказал я. — Я только что прибыл. Подождите минуту».

Гигантская волна мыслей и чувств пронеслась в моей голове. Я вспомнил все, что произошло, и понял это до конца. Дэвис и Серафис мертвы. Серафис отправился в Крыло 18, как и планировалось, и встретился там с Дэвисом. И там вместе, в Библиотеке, они вошли в ячейку 17641, в жилище Хинкли. Там они наступили на что-то, вызвавшее взрыв, погубивший их. Я испытал их смерть на собственном опыте.

Меня удивляло, что я по-прежнему могу мыслить разумно. Я бы не поверил, что мне удастся сохранить эту способность, пережив процесс умирания четыре раза за один день с чрезвычайным ущербом для себя. Либо я эмоционально отупел, либо обладал большей способностью восстанавливать душевные и физические силы, чем мне представлялось. Как бы там ни было, мне было приятно, что на сей раз я переживал значительно меньше, чем в двух предыдущих случаях. Обеспокоен, естественно; встревожен, конечно. И крайне раздражен.

Я лежал на полу, чья-то рука приподнимала мою голову и плечи.

Я вглядывался в лицо, которое было совсем рядом с моим: лицо девушки, и оно выглядело более напуганным, чем на самом деле чувствовал себя я. Красавицей я бы ее не назвал, хотя у нее были для этого кое-какие предпосылки: темноволосая, светлоглазая, с высоко поднятыми скулами; но мне стало вдвойне приятнее созерцать ее после того, как я представил себе возможную альтернативу. На ней были толстые, бесцветные, овальные очки; лицо не накрашенное. Что именно делало ее глаза такими большими, тревога или стекла очков, я не мог определить.

«Как вы себя чувствуете?» — спросила она.

Я несколько раз кивнул головой и с трудом принял сидячее положение. Я протер глаза, пригладил волосы и пару раз глубоко вздохнул.

«Спасибо, теперь хорошо, — сказал я. — Все в порядке».

Она стояла на коленях рядом со мной в проходе. На ней были черные брюки и серая блузка. Она по-прежнему поддерживала меня за плечи.

«Что случилось?» — спросила она.

«Я как раз собирался вас об этом спросить. Что вы видели?»

«Вы прибежали по проходу. Вскрикнули и упали».

«Вы видели кого-нибудь еще? Позади меня? На расстоянии?»

«Нет. — Она медленно покачала головой. — Там кто-нибудь с вами был?»

«Нет, — сказал я. — По-моему, нет. Мне показалось, что я слышал кого-то. Должно быть, вас».

«Почему вы бежали?»

«Телефоны, — сказал я. — Я испугался, когда они все зазвонили. Не знаете, с чего это они вдруг?»

«Нет. Они замолчали почти в тот же момент, когда я увидала, что вы падаете. Наверно, какие-то неполадки в электросети».

Я сумел подняться на ноги, прислонился к столу.

«Воды не хотите?»

Я не хотел, но это давало мне возможность сочинить какие-нибудь небылицы, поэтому я сказал: «Да, было бы неплохо».

«Садитесь. Я сейчас вернусь».

Она показала на стул за освещенным столом. Я подошел к нему и уселся, пока она торопливо уходила куда-то влево от меня. Я бросил взгляд на раскрытую передо мной папку. Страницы статистических данных и блокнот, исписанный от руки какими-то записями, на основании которых она, очевидно, готовила что-то типа отчета.

Я порылся у себя в карманах, нашел крохотную коробочку для пилюль, где лежало несколько капсул, которыми я иногда пользовался, чтобы оставаться бодрым, шустрым и веселым во время выступлений в поздние часы. Одна капсула не повредит, а может быть, и поможет мне, хотя на самом деле я нуждался в чьей-нибудь поддержке.

Когда девушка принесла воды, я сказал: «Спасибо, мне следовало это принять раньше», — и запил капсулу большим глотком.

«Насколько это серьезно? — спросила она. — Я могу вызвать...»

Я покачал головой и допил воду, удовлетворенный тем, что мне удалось представить свое состояние подпадающим под конкретную медицинскую категорию.

«Все это не так страшно, — сказал я. — У меня иногда бывают такие приступы. Я забыл вовремя принять лекарство. Вот и все».

«Вы уверены, что все прошло?»

«Да. Теперь все замечательно. Наверно, мне пора отправляться дальше».

Я стал вставать.

«Нет, — сказала она, опустив руки мне на плечи и твердо надавливая на них. — Вы подождите. Отдохните немного».

«Хорошо, — сказал я, опускаясь на стул. — Расскажите мне, почему вы работаете здесь совсем одна?»

Она бросила взгляд на лежащие на столе материалы, покраснела и отвернулась.

«Я задержалась», — сказала она тихо.

«Ах, так. Сверхурочные, да?»

«Нет, я занимаюсь этим по собственной инициативе».

«Похоже на настоящую преданность своему делу». Губы ее сжались, глаза сузились.

«Нет, — сказала она, — все наоборот». Потом: «Вы сами не работаете где-нибудь здесь, нет?»

Я покачал головой.

«Ну, — вздохнула она, — мне совсем не по душе то, чем я занимаюсь, и у меня это не слишком хорошо получается. Я совсем запуталась и во всем отстаю. Я пришла сюда сама, чтобы посмотреть, не могу ли я наверстать упущенное».

«Вот как. Извините, что помешал вам». Она пожала плечами.

«Все в порядке, — сказала она. — Я как раз собиралась уходить, когда появились вы».

«Все закончено?»

Она слабо улыбнулась.

«Можно и так сказать».

«Что?»

«Да, — сказала она. — Через несколько дней все выяснится, и с моей работой здесь будет покончено».

«Печально».

Она опять пожала плечами.

«Не печальтесь. Я снова обращусь в фонд трудовых резервов, и, может быть, мне больше понравится следующая работа, которую мне найдут».

«Сколько их было у вас?»

«Не помню. По-моему, дюжины две».

Я пригляделся к ней повнимательнее. Она только выглядела так, словно ей было меньше двадцати лет.

«Звучит паршиво, не так ли? — спросила она. — Ни на что я толком не гожусь. К тому же со мной вечно что-то случается».

«Вероятно, ваши склонности были неверно определены, — сказал я. Может быть, вам следует заниматься каким-нибудь совсем иным видом деятельности».

«Ох, что они только для меня ни придумывали. Теперь, когда я опять появляюсь, они просто покачивают головами».

Она усмехнулась: «А чем занимаетесь вы?»

«Я музыкант».

«Как раз этого я никогда не пробовала. Может, когда-нибудь попытаюсь. Как вас зовут?»

«Энджел. Марк Энджел. А вас?»

«Гленда. Гленда Глинн. Ничего, если я спрошу вас, зачем вы в темноте разгуливали по Конторе?»

«Просто захотелось пройтись», — сказал я.

«У вас какие-то неприятности?»

Мне показалось странным, что она заявила это без тени сомнения.

«С чего это вы взяли?» — спросил я.

«Не знаю, у меня просто такое ощущение. Я права?»

«Если я скажу да, как вы поступите?»

«Постараюсь помочь вам, если смогу».

«Почему?»

«Не люблю, когда у людей неприятности. У меня они, кажется, все время, и мне это не нравится. Я человек сочувственный».

Я не мог понять, то ли она шутит, то ли говорит серьезно, поэтому я улыбнулся.

«Мне жаль разочаровывать вас, — сказал я, — но у меня нет никаких неприятностей».

Она нахмурилась.

«Значит, будут, — заявила она. — Очень скоро, я бы сказала».

Я почувствовал некоторое раздражение той уверенностью, с которой она вынесла свой приговор. Так как я уже намеревался уйти, а ее я, конечно, больше никогда не увижу, это не должно было иметь значения. Однако почему-то имело.

«Просто ради любопытства, — сказал я, — не могли бы вы сообщить мне, откуда вы можете это знать?»

«Моя мать говорила мне, что это потому, что я валлийка».

«Бред!»

«Ага. Но могу поспорить, что вы подумывали отправиться в Подвал, после того как уйдете отсюда. Не стоило бы вам, знаете».

Она, должно быть, поняла, что я изумлен, по моему лицу и улыбнулась. По крайней мере, я надеюсь, она прочитала это только по моему лицу. Я действительно думал проскочить через Подвал, чтобы избавиться от преследования. Она вынудила меня почувствовать неуверенность в этом решении. Кроме того, она сделала это мое решение окончательным.

Я хмыкнул.

«Глупо. Откуда вам знать...»

«Я вам говорила».

«Благодарю вас за помощь, — сказал я, поднимаясь на ноги, — я ухожу». Я почувствовал, что лекарство начинает действовать, и это было самым моим приятным ощущением за долгое время. «Надеюсь, ваша следующая работа будет получше».

Она выдвинула верхний ящик стола, сгребла туда все бумаги и захлопнула его. В этом движении я уловил поразительное хитросплетение личного и служебного. Потом она сняла со спинки стула черный жилет без рукавов, надела его и погасила настольную лампу.

«Я иду с вами», — сказала она.

«Прошу прощения?»

«Быть может, я смогу помочь, теперь я чувствую за вас какую-то ответственность».

«Глупости! Никуда вы со мной не пойдете!»

«Почему бы и нет?»

Я прикусил губу. Вряд ли я мог признать, что это может оказаться опасным, когда я только что настаивал на своем беспечальном положении.

«Ценю вашу заботу, — сказал я, — но со мной уже все в порядке. Действительно. Для вас нет никакой необходимости отвлекаться от собственных дел...»

«Никаких проблем», — сказала она, беря меня за руку и разворачивая назад в сторону дорожки.

Только тут я заметил, что она всего лишь на несколько дюймов ниже меня ростом, немного поменьше шести футов, и очень сильная, несмотря на определенную гибкость и стройность фигуры.

Подавив в себе несколько преждевременных реакций, я рассмотрел положение. Возможно, что она спасла мою жизнь просто самим своим присутствием в том месте и в тот момент. Если мой преследователь намеревался довести меня до панического состояния, то в этом он добился выдающегося успеха. Если он собирался нанести решающий удар, когда я соскользнул за грань разумного бытия, то тогда, вероятно, именно присутствие Гленды остановило его. И если дело в этом, что вполне может быть, я окажусь в большей безопасности, побудь она со мной некоторое время. Я не хотел подвергать ее риску, и все же я не мог просто так, экспромтом, найти пока какой-нибудь простой способ избавиться от ее присутствия. Я оставлю ее при себе, пока осуществляю несколько маневров, необходимых, чтобы сбить с толку погоню, потом оставлю ее при первой возможности и понесусь к Крылу, Которого Нет. Да, это представлялось наилучшим вариантом для всех заинтересованных сторон.

Меня тревожило, что мой противник, кажется, знает меня слишком хорошо. Он не просто умудрялся с легкостью выслеживать меня, но, казалось, он точно знает, какое именно давление и когда надо на меня оказать, чтобы сломать так быстро, как ему хотелось. Я начинал задумываться, что могло бы остановить его? Что-то чрезвычайное, скорее всего. Ну, это можно устроить...

Они, кажется, приближаются.

«Чем скорее мы заманим их в пределы досягаемости, тем лучше», — проговорил я внутри самого себя.

Из тебя воплощение получше, чем из Лэнджа.

«Это мне известно».

Но, боюсь, все же недостаточно хорошее.

«Что ты имеешь в виду?»

Ты учишься, но не слишком быстро. Думаю, тебя они тоже достанут.

«Может быть. А может быть, и нет».

Впрочем, это может не оказаться полной неудачей. Ты можешь почерпнуть кое-что из опыта.

«Например?»

Забудь о мертвых и перестань бегать. Достань своего врага, потом приберись в доме.

«Я уже определил свои собственные приоритеты».

Много они тебе пользы приносят.

«Хотя я воспользуюсь твоим советом насчет того, чтобы забыть о мертвых, начиная с тебя...»

Подожди! Я нужен тебе, ты, идиот! Если ты хочешь жить...

«Убирайся!»

... выдерни седьмую булавку...

Я довел до конца изгнание и вздохнул: «Вот без такой помощи я могу обойтись».

«Что вы сказали?» — спросила Гленда.

«Ничего, — сказал я. — Бормотал про себя».

«На мгновение показалось, что кто-то был рядом с вами».

«Это ваше кельтское воображение пытается доказать свое существование».

«Нет, — сказала она, — это то, за что я ему плачу».

Тогда я взглянул на нее, и она засмеялась. Такое вот своеобразное чувство юмора.

Когда мы подошли к ленточной дорожке, я насторожился, но и на этот раз никого не было видно. Мы взошли на нее и поплыли сквозь мрак, рука об руку. Чувствовалось, что ее присутствие оказывает на меня стабилизирующее воздействие; человеческий якорь, сдерживающий порывы моих невротических бурь.

«Как вы себя чувствуете?»

«Славно».

Через несколько минут мы добрались до перекрестка, свернули на другую дорожку, побольше. Этот наш маршрут был освещен лучше, тут были и другие путешественники. Еще одна пересадка, и мы отправимся в сторону переходника.

Вытащить седьмую булавку... Мысль занятная, хотя и еретическая, выпустить на волю каких-то чудищ, которых держал на цепях Лэндж в кромешной ночи своей души. За одно мгновение мне захотелось расхо-

хотаться; потом стало обидно, больно и немного смешно в быстрой последовательности. Та часть меня, что была простым старым Энджелом, находила очень забавным думать о женоподобном старом Лэндже в таких романтических выражениях. Благодаря своему внешнему виду, он часто получал задание выходить на прогулки в качестве пожилого гомика, чтобы подбирать молодых людей, нуждающихся в исправлении состояния. Просто непостижимо думать о простом старом Энджеле как о сражающемся с безымянными демонами, а потом претерпевающем более чем символический акт самоубийства, чтобы установить связующее звено. Та часть меня, которой теперь стал Лэндж, почувствовала себя униженной и оскорбленной. Но границы уже начинали стираться, и меня, кем бы я ни был в конечном итоге, все это только слегка позабавило. Хорошо, что слияние внешне происходило так гладко, хотя меня интересовало, какие бури могут бушевать в большой подсознательной части моего мозга.

...Вытащить седьмую булавку — значит погубить огромную работу Лэнджа по осуществлению нашего непрерывного усилия стимулировать духовную эволюцию человеческого сознания. Я действительно ощущал некоторое напряжение, ибо то, что было Лэнджем во мне, противилось даже моим мыслям на эту тему. Однако то, что не было им, продолжало строить предположения о сущности пожертвованной части. Проблема мотылька и свечи. Личный демон Лэнджа достался мне в наследство и ему, конечно, больше всего хотелось услышать, как я выкрикиваю: «Зазас, Зазас, Насатанада, Зазас» — слова, настежь распахивающие Врата Ада...

А это я откуда взял? Либо от той части Хинкли, что стала моей, либо от Лэнджа, либо из-под седьмой булавки, решил я. Словно в ответ, до меня почти донесся голос Хинкли, цитирующий что-то из Блейка:

«Но когда нашли они хмурящегося Младенца, Ужас пронесся по всей стране. И с воплем «Младенец! Младенец Родился!» они разбежались кто куда».

Я воспринял это как его ответ; зловещая метафора, относящаяся к извлечению седьмой булавки. Ему, библиотекарю, было из чего выбирать. Однако, если поразмыслить, что же это означает — одобрение или неодобрение подобного намерения? Никакого сопутствующего ощущения, позволяющего мне судить об этом, у меня не возникло. Двусмысленность, решил я, вот в чем проблема с этими гуманитариями. Я...

Проклятие! Я с трудом оторвался от этих праздных мыслей. Не было ли это все проделкой Лэнджа, попыткой отвлечь меня от моих первоначальных соображений?

Или это тот, кто был когда-то, пытается возбудить некий энтузиазм ради своего воскресения?

Чему уподоблюсь я, когда придет мой черед?

Я сыграю им на кларнете, решил я, нежно, но с безграничным чувством...

Я прикусил губу. Я уставился в сторону от дорожки и отмечал наше продвижение. Я изучал, как вьются волосы Гленды за ее правым ухом и

на задней части шеи. Я постукивал каблуком. Мне было ясно, что пришла пора переключать свое внимание на внешние обстоятельства. Слишком, слишком очевидно было, что противоречия во мне действительно сильнее, чем это представлялось несколькими затуманившими рассудок мгновениями ранее.

«Как далеко вы намереваетесь сопровождать меня?» — спросил я.

«Сколько потребуется».

«Потребуется для чего?»

«Чтобы увидеть вас в безопасности», — сказала она.

«Это может оказаться более сложным делом, чем вы думаете».

«Что вы имеете в виду?»

«Когда вы недавно сказали, что у меня неприятности, вы были правы».

«Это я знаю».

«Хорошо. Я вот что пытаюсь сказать: хотя вы были правы относительно моего положения, степень его сложности — это совсем другое дело. У меня серьезные и опасные неприятности. Вы уже помогли мне больше, чем можете себе представить. Теперь, когда я снова встал на ноги и продолжаю свой путь, я могу наилучшим образом отблагодарить вас, только распрощавшись с вами. Вы уже в самом деле ничего больше не сможете сделать, чтобы помочь мне выкрутиться, но если вы останетесь со мной, эти неприятности могут распространиться и на вас. Поэтому я еще раз благодарю вас, Гленда, и мы расстанемся с вами у переходника».

«Нет», — сказала она.

«Что значит «нет»? Я вас не спрашиваю. Я вам говорю. Мы должны расстаться. И очень скоро. Вы мне помогли. Теперь я оказываю вам ответную услугу».

«У меня есть ощущение, что вам понадобится дополнительная помощь. Скоро».

«Я ее получу».

«Да. Потому что я буду с вами».

Мы проехали еще немного, и за это время я воздержался от нескольких напрашивающихся резких ответов.

«Почему?» — спросил я.

«Потому что, — заявила она, не колеблясь, — я никогда раньше не участвовала ни в чем захватывающем. Всю жизнь мечтала, но ничего никогда не происходило. Потом, когда я сидела там, понимая, что потеряю еще одну идиотскую работу, появились вы. Как только я услышала телефонные звонки и увидела вас, бегущего, я сразу поняла, что здесь будет что-то другое. В этом было нечто роковое. Так странно... казалось, что звонки преследуют вас... ваше драматическое падение... почти к моим ногам... Это было восхитительно. Я должна знать, что за всем этим последует, понимаете».

«Когда все это кончится, я позвоню вам и расскажу».

«Боюсь, что этого будет недостаточно», — сказала она.

«Придется обойтись этим».

Она просто покачала головой и отвернулась.

«На этом пересечении нам нужно свернуть, — сказала она через несколько секунд, — если мы направляемся к переходнику».

«Знаю».

Мы перешли на другую дорожку, где поток пассажиров был поплотнее. Определить, следят за нами или нет, я тогда не смог.

«Воображаю себе, как вы пытаетесь выдумать способ избавиться от меня».

«Это точно».

«Бросьте, — сказала она. — Уходить я не собираюсь».

«Вы понятия не имеете о той ситуации, в которую пытаетесь вломиться, — сказал я, — а я не собираюсь вас просвещать. Я вам уже говорил, что это опасно. Только дурак может рваться к неизвестной опасности просто ради того, чтобы пощекотать себе нервы. Начинаю понимать, почему вы не можете удержаться на работе».

«Вы не сумеете оскорбить меня так, чтобы я ушла».

«Вы дура!»

«Как вам угодно, — сказала она, — но я имею точно такое же право пользоваться общественными средствами передвижения, как и любой другой. Я уже решила, куда именно направляюсь, поэтому вы с тем же успехом можете этому радоваться».

«Мне кажется, вы из тех, кто любит поглазеть на аварии».

«Я готова не просто поглазеть, если потребуется».

«Больше я с вами спорить не собираюсь, — сказал я, — но откуда вы знаете, что я не извращенец, не психопат, не преступник и вообще не из числа всяких нежелательных элементов?»

«Это неважно, — сказала она, — потому что я уже решила, на чьей я стороне».

«Это говорит кое-что о вашей собственной личности».

«Полагаю, да. Но почему это должно интересовать вас, если я не возражаю против того, чтобы все это относилось к вам?»

«Ладно. Оставим это».

Некоторое время я смотрел на переходник. Высоко наверху шла вниз стрела крана, перенося большой груз конторской мебели. В шахте, направо от нас, яркий язычок сварочного агрегата разрывал тьму, ремонтируя или меняя трубопровод. До меня на миг донеслись тихие, очень тихие звуки какой-то мелодии. Теперь далеко впереди у основания переходника показался геометрически размещенный участок, похожий на парк. Он был не слишком ярко освещен, с ближней его стороны виднелась статуя, вдоль дорожек, то тут, то там стояли скамейки. Когда мы приблизились, я заметил, что деревья здесь настоящие, а не искусственные, и в глубине, кажется, был фонтан.

«Это напоминает мне что-то из Вульфа», — сказала Гленда, глядя в ту же сторону, и я стал в большей степени Хинкли, чем кем-либо еще, почти не осознавая этого.

«Да, — сказал я к собственному удивлению. — Он выжал так много страниц из городской площади, не так ли?»

«Здесь же не помешали бы ратуша и здание суда с большими часами на нем».

«Вон часы над входом в переходник».

«Да, но они молчат и всегда показывают правильное время».

«Это верно. На них нет и птичьего помета».

«Не лишней была бы и мастерская каменотеса».

«Но не по изготовлению надгробных памятников».

«Верно».

Тогда я задумался о настоящих площадях, там, на Земле. Действительно ли загадочный мистер Блэк помнил такие вещи, или он просто убивал время, прежде чем убил меня? Так как никаких воспоминаний, на которых могла бы основываться какая-либо ностальгия, у меня не было, я мог лишь отнести свои чувства за счет прижизненных наклонностей Хинкли: он был романтиком, не вставшим с кресла путешественником во времени, естествоиспытателем там, где все было противоестественным. Печально. И именно это я чувствовал несколько мгновений. Печаль по Хинкли, площадям, по всему.

«Вы много читаете», — сказал я.

Она кивнула.

Мы сошли у парка и отправились туда. Время от времени спрятанные громкоговорители испускали из кустов и с деревьев записанные на пленку птичьи трели. Характерный запах сырой земли проникал в наши ноздри. Я избрал путь вокруг переходника, и мы прошли мимо маленького, искрящегося брызгами фонтана. Гленда обмакнула пальцы в воду.

«Что мы делаем?» — спросила она, когда мы обошли вокруг переходника и направились обратно, в ту сторону, откуда мы пришли.

«Подождем немного», — сказал я, усаживаясь на скамейку и пристально глядя в направлении ленточной дорожки.

Она села рядом со мной, проследила за моим взглядом.

«Понимаю», — сказала она.

«Пока мы ждем, вы могли бы рассказать мне что-нибудь о себе», — сказал я.

«Что бы вы хотели узнать?»

«Все. В любой последовательности».

«А вы ответите взаимностью?»

«Быть может. А что? Это условие?»

«Было бы славно».

«Пока вы будете говорить, я вспомню, что можно рассказать».

«Мне двадцать два года, — сказала она. — Я родилась в этом Крыле. Росла я в Классе. Мой отец был учителем, а моя мать художницей, занималась живописью... Они уже умерли, и я живу в Библиотеке. Я...»

Я схватил ее за руку.

«Это он? — спросила она, всматриваясь в фигуру, только что появившуюся на ленточной дорожке. — Враг, от которого вы спасаетесь?»

«Я не могу быть в этом уверен, — сказал я. — Но действовать буду, исходя из предположения, что это он. Пошли».

Мы вернулись к дальней стороне переходника и там вошли.

«Можно предположить, что вы все это нарочно проделываете, просто чтобы не рассказывать о себе», — сказала она.

«Можно, но это не так».

Мы стали спускаться, ускоряя свое движение тем, что быстро пошли вниз по спирали. Если я буду и дальше убегать, а потом поджидать преследователя, то это может привести меня к печальным последствиям. Впрочем, это не входило в мои намерения. Я хотел выяснить кое-что и, по-моему, мне это только что удалось.

Если это тот же самый человек, решил я, то он следует за мной на слишком большом расстоянии для того, чтобы ему удавалось визуально наблюдать за всей моей беготней, начиная с Жилой Комнаты. Имей он даже большие способности в предугадывании моего поведения, вряд ли стоит полностью полагаться на них. И так как он уже высунул свою лапу и жаждал крови, то можно было предположить, что он располагает какими-то возможностями, чтобы выслеживать меня, о чем я не так давно задумался.

Как он умудрился воткнуть в меня передатчик?

Ответ не заставил себя долго ждать, хотя им и нельзя было незамедлительно воспользоваться. Пока я был на эстраде, та одежда, что сейчас на мне, висела в шкафчике без присмотра. Не составляло особого труда добраться до нее и засунуть какую-нибудь штуковину, которая бы сообщала о моем дальнейшем местонахождении.

Понятно, что она могла быть микроскопической по размеру и таиться где угодно. Ее поиски представлялись очень непростым предприятием. К сожалению, если я начну сбрасывать с себя одежду, это вряд ли сделает меня более незаметным в этом Крыле.

Впрочем, я был удовлетворен тем, что потратил время на эту проверку. В противном случае я повел бы его к своему отправному пункту, даже если бы не показалось, что я оторвался от него. Об этом не могло быть и речи.

Всю дорогу вниз, в Подвал, мы проехали, и к тому времени, когда мы до него добрались, мой план уже приобрел вполне определенные очертания.

Подвал весьма редко посещался кем-либо еще, за исключением технического персонала. Здесь было царство машин: реакторы, генераторы, циркуляторы, кондиционеры, насосы, компьютеры, трансформаторы, приборные панели, полускрытые в дебрях труб и кабелей; служебные транспортеры через каждые несколько ярдов; ведущие, казалось, в никуда металлические лестницы, вибрирующие под ногами шаткие платформы, хитросплетения переходов на каждом уровне, мостики, краны, запахи смазки и сгоревшей

изоляции, беспрерывное гудение, жужжание, урчание и потрескивание и голубоватое присутствие электричества повсюду.

...Все это обеспечивало более чем достаточное физическое прикрытие, также как и вероятные помехи для какого бы там ни было передающего устройства, что я носил на себе.

На мгновение я остановился, чтобы сориентироваться. Хотя я мог добраться до одного из отдаленных переходников, мне нужна была станция туннеля. Я отыскал знаки, указывающие дорогу к ближайшей из них, и направился к ленточной дорожке, движущейся в том направлении. Я собрался перескакивать из Крыла в Крыло до тех пор, пока не попаду на станцию, откуда смогу сразу же отправиться в нужную мне Комнату, неважно в каком Крыле, а потом двинусь прямо на исходную позицию, не получив двух сотен долларов и проклиная тем временем всю эту окаянную игру. Если мой приятель сможет выслеживать меня и в межзвездном пространстве, то, вероятно, он заслуживает победы. Впрочем, я сильно сомневался, что он на это способен.

...И где-нибудь по пути, прежде чем я доберусь до Прохода, я должен буду избавиться от Гленды. Я никак не мог взять ее с собой туда, куда собирался сам, и не думал, что это расставание могло грозить ей реальной опасностью. Небольшая доза транквилизирующего, как только я уверюсь в том, что мы одни и она сможет выспаться на скамье какого-нибудь работяги. Я решил, что это будет для нее безопаснее, чем если я и дальше буду держать ее при себе.

Дорожка была широкой и двигалась медленно, но уже через минуту переходник скрылся с наших глаз, настолько все вокруг было загромождено обслуживающим Крыло оборудованием. Как только мы очутились в самой его сердцевине, то скорее ощутили, чем услышали, живой пульс этого места. Две быстрых пересадки — и мы оказались на более узкой и скоростной дорожке, двигавшейся приблизительно тем же курсом, что и первая. На самом деле мы находились лишь в нескольких сотнях футов от той дорожки, но она была совершенно скрыта. До сих пор нам никто на пути не повстречался.

Тем не менее каждый, спускающийся по переходнику, все еще мог заметить нас, но мы бы его не увидели из-за игры света на поверхности переходника. И этот некто, если он был, может быть, видел, как я пожал плечами при этой мысли, ибо это было практически все, что я мог пока сделать.

Я задумался об остальных, о чем они думают, чем занимаются, правильно ли представляют себе то положение, в котором я нахожусь. Это казалось вероятным: ведь они знали, что я жив, и поэтому были безусловно осведомлены о самых последних убийствах, но все же не получили от меня новых приказаний. Они должны были догадываться, что я все еще в бегах и свяжусь с ними, как только смогу, что любые попытки связаться со мной могут только отвлечь меня от моих насущных проблем. Я подумал о том, насколько они вообще инициативны. Нам придется опять посовещаться, как только я доберусь до Крыла, Которого Нет.

Мы быстро шли, прибавляя свою собственную скорость к скорости дорожки. Свет стал очень ярким, почти ослепительным, потому что здесь всегда был разгар дня. Наверху непрерывно двигались стрелы кранов, наклоняясь, поднимаясь, перемещаясь. Машины непрерывно свистели, стучали, гудели. Я почувствовал необъяснимое облегчение, когда мы прошли мимо телефонной будки и телефон в ней не задребезжал.

«Теперь вы скажете мне, почему вы убегаете и от кого?» — спросила Гленда.

«Нет».

«Могло бы оказаться полезным, если бы я знала».

«Вы сами навязались на эту прогулку, — сказал я. — Это не экскурсия с гидом».

«Опасность, которую я ощущала раньше... очень близка сейчас».

«Надеюсь, вы ошибаетесь».

Но я почувствовал, что она права. Мои параноидальные наклонности легко поддавались возбуждению, но с некоторых пор появилась возможность для их разгула. Я перешел на боковую дорожку, движущуюся вправо от меня, не представляя, куда та ведет. Она покорно проследовала за мной. Мы были зажаты между возвышающимися громадами металла. Температура воздуха стремительно повышалась, быстро становилась гнетущей. Двое рабочих, стоявших на металлических лесах примерно в двадцати футах над нашими головами, уставились на нас сверху вниз с подобием удивления на лицах.

Мы еще несколько раз свернули, даже провели пару минут на служебном транспортере, настолько узком, что нам пришлось стоять боком. Через какое-то время мы добрались до другой, более привычной дорожки, движущейся в нужном направлении. Еще нам по дороге попались только школьники, совершающие экскурсию по вентиляционному комплексу. Они находились далеко слева от нас и быстро пропали из вида.

Я начал оглядываться по сторонам в поисках подходящего укромного уголка или какой-нибудь щели, где бы я мог оставить Гленду. Я вытащил пистолет и спрятал его в руке. Эта мысль действительно возбуждала во мне определенное беспокойство. По-моему, дело было в том, что я не люблю оставлять загадки неразгаданными. Она вызывала во мне любопытство. Странная девушка, не может удержаться на работе, помогала мне... Я проверю, кто она такая, как только смогу. Я позабочусь о ее благополучии, как только обеспечу свое собственное.

«Резко не оборачивайтесь, — услышал я ее голос, — но мне кажется, за нами действительно следят. Не на дорожке. Выше. Налево. Сзади».

Я повернул голову, стараясь, чтобы это выглядело непринужденно. Хватило одного беглого взгляда, и я отвернулся.

Он был на лесах, шел быстрым шагом, двигаясь к нам кратчайшим путем, приближаясь.

...И эти яркие, яркие отблески голубизны его очков.

Я воздержался от проклятий. Его появление не стало для меня неожиданностью. На миг мной овладело патологическое желание, чтобы у меня было при себе что-нибудь более убедительное, чем транквилизирующий пистолет. Я отогнал эту мысль. Я сделал два шага вперед, Гленда немедленно последовала за мной.

«Черт побери! Не стойте рядом со мной!» — сказал я.

«Это может быть вам на пользу».

«А вам во вред. Держитесь подальше!»

«Одно слово: нет».

«Хорошо. Я вас предупредил. Это все, что я могу сделать. Развлекайтесь».

«Развлекаюсь».

Мои мысли понеслись вскачь. Я покрепче, чем Лэндж, но, может быть, этого все равно недостаточно. Если нет, то пусть будет так. Возможно, я заслужил смерть. Тот факт, что я был сильнее Лэнджа, сам по себе не служил гарантией, что я достаточно пригоден для выживания при сложившихся обстоятельствах. По крайней мере я уже выяснил кое-что о своем преследователе и намеревался узнать побольше.

Я поглядел вперед, подыскивая какую-нибудь механическую махину с лазами, укрытиями, выступами; такое место, где бы в меня было трудно попасть, но откуда я смог бы сделать несколько прицельных выстрелов. Их было несколько на выбор. Потом я оглянулся, стараясь оценить скорость его продвижения.

«Что вы собираетесь делать?» — спросила меня Гленда.

У меня стало возникать странное ощущение, не совсем мне понятное, но не было времени, чтобы его проанализировать.

«Истекать на вас кровью, — сказал я, — если вы не сделаете именно то, что я вам скажу».

«Слушаю».

«Впереди. Направо. Примерно в трех сотнях ярдов... Здоровенная серая установка с черным кожухом на ближней стороне. Видите?»

«Да. Это генератор Лэнгтона».

«Примерно через минуту я рвану влево. После этого оставайтесь на дорожке еще несколько секунд. Он будет наблюдать за мной. Потом вы поравняетесь с этой штуковиной. Бегите к ней и спрячьтесь за нее. Как только я отвлеку этого человека наверху, отходите и скройтесь в комплексе, что позади нее. Поглядывайте за тем, что происходит, и соответственно соизмеряйте свои действия. Желаю удачи».

«Нет. Я пойду с вами».

Повернувшись так, чтобы это нельзя было разглядеть сзади и сверху, я изогнул руку и показал пистолет.

«Если попытаетесь, я усыплю вас и дам дорожке увезти вас отсюда. Не спорьте. Делайте, что я сказал».

Потом я спрыгнул вниз и бросился к выбранному мной укрытию, заметив наверху его: он спешил ко мне, поднимая правую руку.

Я услышал выстрел. Меня не удивило, что он промахнулся, ведь ему пришлось стрелять на бегу. Я исчез с его линии прицела, прежде чем он успел выстрелить еще раз. Я протиснулся за угол установки и нырнул в замеченный мной проход, пересекающий ее посередине, который на полпути прерывался металлическим заграждением высотой в три фута и какими-то свисающими проводами и кабелем, а потом, кажется, беспрепятственно тянулся до ее противоположной стороны. Вроде бы от него отходило восемь служебных ответвлений и один боковой проход. Я мог видеть, что происходит наверху, глядя сквозь отверстия между подпорками и переплетениями проводов, и меня порадовало, что я угадал правильно: ему придется подбираться ужасно близко, чтобы рассчитывать на удачный выстрел в таких условиях.

Я лишь на несколько шагов углубился в проход, когда услышал ее.

«Проклятие! — сказал я, оборачиваясь. — Я же велел вам ехать к генератору!»

«Я решила не ехать, — сказала она. — Я знала, что когда вы побежите, то уже не обернетесь».

Я пожал плечами, отвернулся и пошел вперед. Я слышал, что она идет следом. Мне были видны несколько участков узких мостков наверху, в том числе и тот, что проходил над дальним концом машины. По моим расчетам, он мог теперь появиться в любую секунду.

«Что мне делать, чтобы помочь?» — услышал я вопрос Гленды.

«Все, что вам заблагорассудится, — сказал я. — Я снимаю с себя всякую ответственность за ваше благополучие. В своей гибели вините себя».

Я услышал, как у нее перехватило дыхание, и она резко оборвала начало какой-то фразы. Я продолжал осторожно пробираться вперед.

Он может спуститься вниз по одной из лестниц или по мосткам и приближаться к нам сквозь нагромождения металла. Или он может остановиться, или пойти поверху другим путем. Возможно, он совсем рядом. Бесполезно было прислушиваться к звукам шагов из-за шумовой завесы, вызванной вибрацией механизма, в котором мы стояли.

Однако, когда я приблизился к вероятному боковому ответвлению, резкий звук все-таки смог прорваться сквозь все это. Это был телефонный звонок, раздавшийся неподалеку в каком-то служебном закутке.

Бормоча шепотом проклятия и прижавшись к стене, я решил при первой возможности засунуть этот телефон ему в пищеварительный тракт с того или с другого конца. Впрочем, на сей раз я сдержал себя. Этот звук чертовски действовал мне на нервы, но я сумел сохранить контроль над собой.

Через секунду я услышал грохот его сапогов и понял, что он сделал. Откуда-то зная о том, как на меня действует телефонный звонок, он захватил с собой аппарат телефонного мастера, который мог находить и приводить в действие телефоны. Добравшись до места над моим убежищем, он позвонил в ближайшую телефонную будку, надеясь выбить меня из колеи звонком, и спрыгнул на крышу установки. Только на этот раз я не поддался. Вжимаясь в стенку, я скорее ощущал, чем слышал, как приближаются

его быстрые шаги. Он искал отверстие, пригодное для прицельного выстрела, видимо, рассчитывая на то, что я превратился в трясущуюся тварь.

Внезапно, высоко наверху, справа от меня, примерно на расстоянии тридцати футов над пересекающимися балками, промелькнули голова, рука и плечо.

Я отшатнулся назад. Налетел на Гленду. Не оборачиваясь и рыча что-то невразумительное, я толкнул ее к углублению в стене и отступил туда сам. Втискиваясь рядом с ней, я опять услышал грохот его сапогов и понял, что он перепрыгнул через боковой проход справа от меня. Я направил пистолет в ту сторону, откуда, как мне казалось, он должен был появиться, и почувствовал внезапную сумасшедшую радость при мысли, что телефон перестал звонить.

Вот и он. Снова выстрелил. Промахнулся. Я тоже выстрелил. Следующая попытка, понял я, будет решающей. Теперь он знал, где я нахожусь. Я подался назад и прицелился вверх. Почувствовал, что теперь он появится у меня над головой.

Я понимал, что шанс выжить невелик. Даже при самом точном моем попадании он тоже успеет выстрелить. Кроме необходимости спасти девушку меня беспокоила мысль, смогу ли я перенести серьезные ранения, если вообще выживу. Его я подстрелю. Я знал это. Чувствовал. Готов был поклясться. Даже если он опять всадит пулю мне прямо в сердце, сработают мои рефлексы и мой выстрел состоится, и он, там, наверху, на время потеряет сознание. Я хотел выжить, притащить его в Крыло, Которого Нет, вывернуть его мозги наизнанку и вытряхнуть на пол их содержимое. Было бы таким расточительством умереть, оставив его беспомощным, и не иметь возможности этим воспользоваться.

«Если я умру, — услышал я свои слова, обращенные к Гленде, — и оставлю его без сознания там, наверху, — и это не я произносил эти слова, ужасный смысл которых доходил до меня, так как слышали их мои уши и произносил их мой собственный язык, — не пожелаете ли вы подняться и прикончить его из его же собственного пистолета? Пулей в голову? В сердце?»

«Нет! Я не могу! Я не буду!»

«Потом это избавило бы меня от многих неприятностей».

«Потом? — она хихикнула почти истерически. — Если вы мертвы...» Потом она заткнулась, но я чувствовал ее тяжелое дыхание, ее напряжение.

«Чего он ждет? Чтоб его!»

«Давай! — крикнул я. — В последний раз! Даже если ты достанешь меня, ты умрешь!»

Тишина. По-прежнему тишина.

Потом я услышал, как Гленда шепчет быстро, торопливо:

«Ты тот самый. Я не ошиблась. Слушай. Это важно. Возьми меня с собой в потайное место. У меня есть кое-что для тебя. Это важно...»

И это тоже было слишком поздно. Еще три шага и глухой удар, когда он перепрыгнул через наш проход и выстрелил вниз.

Я почувствовал тупую боль в груди и ребрах. Я тоже выстрелил и понял, что попал.

Длинноволосый шатен, белые штаны, синяя куртка, голубые зеркальные очки; он повернулся в прыжке, опустился на полусогнутые ноги, левая рука высоко вскинута для равновесия, правая вытянута вниз, оружие наведено, стиснутые зубы оскалены в напряженной, недоброй усмешке.

«Мистер Блэк! Нет!» — услышал я крик Гленды, когда другим выстрелом он попал мне в плечо и меня отбросило на нее.

Транквилизирующий пистолет выпал, и вся моя правая рука стала бесполезной. Но я попал в него, это я знал.

И это был мистер Блэк. Тот самый человек, с которым я сидел в Коктейль-холле — как давно? Иной цвет и длина волос, другая одежда, очки, но та же линия челюсти, те же черты лица, морщины...

Пока я пытался навести пистолет, чтобы сделать еще один выстрел, я поднял левую руку. Гленда все еще кричала, а я, укусив себя за большой палец, пристально смотрел на него и услышал его последний выстрел и почувствовал, как он разрывает мне внутренности.

Потом он рухнул навзничь, а я повалился лицом вниз, и чернильное облако, казалось, поднялось из моей груди, устремляясь к голове.

Звенящее эхо выстрела стихло, исчезло, но я все еще ощущал сквозь сырость, как вибрационные толчки механизма складываются в повторяющиеся слова: «Вытащи седьмую булавку», а Гленда всхлипывала: «Библиотека! Ячейка 18237! Важно! Библиотека! Ячейка 18237!..» Потом наступило обволакивающее ничто.

Глава 5

Я поставил себя на ноги и опять побежал. Безумие, но я ничего не мог поделать.

Хорошо, что никто из тех, кого я мог разглядеть, не был в состоянии это заметить.

Потом появилась группа живых, и оставалось либо притормозить, либо вызвать подозрение — этого я хотел меньше всего. Я прикусил губу, огляделся по сторонам, остановился, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Крепкий. Кто бы мог подумать, что Энджел способен так хорошо держаться. Как это ему удалось? Стареющий кларнетист, тихий, спокойный малый. Только теперь я (он), мы узнали, что было в нем, а я уже другой, мне никогда снова не стать таким же, каким я был, все еще изменяясь, зная, что во мне идет процесс, подобный ртутному, неудержимый, сложный, стремительный, нарастающий, дающий силу, твердость... Крепче мы оказались, крепче, чем я думал. Просто двигателю нужно было прокашляться несколько раз, прежде чем он начал нормально работать. Теперь мы уже были почти у цели, и я, Пол Кэраб, стал связующим звеном...

Мое бегство, начавшееся, как явление нежелательное и даже, вероятно, слегка позорное, теперь обрело смысл. Я сделал то, что следовало, но по ложным мотивам.

...Пол Кэраб, сравнительно здоровый, тридцатипятилетний Представитель Жилой Комнаты, Крыло 1, самый молодой член Обслуживающего Персонала Дома, удирающий от страха.

Теперь фактор страха значительно уменьшился, именно теперь, потому что Энджел/Лэндж был здесь. Лучше и лучше с каждым мигом.

Все эти убийства повергали меня в панику, каждое последующее в большую, чем предшествующее. Я каждый раз отключался и приходил в себя в худшем состоянии, чем был до этого. Я был готов удрать во время слияния, но оно восстановило во мне равновесие. Потом, когда это случилось с Сэрафисом и Дэвисом, здравый смысл растаял как дым. Я почувствовал, что даже мое положение со всеми его гарантиями безопасности не спасет от такой атаки, атаки, безусловно представляющей собой тщательно продуманную акцию по уничтожению всей семьи. Не было во мне ни присущего Лэнджу любопытства, ни гнева, как Энджела. Все это придет со временем, в этом я был уверен, но мой страх подавлял эти важнейшие факторы выживания. Мне стало стыдно за свой страх, но лишь на мгновение. Он пошел на пользу, а я уже не был тем человеком, который был охвачен ужасом.

Я наблюдал за медленным шествием людей, провожавших в последний путь усопшего, идущих следом за ящиком на конвейере. Во главе их, рядом с гробом, шел проповедник, был виден участок, где отслужили панихиду, но разные перегородки и предметы обстановки закрывали от меня черную дверь, к которой они все направлялись. В моей голове возникла очевидная аналогия и свила там гнездо с его птичьим попискиванием, темными перышками и мельтешением: тот Пол Кэраб, которого я знал всю свою жизнь, мертв, умерла половина семьи, весь наш образ жизни, вполне возможно, испустил последний вздох.

Нет.

Этого я не допущу.

Моя решимость поразила меня, но так оно и было. Я знал, что сделаю то, что должен сделать. Я не принимал обдуманного решения. Я просто знал. Остальным это могло не понравиться. В любом случае, выбор оставался за мной.

Часовня, как всегда, напоминала шахматную доску чередованием светлых и темных квадратов. Я двинулся по диагонали в левую сторону, переходя ко входу на затемненный участок. Быстро оглянувшись по сторонам, я лег на пол и прополз внутрь, не желая попадать под луч оповещения, который бы включил сумрачный свет, запах ладана, умиротворяющую музыку и огни на алтаре. Потом я юркнул на церковную скамью со спинкой и уселся боком, так, чтобы можно было видеть вход и держать похоронную процессию в поле зрения. Мне захотелось выкурить сигарету, но закуривать здесь было как-то неловко, поэтому я воздержался.

С того места, где я сидел, была видна черная дверь, врата в вечность, в преисподнюю, в загробную жизнь, куда бы там ни было. Конвейерная лента доходила до самой двери, поворачивалась там вокруг своих роликов и шла назад понизу. Когда провожающие со скорбными лицами и одетые в черное медленно приблизились, представитель распорядителя похорон выступил вперед и привел в действие открывающее устройство на пульте, незаметном на темном фоне двери.

Дверь беззвучно распахнулась внутрь, и гроб проехал в нее, за ним отправилось довольно много цветов, искусственных, по всей видимости, хотя, конечно, с моего места трудно было судить об этом наверняка, но такое количество настоящих цветов стоило бы целое состояние, что опровергалось малочисленностью процессии, и так как дальше колея наклонялась вниз под соответствующим углом и была оборудована роликами, вся экспозиция плавно скрылась с глаз. Потом дверь закрылась. Похожий на церковника тип произнес какие-то последние слова, и люди стали постепенно расходиться, переговариваясь между собой, либо в молчании, в зависимости от настроения.

Я посмотрел, как они уходят, подождал минут десять, пока вокруг не стало темно, подождал еще некоторое время. Потом поднялся, пересек помещение, выполз наружу.

Покой, тишина... Был выключен даже конвейер. Ближайший освещенный участок находился на значительном расстоянии, настолько далеко, что даже музыка не доносилась до меня.

Я подошел к конвейеру. Зачем-то протянул руку и коснулся ленты и, ведя по ней рукой, пошел к стене. Человек, склонный постигать реальность на ощупь? Я подумал о Гленде. Что она сейчас делает? Где она? Обратилась ли она в полицию или просто сбежала? Наконец мои мысли вернулись к тем последним мгновениям, что до сих пор оставались где-то в уголке памяти. Что она там бормотала в самом конце? Не обычный истерический вздор, чего можно было ожидать от молодой женщины, присутствующей при внезапной насильственной смерти. Нет, на это было не похоже. Она повторяла адрес, говорила мне, как это важно. Впрочем, если это не было своеобразной формой истерики, то альтернативный вариант приводил в замешательство. Зачем нужна информация умирающему, если он вдруг не окажется мной?

Но знать она не могла. Я не мог представить себе, откуда бы она могла знать.

...Или кто-нибудь еще, в данном случае. Скажем, мистер Блэк.

...Которого она безусловно узнала.

А если углубиться еще чуть-чуть, то было нечто необычное в том, как мы встретились...

Конечно, мне предстоит это выяснить. Жизненно важно все, что может иметь хоть какое-то отношение к текущим неприятностям.

...И это кажущееся иррациональным настойчивое стремление сопровождать меня...

Да, мне придется в этом разобраться. И очень скоро.

Я перелез через контейнер, пошел вдоль него, приближаясь к двери. Мне нужно было находиться с правой стороны от него, чтобы добраться до пульта.

Подойдя к черной двери, я остановился; этим маршрутом из Дома отправлялись покойники, по этой единственной дороге можно было покинуть Дом. Дверь была сделана из легкого сплава, размерами примерно шесть футов на восемь, и в тусклом свете казалась скорее кляксой или черной дырой. Я разобрался с пультом, и дверь бесшумно распахнулась внутрь. Еще чернее. Даже с того места, где я стоял, трудно было сказать, что она открыта. Это меня вполне устраивало.

Я залез на конвейер и шагнул за дверь, отклонившись назад, чтобы удержать равновесие, и упираясь одной рукой в гладкую стену. Потом я схватился за дверь и потянул ее к себе, отклоняясь назад, прикрыл ее. По-настоящему она не захлопнется, пока я не приведу в действие механизм, но это произойдет, если кто-нибудь приблизится к ней в течение следующих нескольких минут.

Я опустился на четвереньки и пополз вниз по туннелю. Он был не длиннее сорока футов. Когда я добрался до задней стены, то встал, опираясь на нее, и начал шарить пальцами по поверхности, отыскивая пульт управления.

Совсем немного времени ушло на то, чтобы найти его и открыть, отодвинув крышку. После этого зажглось слабое внутреннее освещение, и мне опять стало видно, что я делаю. Этот блок использовался крайне редко, если вообще кто-нибудь нуждался в техническом обслуживании, а то, что я с ним тогда сделал, определенно не предусматривалось инструкцией по эксплуатации. Во всяком случае, ни у кого не было оснований валять дурака с координатами, по которым покойники отправлялись на свою межзвездную прогулку в одну сторону.

То есть ни у кого, кроме одного из нас.

Я закончил, захлопнул панель и стал ждать. Должно пройти пятнадцать секунд, прежде чем пульт сработает. После этого он сам вернется к своим старым координатам.

Я услышал, как где-то позади меня и наверху тихонько захлопнулась дверь. Очень хорошо. Это было нечто, что мне полагалось запомнить...

Внезапно меня швырнуло на землю. Я упал на руки, перекатился на бок и поднялся. Да, мне полагалось помнить, что, хотя в туннеле я стоял на наклонной плоскости, поверхность, на которую меня перенесло, была не такой пологой.

Потом вокруг меня вспыхнули огни. Я стоял в ярко освещенном коротком коридоре, стены которого светились таким сильным и ослепительным светом, что стало больно глазам. Я прикрыл их рукой и пошел по коридору, а моя персона тем временем анализировалась на сотнях, может быть, тысячах уровнях скрытыми приборами, которые позволили бы только одному человеку пройти через дверь в его конце.

Когда я приблизился к двери, она плавно скользнула вверх, обдав меня ветерком, и я вступил в Крыло, Которого Нет.

Внезапное чувство облегчения, освобождения охватило меня. Я пришел домой. Я был в безопасности. Врагу здесь до меня не добраться.

Я пошел по изгибающемуся влево, покрытому красным ковром коридору, минуя самый центр крепости, великие запечатанные своды Лаборатории, Компьютера, Хранилища и Архива. Пока я шел, я размышлял о том душевном состоянии, в котором мог пребывать некий предшествующий вариант меня самого, давший им такие прозаические наименования, учитывая то, что в них действительно находилось. В скептическом, я полагаю.

Я проследовал мимо них и вошел в кабинет, или в комнату отдыха, которая наконец появилась справа от меня. Сразу же вспыхнули огни освещения, и я притушил их шлепком ладони; довольно было иллюминации в коридоре. Это была небольшая комната со светлыми стенами, устланная темным ковром, где стояли письменный стол, два легких стула, диванчик со столиками по бокам, застекленный книжный шкаф. Все было так же, как всегда на моей памяти.

Я пересек комнату, подошел к дальней пустой стене, включил контроллер на спинке стула, и стена стала прозрачной.

Снаружи была ночь, и полная оранжевая луна висела над белыми каменистыми холмами, видневшимися примерно в полумиле от меня, делая их похожими на челюсть со сломанными зубами. Скалы, что были ближе, казались темными и влажными, словно над ними недавно прошел дождь. Вдали таяли бледные облака, в небе ярко горели звезды. Индикатор справа от меня показывал, что температура там, снаружи, слегка превышала тринадцать градусов по Цельсию. Я отошел, развернул стул к панораме и уселся.

Не отрывая взгляда, я отыскал сигарету, прикурил, затянулся.

Неважно, что ситуация требовала безотлагательных решений, мне нужны были и этот миг отдыха, и эта сигарета, и этот вид за окном, перед тем как я сделаю следующий шаг. Мне необходимо было побывать в состоянии душевного покоя, прежде чем я смогу продолжать. Это скажется потом.

Сводилось все к тому, что мне предстояло нарушить несколько директив ради того, чтобы выполнить одну из них. Было над чем подумать. Если бы мы сейчас провели слияние, то, думалось мне, возникли бы значительные разногласия, но связующим звеном был я, и я же был единоличным наследником последних познаний Энджела и единственным, кто мог действовать. Решение было за мной, и я его принял.

«Браво! Наконец-то у нас за рулем оказался кто-то не совсем безмозглый!»

«В этом нет никакой твоей заслуги, старожил», — сказал я.

«Конечно, есть! Во всех отношениях!»

«Ну, я не собираюсь спорить с тобой на эту тему. Сейчас это не имеет значения и не будет иметь вообще никакого в ближайшем будущем».

«Может быть».

«Что значит «может быть»?»

«Давай подождем и посмотрим — в ближайшем будущем».

«Ты не лучше меня представляешь себе, что будет. Ну, не намного лучше».

«Полагаю, ты прав. Может, пойдем и выясним?»

«Ты ждал до сих пор. Ты вполне можешь подождать еще, черт возьми, пока я докурю сигарету».

«Видимо, ты понимаешь?»

«Лучше, чем ты».

«Поглядим».

«Увидим».

Ночь была настолько светла, что я мог разглядеть в отдалении несколько здоровенных воронок от снарядов, их очертания размывались низко поросшей темной растительностью. Приглядевшись, я мог еще различить контуры огромного, разрушенного, похожего на крепость строения у подножия скал. Этот вид завораживал меня. Может быть, мне предстоит узнать о нем еще что-нибудь...

Хватит! Слишком много всего! Эти руины... Сколько сотен раз видел я их? А глазами своих предшественников?

Поднявшись, я затушил сигарету в пепельнице, повернулся и вышел из комнаты.

Я сильно волновался, подходя к своду Архива. Там я приступил к деликатным, сложным и потенциально роковым манипуляциям с его запорным механизмом.

Еще через четверть часа я открыл его. Я вошел, и зажегся свет.

Через несколько секунд дверь закрылась и заперлась за мной. Размеры комнаты составляли около 40 футов вдоль и примерно 60 — поперек. Задняя ее стена была вогнутой и изгибалась вокруг рабочей площадки, приподнимавшейся над полом где-то на фут. По всей стене на уровне бедра тянулся выступ, выдаваясь вперед дюймов на тридцать. Над ним были смонтированы рядами блоки управления, что, как крылья, вытягивались от центральной панели и ее пульта управления. Массивное кресло рядом с центральной панелью было развернуто в мою сторону, словно приглашая меня.

На ходу я сбросил куртку, сложил ее, положил на полку, потом уселся, повернулся к пульту управления и начал прогревать аппаратуру. На ее подготовку, вместе с проверкой систем и включением всех блоков в их должной последовательности, ушло около десяти минут. Я занимался этим с удовольствием, ибо это дело на время полностью отвлекло мои мысли от всего прочего.

Но наконец огоньки на панели выстроились в должном порядке и пришло время начинать.

Я открыл шкафчик слева от себя, вытянул оттуда шлем на длинном, тяжелом рычаге. И шлем я тоже проверил несколько раз. Отлично.

Я опустил его на голову так, что его края легли мне на плечи. На уровне глаз было отверстие, позволяющее мне видеть, что я делаю. Я привел в действие механизм, что должен был теперь проверить меня.

Его внутренности, вибрируя, пришли во вращение, примериваясь к тем участкам моей черепной анатомии, которые представлялись им заслуживающими внимания. Потом мне немного сдавило голову, когда прокладки прижались к моему черепу в нужных местах. Потом последовал легкий толчок и несколько влажных струек скользнуло вниз по голове. Анестезия. Когда она вводилась сквозь кожу, немного помешали волосы. Впрочем, все было в порядке. Я не хотел обривать себе голову или носить парик. Я мог выдержать несколько капель, попавших за шиворот.

Не думаю я, что кому-нибудь может доставить удовольствие ожидание вторжения в его внутренности, а уж тем более в содержимое его черепа. При любых знаниях и опыте мысли об ощущениях вызывают подъем эмоций. Нет даже необходимости в том, чтобы эти ощущения действительно возникали. Впрочем, через считанные секунды передо мной вспыхнул голубой индикатор и я осознал, что все необходимые щупальца успешно и безболезненно проникли сквозь мой скальп, череп, кору головного мозга, его паутинную и мягкую оболочки, попали в соответствующие участки моего мозга и образовали сеть, способную выполнить ту работу, для которой они предназначались. А я все еще грыз свою нижнюю губу. Так шутит с нами наш собственный мозжечок.

Аппаратура была готова. Пришло время для технологического процесса, осуществляемого каждым новым связующим звеном. Я должен был возвращаться назад по своему (нашему) сознанию, систематически стирая все те участки Лэнджа и Энджела, которые, по моим ощущениям, противоречили моей собственной личности, и уничтожая их воспоминания, относящиеся к тому, что происходило до меня. Пришло время для жертвоприношения, частичного самоубийства, вышвыривания за борт лишнего груза, всего того, что могло лишь смущать разум, создавать конфликты, делать жизнь менее сносной. Никто же не знает, сколько может вместить человеческий разум, и поэтому мы когда-то решили не испытывать его пределы. Мне казалось, что дело в этом. Где-то, когда-то, в незапамятные времена действовали, исходя из этого суждения, и, так как семья все еще существовала, это всегда оправдывало себя. До сих пор, конечно. Теперь Лэнджу и Энджелу пришла пора отправляться, чтобы стать, быть может, самостоятельными единицами или моими персональными демонами в преисподней подсознания.

Однако сейчас мои мысли в основном занимала угроза нашему существованию, и я хотел вырасти, а не уменьшиться, расширить свои познания, а не наоборот. В памяти, вместе с настоятельным побуждением ничего из нее не стирать, оставалось знание о том, что в качестве чрезвычайной меры во времена великой угрозы можно было бы воскресить мертвых. Я не верил, что это когда-либо осуществлялось, и, конечно, понятия не имел о том, к чему это может привести. Впрочем ясно было, что дело

здесь совсем не в воспоминаниях. Все же я со всей определенностью ощущал себя самым подлинным самим собой, несмотря на то что я был частично Энджелом и частично Лэнджем. Суровые меры оправдывались ситуацией.

Когда я взглянул на тот участок панели, где торчали семь булавок, рядом с которыми оставалось место еще для многих, я очень ясно почувствовал, как колотится мое сердце.

Каждая булавка — жизнь связующего звена; каждая — это целое поколение нашей семьи, приколотое там, словно невидимая бабочка...

Когда я протянул руку, ладонь моя была влажной.

Булавка втыкалась в главную панель каждый раз, когда завершался процесс стирания. Вытащить одну — значило погубить труд предшественника во мне.

«Что я делаю? Я должен был оказаться здесь для того, чтобы вставить восьмую булавку...» Рука моя задрожала.

«Это неправильно! Глупо даже подумать...» Рука стала твердой, потянулась дальше. Я пытался, но не сумел остановить ее.

Словно зачарованный смотрел я, как она пересекла панель, примерилась и выдернула седьмую булавку.

Глава 6

Трудно сказать, чего именно я ожидал. Удара в литавры? Раскалывающего мозг сотрясения с последующей потерей сознания? Полагаю, чего-нибудь неожиданного.

Однако более всего это было похоже на пробуждение поутру, когда воспоминания вчерашнего дня начинают постепенно подниматься над горизонтом сознания. Обычное прояснение головы, появление того, что там и было. Галерея знакомых картин.

Старый Лэндж...

Конечно. Это был случай, когда нам довелось побывать в положении нашего собственного сына. По случайному совпадению связующее звено перешло от одной тождественной Лэнджу личности к другой. И в этом слиянии были еще и другие, давно забытые, но опять оказавшиеся со мной, словно они никогда и не отсутствовали.

Теперь я стал тем демоном, что обращался к нам. Я был Энджелом, Лэнджем, Лэнджем Старшим и всем тем, что было оставлено старшим Лэнджем от его предшественника Винтена, чей странный склад ума я бы назвал почти чуждым минутами ранее. Но если отнестись к нему так, как его предшественник, который счел уместным его сохранить, то он не казался настолько уж странным. Что это было? Что произошло? Мои накопленные воспоминания теперь вернулись на столетие назад, но дело здесь было не просто во времени и количестве. Ощущение отличия, сопровождавшее вернувшуюся доступность всего этого опыта, было... качественным. Да, это было так. И что это за качество?

Как раз это ты не можешь по-настоящему оценить в своем теперешнем состоянии.

Сильный. Там. Он. Винтен. На мгновение я был слишком ошарашен. Этот опыт всегда присутствовал, но я не удосужился осмыслить его, а ведь освобождая и поглощая демона Лэнджа, я неизбежно выходил на более старую, прежнюю поверхность раздела, и доселе неведомый мне демон мог обращаться ко мне из-под нее.

То, что есть у тебя сейчас, говорил он, нужно тебе, как стартовая площадка. Ты стал умнее и в чем-то сильнее, благодаря тому, что ты приобрел, но этого мало против мистера Блэка. Чтобы обрести понимание и способность воспользоваться этим, необходимо вытащить шестую булавку. Сделай это немедленно.

Полон решимости. И силы. Он. В своей настойчивости. Именно это предопределило мое решение. Я хотел обрести такую решимость, такую силу.

И поэтому, прежде чем я сумел выдвинуть свои аргументы против, я протянул руку вперед по диагонали на несколько дюймов и вытащил шестую булавку.

Да! Да, когда туманы развеялись и ко мне вернулась память о том, что происходило столетия за полтора, это было не просто возвращением огромных объемов накопленного опыта. Тем более что сами воспоминания оказались довольно призрачными и не слишком эмоциональными. Тверже, жестче стало мое отношение ко всему, и эта перемена убеждала меня в моей собственной способности совладать с ситуацией. И не только, не только это...

Ощущение. Господи, ощущение... Словно потоки воды внезапно обрушились на старинную дамбу. Я чувствовал накапливающуюся мощь и не был уверен в укреплениях.

Да, ты был слаб, и ты окреп. Но теперь не время останавливаться. Протяни руку и возьми все. Тебе пригодится любое оружие, до которого ты сможешь сейчас дотронуться. Тебе предстоит встреча с врагом, который тоже силен. И поэтому ты должен стать самим собой в большей мере. Вытащи пятую булавку и восстанови меня в себе. Я покажу тебе, как разобраться с мистером Блэком.

«Нет», — сказал я. — «Подожди», — сказал я. — «Подожди...»

Времени нет, с каждым мигом, что ты теряешь, Блэк становится сильнее. Не отбрасывай инструмент, который может резать алмаз, не отшвыривай камень, который может лечь в основание свода. Я буду нужен тебе. Вытащи пятую булавку!

Моя рука дернулась к ней, но я боялся, что уже зашел слишком далеко. Невозможно было измерить силу того, что потом вынудит меня вытащить четвертую, потом третью булавку, и так до самого конца, до начала, разрушая с таким трудом выстроенное здание, уничтожая сделанное за века общими усилиями, ради достижения духовной, нравственной эволюции.

Я разделяю твои чувства, я согласен с твоими принципами. Впрочем,

все они окажутся бесполезными, если не будет больше тебя, чтобы развивать их. Мой конкретный опыт понадобится тебе, чтобы как следует защищаться. Поэтому, пока суть да дело... Вытащи пятую булавку! Сейчас же!

Мышцы заныли в моей руке. Мои пальцы сжимались и разжимались, словно клешня.

«Нет! — сказал я. — К черту! Нет!»

Ты должен!

Моя рука дернулась. Пальцы коснулись булавки.

Я зашел слишком далеко и слишком поспешно. Рассудок мой отказывался повиноваться мне. Может, он и прав, Джордан, я вдруг понял, что его так зовут. Может, он и прав. Но я не собирался позволить ему принудить меня к этому. Я даже не очень понимал, чем я только что стал. Было бы безумием освобождать еще одного незнакомца.

Конечно, ты испытываешь неуверенность. Но ты должен, кроме того, понять, что своими сомнениями ты подвергаешь опасности остальных, да и девушку...

«Подожди!»

И тут появился яростный гнев. Я, Джеймс Винтон, уничтожил его, принес его в жертву, сокрушил его по своей воле. И теперь этот жалкий подонок, ничтожный огрызок пытается мне приказывать!

Я медленно сжал правую руку в кулак! Потом стукнул им по выступу.

«Нет! — сказал я. — Что надо, у меня есть».

Ты дурак!

Я плавным движением поднял руку и прижал большим пальцем пятую булавку.

Тишина.

Стараясь ни о чем не думать, не копаться в своих мыслях или чувствах, я перевел себя на автоматический режим работы и стал освобождаться от оборудования.

Наконец мне перестало сдавливать голову и огоньки приборов показали, что шлем можно снимать. Я сделал это, убрал его в шкаф, потом отключил все узлы оборудования и вышел из Архива, тщательно заперев за собой дверь. Я прошел по коридору к Компьютеру и повозился там с замком. Потом я вернулся в свой кабинет, потому что снабженный реле времени механизм на дверях Компьютера срабатывал лишь через десять с лишним минут.

Я плюхнулся в кресло, закурил сигарету и уставился в ночь. За тот краткий промежуток времени, что я отсутствовал, луна проделала заметный путь. Тени сместились по ландшафту, открывая взгляду другие подтверждения стародавнего разорения и еще больше растительности. Этот вид казался мне теперь намного более знакомым, чем раньше, хотя я попрежнему не представлял себе, что за сражение происходило там. Может, война? Теперь в руинах у подножия этих вековечных скал было нечто еще более интригующее и тревожащее...

Я вглядывался в эти развалины, и вдруг нить моих размышлений резко оборвалась. Показалось, будто там произошло какое-то движение.

Я встал и подошел к окну.

Опять что-то. Слабая вспышка... Да, за этими разрушенными стенами мелькнул свет. Я продолжал наблюдать, и это повторилось несколько раз. Я попытался определить периодичность вспышек, но, кажется, у них не было никакого определенного графика.

Потом там вспыхнул яркий свет, и словно луч маяка быстро скользнул по искореженному ландшафту, упал прямо на меня и остановился.

Я поднял руку, прикрывая от него глаза, а другой рукой нащупал контроллер и затемнил окно.

Потом я снова опустился в кресло, удивляясь какой-то частицей своего «я» тому, что это явление не произвело на меня особого впечатления. Но это чувство быстро прошло. В самом деле, в этом свете не было ничего удивительного. Явления такого рода периодически происходили там на памяти многих поколений. Я просто забыл или, вернее, только сейчас вспомнил об этом. Да, это, видимо, было что-то механическое, что время от времени пробуждалось, испытывало короткую автоматическую судорогу и опять погружалось в спячку. Один из факторов бытия, ну и что?

А так ли? А, к черту! Более неотложные проблемы требовали моего внимания.

Например, кто я такой? Я понимал, что уже не являюсь больше той личностью, что пришла в Крыло, Которого Нет. И это было не потерей, а приобретением. Именно так я ощущал это. Но в чем это приобретение?

Если быть искренним, то я чувствовал себя скорее Винтоном, чем Кэрабом. Но казалось, что всегда именно так и было на самом деле, а тот, другой, был всего лишь временной стадией, живой лабораторией, которую я занял для проведения определенных экспериментов. Теперь у меня возникла необходимость отложить на время эти исследования, чтобы разобраться с более важными проблемами, которые стали вызывать во мне беспокойство.

Боже! Каким наивным позволил я себе стать! Мои женоподобные «я» последнего времени вызвали у меня улыбку. Их страхи. Их приступы малодушия.

На чьих плечах, по их мнению, стояли они? Кто приобрел для них право упиваться своей драгоценной щепетильностью? Кто дал им возможность проявлять свои возвышенные наклонности, этой шайке анонимных филантропов и благодетелей Дома? В течение нынешнего поколения, во времена Лэнджа, они остановили эпидемию, не допустили, чтобы несколько крупномасштабных катастроф повлекли за собой куда более тяжкие последствия, чем это случилось, способствовали проведению нескольких продуктивных научных исследований в области медицины, помешали осуществлению трех научных программ, которые могли бы дать нежелательные результаты, подвели политиков и компьютеры к принятию нескольких здравых решений, касающихся контроля за ростом населения, вытеснения

агрессивных побуждений и развития областей образования, имеющих особо важное значение, содействовали развитию новых увеселений, добились, что кривая преступности спустилась еще ниже, и помогли многочисленным группам и отдельным личностям в тяжелые для них времена. Но откуда взялась у них эта возможность позволять себе удовольствие заниматься тем, что кому-то могло показаться беспардонным вмешательством в чужие дела, а другим альтруизмом? Путь для них проложен был мыслью, потом жертвенностью и далеко не малой кровью.

С другой стороны, вся эта игра стоила свеч. Но странно было размышлять о себе одновременно в двух временных плоскостях. Но они сливались, сливались, даже когда я размышлял над каждой из них, и я чувствовал, что это здорово обогащает меня. Взгляд Джордана охватил бы куда более широкую перспективу, это я понимал. Я располагал некоторыми его воспоминаниями, и мне было известно, что он их долго накапливал. Быть может, я с ним поторопился...

Нет! Надо же было где-нибудь подвести черту. То, чем я теперь обладал, представлялось достаточным. Все, что мы сделали, оправдывалось вескими, существенно важными доводами, это я знал. Подробности были мне ни к чему. Основываясь на том, что я теперь знал о себе, я верил во все свои прежние решения. Мне думалось, что я всегда избегал произвола, что были основания для каждого случая частичного самоубийства. Безумием было бы разрушать все сделанное ради удовлетворения своей *исследовательской любознательности.*

Стало покалывать кожу на голове, и мысли мои обратились к более насущным проблемам.

Я поднялся на ноги. Замок на Компьютере должен уже быть почти готов для продолжения работы с ним. Слегка массируя голову, я отправился назад по коридору. Я подумал о Джине, Дженкинсе и Винкеле. Они живы, а это главное. Видимо, сейчас им ничего реально не угрожает, ибо я оставил мистера Блэка в состоянии, так сказать, помутнения рассудка; и у них, кажется, было достаточно времени, чтобы взбодрить свои инстинкты самосохранения и возвести какие-нибудь баррикады. Я не видел смысла выходить на контакт с ними, пока мне нечего было им сказать, до этого придется еще немного подождать.

Оставалось еще немного времени, прежде чем я смог бы войти в двери Компьютера, и я заполнил эту паузу, ломая себе голову по поводу Гленды. Из ее прощальных реплик со всей очевидностью следовало, что она обо мне что-то знала. Что она там знала, было для меня далеко не так важно, как то, откуда ей стало это известно. И она знала нечто о моем старинном враге, который в эти дни называл себя мистером Блэком. Уже по одной этой причине ей следует занять важное место в списке моих неотложных дел.

Механизм выполнил все свои операции перед заключительной фазой, я довершил остальное, открыл дверь и вошел. Комната была похожа на ту, что занимал Архив, только выглядела попросторнее. И здесь тоже

оборудование, хотя и иного рода, занимало дальнюю стену, а кресло управления, хотя и располагалось немного левее, было таким же комфортабельным, как и то, другое. Я запер за собой дверь и направился к нему.

Я включил Бандита. Забавно, что прозвище, данное мной этой штуковине, когда-то выпало из обращения и было заменено простой, сдержанной недомолвкой: Комп. Впрочем, он был не простым компьютером. Он был еще и похитителем данных. Тот факт, что его операции всегда оставались безнаказанными, являлся своего рода признанием высокого мастерства его безымянного творца, обеспечившего ему тайный доступ к основным базам данных в Крыле I. И даже более того. В случае необходимости он мог обнаруживать, вычислять наилучшие возможности для проникновения и вводить туда новые данные. Вот такой Комп!

Итак, я поручил ему поиски мистера Блэка. Я не возлагал слишком больших надежд в этой области, но должен был попытаться. Мог же он на сей раз в чем-нибудь проколоться. Я располагал на него довольно обширным досье, уже усвоенным светящейся утробой Бандита, который черпал оттуда сведения для своих поисков. Мы допустили ошибку, хотя и вполне объяснимую, стерев эту часть нашей памяти. Подчистка, по всей вероятности, произошла потому, что все это дело действительно представлялось удовлетворительно завершенным, а сознательное воскрешение в памяти связанного с насилием эпизода было нежелательным явлением для моих заботливо воспитанных потомков. Следовательно, эта ошибка была допущена мной по моей доверенности, как угодно. Значит, я должен проявлять понимание и сочувствие, черт возьми!

Я отправил Бандита отыскивать для меня жизнеописание Гленды, а также самую свежую информацию о ее последних передвижениях. Еще я начал поиски сведений о Хинкли, Лэндже, Дэйвисе и Серафисе в области статистики смертности, чтобы выяснить, не сообщено ли уже о кончине кого-нибудь из них.

Потом заверещал клаксон, и в кровь мою хлынул адреналин и я мгновенно оказался на ногах.

Я испытал разочарование, когда увидел, что это всего лишь Винкель, прибывший с гробом. Телеразвертка показала мне всю картинку и указала на неживое состояние содержимого гроба, то есть следовало полагать, что в нем находились останки Лэнджа. Мое разочарование вызвало у меня усмешку. Я должен был радоваться тому, что хотя бы Винкель, из всех нас, успешно справился с возложенным на него делом. Вместо этого я был слегка раздосадован тем, что не мистер Блэк появился, чтобы совершить очередную попытку. Скоро ему предстоит узнать, что мне не свойственны некие приступы малодушия, присущие моим собратьям. Кроме всего прочего, эти две булавки олицетворяли собой более чем вековые запреты. До сих пор ему доводилось стрелять только по мишеням, по глиняным голубкам. Пришла пора ему повстречаться с разъяренной, кровососущей летучей мышью. Я только надеялся, что, прежде чем все будет кончено, у меня будет время сообщить ему, что это был Винтон опять.

Я отключил клаксон и включил переговорное устройство.

«Хорошо смотришься, Винкель, — сказал я. — Я подойду через минуту и помогу. Я в Компе».

«Кэраб, — сказал, глядя на экран, этот более симпатичный тридцатилетний вариант меня самого. — Я беспокоился. Когда не произошло слияние...»

«Успокойся. Положение улучшается».

Я отключил экран и переговорное устройство, открыл ящик, достал небольшой пистолет, проверил его, зарядил, запихнул в карман. Зачем, трудно сказать. По-моему, это старые привычки сказывались, ведь дело было, конечно, не в том, что я не мог доверять никому, даже, меня позабавила эта мысль, собственной персоне.

Дверь изнутри открывалась без проволочек, и я вышел, почувствовав легкие угрызения совести из-за того, что ее за собой не запер, настолько укоренилась эта привычная процедура. Как бы там ни было, будь проклят мистер Блэк! Из-за него был заведен весь этот ритуал, после того случая, когда он ухитрился добраться до Крыла, Которого Нет, и лишь случайность остановила его. Насколько проще была бы жизнь, попадись он тогда мне.

Я прошел по коридору, пересек линию обороны у входа и кивнул Винкелю, с напряженным видом стоящему у гроба.

«Ладно, — сказал я, — потащили требуху в Хранилище. У нас дел полно».

Он кивнул в ответ, мы ухватились за ящик и поволокли его.

«Я беспокоился, что ты не доберешься сюда», — сказал он по пути.

«Твои страхи явно оказались беспочвенными».

«Да, — сказал он, и через несколько секунд, когда мы опустили свой груз перед входом в Хранилище и я стал возиться с замком, продолжил: — Похоже, что у тебя пистолет в кармане».

«Да».

«Вроде бы не транквилизаторный. Похоже, это другого типа».

«Точно».

«Для чего он?»

«Подумай об этом с минутку», — сказал я, работая с замковым механизмом.

Я довел дело до включения реле времени, потом выпрямился и показал направо кивком головы.

«Пошли в Комп. Мне нужно выяснить кое-что, пока мы ждем».

Он последовал за мной, но резко остановился, когда мы приблизились к двери.

«Она не заперта!» — сказал он.

«Верно. Время сейчас более чем просто немаловажно», — ответил я, распахивая ее.

Он прошел за мной внутрь, не вымолвив ни слова, а я направился к Бандиту, чтобы узнать, каковы результаты моих запросов. Как я и

подозревал, мистер Блэк неплохо маскировался. На него пока еще ничего не было. Конечно, Бандит продолжит свои розыски, углубляясь все дальше и дальше в поисках следов этого человека.

Ни одна из наших смертей еще не была зарегистрирована. Возможно, квартира Хинкли была в таком состоянии, что они еще не разобрались, кто там вообще находился. И было, в общем-то, рановато ожидать поступления каких-либо сведений об Энджеле, даже если предположить, что тело уже обнаружено, чего могло и не произойти.

...Уж конечно нет, пришел я к выводу, как только стал просматривать данные на Гленду. Мистер Блэк сообщать не будет, и чем больше я узнавал нового о Гленде, тем менее предсказуемой она мне казалась.

«У тебя были какие-нибудь трудности с доставкой сюда тела Лэнджа?» — поинтересовался я.

«Нет, никаких. Никто не повстречался...»

Опять клаксон подал голос. Я снова включил экран и увидел Дженкинса.

Я вырубил клаксон, включил переговорник и сказал:

«Привет. Мы с Винкелем в комнате Компа. Давай сюда. Не споткнись об Лэнджа».

Я отключил связь, прежде чем он успел ответить, этот еще один нервный молодой человек нашего роста и телосложения.

Я почувствовал взгляд Винкеля и повернулся к нему.

«Ты изменился, — сказал он. — Ужасно. Я не понимаю, что произошло, что происходит? Почему ты не провел слияния с нами после того, как добрался сюда? Почему бы этого не сделать сейчас?»

«Терпение, — сказал я. — Именно сейчас время — это очень дорогой продукт, и я должен расходовать его бережно. Я объясню все и довольно скоро. Доверяй мне».

Он слабо улыбнулся и кивнул.

«Значит, ты действительно знаешь, что делать?»

Я кивнул в ответ.

«Я знаю, что делать».

Спустя несколько секунд объявился Дженкинс. Он тяжело дышал, лицо его раскраснелось.

«Что происходит? — завопил он, и, судя по голосу, это была не просто легкая истерика. — Что происходит?»

Винкель подошел к нему, схватил за плечо и сказал:

«Полегче, полегче. Кэраб все объяснит. Он знает, как с этим справиться».

Дженкинс было напрягся, потом вроде немного обмяк. Он повернул голову и уставился на меня.

«Я надеюсь на это, право, надеюсь, что это так», — сказал он, начиная овладевать голосом и говоря уже спокойнее, медленнее.

«Быть может, ты начнешь с того, что объяснишь мне, что же произошло с Крылом 5?»

«Что это значит? — спросил я. — Что с ним могло произойти?»

«Его нет», — сказал он.

Глава 7

Значит, ее отцом был Кендэлл Глинн, несчастный ублюдок. Интересно, а кроме того печально, странно и неприятно. Последнее объяснялось и тем, что я не склонен был верить в совпадения, и тем, что внезапно мне стало стыдно за то, как вел себя Лэндж. Забавно, ему стыдно не было. Он питал отвращение к насилию, и ему казалось, что в данной ситуации он действует самым пристойным образом, тогда как я просто дождался бы благоприятного момента и пристрелил бы этого парня. Не о том речь, что за это мне не стало бы стыдно, но это было бы иное чувство стыда, не такое паскудное, по моему разумению.

Я размышлял о нем, работая с замком на дверях Склада. Дженкинс и Винкель находились в другом конце коридора, в Хранилище, упаковывали в лед тело Лэнджа. Видимо, это было именно то, что требовалось: не просто занять их чем-то в ожидании Джина, когда я, в качестве альтернативы слиянию, смогу обратиться к ним ко всем сразу, но еще и заставить их прикоснуться к мертвой реальности. Может, это несколько облегчит для них восприятие того, что должно быть сделано.

Это случилось лет шестнадцать тому назад, значит Гленда была слишком мала, чтобы хорошо помнить. Хотя, конечно, она об этом знала и слишком много и недостаточно. Я (мы) связующее звено тогда находилось в окоченевшей теперь фигуре Лэнджа, и Кендэлла Глинна необходимо было остановить. Он высказывал свои идеи достаточно громко для того, чтобы я в течение нескольких лет настороженно к ним прислушивался. Я бы так не беспокоился, будь он человеком иного масштаба. Но Глинн был не просто выдающийся инженер. Он был одним из тех ученых-творцов, что появляются раз в несколько столетий, чтобы подтвердить обоснованность существования этого затертого понятия «гений». Его коллеги уважали его, завидовали ему, восхищались им; его имя было известно обывателю на ленточной дорожке столь же хорошо, как и человеку в лаборатории. Хотя, когда он женился и стал отцом Гленды, ему уже было далеко за сорок, в нем не ощущалось ничего такого уж мизантропного, как это часто случается с блестяще одаренными людьми, которые первые лет тридцать проводят во взаимных недоразумениях с окружающим миром. Для человека, стремящегося покончить с большинством основополагающих общественных традиций и наполнить старую тележку новой поклажей, он был совсем не воинственным, а скорее привлекательным. Он был последним настоящим революционером, которого я знал, и я уважал его. Впрочем, мне, как Лэнджу, он в основном внушал опасения.

Когда мне стало известно, что дело уже не ограничивается разговорами, что он действительно готовится предстать перед Советом и, по всей вероятности, заручился поддержкой некоторых членов Совета, достаточной для того, чтобы его просьба о начале осуществления проекта была поставлена на голосование, я нанес ему визит в своем обличье Джесса Боргена, старейшего члена Академии Наук. Я хорошо помню тот день и то тело,

потому что моя простота доставляла мне немало беспокойства и мне пришлось несколько раз останавливаться по дороге к нему...

Кендэлл не был похож на изможденного наукой ученого. Невысокого роста, коренастый, довольно грубые черты лица, густая шапка черных волос и только на висках легкая седина. Больше всего поражали его глаза; корректирующие линзы делали их огромными, в особенности левый, и создавалось впечатление, что они видят почти все сразу, и насквозь. В том положении, в каком оказался я, это как-то действовало на нервы. В общем, не только по связанному с урологией поводу мне пришлось, уже через несколько минут после начала беседы, извиниться и покинуть ненадолго это нагромождение глобусов, звездных карт, рабочих столиков, чертежных досок, модулей-макетов по привнесению экологических изменений и установки компьютерного доступа. Это было вызвано тем, что я понял: вот человек, у которого это может получиться, то, о чем временами лишь бормотали другие.

«Но восемнадцать миров Дома и так весьма сходны с Землей, — говорил он, — иначе мы бы не расположили Крылья на них», — в ответ на мое: «Но окружающая среда каждого из них является единственной в своем роде».

«И вы хотите вышвырнуть людей в них, хотя они не готовы?»

«Люди или миры?» — и он улыбнулся.

«И те и другие».

«Да, — сказал он. — Они могут жить в модулях, занимаясь формированием окружающей среды в нужном направлении».

«Допустим на секунду, что изменение окружающей среды внешних миров пойдет нам на пользу, но зачем связываться с промежуточной стадией? Почему бы не сделать это из самого Дома, и когда все будет готово, желающие смогут отправиться туда и воспользоваться этим?»

«Нет, — сказал он. — Боюсь...» — и голос его стал очень тихим, и он смотрел уже не на меня, а на шеренгу глобусов на столе справа от него. — «Я рассматриваю Дом, как эволюционный тупик для всего рода человеческого, — продолжал он. — Мы создали стационарную, негибкую среду обитания, человек должен либо приспосабливаться к ней, либо вымирать. Являясь существом выносливым и адаптирующимся, он не вымер. Он сильно изменился всего лишь за несколько столетий».

«Да, он здорово пообтесался, сделался более разумным, более управляемым существом».

«Мне совсем не нравится это последнее прилагательное».

«Я имел в виду — самоуправляемым».

Он издал странный звук, то ли фыркнул, то ли хмыкнул, и я, извинившись, отправился в его туалетную комнату.

Мы проговорили почти два часа, предмет разногласий заключался именно в этом. Я не сомневался в реальной осуществимости его предложений. Я был уверен, что все обсуждаемые миры можно и в самом деле сделать пригодными для обитания человека. Я также имел достаточные

основания предполагать, что разные системы жизнеобеспечения, разработанные им для тех планет, на которых они понадобятся, обеспечат должную защиту своих обитателей, пока будет идти процесс создания необходимых внешних условий. Я также не сомневался, что другой дорогой для него проект, новая программа космических исследований в кораблях, летающих со скоростью, превышающей световую, приведет к открытию новых миров, некоторые из которых могут оказаться вполне подходящими для человека. Будут ли эти программы осуществляться одновременно, как того хотелось ему, или частично, в любой их части, уже не имело для меня значения.

Заключавшаяся в этом угроза Дому — вот что действительно тревожило меня. Я не боялся того, что был Вон Там, но скорее того, как сама доступность этого Вон Там скажется на том, что было Вот Здесь. Ясно, что его программы находились в противоречии с моими собственными.

«Что вы, собственно, имеете против Дома?» — спросил я его полушутя и между прочим.

«Он уже преуспел в том, что довел большую часть того, что осталось от рода человеческого, — сказал он, — до такого состояния, когда на уровне реагирования люди ведут себя как стадо коров. Когда-нибудь придет бык, и именно в таком состоянии он застанет нас».

«Я должен против этого возразить, — сказал я. — Дом — это первое место в истории человеческого рода, где людям удается сосуществовать в мире. Они наконец учатся сотрудничать, а не состязаться. Я вижу в этом силу, а не слабость».

Глаза его сузились, и он воззрился на меня так, словно впервые увидел.

«Нет, — сказал он немного погодя. — Их лупят по головам, если они не сотрудничают. У них отбиты мозги, они накачаны лекарствами и подвергаются лечению, подгоняющему их под противоестественный стандарт, если они не миролюбивы в рамках этого стандарта. Они превратились в хорошо запрограммированных клаустрофилов. Но приучаясь к совместной жизни в Доме и к тому, чтобы такая жизнь нравилась, я боюсь, мы жертвуем своей способностью существовать где-либо еще. Дом не может продолжаться вечно. Его конец может также стать концом для всего человечества».

«Нелепость!» — сказал я.

Я мог бы поспорить насчет прочности Дома. Я мог бы возразить, что рассеивание рода человеческого по восемнадцати мирам само по себе является довольно убедительным доводом в пользу его долговечности. Но оба этих аргумента были бы тщетными. Подлинная суть моих с ним разногласий заключалась в истолковании того, что Дом делает для людей. Однако я не мог вступать в откровенный спор, не объясняя своего участия в событиях и не давая ему представления о своем общем плане. Поэтому я вернулся к своей роли представителя официальных структур и сказал: «Нелепость!»

С улыбочкой, изображенной в основном верхней губой, так что получилось злобная гримаса, он подхватил мое замечание и кивнул.

«Да, полагаю, что так, — сказал он. — Нелепо, что дело могло дойти до такой стадии, как это получилось. Было бы несколько более обнадеживающим в отношении нормальности психического состояния человечества, если бы существовала какая-нибудь убедительная дьявольская теория истории, если бы можно было указать на какую-нибудь группу людей, или на отдельного человека, как на организатора этого безумия».

Он вздохнул: «Тем не менее я надеюсь, что мы сможем научиться извлекать уроки из своих ошибок, со временем».

При этом я почувствовал себя неловко и сумел свести разговор к подробному обсуждению нескольких его систем жизнеобеспечения. К несчастью, все они были очень хорошо разработаны. Я был полон решимости спасти, в конце концов, хотя бы их.

Если бы только я мог высмотреть какие-нибудь технические недостатки в его работе или какой-либо серьезный пробел в его концепциях... Но нет. Он поработал слишком основательно. Он был просто слишком хорош как специалист. В противном случае, я бы сумел дискредитировать его на этих основаниях, сумел бы остановить проект таким образом. Если бы только...

Его работа была достаточно интересной, и это вызывало во мне беспокойство. Я уже сколачивал оппозицию из консерваторов в Совете и в Академии, но я отнюдь не был так уж уверен в том, что смогу нанести ему сокрушительное поражение, а чтобы это все началось снова мне на беду, понадобилась бы хорошая трепка.

Поэтому, решил Лэндж, мое воплощение, нападать можно не только на идеи человека.

Проведенное Бандитом исчерпывающее расследование не подбросило никаких сочных фактов из жизни этого человека, ничего такого, чем удалось бы воспользоваться. Ничего, ни острого, ни тупого. Я не смог найти для себя оружия в его прошлом.

Я поморщился, перебирая мысли моего прошлого «я», его решения, его действия. Определенно, за несколько поколений я сильно изменился.

В течение следующей недели мы взяли пять девочек, живших с ним по соседству, в возрасте от пяти до семи лет, используя подходящие моменты в течение их будничных распорядков дня, когда это никем не могло быть замечено. Их подвергли гипнозу и показали им кино о Кендэлле, одновременно внушая им мысли о том, чем он занимался и что делал за последние несколько месяцев. Решено было, что над двумя девочками действительно надругались, и Серафис путем хирургического вмешательства удалил им девственную плеву и спровоцировал незначительные вагинальные заражения посторонними микроорганизмами. Одной предстояло выступить с разоблачением, с обвинением, другая должна была повторить их, а остальным оставалось только рассказывать истории о грязном старикашке,

с карманами, полными сладостей. Конечно, потом о девочках позаботятся соответствующие медицинские инстанции и их заставят позабыть про все то, что, как им кажется, действительно произошло. Вот так успокаивали мы свою коллективную совесть.

Все вышло именно так, как мы хотели. Как только появились об этом сообщения, Кендэлл был погублен, проект был погублен и, по ассоциации, звезды стали еще более неприличным словом. Когда его отправили на промывание мозгов, все было, безусловно, кончено.

Я помнил об его отвращении к методам медицинского корректирования, но нам никогда не приходило в голову, что он может оказаться подлинным, склонным к насилию психопатом, по определению Лэнджа, это был атавизм чистой воды. Мне думается, нам следовало бы припомнить его ответ на наш небрежный вопрос, заданный, когда мы в последний раз направлялись в его туалетную комнату:

«Что вы сделаете, если проиграете, и по крупному?» Он уставился вниз на свои комнатные туфли, несколько раз сжал и разжал в них пальцы ног, потом сказал:

«Все будет кончено для нас, если это не получится». — Вот и все.

Через четыре недели он повесился в своей квартире в Госпитале. Должно быть, Гленде тогда было лет пять или шесть.

Хотя мы отвергали насилие, мы не чувствовали за собой особой вины. Мы склонны были относиться к происшедшему, как к одной из тех несчастливых, непредвиденных случайностей, что иногда происходят, когда вы просто делаете свое дело. Кроме того, тогда мы просто были не в состоянии вообразить себе саму возможность какой-либо связи между Кендэллом и мистером Блэком. В мое время Блэк считался мертвым, и, когда Старый Лэндж пожертвовал мной, воспоминания об этом человеке были должным образом стерты. Однако теперь, когда я вернулся, весь этот случай с Кендэллом Гленном приобрел иной, более зловещий характер. Впрочем, в отличие от своих предшественников, я чувствовал себя паршиво из-за того, как все было проделано. Я понял, что существует долг чести в отношении Гленды.

Я размышлял об этом, пока реле времени отсчитывало секунды до открытия замка, а останки Лэнджа упаковывались в холодильник. Об этом, и еще о многом другом. Конечно, я намеревался отправиться за Глендой. Она что-то знала, может быть, очень важное, о чем хотела рассказать мне. Впрочем, если бы и не знала, я бы пошел, потому что она просила меня об этом и потому, что была очень большая вероятность того, что она в опасности.

Когда своды наконец распахнулись, я вошел и набрал там разные вещи, которые могли мне понадобиться. Я утащил это все в небольшую комнатку, оставив и эту дверь незапертой за собой.

«Библиотека! Ячейка 18237!» — повторяла Гленда. Она не упомянула в каком Крыле, следовательно, она имела в виду Библиотеку, Ячейку 18237 того Крыла, которое мы тогда занимали.

...Крыло 5, и Бандит уже подтвердил новости о нем, что принес Дженкинс. Совсем недавно перестали вдруг функционировать туннели и прекратилась всякая связь. Все это выглядело так, словно Крыло 5 внезапно перестало существовать.

Сложив свой груз, я вернулся в Комп, где еще раз обратился к Бандиту. Он повторил уже полученный мной отчет, новостей не было. Однако проверка моей частной системы туннельного прохода в Крыло 5 показала, что все линии действуют. Этого я и ожидал. Их энергоисточник для моего пользования находился здесь, не там. И было у меня странное чувство, что, даже будь он не здесь, они, быть может, все равно бы работали. Казалось, что вырисовывается некая картина, и я в ней участвую.

Довольно скоро вернулись Винкель и Дженкинс.

«Все улажено?» — спросил я.

«Да, — ответил Винкель. — Слушай, мы имеем право знать, что происходит...»

«Безусловно, — сказал я. — Вы узнаете».

«Когда?»

«Мы еще немного подождем и посмотрим, появится ли Джин».

«Почему бы не провести слияние с ним и не выяснить?»

«Об этом я тоже скажу».

Я повернулся и направился к двери.

«Что нам надо делать сейчас?» — спросил меня Дженкинс.

«Думаю, что вам следует подождать Джина здесь и выключить клаксон, когда он прибудет».

«Почему бы не выключить его сейчас?»

Я вернулся к пульту управления и переключил нашу систему обороны с ручного управления на автоматическое. Еще я вытащил пистолет из кармана и положил его перед собой.

«Потому что может случиться так, что придет кто-нибудь еще», — сказал я, включая экран и переговорник.

«Кто?» — спросил Дженкинс.

«Об этом я вам тоже скажу чуть погодя».

«Что делать нам, если это окажется кто-нибудь еще?»

«Если оборудование не справится с ним, придется вам постараться».

«Даже если это придется делать, воспользовавшись этим пистолетом?»

«Даже если это придется делать, воспользовавшись собственными зубами и ногтями. Я пошел к себе в комнату. Мне надо кое-что подготовить».

Когда я уже шел по коридору, до меня еще доносились их голоса, но я не мог разобрать, что они говорят. Ну и ладно, решил я.

Я вошел в комнату, пересек ее и включил окно. Температура слегка понизилась, луна прошла заметный путь, сместив узоры теней. Света в развалинах видно не было. Я поглядел с минуту в ту сторону, все еще недоумевая по поводу его появления, потом занялся теми вещами, которые я принес сюда.

Раздевшись до нижнего белья, я надел легкую кольчугу, защищавшую меня от паха до шеи. Потом я натянул длинные черные штаны, потому что хотел прикрепить к внутренней стороне своей левой икры кое-что взрывчатое. Крупнокалиберный револьвер в кобуре на поясе прикрыла белая рубашка с короткими рукавами. Когда я прикреплял к своему левому предплечью стилет, что-то за окном встревожило меня. Движение?

Я закурил сигарету и провел несколько минут, глядя в окно.

Вспышка. Да. Опять. Раз, два...

Мои наблюдения были прерваны звуком клаксона. Я немедленно выскочил из кабинета и устремился вниз по коридору. Не успел я пробежать двадцать футов, как он замолк, поэтому я перешел на шаг. Я прошел достаточно далеко, чтобы можно было разглядеть Джина, самого молодого среди нас, и тогда я помахал ему рукой и повернул назад.

«Подожди!» — донесся до меня его зов, потом, судя по звукам шагов, он побежал за мной.

«Мы встретимся через несколько минут, — крикнул я в ответ. — Ступай в комнату Компа. Там Дженкинс и Винкель».

Бег продолжался, и я решил: да ну его к черту. Я уже сообщил ему, куда направляюсь, и не собирался стоять там и оправдываться.

Он догнал меня у самого входа в комнату. Впрочем, что бы он там ни хотел сказать, было забыто, как только мы вместе повернулись и были ослеплены вспышкой света. Он схватил меня за руку, и мы на мгновение застыли на месте.

Потом я шагнул в комнату, он отпустил мою руку и последовал за мной. Мы подошли к окну и встали перед ним, щурясь от света. Да, свет шел из руин, все верно.

Я услышал, как за нашими спинами издал какой-то звук Винкель, вроде как «Что..?». Потом свет исчез, и все там за окном стало таким же, как было раньше.

Я затемнил окно. Я направился к ближайшему стулу, рядом с которым стоял раньше, и оказался там как раз в тот момент, когда в комнату ворвался Дженкинс.

«Что происходит?» — поинтересовался он, вглядываясь в наши лица.

«Ничего, — сказал я, надевая светло-серую куртку, — уже».

Я сунул в свой левый боковой карман еще пригоршню патронов и две газовые гранаты. В правом поместились три маленькие осколочные бомбы.

«Мы возвращаемся в Комп, сейчас же, — объявил я. — Кто-нибудь должен постоянно находиться там на посту, пока это все не кончится. Никаких непрощеных гостей там быть не должно».

«А когда-нибудь они там были?» — спросил Дженкинс.

«Да».

«Кто?»

«Расскажу об этом в Компе. Пошли».

Они последовали за мной в коридор. Когда мы шли по нему, Джин спросил:

«Что это был за свет?»

«Не знаю».

«Может быть, это что-нибудь важное?»

«Убежден, что это так».

Мы вошли в Комп, и я пошел подготавливать оборудование туннеля для отправки меня в Крыло 5. Однако, прежде чем я успел подключить схему, подошел Винкель и встал передо мной, уперев руки в бока.

«Ладно, — сказал он. — В чем дело? Почему не было слияния?»

«Потому что, — сказал я, — этот процесс радикально бы изменил вас, а вы нужны мне такими, какие вы есть, пока я не решу, что буду делать со своим собственным состоянием».

«С каким состоянием? Что это значит?»

Я вздохнул, закурил сигарету, обошел его справа и прислонился к пульту управления, лицом к ним.

«Я вытащил булавки, шестую и седьмую», — сказал я.

«Ты что?»

«Ты меня слышал».

Наступила тишина. Я ожидал, что град вопросов посыплется на меня, но они просто смотрели на меня во все глаза.

«Это необходимо было сделать, — сказал я. — Нас убивают направо и налево, без всякой видимой причины, и остановить это невозможно. Обратившись к накопленному поколениями опыту, я надеялся отыскать что-нибудь — информацию, оружие. Мне тоже было страшно».

Винкель опустил глаза и кивнул.

«Я бы сделал то же самое», — сказал он.

«И я», — сказал Джин.

«Полагаю, что и я тоже, — сказал Дженкинс, присоединяясь к попытке подбодрить меня. — Нашел что-нибудь?»

«Да, по-моему, нашел. Но все это довольно сложно, и сейчас у меня есть время только на то, чтобы остановиться на некоторых самых важных моментах».

«Но до этого, — сказал Винкель, — скажи нам вот что: кто ты теперь на самом деле?»

«Тот же, кем был и раньше», — сказал я, чувствуя, что лгу, и еще чувствуя, что им необходимо вновь обрести уверенность в том, что все не рушится прямо на глазах, как карточный домик. Разница только в том, что теперь у меня есть доступ ко всем воспоминаниям старого Лэнджа и Винтона, а еще Джордана, то есть к тем из них, которыми Винтон решил не жертвовать.

Но, я думаю, он заметил что-то и продолжал настаивать.

«Из них всех, кем ты себя больше всего ощущаешь?» — спросил он.

«Самим собой! Черт возьми!» — взорвался я.

В тот момент я чуть было не решил провести слияние, чтобы устранить все поводы для споров и объяснений. Но меня остановила уверенность в том, что это может оказаться неблагоразумным, ибо мне самому,

в конечном итоге, возможно пришлось бы претерпеть какие-было изменения собственной личности. Кроме того, я полагал, судя по выражению лица Винкеля, что на этот раз он, быть может, готов воспротивиться слиянию.

«Определенное влияние было, конечно, — сказал я. — Этого нельзя было избежать. К счастью, оно пошло на пользу в данной ситуации. Впрочем, я, по существу, остался самим собой».

Не похоже, что его удалось убедить, но дальнейшие заверения могли бы, пожалуй, сделать мое заявление еще более сомнительным, поэтому я решил на этом остановиться и перейти к главному.

«Случилось так, что несколько поколений назад о нашем существовании узнал некто, — начал я. — Остается загадкой, как это ему удалось. Но в то время он наглядно показал, что ему известны личности всех членов семьи. Он сделал это в манере, весьма напоминающей ту, что довела нас до той ситуации, в каком мы сейчас находимся. Он попытался прикончить нас всех. Понятно, что успеха ему добиться не удалось, вероятно потому, что в нас еще силен был порыв незамедлительно отвечать ударом на удар. Однако мы не смогли добиться его уничтожения, выздоровления или хотя бы установить его личность. Но троих из нас ему убить удалось, прежде чем мы повысили бдительность и укрепили свои различные системы защиты до такой степени, что еще несколько попыток с его стороны были сорваны, и уже он превратился в преследуемого. В двух случаях мы едва его не поймали, но ему удалось скрыться. Потом он исчез. Нападения прекратились. Шли годы и ничего».

«Хотя мы не забывали о происшедшем, — продолжал я, — отсутствие угрозы способствовало постепенному возвращению определенного чувства безопасности. Может, он умер, думали мы. Или отказался от своей вендетты по причинам столь же непостижимым, как и те, что побудили его начать войну. Куда бы он ни исчез, он, по всей видимости, оставил при себе свою осведомленность в наших делах, ибо никаких намеков на то, что о нашем существовании известно, никогда и ниоткуда не поступало».

«Потом, почти через девять лет, он снова обрушился на нас, и с той же внезапностью. Он все очень хорошо спланировал и скоординировал. В тот раз он убил пятерых из нас. Возможно, он добился бы и больших успехов, если бы Бентон не сумел перед смертью подстрелить его. Несомненно, он получил очень тяжелые ранения, но каким-то образом умудрился исчезнуть, прежде чем мы добрались до места происшествия. Потом опять ничего. Несколько лет. Мы предполагали, что он умер от ран».

«Откуда тебе известно, что это один и тот же человек?» — спросил меня Джин.

«Предположение, — ответил я, — основывающееся, в первую очередь, на том, что нападавший всегда вел себя примерно одинаково. К тому же, по заключительным впечатлениям нескольких его жертв, мы получили общее описание его внешности. А еще мы располагаем другими данными, например, его группа крови...»

«Это тот самый, что застрелил тебя?» — спросил Винкель.

«В свете того, что я теперь знаю, да. Полагаю, что это он и был».

«Кроме тех случаев, о которых ты сейчас рассказал, были еще попытки?»

«Да. Много лет спустя после ухода Джордана, когда связующим звеном был Винтен, он пришел сюда, в Крыло, Которого Нет. Характер его намерений так и остался для нас невыясненным. Понятия не имеем, что бы он сделал, если бы здесь никого не было, как это чаще всего и бывает. Но так случилось, что Винтен оказался здесь, в Компе, если быть точным, когда появился тот. Прозвучал сигнал клаксона, и Винтен засек его на экране. Интересно, что он сумел обойти автоматические системы защиты. Как у него это получилось, остается загадкой. Винтон бросился в коридор и там напал на него, сразу же открыв огонь. Он стал убегать, отстреливаясь, и хотя был ранен, ухитрился перевалиться за решетку и добраться до выхода. Винтон вернулся сюда и проследил за ним, установив, что он отправился в Часовню Крыла 7. Винтон сразу же провел слияние с остальными, и мы попытались перехватить его там. Но сам он обнаружен не был, после него осталось лишь несколько пятен крови».

«Это был последний такой случай, имеется в виду до недавних пор?»

«Да. Старый Лэндж сохранил память об этом, как предостережение. Лэндж стер ее, впрочем, когда связующим звеном, как бесполезное напоминание о насилии. Прошло так много времени, что, казалось, нашего врага вполне можно полагать мертвым».

«Ошибка».

«Очевидно».

«Он не оставил улик?»

«Что-то там, что-то здесь. Все тупиковые. Например, он потерял набор инструментов, когда я... Винтон ранил его. Выяснилось, что этот набор был украден из шкафа ремонтников в Подвале Крыла II. Там след оборвался».

«Никаких отпечатков пальцев, ничего такого на инструментах или на коробке?»

«Ничего. Он всегда, когда требовалось, носил перчатки. Осторожный тип. Мы потратили много времени, проверяя всех тех, кто имел даже самое отдаленное отношение к шкафу ремонтников. И опять ничего. Но характер самих инструментов позволяет предположить кое-что весьма любопытное».

«Что именно?»

«Это были такие инструменты, какими мог воспользоваться человек для работы с замками, что были тогда на наших дверях. Это вам ни о чем не напоминает?»

«Пропавший клон!»

«Точно. Наша огромная, неразгаданная тайна, которой уже более ста лет. Однажды со своей полки исчез клон, и с тех пор его никто никогда больше не видел. Куда? Как? Почему? Нет ответов. Не нужный совершенно никому, кроме семьи. Якобы недосягаемый ни для кого, кроме нас. Исчез. Именно поэтому мы установили на дверях более сложные замки и

создали систему защиты. Мы еще изменили и устройство туннеля. Однако, несмотря на все эти меры предосторожности, кто-то опять добрался до нас и лишь по случайности нам удалось остановить его. Связь представляется несомненной, хотя о том, что им движет, можно только догадываться. Мы преобразовали всю структуру безопасности, получив то, что имеем сегодня. Прошли годы, и мы снова расслабились. В конце концов, столько времени пролетело, что мы позволили себе постепенно позабыть обо всем, кроме пропавшего клона, и почему-то никто не почувствовал себя вполне готовым стереть из памяти это тягостное воспоминание. Я чувствую, что наш мистер Блэк имеет ко всему этому отношение».

«Поэтому, — заключил я, — я хочу, чтобы за этим пультом постоянно находился человек, наблюдающий за станцией прибытия. И если к нам пожалует непрошеный гость и сумеет преодолеть автоматическую систему защиты, вы должны быть готовы немедленно перейти на ручной режим работы. Кроме того, я хочу, чтобы вы обзавелись чем-нибудь посолиднее транквилизирующих пистолетов и носили это с собой до тех пор, пока все не уладится».

Их смущенные, озадаченные, раздраженные лица повернулись направо.

«Что именно нам предлагается делать с мистером Блэком?» — спросил Винкель.

«Ну, я бы предпочел, чтобы содержимое его головы осталось неповрежденным, — сказал я ему. — Но если случится так, что оно окажется на пути у пули, то и это тоже неплохо».

Я подошел к пульту и проложил себе курс в Крыло 5.

«Ты нам еще не все рассказал, не так ли?» — настаивал Винкель.

«Лишь самое важное. Время дорого. Впрочем, ты следующий в очереди за связующим звеном. Если со мной что-нибудь случится, то ты будешь знать больше, чем я сейчас. В этом одно из преимуществ последовательного бессмертия».

«Я, может, не захочу получить все это».

«...ты и не должен будешь это хранить. В этом одно из преимуществ частичного самоубийства».

Я повернулся и пошел к двери.

«Ты собираешься привести его сюда на допрос?»

Я остановился и покачал головой.

«У меня более скромная цель, — сказал я. — Я просто хочу убить этого сукиного сына».

Через минуту я был в темном укромном месте в Крыле 5.

Глава 8

Я осторожно выглянул, но никого, кажется, поблизости не было. Прекрасно. Я закрыл за собой черную дверь и быстро пошел прочь.

Что-то было не так, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы разобраться в своих впечатлениях.

Тишина, вот в чем дело. Стояла жуткая тишина, и лишь отзвуки моих шагов раздавались в ней. Исчез привычный звуковой фон, не было слышно шума и гула машин, стихли даже ленточные дорожки. Воздух казался намного более теплым, чем обычно, и не было в нем ни малейшего дуновения. Здесь было гораздо сумеречнее, чем всегда, хотя я мог разглядеть тускло освещенный участок далеко справа от меня.

Я подавил в себе любопытство по поводу источника этого света и продолжал идти в избранном мной направлении. В этой стороне находился ближайший переходник, символ застывшего порыва, башня, уходящая корнями в хитросплетения нарушенных принципов и исчезающая в бесконечности. Я опасался, что мне придется пройти по ее спирали.

Не поджидает ли меня где-нибудь по дороге мистер Блэк, подумалось мне, возможно, зная, как мы пользуемся черными дверями, зная, что я приду в Крыло 5.

Было ли это безумной крайностью, на которую он пошел в своем стремлении уничтожить нас, или отвлекающим маневром? Было ли это частью давно продуманного плана, а наше устранение — лишь одним из второстепенных условий его осуществления?

В любом случае, теперь это не имело особого значения. Я настолько приготовился ко всему, насколько это было возможно при данных обстоятельствах.

Я пробирался сквозь затемнение. Чем оно было вызвано, аварией в подвале или тем, что энергия была направлена куда-то в другое место в связи с какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами?

А что Гленда? Что ей известно? Какую роль она во всем этом играет?

Потом я застыл на месте и схватился за револьвер, наполовину вытащив его из кобуры. Что..?

Аккорд. Потом другой. Злая, напряженно пульсирующая музыка. Агрессивная. Резкое, отрывистое исполнение. Это внезапно ожил орган где-то в глубине слева недалеко от меня. Через несколько секунд я узнал эту музыку, странно звучавшую там, где подобало молиться и благочестиво размышлять: «Проклятие Фауста».

Конечно, я пошел на эти звуки. Существуют условия, при которых следует с почтением относиться к ненормальным явлениям. Неведение — вот одно из них.

Когда я по диагонали приблизился к входу, передо мной предстала странная и живописная картина. За клавиатурой органа восседал какой-то всклокоченный человек в церковном одеянии. Ему светил маленький канделябр, стоявший на инструменте в компании двух бутылок вина.

Я вошел. Он улыбнулся, закрыл глаза и с его лица исчезла улыбка, сменившись выражением такого ужаса, что у него даже отвисла челюсть. Пальцы его сбились, прозвучал заключительный диссонанс, и он, дрожа, тяжело подался вперед.

Несколько секунд я простоял там в нерешительности, не понимая, что должен делать. Однако он сам разрешил мои сомнения, подняв голову и опустив руки от лица. Он уставился на меня, тяжело дыша, потом сказал:

«Не томите меня неизвестностью. Каков приговор?»

«Что вы имеете в виду?» — спросил я.

«Оказана ли мне милость?» — спросил он, сначала опустив глаза к моим ногам, а потом отвернувшись к алтарю.

Я проследил за его взглядом и увидел, что все на алтаре разбросано, а распятие над ним перевернуто.

Я слегка пожал плечами. Итак, местный священник решил переметнуться на другую сторону. Стоило ли терять время на выяснение побудивших его к этому обстоятельств?

Возможно, решил я, так как совсем недавно, без сомнения, произошло что-то, оказавшее столь болезненное воздействие.

«Итак?» — спросил он.

«За кого ты принимаешь меня?»

Он лукаво улыбнулся и склонил голову.

«Я видел, откуда ты пришел, — сказал он. — Сделав свое подношение, я стал следить за черной дверью. Когда появился ты, я заиграл подобающую музыку».

«Понимаю. И чего ты хочешь этим добиться?»

«Ты услышал меня, ты пришел. Ты знаешь, что я получу».

«Не испытывай мое терпение! — разозлился я. — Я хочу слышать, как ты это говоришь. Сейчас же!»

Его глаза расширились, он бросился ниц и распростерся передо мной.

«Я не хотел обидеть тебя! — воскликнул он. — Я лишь пытаюсь угодить тебе!»

«Чем вызвано это внезапное осознание того, что является самым подобающим и пристойным?»

«Когда это случилось и люди стали приходить ко мне с рассказами об этом ужасе... Я служил молебны. Люди все шли. Наконец мне было дозволено взглянуть. До того, как погас свет. До приказа об эвакуации. Я увидел, что мы оставлены. Я понял, что мы отданы на уничтожение, и я подумал: «Поклонись маммоне неправедности, стань другом ее друзей, и, когда это случится, они примут тебя в свою вечную обитель».

«Почему ты решил, что вы оставлены?»

«За нашу самонадеянность, за нашу злобу, за наши тайные страсти...»

«Я спрашиваю, что произошло?»

Он поднял голову и взглянул на меня.

«Ты спрашиваешь о взрывах и об остальном?»

«Да. И встань с пола».

Он с трудом поднялся на ноги и попятился. Когда он наткнулся на скамью, я кивнул и сказал:

«Садись».

Он сел.

«Взрывы, это было лишь несколько часов назад, — сказал он, — когда они пробили стену, они показали нам звезды... О, Боже!» — Тут он смешно испугался, потом добавил: «Извини».

«На каком уровне?»

«Жилой Комнаты», — сказал он, поглядывая на свою бутылку, стоявшую на органе.

Я перевел дух. Хорошо. Это было на четыре уровня ниже, а Библиотека находилась ниже меня на два. Пробить стену насквозь... Какая же для этого нужна была взрывчатка...

«Что произошло после взрыва?» — спросил я.

«Все бросились удирать, — сказал он. — Потом, когда каждый понял, что произошло, все бросились назад, чтобы посмотреть, — он облизал губы, опять взглянул на бутылку. — Потом опять все бросились удирать», — закончил он.

«Не стесняйся и выпей немного», — сжалился я.

Он схватил бутылку, поднес ее к губам и запрокинул голову. Я смотрел, как у него под воротником дергается кадык.

Крыло 5. По крайней мере он выбрал довольно сносную планету для своей катастрофы; здешним воздухом можно было дышать, хотя в нем было что-то вызывающее раздражение, а температура была терпимой по ночам.

«И ты сходил и посмотрел?» — спросил я.

Он опустил бутылку, кивнул и закашлялся. Потом, через несколько мгновений, он указал на алтарь.

«Я видел вечность, — сказал он. — Небо просто нигде и никогда не кончается. И я видел огни в небесах. Я чувствовал запах испарений из Преисподней. Люди кричали и падали без чувств. Другие проталкивались вперед. Некоторые бежали. Некоторые вошли туда и сгинули, думаю я. Наконец они отогнали нас назад и прогнали с того уровня. Возможно, сейчас они уже это закрыли. Множество людей пришло в Храм. Повсюду идут службы. Я сам отслужил три. И чувствовал себя все более странно. Я знал, что наступил Судный День. Я знал, что мы все недостойны. Это конец. Дом рушится, и небеса разверзлись. Человек — это ничтожное, никчемное существо. Я понял это, когда узрел вечность». — Он замолчал, чтобы сделать еще глоток, потом продолжал: — «После своей последней службы я понял, что не могу продолжать молиться об избавлении от того, что, я знаю, мы заслужили. Лучше принять это, решил я. И я пришел сюда, куда никто не ходит. Все остальные пошли вон туда. — Он жестом показал в направлении освещенного участка, там, конечно, горели свечи. — Здесь я сделал то, что считал самым подобающим, — заключил он. — Возьми меня, господин», — и он икнул.

«Я не тот, кого ты призывал», — сказал я и повернулся, чтобы уйти.

«Нет!» — услышал я его крик; и я услышал звук упавшей бутылки, и я услышал, как он ругается, пытаясь ее поймать. «Потом, я видел, откуда ты пришел! — завизжал он. — Ты пришел сквозь черную дверь!»

«Ты ошибаешься», — спокойно сказал я.

«Нет! Я знаю, что я видел! Кто ты?»

Его состояние, возможно, сильнее повлияло на мою склонность к философским размышлениям, чем я это осознавал, потому что я и в самом деле задумался на секунду над его вопросом и честно на него ответил.

«Я, право, не знаю», — сказал я, уходя.

«Лжец! — выкрикнул он. — Отец Лжи!»

Потом он заплакал.

«Так вот он — Ад...» — услышал я, удаляясь, его слова.

Я быстро уходил, прикидывая, как могли бы повести себя все прочие. Меня интересовало, мог ли этот случай оказаться типичным. Я думал, что нет. Надеялся, что нет. Это отклонение от нормы, только и всего. Совсем в другом направлении вели мы их.

Я шел беглым шагом вдоль неподвижной ленточной дорожки, тянувшейся к переходнику. По пути мне попадались небольшие группки людей, пробиравшихся сквозь сумрак в обе стороны. Весь свет, что там был, исходил от обеспеченных собственными источниками питания вывесок и электроприборов, от освещенных свечами участков Часовни, светящихся предупредительных знаков и фонариков в руках у прохожих. В течение следующих пяти или десяти минут я миновал две медленные процессии, где каждый держал горящую свечу. Я не заметил никого, кто бы не входил в какую-нибудь группу.

Я снова задумался о потере электроэнергии, при подобной аварии едва ли возникала необходимость в таких мерах, для осуществления которых потребовалась бы почти вся вырабатываемая, даже для одного уровня, электроэнергия. Нет. Не вызывало сомнений, что кто-то, в тот же самый момент, немного похозяйничал в Подвале. Что скорее указывало не на коллективный труд, а на бомбу замедленного действия, ибо Блэк всегда производил на меня впечатление человека, действующего исключительно в одиночку. Расчет времени — вот что было наиболее важным. Нападение на семью, дыра в стене, потеря электроэнергии. Я чувствовал, что в этом был план, хотя и не мог его понять. Вполне вероятно, что мне это не суждено. Возможно, мне придется прикончить его раньше, чем он мне расскажет. Альтернативный вариант тоже не оставлял надежды на то, что нам удастся обогатить наши знания. Какая жалость. Такая проделана работа по планированию, расчету времени и согласованию действий, а ее успех повлечет за собой уничтожение именно тех, кто способен воздать вам должное. Весьма печально, как бы вы к этому не относились в любом случае.

Довольно скоро я добрался до переходника и вошел внутрь. Там было темно и тихо. Я стал спускаться по его спирали. Я проскочил следующий уровень — Спальню, потому что мне было хорошо видно, что там творится, благодаря нескольким пожарам, один из которых полыхал совсем близко. Люди метались по своим помещениям, и сперва мне показалось, что они либо в панике, либо потеряли рассудок, и сами все это устроили. Но нет. Большинство из них боролось с огнем, затаптывая языки пламени

или заливая их водой. По всей видимости, что-то стряслось с противопожарной системой. Там уже находились пять пожарных машин, а другие были на подходе, приближаясь и по воздуху и по земле. Над ними в самых разных положениях нависли застывшие стрелы кранов.

Когда я добрался до своего места назначения, до следующего уровня, то меня порадовало видимое отсутствие каких-либо происходящих разрушений. Подо мной мелькало множество маленьких огоньков. Вероятно, это были ручные фонарики. Я был счастлив, что мистер Блэк, кажется, не позволил себе удовольствия устроить поджог еще и в Библиотеке.

Видно было, что внизу в переходник кое-кто входит, но пока мне никто не попался навстречу. Это означало, что все они отправляются вниз, в направлении поврежденной Жилой Комнаты. С какой целью, хотелось бы мне знать.

Покопавшись в своей памяти, я вспомнил, что примерно в четверти мили отсюда в направлении дальней стены должна располагаться стоянка летательных аппаратов аварийной службы. Я принял решение присвоить что-нибудь пригодное для полета, потому что тот номер, что мне дала Гленда, находился довольно далеко.

Когда я спустился до уровня пола, мне пришлось постоять в сторонке, пропуская людей, пробегающих мимо меня и устремляющихся вниз по спирали. Они возбужденно переговаривались, некоторые очень нервно, и многие тащили с собой какие-то узлы и свертки.

«Куда вы идете?» — спросил я мужчину, остановившегося, чтобы перевести дух.

«Туда», — сказал он.

Я не мог поверить, что он действительно имеет в виду то, о чем говорит.

«Вы хотите сказать — наружу? — спросил я. — Из Дома?»

«Куда же еще? Он разваливается прямо на глазах, этот Дом».

«Но вы не можете... то есть, я имею в виду, там все заделано, там внизу карантин, разве нет?»

Он рассмеялся.

«Послушайся моего совета, пойдем, — сказал он. — Ты даже не можешь себе представить, как там...»

«И как же там?»

«Прекрасно! Но...»

Но он уже побежал дальше и быстро исчез.

Конечно, меня это встревожило. Подслушанные обрывки разговоров подсказывали всевозможные причины этого мелкомасштабного исхода, от ужаса перед неизбежным падением Дома до стремления к приключениям, от нездорового интереса к последствиям катастрофы, религиозного рвения, научной любознательности до самого примитивного любопытства.

Причины причинами, а последствия этого явления будут сказываться еще долго. Не прельщала меня перспектива введения непредсказуемостей в свою замкнутую управляемую систему.

Однако сейчас с этим нельзя было ничего поделать. Я протолкался к выходу и поспешил в сторону площадки летательных аппаратов.

Последние ярдов сто до площадки я пробежал; ворота были распахнуты. Я зажег фонарь, позаимствованный у налетевшего на меня в дверях переходника человека, долго потом ругавшегося мне вслед. Внизу, слева от меня, повис на вытянутых руках, спрыгнул на посадочную площадку.

Завелся он быстро, и через три минуты я был уже в воздухе. Я летел осторожно, довольно близко к потолку, включив на полную яркость свои передние и боковые огни, огибая попадавшиеся по пути краны и колонны. То, что происходило внизу, напоминало негативное фотоизображение летящих на пламя мотыльков; все эти маленькие огоньки, бесшумно двигающиеся к черной башне.

Ячейка 18237. Предстояло пересечь почти всю комнату. Время от времени я опускался ниже, чтобы осветить путевые указатели. Навстречу мне пролетел другой аппарат, но никаких сигналов я от него не получил.

Я выбросил из головы мысли о поведении других людей и сосредоточился на своих собственных делах. Мой враг все продумал тщательно, и я сомневался, что на данном этапе он вдруг угомонится. Я снова подумал о Гленде и о вероятности того, что я приближаюсь к какой-нибудь западне. Она помогала мне раньше, добрый знак, но она была дочерью Кендэлла и этого, по моему разумению, было достаточно для того, чтобы оправдать любые действия, которые ей вздумается против меня предпринять, если она знает о том, какую роль я во всем этом сыграл. Что движет ею и каковы ее намерения? Использует ли ее Блэк? И если да, то как? Хотя я изрядно поломал себе голову, мне не удалось изобрести никакого другого подхода, кроме самого лобового. Просто слишком много неясностей. Любая попытка пойти на какую-нибудь изощренную хитрость могла обернуться против меня самого. Я понимал, что все полученное Блэком успокоительное к этому времени уже выветрилось.

Добравшись до ее участка, я отыскал свободное место рядом с солидным прикрытием, образуемым столами, перегородками и механизмами, приземлил аппарат, выключил его огни и двигатель и высадился. Было темновато, но я до посадки осветил этот участок прожекторами. Людей здесь, кажется, не было видно.

Тем не менее я устремился к прикрытию и начал круговой обход по такому маршруту, который должен был вывести меня к нужной ячейке.

На продвижение к двери 18237 и на ознакомление с окрестностями понадобилось несколько минут. Никаких засад я не обнаружил. Но хотя в окнах соседних квартир мерцал свет горящих свечей, у Гленды было темно.

Я подошел, держа револьвер в руке, постучал его рукояткой в дверь, подождал.

Стоя там, я прикидывал, а не подхватила ли ее волна всеобщей сумятицы, или, быть может, какие-либо иные самые разнообразные обстоятельства могли помешать ей вернуться? Если ее не окажется дома, я решил войти и подождать.

Когда я собрался постучать еще раз, то услышал за дверью шум, и ее отперли и приоткрыли. Там, в тусклом свете, стояла Гленда, быстро переводя взгляд с моего лица на револьвер и обратно.

«Да? — сказала она. — Что вам нужно?»

«Мы недавно весьма поспешно расстались, — сказал я. — Но вы пригласили меня наведаться».

За какую-то долю секунды черты ее лица напряглись и расслабились. Обычным, даже жизнерадостным голосом она сказала:

«Конечно! Входите! Входите!»

Но, говоря это, она подняла правую руку, словно преграждая мне путь. Потом, пока я колебался в недоумении, она бросилась ко мне.

Когда я попятился, пытаясь удержаться на ногах, а она соскользнула на пол, я услышал раздавшийся внутри выстрел. Впрочем, она сумела оттолкнуть меня достаточно далеко в сторону с линии огня. Я сразу же выпустил две пули в дверной проем, просто чтобы показать ему, что не намереваюсь торчать тут, ничего не предпринимая, в ожидании следующего выстрела, одновременно с этим крича Гленде, чтобы она убиралась ко всем чертям из-под огня.

Но уговаривать ее не пришлось, и она быстро и бесшумно исчезла в той стороне, откуда пришел я.

Я бросился на землю, скользнул к стене и прижался к ней, чтобы, не имея представления, где именно внутри он находится, не оставаться мишенью для выстрела из любого окна. Моя прозорливость была вознаграждена, так как следующий выстрел разнес ближайшее ко мне окно вдребезги. Я выхватил одну из моих двух газовых гранат, выдернул чеку и забросил гранату в окно. Через несколько мгновений я отправил за ней вторую.

Прижимаясь к стене, я отполз назад; лучшее, что я мог сделать, чтобы удержать в поле зрения ближайшие окна, а еще дверь и дальнее окно.

Я ждал. Я услышал похожие на негромкие хлопки звуки, и через секунду призрачные, колеблющиеся струйки потянулись из разбитого окна и попрежнему распахнутой двери.

Пока я гадал, что будет дальше, это случилось.

Раздался взрыв, и на меня посыпались обломки стены. Облако пыли и газа поглотило меня. Я изо всех сил пытался удержаться от кашля, глаза мои слезились, все расплывалось передо мной, как в тумане. Я чувствовал себя так, словно меня здорово отдубасили по спине и по бокам. Часто моргая глазами, чтобы прочистить зрение, я выдернул свой револьвер из кучи мусора.

Я едва успел заметить фигуру, перепрыгнувшую через завал сразу же после взрыва. Это произошло примерно в том месте, где только что находилась дверь. Он побежал вправо, и я выстрелил ему вслед. Конечно, я промахнулся, он бежал дальше.

Стряхнув с себя мусор, я сумел подняться на ноги и сразу же бросился за ним. Его еще было видно, и на этот раз я не собирался его упускать.

Добравшись до перегородки, он круто развернулся и выстрелил в меня, потом нырнул за нее, не дожидаясь результатов своего выстрела. Я почувствовал, что мне обожгло левое предплечье, вскинул револьвер и трижды выстрелил сквозь перегородку. Потом я свернул в оказавшуюся поблизости нишу и быстро его перезарядил.

Чтобы выглянуть, я опустился на четвереньки, но мне тут же пришлось убраться назад, заметив, что он стоит, прижимаясь к краю своей перегородки, и целится в мою сторону. Он выстрелил в тот же миг, но слишком высоко и неточно.

Я тоже выстрелил, потом снова спрятался, чтобы приготовить гранату. Когда я ее бросал, он выстрелил еще раз. Но я успел укрыться, выхватил вторую гранату и отправил ее вслед за первой.

Первая взорвалась, когда вторая была еще в воздухе. Еще не прозвучал второй взрыв, а я уже снова сжимал в правой руке револьвер. Я выскочил из-за угла и помчался туда, где раньше находилась перегородка.

Когда я оказался на месте взрыва, там уже никого не было. Я остановился, озираясь по сторонам, и вдалеке, слева от себя, увидел быстро удаляющуюся тень. Я кинулся за ним.

Он пересекал открытый участок, пытаясь добраться до лабиринта узких проходов и читательских кабинок. Я бежал со всей скоростью, на которую был способен, и расстояние между нами сокращалось. Я выстрелил, и он дернулся, оступился, выпрямился и припустился дальше.

Добежав до столба в самом конце этого участка, он метнулся за него, резко повернулся и стал стрелять. Я был перед ним как на ладони, мне негде было укрыться, и я, не останавливаясь, вскинул свой револьвер и начал стрелять в него на бегу.

То, что он не попал в меня при таких обстоятельствах, я могу объяснить только его ранением. Он выпустил по мне все пули, понял, что у него нет времени перезаряжать пистолет, повернулся и, пошатываясь, скрылся в ближайшем проходе. Но и у меня к этому моменту уже кончились патроны, и я не собирался предоставлять ему то время, которое мне бы пришлось упустить, перезаряжая револьвер. Я устремился за ним в проход.

Я видел, как там, впереди, он свернул куда-то влево, в боковой проход или в кабинку, и я замедлил шаги. Хотя было еще слишком темно для того, чтобы можно было полностью полагаться на свое зрение, я все-таки заметил, что уже мерцают, хотя и очень тускло, лампы наверху и, вполне вероятно, что это продолжается уже несколько минут. Скверно, что подача электроэнергии началась так скоро, ведь я хотел добраться до него и разделаться с ним до того, как здесь восстановится какое-либо подобие порядка.

Я запихнул револьвер на место, под рубашку, и сорвал со своего предплечья стилет. Он был влажен и слегка погнут, и я понял, что это в него угодила пуля, изогнув его так, что он порезал меня, вызвав то самое ощущение ожога.

Пригнувшись, я прыгнул за угол, низко опустив нож.

Он бросился на меня. У него было какое-то лезвие, оно тускло блеснуло, приближаясь ко мне, но он держал его неуклюже, и его первый удар, который мне удалось отразить, оказался самым быстрым его движением. Он отвел мой удар своим предплечьем и попытался пырнуть меня в живот. Этому помешала моя кольчуга, и, сделав несколько ложных выпадов, я сумел вонзить ему в брюхо нож по самую рукоятку. Он издал хлопающий звук, дернулся и повалился на меня. Я подхватил его и опустил на пол.

Я зажег свет, чтобы вглядеться в его лицо, дернул его за волосы, и они отделились от головы: на нем был черный парик. Его собственные волосы были седыми. Да, это был тот самый человек, что сидел в инвалидной коляске, что уговорил Лэнлжа заказать ему выпивку, а потом пристрелил его. Мистер Блэк.

А он смотрел на меня и улыбался.

«Джордан?» — спросил он.

«Винтон», — ответил я.

«Близко, близко... Никто из тех, кто был позднее... Эти слюнтяи...»

«Почему? — спросил я. — Почему ты это делал?»

Он покачал головой.

«Узнаешь. Скоро, — сказал он. — О, очень скоро».

«Что?»

Гримаса исказила его лицо, но он опять сумел улыбнуться.

«Я мог бы прикончить тебя ножом, если бы захотел... — сказал он. — Подумай об этом...»

Потом он умер, ухмыляясь мне, и внезапно я понял, что он имел в виду.

Глава 9

Слияние — нет!

Он был стар и когда-то, в свое время, изменил черты своего лица более основательно, чем мы все, и, ощущая его смерть внутри себя самого и пытаясь помешать стремительному воздействию слияния, я понял, что мистер Блэк — это пропавший клон.

Стискивая зубы, сжимая виски руками, я возводил укрепления вокруг своего рассудка. Слияние происходит всегда, когда умирает один из нас, но с разными последствиями. Впрочем, это не имело особого значения, потому что мы все находились друг в друге, а «связующее звено» было лишь термином, употреблявшимся по отношению к самому старшему из нас, автоматически становившемуся главой семьи.

Блэк был, действительно, одним из нас, потому что происходило посмертное слияние. Всю свою жизнь он должен был блокировать обычные слияния каждый раз, когда они происходили. Но все же он оставался пусть незаметным, но участником нашей телепатической связи, и я теперь понимал, чем объяснялись его сверхъестественные возможности, когда дело доходило до выслеживания нас, до охоты на нас.

Проведя всю свою жизнь вдали от нас, он оставался загадочным незнакомцем. Результаты воздействия его личности на нашу могли оказаться катастрофическими. Конечно, они будут различными в каждом отдельном случае. Однако у меня было сильное предчувствие, что он попытается захватить власть.

Я сдержал его натиск. Импульс, рвавшийся в мой рассудок, затих, погас, исчез.

На мгновение Винкель, Джин и Дженкинс могут решить, что это я умер.

Потом будет уже поздно.

Кто из них сломается первым? Интересно. И чем он потом займется?

Проклятие! Я выдернул лезвие из его живота и вытер об его куртку. Наш своенравный братец определенно протянул ноги. Я должен был немедленно возвращаться в Крыло, Которого Нет, чтобы попытаться совладать с готовой разразиться катастрофой. Мной овладело чувство, что я могу и не справиться.

Я опустил стилет во внутренний карман и повернулся. В десяти футах по коридору стояла Гленда, впившись ногтями себе в щеку.

«Он умер, — сказала она. — Правда?»

«Боюсь, что нет», — сказал я, подходя к ней и отводя ее руку от лица. Я не отпустил ее руки, но мягко повернул Гленду в ту сторону, откуда мы пришли.

«Пойдем со мной, — сказал я. — Нам надо будет кое о чем поговорить попозже».

Она не сопротивлялась, пока я уводил ее прочь от ухмыляющейся неподвижной фигуры обратно к летательному аппарату. Мы шли, а вокруг становилось все светлее.

Только когда мы уже были в воздухе и летели к переходнику, она заговорила снова.

«Куда мы направляемся?»

«Это место называется Крыло, Которого Нет», — сказал я.

«Где это?»

«Это слишком сложно, чтобы сейчас объяснять».

Она кивнула.

«Я поняла насчет вашего потайного места, то есть что у вас оно есть».

«Как это вам удалось? Мистер Блэк?»

«Да, — сказала она. — Что вы имели в виду, когда сказали, что он не умер? Я видела, как вы убили его».

«Умерло только тело. Он по-прежнему существует».

«Где?»

«Боюсь, что в Крыле, Которого Нет».

«Как? Так же, как и вы... существуете?»

«Вероятно. Что вам об этом известно?»

«Я убеждена, что вы каким-то образом оказались мистером Энджэлом. Тем самым человеком, с которым я повстречалась раньше и который

умер у меня на глазах. Вы как-то переместились, а потом пришли по адресу, который я дала вам. Понятия не имею, как такое могло произойти».

«Опять мистер Блэк? Вы слышали это от него?»

«Да».

«Кто он вам?»

«Когда скончался мой отец и мою мать вынуждены были отправить на лечение, он стал моим опекуном. Он сам вызвался, и попечительный совет согласился. Он был другом моего отца.

«Что он делал? Чем занимался?»

«Преподавал. Классические языки и литературу. Тогда его звали Эйбон, Генри Эйбон».

«Почему?»

«Тогда он говорил мне, что это такая игра. Понимаете, я знала его, как мистера Блэка, когда он еще приходил к нам в гости. Он начал называть себя другим именем, только став моим опекуном. Конечно, потом я поняла, что это не просто игра, но помалкивала, потому что любила его. Он был очень добр ко мне. Так вы сказали, что у меня есть шанс снова с ним встретиться?»

«Боюсь, что так».

«Может быть, вы скажете мне, кто он для вас?»

«Мы с ним старинные враги. Он начал первым. Зачем, не имею представления».

На протяжении всего оставшегося пути она молчала, а я присмотрел пустующий участок неподалеку от переходника и посадил аппарат в читальном зале, окруженном с трех сторон стенами. Помогая ей вылезти, я спросил:

«А вы?»

«Что, если я скажу «да»?»

Я схватил ее за плечи и развернул к себе так, что ее лицо оказалось в дюймах восьми от моего собственного.

«Говори! — воскликнул я. — Расскажи мне, зачем!»

«Отпустите меня! Я не говорила, что знаю!»

Я еще сильнее сжал руки, потом ослабил хватку. Я опустил руку и взял ее под локоть.

«Пошли, — сказал я. — Мы должны подняться на пару уровней».

У меня не было времени вытрясать из нее ответы, если она не захочет говорить. Я стремился добраться до нее по двум причинам: чтобы защитить ее и чтобы получить ту информацию, которой, по всей видимости, она обладала. Теперь она, очевидно, не нуждалась в защите и была не расположена этими сведениями делиться. Но сейчас, когда я узнал о том, что у нее были особые отношения с мистером Блэком, я почувствовал, что непроизвольно начинаю считать ее кем-то вроде заложницы. Это открытие не доставило мне удовольствия, но и отказаться от этого я не собирался.

«Главным образом, — сказала она, когда мы шли по становящемуся все светлее пути к переходнику, — вы хотите удержать людей в Доме, не так ли?»

«Ну, — сказал я, — в общем и целом, это так. Мне это представляется удачной мыслью».

«Почему?»

«Это наилучший известный мне способ научить людей действительно жить вместе».

«Принуждая их к этому?»

«Конечно. При отсутствии альтернативы совместному проживанию, когда отрицательная энергия агрессивности перенаправлена в другое русло, на смену соперничеству приходит сотрудничество. Впрочем, чтобы добиться такого положения дел, необходима определенная степень принуждения».

«И что тогда?»

«О чем вы спрашиваете?»

«Жизнь в Доме сильно изменила людей?»

«Думаю, они изменились».

«Они и дальше будут изменяться?»

«Полагаю, что так».

«Когда эти изменения достигнут какого-то идеального уровня, им будет разрешено выйти наружу?»

«Конечно».

«Почему «конечно»? Почему не прямо сейчас? Почему вы хотите держать их в заключении, пока они не переменятся?»

«Они не в заключении. Они могут приходить и уходить по своему усмотрению».

«В Доме!»

«В Доме».

«Почему не за его пределами?»

У меня разболелась голова, и все мои прочие горести и мучения внезапно напомнили о себе. Мне не хотелось ей отвечать.

«Хочешь, отвечу я?»

«Почему бы и нет? — решил я. — Валяй, Джордан. Говори все, что тебе угодно».

«Уступи мне свое горло, свой рот, свое дыхание. Расслабься».

Я так и сделал, и через мгновение он заговорил.

«Отпустить их на волю? — сказал он. — Усугубить, подчеркнуть различия между ними, способствовать соперничеству, агрессии, насилию в отношениях между ними? Однажды им таким образом почти удалось погубить себя. В следующий раз, при аналогичных обстоятельствах, у них это может получиться. Чтобы не допустить этого, необходимо изменить самого человека. Он еще не такой, каким ему предстоит стать, но он уже лучше, чем был. Когда здесь, в Доме, он научится жить в мире с самим собой, вот тогда он будет готов покинуть его».

«Но останется ли он человеком?»

«Кем бы он ни стал, он останется человеком, потому что тогда критерием человеческого будет он сам».

«Что дает вам право выносить подобные приговоры?»

«Но кто-то должен. Любой, кто захочет, имеет на это право».

«Мистер Блэк, например. И он был не согласен с вами. И вы убили его, чтобы обезопасить Дом и во имя своих миролюбивых, гуманистических идеалов».

«Я буду существовать лишь до тех пор, пока я буду нужен для поддержания спокойствия и порядка, потом я тоже уйду».

«Кто будет решать, что вам уже пора уходить?»

«Я».

Она рассмеялась. «Мы можем на это рассчитывать?» — спросила она.

«Не вижу причины, почему бы и нет. Я уже неоднократно это проделывал раньше».

Она покачала головой, потом повернулась, чтобы посмотреть на меня. Она попыталась остановиться, но я по-прежнему придерживал ее за руку, направляя в сторону переходника.

«У меня такое чувство, словно мы с вами говорим на разных языках, — сказала она. — То вы рассуждаете вполне здраво, то вдруг вас куда-то заносит. Вы кто, единое целое, или имя вам — Легион?»

Я собрал всю свою волю в кулак, и «скройся за мою спину, Джордан», сказал я в себе самом.

«Ладно, я ухожу», — и он ушел.

«Я — это я», — было сказано уже мной.

«Могу ли я называть вас Энджелом?»

«Почему бы и нет? Это имя не хуже любого другого. Расскажите мне, зачем Блэк хотел выгнать людей из Дома?»

«Он полагал, что Дом уродует людей, превращает их в овощи, и что когда в конце концов они выберутся из него, то окажутся не в состоянии выжить».

«В таком случае, наши разногласия слишком фундаментальны для спора, так как он сводился бы лишь к субъективным оценкам происходящего. Что он вам говорил обо мне?»

«Он говорил о существовании многоликого врага рода человеческого, разделяющего только что высказанные вами убеждения».

«А он вам не рассказывал, каким образом ему стало известно о том, что дело обстоит именно так?»

«Нет».

«Что он говорил вам относительно своего собственного... происхождения?»

«Совсем ничего».

«Вы лжете».

Она пожала плечами.

«Что вы можете с этим поделать?»

«Сейчас ничего».

Мы вошли в переходник. Мимо нас пробегали люди, и все они направлялись вниз.

«А если я закричу? — спросила она. — Если я откажусь идти с вами дальше?»

«Не откажетесь. Вы пойдете, не устраивая никаких сцен».

«Почему вам так кажется?»

«Я полностью завладел вашим любопытством и вашим живым умом».

«Что вы можете знать о моем уме?»

«Я знаю почти все, что о вас можно знать».

«Теперь лжете вы».

На этот раз плечами пожал я и улыбнулся. Мы двигались по кругу и вниз, по кругу и вниз.

«Вы бы усыпили меня, — сказала она немного погодя, — и изобразили бы все так, будто я внезапно упала в обморок».

«Возможно».

Спустя несколько секунд я повалился на стену, и с моих губ сорвался невольный крик. Она поймала мою взметнувшуюся вверх руку и поддерживала меня, пока я корчился в судорогах, а мир приближался, удалялся, распадался на куски, восстанавливался вокруг меня и во мне.

«Что это?» — спросила она.

Но я лишь бормотал, задыхаясь:

«Подожди. Подожди...»

Наконец все утряслось, центр устоял. Я пришел в себя, выпрямился, жадно хватая ртом спертый воздух, и пошел дальше. Гленда повторяла свой вопрос, не отпуская моей руки.

«Славный старина Блэк только что убил еще двоих, — сказал я, ускоряя шаг. — Он полагает, что уже победил, и, если это может вас хоть както утешить, возможно, он прав».

Она не ответила, но поспешила за мной. Несколько человек пронеслись мимо нас вниз. На нас они не обратили ни малейшего внимания. Мне вспомнился маленький мальчик, которому нравилось бегать не в ту сторону; где он сейчас? Я увидел его мысленным оком, как он стоит перед огромной дырой в стене, поворачивается, чтобы показать нам всем язык, а потом выскакивает наружу и несется по залитому светом звезд полю.

Наконец, мы оказались в сумерках Часовни, где, впрочем, стало немного светлее. Мерцающие огоньки горящих свечей светились уже в других местах. Дорожки оставались неподвижными. Я направился туда, откуда пришел, надеясь, что священник-вероотступник уже убрался оттуда.

Погибли Джин и Дженкинс, а Винкель сдался под напором личности Блэка. Воспользовавшись оказавшимся под рукой оружием — секундное дело, — он захватил Крыло, Которого Нет. Что дальше?

Очередь за мной, конечно.

Я оставался последним. Устранив меня, он мог приступить к осуществлению своих планов, какими бы они ни были. Я пожалел о том, что,

если он победит, я, вероятно, так никогда и не пойму истинного характера наших отношений, никогда не узнаю, о чем он думал все это время. Ради выяснения этого можно было бы пойти и на самый отчаянный риск... Впрочем, я отложил эту мысль до поры до времени.

Мне хотелось туда побежать. Мне хотелось как можно быстрее добраться до черной двери, проскочить сквозь нее и покончить со всем раз и навсегда. Но мне и так уже здорово досталось, и я понимал, что реакция у меня сейчас замедленная. Не стоило появляться там, совершенно запыхавшись.

Еще мне хотелось кое-что сказать Гленде. Мне хотелось сказать: «Ладно, так о чем вы намеревались поведать мне, когда приглашали к себе меня, умирающего?»

Мне хотелось сообщить ей, что она лгала, рассказывая о том, как теряет работу за работой, что на самом деле она профессор технических наук, и мне об этом известно. Мне хотелось спросить у нее, почему, заманив меня в ловушку, она все-таки в самый последний момент вытолкнула меня из-под пуль. Мне хотелось поинтересоваться у нее, почему она с такой готовностью сопровождает меня сейчас. А еще мне было очень любопытно, есть ли у нее при себе оружие.

Но, конечно, ничего этого я не сказал.

Мы спешили, не обращая внимания на попадавшихся нам по дороге людей, которых мы, впрочем, тоже не интересовали. Все они, видимо, шли на то или иное богослужение. Наконец мы подошли к месту моего прибытия. К несчастью, я не смог воспользоваться там нужным мне оборудованием, потому что совсем рядом шла служба. Только минут через десять мне удалось добраться до другой черной двери, рядом с которой никого не было. Я распахнул дверь, залез туда, повернул, протянул руку и помог подняться Гленде. Не упираясь и не задавая вопросов, она последовала за мной вниз по наклонной плоскости, держа руку у меня на плече.

Внизу я открыл коробку управления, покопался в ней, понимая, что она внимательно следит за всем, чо я делаю. Ну что же, потом я смогу покопаться и в ее воспоминаниях, если у меня будет это «потом».

Наверху и позади нас закрылась дверь. Я захлопнул коробку и встал впереди Гленды, держа гранату наготове в левой руке, а револьвер в правой. Впрочем, если защитная система стоит на автоматическом управлении, то при моем появлении пальба не начнется. Если он перевел ее на ручной режим работы, то я надеялся, что присутствие Гленды помешает ему нажать на кнопки. А если нет, то между нами и смертоносным арсеналом еще оставалась моя кольчуга. Может быть, мне удастся его вовремя обезвредить.

«Надо полагать, это не стандартный процесс», — услышал я голос Гленды.

«Откиньтесь назад. Мы опустимся на ровную поверхность».

Но едва я закончил фразу, как мы уже оказались там.

Глава 10

Несмотря на мою позу, меня все-таки шатнуло вперед, я услышал, как предостерегающе взвыл клаксон, и метнул гранату в сторону линии защиты.

Я прижал Гленду к дальней стене и прикрыл ее собой от последовавшего затем взрыва. Его отголоски еще не стихли, а я уже проскочил сквозь тамбур у входа.

Никого не было видно. Клаксон завывал. Я бросился вперед.

Свернув по изгибающемуся коридору, я увидел, что ведущая к Компу массивная металлическая дверь по-прежнему распахнута. Я метнулся к ней и вошел, пригнувшись и вытянув перед собой оружие.

Но так можно было и не входить. Находились там только Джин и Дженкинс, а я уже знал, что оба они мертвы. Подробности их кончины были для меня не слишком важны, хотя я заметил, что Джин убит выстрелом в левый висок, а у Дженкинса кровь на груди и на животе. Пока я разглядывал эту сцену, в моей голове возникли слабые воспоминания об этом нападении. Посмертное слияние действует странным образом. Случись все наоборот, они бы постигли мои последние мгновения с ужасающей ясностью. При посмертном слиянии память всегда с большей отчетливостью передается от старших членов семьи к младшим и, таким образом, насильственно навязывается правило наследования связующего звена по старшинству. Не знаю, почему это должно быть именно так. И полагаю, что это не столь уж важно.

Я пересек комнату и отключил клаксон. Когда я повернулся, вошла Гленда, остановилась и побледнела. Я подошел к ней, развернул ее и вывел из комнаты.

«Сюда», — сказал я и повел ее по коридору.

Дверь в Архивы тоже была открыта. Заметив это, я замер на месте, потом кинулся туда.

Никого. Но не успел я расслабиться, вздохнуть, выпрямиться, как взгляд мой непроизвольно упал на самое важное из всего, что было в этой комнате, да так и застыл там.

Пятая, четвертая, третья и вторая булавки были вытащены. Кресло развернуто вправо. Над ним криво свисал шлем.

Только боль в плечах заставила меня осознать, как напряглись все мои мускулы. Я глубоко вздохнул, потер бровь, отвернулся.

Некоторое время я просто не мог поверить в случившееся. Кем бы, чем бы он ни был, но Блэк добавил к этому четверку моих собственных демонов; трое из них были неведомы мне. Ничто не могло ему помешать, ведь он был одним из клонов. Но до сих пор мне даже не приходило в голову, что он может это сделать. Я настолько был к этому не готов, что случившееся потрясло меня сильнее любого из событий, происшедших за последнее время, включая собственные смерти и разрушения в Крыле 5.

Я прислонился к дверной раме, поглядывая в коридор. Машинально вытащил сигарету, закурил. Сейчас я должен был ясно мыслить и очень решительно действовать.

Найти его. Это во-первых.

Хорошо. Он может быть где угодно. Он все еще может находиться где-нибудь здесь, но, возможно, что он уже вернулся в Дом. Значит, в первую очередь необходимо проверить у Бандита, не успел ли он уже засветиться где-нибудь в качестве Винкеля. Если нет, то придется отлавливать его здесь, в Крыле, Которого Нет.

Туманно осознавая, что около меня маячит перепуганная Гленда, я вернулся в Комп. На этот раз я не заметил, какое впечатление на нее произвели трупы, но она оставалась рядом со мной.

К Бандиту мне обращаться не пришлось. Когда я приблизился к нему, мое пристальное внимание сразу же привлек красный огонек, тревожно мигавший на плане Крыла, Которого Нет. Это означало, что открыт выход. И если это не было попыткой заморочить мне голову, то, следовательно, преследуемый мной зверь выбрался наружу, на поверхность самой планеты. Хронометр показал мне, что выход был открыт лишь четыре минуты назад.

«Будь он проклят! Чего он хочет?!» — сказал я, не зная, что и вообразить.

Потом я принял решение и схватил Гленду за руку.

«Пошли! Мы возвращаемся назад, в соседнюю дверь. Я должен вам кое-что показать. Срочно».

Я приволок ее в Архивы, к центральному пульту. Выхватив стилет, я отколупнул шарик мягкого припоя у основания первой булавки. Потом я повернулся к Гленде и заметил, что все еще сжимаю ее руку. Она смотрела на оборудование, потом перевела взгляд на стилет, потом на меня. Я отложил нож и опустил ее руку, отпустил ее.

«Прошу вас об одолжении, — сказал я. — Это крайне важно, и у меня нет времени для каких-либо объяснений».

«Что же, просите», — сказала она.

«Я собираюсь выйти отсюда наружу. Представления не имею, как долго я там пробуду, хотя задерживаться я не намерен. Когда я вернусь, то может случиться так, что я буду производить впечатление растерявшегося, сбитого с толку, ошеломленного, больного человека. И вот тогда мне понадобится ваша помощь. — Я хлопнул по креслу ладонью. — Если это случится, я хочу, чтобы вы затащили меня в кресло, даже если вам для этого придется меня усыпить».

«Чем?» — спросила она.

«Через минуту я дам вам транквилизирующий пистолет. Если вам покажется, что я не в себе или... изменился, затащите меня в кресло и опустите мне на голову этот колпак. — Я толкнул его рукой. — Потом переключите эти тумблеры, весь ряд, начиная с крайнего левого и до конца в строгой последовательности. Все остальное уже подготовлено. Потом

вам всего лишь придется подождать, пока не загорится синий огонек. После этого выдерните эту булавку из панели. Вот и все».

«И что будет?»

«Не знаю, то есть не могу сказать точно. Но если все произойдет именно так, то для меня другого выхода нет. Теперь я должен идти. Но вы сделаете это, если понадобится, если я буду в замешательстве, в смятении?»

«Да. Если вы обещаете, что потом ответите на мои вопросы».

«Что ж, это справедливо. Пожалуйста, повторите весь порядок действий».

Она повторила, и я быстро вывел ее из комнаты.

«Я отведу вас в уютное местечко, неподалеку от выхода, — сказал я, — где вы будете жить, глядя на окружающие окрестности. Оттуда вам будет видно, как я ухожу и возвращаюсь».

Впрочем, я вспомнил о том самом свечении и решил показать ей, как затемнять окно в случае необходимости.

«...И еще одно, — добавил я. — Возможно, когда я вернусь, я буду не я».

Она остановилась.

«Прошу прощения», — сказала она.

«Я могу выглядеть иначе. Ну, возможно, я окажусь другим лицом».

«Значит, вы хотите сказать, что я должна силой посадить любого другого появившегося после вас человека в это кресло, неважно, хочет он того или нет».

«Только если он будет в смятении, в замешательстве...»

«По-моему, так будет выглядеть любой, если его силой попытаются затащить под эту штуковину».

«При чем здесь любой? Это буду я, в том или ином обличье».

«Хорошо. Будет сделано. Но есть еще один вариант».

«Какой?»

«А если никто не придет?»

«Тогда все кончено, — сказал я. — Возвращайтесь домой и позабудьте обо всем».

«Каким образом? Я понятия не имею, где мы вообще находимся, а уж тем более не знаю, как отсюда выбраться».

«В комнате, где покойники, — сказал я, — на дальней стене в левом нижнем углу находится маленькая зеленая панель, контролирующая систему транспортировки. Она довольно простая. Вы сможете в этом разобраться, если придется».

Я привел ее в свою комнату, и она, ахнув, прижалась ко мне. Окно было прозрачным. Прежняя луна скрылась, но заливающий весь ландшафт нежный свет свидетельствовал о том, что уже взошла и скоро покажется вторая луна, более величественная, большая, яркая.

«Это не просто картина. Это настоящее окно, правда?» — спросила она.

«Да, — сказал я, осторожно отстранил ее, обошел и достал транквилизирующий пистолет. — Вы знаете, как таким пользоваться?»

Она приближалась к окну. Она взглянула на пистолет, прошептала «да» и, не останавливаясь, двинулась дальше, словно зачарованная. Я подошел к ней, взял ее руку, положил пистолет на ее ладонь и сомкнул ее пальцы вокруг его рукоятки.

«Мне никогда не приходилось видеть как там, снаружи», — сказала она.

«Ну, смотрите сколько угодно. Мне уже пора. Там слева, под оконной рамой, есть обыкновенный переключатель. Точно. Можете затемнить окно, если захотите».

«Почему я вдруг захочу? Это прекрасно».

«Существует такой оптический феномен — ослепительный свет, вспыхивающий и исчезающий. И если он появится...»

«Ну до тех пор я буду просто смотреть. Я...»

«Что же, расстанемся на время. До скорой встречи».

«Подождите!»

«Я и так слишком долго ждал».

«Но я заметила там какую-то тень. Может быть, это человек?»

«Где?»

Она показала в сторону руин.

«Вон там».

Я не заметил ничего такого, и она сказала «исчезло», и я сказал «спасибо» и оставил ее там смотреть в окно, сомневаясь, заметила ли она вообще, что я ушел.

Я быстро прошел по коридору к выходу, располагающемуся в укромном закоулке. На самом деле выход составляли три двери, каждая из которых способна была выстоять под напором различной силы и оборудована разнообразными средствами защиты. Все они были открыты, и я приостановился лишь для того, чтобы проверить свой револьвер.

Было прохладно, и в ночном воздухе пахло сыростью и чувствовался легкий аромат растений. Через секунду ощущение новизны исчезло. Мне уже приходилось выбираться наружу несколько раз, давно, и впечатления не были такими уж незнакомыми.

Мне быстро удалось приспособиться к движению по неровной поверхности, и я устремился в сторону развалин. Временами в тишине раздавались какие-то слабые звуки, вроде чириканья или щебетанья, но мне трудно было определить, птицы это или насекомые. В ложбинках, иногда попадавшихся мне по пути, висел легкий туман. Камни под ногами были влажными и скользкими. На открытых местах от меня даже падала тень, настолько ярким стал лунный свет. В чистом небе сверкали бесчисленные звезды, и лишь в стороне проплывали редкие облака. Потом мной овладели странные чувства и, по-моему, все началось с каких-то смутных сомнений и тревог.

Некое отношение имела к этому звездная панорама, вон те звезды, которые мы пытались сделать чем-то непристойным, а еще этот неподвиж-

ный, словно застывший ландшафт, и впервые за бесконечные столетия я брел в полном одиночестве за пределами Дома, преследуя самую загадочную для меня личность на свете, приближаясь к этим таинственным руинам. До сих пор эти развалины не были для меня таинственными. Они просто существовали, только и всего, и этот факт тоже был важен для происходившего в эти непостижимые мгновения самоанализа. Потом мне пришло в голову, что, быть может, те странности, которые раньше мне не казались таинственными, были теми явлениями, о которых мне когда-то было что-то известно, и лезвие моего любопытства затупилось на уровне подсознания, как меч тупится о камень.

Сколько всего я знал и забыл? Может быть, часть этих знаний пригодилась бы мне сейчас? Не стремлюсь ли я к собственному уничтожению, преследуя человека, который знает почти все, что известно мне, а еще владеет накопленным за несколько жизней опытом, о котором мне неизвестно ничего? Вероятно. Но я уже продумал план этой схватки. Только бы он не сумел его разгадать.

И почему именно это место выбрано им как поле нашей битвы? Я знал, что это наверняка имеет какое-то отношение к развалинам. Я понимал, что почему-то боюсь их. Почему?

Если бы я вытащил побольше булавок...

Я шел дальше, я был готов к его нападению, полагая, впрочем, что его не будет. Пока.

Ни огонька, ни искорки не вспыхивало в развалинах. Они словно притаились, поджидая меня, и только их тени медленно отступали под лунным светом.

Почти не было слышно моих шагов. Мне казалось, что если что-то и можно различить, то только мое дыхание...

Я поднялся на пригорок и быстро огляделся. Конечно, его нигде не было видно. Когда я, не задерживаясь, стал спускаться, повеял ветерок, прохладный, легкий, и туман рассеялся, исчез.

Во имя миролюбия, гармонии, братства и ради сохранения Дома собирался я убить человека. Со своей стороны и он давно уже не скрывал своих намерений по отношению ко мне. Хотя вдохновляющие его идеалы оставались для меня неясными, не вызывало сомнения, что он не согласен со мной по поводу правомерности заточения человечества в монастырь. С моей точки зрения, этого было вполне достаточно для его устранения. Однако, окажись на его месте кто-нибудь другой, я просто отмахнулся бы от этого человека, как от заблудшей овцы, но его упорство и способности не могли оставить меня равнодушным к мотивам его действий.

Я не сомневался в справедливости своих собственных убеждений, суть которых заключалась в том, что человеческая натура может быть изменена, что человека можно заставить нравственно совершенствоваться. Обходя большую пенистую лужу, образовавшуюся в яме, я на секунду задумался, а почему, собственно? Это не было шагом к изменению своих взглядов и убеждений; меня вдруг просто заинтересовало, из какого источника я их

почерпнул. Выходило так, что они всегда были частью моего менталитета. И тут меня осенило, что, учитывая все вытащенные булавки, нас с Блэком теперь объединяло общее прошлое, причем ему обо всем этом должно быть известно гораздо больше, чем мне. И, следовательно, он должен был обрести соответствующий философский подход к жизни. Существовало несколько возможностей...

Либо он получил сильнейший посыл к изменению своих взглядов в противоположную сторону, либо он уже изменился, либо наше давнее прошлое оказалось для него достаточно двусмысленным, чтобы он мог и дальше жить, не отступая от своих принципов и убеждений.

Могло быть и так, что все три предположения были до известной степени верными. В первом случае я полагался на неведомый мне пока первичный источник моих собственных чувств. Я понимал, что мои собственные убеждения были рациональными, не обязательно при этом являясь последовательными, логически обоснованными, так сказать, дедуктивными. Они составляли часть моей мыслительной... «традиции», вот, по-моему, самое подходящее слово. Предположим, что им владели столь же сильные чувства, что и мной, и, возможно, что опыт четырех жизней, обрушившийся на него, когда он вытащил булавки, не заставил его сразу воспринять мой образ мыслей. Но какое-то воздействие это должно было оказать. Впрочем, все это было равносильно попытке предугадать результаты химической реакции, когда смешиваются и нагреваются два практически неизвестных химических элемента.

Больше всего меня тревожила третья возможность, и, думая о ней, я словно прикасался к больному месту, совсем недавно возникшему у меня...

А именно вероятность того, что мое прошлое может оказаться не таким незыблемым, как мое настоящее. Предположим, там действительно было что-то, что могло утешить и подбодрить его? Ведь частичное самоубийство посредством булавки при каждом переходе связующего звена было не просто корректировкой личности для перехода в новое состояние. Оно также каждый раз являлось новым шагом по пути к прогрессу, дальнейшим избавлением от всего того, что справедливо расценивалось как антиобщественное, безнравственное, не соответствующее новому духу времени. Мое нынешнее состояние наглядно подтверждало эффективность такой системы. Я был способен на поступки, которые заставили бы Лэнджа или Энджела корчиться от стыда, содрогаться от отвращения, может быть, они упали бы в обморок от одних моих мыслей. На секунду я даже обрадовался этому, вспомнив, кого преследую. Но хотя я и ощущал себя необходимым злом, я сожалел об этой необходимости. Цель оправдывала такие средства, ведь сам Блэк был анахронизмом.

Но что скрывалось за другими булавками? Вот что меня беспокоило. Я знал, кем я до недавнего времени был, и понимал, в кого я превратился. Возвращение было приятным и естественным, и я поглотил и подавил свои более поздние «я» без особого труда, словно они были не более чем моими кратковременными настроениями. Все, что было сохранено от Джордана,

стало частью моей памяти; остальное смутно осознавалось мной в те моменты кризисов, когда он становился моим персональным демоном. Я мог сразу сказать, что он был злее меня и безнравственней. Но тогда, развивая эту мысль, можно предположить, что еще более ранние варианты меня самого помогли бы мне сейчас справиться с Блэком, сделали бы меня сильнее, а не наоборот. Я изо всех сил пытался выбраться из той ловушки, в которую сам себя загнал. А если не получится? Если не хватит сил? Я и Блэк были одной плоти. Я не понимал, как или почему, но это было именно так. Вот что мучило меня. По-настоящему нас разделяла только идея, или идеал. И мы, два обличия одного лица, хотели из-за этого прикончить друг друга.

В тот момент я испытал такое чувство, что сразу вспомнился Энджел, в панике бегущий мимо трезвонящих телефонов. Только, в отличие от него, я понимал, что если возьму трубку, то услышу свой собственный голос.

Вглядываясь вперед, я пробирался между разбросанными грудами битого камня. Я сдерживал свои чувства, подавляя их, держался настороже. Он мог поджидать меня в засаде где угодно.

Я прошел по дну небольшой воронки, по краям которой валялись большие оплавленные куски валунов. Сразу же после этого начался довольно крутой подъем, и я стал взбираться наверх, а под ногами у меня поблескивали осколки какой-то горной породы. Наконец подъем кончился, и я залез на груду валунов; до развалин мне оставалось примерно три четверти мили.

Я быстро спрятался за валуны и, уже выглядывая оттуда, осмотрелся. Все в лунном свете выглядело тихим и спокойным, ни шороха, ни звука, ни движения, и только какие-то летучие создания чертили в небе свои стремительные круги. Света в развалинах не было. Я некоторое время глядел в их сторону, потом оглянулся на темнеющую громаду, заметил там маленький освещенный квадратик и отвернулся.

Потом я увидел его.

Он только что появился с противоположной стороны каменистой гряды, зигзагами пересекавшей долину почти посередине. Укрываясь за камнями, он двигался к развалинам.

Я сразу же бросился за ним вниз по склону, скользя и оступаясь, раскидывая перед собой гравий. Я уже знал, где он, и можно было не прятаться. Как только у меня появилась возможность, я побежал. Он действительно направлялся к разрушенной крепости, и я внезапно почувствовал, что должен догнать его раньше, чем он туда доберется. Я бы предпочел, чтобы он просто сидел в засаде, а не рвался туда. Он знал о прошлом больше меня, и я боялся, что он хочет найти там нечто, что может дать ему преимущество в нашей неизбежной схватке.

Вниз, потом снова вверх. Дальше откосов не было. Сплошной подъем с выбоинами, ямами, трещинами, усыпанный оплавленным рваным камнем. Скоро бежать стало невозможно, но я выжимал из себя все, что мог, и приближался к нему. Сколько пройдет времени, прежде чем он заметит меня?

Несколькими минутами позже это было уже неважно. Я был ближе к нему, чем он — к развалинам. Пару раз он оглянулся, но почему-то проглядел меня. Мои силы были на исходе, кровь бешено колотилась в висках. Я побежал медленней. Вынужден был.

Вскоре он заметил меня, присмотрелся, потом бросился бежать. Проклиная все на свете, я кинулся за ним, выжимая из себя все, на что был способен. Мы все еще находились на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы имело смысл стрелять.

Вскоре мне оставалось только надеяться, что он выдохнется раньше, чем это позволю себе я. Если мне удастся продержаться еще чуть-чуть, он, может быть, решит, что деваться уже некуда. Мне хотелось, чтобы для него стало очевидно, что все равно ему не успеть добежать вовремя, что пора остановиться, принять бой и со всем покончить, так или иначе.

Он опять оглянулся, и я прибавил скорости, в надежде на второе дыхание. Было ясно, что я смогу продержаться. Когда он через минуту снова оглянулся на меня, то, по всей видимости, пришел к тому же выводу.

Он резко свернул вправо, бросившись в сторону больших валунов. Отлично! Я поступил точно так же, не собираясь затягивать игру и осторожничать, имея на себе свой пуленепробиваемый жилет.

Я выхватил свой револьвер раньше, чем он исчез за ближайшим валуном. Добежав туда, я пригнулся, отпрыгнул в сторону, но его там уже не было. Он не стал останавливаться и выстрелил в меня в первый раз из-за груды камней, примерно футах в ста от меня.

Он тут же спрятался, я не стрелял, прикидывая, куда он может переместиться, выжидая, когда он опять покажется. Я не собирался стрелять на таком расстоянии по мелкой цели.

Он появился приблизительно футах в пятидесяти от меня, и мы оба выстрелили. Я почувствовал, что он попал мне в грудь, но там был жилет, а мой выстрел угодил в камень.

Я бежал ему навстречу, и мы оба стреляли. На этот раз он не отступил. По-моему, он еще пару раз попал мне в грудь. Потом он дернулся и пошатнулся после моего выстрела. На миг во мне ожила надежда.

Впрочем, мы еще раз обменялись выстрелами.

Слепящая боль обожгла правую сторону моей головы, и я оступился. Револьвер выпал из моих онемевших пальцев.

Я не мог допустить, чтобы все этим закончилось. Мне показалось, что рядом с моей головой раздался сухой металлический щелчок. Повернув голову, я увидел его ботинки. Моя правая рука была уже бесполезна, но я не мог позволить ему просто перезарядить револьвер и еще раз спустить курок.

Я попытался схватить его за ноги своей левой рукой и поймал его за лодыжку. Кажется, за левую. Он попытался вырваться, но мне удалось не разжать пальцы. Тогда он попробовал ударить меня своей правой ногой, но в этот момент я дернул его за левую и рванулся к нему всем телом.

Он упал.

Я отпустил его ногу и сумел выхватить из кармана погнутый стилет. Впрочем, до его сердца или горла мне было не дотянуться, а он уже пришел в себя. Я мог попытаться сделать только одно — перерезать артерию у него на ноге единственным ударом, на который я, быть может, еще был способен. Возможно, еще удастся навалиться на него и удерживать на земле, пока он будет истекать кровью. У меня оставался последний шанс.

Я нанес удар, и он отбил его. Он поймал мою руку за запястье. Я попробовал вырвать руку, но ничего не вышло. Он был ранен, ослаб, я видел кровь на его одежде, но у него по-прежнему было преимущество. Другой рукой он стал отдирать мои пальцы от рукоятки стилета.

Теряя сознание, я еще успел осознать, что все кончено, что больше я ничего не могу сделать.

Он вырвал стилет и повернул его лезвием ко мне. Забавно. Моим собственным оружием... Я хотел убить его, не допустить слияния и, таким образом, избавиться от него навеки. Теперь, впрочем...

Последнее, что я увидел, перед тем как почувствовал лезвие стилета, это его лицо. Но на нем не было торжества, только усталость и что-то вроде ужаса.

Глава 11

Тишина, свет, кровь. Боль...

Слишком поздно. Слишком поздно...

Не допустить... Нет! Сквозь... Да! Головокружение...

...И свет. Свет!

Я моргал. Я моргал глазами. Я был весь мокрый. Пот, кровь, слюна...

В голове моей бушевали ураганы, подхватывая мысли, выворачивая их, смешивая образы, кружа...

Не думать, не позволять мозгу напрягаться, насколько это возможно, ограничить свое сознание уровнем восприятия и реагирования; казалось, что только так можно сохранить хоть какое-то равновесие.

Боль. Болело в разных местах, но сильнее всего была боль в правой руке. Оказывается, я все время не отводил от нее взгляда, но только сейчас я заставил себя сосредоточить на ней свое внимание.

Моя рука побелела от напряжения, сжимая рукоятку лезвия, чуть выступающего из горла человека, лежащего на моих ногах. Пулевое ранение было у него над левым глазом и кровь на лбу, на щеке, а еще на шее.

Да, да, я все понимал, но сразу же усилием воли выкинул это из головы и занялся своей рукой. Я тискал кисть и отрывал свои пальцы от рукоятки, и тут пришло еще одно воспоминание, которое я немедленно подавил. Наконец пальцы разжались, и я невольно вскрикнул от боли в мышцах. Я опустил руку и крепко закрыл глаза.

Свет...

Он мучил меня, потому что луч света бил мне прямо в лицо. Я отвернулся, открыл глаза. Все равно было слишком ярко. Я решил уйти от него. Кроме того, мне хотелось убраться подальше от трупа.

Я медленно освободился от трупа, не поворачивая головы ни к нему, ни к свету. Тут же напомнили о себе все остальные болезненные места, особенно правый бок, на котором было мокрое пятно. Впрочем, я сумел подняться на ноги и прислонился к валуну, рядом с которым мы лежали. Я тяжело дышал, голова кружилась.

Я чувствовал себя так, словно оказался в кошмарном сне, я боялся думать о том, что произошло и что может ждать меня впереди. Как только мир вокруг меня обрел равновесие, я оттолкнулся от валуна и пошел. Я пошел вниз, в сторону большой белой луны.

...Скрыться от этого ослепительного света. Но он преследовал меня. Я повернул направо, потом налево. Я ускорил шаги. Но свет не отставал от меня.

Я подавил приступ бешенства.

«Нет! Не думай! Ради Бога, не думай!» — сказал я вслух, удивившись звуку собственного голоса.

Не думай. Это вызовет панику, истерику, хаос. В голове должна быть только одна конкретная мысль, не больше, и на ней надо полностью сосредоточиться.

Я сосредоточил внимание на своих движениях, считая шаги, оглядываясь по сторонам, думая о своих ступнях, о своих ногах.

Но я шел не туда.

Разве нет?

Да.

Да, я должен был идти к развалинам. Я...

«Не думай — напомнил я себе. — Уходи! Уходи!»

Да. Сейчас для меня важнее всего скрыться от света, все остальное можно отложить на потом. Хорошая мысль! Нужно запомнить.

Но...

Не забывай! Уходи!

Я пошел быстрее. Пятьдесят шагов. Сто. Прямо. Иду прямо. Пятьдесят шагов. Влево. Пятьдесят...

Но свет следовал за мной, отбрасывая далеко вперед мою колеблющуюся тень, освещая мне путь. Это было слишком жутко, и я не выдержал, побежал, чтобы найти поскорее какое-нибудь укрытие, за которым я мог бы спрятаться.

Я увидел подходящее укрытие впереди, ярдов за двести или триста, и припустился к нему, обогнул с дальней стороны и остановился там, задыхаясь. Машинально я потянулся за сигаретой.

Сигареты? Их не было. Но так и должно быть. Винкель не курил. Скорее... Подожди! Блэк... Нет!

Не думай. Я закусил губу. Здесь свет меня не достанет. Здесь темно, я один в этом укромном месте. Я вздохнул, постарался расслабиться и

почувствовал, что мое дыхание успокаивается. Сердце последовало его примеру. Боль в боку уже не была такой острой, режущей, она стала ноющей и тупой. Рана еще кровоточила, хотя не так сильно, как раньше. Я зажимал ее ладонью.

Я должен был возвращаться назад, идти к развалинам. Но этот проклятый свет... Если бы он исчез, я бы немедленно пошел туда.

Но почему? Почему развалины? Я же на самом деле хотел уйти, скрыться и... Нет! Подожди! Подожди...

Я уничтожил последнего из них. Теперь все кончено.

Нет.

Я прикончил мистера Блэка.

Нет.

Нет?

Нет.

И тогда распахнулись ворота Ада, я — он слишком ослаб, чтобы сопротивляться последнему слиянию. И самым жутким последствием осознания этого факта стало желание одновременно рассмеяться и завопить от ужаса. Понимание происходящего не означает, что вы с этим согласны или что вы можете этому воспрепятствовать. Я беспомощно разглядывал то, чем стал. В самом буквальном смысле — глядя на это с обеих сторон сразу — я был своим собственным злейшим врагом. Мне кажется, я действительно рассмеялся, но лишь на секунду. Меня волокло по коридорам памяти, и все вспоминающиеся поступки были вызваны теми чувствами и желаниями, которые теперь сразу же сталкивались с прямо себе противоположными. Я стал задыхаться. Это было слишком. Слишком, слишком. Меня разрывало на куски.

Я уже был бессилен помочь себе. Что бы я ни подумал, что бы я ни почувствовал, это вызывало немедленную ответную реакцию, контрвспышку гнева, вины, страха. Мое спасение, загнавшее этот ужас обратно в Ад, пришло оттуда, откуда только и могло прийти — из внешнего мира. Меня что-то отвлекло.

Это был шум, негромкий и отдаленный, но совершенно здесь неуместный. Металлический скрежет. Периодически повторяющийся.

Все мое существо сосредоточилось вдруг в моих органах чувств, а остатки раздиравших меня эмоций смешались и уступили место предельной осторожности.

Я прислушался, передвинулся вправо, низко пригнулся и выглянул за край моего каменного щита. Свет по-прежнему бил в каменную глыбу с другой стороны; хотя прошла секунда или чуть больше, прежде чем он опять ударил мне прямо в глаза, я уже успел заметить источник шума.

Это был какой-то приземистый робот с фотоэлектрическими глазами, катящийся в мою сторону на темных гусеницах.

Я сразу же повернулся и побежал в противоположную сторону. Я не сомневался, что это за мной.

Вниз. Потом вверх. Потом опять вниз. Некоторое время свет преследовал меня, но потом я спустился до такой точки откоса, после которой уже оказался вне пределов его досягаемости. Я побежал медленнее, пытаясь восстановить дыхание, прижимая к боку ладонь. Я должен был беречь свои силы. Дальше, почти на всем протяжении маршрута, дорога шла под уклон, и это обрадовало меня.

Я оглянулся, но робота еще не было видно. Там, впереди, лунный свет серебрил фасад Крыла, Которого Нет. Я сумел разглядеть одинокое освещенное окно. Я узнавал места, где уже пробегал раньше. Стелющиеся по земле дымки, легкий туман в ложбинках... Влажные камни поблескивали, как осколки черного стекла. Я почувствовал, что у меня есть шанс опередить своего преследователя.

Иногда я его слышал. Он на хорошей скорости двигался по моему следу, давя и разбрасывая гусеницами мелкие камни, царапая твердую поверхность. Я не знал, благодарить мне его или проклинать. Ведь свет не только мучил меня, но и притягивал. Теперь, когда я уже до некоторой степени представлял себе, кто я есть, кое-что стало более понятным. Мы действительно пытались добраться до развалин, а вот зачем, я не знал. Это было не просто частью тщательно продуманного плана по уничтожению последнего из них-нас. Нет. У меня все еще оставалось сильное желание пойти туда. Я чувствовал, что, кроме всего прочего, свет был еще и маяком, призывом, обращенным ко мне. Только тот я, которого он настиг, уже не был тем мной, которому он предназначался. Часть меня была им ошеломлена, перепугана, хотела от него скрыться. Но он действовал на меня, и даже когда я уже бежал, меня все еще манил его зов. Однако, когда появился робот, это противоречие окончательно разрешилось в пользу бегства. Свет что-то таил в себе, какую-то волю, разум... И бежать от него надо было уже потому, что я этого не понимал.

Скоро звуки за моей спиной стали громче. Казалось, что он набирает скорость. Я все время оглядывался на бегу.

Я бежал, огибая каменные глыбы и валуны, перепрыгивая через трещины в земле, минуя все ямы и овраги, спускаясь все ниже к большому участку, над которым все еще висел туман. Некоторая надежда на то, что там мне удастся от него окончательно оторваться, сразу же исчезла, как только я понял, что из-за особенностей рельефа поверхности я скоро опять окажусь в световом кольце. Приглядевшись, я заметил вдалеке его отблески.

Заставляя себя спешить, я споткнулся, с трудом удержался на ногах, едва не запаниковал. Я сумел взять себя в руки, но бежал уже медленнее и осторожнее.

Робот продолжал набирать скорость и теперь явно двигался быстрее, чем я. Однако он не отличался особой точностью при выборе своего маршрута, вслепую поворачивал, приостанавливался, пятился, менял направление, петлял. Заметив это, я юркнул за камни и измерил свой собственный маршрут таким образом, чтобы между мной и роботом возникало как можно больше преград. Но, вероятно, ему было известно мое

основное направление. Я начинал испытывать некоторое сомнение по поводу возможности скрыться от него, когда мы оба окажемся на открытом месте и на ровной поверхности. Что же мне делать, черт побери?

Ослепить его, идиот!

Шок через секунду прошел, потому что лишь часть меня была незнакома с моими демонами.

«Каким образом?» — спросил я.

«Поверни башку направо! Стоп! Видишь тот крутой откос? Беги туда и полезай!»

«Я буду обнаружен».

«В том-то и дело. Иди!»

Я послушался. У него был план, а у меня нет. И потом, если вы не можете доверять своему демону, кому вы вообще можете доверять?

Пока я бежал к этому обрыву, я догадался. Ничего такого уж сложного, но именно это и было хорошо.

Шум за моей спиной внезапно усилился, и я понял, что робот заметил меня. Оглянувшись, я увидел, что он стремительно приближается ко мне. Я помчался изо всех сил и остановился уже перед самым откосом, который оказался очень крутым.

Но я сразу же стал по нему взбираться, даже не оглядываясь назад.

Так страх делает из нас всех спортсменов.

«Ты прав», — согласился я. Кровь стучала в висках, звуки погони все приближались.

Карабкаясь по откосу, я прикидывал, как он поступит? Полезет за мной или просто подождет внизу? Мне казалось, что до самого верха ему не добраться; я сомневался и в собственных возможностях. Откос становился почти отвесным, мне уже приходилось использовать не только ноги, но и руки. Пальцы не слушались, бок болел и кровоточил. Когда я залез уже настолько высоко, что почувствовал себя в относительной безопасности, мне стало страшно, что я могу потерять сознание и сорваться вниз. Задыхаясь, я сумел затащить свое тело на широкую площадку, которую мы заблаговременно присмотрели, футах в сорока пяти над землей. Там я свалился. По-моему, на несколько секунд я потерял сознание.

Звуки внизу привели меня в чувство. Но не сразу. Тело мое наполняла свинцовая тяжесть, голова готова была лопнуть. Обрывки мыслей и образов складывались в причудливые узоры, но разлетались раньше, чем я успевал к ним приглядеться.

Я все-таки приподнялся на локтях и посмотрел вниз.

Робот лез по обрыву. Он уже поднялся футов на пятнадцать. В том месте угол откоса увеличивался, и робот пополз очень медленно, вперед и вверх, осторожно нащупывая клешнями точки опоры.

Давай! Давай!

«Ладно! Черт возьми! — пробормотал я. — Ладно!»

Я огляделся, пытаясь сразу найти что-нибудь подходящее. Почти все камни казались либо слишком большими, либо слишком маленькими.

Что лучше, попытаться подкатить к краю и сбросить вниз большой камень, или воспользоваться камнями поменьше? Боль во всем теле была мне ответом.

Я встал на четвереньки, потом поднялся на ноги, собрал около дюжины камней размером с кулак и свалил их в кучу на самом краю. Но робот уже продвинулся еще на один ярд, и, судя по всему, дела у него шли неплохо. Он продолжал подниматься.

Я бросил три камня. Два раза я промахнулся, третьим попал по гусенице. Проклятие! Я швырнул еще два камня, и только один из них пролетел рядом с его глазами-рецепторами. Он нашел новую точку опоры и рывком приблизился ко мне еще футов на пять.

Следующим броском я разбил рецептор. Мне просто повезло, но это вселило в меня надежду. Все оставшиеся у меня под рукой камни отлетели от его гусениц и корпуса, не причинив ему видимого вреда.

Он уже поднялся футов на двадцать пять. Казалось, что он висит под довольно рискованным углом, но его гибкие клешнеобразные захваты были сделаны из прочного материала и выглядели весьма надежными.

У меня кончились боеприпасы. Я нашел камень размером с большой кочан капусты, поднял его снизу обеими руками и швырнул вниз.

Он обрушился на робота с большой силой. К моему удивлению, этот агрегат остановился всего лишь на несколько секунд, повисел немного и полез дальше.

Я ухитрился поднять другой камень, раза в три больше предыдущего, и повторил действие. На этот раз в машине что-то защелкало и заскрипело, но это продолжалось совсем недолго, и робот возобновил подъем.

Я уже исчерпал почти все свои запасы. То есть подходящие камни, которые я был в силах поднять. Некоторые камни казались весьма пригодными для моих целей, но мне не верилось, что хотя бы один из них я смогу сдвинуть с места. Впрочем...

Сзади и чуть-чуть повыше был один камень, вполне способный доконать проклятую машину. Если я смогу сдвинуть его с места, он покатится. А если он покатится, то тогда, может быть, я сумею подкатить его к краю и спихнуть вниз. И если он будет падать с нужной мне точки, то с моими сиюминутными неприятностями будет покончено.

...К несчастью, он был причудливой формы, и мне было трудно определить, куда именно он покатится.

Пока я думал об этом, робот продвинулся еще на три-четыре фута.

Я побежал к камню, мне следовало спешить. Машина уже прошла больше половины пути.

Сначала камень не поддавался. Мне пришлось раз восемь навалиться на него всей тяжестью тела, прежде чем он слегка шевельнулся.

Но у меня уже отнимались руки, а головокружение и тупая боль в боку доводили до исступления. Однако камень все-таки шевельнулся, и это придало мне немного силы. Я еще дважды навалился на него и небезуспешно, но тут шум машины угрожающе приблизился.

Я уперся спиной в склон и попытался сдвинуть камень ногами. Боль в боку резко усилилась, но я все же сдвинул его с места. Повернув голову, я увидел, как над краем моего орлиного гнезда взметнулись захваты, исчезли, появились опять. Я возобновил усилия.

Камень покачнулся, подался вперед, потом назад. Еще раз.

Еще раз.

Он готов был покатиться, но силы мои иссякли. Я больше не мог сделать ни одного движения. Я вряд ли был способен пошевелиться...

Захваты зацепились за что-то. Потом послышалось гудение, еще через несколько секунд заскрежетали гусеницы. А я все никак не мог собрать остаток сил. Я просто валялся там, мучаясь от боли и прислушиваясь.

Потом вспыхнул луч света. Сначала он промахнулся, но почти сразу же отыскал меня. Изрыгая проклятия, я отвернулся. И тут откуда-то взялись силы.

Я почти конвульсивно напряг ноги и стал толкать камень. Я так стиснул зубы, что, казалось, все они раскрошатся. Пот со лба стекал мне в глаза. Боль в боку пульсировала в такт с моим сердцебиением.

Потом, очень медленно, камень наклонился вперед. На несколько дюймов, насколько я мог судить, и там застыл. Я расслабился и дал ему опуститься на место. Потом еще раз...

И на этот раз камень качнулся дальше. Я продолжал давить на него, пока не понял, что мне больше уже не выдержать, что меня сейчас разорвет от напряжения.

Движение камня затормозилось, казалось, он вот-вот остановится. Но этого не произошло, и тело мое обмякло.

Я бы пропустил все, что было дальше, но моя голова склонилась влево, и свет снова ударил мне в глаза. Я отдернул голову и в этот миг увидел, как камень катится.

Робот уже высунулся на десять—двенадцать дюймов. Мне померещилось, что камень катится слегка в сторону, и я испугался, что он пролетит мимо.

Но он не пролетел мимо. Он со страшной силой ударил робота по левой стороне. Потом они исчезли. Уже теряя сознание, я все-таки услышал, как они грохнулись вниз.

Я не знаю, сколько времени пролежал там. Мне казалось, что я сплю и во сне вижу бесчисленные звезды, похожие на ослепительно яркие островки в черном озере, и между ними прохаживаются люди, умиротворенные, безмятежные, мудрые, благородные. Меня это обрадовало, но по противоположным причинам: либо та работа, которую я должен был выполнить, завершена и завершена успешно, либо это произошло вопреки всему сделанному, но благодаря тому, что мне все-таки удалось вовремя вмешаться. В любом случае, это была очаровательная картина, хотя и не вставленная в рамку, и я пожалел, что меня от нее отвлекают. Вероятно, меня привел в чувство свет. Когда я окончательно пришел

в себя, то не мог понять, то ли я действительно спал и видел сон, то ли просто смотрел на звезды в мечтательном забытьи. Это уже не имело значения.

Я перевернулся на живот и сумел подняться на четвереньки, пряча лицо от света. Потом я медленно подполз к краю.

Внизу валялся искореженный робот. Свалившись, он еще откатился футов на тридцать в сторону. Камня я не разглядел.

Я опять опустился на живот и стал смотреть вниз. Чувство торжества быстро сменилось грустью, тоской. Разве не был я сам сломанным механизмом? Сохраняя в себе лишь то, что казалось мне существенно важным, я сам формировал себя, отбрасывая лишнее, заводил себя, как механическую игрушку, и бегал, пока не кончался мой срок. Потом опять.

Или, вернее, он.

Будь оно все проклято! Нет! Я.

Мы?

Хорошо. Я начинал воспринимать то, что произошло. После последнего слияния все стало бессознательно раскладываться по полочкам само по себе. Извлечение очередной булавки каждый раз приводило к восстановлению той части памяти, что была когда-то отброшена мной за ненадобностью, и вызывало психические потрясения различной силы, но полученный материал в конце концов непременно усваивался, потому что он был моим, он был знакомым, он был родным и близким. Потом появилось чужое связующее звено, сквозь которое стали просачиваться другие частицы моего первоначального «я».

Чужое? Уже нет.

Нет.

На миг я оказался по другую сторону зеркала, разглядывая тот отвратительный багаж, который я приобрел, вытащив булавки и убив Винтона. Ну что же, я не получил, чего хотел, а именно понимания изначального происхождения этой шайки назойливых, лезущих в чужие дела проныр.

Назойливые, лезущие в чужие дела? Конечно, я тоже такой же. Но это они вынудили меня.

Они?

Мы. Теперь.

Занятно.

...Ибо никто из нас не знал, почему мы обречены влачить именно такое существование, каким бы оно ни было, или кто мы такие на самом деле. Я действительно был пропавшим клоном; необходимость этой кражи была обусловлена тогда моим преклонным возрастом и угасавшими силами. Чтобы другие не узнали о моем перемещении, о моей истинной сущности, пришлось пойти на тщательно спланированное самоубийство. До этого я очень долго был рядом с ними, почти с самого начала. Но вот что было еще раньше... Я всегда знал, что я с врагом одной крови, что мы всегда

были врагами, потому что мне сразу же не понравилось то, что они затевают, создавая Дом. Впрочем, тогда я был бессилен и выжидал, скрывая свои чувства. Я узнавал о них либо по их действиям, либо, иногда, молчаливо участвуя в их слияниях. Прошло много времени, прежде чем мое неодобрительное отношение к их системе ограничений и тотального контроля достигло такой степени, что я начал обдумывать их устранение.

Ведь первоначально предполагалось, что Дом создается только на время, для связи и консолидации всех отдаленных миров, как обыкновенное убежище для той части человечества, которой удалось пережить погубившую Землю катастрофу, как место, где уцелевшие смогут остановиться и перевести дух. Однако семья решила превратить его в нечто более постоянное, придерживаясь того убеждения, что повторение случившегося неизбежно, куда бы люди ни отправились, если не будет сделано что-нибудь радикальное для изменения самого человека. Я понял это так, что они готовы упрятать человечество в тюрьму, в больницу. Я же считал, что выживание рода человеческого может быть гарантировано простым его рассредоточением, теми разнообразными и бесчисленными возможностями для его развития, которые непременно представятся. Я находился на Земле в ее последние дни, работая со спасательными командами, и я верил, что это несчастный случай, недоразумение, ошибка; война, стихийное бедствие всему виной. И даже если это было не так, случившееся не обязательно должно было повторяться снова и снова. Я хотел, чтобы человек вышел из дома, чтобы он опять отправился в путь.

Таких возможностей, как у семьи, у меня не было. Но обо мне тоже никто не знал. Я решил в полной мере воспользоваться этим, тщательно все продумывая, нанося внезапные удары и не оставляя ничего без внимания. В первый раз я потерпел неудачу, они так и не узнали, кто я, или что все это значит. Власти оставались вне игры, не зная о существовании семьи и находясь под ее влиянием. Я изучил их методы, превзошел в умении скрывать свое истинное лицо и до известной степени стал таким же безжалостным, какими были они в самом начале. Это было не так сложно.

Впрочем, они изменились. И я знаю, почему. Эта идея нравственной эволюции, с которой они так носились и которую они пытались осуществлять даже на своем собственном, личном уровне... Она их и погубила. Теперь они оказались слишком слабыми, и я победил... Пиррова победа, в своем роде.

Я не знал, откуда я взялся. Мои самые ранние воспоминания относились к тому времени, когда я работал техником в Подвале Крыла I. И только постепенно, путем наблюдений и телепатии, я узнал о семье и об их великом эксперименте. Я принял решение помешать им и занялся самообразованием.

Я понимал, что, уничтожая их, я, вероятно, выбрасываю ключ к тайне моего собственного происхождения. Впрочем, я был готов принести эту жертву...

Те булавки, что я сумел вытащить, не принесли мне этого знания. Если бы я сразу пошел на свет, то, быть может...

Что таилось в этом свете? Меня влекло к нему с того самого мига, когда я увидел его в первый раз там, в своей комнате. Если бы я не возился с булавками, то я, может быть, успел бы добраться до его источника. Я бы избежал...

Плохо.

Я бы избежал схватки, которая была просто необходима для успешного завершения моей работы. Теперь надлежало лишь поддерживать умственное и психическое равновесие, сохранять собственное преимущество в себе самом. Я...

Но мне уже не хотелось идти на свет. Теперь он вызывал во мне отвращение. Я...

Мы...

Да. Мы.

Нет. Я.

Мы — это Я.

Я смотрел на разбитую машину: у нас было много общего.

Шло время.

Свет струился над моей головой, отбрасывая причудливые тени внизу.

Голова кружилась.

Ветерок пронес над роботом клочки тумана.

В воздухе стремительно пронеслось что-то темное.

Что-то невдалеке пискнуло и зажужжало, но тут же стихло.

Уголком зрения я видел полную луну, похожую на ледяное колесо.

У меня застучали зубы. Пальцы заледенели.

«Поднимайся!»

«Я...»

«Сейчас ты должен спуститься вниз и пойти назад. Поднимайся».

«Я устал».

«Поднимайся. Сейчас же».

«Не знаю, смогу ли я».

«Сможешь. Поднимайся».

«Не знаю, хочу ли я».

«Это не имеет значения. Поднимайся».

«Почему?»

«Потому что я так сказал. Ну же!»

«Хорошо! Хорошо!»

Я медленно приподнялся. Постоял секунду на четвереньках, потом сел.

«Лучше?»

«Да. Теперь вставай».

Я встал. Страшно кружилась голова, но я понял, что стоять могу. Я не поворачивался к свету, глядя на Крыло, Которого Нет.

«Ты пойдешь именно туда. Иди».

Я опустил голову, несколько раз глубоко вздохнул и пошел.

Оказывается, спускаться легче, чем подниматься. Я это сразу же выяснил, оступившись и съехав по склону на спине футов на восемь.

«Спускайся. Спускайся».

«Я что, никогда не отдохну?» — спросил я.

Но потом нащупал твердую почву под ногами и полез вниз, зажимая рукой рану на боку. Свет остался гораздо выше, и мне было чуть-чуть легче. Спустившись, я прошел мимо робота, даже не взглянув на него. Потом я поднимался, спускался, оступался. Я падал и поднимался, но продолжал идти.

Движение помогло мне немного согреться. Через некоторое время я снова увидел темную глыбу своего Крыла. Освещенное окно напомнило мне о Гленде, и это, в свою очередь, навело меня на мысли о ее покойном отце. Он был моим другом, и я погубил его. Не тот же самый я. Не тогда. Не теперь. Я пытался относиться к этому именно так и чувствовал, что начинаю привыкать. Это не означало, что я не испытывал угрызений совести, но я уже был не тем, кем был раньше, тогда или даже несколько дней или часов назад. Может быть, разрушение и воссоздание своего «я» стало для меня не таким изнурительным занятием, как бывало, благодаря тому, что мне так много приходилось этим заниматься. Теперь я понимал, кем я был, до определенного момента. Тем не менее это было лишь началом познания своего нынешнего «я».

Я поддерживал Глинна, я видел в нем надежду на будущее, средство для разрушения Дома. Впрочем, он мне нравился, и, когда они расправились с ним, я забрал ребенка. В то время у меня не было никаких планов насчет нее. Но потом, оценя ее интеллектуальные способности, я позаботился о том, чтобы девочка не только получила отличное образование, но и узнала о надеждах и планах своего отца, вплоть до самых мелких подробностей. Она воспринимала их с энтузиазмом. К тому времени мне уже стало казаться, что она не чья-то еще, а моя собственная дочь, до такой степени я к ней привязался. Поэтому было вполне естественно, что в конце концов я посвятил ее в свои собственные планы и надежды. Не во все. Она отнеслась к ним с полным сочувствием и пониманием, поэтому я обратился к ней за помощью. Как бы мне хотелось теперь, чтобы я обошелся без нее. Она не знала о моих намерениях убить Энджела, или о том, что я хочу заставить Винтона убить меня. Я выиграл...

Но если все вышло по-моему и я выиграл, то почему я иду к Крылу, Которого Нет, а не к развалинам?

Потому что...

Иди дальше.

Должна быть какая-то причина. Я просто не мог вспомнить. В голове моей был такой же туман, как и вокруг меня. Голова ныла, как больной зуб.

Не пытайся думать. Просто иди.

Гленда. Вот в чем дело. Она ждала меня. Я возвращался к Гленде, чтобы рассказать ей, что все уже кончилось.

Поднимайся!

Странно. Я не заметил, как упал. Я с трудом поднялся на ноги и почти тут же свалился опять.

Уже недалеко. Ты должен идти. Поднимайся.

Я этого хотел. Я очень хотел. В душе я стремился к этому... вот только ноги заплетались, не слушались. Это проклятое тело...

Я чувствовал, что в моей голове тоже происходят странные вещи.

Что же, пусть, лишь бы это помогло мне подняться.

Еще попытка, опять падение.

Впрочем, такие мелочи не должны меня беспокоить. Чтобы продолжать путь, мне совсем не обязательно было стоять. Мне уже приходилось волочить свои тела и в другом положении. Все зависит от отношения к делу. Целеустремленность, упорство — вот что главное. Может быть, лучше назвать это упрямством?

Я полз вперед. Время больше не имело значения. Руки мои окоченели.

Вверх по склону. Когда луч света опять ударил в меня, я даже не сразу это заметил. А когда это дошло до меня, мне вдруг померещилось, что я нахожусь на сцене, выступая перед невидимой аудиторией, настолько завороженной моей игрой, что она просто замерла, не издавая ни звука.

Перед тем как мне в последний раз отказались повиноваться руки, я увидел Крыло, я увидел окно...

Оно приблизилось, намного приблизилось. Я полз медленно, очень медленно, как полураздавленное насекомое. Было бы глупо не выдержать, ведь осталось совсем немного. Нелепо...

Я попытался приоткрыть глаза и приподнять голову. Сколько я пролежал здесь?

Плохо.

Можно понукать тело, подгонять его, волочить. Но сознание приходит и уходит по своим законам.

Это был уход...

Глава 12

Я видел все это, пользуясь правом, дарованным мне вечностью.

Семья подобрала меня, зарядила и навела на Стайлера. Стайлер взял меня, манипулируя обстоятельствами, подстроил все так, что мне пришлось сыграть роль Отелло в «Гамлете» его постановки, и выпустил меня на волю, чтобы я воспитывал человечество в духе такого пацифизма, который представлялся ему наиболее подходящим. Я мог только догадываться, но казалось весьма вероятным, что на каком-то этапе моих ранних экспериментов с клонированием он получил образцы моих биологических тканей. У него были роботы, все еще оставались роботы, которые могли это для него сделать, и он спроектировал Крыло, Которого Нет. Не так уж

и важно, каким образом ему это удалось. Образцами моих тканей он воспользовался для клонирования изначального мистера Блэка, заложил в него такие предпосылки, что он стал чем-то вроде моего «анти-я», и отправил его в Дом с потерей памяти и инстинктом выживания. Он был помещен туда, чтобы помешать мне и уравновесить мои усилия, когда придет время, сработав, как некая социологическая бомба замедленного действия. Пришло время — и это случилось. Стена рухнула, наготове была Гленда с формулами Глинна, и я был обезврежен. Мне почти слышался голос Стайлера, говорящий: «...а теперь добавим 8 кубиков основания Блэка в кислоту ди Негри».

Я взглянул на цветные огоньки. Потом я протянул руку и стал щелкать переключателями.

Справа от меня послышался странный шум, и чья-то рука легла на мою... Шлем мешал мне повернуть голову и посмотреть туда. Тут меня посетило видение из далекого прошлого. Я видел крестьян, вспахивающих небольшое поле, граница которого была отмечена черепом какого-то животного, надетым на низкий шест.

«Все в порядке», — сказал я.

Рука отодвинулась.

«Кто..?» — спросила она наконец.

Что я мог на это ответить?

«Имя мне было — Легион, — начал я, запинаясь, — я был целой галереей обличий. Я был Блэк, я был Энджел, я был Лэндж, я был Винтон, я был Кэраб, я был Винкель. И Джордан, и Хинкли, и старый Лэндж. И еще было множество других, о которых вы никогда не слышали. Я мог бы сказать, что это неважно, но это важно, ибо я — есть я. Полагаю, что я должен выбрать себе лицо. Очень хорошо. Называйте меня просто Анджело. С этого все началось».

«Боюсь, что не понимаю. Вы..?»

Я снял с головы шлем и повернулся, чтобы посмотреть на нее.

«Да, — сказал я. — Со мной действительно все в порядке. Спасибо, что вы сделали так, как я просил. Я сам добрался сюда или вам пришлось меня тащить?»

«Я вам помогла, — сказала она. — Я видела, как вы упали...»

«Значит, вы выходили наружу?»

«Да. Я надеялась, что у меня будет повод. Не такой, конечно. Но это было восхитительно!»

Я потер бок.

«Я вижу, вы подлатали меня немного».

«Вы истекали кровью».

«Да, вполне возможно и ничего удивительного».

Я поднялся на ноги, постоял немного, прислонившись к креслу, подошел к шкафу и стал шарить там по полке.

«Что вы ищете?»

«Сигареты. Хочу закурить».

«Они в другой комнате, где я ждала вас».

«Пошли туда».

Я не стал опираться на протянутую мне руку. Мы пошли по коридору.

«Давно вы меня притащили?»

«Примерно час с четвертью».

Я кивнул.

«А что поделывает тот самый свет?»

«Не знаю. Я не заходила туда после того, как помогла вам войти».

Мы вошли в комнату. Она показала мне, где лежат сигареты, сама курить отказалась. Закуривая, я подошел к окну. Далеко в стороне свет растекался по небу мутной рыжевато-коричневой лужей. Я глубоко затянулся, выдохнул дым.

«Вам правда понравилось там?» — спросил я.

«Да, а сейчас там так красиво, и солнце уже всходит».

«Хорошо. Я хочу пригласить вас туда на прогулку».

«Вы не в такой уж хорошей форме».

«Тогда тем более кто-то должен быть рядом со мной. Кроме того, мне потребуется секретарь».

Она наклонила голову набок и прищурилась. Я улыбнулся.

«Решайтесь. Мы будем идти тихо и спокойно. Прогулка пойдет нам на пользу».

Она кивнула и последовала за мной к выходу. Мы вышли и вдохнули прохладный утренний воздух.

«Не могу привыкнуть к запахам, — сказала она. — Здесь дышится совсем не так, как в Доме!»

Потом она спросила: «Куда мы идем?»

Я показал ей кивком головы.

«Вон туда».

«К развалинам? Это довольно далеко...»

«Тихо и спокойно. Без спешки, — сказал я. — Времени у нас сколько угодно».

Мы двинулись в ту сторону, и меня раздражала только необходимость часто останавливаться и отдыхать. Еще нам пришлось несколько изменить маршрут, чтобы не проходить мимо оставленного мной тела. Хотя я пытался скрывать боль в боку, она заметила это и стала поддерживать меня под руку. Я уже не возражал.

Я рассмеялся.

«Помнишь, когда тебе исполнилось семь лет, я подарил тебе коньки? — сказал я. — И уже на следующий день ты поскользнулась и подвернула ногу. Мне показалось, что это был настоящий перелом. Но ты не позволила мне взять тебя на руки. Ты опиралась на мою руку, как я сейчас. Ты сдерживала слезы, но твое личико было мокрым, и ты кусала губу. Падая, ты порвала свое любимое синее платьице. То самое, с желтой вышивкой на груди».

Ее пальцы почти до боли сжали мою руку. С востока повеяло легким ветерком. Я похлопал ее по руке.

«Все уже хорошо», — сказал я, она быстро кивнула, и я отвернулся.

Я скорее почувствовал, чем увидел, что в развалинах вспыхнул свет. Его луч промелькнул мимо нас, вернулся к нам и остановился. Сейчас, при дневном свете, он уже не производил того впечатления, что раньше.

Мы пробирались среди камней, обходили ямы, воронки, поднимались вверх, спускались вниз, потом опять вверх.

«Птичка!» — вскрикнула она.

«Да. Хорошенькая. Желтая».

Это было приятное утро, наполнившее мир нежными тонами, смягчавшими суровость этих мест, где разыгрывался мой ночной кошмар. Кучевые облака и прохладный ветерок слева обещали, что скоро начнется дождь, но на востоке продолжала разгораться заря нового дня, и небо там было ясным, безоблачным, и зелени там было больше, чем мне раньше казалось.

Мы приблизились, и свет, которым он пользовался во время охоты на меня, наконец скрылся за верхним краем уцелевшей части фасада здания, почерневшей, покрытой трещинами. Дверь туда была распахнута.

«Мы войдем внутрь?» — спросила она.

«Да».

Мы вошли в выгоревший вестибюль, стены которого местами обвалились, а крыша рухнула, поэтому сверху беспрепятственно падал дневной свет. Здесь пахло пылью веков.

«Что мы будем здесь делать?» — спросила она, пока мы пробирались среди мусора в дальний угол комнаты, над которым оставалось что-то вроде навеса.

«Через минуту. Я думаю, что примерно через минуту ты все узнаешь, — сказал я. — Именно поэтому мне нужен был секретарь».

Дальний коридор, по которому мне довелось пройти столько лет назад, был наглухо завален. Это, вероятно, было вызвано обрушившейся когда-то с отдаленных гор лавиной. Я отвел ее в относительно чистый закуток, под огромными слоями пыли с трудом угадывались очертания какой-то мебели. Да, я все помнил правильно. Черный аппарат притаился, как тарантул, в своем углублении в стене. Я достал свой носовой платок.

Телефон зазвонил, когда я вытирал с него пыль.

Гленда вскрикнула.

«Вот, — сказал я, делая шаг назад. — Теперь он относительно чистый. Не возьмешь ли ты за меня трубку?»

Она кивнула, подошла и, волнуясь, заметно нервничая, сняла трубку.

«Алло?»

Она послушала немного, потом прикрыла ее рукой, чтобы не было слышно на другом конце, и посмотрела на меня.

«Он спрашивает, кто я».

Она сказала, опять послушала и снова обратилась ко мне:

«Он спрашивает мистера Анджело ди Негри».

«Ты секретарь мистера Негри. Спроси его, что ему надо».

Пауза и:

«Он хочет поговорить с вами о ваших делах», — сказала она.

«Сейчас я занят, — сказал я, протирая стул. — Скажи ему, что ты можешь немного удовлетворить его любопытство, и расскажи про структуру Дома, про расположение его Крыльев, про его внутреннее устройство. Отвечай на любые его вопросы, относящиеся к этой теме».

Я очистил стул от накопившейся за века пыли и грязи, сделав это очень тщательно, и уселся. Тут она снова обратилась ко мне:

«Он спрашивает, нельзя ли ему поговорить с вами сейчас».

Я покачал головой. Я закурил.

«Скажи ему, что стена в Крыле 5 рухнула и что люди идут наружу. Скажи ему, что ты возвращаешься туда для осуществления программы помощи участникам неминуемого массового исхода».

«Я?»

«Разве ты этого не хочешь?»

«Да, но...»

«Ты знаешь, какое понадобится оборудование? Как его производить и применять?»

«Думаю, да».

«Так скажи ему еще об этом».

Я докурил. Прошло довольно много времени, прежде чем я опять закурил.

«Он спрашивает, что, по-вашему, из всего этого следует?» — сказала она наконец.

«Черт возьми, да почем я знаю? — сказал я. — Я даже не вполне понимаю, чему это научило меня, разве что теперь мне известно, каково быть винтиком в огромной машине».

Она быстро переговорила с ним, потом сказала:

«Он говорит, что хочет услышать ваш голос. Он просит вас сказать ему что-нибудь. Что угодно».

Я встал на ноги и потянулся.

«Скажи ему, что долг чести между нами уплачен, — сказал я. — Скажи ему, что, к сожалению, в настоящее время мистер Негри на звонки не отвечает. Потом положи трубку».

Она так и сделала, и я снова оперся на ее руку, и она помогла мне выйти из развалин. Солнце уже взошло, но на небе появились тучи. Я подумал, что мы, быть может, еще успеем вернуться до того, как пойдет дождь. А если даже и нет, то какая, черт побери, разница.

РОМАН

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

Глава 1

В ночь, выбор на которую пал много месяцев назад, Малакар Майлс пересек улицу под номером семь, пройдя под фонарем, разбитым им накануне днем.

Ни одна из трех лун Бланчена еще не взошла. Небо было затянуто легкими облачками, и редкие звезды казались тусклыми и слабыми.

Глянув вдоль улицы и вдохнув аэрозоль из баллончика, защищавшего легкие в непривычной атмосфере, он двинулся вперед. На нем были черные одежды с прорезными карманами, запечатанными статическим электричеством. Пересекая улицу, он проверил, легко ли они расстегиваются. Выкрасив все тело в черный цвет три дня назад, Малакар Майлс был почти незаметен в тени.

На крыше здания на противоположной стороне улицы под номером семь сидел Шинд, двухфутовый меховой шар. Он не шевелился и не мигал.

Прежде чем подойти к служебному входу номер четыре, Малакар определил три ключевые точки в дюриллихтовой стене и ухитрился деактивировать их сигнальные устройства, не прервав цепь. На дверь номер четыре ушло больше времени, но все же через пятнадцать минут он был уже внутри здания, погруженного в абсолютную темноту.

Он надел очки, зажег свой специальный фонарик и пошел в глубь здания по проходам между контейнерами, наполненными одинаковыми блоками оборудования. В последние месяцы он много практиковался в разборке нужных секций именно этого оборудования.

— *Человек-охранник проходил перед зданием.*

— *Спасибо, Шинд.*

Через некоторое время:

— *Он повернул на улицу, по которой ты шел.*

— *Дай мне знать, если он сделает что-нибудь необычное.*

— *Он просто идет и посвечивает фонариком в темные углы.*

— *Предупреди, если он станет останавливаться там, где останавливался я.*

— *Прошел первое место.*

— *Хорошо.*

— *Прошел второе.*

— Отлично!

Малакар открыл один контейнер и снял с находившейся внутри машины деталь размером в два кулака.

— Он остановился у входа. Проверяет дверь.

Малакар возобновил работу по замене изъятой детали другой, принесенной им с собой. Время от времени он останавливался, чтобы вдохнуть бодрящий аэрозоль из баллончика.

— Он уходит.

— Хорошо.

Закончив работу, он поставил на место и закрепил крышку контейнера.

— Скажи мне, когда он скроется из виду.

— Скажу.

Малакар вернулся к служебной двери номер четыре.

— Он ушел.

Ушел и Малакар Майлс, останавливаясь только у ключевых точек, чтобы уничтожить все следы своего визита.

Пройдя три квартала, он помедлил на перекрестке и огляделся. В небе полыхнуло красным — садился еще один транспортный корабль. Пока что идти было нельзя.

Бланчен не был обычным миром...

Пока Малакар оставался внутри скопления кварталов двенадцать на двенадцать и не возбудил какое-нибудь специальное устройство в дюриллихтовых стенах зданий, он был в относительной безопасности. Внутри каждого комплекса находилось обычно несколько людей-охранников, а команды роботов патрулировали несколько комплексов сразу. По этой причине он и прятался в тени, избегая свисавших с каждого здания фонарей, свет которых служил ориентиром для низколетящих ночных скиммеров и охранников.

Ничего не заметив на перекрестке, Малакар снова углубился в комплекс и поспешил к месту встречи.

— Справа. Один блок справа и два вперед. Механокар. Поворачивает за угол. Иди прямо.

— Спасибо.

Он пошел, считая повороты.

— Механокар уже далеко.

Соблюдая осторожность, он вернулся на один блок назад, свернул под прямым углом, прошел три блока и замер, услышав звук летающей машины.

— Где она?

— Оставайся на месте. Тебя из нее не видно.

— Что это?

— Скиммер средних размеров, он прилетел с севера на большой скорости. Сбавил скорость. Парит над улицей, где ты был.

— Боже!

— Снижается.

Малакар сверился с хронометром на левом запястье, подавил стон и ощупал рукоятки многочисленных орудий убийства, которыми был обвешан.

— *Приземлился.*

Он ждал. Некоторое время спустя:

— *Из скиммера вышли двое. Кажется, больше внутри никого не осталось. К ним подходит охранник.*

— *Откуда он идет? Не из здания?*

— *Нет. С другой улицы. Похоже, он ждал их. Разговаривают. Охранник пожимает плечами.*

Малакар чувствовал биение сердца и изо всех сил старался контролировать дыхание — как бы не переполнить легкие непривычной атмосферой Бланчена. Он вдохнул еще раз аэрозоль, шагнул. Небо над головой прорезали два транспортных корабля — один летел на юго-восток, другой — на запад.

— *Команда садится в скиммер.*

— *Охранник?*

— *Просто стоит. Ждет.*

Он насчитал двадцать три удара сердца.

— *Скиммер поднимается. Очень медленно. Дрейфует над фронтоном здания.*

Несмотря на прохладный ночной воздух, Малакар почувствовал, как на его высоком черном лбу выступили капельки пота. Он смахнул их указательным пальцем.

— *Они парят. Какая-то активность. Не могу определить, чем они занимаются. Слишком темно... Вот! Свет. Они починили фонарь, который ты разбил. Они уходят в том направлении, откуда пришли.*

Огромная фигура Малакара затряслась. Он смеялся.

Потом он возобновил путь к месту встречи, которое он выбрал с величайшей тщательностью, потому что Бланчен не был обычным миром...

Кроме охранников и сигнальных систем на различных высотах действовала система воздушного наблюдения. Вчера вечером, при спуске, его корабль эффективно блокировал ее и, скорее всего, сделал то же самое при подъеме. Малакар проверил хроно и вдохнул еще немного очищающие легкие пары. Он не позаботился о том, чтобы кондиционировать организм в атмосфере Бланчена, как сделали это жившие здесь охранники, рабочие и техники.

Меньше сорока минут...

На Бланчене не было морей, озер, рек и ручьев. Не осталось ни следа местной жизни — только атмосфера свидетельствовала о том, что когда-то тут что-то существовало. В какой-то момент недавней истории бытовало мнение, что неплохо было бы привести планету в божеский вид. Предложение это было отвергнуто по двум причинам: непомерные расходы на оживление планеты и, главное, то, что ее обитаемости была противопоставлена разумная альтернатива. Консорциум промышленников и владельцев звездолетов заявил, что сухая атмосфера сделает планету идеальным местом для устройства на ней склада. Консорциум предложил

первооткрывателям стать их полноправными партнерами при условии, что они застроят и заселят планету.

Теперь Бланчен походил на миллионноглазый дюриллихтовый ананас. Тысячи грузовых звездолетов постоянно крутились вокруг него, а между ними и тысячами причальных доков курсировали транспортные корабли, привозя и увозя грузы. Три луны Бланчена превратились в диспетчерские центры и места отдыха. В зависимости от выпуска продукции и потребностей какого-либо определенного мира принадлежащие ему доки и складские комплексы либо кипели активностью, либо оживлялись время от времени, либо вообще бездействовали. Команды докеров перебрасывались с места на место в зависимости от того, где в них нуждались. Платили людям хорошо, на условия жизни грех было жаловаться. Но, хотя обладание складскими местами означало деньги и длительную сохранность товаров, их межпланетная перевозка обходилась катастрофически дорого.

Из-за этого товары, пользующиеся малым спросом, могли лежать без движения годами и даже столетиями. Здание, которое навестил Малакар, не открывалось вот уже без малого два земных месяца. Зная это, он не предвидел особых затруднений, если только то маленькое дельце, о котором он пронюхал, не провернут с излишней поспешностью.

Диспетчерские центры были перегружены работой, а бортовой компьютер его крохотного личного звездолета «Персей» был набит прекрасными навигационными программами, и Малакар чувствовал, что не слишком рискует, покидая ДИНАБ и вступая на территорию Объединенных Лиг, Бланчен. Если его обнаружат и убьют, то тем самым докажут, что он не прав. Если его схватят и не убьют, у них не будет другого выхода, кроме как отослать его домой. Правда, сначала его допросят под воздействием лекарств, чтобы выяснить, что он успел сделать, и поспешить исправить это.

Но если его поймают здесь, на Бланчене, во время...

Он тихо хмыкнул.

...Птичка могла бы клюнуть еще раз, расположив другого червячка.

По хроно оставалось еще минут пятнадцать.

— *Где ты, Шинд?*

— *Над тобой, охраняю.*

— *ЭТО, Шинд, должно получиться.*

— *Если судить по твоим описаниям, получится.*

Над ними, курсом на восток, промелькнуло три транспортных корабля. Малакар долго смотрел им вслед.

— *Ты устал, Командор,* — сказал Шинд, вспомнив о субординации.

— *Нервная усталость, только и всего, Лейтенант. Как сам?*

— *Немного устал. Моя главная забота, конечно, о брате...*

— *Он в безопасности.*

— *Знаю. Но он не вспомнит наших увещеваний. Сначала ему станет одиноко, потом — страшно.*

— *С ним ничего не случится, и скоро мы будем вместе.*

Ответа не последовало. Малакар вдохнул аэрозоль и стал ждать.

В полудреме (как долго?) он услышал:

— *Вот! Вот он!*

Улыбнувшись, он потянулся и посмотрел вверх, зная, что еще несколько мгновений не увидит того, что заметили глаза Шинда.

Корабль упал, словно паук, и висел, как фестивальный воздушный шар, пока Шинд залезал внутрь. Потом он спустился ниже и протянул Малакару посадочный стержень. Малакар ухватился за него и был тут же втянут в брюхо «Персея». По пути он заметил маску Медузы с улыбкой Моны Лизы, которую нарисовал сам. Ему нужна змея, но придется пока довольствоваться червячками.

Малакар сплюнул в люк как раз перед тем, как тот закрылся, и попал на стену здания под ним.

* * *

По дороге в Италбар Гейдель фон Хаймак наблюдал, как умирают его спутники. Их было девять — все добровольцы, — кто решил сопровождать его сквозь дождевые леса Клича к городу в горах Италбару, где в нем нуждались; к Италбару, что за тысячу миль от космопорта. Чтобы добраться туда, Гейдель нанял сначала воздушное такси. Такси сломалось, он вынужден был приземлиться и поведать свою историю колонистам на берегу реки Барт, которые наткнулись на него, кочуя на запад. Теперь только пятеро осталось из тех девяти, кто, не слушая его возражений, отправились с Гейделем. Один из этих пяти уже начал потеть, другой — покашливать.

Гейдель огладил рукой песочного цвета бороду и снова принялся продирать свои черные ботинки сквозь густую поросль, скрывавшую то, что должно было быть тропой. Он вспотел, рубашка прилипла к спине. Он прекрасно помнил, что предупреждал спутников об опасности совместного путешествия.

Они слышали о нем, слышали, что он — святой и цель его жизни — помощь страждущим.

— Последнее верно, — сказал он им, — но не думайте, что, отправившись со мной, наберете лишние очки в счет небесного благословения.

Они рассмеялись и сказали, что дело не в этом, что они будут охранять его от диких зверей и показывать дорогу.

— Ерунда! Укажите мне нужное направление, и я обязательно попаду, куда надо, — сказал он им тогда. — Мое общество сулит вам множество опасностей.

Но они рассмеялись снова и не показали ему дороги до тех пор, пока он не согласился взять их с собой.

— Нельзя быть со мной слишком долго — это верная смерть! — протестовал он.

Они были непреклонны. Он вздохнул.

— Ну что ж, тогда покажите мне такое место, где я смогу побыть сутки в одиночестве. Драгоценное время будет потеряно, но я должен постараться защитить вас, если уж вы не можете по-другому.

Они выполнили его просьбу, а потом танцевали друг с другом и радовались, что примут участие в таком великом приключении. Гейдель фон Хаймак, зеленоглазый святой со звезд, молится о них и об успехе путешествия!

Два или три дня пути пешком, сказали они ему, и Гейдель решил вызвать искусственное очищение тела. В Италбаре умирала девочка, и он стал измерять минуты ее дыханием.

Голубая Леди велела ему подождать, но он думал об этом дыхании и о сокращениях больного сердца, которое было когда-то маленьким. Он выступил в путь через пятнадцать часов, и это оказалось ошибкой.

У двух его компаньонов началась лихорадка, но усталость и изнуряющая жара джунглей замаскировали ее. Они испустили дух в полдень второго дня, и Гейдель не смог определить, от какой из многочисленных болезней они скончались. Откровенно говоря, он не очень-то и старался. Если человек умирал, вопрос «от чего?» приобретал академический оттенок. Вдобавок ко всему спешка его была так велика, что он не простил своим спутникам даже времени, затраченного на церемонию похорон. Недовольство его удвоилось следующим утром, когда двое из оставшихся семи не проснулись, и ему еще раз пришлось наблюдать те же ритуалы. Помогая рыть могилы, он проклинал их на незнакомых языках.

Безумные весельчаки — так он привык рассматривать их — уже не смеялись. Их рубиновые глаза были теперь широко раскрыты и смотрели беспокойно. Шесть их пальцев тряслись, извивались, щелкали. Они начали понимать. Слишком поздно.

Но два или три дня... Кончался уже третий, а гор все не было видно.

— Глэй, где же горы? — спросил он того, который кашлял. — Где Италбар?

Глэй пожал плечами и показал вперед.

Солнце, огромный желтый шар, было почти невидимо с тропы. Свет его иногда пробивался сквозь листья, но те участки земли, которых он не достигал, хлюпали от сочившейся из-под земли влаги и были устланы неприятными на вид грибами. Мелкие животные или большие насекомые — он не знал, кто именно, — стремглав уносились с тропы, крались за ними, трещали в кустах и ползали по ветвям. Крупных животных, о которых его предупреждали, они так и не увидели, хотя Гейдель часто слышал вдалеке шипение, свист и лай. Время от времени совсем рядом раздавался треск чего-то огромного, продирающегося в зарослях.

Парадокс происходящего не ускользнул от него. Он пришел спасти одну жизнь, и это стоило жизни уже четверым.

— Леди, ты была права, — пробормотал он, вспомнив свой сон.

Прошел еще час, и упал полузадушенный кашлем Глэй, чья оливковая кожа приобрела оттенок окружающей листвы. Гейдель подошел к нему и сразу все понял. Будь у него несколько дней для подготовки, он спас бы его. С другими у него не получилось, потому что его собственное очищение не было полным. Он не достиг равновесия. Уже глядя на первого мертвеца, он понял, что все девять обречены. Он помог устроить Глэя поудобнее,

дал ему воды и посмотрел на хроно. От десяти минут до полутора часов — таково было его предположение.

Гейдель вздохнул и зажег сигару. Она неприятно воняла. Влага добралась-таки до нее, а грибки Клича ничего не имели против никотина. Дым пах чем-то вроде серы.

Глэй посмотрел на него, и взгляд этот должен был обвинять. Но вместо этого Глэй сказал:

— Спасибо, Гейдель, что ты позволил нам принять участие в деле наравне с собой.

И улыбнулся.

Гейдель вытер капли пота с его лба. Умер Глэй через полчаса.

На этот раз, роя могилу, он не бормотал ругательства, а всматривался в лица оставшихся четверых. То же самое выражение. Они пошли с ним, как будто по вдохновению. Ситуация изменилась, и они приняли ее. Они приняли ее не отрешенно, но с улыбкой. Гейдель видел, что они все знают. Они знают, что умрут, не дойдя до Италбара.

Как и любой человек, Гейдель уважал благородное самопожертвование. Но напрасные смерти!.. Без всякой причины... Он знал — и они тоже, — что мог бы добраться до Италбара в одиночку. Здесь не было хищников, от которых нужно было отбиваться; тропа ясно видна. Как славно было бы стать простым геологом, как в тот день...

Двое умерли после завтрака, во время которого ели мало. К счастью, это была лихорадка мауль, неизвестная до этого на Кличе, — она вызывает внезапную остановку сердца и скручивает мышцы лица жертвы в улыбку.

У обоих глаза остались открытыми. Гейдель закрыл их сам.

Живые приступили к делу, и Гейдель не стал прерывать их, когда увидел, что они роют не две, а четыре могилы. Он помог копать, а потом ждал вместе с ними. Ждать пришлось недолго.

Покончив и с этим, он снова взвалил на плечи рюкзак и пошел дальше. Он не оглядывался, но могильные холмики продолжали стоять перед его глазами. Очевидная грубая аналогия не могла не прийти на ум. Жизнь его — тропа. Могилы — символы сотен, нет, наверное, тысяч мертвецов, оставшихся позади. Люди умирали от его прикосновения. Дыхание его опустошало города. Там, куда падала его тень, не оставалось ничего.

Однако он мог и лечить болезни. Вот и сейчас он взбирался по склону именно с этим намерением.

День, казалось, стал ярче, хотя Гейдель знал, что уже далеко за полдень. В поисках ответа он огляделся и увидел, что деревья вокруг стали ниже, а просветы между листьями больше. Лучи солнца пробивались сильнее, и здесь были даже цветы — красные и пурпурные, окольцованные золотом, — они лепились к качающимся лианам. Тропа пошла вверх круче, но трава, хватавшая его за ноги, стала короче, и меньше крошечных созданий разбегалось с его пути.

Через полчаса он мог уже видеть дальше, чем с любой предыдущей точки путешествия. На целых сто метров стал виден ближайший путь.

Преодолев это расстояние, он впервые увидел над головой просвет в листве, а в нем — огромную чашу бледно-зеленого неба. Через десять минут он был уже на открытом месте и, обернувшись, смог рассмотреть волнующееся море ветвей, по дну которого только что прошел. В четверти мили впереди и выше виднелась вершина холма, на которую он, оказывается, карабкался. Мелкие облачка висели над ней. Обходя выступающие скалы, он подошел к вершине.

Оттуда он увидел то, что показалось ему последним этапом путешествия. Спуск в несколько десятков метров, примерно час пути по ровному дну долины, чуть-чуть поднимающейся к дальнему концу, и крутой подъем на высокий холм или низкую гору. Он отдохнул, пожевал, попил и пошел дальше.

Пока Гейдель шел, ничего не случилось, но он вырезал себе посох.

Пока он взбирался по дальней тропе, похолодало, и солнце покатилось к горизонту. Гейдель достиг середины склона, дыхание его стало судорожным, а мускулы болели и от подъема, и от дневного напряжения. Теперь он мог видеть горизонт — над лесным морем кружились стервятники.

Он стал почаще присаживаться для отдыха, и когда дошел до вершины, в небе загорелась первая вечерняя звезда.

Он подгонял себя, пока не очутился на широком гребне — верхней точке длинной серой скалистой гряды; к этому времени ночь полностью вступила в свои права. У планеты Клич не было спутников, но звезды сияли, как факелы за хрусталем, а за ними в неисчислимом количестве пенились, пульсировали меньшие звезды. Ночное небо светилось голубизной.

Тщательно высматривая, куда поставить ногу, он прошел оставшееся расстояние и увидел огни, огни, огни и множество черных силуэтов, которые могли быть только домами, зданиями, движущимися машинами. Еще два часа, подумал он, и я смогу пройти по этим улицам, обгоняя обитателей мирного Италбара. Может быть, я остановлюсь в какой-нибудь приветливой гостинице, поем, выпью, посижу с кем-нибудь за столиком... Потом он посмотрел назад, подумал о пройденном пути и понял, что не может позволить себе этого — войти в город. Однако видение Италбара именно в этот момент будет преследовать его все оставшиеся дни жизни...

Сойдя с тропы, он нашел ровное место, где можно было устроить постель. Он заставил себя съесть и выпить столько, сколько мог вместить желудок. Он готовил себя к тому, что должно было произойти.

Он причесал волосы и бороду, справил телесные потребности, закопал свою одежду и залез в спальный мешок.

Он растянулся во весь свой шестифутовый рост, крепко прижал руки к бокам, сжал зубы, бросил быстрый взгляд на звезды и закрыл глаза.

Через некоторое время линии на его лице разгладились, челюсть безвольно отвисла. Голова скатилась к левому плечу. Дыхание стало глубже, замедлилось, освободилось совсем, возобновилось позже, но трудно было назвать это дыханием.

Когда голова его перекатилась на правую сторону, могло показаться, что лицо покрыто слоем прозрачной смолы или идеально подогнанной

стеклянной маской. Потом проступил пот, и капельки как бриллианты заблестели в его бороде. Лицо начало темнеть. Оно стало красным, потом багровым, рот открылся, из него вывалился багровый язык, и дыхание вырывалось громкими всхлипами, а из уголка рта бежала слюна.

По телу Гейделя пробежала дрожь, он свернулся в клубок и начал непрерывно трястись. Дважды его глаза резко открывались и, ничего не увидев, медленно закрывались. Изо рта пошла пена, тело застонало. Кровь капля за каплей вытекала из ноздрей и засыхала на усах. Иногда он что-то неразборчиво бормотал. Тело окаменело, расслабилось и неподвижно лежало до следующего припадка.

Голубоватый туман скрыл ноги, клубился вокруг, словно он шел по снегу, который был в десять раз легче обычного. Туманные извивы закручивались, плыли, рвались, спутывались и распутывались. Не было ни тепла, ни холода, не было звезд вверху, только бледно-голубая луна неподвижно висела над царством вечных сумерек. Слева от него росли кусты ярко-синих роз, возвышались голубые скалы.

Обойдя скалы, он вышел к ступенькам ведущей вверх лестницы. Поначалу узкие, они расширялись, и он скоро потерял из виду их концы. Он шел по лестнице, сквозь голубое ничто.

И вошел в сад.

Там росли кусты всех оттенков синего, и лианы карабкались на что-то, похожее на стены, хотя он не был уверен в этом — лианы росли слишком густо, — и беспорядочно понаставлены были каменные скамейки.

Клочья тумана добрались и сюда, они еле двигались, почти висели. Он услышал над головой пение птицы. Другая ответила ей из зарослей лиан.

Он пошел вглубь, мимо больших обломков чего-то, сверкавших, как полированный кварц. Вокруг танцевали игрушечные радуги, и сияние это привлекало огромное количество синих бабочек. Они роились, метались из стороны в сторону, присаживались на мгновение и снова взлетали.

Далеко впереди Гейдель увидел едва различимый силуэт чего-то столь огромного, что размеры показались бы ему невероятными, сохрани он способность критически воспринимать окружающее.

То, что он увидел, было фигурой женщины, наполовину спрятанной среди чудес голубизны, женщины, чьи волосы, иссиня-черные, взметались к небесам у самого горизонта, чьих глаз он не видел, а скорее, чувствовал, как будто они смотрели на него со всех сторон, а скорее, чувствовал, как будто они смотрели на него со всех сторон одновременно. Черты женщины оживляли этот мир, были его ДУШОЙ. И от осознания этого пришло к нему чувство неограниченной мощи и невероятной сдержанности.

Он вошел глубже в сад, и она исчезла. Осталось ее присутствие.

Перед ним, за высоким кустом, находилось что-то вроде летнего домика. Он приближался к нему, и свет угасал. Он вошел в него, и свет угас, и снова родилось в нем горестное чувство, что обречен он увидеть изредка улыбку, дрогнувшую ресничку, мочку уха, прядь волос, отблеск голубых

лучей луны на беспокойном запястье или предплечье, но ни разу не смог он — и не сможет — заглянуть ей в лицо, объять глазами всю ее необъятность.

«Гейдель фон Хаймак!» — слова пронеслись, но не в полный голос, а шепотом, доходившим до разума куда лучше голоса.

— Леди...

— Ты не послушался меня. Ты поторопился.

— Я знаю! Знаю... Когда я бодрствую, ты кажешься нереальной, как и место, где обитаешь.

Он услыхал ее тихий смех.

— Ты владеешь лучшим, что могут дать два мира, а это редкость для человека. Пока ты здесь, со мной, в этом приятнейшем из садов, тело твое бьется в агонии, терзаемое миллионами ужасных болезней. Но проснешься ты освеженным и единым целым.

— Да, на какое-то время, — ответил он, усаживаясь на одну из скамеек и откидываясь измученной спиной на шершавый камень.

— И когда это время свежести и целостного пройдет, ты вернешься сюда, если захочешь (что это? — отблеск лунного света или ее черных, черных глаз), для обновления.

— Да, — сказал он. — Что происходит, пока я здесь?

Он почувствовал прикосновение кончиков пальцев на щеках. Восторг захлестнул его.

— Разве здесь ты не был счастливейшим из существ?

— Да, Мира-о-арим. — И повернул он голову, и поцеловал кончики ее пальцев. — Но, кажется, еще что-то, кроме болезней, остается позади, когда я вхожу сюда... что-то, что непременно должно оставаться в памяти... но я не могу вспомнить этого...

— Все идет, как предопределено, ДРА фон Хаймак... Но оставайся же со мной, пока тело твое не обновится, потому что токи тела твоего должны сбалансироваться, чтобы оно смогло выполнить возложенную на него миссию. Ты знаешь, что можешь покинуть это место, когда захочешь. Но я посоветовала бы дождаться моего разрешения.

— На этот раз я дождусь. Скажи мне, Леди...

— Что сказать тебе, дитя мое?

— Я... я вспоминаю... Я...

— Не изнуряй свой разум. Это бесполезно...

— Дейба! Вот одно имя из тех, что я искал. Расскажи мне про Дейбу!

— Нечего рассказывать, ДРА. Это крошечная планетка в заброшенном уголке Галактики. Ничто не привлекает к ней внимания...

— Ты ошибаешься... Святилище? На высоком плоскогорье? Вокруг — разрушенный город. Само святилище под землей, не так ли?

— Во Вселенной много таких мест.

— Но это — особенное. Правда?

— Да, особенное, но особенности его жутки и печальны, выкормыш Земли... Один-единственный землянин смог принять то, что он там встретил.

— Что это было?

— Нет, — сказала она и коснулась его еще раз.

Он услышал музыку, простую и тихую, и она запела для него. Он не расслышал, а если и расслышал, то не понял пропетых ею слов, но голубые туманы закружились вокруг, возникли запахи, и тихий экстаз... Когда он очнулся снова, вопросов уже не осталось...

Доктор Ларион Пелс вывел корабль на орбиту вокруг планеты Лавона и передал послание в ее Медицинский Центр, Центр Иммиграции и Натурализации и Статистический Центр. Потом он сложил руки и стал ждать.

Ему ничего не оставалось делать, как сложить руки и ждать. Он не ел, не пил, не облегчался, не чувствовал боли. Плоть не угнетала его. Сердце его не билось. Наполнявшие его тело сильнейшие химические реагенты — вот что стояло между доктором Пелсом и разложением. И еще кое-что.

Одним из этих «кое-что» была силовая система, вживленная в его тело. Она позволяла ему двигаться, не тратя при этом своей собственной энергии (хотя он ни разу не спускался ни на какую планету, потому что его сверхмаломощные движения были бы тут же парализованы силой тяготения, превратив его в живую статую, наиболее подходящим названием для которой стало бы «Коллапс»). Система эта, питая мозг, одновременно стимулировала его, давая возможность высшим мыслительным процессам идти непрерывно.

Поэтому доктор Пелс был намертво прикован к космосу и обречен на непрерывный процесс мышления. Доктор Пелс — изгнанник из мира живых, странник, человек, постоянно ищущий и постоянно ждущий... по нормальным стандартам — ходячий мертвец.

Другая причина, поддерживавшая его на ходу, была не столь материальна, как миниатюрная система жизнеобеспечения. Тело его было заморожено за несколько секунд до наступления клинической смерти, а через неделю после этого прочитано завещание. Так как человек замороженный «еще не достиг статуса человека мертвого» (Гермс против Гермса, 18, 777С, N187-3424), он может «распоряжаться своим имуществом путем предыдущего проявления намерений, то есть точно таким же образом, как и человек спящий» (Найс и др. против Найса, 794С, N14-187-В). Согласно этому, несмотря на бурные протесты нескольких поколений родственников, все состояние доктора Пелса было обращено в наличные, а наличные потрачены на покупку корабля галактического радиуса действия с полной медицинской лабораторией и на то, чтобы перевести самого доктора Пелса из неодушевленно-замороженного состояния в состояние ледяной неподвижности. Вместо того чтобы в не нарушаемом сновидениями сне ждать проблематического открытия-которое-спасет-его-и-вернет-здоровье, доктор Пелс решил, что он ничего не имеет против бесконечного пребывания в состоянии, на десять секунд отстоящем от клинической смерти, если только это не помешает ему продолжать свои исследования.

— Подумайте только, — сказал он однажды, — о всех тех людях, которые пребывают сейчас в десяти секундах от смерти, и не знают этого. Я искренне желаю им испытать в этот момент как раз то, что они любят больше всего.

Доктор Пелс больше всего любил патологию, причем самого экзотического сорта. Иногда он гонялся за новой болезнью буквально по всей Галактике. Десятилетиями публиковал он блестящие статьи, открывал потрясающие лекарства, писал учебники, читал лекции студентам из своей орбитальной лаборатории, рассматривался в качестве главного претендента на Медицинскую Премию всеми галактическими академиями (по слухам, каждая из них называла его лауреатом только из боязни, что это сделает другая). Он имел неограниченный доступ к банкам медицинской памяти на любой цивилизованной планете, к которой приближался. Любая другая информация, за редчайшим исключением, также была к его услугам.

Паря над лабораторными столами — изможденный, безволосый, бледный, как высохшая кость, шести с половиной футов ростом, с тонкими пальцами, регулирующими пламя горелки или сжимающими вакуум-сферу, доктор Пелс казался идеально подходящим для выполнения своей главной миссии — изучения многокрасочных форм смерти. Стоит еще сказать, что хотя он и в самом деле не мог испытывать ни наслаждений, ни страданий плоти, но еще одно удовольствие было доступно ему кроме работы. Чем бы он ни занимался, везде его сопровождала музыка. Легкая музыка, классическая — она звучала вокруг него постоянно. Онемевшее тело ощущало мелодию, слушал ли он или игнорировал ее. Не исключено, что некоторым образом музыка заменяла ему и биение сердца, и дыхание, и все другие едва слышимые шумы человеческого тела, воспринимаемые людьми как нечто изначально данное... Какова бы ни была причина, вот уже много лет он не существовал без музыки.

Окруженный музыкой, со сложенными руками, он ждал. Посмотрел он и на Лавону, повисшую над ним в своей темно-коричневой прелести, тигрицу в ночи. Потом он обратил разум к другим делам.

Вот уже два десятка лет боролся он с одной особенной болезнью. Осознав, что в данный момент времени он находится там же, где и начал, Пелс решил изменить угол атаки: найти того единственного человека, который выжил, и выяснить, почему он выжил.

Задумав это, он направил корабль в центр Объединенных Лиг — на вращающиеся вокруг звезды Квале миры Солон, Элизабет и Линкольн — миры искусственные, проектированные самим Сандо.

Только тут мог он проконсультироваться с гигантским компьютером Панотам о вероятном местонахождении человека, обозначенного им пока как X, но чью личность он уже с уверенностью установил. Информация должна быть в памяти компьютера, хотя мало кто знал, как именно следует задать машине нужный вопрос.

По дороге сюда доктор Пелс останавливался на разных планетах, чтобы задать те же вопросы — удача сэкономила бы уйму времени. Может

быть, на СЭЛе придется ждать доступа к компьютеру целый год — основные программы, касающиеся здоровья миллионов людей, имели автоматический приоритет.

Так что он избрал окольный путь к СЭЛу, центр Объединенных Лиг. Концерты струились вокруг него, инструментарий для исследования смерти был приведен в полную готовность. Он сомневался, что вообще сможет достигнуть СЭЛа, или что нужда в этом станет неодолимой. Из двадцатилетней борьбы с МВАЛАХАРАН КХУРР, дейбианской лихорадкой, он сделал вывод, что сможет найти нужные ему следы там, где обычный человек увидит изолированные друг от друга явления. Он был уверен, что найдет по этим следам нужного человека и выведает у него, каким же оружием можно казнить еще одного Джека-Потрошителя.

Темп музыки увеличивался, и в десяти секундах от вечности доктор Пелс обнаружил зубы в белой, белой усмешке. Скоро, скоро получит он ответ от ночной тигрицы...

* * *

Когда он проснулся, хронометр показал, что прошло двое с половиной суток. Он сел, схватил флягу с водой и жадно припал к ней — после катарсис-комы всегда ужасно хотелось пить. Утолив жажду, он почувствовал прилив сил — каждая клеточка его организма пела в полной гармонии с окружающим миром.

Такое равновесие держалось обычно несколько дней...

Прошло еще пять минут, и он заметил, какое в этот день приятное безоблачное утро.

При помощи воды и носового платка он поспешно очистил тело. Потом одел чистую одежду, скатал постель, нашел свой посох и отправился в путь. Тропа шла под гору, и он принялся насвистывать. Казалось, что через лес шел кто-то другой, много лет назад. Меньше чем через час он шел уже по ровной земле, мимо первых домов и скоро, сам того не заметив, очутился на главной улице маленького городка.

Он остановил прохожего и спросил, где больница. Потом он задал этот же вопрос на втором главном языке планеты и получил в ответ не пожатие плечами, а направление — десять кварталов, никаких проблем.

Приближаясь к восьмиэтажному зданию больницы, он извлек из кармана узкую хрустальную полоску. Подключенная к компьютеру, она скажет врачам все, что им нужно знать о Гейделе фон Хаймаке.

Однако когда он вошел в задымленную, замусоренную приемную, то обнаружил, что представляться нет надобности. Регистраторша, брюнетка средних лет, облаченная в какую-то серебристую, перетянутую на талии поясом хламиду, вскочила и подбежала к нему. На цепочке вокруг ее шеи болтался экзотический местный амулет.

— Мистер Х! — воскликнула она. — Мы так волновались! Говорили, что...

Он прислонил посох к вешалке.

— Малышка...

— Люси все еще держится, слава богам. Мы слышали, что вы летели сюда, потом радиосвязь прервалась и...

Трое других обитателей приемной — двое мужчин и одна женщина — не сводили с него глаз.

— Минутку.

Она вернулась к своему столу, нажала несколько кнопок на панели и заговорила в микрофон:

— Пошлите кого-нибудь в приемную встретить мистера Х. — И ему: — Садитесь.

— Спасибо, я постою.

Она снова посмотрела на него, и взгляд ее голубых глаз почему-то заставил его почувствовать себя неуютно.

— Так что же случилось? — спросила она.

— Потеря мощности в нескольких системах сразу, — ответил он, глядя в сторону. — Мне пришлось посадить машину на брюхо и остаток пути пройти пешком.

— Далеко?

— Да.

— Столько времени, и ни единого сообщения... Мы уже начали думать, что...

— Прежде чем войти в город, мне нужно было предпринять кое-какие медицинские предосторожности.

— Да, да, конечно... Мы все так рады, и я надеюсь, что...

— И я тоже, — сказал он, и на мгновение перед его глазами встали девять могил на тропе.

Открылась одна из дверей, из нее вышел человек, заметил его, шагнул вперед.

— Хелман, — сказал он, протягивая руку. — Я лечу эту девочку Дорн.

— Тогда вам захочется познакомиться вот с этим, — сказал Гейдель и протянул ему сверкающую полоску.

Доктор был примерно пяти с половиной футов ростом и очень розовый. То, что осталось от его волос, клочьями свилось на висках. Гейдель заметил, что, как и у всех знакомых ему врачей, ладони и ногти Хелмана казались самыми чистыми из всего, что находилось в помещении. Его правая рука, украшенная браслетом непривычной формы, вцепилась в плечо Гейделя и повлекла его в дверь. Сам врач при этом говорил:

— Давайте найдем свободный кабинет и обсудим наш случай.

— Знаете, я ведь доктор не медицинских наук.

— Не знаю, но полагаю, что это не имеет значения, если вы — Х.

— Да, я — Х, но мне бы не хотелось, чтобы эта новость стала всеобщим достоянием.

— Понимаю, — сказал Хелман, волоча его за собой по длинному коридору. — Естественно, гарантировано и наше полное содействие.

Он остановил встречного в белом.

— Прогоните это через компьютер, — передал он ему пластинку. — Результаты — в семнадцатый кабинет.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он Гейделю. — Садитесь...

Они сели у большого стола. Гейдель зацепил пальцем пепельницу, подтянул к себе и вытащил из кармана заплесневевшую сигару. Он поглядел в окно на зеленое небо и на скорчившуюся на пьедестале в углу комнаты статуэтку местного божка, с большой тщательностью вырезанную из какого-то желтоватого материала.

— Вы восхищаете меня, — сказал врач. — О вас писали столько раз, что мне кажется, будто я знаю вас лично. Ходячее антитело, живой склад лекарств...

— Можно сказать и так, но это было бы сверхупрощением. При соответствующей подготовке я действительно могу вылечить почти любую болезнь, если она не зашла слишком далеко. С другой стороны, мое собственное состояние можно рассматривать двояко. Правильнее будет сказать, что я — живой склад болезней, которые могу привести в некое подобие равновесия. Достигнув этого равновесия, я могу лечить. Только тогда. В остальное время я очень опасен.

Доктор Хелман снял с рукава черный волосок и аккуратно разместил его в пепельнице. Гейдель улыбнулся, думая о том, кем же он выглядит в глазах доктора.

— Неужели у вас нет никаких предположений о механизме подобной трансформации?

— Трудно быть в чем-то уверенным, — ответил Гейдель, раскуривая сигару. — Может показаться, что в любом новом месте я нахожу новую болезнь и заболеваю ею, но природный иммунитет не дает развиться худшим симптомам. Я выздоравливаю... Потом, при определенных обстоятельствах, сыворотка моей крови лечит эту болезнь.

— Что это за обстоятельства... подготовка, о которой вы говорите?

— Я погружаюсь в кому, — начал Гейдель, — вызывая ее по своему желанию. В это время мой организм каким-то образом очищается. Это занимает от полутора до нескольких суток. Мне говорили... — он замолчал и несколько раз быстро затянулся сигарой. — Мне говорили, что у меня проявляются самые ужасные симптомы всех болезней, которыми я переболел. Не знаю... В моей памяти ничего не остается... В такие дни я должен быть один — болезни становятся чрезвычайно заразными.

— Ваша одежда...

— Первым делом я раздеваюсь. После выхода из комы тело мое никому не угрожает, и я одеваюсь в чистое.

— Как долго этот... баланс... длится?

— Обычно пару дней, потом я возвращаюсь... медленно. Равновесие смещается, и я становлюсь все... заразнее... смертоноснее... до следующего катарсиса.

— Когда вы последний раз вышли из комы?

— Я проснулся всего несколько часов назад, и еще ничего не ел. Воздержание от пищи каким-то образом продлевает безопасный период.

— Так вы не голодны?

— Нет. Вообще-то я чувствую себя сильным... мощным, если угодно. Но жажда... Мне и сейчас очень хочется пить.

— Охладитесь в соседней комнате, — вставая, сказал Хелман. — Я покажу.

Гейдель положил сигару в пепельницу и тоже встал. В двери кабинета они столкнулись с человеком, с которым Хелман разговаривал раньше. В одной руке он держал пачку распечаток с компьютера, в другой — конверт, в котором, как подозревал Гейдель, находилась его хрустальная визитная карточка. Доктор Хелман жестом указал Гейделю охладитель и, когда тот согласно кивнул, вернулся в кабинет.

Гейдель начал наполнять и опорожнять маленький бумажный стаканчик. При этом он заметил, что на стенке охладителя нарисован крохотный зеленый стратрианский значок, который должен приносить счастье.

Где-то между пятнадцатым и двадцатым стаканчиком к Гейделю подошел доктор Хелман, держа в руке все ту же пачку распечаток. Протягивая Гейделю его хрустальную пластинку, он сказал:

— Давайте возьмем вашу кровь прямо сейчас. Не будете ли вы так добры пройти со мной в лабораторию?

Гейдель кивнул, бросил стаканчик в мусорную корзину, вложил пластинку в футляр и вместе с доктором подошел к старомодному лифту.

— Шестой, — сказал доктор в стену.

Лифт закрыл дверцы и двинулся вверх.

— Очень странно, — сказал Хелман через некоторое время, указывая на бумаги.

— Да, я знаю.

— В этих докладах упоминается, что одно только ваше присутствие способно остановить болезнь и повернуть ее течение вспять.

Гейдель потянул себя за мочку уха и уставился на носки ботинок.

— Так оно и есть, — сказал он наконец. — Я не упоминал об этом раньше, чтобы вы не заподозрили меня в шарлатанстве, но это правда. То, что болезни лечат мою кровь, можно, по крайней мере, объяснить с научной точки зрения. А вот другое — необъяснимо.

— Ну, девочку Дорн мы будем лечить все-таки сывороткой, — сказал Хелман. — Просто мне интересно, не согласитесь ли вы поучаствовать в одном эксперименте?

— Что это за эксперимент?

— Посетить вместе со мной всех моих безнадежных пациентов. Я представлю вас как коллегу. Потом вы поговорите с ними. О чем угодно.

— Буду счастлив.

— Вы уже знаете, что произойдет?

— Это зависит от болезни, которой страдает человек. Если я уже переболел ею, он может выздороветь. В случае, если сильно повреждены внутренние органы, скорее всего, ничего не изменится.

— Вам уже приходилось проделывать такое?

— Да, много раз.

— Сколькими болезнями вы болели?

— Не знаю. Я не всегда даже осознаю, что болен, и не вполне представляю, что именно гнездится в моем организме. Вы хотите попробовать лечить моим присутствием, — сказал Гейдель, когда лифт остановился и дверь открылась. — Это интересно. Почему бы не попробовать на неизлечимых мою сыворотку?

Хелман покачал головой.

— Доклады говорят мне только о том, против чего помогла сыворотка в прошлом. Так что я готов использовать ее — постараться использовать — на девочке Дорн. В этом списке нет ни одной болезни из тех, какими страдают мои излечимые, а рисковать я не намерен.

— Однако вы не отказываетесь от второго варианта.

Хелман пожал плечами.

— У меня вообще мало предрассудков, да и риска тут никакого. Ваше появление не принесет моим пациентам никакого вреда, по крайней мере, на этой стадии... Лаборатория через холл.

Пока лаборант готовился взять у него кровь, Гейдель смотрел в окно. В утреннем свете гигантского солнца он увидел четыре церкви четырех разных религий и, кроме того, деревянное здание с плоской крышей, фасад которого был обвешан разноцветными жертвенными ленточками. Здание это очень походило на то, что стояло в деревне на берегу реки Барт... Высунувшись наполовину из окна и прищурившись, он разглядел справа по дороге еще одну постройку — святилище Пей'ан. Гейдель поморщился и отвернулся от окна.

— Закатайте рукав, пожалуйста.

Джон Морвин играл в бога.

Он прошелся пальцами по клавиатуре управления и приготовился родить мир. Осторожно... Радужная дорога от той скалы к той звезде ведет ЗДЕСЬ. Да. Но рано. Еще рано.

На стоящей рядом постели юноша пошевелился, но не проснулся. Морвин дал ему понюхать еще газа и вернулся к работе. Он провел указательным пальцем под краем покрывавшей его голову корзины, чтобы избавиться от капелек пота на лбу и вернувшейся чесотки в области правого виска. Потом он погладил свою рыжую бороду и погрузился в размышления.

ЭТО было пока еще далеко от совершенства, далеко от того, что описал мальчик. Закрыв глаза, он глубже заглянул в дремлющий рядом мозг. Мозг этот плыл в направлении, которое он считал правильным, но чувства, настоящего чувства, в нем не было.

В ожидании он открыл глаза, чтобы еще раз посмотреть на хрупкое тело спящего — роскошные одежды, тонкие, почти женские черты лица, — на которое была надета копия его корзины, соединенная с ней множеством

проводов. Омываемый потоком содержащего наркотик воздуха, шевелился воротник... Он сжал губы и нахмурился, не столько от неудовольствия, сколько от зависти. Больше всего в жизни он сожалел о том, что не вырос среди богатства, что его не баловали, не портили, не сделали мотом. Он всегда хотел быть мотом, но теперь, когда мог позволить себе это, обнаружил, что для получения радости от мотовства ему не хватает соответствующего воспитания.

Он повернулся и посмотрел на пустой хрустальный шар около метра в диаметре, проткнутый в нескольких точках жерлами форсунок.

Нажми нужную кнопку, и он заполнится кружащимся вихрем пылинок. Введи в компьютер нужный код, и вихрь застынет навеки...

Он снова проник в объятый сном мозг юноши, который в очередной раз сбился с пути. Пришло время подействовать на него более сильными стимулами, чем раньше.

Он щелкнул переключателем, и юноша услышал свой собственный записанный голос — так он говорил, описывая свой сон. Образы тут же сместились, и Морвин почувствовал, как в спящем мозгу появилось ощущение правильности происходящего, ощущение исполненного желания.

Он нажал нужную кнопку, и форсунки зашипели, тут же щелкнул другим переключателем, и связь его мозга с мозгом сына клиента прервалась.

Затем, соединив в едином усилии свою абсолютную зрительную память и телекинетические способности, которые только он один из всех мог использовать таким образом, Морвин спроецировал свой мозг на родящиеся внутри хрустального шара частички, швырнул внутрь него ключевое мгновение сна, выхваченное из мозга того, кому он снился, его форму и цвет — сна, все еще пронизанного мальчишеской восторженностью и удивлением, — и там, внутри шара, чуть не раздавив другую кнопку, он заморозил сон навеки. Еще одна кнопка — и форсунки вышли из шара. Еще одна — и шар наглухо запечатался. Никто не сможет проникнуть внутрь него, не уничтожив самого сна. Еще один выключатель — и смолк записанный голос. Как всегда, Морвин обнаружил, что его бьет дрожь.

Он сделал ЭТО еще раз!

Морвин включил воздушную подушку, убрал из-под шара подпорки, и тот поплыл. Он убрал черный фоновый занавес и включил скрытое освещение, приспособив его так, чтобы свет равномерно падал на шар со всех сторон.

Взору его предстала несколько пугающая картина: нечто похожее на человека по-змеиному обвилось вокруг оранжевых скал, которые и сами были частью этого нечто; и глядело оно на самого себя, на то место, где соединялось с камнем; наверху небо частично скрывалось за вскинутой рукой; радужная дорога вела от скалы к звезде; рука мокра от влаги, похожей на слезы; голубоватые формы парили внизу.

Джон Морвин внимательно изучил застывшую картину. Он увидел ее телепатически, изваял телекинетически, сохранил механически. Он не знал, какую юношескую фантазию представляла собой картина, его это не

заботило ни в малейшей степени. Она существует, и этого достаточно. Психическое истощение, душевный подъем, удовольствие, которое он чувствовал, рассматривая свое творение, — этого было достаточно, чтобы сказать, что акт созидания удался.

Иногда его мучили сомнения — является ли в действительности искусством воплощение фантазий других людей? Действительно ли он владел уникальной комбинацией таланта и необходимого оборудования, чтобы материализовать сон клиента? Верно и то, что получал он за свою работу сногсшибательные гонорары, но ему нравилось думать о себе, как о художнике. Если уж не мот, то — Художник! Художник, решил он, обладает столь же развитым сомнением и эксцентричностью, как и мот, но к этим качествам у него добавляется способность чувствовать и сопереживать, и поэтому он не может относиться к людям с безразличием. Но если он не настоящий художник...

Морвин снял корзину, потряс головой, прочищая ее, и яростно почесал правый висок.

Ему приходилось делать сексуальные фантазии, сонные мирные ландшафты, кошмары для сумасшедших королей, галлюцинации для психоаналитиков. Никто не отзывался о его работе иначе, как с горячей похвалой. Портрет — надежное искусство. Но Морвин часто задумывался о том, что получится, если он соберется запечатлеть свои собственные сны.

Поднявшись, он выключил и снял все датчики с тела юноши по имени Абс. Потом взял со стола трубку со старой эмблемой, выгравированной на его чашке, погладил ее пальцами, набил, зажег.

Включив сервомеханизмы, медленно повернувшие кушетку со спящим на ней юношей в наклонное положение, Морвин уселся рядом. Все готово. Он улыбался сквозь дым и прислушивался к чужому дыханию.

Умение подать товар... Он снова превратился в бизнесмена, в продавца, расхваливающего выставленное на витрине. Первое, что увидит проснувшийся Абс, — эффектно расположенный объект. Голос Морвина, сзади, разрушит очарование каким-нибудь обыденным замечанием, и магия — сломанная — спрячется в глубинах подсознания зрителя. Следует надеяться, что это повысит привлекательность объекта.

Шевеление руки. Покашливание. Начатый жест, который так и не кончился...

Морвин ждал примерно шесть секунд, потом спросил:

— Нравится?

Юноша ответил не сразу, но когда все-таки ответил, слова его были словами маленького мальчика, а не того разочарованного в жизни юнца, каким он заявился в студию. Пропали куда-то едва скрываемое презрение, поддельная усталость, гнетущая покорность родителю, который решил, что хрустальный шар будет идеальным подарком ко дню рождения сына, которому вроде бы как и желать уже нечего.

— Вот это да! — сказал он.

— Следует ли понимать эти слова так, что вы довольны?

— Боже! — Юноша встал и подошел к шару. Он вытянул руку, но так и не прикоснулся к его хрустальной поверхности.

— Доволен ли я? Да это просто шедевр!

Он вздрогнул и некоторое время стоял молча. Когда он повернулся, по лицу уже блуждала прежняя ухмылка. Морвин улыбнулся ему в ответ левым уголком рта. Мальчишка ушел в прошлое.

— Приятная штуковина, — сказал разочаровавшийся в жизни юнец, и небрежно махнул рукой в сторону шара. — Отправьте его и пошлите счет отцу.

— Прекрасно.

Абс направился к выходу. Морвин встал и открыл для него дверь. Юноша остановился перед Морвином, бросил на него пристальный взгляд и еще один, всего один раз глянул на шар.

— Мне бы хотелось посмотреть, как вы делаете это. Плохо, что мы не догадались записать вас на пленку.

— Это совсем неинтересно, — сказал Морвин.

— Может быть... Ну что же, до свидания.

Руки Абс не предложил.

— До свидания, — ответил Морвин и долго смотрел юноше вслед. Да, хорошо быть испорченным.

Алисия Курт, секретарша, кашлянула из приемной, привлекая к себе внимание.

— Пусть Дженсен упакует его и отправит, — высунувшись из дверного проема, сказал Морвин. — А вы выпишите и пошлите чек.

— Да, сэр, — ответила секретарша и скосила глаза в сторону. Морвин проследил за ее взглядом.

— Сюрприз, — бесстрастным голосом сказал сидящий у окна человек.

— Майкл? Что ты тут делаешь?

— Захотелось настоящего кофе.

— Заходи. Сейчас вскипятим.

Человек неспешно встал, и его исполинская фигура, белый мундир и светлые волосы в сотый раз напомнили Морвину о давних эпохах и продвижении ледников.

Они вернулись в студию, и Морвин принялся за поиски двух чистых чашек.

Майкл в это время неслышными шагами пересек комнату и рассматривал теперь последнее творение Морвина.

— Нравится?

— Да. Одна из лучших. Для сына Арнита?

— Да.

— Самому-то ему понравилось?

— Сказал, что понравилось.

— Хм-м, — Майкл направился к маленькому столику, за которым Морвин иногда принимал еду.

Морвин налил кофе, и они отхлебнули по глотку.

— На этой неделе открывается охота на ламакка.

— О, — сказал Морвин, — я и не подозревал, что уже время... Сам-то собираешься?

— Подумываю о будущем воскресенье. Поднимемся до Синего Леса, переночуем там. Может, даже подстрелим парочку.

— Заманчиво. Я с тобой. Еще кто-нибудь идет?

— Вроде бы Йорген собирался.

Морвин кивнул и затянулся из трубки, старательно прикрывая пальцем эмблему на ней. Йорген — гигант с Ригеля и Майкл с Хонси во время войны служили в одном экипаже. Пятнадцать лет назад он пристрелил бы каждого из них при первом же удобном случае, а теперь доверил бы им прикрывать свой тыл с пистолетом. Теперь он ел, пил, шутил с ними, продавал свои творения их друзьям. Эмблема ДИНАБ, Четвертого Космофлота, пульсировала под его пальцем. Морвин покрепче прижал ее, чувствуя, как волнами накатывается стыд за то, что он вообще решил скрыть ее от хонсийца. Если бы мы победили тогда, все было бы по-другому и никто не винил бы Майкла за то, что он носит свое боевое кольцо эмблемой к ладони или на цепочке вокруг шеи. Человек имеет право прожить жизнь так, как ему хочется. Останься я тогда в ДИНАБ, пришлось бы мне до сих пор жонглировать электронами в какой-нибудь лаборатории за нищенскую плату.

— Сколько тебе осталось до пенсии? — спросил он.

— Три года. Еще есть, на что надеяться.

Майкл откинулся в кресле и вытащил из кармана кителя распечатку новостей.

— Похоже, что один из твоих друзей совсем не собирается в отставку.

Морвин взял газету, пробежал глазами.

— О чем ты? — спросил он, чтобы протянуть время.

— Вторая колонка. Примерно в середине.

— «Взрыв на Бланчене»... Эта?

— Да.

Морвин внимательно прочитал заметку.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал он, и забытое чувство, похожее на гордость, захлестнуло его. Он постарался удержать его там, внутри.

— Твой старый командир, Малакар Майлс. Кто же еще?

— «Шестеро убитых, девять раненых... Восемь приборов уничтожено, двадцать шесть повреждено, — читал он. — На месте преступления не найдено никаких следов. Отдел приступил к расследованию».

— Если нет никаких следов, почему ты подозреваешь Капитана?

— Содержимое склада.

— Что именно?

— Высокоскоростные речевые передатчики.

— Я не вижу...

— Раньше они производились только на планетах ДИНАБ. Эти же передатчики были первыми, сделанными в Объединенных Лигах.

— Значит, они и сюда пролезли...

Майкл пожал плечами.

— Мне почему-то кажется, они имеют такое же право делать их, как и ДИНАБ, который просто не успевает производить нужное количество. Поэтому некоторые промышленники из ОЛ взялись запустить линию. Это была первая партия. Ты же знаешь, что это очень точные инструменты — одни из немногих, что еще собираются и настраиваются практически вручную. Уйма квалифицированного ручного труда и, соответственно, умопомрачительная цена.

— И ты думаешь, без Капитана не обошлось?

— Все знают, что это его рук дело. Он занимается этим вот уже много лет. Он забыл, что война давно кончилась, договор подписан...

— Нельзя же ловить его на территории ДИНАБ!

— Нельзя. Но кто-нибудь скоро обязательно отважится — человек, уставший от того, что уничтожают его собственность, убивают друзей или рабочих.

— Его уже пытались поймать, и ты знаешь, чем это кончилось.

— Знаю! Он может довести нас до большой беды.

— Предположим, Отдел поймает его здесь, в ОЛ, всаживающим нож в чью-то спину... его выдадут ДИНАБ?

— Ты должен знать ответ!

Морвин опустил глаза.

— Когда мы разговариваем, — произнес он наконец, — то не говорим о таких вещах.

Майкл скрипнул зубами и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Да, — сказал он, — приказ еще в силе. Мы должны будем выдать его. Потом мы пошлем ноту в ДИНАБ-Центральный, но она никак не повлияет на судьбу их единственного оставшегося в живых капитана Космофлота. Теоретически мы можем добиться обратной выдачи, но никогда не найдем столько свидетелей, сколько для этого нужно. Если бы только они не сделали его тогда представителем на Первой Конференции СЭЛ! Теперь это выглядит так, словно они планировали все это заранее, а теперь наущивают его! Есть два пути: первый — убедить его, что война давно кончилась, второй — лишить дипломатической неприкосновенности. Ситуация запутана до крайности.

— Да.

— Ты служил под его командованием и был его другом.

— Да.

— Вы ведь с тех пор не ссорились?

— Я иногда навещаю его. Вспоминаем старое.

— Можешь ли ты призвать его к здравому смыслу?

— Я уже говорил, мы не касаемся этих вопросов! Он меня и слушать не станет!

Морвин налил еще кофе.

— Кем бы Майлс ни был раньше, сейчас он — убийца и поджигатель. Ты-то понимаешь это?

— Понимаю.

— Если он однажды зайдет слишком далеко, если ему удастся что-нибудь, что закончится катастрофой, МОЖЕТ начаться война. В правительстве Объединенных Лиг полно политических и военных проходимцев, которые ухватятся за любой предлог, чтобы разделаться с ДИНАБ раз и навсегда.

— Почему ты все это говоришь мне, Майкл?

— Я сейчас не на дежурстве, никто мне ничего не приказывал, и, сказать по правде, я надеюсь, что начальство вообще никогда не узнает о нашем разговоре. Морвин, подумал я, единственный, кто еще встречается с Майлсом, да к тому же он живет в этом городе, да к тому же — мой друг! Черт возьми! Мне не нужна еще одна война, даже если она будет блицкригом. Я старею, мне хочется в отставку, охотиться и ловить рыбу... Ты был его заместителем, он по крайней мере выслушает тебя! Он даже подарил тебе эту трубку, когда все кончилось. Разве это не Брайнер-Сэндо? Такие трубки стоят кучу денег. Значит, он симпатизировал тебе.

Лицо Морвина покраснело, он кивнул прямо в клуб дыма, набрал его полные глаза и затряс головой.

А я продал его, думал он, его и всех остальных, когда перебрался в ОЛ и стал получать их деньги...

— Я давно его не видел и не уверен, станет ли он меня слушать.

— Жаль, — сказал Майкл. — Я, наверное, ошибся, заявившись к тебе с таким предложением. Забудем это, ладно?

— Ты сейчас работаешь над этим взрывом?

— Не совсем.

— Понятно... Прости.

Они долго молчали, потом Майкл одним глотком прикончил свой кофе и встал.

— Пора на работу, — сказал он. — Увидимся через одиннадцать дней, у меня. На восходе, договорились?

— Договорились.

— Спасибо за кофе.

Морвин кивнул и поднял руку в полусалюте.

Долго смотрел Морвин на замороженный сон юноши. Потом взгляд его упал на кофейную чашку. Он смотрел на нее до тех пор, пока она не поднялась в воздух и не врезалась в стену.

* * *

Гейдель фон Хаймак посмотрел на лежащую в кровати девочку и улыбнулся в ответ на ее слабую улыбку. Не больше девяти лет, предположил он.

— А это — клаанит, — сказал он, добавляя к ряду камушков на покрывале еще один. — Я нашел его на планете Клаана, отполировал, но не распиливал. Таким он и был, когда я его подобрал.

— Расскажи мне про Клаану, — попросила девочка.

— Почти вся она покрыта водой. В розовом небе Клааны светит

голубое солнце, а вокруг нее бегают одиннадцать маленьких лун, которые все время делают что-нибудь интересное. Там нет материков, только тысячи островков, равномерно разбросанных по океану. Люди на Клаане — амфибии и проводят почти всю жизнь под водой. У них нет настоящих городов, по крайней мере, никто их не видел... Они путешествуют с острова на остров и торгуют — меняют то, что находят на морском дне, на ножи, алюминиевые сплавы и всякую всячину. Этот камень — из моря Клааны, я нашел его на берегу, а стал он таким от бесконечного трения о песок и другие камни. Деревья там раскидистые и выпускают добавочные корни, чтобы добраться до воды. Листья у деревьев широкие, а на некоторых растут и плоды. Температура на Клаане всегда приятная, потому что откуда бы ни дул ветер, он всегда дует с моря. Когда захочется, можно всегда забраться на что-нибудь высокое и глядеть во все стороны. Всегда где-нибудь идет дождь, и все тогда начинает казаться размытым и искаженным, словно берега волшебной страны... А еще появляются там миражи — перевернутые острова, деревья на которых растут вниз. Один туземец сказал мне, что туда они переселяются после смерти. Они думают, что умершие смотрят с этих островов вниз и наблюдают за потомками... Если тебе нравится этот камень, возьми его.

— О да, мистер Х, спасибо!

Девочка схватила камень и потерла его сначала о ладонь, потом о больничный халат.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Лучше, куда лучше!

Гейдель пристально всмотрелся в ее крохотное личико — черные глаза под черными бровями, галактика сверкающих веснушек. В лице этом было больше красок жизни, чем тридцать шесть часов назад, когда лечение только началось. Дыхание девочки стало свободнее, она могла уже сидеть, обложившись подушками, и подолгу разговаривать. Температура упала, кровяное давление стабилизировалось. Она стала даже проявлять любопытство, столь естественное для ребенка ее возраста. Гейдель считал, что потрудился не напрасно, и не вспоминал о девяти могилах и о других, на других планетах.

— ...Мне так хочется побывать на Клаане, — говорила она, — увидеть ее голубое солнце и одиннадцать лун...

— У тебя вся жизнь впереди, — ответил Гейдель, но, попробовав заглянуть вперед, он не смог увидеть ее иначе, как замужем за каким-нибудь местным парнем, домохозяйкой в Италбаре на все дни своей вновь обретенной жизни. Только оранжевый камешек останется, чтобы напомнить ей о детских мечтах. Ну что ж, могло быть и хуже, подумал Гейдель, вспомнив ночь, проведенную на холме над городом. Вряд ли кто будет возражать против того, чтобы кончить свои дни в таком приятном городе, как Италбар...

В палату вошел доктор Хелман, кивнул в знак приветствия, схватил девочку за левое запястье и уставился на свой хроно.

— Ты волнуешься, Люси? — заявил он, опуская запястье на одеяло. — Наверное, мистер Х. перевозбудил тебя рассказами о своих приключениях.

— Нет, нет! — воскликнула она. — Мне так нравится слушать его! Смотри, какой камень он подарил мне с Клааны! Там голубое солнце и одиннадцать лун! Этот камушек принесет мне счастье! Люди там живут в море...

Доктор посмотрел на камень.

— Красивый...

Почему Хелман не улыбается? — спросил себя Гейдель. — Я бы на его месте прыгал от радости.

Гейдель собрал остальные камешки и сложил их в сумку с монограммой.

— Вот и пришла мне пора уходить, Люси. Я счастлив, потому что ты выздоравливаешь. Если мы больше не увидимся, знай, что мне было очень интересно поговорить с тобой... Будь хорошей девочкой.

Он встал и вместе с доктором Хелманом направился к двери.

— Но ты вернешься? — крикнула Люси, и глаза ее широко раскрылись. — Ведь ты придешь еще, правда?

— Я еще не знаю, — ответил ей Гейдель. — Там видно будет...

— Приходи... — закрыв за собой дверь в палату, Гейдель не расслышал конца фразы.

— Удивительно! — произнес Хелман. — Я просто не верю своим глазам.

— Как остальные?

— У всех, кого вы навестили, положение или стабилизировалось, или стало чуть получше. Интересно, в чем же все-таки здесь дело... Кстати, ваша кровь, по утверждению лаборатории, — еще большая мешанина, чем казалось тем, кто исследовал ее раньше. Им хотелось бы взять побольше ее образцов и отправить на дальнейшее исследование в Ландсенд.

— Нет! — отрезал Гейдель. — Я знаю, что такое моя кровь, и, послав ее в Ландсенд, невозможно узнать о ней что-нибудь новое. Если они все-таки заинтересуются, пусть запросят компьютер Панопат на СЭЛе. Кровь мою исследовали сотни раз, и никто не осмелился сделать никаких определенных выводов... И не забывайте, что скоро она снова станет смертельно опасной. Мне пора уходить.

Беседуя, двое мужчин подошли к лифту.

— Этот «баланс», о котором вы говорите, — сказал доктор Хелман, — ...ничего подобного просто не может быть! По вашим рассказам, патогены формируются в батальоны, сражаются друг с другом, а потом вдруг подписывают перемирие на определенный срок, который никто из них не нарушает! Человеческий организм просто не может функционировать подобным образом!

— Знаю, — ответил Гейдель, входя в лифт, — это всего лишь аналогия, и, как я уже говорил, хоть я доктор, но не медицины. Я придумал простые, прагматические термины для объяснения происходящего со мной, а вы уж интерпретируйте их, как заблагорассудится. Кроме меня, в мире нет экспертов по этому вопросу.

Лифт опустил их на нижний этаж.

— Зайдем ко мне в кабинет? — предложил Хелман. — Вы покидаете нас, и я знаю, куда и когда прилетит аэрокар. Очевидно, вам хочется уйти в холмы и претерпеть очередную кому. Мне хотелось бы понаблюдать и...

— Нет! — отрезал Гейдель. — Об этом не может быть и речи! Я никому не разрешаю приближаться ко мне в такие моменты. Это слишком опасно.

— Мы могли бы изолировать...

— Нет, и еще раз нет. На моей совести и так слишком много напрасных смертей. То, что сделано мной в Италбаре, — слабая попытка хоть как-то расплатиться за них. Я не могу сознательно рисковать жизнью людей, пусть даже профессионально подготовленных для того, чтобы рисковать ею. Поймите меня правильно — сколь бы ни были адекватны меры предосторожности, всегда может что-то сломаться, испортиться...

Хелман слегка пожал плечами.

— Если вы когда-нибудь передумаете, мне хотелось бы возглавить эту работу.

— Спасибо... Мне пора.

Хелман пожал ему руку.

— Спасибо за все. Боги смилостивились над нами.

Скорее, над твоими пациентами, подумал Гейдель и сказал:

— Желаю удачи, доктор.

Он вышел в холл.

— ...Благословят вас! — воскликнула женщина. — Пусть боги благословят вас!!!

Когда Гейдель проходил мимо, она схватила его за руку. Мать Люси.

— С ней теперь все в порядке, — ответил Гейдель. — Очаровательная девчушка.

Пока женщина держалась за левую руку Гейделя, правую энергично тряс изможденного вида мужчина в широких брюках и свитере. Его морщинистое лицо расплылось от улыбки, обнажившей ряд неровных зубов.

— Огромное вам спасибо, мистер Х! — говорил он. Ладонь его была липкой от пота. — Мы молились в каждой церкви города, мы и все наши друзья... Молитвы наши были услышаны! Пусть все до единого боги благословят вас! Вы не откажетесь поужинать с нами сегодня?

— Спасибо, но у меня совершенно нет времени... до того, как за мной прилетят, мне необходимо кое-что сделать...

Когда Гейдель отбился наконец от них, он увидел, что больничный холл заполнен большой толпой. Среди гула голосов он услышал многократно повторяемое «мистер Х».

— Как вы сделали это, мистер Х? — доносилось с пяти сторон одновременно. — Можно взять у вас автограф?.. У моего брата аллергия, не могли бы вы?.. Мне хотелось бы попросить вас присутствовать сегодня на службе, мистер Х. Моя паства... Сэр, не скажете ли вы что-нибудь для местной прессы?..

— Ради всего святого! — взмолился он, глядя в лица и объективы. — Мне НУЖНО идти! Мне очень лестно такое внимание, но мне НЕЧЕГО сказать! Пожалуйста, пропустите меня!

Холл уже заполнился, и входная дверь не закрывалась под напором рвущихся внутрь тел. Люди поднимали детей повыше, чтобы те рассмотрели новоявленного святого получше. Гейдель глянул на вешалку, и увидел, что посох его исчез; глянул через окно на улицу, и увидел, что толпа собирается уже и перед больницей.

— ...Мистер Х, я пекла их сама... Я отвезу вас, куда угодно!.. Каким именно богам вы молитесь, сэр? Эта проклятая аллергия!..

Гейдель отошел к столу и нагнулся к сидевшей за ним женщине.

— Меня не предупредили... — начал было он.

— Мы и сами не ожидали! Они собрались буквально в считанные минуты. Возвращайтесь в коридор, а я скажу им, что внутрь никому нельзя. Сейчас кто-нибудь проводит вас к служебному входу.

— Спасибо.

Он скрылся за указанной дверью, приветливо помахивая рукой и улыбаясь людям. Толпа издала громкий вопль — комбинацию «Х!» и «Ура!»

Гейдель постоял немного в коридоре, потом появился санитар и отвел его к задней двери.

— Разрешите подвезти вас? — попросил санитар. — Если толпа опять узнает вас, люди пойдут следом и будут досаждать...

— Хорошо, — согласился Гейдель. — Подбросьте меня несколько кварталов в направлении холмов.

— Я могу довезти вас до самого их подножия, сэр. Это сэкономит уйму времени.

— Спасибо, но мне нужно кое-чем запастись в дорогу и поесть чего-нибудь горячего. Вам известно такое заведение в том направлении?

— И не одно. Я высажу вас у маленького магазинчика на тихой улочке. Там вас никто не побеспокоит... Вот моя машина, — показал он.

Без всяких затруднений они достигли рекомендованного санитаром места — пахнущего стариной крохотного магазинчика с деревянными полами и увешанными деревянными полками деревянными стенами. Посетители кормились в крохотной задней комнатке. Но одно обстоятельство все-таки расстроило Гейделя. Когда машина остановилась, санитар вытащил из-под рубашки амулет на цепочке — зеленую ящерку с выложенной по хребту серебряной полосой.

— Я знаю, что это звучит глупо... но не могли бы вы прикоснуться к ней?

Гейдель исполнил просьбу, потом спросил:

— И что же я сейчас сделал?

Юноша смущенно улыбнулся и отвернулся, запихивая амулет под рубашку.

— Наверное, я немного суеверен... как и все. Эта штука приносит мне счастье. Послушав, что говорят о вас, я решил, что от одного прикосновения не будет никакого вреда.

— Говорят? И что же говорят? Неужели прозвище «святой» последовало за мной и сюда?

— Боюсь, что это так, сэр. Кто знает? Люди не всегда ошибаются...

— Но ты... Ведь ты работаешь в больнице и проводишь много времени среди ученых!

— О, они такие же, большинство... Может быть, это потому, что мы живем так далеко от цивилизации... Некоторые проповедники говорят, что это своеобразная реакция на то, что мы живем сейчас в тесном единении с природой, в то время как предки наши столетиями жили в городах. В общем, спасибо, что не отказали мне в пустячной просьбе.

— Спасибо, что подвезли.

— Счастливо!

В магазинчике Гейдель пополнил свои припасы, потом уселся за столик в задней комнате, в которой не было окон, но было восемь старых, засиженных мухами настенных ламп. Воздух в ней был свежий — кондиционер работал исправно. Несмотря на то, что Гейдель оказался единственным посетителем, ждать, пока его обслужат, пришлось долго. Он заказал пиво, жареное мясо и не стал расспрашивать, из какого именно представителя местной фауны вырезан этот кусок — мера предосторожности, которой он неуклонно придерживался во время своих коротких визитов на незнакомые планеты. Отхлебывая пиво в ожидании мяса, Гейдель думал о себе.

Он — все еще геолог. Это ремесло он знал до тонкостей и мог заниматься им, не подвергая опасности чужие жизни. Ни одна из больших компаний не примет его на постоянную работу. Ни в одной из них не знали с уверенностью, тот ли он самый «Х», но все знали, что вокруг него вечно происходит что-то непонятное. Вероятно, во многих картотеках против его фамилии значилось: «склонен к несчастным случаям». Да и сам он не собирался наниматься в большие компании — это было связано с риском оказаться там, где он не желал работать... например, вблизи поселений. Но многие компании были, однако, рады заполучить его в качестве независимого консультанта. Странно, результатом этого явилось то, что он заработал денег больше, чем когда-либо в своей жизни. Но деньги перестали играть заметную роль в жизни Гейделя. Он старался держаться подальше от городов, от людей, вообще от тех мест, где деньги тратятся в больших количествах. За последние годы он постепенно привык к одиночеству настолько, что даже небольшое скопление народа — как сегодня у больницы — приводило его в замешательство. Он понимал, что и самые последние его дни пройдут в одиночестве — в хижине на какой-нибудь захолустной планете, на берегу моря. Желания его ограничивались сигарами, коллекцией минералов и приемником, который можно настроить на Центральные Новости.

Он ел медленно. Подошел хозяин заведения, явно желая поговорить. Куда это он собрался с рюкзаком и запасом еды?

Побродить по холмам, объяснил Гейдель. Зачем? Гейдель открыл уже было рот, чтобы ответить, что это не его стариковское дело, и тут в голову ему пришло, что старик, наверное, тоже страдает от одино-

чества. Магазинчик его отнюдь не выглядел местом, где кипит деловая активность. Старик, скорее всего, почти не видит людей. К тому же он очень, очень стар.

Пришлось Гейделю выдумать историю. Кивая, хозяин выслушал ее. Очень скоро говорил уже старик, а Гейдель согласно кивал. Покончив с едой, он зажег сигару.

Время шло, и Гейдель чувствовал, что ему все приятнее становится общество этого человека. Он заказал еще пива, закурил вторую сигару.

В комнате не было окон, и Гейдель не мог видеть, какими длинными стали тени. Он рассказал старику о других планетах, показал ему камни. Старик рассказал ему о ферме, которой когда-то владел. Первые вечерние звезды уже осветили мир, когда Гейдель догадался взглянуть на свое хроно.

— Неужели уже так поздно? — воскликнул он. Старик глянул на хроно Гейделя, потом на свой собственный.

— Однако действительно поздно. Прошу прощения за излишнюю разговорчивость. Если вы торопитесь...

— Все в порядке, — сказал Гейдель. — Я просто потерял счет времени в вашем обществе. Но мне пора идти.

Он расплатился и быстро ушел. Струна безопасности и так натянулась уже до предела.

Он повернул направо и пошел сквозь сумерки в том направлении, откуда пришел в Италбар. Через пятнадцать минут он оставил позади деловую часть города и шел вдоль жилых домов. Небо чернело, зажигались все новые и новые звезды. Казалось, что фонари у домов горят ярче.

Проходя мимо каменной церкви, Гейдель заметил, что из ее цветных гласситовых окон льется слабый свет, и им овладело знакомое возбуждение, как всегда при виде церкви. Это было... когда? Десять лет назад? Двенадцать? Давно. Но он помнил тот случай до мельчайших подробностей.

Это был удушающий день на Муртании, и дневная жара застала его на открытой местности. Убежище он нашел в одной из подземных странтрианских часовен, где всегда темно и прохладно. Усевшись в самом темном углу, он решил отдохнуть и закрыл глаза, но тут же в часовню вошли еще двое. Вместо того чтобы погрузиться в молитву, как ожидал того Гейдель, они принялись что-то возбужденно шептать друг другу. Потом один из них ушел, а второй уселся на сиденье перед центральным алтарем. Гейдель внимательно рассмотрел его. Он оказался муртанианином, и его бронхиальные мембраны распухли и покраснели, что свидетельствовало о крайней степени возбуждения. Он не склонил головы, как положено, но смотрел вверх. Гейдель проследил за его взглядом и обнаружил, что смотрит он на ряд гласситовых картин, которые изображали непрерывный ряд божеств, опоясывающий все стены часовни.

Человек смотрел только на одну из картин — она светилась голубым огнем. Взглянув туда же, Гейдель почувствовал, будто его ударил электрический разряд. В руки и ноги что-то закололо, голова закружилась. Ему

оставалось только надеяться, что это не обострилась одна из старых болезней. Но нет, организм его вел себя так, будто был здоров. Им овладело странное возбуждение, похожее на первые стадии опьянения, хотя у Гейделя во рту давно уже не было ни капли алкоголя. Часовня начала заполняться верующими, и, прежде чем Гейдель осознал это, началась служба. Чувство возбуждения и наполняющей силы начало расти, потому что в мозгу Гейделя возникли некие специфические эмоции — странно противоречивые эмоции. Ему захотелось прикоснуться к окружающим, называть их «брат мой», любить их, вылечить от болезней. В следующее мгновение он уже ненавидел их, сожалел о том, что только-только вышел из катарсис-комы, иначе он с удовольствием напустил бы на всю конгрегацию какую-нибудь неизлечимую гадость. Эпидемия распространилась бы, как огонь по бензиновой луже, и прикончила бы их всех за день. Мозг Гейделя разрывался между этими желаниями, и он подумал, что сошел с ума. Прежде он никогда не отмечал у себя шизофренических тенденций и не был экстремистом в отношениях с людьми. Не было в нем ни любви, ни ненависти к своим собратьям — он принимал их такими, какие они есть, и старался уживаться со всеми. И теперь Гейдель никак не мог понять, откуда взялись эти раздражающие его желания...

Гейдель дождался, пока схлынет очередная волна ненависти, встал, волна любви понесла его к выходу, и он достиг двери на самом ее гребне.

— ...Мир, брат мой... нижайше прошу прощения... простите, потому что я люблю вас... извиняюсь всем сердцем... пожалуйста, не сердитесь на меня за неловкость...

Выбравшись из часовни, он взлетел по ступенькам на улицу и побежал. Через несколько минут Гейдель снова обрел свое обычное состояние. Потом он не раз подумывал, не навестить ли психиатра, но воздержался, объяснив случившееся резким переходом от жары к холоду в сочетании со всеми теми маленькими необычными эффектами, сопутствующими пребыванию на чужой планете.

Впоследствии, хотя ничего подобного с Гейделем больше не случалось, он ни разу не переступил больше порога ни одной церкви и всегда старался обходить их стороной.

Гейдель постоял на перекрестке, пропуская три машины, и услышал за спиной голос: — Мистер Х!

Мальчик лет двенадцати вынырнул из-за деревьев и подошел к нему. В левой руке он держал поводок, другой конец которого был прикреплен к ошейнику зеленой ящерицы метровой длины, с короткими кривыми лапами. Когти ее скрежетали по тротуару несколько жутковато, но когда она открыла пасть, чтобы выстрелить красным язычком в сторону Гейделя, ему показалось, что она улыбается... Это была очень толстая ящерица. Несколько раз она потерлась о ногу мальчишки.

— Мистер Х, я был в больнице, но вам пришлось уйти, и я увидел вас мельком. Я слышал, как вы вылечили Люси Дорн. Какое счастье встретить вас просто так, на улице!

— Не прикасайся ко мне! — воскликнул Гейдель, но мальчишка успел схватить его за руку и смотрел на него глазами, в которых плясали звезды.

Гейдель вырвал руку и отступил на несколько шагов.

— Не подходи! — сказал он. — Я простудился и могу заразить тебя!

— Тогда вам не следует гулять вечером. Я уверен, что мои родители быстро поставят вас на ноги.

— Спасибо, но я тороплюсь.

— Это мой ларикк. — Мальчишка потянул за поводок. — Его зовут Хан. Сидеть, Хан!

Ящерица раскрыла пасть и свернулась в шар.

— Он не всегда слушается, — пожаловался мальчик. — Иногда его и силой не заставить ничего сделать. Он стабилизирует себя хвостом... Хан, сядь для мистера Х!

Он дернул за поводок.

— Не надо, сынок, — сказал Гейдель. — Наверное, он устал. Мне пора идти. Может быть, мы еще встретимся.

— Может быть... Рад был вас встретить, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Гейдель перешел улицу и двинулся дальше.

Машина остановилась рядом с ним.

— Эй, вы ведь мистер Х? — спросил мужской голос.

Гейдель обернулся.

— Да.

— Мне так и показалось. Я обогнул целый квартал, чтобы увидеть вас.

Гейдель отступил от машины.

— Могу подбросить вас в любое место.

— Не надо, я уже почти пришел.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Но все равно, спасибо.

— Ну что же... Меня зовут Уайли.

Мужчина протянул руку из окна.

— У меня руки грязные, я испачкаю вас, — торопливо сказал Гейдель, но мужчина все-таки схватил его за левое запястье, крепко сжал, убрал руку, и машина поехала дальше.

Гейделю хотелось крикнуть всему миру:

— Да оставьте вы меня в покое! Не прикасайтесь ко мне!

Он пробежал два следующих квартала. Еще одна машина притормозила, и огни осветили его, но он отвернулся и машина проехала мимо. Человек, куривший на крыльце трубку, помахал ему рукой и даже встал, но Гейдель снова побежал и не услышал его слов.

Наконец промежутки между домами стали больше, ряд фонарей кончился, звезды засияли ярче. Дорога стала тропинкой, и холмы заслоняли уже полнеба.

Взбираясь на кручи над Италбаром, Гейдель ни разу не оглянулся.

* * *

Подавшись далеко вперед, крепко сжимая коленями костяные бока восьминогого курьяба, распустив по ветру длинные черные волосы, Джакара во весь опор скакала по холмам над Кейпвиллом. Далеко внизу, слева, город сжался под утренним зонтиком тумана. Восходящее со стороны ее правого плеча солнце пускало в туман сверкающие копья света.

Скача во весь опор, Джакара выкрикивала самые страшные проклятия на языках всех известных ей рас.

Повернув своего скакуна и осадив его так, что животное зашипело от боли, она злобно уставилась на город внизу.

— Гори! Гори, черт бы тебя побрал! Гори!!!

Но нигде не показалось языков пламени.

Она вытащила свой незарегистрированный лазерный пистолет из кобуры под курткой, направила его на ближайшее дерево и нажала на спуск. Дерево постояло, покачнулось и с треском рухнуло, разбрасывая мелкие камешки. Курьяб поднялся на дыбы, но Джакара успокоила его движением колен и ласковыми словами.

Засунув лазер в кобуру, она продолжала смотреть на город, и невысказанные проклятия отразились в этом взгляде.

Не только Кейпвилл и бордель, в котором она работала, нет, все Объединенные Лиги ненавидела она с такой страстью, что только один-единственный человек мог превзойти ее в силе этого чувства. Пусть другие девушки ходят в церковь по воскресеньям. Пусть сосут леденцы и толстеют. Пусть ублажают любимых. Джакара скачет в это время по холмам и упражняется в стрельбе.

В один прекрасный день — Джакара надеялась, что день этот настанет при ее жизни — БУДЕТ огонь, и кровь, и смерть в пылающих сердцах бомб и ракет. Она готовила себя к этому дню, как невеста к свадьбе. Когда он придет, у нее будет только одно желание — умереть во имя этого дня, но умереть, убивая.

Ей было всего лет пять, когда родители ее эмигрировали на Дейбу. Когда начался конфликт, они оказались в лагере для перемещенных лиц. Будь у Джакары деньги, она вернулась бы на родную планету, но она знала, что нужной суммы не соберет никогда. Родители ее не дожили до конца войны между ОЛ и ДИНАБ, сама она стала государственным приемышем. Когда Джакара выросла и стала искать работу, то поняла, что старое пятно не смылось. Единственное место — государственный Дом Развлечений в Кейпвилле — было открыто для нее. У нее никогда не было поклонника или друга. Она понимала, что где-то на обложке ее личного дела красным проставлен штемпель: «Возможно, сочувствует ДИНАБ», а внутри этого личного дела — история ее жизни, аккуратно отпечатанная на половинке официального листа.

Ну и ладно, решила Джакара несколько лет назад, сопоставив факты. Ладно. Вы подобрали меня, рассмотрели и отшвырнули. Вы поставили на обложку красное клеймо. Я принимаю это клеймо, я не согласна только

со словом «возможно». Придет время, и я стану раковой опухолью в сердце вашего цветка.

Другие девушки редко заходили к ней в комнату, в ней им становилось не по себе. Зайдя, они нервно хихикали и быстро уходили. Ни кружевов и оборок, ни голографий красивых актеров — ничего этого не было в строгой келье, обиталище Джакары. Над ее кроватью висела всего одна простая фотография — узкое, хмурое лицо Малакара-Мстителя, Последнего Землянина. На противоположной стене — пара одинаковых хлыстов с серебряными рукоятками. Пусть другие девушки работают с обычными клиентами. Она брала только тех, над кем могла всласть поиздеваться, и они шли и шли к ней. Каждую ночь она говорила с Ним, и это было единственным в жизни Джакары, что хоть как-то напоминало молитву:

— Я избила его, Малакар, так же, как ты поражаешь их города, их планеты, как ты бьешь их и будешь бить снова. Помоги мне быть сильной, Малакар! Дай мне силу мучить и разрушать! Помоги мне, Малакар, пожалуйста! Убивай их!

Иногда утром Джакара просыпалась в рыданиях и не знала, почему плачет.

Она повернула курьяба и не спеша поскакала обратно. День обещал быть чудесным, и сердце ее пело, согретое радостными новостями с планеты Бланчен.

* * *

Гейдель выпил полную флягу воды и еще половину другой. Сырая полночь опустилась над его лагерем. Он повернулся на спину, сцепил руки над головой и стал смотреть в небо. Все недавнее казалось далеким прошлым. Каждый раз, выходя из комы, он чувствовал, что жизнь начинается заново, и недавние дни казались такими холодными и плоскими, как письмо годичной давности, найденное за мусорным ведром. Он знал, что ощущение это пройдет примерно через час.

Метеор пронесся по небу, и Гейдель улыбнулся ему. Предвестник моего последнего дня на Кличе, подумал он.

Гейдель еще раз посмотрел на сверкающее хроно и убедился, что глаза не обманули его. До рассвета еще далеко.

Он потер глаза и начал вспоминать красоту Леди. На этот раз она показалась ему необычайно тихой. Он редко помнил, какие именно слова были сказаны, но казалось, что сегодня их было меньше, чем обычно. Что это — пронизанная нежностью печаль? Он вспомнил ладонь на своем лбу, и капли, упавшие на щеку.

Гейдель тряхнул головой и усмехнулся. Неужели он и в самом деле сошел с ума, как подозревал много лет назад, после посещения странтрианской церкви? Принять Леди как реальную личность способен только сумасшедший.

Но с другой стороны...

С другой... Как объяснить сон, возвращающийся вот уже целое десятилетие? По правде говоря, это не совсем сон. Только главные действующие

лица и обстановка оставались прежними. Диалоги менялись, настроения тоже. Но каждый раз любовь вела его туда, где царит мир. Наверное, стоило бы повидать психиатра, но только в том случае, если он захочет избавиться от сновидений. Но он не хотел. Проводя большую часть времени в одиночестве, кому он опасен? Зачем лишать себя одного из немногочисленных удовольствий? Тем более что состояние его не ухудшается...

Несколько часов лежал так Гейдель и думал о будущем. Он видел, как посветлело небо и одна за другой погасли звезды. Ему всегда интересно было — что же происходит на других планетах? Давненько он не настраивался на Центральные Новости...

Когда восход расколол мир на две части, Гейдель поднялся, обтер себя мокрой губкой, подровнял ножницами бороду, оделся. Потом он позавтракал, упаковал вещи, взвалил рюкзак на спину и пошел вниз по тропе.

Через час он был уже в пригородах Италбара.

Переходя улицу, он услышал, как на одной ноте бьет и бьет колокол.

Смерть! — говорил колокол. Похороны. Гейдель пошел дальше.

Потом он услышал вой сирены, но не остановился и не полюбопытствовал, откуда он доносится.

Он дошел до магазинчика, в котором ужинал много лет назад. Дверь его была закрыта и к ней прикреплена черная бумажка.

Гейдель уже понял, что случилось, и панический страх овладел им.

Он подождал, пока похоронная процессия пройдет по улице, которую он собирался перейти. Катафалк едва тащился.

Они все еще хоронят своих мертвецов, удивился Гейдель. Просто смерть, умер человек... вот и похороны...

Кого я хочу обмануть?

Он пошел дальше, и какой-то человек плюнул на землю, на которую ступала нога Гейделя.

Снова? Да что же я такое?

Он медленно шел по улицам, приближаясь к аэропорту.

Если смерть — дело моих рук, то как жители Италбара узнали об этом так быстро?

По какому праву обвиняют они МЕНЯ?

Гейдель посмотрел на себя глазами горожан. Кто он такой? Отмеченное богами существо, внезапно оказавшееся в гуще городской жизни. Они благоговеют, но боятся. Он задержался среди них недопустимо долго — на целый день. Столетие назад.

Гейдель шел по улицам, отклоняясь вправо.

Какой-то мальчишка закричал:

— Вот он! Это Х!

Гейдель не стал отрицать этого, но тон, каким была произнесена фраза, заставил его пожелать, чтобы аэрокар прилетел за ним куда-нибудь в другое место.

Он шел, а мальчишка и еще несколько взрослых пошли за ним.

Но она жива, сказал себе Гейдель. Это я подарил ей жизнь.

Огромная победа.

Он прошел мимо авторемонтной станции, и мужчины в голубых комбинезонах сидели, прислонив свои стулья к кирпичной стене. Они не сдвинулись с места. Они сидели, курили и молча провожали его глазами.

Колокола звонили. Люди выходили из домов и смотрели на проходящего мимо них Гейделя.

Да, я задержался слишком долго, решил Гейдель. Я не хотел пожимать ничьих рук. В больших городах я никогда не сталкивался с такими трудностями — меня привозили и увозили в управляемой роботом герметичной машине, которую потом стерилизовали; мне предоставляли целую палату, которую потом тоже стерилизовали; я встречался всего с несколькими людьми, да и то сразу после катарсиса. Много лет прошло с тех пор, как я работал в городке столь малом. Я потерял осторожность и виноват в этом. Все было бы в порядке, не заговори я после ужина со стариком.

Все могло бы быть ХОРОШО.

Я потерял осторожность.

Он увидел, как грузят гроб на катафалк. За углом ждал своей очереди еще один.

Значит, это не чума?.. Пока... При эпидемии трупы сжигают, а люди стараются не выходить на улицу.

Гейдель обернулся, заранее зная, что увидит за спиной.

Толпа, идущая за ним по пятам, выросла, а в ее гуле он ясно расслышал первую букву своего имени. И не один раз.

Мимо ползли машины. Гейдель не смотрел на них, но чувствовал, что сотни глаз смотрят на него.

В центре города он прошел по крохотному бульварчику, украшенному позеленевшей от времени статуей какого-то местного героя-патриота-благодетеля.

Он услышал выкрик на языке, которого не знал, пошел быстрее, и шаги за его спиной стали громче, словно толпа еще увеличилась.

Что это были за слова? — подумал Гейдель.

Он прошел мимо церкви. Колокол невыносимо бил в уши. Сзади громко выругалась женщина.

Страх рос. Солнце родило чудесный день в Италбаре, но Гейдель уже не замечал его прелести.

Он повернул направо и пошел к аэропорту. До него оставалось еще три четверти мили. Голоса стали громче; они адресовались не Гейделю, но говорили о нем. Некоторые слова он разбирал, и одним из них было: «убийца».

Гейдель шел и во всех выходивших на улицу окнах видел обращенные к себе лица. Спасаться бегством — бессмысленно. Какая-то машина свернула к нему, притормозила и тут же с ревом унеслась прочь.

Люди знали — ЭТО сделал ОН. Он был героем, стал негодяем. И этот проклятый, примитивный суеверный страх, окутавший город! Все эти упоминания о богах, талисманах, удаче добавились к чему-то, что заставило

Гейделя ускорить шаги. Теперь он ассоциировался в сознании жителей Италбара с демонами, но не с богами.

Если бы он не сидел так далеко за ужином, если бы не останавливался на улицах...

Мне было так одиноко, сказал себе Гейдель. Веди я себя, как раньше, эпидемии не было бы. Но я так одинок...

Он услышал громкий крик: «Х!», но не обернулся.

Мальчишка, стоявший у мусорного бака в переулке, выстрелил в Гейделя из водяного пистолета.

Он вытер лицо. Колокола, не умолкая, изливали звуками скорбь.

Когда Гейдель переходил очередную улицу, кто-то щелкнул в его сторону окурком. Он наступил на окурок и остановился. Толпа преследователей остановилась в полуметре от него. Кто-то толкнул его, ударил. Локтем в почки. Или кулаком. Потом его толкнули еще несколько раз, и еще несколько раз он услышал: «Убийца!»

Гейделю приходилось сталкиваться с подобным и раньше, но эти воспоминания не согревали его душу.

— Что ты собираешься делать дальше, мистер? — крикнул кто-то.

Он не ответил.

— Заразить побольше народу?

Он не ответил, но услышал, как сзади закашлялась женщина — громко, натужно.

Гейдель обернулся — ведь теперь он был чист и мог помочь...

Женщина стояла на коленях и плевалась кровью.

— Пустите меня к ней, — сказал Гейдель, но толпа не расступилась.

Упершись в стену человеческих тел, он смотрел, как женщина умирает... или теряет сознание... нет, все-таки умирает.

Понадеявшись на то, что внимание толпы отвлечено, он попробовал уйти. Дошел до перекрестка, побежал.

Толпа бросилась за ним.

То, что он побежал, было ошибкой, потому что тут же он почувствовал первый удар, нанесенный не рукой. Камнем.

Камень запрыгал по тротуару. Он только задел плечо Гейделя, не причинив особого вреда. Но все равно, зловещий признак...

Побежав, он уже не мог остановиться. Скорость требовала еще большей скорости. Гейдель сбросил рюкзак и рванулся вперед.

Камни посыпались дождем. Один коснулся кожи на голове, взлохматив волосы.

— Убийца!

Что бы им дать? — подумал Гейдель.

Он перебрал в уме свои запасы, раздумывая о возможном подкупе. Раньше ему удавалось иногда откупиться. Но сегодня, кажется, ситуация вышла из-под контроля.

Камень пролетел мимо и ударился о стену. Следующий попал в руку, причинив резкую боль.

У Гейделя не было никакого оружия, ему нечем было отвратить внимание обезумевшей толпы. Массовый психоз, уверенно поставил он диагноз.

Камень просвистел над ухом.

— Изверг!

— Вы не понимаете, что творите! — крикнул Гейдель. — Это всего лишь несчастный случай!

Почувствовав влагу на шее, он коснулся ее пальцами и увидел, что это — кровь.

Еще один удар...

Нырнуть в какой-нибудь магазин? Укрыться в месте, где делается бизнес? Он огляделся, но все было закрыто.

Где же полиция?

Несколько камней почти одновременно больно ударило в спину. Гейдель чуть не упал.

— Я пришел помочь вам... — начал он.

— Убийца!

Еще несколько ударов. Гейдель упал на колени, поднялся, снова побежал. Еще удары, но он, спотыкаясь, бежал, высматривая убежище.

Еще камень. Гейдель упал, но на этот раз не смог быстро подняться. Он почувствовал несколько пинков, и кто-то плюнул ему в лицо.

— Убийца!!!

— Ради бога... Выслушайте меня! Я все объясню!

— Твое место в аду!

Гейдель дополз до стены, и толпа сгрудилась вокруг него.

Пинки, плевки, камни.

— Пожалуйста... Я сейчас совершенно чист!

— Мерзавец!

Тут пришла ярость. Они не имели никакого права ИСПОЛЬЗОВАТЬ его. Он явился в их город с благороднейшей целью. Сколько трудностей он преодолел, пока добрался до Италбара! И вот, осыпаемый проклятиями, он истекает кровью на улице Италбара. Кто они такие, чтобы судить его? Злоба овладела всем его существом, и он подумал, что будь это в его власти, он раздавил бы их всех.

Ненависть — чувство, доселе почти неизвестное Гейделю, наполнила его мозг холодным огнем. Зачем нужна была ему последняя катарсис-кома?

Пинки, камни.

Гейдель закрыл локтями живот, ладонями — лицо и терпел.

— Вы уж лучше убейте меня, — сказал он себе. — Потому что, если вы оставите мне жизнь, я вернусь.

Когда в последний раз испытывал он ненависть? Он не хотел вспоминать, но память вернулась.

Храм. Странтрианская часовня. Да, там было что-то сродни ненависти... Нет, именно ненависть! Удивительно, что он не понял этого еще тогда...

Гейделю сломали ребра, вывихнули правое колено, выбили несколько

зубов. Кровь и пот заливали глаза. Толпа не расходилась, и он не понял, в какой именно момент времени прекратилось избиение.

Наверное, им показалось, что Гейдель мертв, потому что он лежал совершенно неподвижно. А может быть, они просто устали, или устыдились. Он так никогда и не узнал этого.

Скорчившись, он лежал на тротуаре, лицом к стене, которая так и не раздалась, чтобы дать ему убежище. Он был один.

Слышались отдаленные голоса, шарканье ног.

Он закашлялся и выплюнул кровь.

Ладно, подумал он. Вы хотели убить меня и полагаете, что достигли своей цели. Но вы ошиблись. Я все еще жив. Не просите у меня ни прощения, ни милости. На этот раз вы ошиблись.

Гейдель потерял сознание.

Дождь, тихо падающий на лицо, привел Гейделя в чувство. Полдень уже наступил. Каким-то образом он оказался в боковой аллее. Он не помнил, как полз, но ясно было, что никто не помогал ему.

Сознание снова покинуло Гейделя, а когда оно вернулось, небо уже почернело.

Он весь промок, а дождь не прекращался... Он облизнул губы.

Сколько прошло времени? Гейдель подтянул запястье к глазам, но хроно, естественно, разбился. Тело же его говорило о том, что прошли века.

Ладно.

Они били его.

Ладно.

Он сплюнул и постарался рассмотреть, не кровь ли растворяется в луже.

Да вы знаете, кто я такой?

Я пришел к вам, чтобы помочь. И ведь помог. А если я, помогая, явился причиной нескольких смертей, неужели вы думаете, что я сделал это намеренно?

Нет?

Тогда ПОЧЕМУ?

Я знаю.

Мы делаем что-то, потому что ЧУВСТВУЕМ, что иначе нельзя. Эмоции, благородные порывы иногда увлекают нас. Как меня, например...

Наверное, я заразил не одного из тех, с кем встречался.

Но умирать... Неужели я способен умертвить другое человеческое существо?

Нет. До сегодняшнего дня — нет.

Но вы показали мне изнанку жизни.

У меня тоже есть чувства, но теперь они текут по другому руслу. Вы избили меня до полусмерти, а ведь я хотел только добраться до аэропорта.

Ладно.

Я стал вашим врагом. Посмотрим, умеете ли вы умирать столь же бесшабашно, как и убивать.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ ОБО МНЕ?

Я — ХОДЯЧАЯ СМЕРТЬ.

ПОКОНЧИЛИ СО МНОЙ?

ОШИБАЕТЕСЬ.

Я ПРИШЕЛ ПОМОЧЬ.

Я ОСТАНУСЬ УБИВАТЬ!

Много часов лежал Гейдель под дождем, прежде чем смог подняться на ноги.

* * *

Доктор Пелс размышлял о нависшем над ним мире.

У них оказалось кое-что для него. Они навели его на след.

Дейбианская лихорадка. Вот с чего все началось. Вот что выведет его на человека, обозначенного «Х». И теперь, когда ночь без конца, включающая дни без счета, текла вокруг него, другие мысли приходили и уходили, задерживаясь, оставаясь.

Х.Х.Х.

Х — больше, чем ключ к МВАЛАХАРАН КХУРР... Само присутствие Х вылечивало большинство болезней.

Не это ли настоящая причина того, спросил себя доктор Пелс, что я пренебрег результатами двадцатилетнего труда и предпочел именно этот подход? Х не может жить вечно, а я могу — вот так. Не изменяю ли я в данном случае благородным идеалам науки?

Он подготовил свой «Би Колли» к подпространственным прыжкам. Потом перечитал последние записи.

Мелодия «Смерть и преображение» обволакивала его своими звуками.

* * *

Гейдель проснулся. Он лежал в канаве. Поблизости никого не было. Утро еще не наступило. Земля была сырой, кое-где — грязные лужи. Но дождь кончился.

Он прополз немного, встал на ноги, покачнулся.

И пошел вперед, к летному полю, куда шел раньше. Он хорошо помнил его расположение — видел, когда прогуливался по городу в тот день, когда отдал на анализ свою кровь... когда же это было?

Дотащившись до проволочной ограды, он поискал глазами сарай, замеченный им раньше.

Вот он...

Сарай оказался незапертым, а внутри нашелся теплый угол. В углу этом валялись тряпки, прикрывавшие ранее что-то неизвестное. Тряпки были пыльные, но это не имело значения, пыль или не пыль — он и так кашлял.

Еще пара дней, сказал себе Гейдель. Пусть начнут затягиваться раны.

* * *

Малакар следил за новостями. Он включил радио, послушал, выключил. Обдумал их, переварил, включил радио снова.

«Персей» проскочил систему солнц...

Он задремал, слушая сводки погоды со ста двадцати планет. Новости утомили его. В дремотном состоянии он поразмышлял немного о сексе, не прислушиваясь к программе с Прурии.

Он несся вперед. Корабль шел в режиме гипердрайва и будет идти так, пока не доберется до дома.

— *Мы сделали это,* — сказал Шинд.

— *Сделали,* — ответил Малакар.

— *А мертвые?*

— *Когда сядем в родном порту, сделаем зарубки на палочках.*

Шинд не ответил.

Глава 2

В самой высокой башне самого большого некогда космопорта сидел он, человек, восставший против Империи.

Идиотизм? — спросил он себя. Нет, потому что за мной бессмысленно охотиться.

Глядя вниз, на океан, ставший на секунду видимым, он охватил мысленным взглядом все бушующие мили расстояния, лежащие за Манхэттенской Цитаделью — его домом.

Могло быть и хуже.

Хуже?

В порту пусто, и ты бессмысленно сучишь пальцами... Глядя на воды, он следил, как гигантский клуб дыма затмевает их, подобно раскрывающемуся вееру.

Когда-нибудь, может быть...

Доктор Малакар Майлс был единственным обитателем Земли, ее монархом, властелином. Никому другому Земля была просто не нужна.

Он смотрел вниз. Сферическое окно открывало ему вид на половину того, что осталось от Манхэттена.

Дымок превратился в огромное облако, и зеркало, установленное под нижним углом, показало Малакару оранжевое пламя.

Оно сверкало.

Его экраны поглотили сверканье.

Оно горело, оно излучало радиацию.

Экраны поглотили и это тоже.

Были времена, когда он обращал внимание на такие мелочи.

Он посмотрел вверх и увидел мертвую луну в первой четверти.

Малакар ждал три секунды, десять.

Появился корабль, и он вздохнул.

— *Моему брату плохо,* — сказал Шинд. — *Ты дашь ему еще лекарства?*

— Да.

— А вот этого надо было ожидать. Берегись.

Перед тем как уйти в лабораторию, Малакар еще раз посмотрел на то, что было когда-то сердцем Нью-Йорка. Ненасытные серебристые лианы с длинными, жесткими листьями обмотали нижние этажи убитых зданий. Дым исчернил их, иссушил. Но они продолжали расти. Малакар видел, как они растут. Человек уже не мог жить в этих кирпичных каньонах.

Без всякой причины Малакар нажал кнопку, и ядерная ракета малой мощности распылила здание на несколько миль от его башни.

— Я дам твоему брату каранин. Он подстегнет дыхание.

— Но не только, он сделает еще много хорошего.

— Да.

— Значит, нужно его дать.

— Сходи и принеси его в лабораторию.

— Сейчас.

Малакар еще раз оглядел свое королевство и пятна океана, видимые сквозь дым, потом спустился с верхней палубы. Единственный обитатель планеты, он не ощущал к ней ни родительской привязанности, ни сыновней почтительности, ни отвращения.

Шахта вынесла его на нижний уровень цитадели. В коридоре он для проверки пересек три луча сигнальных систем. Войдя в лабораторию, он увидел, что Тув, брат Шинда, уже ждет его.

Малакар достал лекарство из распределителя в стене и впрыснул его в тело малыша.

Подождал минут десять.

— Как он?

— Жалуется на болезненность укола, но ему лучше.

— Хорошо. Теперь отвлекись и расскажи мне, зачем пожаловал Морвин.

— Он твой друг. И мой тоже. С давних пор.

— Так почему ты говорил: «берегись»?

— То, что он несет с собой, может оказаться опасным для тебя.

— Что именно?

— Скорее всего, информация.

— Новости, которые могут убить меня? У радикалов с ОЛ с их ракетами ничего не получилось... Так что там у Морвина?

— Не знаю. Я говорю как представитель расы, способной изредка улавливать фрагменты будущего. Иногда я ЗНАЮ. Мне это снится. Но я не понимаю, как это происходит.

— Ладно... Опиши состояние брата.

— Дыхание немного затруднено, но сердце работает свободнее. Мы благодарим тебя.

— Значит, снова получилось. Хорошо.

— Нехорошо. Я вижу, что жизнь его подойдет к концу через два запятая восемь земных года.

— Что от меня требуется?

— Со временем — более сильные лекарства. Ты добр, но нужно будет стать еще добрее. Возможно, специалист...

— Мы можем позволить себе это. Мы раздобудем ему лучшего специалиста. Расскажи, что еще плохо.

— Скоро начнут разрушаться стенки кровеносных сосудов. Это в полной мере проявится примерно через шестнадцать земных месяцев. Потом ухудшение пойдет быстрее. Не знаю, что я буду тогда делать.

— Тогда все будет зависеть от моей заботы, и я обещаю, что не стану медлить. Поговори с ним и успокой.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Включи меня.

— Момент...

...и в мозг недоразвитого ребенка, но более чем недоразвитого. Захваченный потоками, втянутый внутрь, Малакар видел и ощущал...

...все, что когда-то видели эти глаза, осталось; и уж Малакар позаботился о том, чтобы видели они как можно больше.

Такой бесценный инструмент не выбрасывают только потому, что счет от доктора оказался слишком велик.

Малакар обозрел этот погруженный во мрак мозг, двинулся сквозь него. Шинд поддерживал связь. Карты неба и планет, миллионы страниц, лиц, сцен, диаграмм. Пусть идиот ничего не понимает, но в мозгу его все, что видели эти желтые глаза, нашло свое место. Малакар двигался осторожно.

Нет уж, никогда не откажется он от этого идеального склада в мохнатой голове.

Внезапно вокруг него зазвенели чувства. Малакар оказался вблизи центра боли и страха смерти — не вполне представляемой, и потому более ужасной — кипящего, кошмарного места, где полусформировавшиеся образы ползали, извивались, горели, кровоточили, замерзали, растягивались и рвались. Что-то внутри его самого отразило эти чувства. Это был первобытный ужас создания божьего, противостоящего пустоте, пытающегося заселить эту пустоту ужаснейшими порождениями замутненного сознания. Чаще всего это удавалось с блеском...

— Шинд! Вытащи меня!!!

... и вот он снова в своей лаборатории, рядом с раковиной.

Оказался ли приобретенный опыт полезным?

Малакар решил, что — да.

— Дозу я буду повышать как можно медленнее. Не разрешай ему напрасно мучить себя.

— Тебе понравилась его память?

— Ты чертовски прав, понравилась, и я сделаю все, чтобы сохранить ее.

— Хорошо. Оценка продолжительности его жизни может оказаться несколько завышенной.

— Я буду ориентироваться на нее... Расскажи мне побольше про Морвина.

— Он в глубоком беспокойстве.

— Как и все мы, правда?

— Скоро он приземлится и придет сюда. Мне кажется, его гнетет страх, посеянный людьми из того места, которое ты ненавидишь.

— Скорее всего. Ведь он живет среди них.

Малакар мельком глянул на открывшиеся перед ним картины Земли. Он включил экраны, которые показывали большую часть поверхности планеты, только чтобы протянуть эти несколько минут, и скоро выключил их, потому что изменившиеся очертания континентов утомляли его. Житье на вулкане только потому, что это место было когда-то дорого, приучило его к худшему из того, что могли показать экраны. Земля еще многое значила для Малакара, но он не в силах был изменить ее нынешний облик...

Он проследил за кораблем, за тем, как из него выходит Морвин, и нацелил на него несколько оборонительных систем.

Что же я делаю? — задумался он. Ведь должен же человек хоть кому-нибудь доверять!

Тем не менее он следил за Морвином, пока тот не приблизился к воротам цитадели, и вел над ним шар, из которого в любую секунду готова была пролиться огненная смерть.

Одетая в космический скафандр фигура остановилась, и Морвин посмотрел вверх. Нажатием кнопки на обширной панели Малакар убрал шар.

Замигала белая лампочка, и он повернул верньер, впустив треск статических разрядов и голос:

— Сэр, я пришел только затем, чтобы сказать «Привет!». Если вы хотите, чтобы я ушел, я уйду.

Малакар тронул другую кнопку.

— Нет. Заходи. Это всего лишь меры предосторожности.

Но он продолжал следить за каждым шагом Морвина, вводя данные о его передвижении в боевой компьютер. Он просветил Морвина рентгеном, взвесил его, измерил пульс и кровяное давление, снял энцефалограмму. Он ввел эти данные в другой компьютер, который проанализировал их и вернул в боевой.

РЕАКЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ — вспыхнуло на дисплее, как он того и ожидал.

— Шинд? Что скажешь?

— Я сказал бы, что он и в самом деле хочет поздороваться.

— Хорошо.

Малакар открыл ворота своей крепости, художник вошел в огромный холл и уселся на плавающий диван.

Раздевшись, Малакар ступил в туманную завесу, которая за время прохождения помыла и побрила его. В гардеробной Малакар быстро оделся, спрятав на теле всего несколько видов обычного оружия. Потом он спустился на нижний уровень и вошел в холл с другой стороны.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

Морвин улыбнулся.

— Здравствуйте, сэр. В кого это вы стреляли, когда я снижался?

— В призраков.

— О? Ну и как? Попали?

— Ни разу... К сожалению, на Земле нет больше виноградников, но у меня еще остались кое-какие запасы их даров. Не против?

— Конечно нет.

Малакар налил два бокала и передал один Морвину.

— Глоток за твое здоровье. Потом — обед.

— Спасибо.

Бокалы звякнули.

* * *

Гейдель встал. Потянулся. Лучше. Значительно лучше. Он проверил свои руки, ноги. Кое-где еще болело... Кое-какие мышцы свело — он помассировал их. Повертел головой из стороны в сторону.

Потом подошел к грязному окну сарая и выглянул на улицу.

Длинные тени. Снова вечер.

Перед его полусонными глазами проплыло печальное синее лицо.

— Прости меня, Леди, — сказал он, уселся на ящик и стал дожидаться ночи.

Он чувствовал, как сила поет в его болячках и в новой, незаживающей язве на правой ладони.

До чего же хорошо!

* * *

В ожидании колокола Дейлиг с Диглы, как то было в его обычае, размышлял. Он сидел на балконе, наполовину прикрыв веками глаза, и не замечал океана, к которому было обращено его лицо.

Случилось то, к чему долгое служение богам не смогло подготовить его. Он никогда не слышал ни о чем подобном, хотя религия, обряды которой он отправлял, была весьма многообразной и чрезвычайно древней.

Невозможно не представить этот феномен галактического масштаба вниманию Имен. Но Имена странно безразличны к делам своих храмов. В основном Носители Имен общались друг с другом по делам, касающимся украшения планет, в которых почти все они принимали участие.

Не будет ли наглостью с его стороны обратиться непосредственно к одному из Тридцати Трех Живущих?

Вероятно.

Но если они пребывают в неведении, разве не его долг обратить их взгляд в нужном направлении?

Он размышлял. Он размышлял долго.

Когда прозвенел колокол, он встал и пошел к передатчику.

* * *

Нечестно, решил Гейдель, хотя именно этого он хотел, и теперь это казалось ему совершенно необходимым. Но в это время, когда он предпринял необходимые действия, у него были другие намерения, и это

обстоятельство отняло у случившегося пикантность, вкус, который в противном случае был бы куда слаще.

Он шел по улицам Италбара. Нигде не было света. Ничего не двигалось под сверкающими звездами.

Он снял вывеску, извещавшую о карантине, посмотрел на нее, разорвал, уронил клочки на землю и пошел дальше.

Он хотел прийти ночью, измазать дверные ручки гноем своих язв, провести скрюченными пальцами по перилам, залезть в магазин и плевать на пищу.

Где они все? Умерли, умирают, разбежались. Город ничем не напоминал тот Италбар, каким Гейдель увидел его в первый вечер, с холмов. Тогда у него были другие намерения...

Он искренне сожалел о том, что оказался орудием смерти случайно, а не по своей воле.

Но будут другие Италбары... и планеты, полные Италбаров.

На перекрестке, где мальчик пожал Гейделю руку, он остановился и вырезал себе посох.

На месте, где мужчина предложил подвезти его, он остановился и плюнул на тротуар.

Прожив столько лет в одиночестве, Гейдель чувствовал, что понимает природу человека лучше тех, кто прожил всю жизнь в городах. Видя, он мог судить.

Сжимая посох, он вышел из города в направлении холма. Ветер развевал его волосы и бороду, звезды Италбара сияли в его глазах.

Он улыбался.

* * *

Малакар поудобнее вытянул обвешанные оружием руки и ноги, подавил зевок.

— Еще кофе, Морвин?

— Спасибо, капитан.

— Значит, ОЛ хочет разжечь старые страсти и использовать меня как предлог? Прекрасно.

— Мне это было представлено несколько иначе, сэр.

— В итоге получается одно и то же.

Не могу я доверять тебе, решил Малакар, хотя сам ты считаешь, что заслуживаешь доверия. Ты был прекрасным заместителем, и всегда нравился мне. Но артистические натуры никогда не отличались надежностью. Ты ушел туда, где покупают твои картины. С этим твоим телекинезом, направь его на ядерный реактор, мы смогли бы снова поработать вместе. Плохо... Почему ты не куришь ту трубку, что я подарил тебе?

— *Он думает сейчас именно об этом,* — сказал Шинд.

— *О чем он еще думает?*

— *Информация, которой я боялся, не выделяется среди его мыслей. А если как-то и выделяется, я не могу признать ее опасной.*

— Морвин, мне хотелось бы попросить тебя об одолжении.

— Сэр?

— Это касается тех сонных шаров, которые ты делаешь...

— Да?

— Мне хочется иметь такой же.

— Был бы рад, но у меня нет с собой нужного оборудования. Знай я, что вы заинтересуетесь, я бы...

— Мне понятен сам принцип твоего искусства, и, вполне вероятно, что оборудования МОЕЙ лаборатории нам должно хватить...

— Нужны еще наркотики, телепатическая связь.. сам шар.

— ...сам я — доктор медицины, мой друг — телепат, он может и передавать и посылать мысли. Что касается шара, мы его сделаем.

— Что ж, интересно будет попробовать.

— Отлично. Почему бы нам не начать... прямо сейчас?

— Не возражаю. Знай я о вашем интересе раньше, я и сам давно предложил бы свои услуги.

— Я задумался об этом совсем недавно, а сегодняшний день ничем не хуже любого другого.

* * *

Гейдель путешествовал сквозь джунгли Клича. На лодке он проплыл по реке Барт сотни миль, останавливаясь в деревнях и маленьких городках.

Внешне он теперь и в самом деле напоминал святого подвижника — казался выше и сильнее, глаза его и голос привлекали внимание толпы. Одежда его превратилась в лохмотья, спутанные грязные волосы развевались по ветру, тело покрылось бесчисленными язвами, гнойниками, опухолями, неприятного цвета пятнами. Он проповедовал, и люди слушали его.

Он проклинал людей. Он говорил о жажде насилия, изначально живущей в их душах, и о зле, формирующем глубины сознания. Он говорил о человеческих преступлениях, взывающих о правосудии, и возглашал, что правосудие свершилось. Он говорил, что акт покаяния лишен всякого смысла, и убеждал людей провести оставшиеся часы в устройстве своих дел. Никто не смеялся, услышав эти слова, хотя потом многие улыбались.

Кое-кто, однако, повиновался.

Возвещая таким образом День Уничтожения, Гейдель шел от деревни к городу, от города к столице; и ни одно его пророчество не осталось неисполненным.

Немногие оставшиеся в живых начали считать себя, по какой-то смутной причине, избранными. Но избранными КЕМ или ЗАЧЕМ — они не имели ни малейшего представления.

* * *

— Я готов, — сказал Малакар.

— Хорошо, — согласился Морвин. — Начнем.

Какого черта ему нужно? — спросил он себя. Капитан никогда не был склонен к самоанализу, к каким-бы то ни было эстетическим чувствам, и

вдруг ему захотелось обзавестись в высшей степени личным произведением искусства. Неужели он изменился? Нет, надеяться на это было бы ошибкой. Его вкус в украшении своего обиталища остался ужасным, и ничто в его убранстве не изменилось со времени моего последнего посещения. Его намерения, планы, желания не претерпели изменений. Нет. Его просьба диктуется отнюдь не эмоциями. Тогда чем же?

Морвин следил, как Малакар впрыскивает себе в руку прозрачную жидкость.

— Что это за наркотик? — спросил он.

— Просто слабый галлюциноген. Подействует через несколько минут.

— Но, капитан, вы еще не объяснили мне, к чему готовиться... что, так сказать, воплощать.

— Этим я только облегчаю твою задачу, — сказал Малакар, укладываясь на кушетку. — Я скажу — через Шинда, — когда все будет готово. Тебе останется только ударить по кнопкам и запечатлеть именно то, что сформируется к тому моменту в моем сознании.

— Это подразумевает участие в процессе вашего СОЗНАНИЯ и непременно приведет к ослаблению силы и четкости видения. Поэтому, сэр, я предпочитаю пользоваться своими собственными медикаментами.

— Не волнуйся, образ будет ясным и четким.

— Сколько придется ждать, пока видение достигнет необходимой четкости?

— Минут пять. Оно придет внезапно, но останется достаточно долго, чтобы ухватить его.

— Постараюсь, сэр.

— Постарайся, Морвин. Это приказ. Я уверен, что таких сложных задач у тебя еще не было. Но я хочу, когда проснусь, увидеть перед собой законченную работу.

— Слушаюсь, сэр.

— Почему бы тебе ненадолго не расслабиться?

— Да, сэр.

— *Шинд?*

— *Я здесь, капитан. Он все еще в недоумении, не понимает, почему вам захотелось этого и что это будет такое. Не будучи в состоянии ответить на эти вопросы, он решил обойти их. Скоро я все узнаю, говорит он себе, хочет успокоиться и выполнить приказ. Он очень напряжен — ладони потеют, и он вытирает их о брюки. Пытается контролировать свое дыхание и частоту сердечных сокращений. Успокаивается. Поверхностные мысли теряют интенсивность... Вот! Он делает со своим мозгом что-то, чего я не могу понять. Очевидно, готовит себя к появлению своего необычного таланта. Теперь он по-настоящему спокоен и сознает это. В нем не осталось ни эрга напряжения... он может позволить себе мечтать. Всплывают непрошенные мысли, и так же легко уходят. Завитки, клубочки, ничего особенно выдающегося.*

— *Не ослабляй внимания.*

— Подождите! Что-то... что-то...

— Что?!

— Шар... это каким-то образом связано с шаром...

— С каким? С тем, который мы сделали?

— Нет, этот шар — только предлог, он успокоился, и мозг его спокойно странствует...Шар... другой шар, другой...

— На что он похож?

— Большой, на фоне звезд. Внутри...

— Что?

— Человек. Человек мертв, но двигается. Вокруг него много всякого медицинского оборудования. Шар — звездолет... Би Колли...

— Пелс. Мертвый доктор. Экзопатолог. Я читал его статьи. Ну и что?

— Для Морвина — ничего, но образ уже ушел, и снова возникли клубящиеся мысли. Тут есть кое-что для меня... то, что мне снилось. О чем я предупреждал тебя... те самые новости, или что-то, с ними связанное.

— Я узнаю, что это такое.

— Только не от Морвина, он сам ничего не знает. Мысли Морвина говорят только о том, что существует некоторая информация, которую можно получить вместе с новостями о Пелсе... Я... Капитан, простите меня! Я оказался невольным их пособником! Это как в моем сне, несколько недель назад. Путь к трагедии пролегает не через Морвина... через Пелса! Лучше бы я промолчал! Избегайте всего, что связано с мертвым доктором!

— Странно. Совершенно непонятный поворот событий... Но мы раздобудем нужную информацию и осмыслим ее позже. Давай теперь займемся нашим «сном».

— Подождите, капитан. Не будет никакого «позже». Гоните Пелса из мыслей и никогда не вспоминайте о нем!

— Не сейчас, Шинд. Помоги мне покопаться в воспоминаниях твоего брата.

— Хорошо. Я помогу. Но...

— Давай, Шинд!

И вот Малакар снова там, он идет по коридорам библиотеки, по коридорам чужого мозга. Все, что когда-либо испытывало это создание, от слабых дородовых ассоциаций до восприятия текущего момента времени, лежало перед ним. Но он искал тот печальный, воспаленный узел сознания, близ которого побывал раньше. Обнаружив его, Малакар подошел поближе и попробовал поглубже проникнуть туда, где смешались боль, смерть и ужас. Это был сон, который снился Туву раньше, но память несчастного сохранила его, как и все другие. Сны эти висели на стенах картинной галереи его агонии. Закрученное штопором пятно, две струи — извивающиеся ноги; все существо пронизано светящимися линиями, напоминающими хвост зеленой кометы; слабое световое пятно заполняло размытый, напоминающий человеческое лицо контур — ничего подобного Малакар никогда не видел, — ужасное лицо — маска пребывающего между жизнью и

смертью. Красные слезы стекали с этого лица на серебристый хрустальный пейзаж... или на языки серебристого пламени. В центр жуткого изображения и швырнул Малакар звездную карту Объединенных Лиг, и каждое солнце в ней было таким слабым, что казалось клеточкой умирающего тела...

— *ДАВАЙ, ШИНД!*

Морвин пронзительно закричал.

Малакар знал, что тоже кричит, но не мог остановиться, пока Шинд не вытащил его из мозга умирающего.

Потом, подобно молнии, ударила тьма.

* * *

Планета, именуемая Клич, исчезла позади. Через несколько часов Гейдель сможет выйти из системы и нырнуть в подпространство. Он отвернулся от пульта управления и из деревянного ящичка вытащил тонкую сигару. Ящик этот он взял в магазинчике, за прилавком которого лежал мертвец, в космопорту, полном мертвецов.

На этот раз все произошло значительно быстрее — эпидемия почти мгновенно охватила огромную территорию. Что же это было такое? Гейдель даже не узнал симптомов. Неужели организм его стал источником, рождающим новые болезни?

Он зажег сигару и улыбнулся.

Язык Гейделя распух, глаза пожелтели. Очень мало здоровой кожи осталось на его теле. Весь он превратился в пеструю массу болячек и опухолей.

Гейдель улыбался и выпускал струйками дым, пока глаза его не упали на отражение в выключенном боковом экране.

Улыбка исчезла. Он отложил сигару и, всматриваясь в свое лицо, наклонился поближе к экрану. После Италбара, где все началось, он впервые видел свое лицо.

Он рассмотрел все линии, места, похожие на ожоги, черные рубцы, пересекавшие щеки.

Какой-то внутренний импульс возник именно в этот момент для того, чтобы собрать в кулак все его внутренности.

Тяжело дыша, Гейдель отвернулся от экрана. Руки его тряслись.

Для достижения желаемого эффекта мой внешний вид не обязательно должен быть столь отталкивающим, решил он. Три недели в суб-про, прежде чем я долечу до Вершины. Можно подлечиться и очиститься.

Гейдель снова сунул в рот сигару и запыхал ею. Левую руку он положил так, чтобы не видеть ее. Ни разу больше не взглянул он на боковой экран.

Корабль вошел в режим гипердрайва. Гейдель включил передний экран и принялся рассматривать звезды. Они вращались вокруг некой точки, находящейся строго по курсу: некоторые — по часовой стрелке, некоторые — против. На мгновение Гейделю представилось, что это Вселенная вращается вокруг него.

Потом он откинул спинку кресла, закрыл глаза и отправился в долгий путь по тропинке, на которую не ступал со времен Италбара.

...Быстрой походкой сквозь туман.

Синева, синева, синева. Синие цветы, похожие на змеиные головы. Экзотические запахи. Голубая луна над головой, голубые лианы поперек звезд.

Вверх, в сад...

Синие насекомые роились вокруг и, когда он взмахнул рукой, чтобы отогнать их, увидел руку.

Что-то не так, решил он. Стоит мне явиться сюда, и я становлюсь единым целым.

Он прошел дальше в сад и почувствовал некоторые перемены, хотя и не мог понять, чем они вызваны.

Он посмотрел вверх, но на небе была только неподвижная луна.

Он прислушался, но не услышал птичьих песен.

Туман струился вокруг его ног. Первый сверкающий камень, на который он наткнулся, все еще разбрасывал вокруг голубоватые отблески синего. Но бабочек не было. Сам камень местами затянуло паутиной, внутри которой висели десятки синих гусениц, изгибавшихся и постепенно распрямлявшихся. Глаза их сияли, подобно осколкам сапфира. Пока он смотрел на гусениц, все они ухитрились повернуться в его сторону и поднять головки.

Проходя мимо других камней, он не рассматривал их, но со все возрастающим отчаянием разыскивал скопление особенно высоких кустов.

Заметив их, он поспешил вперед, и, как всегда, свет померк при его приближении. Он увидел летний домик.

Никогда прежде он не видел его таким. Всегда он казался ему тенистым, мирным, прохладным. Теперь же каждый камень, четко обрисовав свои контуры, горел холодным синим светом. Внутри домика была абсолютная тьма.

Он остановился. По телу прокатилась волна холода. Потом — волна дрожи.

Что же именно изменилось? — спросил он себя. Раньше все было по-другому. Неужели она рассердилась на меня? За что? Наверное, не следует входить. Нужно ждать снаружи, пока не придет пора возвращаться. А может быть, возвращаться нужно прямо сейчас? Воздух пересыщен электричеством, как перед грозой.

Он стоял и ждал. Ничего не происходило.

Кожу закололо сильнее. Начала конвульсивно подергиваться шея, потом руки и ноги.

Он решил уйти, но что-то лишило его способности двигаться.

Вдруг его повлекло вперед. Это было не желание, но тяга. Пульсируя каждой клеточкой тела, он сделал первый шаг.

Когда он вошел, чувства его отличались от тех, с которыми он входил сюда раньше. На этот раз он боялся увидеть тень улыбки, дрогнувшую ресницу, прядь волос, отблеск синего лунного света на беспокойном плече. На этот раз он надеялся, что она не появится.

Он подошел к каменной скамье, тянувшейся вдоль стены, сел.

— Гейдель фон Хаймак! — пришли слова, и он захотел встать и

убежать, но не смог сдвинуться с места. В словах чувствовалось больше шипения, чем раньше, и дыхание их покрыло инеем его щеки.

— Почему ты не смотришь на меня, фон Хаймак? Раньше ты всегда рад был возможности лицезреть меня.

Он молчал. Она оставалась та же, но... другая. Все стало другим.

— Гейдель фон Хаймак, ты не отвечаешь и не смотришь на меня! В чем дело?

— Леди...

— Не старайся быть вежливым. Достаточно и того, что соизволил, наконец, прийти.

— Не понимаю.

— В конечном счете ты поступил правильно. Теперь звезды изменили свой полет, а моря сбросили цепи.

У нее чудесный голос, решил он. Мелодичнее, чем прежде. Меня просто испугала внезапная перемена... И сад стал красивее.

— Ты заметил перемены и одобрил их. Это хорошо. Скажи мне, что ты думаешь о своей новой силе?

— Я радуюсь. Люди ничего не стоят и заслуживают только смерти. Чем больше будет у меня власти, тем больше их умрет.

— Так и будет! Поверь мне! Скоро ты приобретешь возможность испускать споры, убивающие за сотни километров. А потом настанет время, когда тебе будет достаточно ступить ногой на планету, чтобы убить на ней все живое.

— Я ненавижу только людей. Это они чуть не убили меня. Неразборчив и жесток только человек. Другие расы, другие формы жизни не интересуют меня.

— Но если ты собираешься служить мне — а ты уже решился, — жизнь в любом проявлении станет твоим врагом.

— Леди, я не собираюсь заходить так далеко. Не все формы жизни причиняли мне зло.

— Чтобы поразить преступника, ты должен пробиться сквозь ряды невинных. Другого пути нет.

— Я буду избегать планет, на которых нет людей.

— Хорошо. На какое-то время. Ты все так же счастлив в моем обществе?

— Да, Мира-о...

— Не коверкай мое имя. Если уж ты не можешь обойтись без него, произноси его правильно: Арим-о-мира.

— Прости меня, Леди! Я думаю...

— Прекрати думать. Исполняй мои повеления.

— Конечно.

— С той новой силой, что растет в тебе с каждым днем, ты возьмешь лучшее от двух вселенных. Лишь пока ты здесь, спящее тело твое лишено знаков власти. Оно мирно похрапывает в той скорлупке, которой ты пользуешься для передвижения между мирами. Когда ты проснешься, силы твои возрастут, а знаки на твоем теле станут яснее, чем когда-либо.

— Зачем это? Помнится, недавно все было наоборот.

— Божественная власть дана тебе потому, что ты перестал быть человеком и решил стать богом.

— Я надеялся, что ты очистишь меня на какое-то время, потому что я обнаружил, что становлюсь с каждым днем все уродливее.

Она рассмеялась.

— Ты? Уродливее? Клянусь всеми Именами, ты прекраснейшее из всех живущих существ. Встань на колени и восхищайся мной. Я потребую от тебя сексуального поклонения и только потом провозглашу тебя своим вечным слугой.

Он поднял голову и впервые увидел ее лицо.

И пал на колени.

* * *

Очнувшись, Малакар сделал себе укол настоящего транквилизатора, шприц с которым держал наготове. Первым уколом он ввел дистиллированную воду. Занимаясь этим, он ни разу не позволил себе взглянуть на шар.

Потом он встал, чтобы проделать такую же процедуру со все еще пребывающим в беспамятстве Морвином, но помедлил.

— Почему он не приходит в себя, Шинд?

— Вся мощь смертного сна пришлась на Морвина в сочетании с его способностью к телекинезу. Они взаимно усилили друг друга.

— В таком случае я дам ему снотворного и переложу в постель.

Сделав это, Малакар вернулся в лабораторию и принялся рассматривать шар.

Волосы его встали дыбом.

Боже! Вот оно! Это именно то, что я видел! Никогда не подозревал, что Морвин достиг таких вершин в своем искусстве! Он и в самом деле ухитрился запихнуть туда кошмар. Это больше, чем просто совершенство. У меня и в мыслях не было, что получится произведение искусства, но это оно и есть — если рассматривать его наяву. Кажется, он все-таки вносит какие-то изменения... но в них не ткнешь пальцем. А ведь все, что я хотел получить, — отвратительный маленький сувенирчик, чтобы отослать его в Генеральный Штаб на СЭЛе: «От Малакара с любовью»... пусть знают, что я еще жив и могу кусаться. Что же я хотел сказать им... смотрите, во что я превращу ваши проклятые Объединенные Лиги? Вряд ли мне удастся устрашить их, но я старею, а наследника не видно. Вот если у меня получится то, что я задумал, тогда — другое дело. На какое-то время они опять подожмут хвост. Не исключено, что тогда появится и новый Малакар. По крайней мере, я буду молиться об этом, подбрасывая им свою новую бомбу. Не хочется мне отдавать им этот шар. Жаль, что Морвин переметнулся... Неплохой парень. Эти его шары... Шары... КАКОГО ЧЕРТА!!!

Он обшарил всю свою лабораторию, но не нашел того, что искал. Потом он включил мониторы и осмотрел все помещения цитадели.

— ШИНД! Где ты прячешься?

Молчание.

— Я знаю, что ты каким-то образом заблокировал мой мозг. Освободи его!

Молчание.

— Учти, Шинд, зная, что замок существует, я в конце концов смогу взломать его. Это может занять несколько дней, недель, но я добьюсь своего. Избавь меня от напрасных мучений.

До Малакара донесся мысленный эквивалент вздоха.

— Я сделал это для твоего добра.

— Когда кто-то начинает говорить, что хорошо для меня, а что плохо, я хватаюсь за револьвер.

— Я не советовал бы снимать блокировку, пока...

— Снимай немедленно! Это приказ! Никаких дискуссий! И полегче, чтобы мне не пришлось потом потеть!

— Вы очень упрямы, капитан.

— Ты прав! Давай!

— Как скажете, сэр. Мне будет легче, если вы немного успокоитесь.

— Я и так спокоен.

Ощущение пролетевшей сквозь череп черной птицы...

ШАР... ДОКТОР ПЕЛС... Теперь мне все ясно!

— Теперь, когда вы все равно вспомнили, сами можете убедиться, насколько хитро все было придумано. То, что мне снилось; невероятный парадокс, похожий на задачку о ботиночных шнурках...

— Твои чувства к Пелсу были настолько сильны, что ты хотел даже заставить меня забыть о нем... Нет, Шинд, все это требует тщательного, всестороннего изучения.

— Чем вы собираетесь заняться?

— Прочитать последние статьи Пелса и выяснить, к чему он проявляет особый интерес. Хотелось бы узнать и то, где он сейчас находится.

И снова мысленный вздох прозвучал в голове Малакара Майлса.

Той же ночью Малакар вызвал на землю специальный почтовый корабль, чтобы тот забрал и доставил посылку в Генеральный Штаб ОЛ на планете Элизабет. Это обошлось в астрономическую сумму, но банковский счет Малакара выдержал бы и не такое. Он лично погрузил упакованный шар в звездолет и присовокупил записку: «Джентльмены! Всего вам наилучшего! Малакар Майлс, 4 Космофлот, капитан в отставке, ДИНАБ». Потом он принялся читать, а в некоторых случаях и перечитывать творения врача-экзопатолога Лармона Пелса.

Когда утро осветило нависшие над Манхэттеном туманы, он все еще читал. На листке бумаги, кроме медицинских терминов, вызвавших его персональный интерес, было написано всего две фразы: «Дейбианская лихорадка» и «Непонятная заинтересованность в деле Х».

Тут Малакар подумал, не пора ли отдохнуть; решил, что не пора, встряхнул себя стимулятором.

У Морвина может быть еще кое-что из того, что мне нужно, решил он.

Похоже, сидя за столом, Морвин говорил:

— ...трудную вы задали мне задачу, сэр. Мне уже приходилось делать вещи, граничащие с кошмаром, но никогда с таким мощным эмоциональным зарядом. Я страшно устал, но совсем не хотел терять сознание вот так, прямо на кушетке.

— Прости. Я не подумал, что это произведет на тебя столь сильное впечатление.

Морвин улыбнулся и отхлебнул кофе.

— Я рад, что вам понравилось.

— И ты все так же уверен, что не возьмешь денег?

— Нет, спасибо... Можно мне еще раз подняться наверх, посмотреть на вулкан?

— Конечно, и я с тобой. Доедай, и пойдем.

Они поднялись на верхний уровень и смотрели оттуда вниз, вверх и вокруг. Солнце превратило некоторые части ландшафта в золотистое конфетти. Линия горизонта напоминала покосившийся забор. В черном кратере булькали оранжевые огоньки. Комья лавы взлетали в небо. Время от времени по земле пробегала дрожь. Когда ветер менял направление или усиливался, дымовой занавес раздвигался, и можно было рассмотреть бьющиеся о подножие конуса, искаженное горячими газовыми линзами, черные волны Атлантики. У самой земли листья толстых, с человека обхватом, лиан, звенели свежестью, наверху они были чернее ночи.

— ...трудно поверить, что вся Земля такая, — говорил Морвин, — и что это происходит на наших глазах.

— Спроси об этом ОЛ — это их рук дело.

— ...и никто никогда не поселится на родной планете...

— Я живу здесь — как напоминание о преступлении и предостережение.

— ...во Вселенной множество миров, похожих на нашу прежнюю землю. На них живут миллиарды ни в чем не повинных людей.

— Когда ставишь себе целью покарать преступников, стараешься не замечать невиновных. Таков путь мщения.

— Если не мстить, через несколько поколений не будет преступников, не будет и невиновных. По крайней мере, новое поколение ни в чем не будет виновато... а планеты сохранятся зелеными.

— Такой взгляд на вещи чересчур отдает философией для меня — человека, много видевшего в жизни.

— Я пережил то же самое, сэр.

— Да, но...

Малакар прикусил язык.

Они смотрели вниз, потом:

— Этот специалист по болячкам, доктор Пелс, останавливался в последнее время на Хонси?

— Да. К вам он тоже залетал?

— Давно... Что он у вас искал?

— Какую-то медицинскую информацию, статистику и человека, которого у нас нет.

— Человека?

— Кажется, зовут его Хайнек, или что-то в этом роде. Но в наших компьютерах ничего о нем не было... Ого, вот это вспышка!

Х? спросил себя Малакар. Может этот Хайнек, или как его там, быть носителем заразы? Я тоже никогда не слышал о нем, но если он и в самом деле...

«Дейбианская лихорадка», вспомнил Малакар, «впервые была отмечена не на Дейбе, а на других планетах. Она безусловно смертельна, за одним исключением. Я имею в виду, конечно, случай Х. До сих пор неизвестно, каким образом передается эта болезнь».

Если этот человек и есть Х, может он быть невольным разносчиком инфекции? Узнать настоящее имя человека, данные о котором затребовал Пелс, не составит никакого труда.

Вспышки дейбианской лихорадки всегда сопровождались полудюжиной других не менее экзотических болезней. Одновременность их казалась совершенно необъяснимой. Но этот Х болел неисчислимым множеством болезней и всегда выздоравливал, по крайней мере, его признавали здоровым. Возможно ли, что некая особенность, присущая только Х, заставляет все перенесенные им болезни давать рецидив одновременно?

Мысль о возможности применения этого феномена в военных целях сверкнула в мозгу Малакара подобно оранжевой вспышке в кратере вулкана.

Каждая планета готова к бактериологической войне, готова даже к одновременному применению нескольких видов бактерий. Его же удар будет нанесен молниеносно, а последствия его всегда можно будет объяснить известными, хотя и недостаточно изученными естественными причинами. Если это возможно и Х является ключом, контролирующим этот процесс — или даже САМИМ ПРОЦЕССОМ, — я слышу звон похоронного колокола. Вред, причиненный ОЛ, превзойдет мои самые смелые ожидания. Останется только определить, тот ли самый Х этот Хайнек, и, если это так, найти его.

Несколько часов смотрели Морвин и Малакар на огни и кипящую лаву, на меняющиеся с каждой минутой море и небо. Потом Морвин откланялся:

— Мне бы хотелось отдохнуть. Я все еще чувствую себя слабым.

— Конечно, конечно! — воскликнул Малакар, отрываясь от созерцания чего-то отдаленного. — А я еще побуду здесь. Кажется, готовится новый фейерверк.

— Надеюсь, вы не в обиде на незваного гостя.

— Ничто не может быть дальше от истины. Ты воодушевил меня своим посещением.

Он смотрел вслед Морвину, пока за ним не закрылась дверь, и рассмеялся.

Может, тот шар, что ты создал, отражает истину, подумал он. Точное предсказание грядущего. Я и думать никогда не смел, что мечта моя осуществится, если только...

— *Шинд!* — позвал Малакар. — *Ты понимаешь, что произошло?*

— *Да, я следил за разговором.*

— *Я попрошу Морвина присмотреть за лавочкой, а мы скоро отправимся в новое путешествие.*

— *Куда?*

— *Дейба.*

— *Этого я и боялся.*

Малакар всласть посмеялся над его ответом. Туман ушел вслед за полднем.

* * *

Гейдель смотрел на сверкающие звездные спирали, так похожие на фейерверки детства. Рука его нащупала пристегнутую к поясу сумку с монограммой. Что-то звякнуло в ней, и тут же Гейдель забыл про звезды.

Его камни. Как они прекрасны! И как ему удалось с такой легкостью вычеркнуть их из памяти? Он потрогал их и улыбнулся. Это настоящие друзья. Камень никогда не предаст. Каждый из них уникален — мир в себе — и совершенно безобиден. Глаза его наполнились слезами.

— Я люблю вас, — прошептал Гейдель, любовно пересчитал их и убрал обратно в сумку.

Пристегивая сумку, он наблюдал за движением своих рук. Пальцы оставляли мокрые пятна гноя на всем, к чему прикасались. Но руки его прекрасны, сказала Леди. Несомненно, она права. Он поднял ладони к лицу, волна силы прокатилась по его телу и обосновалась внутри. Он понимал, что стал сильнее любого человека или народа. Скоро он станет сильнее, чем любая планета.

Оторвавшись от созерцания рук, Гейдель снова обратил внимание на блистающий водоворот, всасывающий его в свой центр: Вершина.

Скоро он долетит до нее.

* * *

Когда пришло послание, первой его реакцией было громкое: «Черт побери! Зачем спрашивать МЕНЯ?» Но ответ был заранее известен, и дальнейшее словоизвержение он ограничил ругательствами.

Шагая взад и вперед, он щелкнул тумблером, задержав ленч на неопределенное время. Потом вдруг обнаружил, что находится в саду на крыше и, уставившись на запад, курит сигару.

— Расовая дискриминация, вот что это такое, — пробормотал он, потом подошел к потайной панели, сдвинул ее и щелкнул другим тумблером.

— Ленч в библиотеку через час, — приказал он и не стал дожидаться ответа.

Продолжая шагать, он вдыхал запахи жизни, зелени и не чувствовал их.

День померк, и он обернулся на восток, где случайное облачко прикрыло солнце. Нахмурившись, он посмотрел на облачко, и оно начало рассеиваться.

День снова просветлел, но он пробурчал что-то неразборчивое, вздохнул и ушел от просветлевшего дня.

— Не везет, и все тут, — сказал он, входя в библиотеку. Снял пиджак, повесил его на крючок у двери.

Он обвел глазами ряды шкатулок, в которых хранилось полнейшее собрание религиозных манускриптов во всей Галактике. На полках под каждой шкатулкой лежали их переплетенные факсимильные копии... Потом он прошел в следующую комнату и продолжил поиски.

— Под самым потолком, — вздохнул он. — Я так и знал.

Установив стремянку в трех футах от кумранских свитков, он проверил ее равновесие и полез наверх...

Усевшись в легкое кресло, он зажег сигару и положил на колени копию «Книги о множественности житейских неприятностей и соблазнах продолжительного дыхания».

Казалось, прошло всего мгновение, и он услышал легкий щелчок и запрограммированное покашливание у своего левого локтя. Робот неслышно прокатился по толстому ковру и опустил покрытый салфеткой поднос до уровня, с которого удобнее всего перекладывать пищу в рот. Снял салфетку.

Ел он механически, не отрывая взгляда от книги. Через какое-то время робот удалился. Он так и не запомнил, что именно ел.

Продолжил читать.

Обед прошел точно так же. Настал вечер, и вокруг него зажглись огни, разгораясь по мере углубления темноты.

Где-то среди ночи он перевернул последнюю страницу и закрыл книгу. Потянулся, зевнул, встал с кресла и чуть не упал — отсидел правую ногу. Сел и подождал, пока покалывание прекратится. Дождавшись этого, взобрался на лестницу и поставил книгу на прежнее место. Отнес лестницу в угол. Уж кто-кто, а он мог позволить себе роботов и гравилифт, но устройство библиотеки предпочитал старомодное.

Добравшись до бара на западной террасе, он уселся перед ним. Зажегся свет.

— Бурбон с водой. Двойная порция.

Десятисекундная пауза, во время которой он мог чувствовать кончиками пальцев едва заметную вибрацию в глубине бара. Потом открылось квадратное отверстие шесть на шесть, и бокал с напитком медленно всплыл вровень со столом. Он поднял его и сделал глоток.

— И пачку сигарет, — добавил он, вспомнив, что не курил уже несколько часов.

Прибыли сигареты. Он распечатал пачку и зажег одну из них последней, вероятно, газовой зажигалкой, избежавшей музейного стенда, и наверняка последней, от которой еще можно было прикуривать. Правда, каждая ее деталька множество раз заменялась дубликатами, сделанными исключительно для того, чтобы починить именно ЭТУ зажигалку — так что ее вряд ли можно было причислить к предметам старины; титул прямого

потомка подходил ей больше. Подарил ее брат... когда? Он сделал еще глоток. В каком-то из многочисленных ящиков валялся и оригинал — все сломанные детальки, собранные в исцарапанном корпусе. Наверное, в нижнем ящике вон того шкафа...

Он глубоко затянулся и почувствовал, как алкоголь, огнем вспыхнув в желудке, распространяет тепло на другие части организма. Оранжевая луна висела низко над горизонтом, а быстро летящая белая как раз пересекала зенит. Он улыбнулся, прислушиваясь к переливам скрипок. Что-то из Вивальди... «Лето»? Да. Именно так. Он сделал еще глоток и раскрутил оставшуюся в бокале жидкость по стенкам.

Все-таки это — моя работа, решил он. Только я еще хоть что-то в этом понимаю. Вполне естественно, что жрец послал запрос чужому, а не кому-нибудь из своих. Меньше шансов на выговор, а если обнаружится еще и опасность... Такой ход мыслей циничен, решил он, а ведь ты всегда презирал циников... Нет, такой ход мыслей практичен. Чем бы ни было вызвано ЭТО, оно теперь твое; а ты знаешь, что случилось в прошлый раз, когда произошло нечто подобное. Но бороться с ЭТИМ нужно. То обстоятельство, что контролировать ЭТО никто не в силах, означает, что направлено ЭТО *против* всех и каждого.

Он допил бокал, придавил в пепельнице сигару. Бокал тут же исчез, панель закрылась.

— Еще то же самое, — сказал он и быстро добавил, вспомнив, как запрограммирован новый сервомех: — Кроме сигарет.

Появился новый бокал, и он захватил его с собой в кабинет. Здесь он рухнул в свое любимое наклонное кресло, притушил огни, опустил температуру до 62 градусов по Фаренгейту, нажатием кнопки зажег настоящие поленья в камине, разместил за единственным окном кабинета трехмерную голограмму ночного зимнего пейзажа; потом, дождавшись, пока огонь в камине разгорится, погасил все другие источники света и с наслаждением окунулся в среду, наиболее способствующую, по его мнению, мыслительным процессам.

Утром он первым делом включил Секретаря-Информатора:

— Первое: мне нужно поговорить с доктором Мэтьюзом и тремя моими лучшими программистами, сразу же после завтрака, здесь, в кабинете. Кстати, завтрак мне нужен через двадцать минут. Прошу оценить время, которое займет еда.

— Вы желаете поговорить с ними вместе или по отдельности? — донесся голос из скрытого громкоговорителя.

— Вместе. Теперь...

— Что вы желаете съесть на завтрак? — перебил его СИ.

— Что угодно. Теперь...

— Уточните, пожалуйста. Вчера вы тоже сказали «Что угодно»...

— Ладно, ладно... ветчина-яйца-тосты-масло-мармелад-кофе. Теперь, второе, что мне нужно, это чтобы кто-нибудь, занимающий высокое место среди персонала, связался с Главным Хирургом или Директором

Департамента Здравоохранения, или как его там, комплекса СЭЛ. Мне нужен доступ к компьютеру Панопат не позднее завтрашнего полдня местного времени, через локальный терминал, расположенный здесь, на Хоумфри. Третье, пусть техники в порту начнут готовить «Т» к полету... Пока все.

Примерно через час с четвертью все собрались в его кабинете, и он рассадил гостей по креслам.

— Джентльмены, — сказал он, — мне требуется ваша помощь для получения важной информации. Я не вполне представляю себе природу этой информации или вопросы, которые я должен задать, чтобы получить ее, хотя у меня и есть кое-какие догадки. Информация будет касаться людей, мест, случаев, вероятностей и болезней. Кое-что произошло лет пятнадцать —двадцать назад, кое-что — совсем недавно. На первый взгляд задача может показаться невыполнимой, но помните, информация нужна мне через два, минимум, три дня. Сначала работа ваша будет заключаться в том, чтобы помочь мне сформулировать необходимые вопросы, а потом — задать эти вопросы источнику информации, который, как я полагаю, способен дать на них ответы. Такова ситуация в целом. Перейдем к деталям.

Ближе к вечеру, когда посетители ушли, он понял, что ничего больше сделать не может, и потому следует обратить внимание на другие дела.

Зайдя перед сном в арсенал, он сказал охраннику, что это всего лишь обычная проверка безопасности. Но время шло, и он поймал себя на том, что проверяет оружие только небольших размеров, как можно более смертоносное, которое можно спрятать, которое может нести один человек и которое может поражать на расстоянии. Осознав, чем занимается, он, однако, не остановился. Как единственный человек в Галактике, среди многого прочего, поразивший насмерть бога, он считал, что долг его — быть готовым ко всему. На всякий случай.

Так ФРЭНСИС СЭНДО провел дни перед отлетом на Дейбу.

* * *

Горя нетерпением испытать свои силы в центрах урбанизации Вершины — планеты, населенной куда более густо, чем Клич, Гейдель фон Хаймак долго крутился над ней по высокой орбите, изучая карты и статистику этого творения рук человеческих, а точнее — рук Фрэнсиса Сэндо. Потом осторожно, чтобы не попасть на радары больших космопортов, он посадил корабль в почти безлюдной области второго по величине континента планеты, Сориса. Здесь он спрятал корабль в каньоне под нависающей скалой, замкнул панель управления и вход, нарезал лазером веток и замаскировал его.

Шагая прочь от корабля, с посохом в изъеденной язвами руке, он запел. Случись это раньше, он несказанно удивился бы, потому что слова песни были непонятны, а мелодия ее родилась из снов.

Через некоторое время он увидел домик, прилепившийся к склону холма...

* * *

Окруженный пульсирующей музыкой, доктор Пелс приводил свою лабораторию в порядок. Он протирал, переставлял, убирал в шкафы, запирал то, что не понадобится в ближайшее время.

Я становлюсь похожим на старую деву, укорял он себя, мысленно улыбаясь. У меня есть все, что нужно, и место, куда это поставить. Интересно, как я поведу себя, если получу возможность вернуться к людям? Конечно, я идеально приспособился к глубокому космосу... Это будет существенная перемена. Кроме таинственного X никто не в силах сделать для меня больше, чем уже сделано... Много лет должно еще пройти... Или даже несколько столетий, если только не случится какого-нибудь невероятного прорыва в науке. Столетий? Кем я тогда стану? Призраком призрака? Человеком, полностью чуждым своей расе? Что скажут потомки?

Будь внутри его действующие легкие, он расхохотался бы. Вместо этого он уселся в кресло перед обзорным экраном и принялся смотреть, как звезды вращаются вокруг него в космической центрифуге. Он висел, а они вращались, и православная молитва снабжала его звуками, вполне подходящими для путешествия на планету Клич — последнее известное местопребывание Гейделя фон Хаймака.

Глава 3

Был дождливый вечер, когда ОНА впервые увидела во плоти ЕГО. Клиентов не было, и, спустившись в холл, она подошла к столику с прессой... По внезапному сквозняку и усилению уличного шума она поняла, что парадная дверь заведения открылась.

Выбрав, что почитать, и опустив в прорезь столика нужное количество монет, она взяла газеты, повернулась и увидела его. Газеты упали на пол. Потеряв самообладание, она отступила на шаг. Невозможно, чтобы они оказались так близко друг к другу. Лицо ее горело.

Он был огромен, больше, чем она его себе представляла. Волосы черные — всего несколько седых прядей на висках; но, конечно, он мог позволить себе пройти соответствующий курс лечения и стареть медленнее, чем все. Это понравилось Джакаре — ей совсем не хотелось видеть его стариком. А этот орлиный нос и горящие глаза! Живым он производил впечатление куда большее, чем на фотографии. Одет он был в черный плащ. В одной руке — огромный чемодан, в другой — такой же большой ящик с ручкой и просверленными в стенках дырочками. Капли дождя висели на его волосах и бровях, сверкали на лбу и щеках. Джакаре внезапно захотелось вытереть ему лицо своей блузкой.

Она нагнулась, подобрала газеты, потом уселась в кресло и сделала вид, что читает.

— Комнату и девушку, сэр? — услышала она вопрос Горация.

— Именно так, — ответил он, ставя багаж на пол.

— Погода неважная, — сказал Гораций, — и у нас много вакансий. — Он пододвинул альбом поближе к клиенту. — Скажите, кто вам понравится.

Она услышала, как он переворачивает страницы большой книги и считала, потому что знала их наизусть: четыре, пять... пауза... шесть... Остановка.

О нет! — думала она. Это или Жанна или Синта. Только не они! Для него... Мег, может быть, или Кайпа... Но только не Жанна с ее коровьими глазищами, и не Синта, которая весит на двадцать фунтов больше, чем кажется по ее фотографии.

Она рискнула посмотреть и увидела, что Гораций отодвинулся и сам читает газету.

Быстро решившись, она встала и подошла к нему.

— Капитан Малакар...

Она хотела сказать это смело, но горло ее пересохло, и голос упал до шепота.

Он повернулся и уставился на нее, потом бросил быстрый взгляд на Горация, поднял правый указательный палец и приложил к губам.

— Привет. Как тебя зовут?

— Джакара.

На этот раз ее голос прозвучал увереннее.

— Ты здесь работаешь?

Она кивнула.

— Занята сегодня?

Она отрицательно замотала головой.

— Клерк!

Гораций отложил газету.

— Да, сэр.

Он ткнул большим пальцем в сторону Джакары.

— Ее.

Гораций вздохнул, сглотнул, на лице его отразилось беспокойство.

— Сэр, тут есть одно обстоятельство, о котором мне хотелось бы вас... — начал он.

— Ее! — повторил Малакар. — Записывай!

— Как пожелаете, сэр, — сказал Гораций, вытаскивая регистрационный бланк и ручку.

— Но...

— Меня зовут Роди Джимсон, я из Маадода на Кампоре. Платить сразу или потом?

— Сразу, сэр. Восемнадцать монет.

— Сколько это в долларах ДИНАБ?

— Четырнадцать с половиной.

Малакар извлек пачку банкнот и расплатился.

Гораций открыл рот, закрыл его, потом сказал:

— Если вам что-нибудь не понравится, немедленно дайте мне знать.

Малакар кивнул и нагнулся за багажом.

— Секундочку, я вызову робота.

— В этом нет необходимости.

— Отлично. В таком случае Джакара покажет вам дорогу.

Клерк нервно покрутил ручку, сдался, и снова углубился в газету.

Малакар пошел за Джакарой к лифту, вглядываясь в ее фигуру, прическу, стараясь вспомнить лицо.

— *Шинд, приготовься принимать и передавать,* — послал он, когда они вошли в лифт.

— *Готов.*

— *Джакара, не удивляйся, и вообще не подавай никаких признаков того, что слышишь меня. Откуда ты знаешь меня?*

— *Так ты телепат?!*

— *Отвечай только на вопросы и не забывай при этом, что я могу обрушить половину этого здания, махнув рукой в нужном направлении.*

— Здесь нам выходить, — сказала Джакара вслух.

Они вышли из лифта, и она повела его направо по полосатому коридору, свет в котором испускали только плинтуса. Эффект был дразнящим и полным — такое освещение придавало облику идущей перед ним девушки что-то звериное. Малакар принюхался и уловил слабый запах наркотических паров. Вблизи вентиляторов запах чувствовался сильнее.

— Я много раз видела твои фотографии, много читала... Поэтому и узнала тебя. Вообще-то, у меня собраны все твои биографии, даже две, изданные в ОЛ.

Малакар громко рассмеялся, послал Шинду сигнал: «*Конец передачи, но продолжай принимать*», потом:

— *Она не врет, Шинд?*

— *Нет, она восхищается вами, но сильно нервничает.*

— *Значит, никаких ловушек?*

— *Нет.*

Джакара остановилась перед дверью, открыла ее своим ключом, но, вместо того чтобы войти самой или пропустить Малакара, загородила ему путь. Лицо ее подергивалось, и вид был такой, будто она вот-вот заплачет.

— Не смейся, когда войдешь, — сказала она. — Пожалуйста. Что бы ни увидел.

— Не буду.

Тогда она шагнула в сторону.

Малакар вошел в комнату и осмотрелся. Первым делом он заметил хлысты, потом — фотографию над кроватью. Он поставил чемоданы на пол и продолжал смотреть. Донесся звук закрываемой двери. Комната была примером аскетизма. Серые стены и тускло поблескивающие поверхности. Единственное окно плотно закрыто ставнями.

Малакар начал понимать.

— *Да,* — сказал Шинд.

— *Приготовься передавать и принимать.*

— *Готов.*

— *Эта комната просматривается? Прослушивается?*

— *Не совсем так. Это было бы незаконно. Однако есть способы попросить о помощи или включить мониторы.*

— *Что-нибудь из этого сейчас работает?*

— *Нет.*

— *Значит, никто не услышит нашего разговора?*

— Нет, — ответила Джакара вслух. Малакар обернулся и посмотрел на нее — спина и ладони прижаты к двери, широко раскрытые глаза, сухие губы.

— Не бойся, — сказал он. — Ведь ты спишь со мной каждую ночь, правда?

Она не ответила, чувствуя себя крайне неловко. Он снял плащ и еще раз осмотрелся.

— Куда можно его повесить посушиться?

Она шагнула вперед, ухватилась за плащ.

— Давай. Я повешу его над ванной.

Она вырвала плащ из рук Малакара, нырнула в узкую дверь и захлопнула ее за собой. Сразу же из-за двери донеслись звуки, будто ее рвало.

Малакар шагнул к двери, собираясь постучать и спросить, не нужна ли помощь.

— *Не надо,* — сказал Шинд, — *оставь ее пока.*

— *Ладно... Выпустить тебя?*

— *Мне пока и здесь хорошо. Мой вид только еще больше расстроит ее.*

Скоро Малакар услышал звук льющейся воды, дверь открылась и вышла Джакара. Он заметил, что ресницы ее мокры. Заметил он и то, какие ярко-голубые под ними глаза.

— Он скоро высохнет, — сказала она, — капитан...

— Спасибо. Все-таки зови меня Малакаром, а еще лучше Рори.

Он обошел кровать, чтобы повнимательнее рассмотреть фотографию.

— Похож... Откуда она?

Джакара посветлела и подошла, чтобы встать рядом.

— Из твоей биографии, которую написал Гиллан. Я увеличила ее и переделала на объемную. Это — лучшая из всех, которые у меня есть.

— Не читал этой книги... Я все стараюсь сообразить, где же это меня так...

— Перед маневром «Параметр восемь», когда ты готовил Четвертый флот к заходу на Коклин. По книге, тебя сфотографировали за час до вылета.

Улыбнувшись, Малакар посмотрел на нее.

— Кажется, все так и было, — сказал он, и Джакара тоже улыбнулась.

— Сигарету? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Тогда он закурил сам.

«— Как меня угораздило влипнуть в такую историю? — спросил себя Малакар. — Классический патологический случай преклонения перед ге-

рой и герой этот — я. Как вести себя в таких случаях? Наверное, если показать ей, что я САМ нервничаю, а потом попросить о незначительной помощи...»

— Слушай, — сказал он, — ты перепугала меня внизу, потому что никто не знал, что я собираюсь на Дейбу, и я уж никак не мог представить себе, что кто-то помнит мое лицо. Я выбрал это заведение, а не гостиницу именно потому, что здесь никого не интересуют имена и лица. Как ты увидела меня? Я хотел сохранить инкогнито и подумал, что меня уже раскусили.

— Но у тебя ведь дипломатическая неприкосновенность, не так ли?

— Я не собираюсь нарушать законы. По крайней мере, пока... Но мне нужна информация, конфиденциальная информация, и без лишнего шума.

Он смотрел Джакаре прямо в глаза.

— Могу я надеяться, что ты никому обо мне не расскажешь?

— Конечно. Как я могу поступить иначе? Ведь я родилась на территории ДИНАБ. Неужели я и в самом деле могу помочь тебе?

— Посмотрим, — сказал Малакар, усаживаясь на край кровати. — Если ты так любишь ДИНАБ, то почему ты здесь?

Джакара рассмеялась и уселась в кресло у противоположной от кровати стены.

— Посоветуй, как отсюда выбраться, и учти, что эта работа — единственная, которую я смогла здесь получить. Давай посчитаем, сколько нужно лет, чтобы набрать денег на билет.

— Ты здесь в рабстве или по контракту?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я незнаком с местными законами и думал, не придется ли вырывать тебя отсюда силой.

— Меня? Отсюда? Обратно в ДИНАБ?

— Ну конечно. Ведь ты этого хочешь?

Джакара отвернулась и тихо заплакала. Малакар сидел молча, не двигаясь.

— Прости, — сказала она. — Но есть еще кое-что...

Малакар улыбнулся.

— Что именно? Приятель, которого ты хочешь забрать с собой? Мы и это устроим.

Джакара вскинула голову, и глаза ее сверкнули.

— Ничего подобного! Ни один из здешних мне не нужен!

— Прости.

Она снова опустила глаза. Он стряхнул пепел в металлическую пепельницу на металлическом столике.

— Мне хочется сделать что-нибудь для ДИНАБ, помочь тебе в том деле, ради которого ты прилетел на Дейбу.

После долгого молчания Малакар спросил:

— Сколько тебе лет, Джакара?

— Точно не знаю, но где-то около двадцати шести. По крайней мере, я всегда так отвечаю на этот вопрос. Или двадцать восемь, или двадцать пять... Но только потому, что я еще молода, нельзя...

Подняв руку, он заставил ее замолчать.

— Я не буду отговаривать тебя. Ты и в самом деле можешь помочь мне, а про возраст я спросил тебя неспроста. Что ты знаешь о МВАЛАХАРАН КХУРР, или, другими словами, дейбианской лихорадке?

Джакара подняла глаза к потолку.

— Болезнь эта довольно редкая, и когда человек заболевает ею, кожа его чернеет. Говорят, она поражает центральную нервную систему, действует на дыхание и работу сердца. И еще что-то насчет жидкости... Клеточные мембраны перестают удерживать жидкость внутри клеток. Верно. Больному все время хочется пить, но жажда ничем не утоляется. Хотя ведь ты и сам доктор...

— Что еще ты знаешь?

— От этой болезни нет лекарств, и заболевший всегда умирает. Ты это имеешь в виду?

— Ты уверена? Ты ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь выздоровел?

Джакара растерялась.

— Поговаривают об одном человеке... Но тогда я была совсем еще маленькая, сразу после войны. И почти ничего не помню.

— Расскажи мне то, что помнишь.

— Ну... это был просто человек, который выздоровел. Имени его никто не знает.

— Почему?

— Когда врачи объявили его здоровым, они решили, что люди будут бояться его, и сохранили в тайне, кто он такой.

— Х... — пробормотал он. — Потом его стали называть «Х»... Где его лечили? В какой больнице?

— Здесь, в городе. Но больницы этой уже нет.

— Откуда он пришел?

— С Кургана. Его все так и звали: «Человек с Кургана».

— Что такое Курган?

— Что-то вроде плато. Милях в тридцати на северо-запад от полуострова есть развалины древнего пей'анского города. Дейба раньше была частью пей'анской империи. От города почти ничего не осталось, и ходят туда только геологи, археологи и пей'анцы — паломники, да и то очень редко. Его нашли там, когда эвакуировали базу раннего оповещения... вроде бы так. Короче говоря, там была какая-то военная база, и когда с ней что-то делали, нашли этого человека. Его привезли в больницу в герметичном ящике, и он выздоровел.

— Спасибо. Ты мне очень помогла.

Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— У меня есть пистолет, — сказала Джакара. — Я научилась метко стрелять. И быстро.

— Прекрасно.

— Если ты задумал что-нибудь опасное...

— Не исключено. Ты говоришь о Кургане так, будто эта местность тебе знакома... Можешь достать карту? Или нарисовать ее?

— Хороших карт нет, но я была там много раз. Я часто езжу верхом — на курьябе — и иногда забираюсь в глубь полуострова. Курган — идеальное место, чтобы поупражняться в стрельбе.

— Там вообще никого нет?

— Ни души.

— Хорошо. Значит, ты сможешь показать мне дорогу.

— Конечно. Только там не на что смотреть. Я думала...

Он раздавил сигарету в пепельнице.

— *Как она, Шинд? Не темнит?*

— *Нет.*

— Я знаю, о чем ты подумала — что я явился сюда устроить революцию или какую-нибудь диверсию. Это не так, но то, что я задумал, — важнее. Очередной акт насилия разозлит ОЛ, но они переживут это... На Кургане я попробую подобрать ключ к самому страшному оружию в Галактике.

— Каким образом?

— Узнать, кто такой Х.

— И как это поможет тебе?

— Это я объясню потом. Первым делом нужно осмотреть город. Если тот, кто мне нужен, был на Кургане, он мог оставить там следы. Не знаю, какие именно, но думаю, что тот, кто отвез его в больницу или уничтожил его снаряжение, или оставил все, как есть. Если оно еще там, я найду его.

— Я помогу, — сказала Джакара. — Я хочу помочь! Но у меня не будет выходного до...

Он встал, возвышаясь над ней, словно башня, и коснулся ее плеча.

От этого прикосновения по телу ее пробежала судорога.

— Ты еще не все поняла, — сказал Малакар. — Сегодня — твой последний день в этом заведении. Теперь ты будешь принадлежать только себе самой. Утром купи или найми пару этих курьябов и снаряжение, чтобы добраться до Кургана и прожить там хотя бы неделю. Мне не хочется поднимать корабль — какой-нибудь любопытный портовый контролер попробует выследить меня. Завтра мы уедем, и для тебя это будет означать конец всяких связей с этим местом. У тебя не будет больше ни «выходных», ни «рабочих» дней. Ты расторгаешь контракт. Это законно?

— Да, — ответила она, с силой сжимая подлокотники кресла.

Я не хотел, подумал он. Но она может оказаться полезной. А прежде всего она — девушка из ДИНАБ, которую проклятые Объединенные Лиги довели чуть не до умопомешательства. Она подойдет.

— Значит, решено, — сказал он и зажег новую сигарету.

Джакара немного успокоилась.

— Я бы выкурила сигарету... Малакар.

— Рори, — поправил он.

— Рори, — согласилась она.

Малакар зажег сигарету и вручил ей.

— Нигде не написано, что ты телепат, — сказала она через некоторое время.

— Я не телепат. Это своего рода фокус. Завтра я покажу тебе, как это делается.

Но не сегодня, подумал он. Боже! Сколько времени понадобилось, чтобы ты хоть немного успокоилась! Если я сейчас представлю тебя волосатому с глазами, как чайные чашки, ты завопишь, и тут же сбежится народ.

— Ты не будешь возражать, если я открою на минутку эти ставни? — спросил он.

— Позволь мне...

— Нет, я сам...

Но Джакара была уже на полпути к окну.

Она нажала кнопку под ставнями, и они тихо скользнули в стены.

— Окно тоже открыть?

— Немного, — ответил Малакар, подходя к ней.

Окно подчинилось приказу другой кнопки, и в комнату ворвался сырой ночной воздух.

— Дождь еще не кончился, — заметил он, протянул руку и стряхнул за окно пепел.

Они стояли у полуоткрытого окна и сквозь ползущие по стеклу капельки и ручейки смотрели на город.

— Почему ты держишь окна закрытыми? — спросил он.

— Мне ненавистен вид этого города, — ответила она совершенно спокойно. — Однако он неплох ночью, когда ничего не видно.

С холмов скатился отдаленный раскат грома.

Малакар облокотился на подоконник. После некоторого колебания Джакара сделала то же самое. Теперь они были совсем рядом, но Малакар знал, что прикоснись он к ней, и очарование момента разлетится вдребезги.

— Тут часто дожди? — спросил он.

— Да, особенно в это время года.

— Ты плаваешь? Катаешься на яхте?

— Плаваю, чтобы быть в форме, могу управляться с парусами. Но я не люблю море.

— Почему?

— Мой отец утонул. Это случилось после того, как умерла мама, и меня отправили к другим детям. Однажды ночью он захотел обогнуть Мэрфи-Пойнт... Мне кажется, он пытался сбежать из лагеря для перемещенных лиц. В общем, мне сказали, что он утонул... Наверное, его пристрелил какой-нибудь проклятый охранник. Я была ребенком, ничего не понимала и еще не умела ненавидеть.

Малакар стряхнул за окно очередную порцию пепла.

— Что будет после того, как ты победишь? — спросила она.

Он швырнул сигарету в окно и повернулся к ней.

— Ты говоришь о победе? Я буду драться, пока не погибну, но я никогда не сломаю хребет Объединенным Лигам. В этом смысле я никогда не выиграю. Моя цель — сохранение ДИНАБ, но не уничтожение ОЛ. Я хочу сохранить тридцать четыре крошечные планеты от порабощения их, но я надеюсь внушить им некоторое уважение к ДИНАБ и тем самым дать ДИНАБ шанс вырасти и самому достигнуть статуса Лиги, шанс избежать дробления и поглощения другими Лигами. Если бы только нам удалось колонизировать еще несколько дюжин планет, если бы Лиги перестали бойкотировать нас и бить по рукам каждый раз, когда мы пробуем что-то новое! Я хочу, чтобы мы присоединились к ОЛ, но на своих условиях. Конечно, я ненавижу их за то, что они с нами сделали. Но пока что это лучшая цивилизация из всех возможных. Я хочу быть с ними, но на равных.

— А Курган? Ты же хотел узнать, кто такой Х...

Малакар заговорщически улыбнулся.

— Если я раскрою этот секрет, то войду в историю, как самый мрачный негодяй галактического масштаба. Но этим я напугаю ОЛ до полусмерти! Они надолго оставят ДИНАБ в покое.

После этого она выбросила в окно свою сигарету, и он зажег им еще две.

Они прислушивались к голосу штормового ревуна и наблюдали за вспышками молний. Если молния вспыхивала далеко впереди — на ее фоне ясно вырисовывались черные силуэты зданий; если сзади — казалось, каждое окно Кейпвилла поглощает частичку ее сияния и тут же выплескивает, но в другом направлении. Большую же часть времени перед ними светились изломанные огни города.

Я уже целую вечность ни с кем вот так не разговаривал, думал он. И не всегда Шинд сидит рядом и говорит, кому я могу доверять. Она — приятный ребенок. Безусловно, красива. Но эти хлысты и то, как странно реагировал на нее клерк... Она ненавидит всех... Может быть, я старомоден... Конечно, старомоден. Слишком плохо. Может быть, когда-нибудь она найдет в ДИНАБ человека, который будет добр к ней... Черт побери, да я старею! Приятный ветерок. Прекрасный пейзаж.

Кругами, напоминая огромное светящееся насекомое, низко спланировал какой-то летательный аппарат. Малакар смотрел, как он уходит в сторону космопорта, в котором стоял и его корабль.

Наверное, малый челнок, решил Малакар. По размеру подходит. Но кому придет в голову спускаться в такую ночь с уютной, теплой, сухой орбиты? Никому... кроме меня, конечно.

Челнок медленно покружился, потом замер, словно ожидая разрешения на посадку.

— Джакара, выключи свет, — попросил он и тут же почувствовал, как она напряглась, — ...а если у тебя есть бинокль или какой-нибудь телескоп, — быстро добавил он, — принеси. Мне хочется поглядеть на тот челнок. Любопытная машина.

Она отошла, и Малакар услышал, как открывается какой-то ящик. Примерно через десять биений сердца комната погрузилась в темноту.

— Вот, — сказала она, подходя.

Он поднес трубу к глазам, нацелился.

— Что такое? — спросила она. — В чем дело?

Он ответил не сразу, но продолжал подстраивать фокус.

Сзади сверкнула молния.

— Это и в самом деле челнок, — констатировал он. — Часто они появляются в Кейпвилле?

— Часто, в основном торговые.

— Этот слишком мал... Частные?

— Несколько в месяц. Туристы.

Он сложил трубу и вернул ее Джакаре.

— Может быть, я слишком подозрителен, но я всегда боюсь, что меня выследят...

— Включу-ка я свет, — сказала она, ушла во тьму и прогнала ее.

Закрылся ящик, и долго еще после этого глядел Малакар на город.

Потом он услышал за спиной тихий всхлип и медленно обернулся.

На постели, на боку, лежала Джакара. Волосы скрывали ее лицо. Она начала расстегивать блузку, и Малакар увидел, что белье на ней черного цвета.

Он долго смотрел на нее, потом подошел и сел рядом. Отбросил с ее лица волосы и остался сидеть, положив руку ей на спину. Она плакала.

— Прости меня, — выдавила она, не глядя на Малакара. — Ты хотел комнату и женщину... а я не могу. Я хотела, но... не могу! Не с тобой. Ты не получишь никакого удовольствия. У нас есть прелестная женщина по имени Лоррен, и другая, Кайпа. Они очень популярны. Я попрошу кого-нибудь из них прийти и побыть с тобой.

Она начала подниматься, но он протянул другую руку и прикоснулся к ее щеке.

— Кого бы ты ни привела, она как следует выспится. Это единственное, на что я сейчас годен.

Она впервые посмотрела ему в глаза.

— Ты не обманываешь меня?

— Насчет этого — нет. Я очень хочу спать. Сними покрывало, а утром расскажешь мне, как я храплю.

Она проглотила застрявший в горле комок, кивнула и энергично принялась за дело.

Позже он услышал, как она вышла из ванной и легла в постель. Она забыла закрыть окно. Он любил свежий воздух и не стал напоминать ей об этом упущении. Он лежал, дыша океаном, и прислушивался к шуму дождя.

— Малакар, — услышал он ее шепот. — Ты не спишь?

— Нет.

— Что будет с моими вещами?

— С какими вещами?

— Ну, одежда, книги... вещи...

— Мы упакуем их утром, отошлем в порт, и пусть они дожидаются нас там. Я помогу тебе.

— Спасибо.

Она поворочалась немного, потом затихла. Гудел штормовой ревун. Малакар вспомнил о пролетевшем мимо челноке. Даже если Отдел и выследил его, он ничего не может с ним сделать. С другой стороны, ему совсем не хотелось, чтобы имя его как-то ассоциировалось с Дейбой. Если этот челнок и в самом деле принадлежит Отделу, то как им это удалось? Морвин? Он упоминал, что один из его друзей работает в Отделе. Мог ли он прицепить радиомаяк к «Персею»? Но Шинд сказал, что он чист...

Ты превращаешься в параноика, решил Малакар. Забудь об этом.

Но он открыл глаза и уставился в потолок. Джакара пошевелилась. Он перевел взгляд на стену, различил в темноте еще более темные очертания хлыстов и вздрогнул. А ведь сам он смотрит на все это со стены. Фальшивая икона в борделе. Это и забавляло его, и в то же самое время ранило. Снова ревун. Ночной воздух становится холоднее. Вспышка, раскат грома, дождь. Снова. Игра медных бабочек на потолке, стенах...

Он задремал и проснулся от прикосновения ее руки.

— Малакар...

— Что?

— Я замерзла. Можно подвинуться поближе?

— Конечно.

Он убрал руку, и она мгновенно очутилась рядом с ним, вцепилась в него так, будто он умел летать, а она — нет. Он обнял ее, положил ее голову себе на грудь и уснул окончательно.

Утром они позавтракали в ресторанчике неподалеку от заведения. Малакар обратил внимание на группу женщин за дальним столом. Каждая из них время от времени украдкой бросала на него быстрый взгляд.

— Почему они смотрят на меня? — тихо спросил он.

— Они работают там же, где и я, и удивлены, что ты провел со мной целую ночь.

— Это нечасто случается?

— Нет.

Вернувшись, они раздобыли чемоданы, и Малакар помог ей уложить вещи. Пока они занимались этим, Джакара молчала, как молчала до этого все утро.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да.

— Это пройдет.

— Я знаю. Я много думала о том, что буду чувствовать в такой день, но и представить себе не могла, что это будет страх.

— Ты оставляешь позади нечто такое, что знаешь, а впереди — неизвестность. Это понятно.

— Я не хочу быть слабой.

— Страх — не признак слабости. — Он похлопал ее по плечу. — Кончай укладываться, а я позвоню в порт и договорюсь, чтобы они забрали твои вещи.

Она отступила на шаг, сказала:

— Спасибо, — и склонилась над чемоданом.

Надеюсь, она оставит здесь мою фотографию и эти проклятые хвосты, подумал Малакар.

Договорившись с портовыми властями о чемоданах Джакары, он позвонил в диспетчерскую. Видеоэкран он при этом не включил.

— Не подскажете ли мне, кому принадлежит тот челнок, что приземлился вчера вечером? Отделу?

— Нет, — донесся ответ. — Он принадлежит частному лицу.

Это еще ни о чем не говорит, подумал Малакар. Если Отдел просит о секретности, с ним охотно сотрудничают. Однако нужно попробовать...

— Вы можете описать мне этот корабль?

— Конечно. Модель «Т», из Лимана, Боготель. Синьор Энрико Карузо — владелец и капитан.

— Спасибо.

Это все еще ничего не доказывает, но известно, что, когда Отделу удавалось выследить меня, он никогда не делал из этого тайны. Наверное, я и в самом деле потихоньку схожу с ума. Не стоит проверять этого Карузо. Если он настоящий — все в порядке, если нет — установление его личности займет слишком много времени. Вообще-то, меня должно это волновать. Если только он не убийца. Но даже тогда...

— Я готова, — раздался голос Джакары.

— Отлично. Вот деньги. Посчитай и скажи, хватит ли их. Я дождусь людей из порта, а ты займись животными и снаряжением.

— Здесь больше чем достаточно, — сказала она. — Малакар...

— Что?

— Когда я должна сказать им, что увольняюсь?

— Если хочешь, прямо сейчас, а если не хочешь разговаривать с ними, напиши записку.

Она просияла.

— Я напишу им записку.

В полдень они уже ехали между холмов. Вьючные животные плелись сзади, привязанные к седлу Джакары. Она натянула поводья и обернулась, чтобы посмотреть на город внизу.

Малакар тоже остановил своего курьяба, но смотрел он не на Кейпвилл, а на Джакару. Она ничего не сказала. Как будто Малакара не существовало.

Глаза ее сузились, а губы сжались так крепко, что стали почти невидимыми. Волосы она перевязала лентой, и Малакар смотрел, как ветер играет ее концами. Она сидела так примерно полминуты. Он буквально

ощущал, как катится вниз по склонам волна чистой ненависти и разбивается о город. Потом это кончилось, и курьяб Джакары пошел вперед.

Я вижу сон, Джакара, сказал себе Малакар. Тот самый, который мог бы сделать Морвин...

Они ехали весь день, и Малакар увидел другой берег полуострова, где воды были светлее и где не было города. Он разглядел несколько домиков на далеком берегу, но между ними и холмами возвышалось переплетение зеленого, где лианы бежали от дерева к дереву и где среди листвы порхали черные птички. Небо было наполовину затянуто тучами, но солнце расположилось на другой половине, и день все еще светился. Тропа была сырой от ночного дождя, и, проходя по ней, они поднимали муть в лужицах чистой воды. Малакар заметил, что подковы его курьяба имеют треугольную форму, и подумал, что он, наверное, отчаянный боец. Далеко внизу на волнах появились белые барашки, закачались деревья.

Ветер еще не добрался ло наших высот, подумал Малакар. Судя по этим облакам, ночью пойдет дождь. Если ветер разгуляется, брезент оказался бы лучше, чем та пленка, которую она купила...

Перед наступлением сумерек они остановились и поели. Шинд вылез из своего ящика и присоединился к ним. Джакара улыбнулась. Казалось, дарвенианин понравился ей. Это обрадовало Малакара, который решил, что она, наверное, настолько ненавидит людей, что ей легче завести дружбу с представителем другой расы.

Пока они ели, небо совсем затянуло облаками. Близилась ночь. Налетали резкие порывы ветра.

Джакара подняла палец и сказала:

— Через шесть миль будет место, защищенное с двух сторон. Мы поставим там палатку.

Когда они добрались до этого места, дождь уже шел.

Лежа в мокрой одежде, прислушиваясь к движениям курьябов, чувствуя ветер, а иногда и дождь, прижимаясь к ней, глядя на сложенные из серого камня стены и на дождь, он планировал, выбирая миры для смерти. Он составил прекрасный план, всесторонне обдумал его, решил, что он сработает, и отложил для будущего воплощения. Он готов. Послезавтра они будут на Кургане. Рядом с ним Джакара тихо посапывала во сне.

— *Спокойной ночи, Шинд.*

— *Спокойной ночи, капитан.*

— *Ей снится кошмар?*

— *Нет. Сон ее приятен.*

— *Тогда я не буду будить ее. Спи спокойно.*

— *И ты.*

Он долго лежал, прислушиваясь к ночи, и растворился в ней.

На следующее утро они вышли с полуострова, повернули на северо-запад и двинулись в глубь материка. Местность постепенно понижалась, и скоро они добрались до ровного плато, которое и пересекли в полдень. Это

привело их к подножию следующей гряды холмов. В них и лежит Курган, сказала Джакара. Они увидят его еще до темноты.

Она оказалась права. Они взобрались на очередной склон, она показала рукой, он кивнул. Гигантская скальная масса с плоской вершиной лежала в нескольких милях впереди. Подход к ней преграждал глубокий каньон, через который нужно было перебираться. Курьябы спокойно зашагали меж валунов.

К вечеру они пересекли каньон и вышли на удобную тропу, начинавшуюся на южном склоне Кургана и ведущую на запад и вверх. К этому времени Малакар совершенно освоился со своим курьябом и доверял ему даже при свете звезд.

Только утром, бросив первый взгляд на руины, Малакар осознал объем предстоящей работы. Согласно канонам пейанской архитектуры, ни одно здание не стояло слишком близко к другому. Город раскинулся на площади примерно две мили в длину и около четверти в ширину. Сохранились в основном фундаменты, но кое-где еще высились стены. Земля была усеяна обломками, между которыми густо росли трава и кусты, частично скрывая их. Деревьев не было. Вне очертаний того, что было когда-то городом, стояло небольшое прямоугольное здание с облупившимися от солнца и дождя стенами.

— Это и есть военная база?

— Да. Я была внутри. Крыша местами обвалилась, там полно насекомых и плохо пахнет. Когда люди уходили отсюда, они все забрали с собой.

Он кивнул.

— Тогда для начала давай немного пройдемся, и ты покажешь мне, что есть что.

Шинд, похожий среди обломков на маленькую скользящую тень, пошел с ними. Они ходили несколько часов, и Джакара рассказала ему все, что знала. После этого Малакар выбрал для более тщательного обследования наиболее высокий остов, надеясь, что в свое время именно он первым привлек внимание Х. Но наступил полдень, а он ничего не нашел.

После завтрака он взобрался на высшую точку развалин (стену) и, сидя там, нарисовал карту местности. Потом, точка за точкой, он разместил ее и разделил на квадраты. Потом он потратил несколько часов, чтобы отметить все места, где пересекались линии.

— Будем обыскивать квадрат за квадратом? — спросила Джакара.

— Верно.

— Откуда начнем?

— Выбирай, — сказал он, протягивая ей карту.

Она быстро взглянула на него и увидела, что он не шутит.

— Отсюда — с середины.

Они обследовали два квадрата, влезая в подвалы и под подвалы, переворачивая камни, раздвигая кусты. Они работали, пока перестали что-либо различать в темноте, потом вернулись в лагерь и разожгли костер.

Позже, когда они смотрели на звезды, Джакара первой нарушила молчание, сказав:

— Мы хорошо начали.

Он не ответил — продолжал лежать и курить. Она нашла его руку и до боли сжала ее.

— Что с ней, Шинд?

— Она хочет успокоить тебя. Она чувствует, что ты несчастен оттого, что не нашел сегодня того, что искал.

— Конечно, она права... С другой стороны, я и не рассчитывал найти что-нибудь в первый же день.

— Скажи ей об этом сам. Ее мозг — странное место. Она несчастна, потому что думает, что несчастен ты.

— Этого только не хватало!

— Капитан...

— Что?

— Я жалею, что рассказал тебе о том сне.

— Я уже догадался.

— Все еще не поздно...

— Спи, Шинд.

— Да, сэр.

— Эй, Джекки?

— Что?

Он протянул свободную руку, положил ей на затылок, повернул ее голову к себе, поцеловал в лоб и отпустил.

— Ты прекрасный проводник, и мы действительно хорошо начали.

Потом он отвернулся от нее и заснул. Звезды ясные, не переставала думать она, глядя на бескрайнюю звездную россыпь, подарите ему исполнение желаний.

С утра они снова принялись за дело и к полудню обработали еще четыре квадрата. Кое-что они нашли — кухонные принадлежности местного производства и грязный обрывок брезента. Но хотя они заглянули буквально под каждый камешек, больше ничего не попалось.

— Наверное, это его лагерь, — сказала Джакара.

— Или еще чей-нибудь. Не обнадеживай себя.

— Может быть... Давай покончим с этим квадратом и займемся следующим.

В этот день они осмотрели восемь квадратов и ничего не нашли.

— Шинд?

— Что, Джакара?

— Он спит?

— Да, но даже если бы он не спал, он не услышал бы нашего разговора без моего разрешения.

— Он огорчен?

— Не очень. Он всегда молчит, когда работает. Он... занят. Ты не сделала ничего, что могло бы огорчить его.

— Ты давно его знаешь?

— Больше двадцати земных лет. Во время войны я был его личным переводчиком.

— И все еще сражаешься вместе с ним за ДИНАБ. Из всей команды остался ты один.

— Время от времени я бываю полезен ему.

— Приятно слышать о таком беззаветном служении идее.

— Одно существо не может делить мысли другого так долго, как мы, без того, чтобы не сойти с ума или не полюбить другого. Мои чувства к Малакару — личные. ДИНАБ тут ни при чем. Я служу им только потому, что эти пять букв еще что-то для него значат.

— Ты любишь его? Ты... женщина?

— Да, в моей расе меня можно отнести к женскому роду. Но это тоже не имеет значения. Человека можно научить дарвенианскому образу мыслей... и чувств, но это займет многие месяцы и ни к чему не приведет. Называй это любовью.

— Я не совсем тебя понимаю, Шинд.

Последовал мысленный эквивалент пожатия плечами.

— Ты говорила, что умеешь обращаться с оружием.

— Да, — ответила Джакара.

— Тогда держи его наготове. Если увидишь, что ему угрожает опасность, стреляй, не раздумывая.

— Опасность?

— Меня всегда беспокоила эта экспедиция... У меня предчувствие опасности, хотя я не знаю, как и почему она возникнет.

— Я буду готова к ней.

— Тогда я буду спать спокойнее. Доброй ночи, Джакара.

— Доброй ночи, Шинд.

Она переложила пистолет так, чтобы из него можно было выстрелить мгновенно, и спала, положив на него руку.

На третий день работы Малакар услышал сверху слабый звук и посмотрел на небо. С юга на северо-запад летел челнок. Джакара прервала работу и тоже посмотрела вверх.

Они смотрели, и им казалось, что кораблик растет.

— Он летит сюда. И может пролететь прямо у нас над головой.

— Да...

— Шинд! Можешь?..

— Нет. Расстояние слишком велико.

— Если он пройдет над нами?..

— Тогда видно будет.

Через несколько минут челнок достиг Кургана. Он летел медленно, в нескольких сотнях футов над землей и начал уже проходить над развалинами. Когда он оказался на позиции, с которой пилот просто не мог не увидеть их — если, конечно, пилот смотрел вниз, — корабль вдруг увеличил

скорость и поспешил на северо-запад, одновременно набирая высоту. Скоро он исчез из виду.

— *В нем один человек,* — сказал Шинд обоим. — *Ему любопытно было посмотреть на развалины. Это все, что я уловил.*

— *Обычный турист, наверное.*

— *Почему он сбежал, увидев нас?*

— *Трудно сказать...*

Малакар вернулся в лагерь, достал лазерную винтовку и повесил на плечо. Увидев это, Джакара проверила свой пистолет.

Потом они вернулись в лагерь, где работали.

— У меня идея, — сказала Джакара.

— Выкладывай.

— Пейанцы — ветвь странтрианской расы, а странтрианские храмы почти всегда располагаются под землей. Пока нам не попалось еще ни одного. Если, как ты думаешь, этот твой X был археологом-любителем...

Малакар энергично кивнул и посмотрел на карту.

— Взберусь-ка я на эту стену еще разок, — сказал он, оглядываясь через плечо. — Подземные пустоты размером со странтрианскую часовню не могли не обрушиться за все эти годы. Надо поискать дыры в земле.

Он снова влез на стену и принялся тщательно осматривать развалины. Потом он достал карту, пометил что-то на ней, еще раз сверил с местностью.

Спустившись на землю, он показал Джакаре карту и сказал:

— Я заметил шесть черных точек. Наверное, их тут больше, но пока я разглядел только эти шесть. С них и начнем. Выбирай любую.

Она выбрала, и они пошли к ней.

Четвертый обследованный ими провал оказался странтрианской часовней.

Улегшись у провала, Малакар направил вниз луч фонарика и увидел, что под ним — пятистенный зал. Внизу, впереди и справа, лежали останки центрального алтаря. Огромная куча обломков загораживала панораму. Чуть подвинувшись вправо, он увидел низкий сводчатый коридор и часть помещения за ним. Оттуда обычно ведет вверх лестница...

Он прикинул, где находится, выбрался из дыры, натянул перчатки, подошел к одному из разрушенных строений и принялся разбрасывать обломки камней.

— Здесь — путь вниз, — сказал он. — Мы легко расчистим его. Все это уже давно расшаталось.

— А если спуститься через дыру?

— Она уже один раз обвалилась... Нам нужен безопасный путь.

Джакара кивнула, надела перчатки и присоединилась к нему.

К вечеру они расчистили вход и примерно две трети лестницы, ведущей вниз.

— Посиди на верхней ступеньке и посвети мне, — приказал Малакар и работал еще два часа.

— Ты устал, — сказала она.

— Немножко. Осталось всего несколько футов.

Он прошел мимо нее с камнем в руке.

— *Кто-то находится на плато кроме нас,* — сказал Шинд.

— *Где?* — спросил Малакар, бросая камень в кучу других.

— *Я не могу сказать с уверенностью. Кажется, к северо-западу. Я чувствую только присутствие. Ничего более специфического.*

— *Может, это животное?* — спросила Джакара.

— *Нет, это разум более высокого уровня.*

— *Постарайся залезть в него.*

— *Я пробую, но он слишком далеко.*

— *Следи и дай нам знать, если он приблизится.*

Малакар подошел к женщине.

— Выключи фонарь, — сказал он.

Она выключила. Он снял с плеча винтовку, взял ее в руку.

— Давай посидим немного, — сказал он и уселся рядом с Джакарой.

— *Он один,* — сказал Шинд.

— *Тот самый, что пролетел над нами днем?* — спросила Джакара.

— *Не могу сказать.*

— *Челнок мог вернуться на малой высоте и сесть в каньоне поблизости,* — сказала она.

— *Он движется к нам?* — спросил Малакар.

— *Держится на одном месте.*

Они ждали.

Через пятнадцать минут Шинд сказал:

— *Все еще не движется. Наверное, устраивает лагерь.*

— Малакар, что мы будем делать?

— Я раздумываю, стоит ли сходить посмотреть, или все же постараться расчистить коридор сегодня же ночью.

— Он не знает, где мы. Если этот человек с корабля, то мы ушли далеко от того места, где он нас видел. Зачем нарываться на неприятности?

— Мне интересно.

— Шинд предупредит нас о всех его передвижениях. Я спущусь пониже, и с земли никто не увидит света фонаря. Мы залезем внутрь уже через час и, если найдем то, что ты ищешь, то сразу же уедем, а он пусть остается здесь, сколько ему заблагорассудится.

— Ты права, конечно... тактически.

Он встал.

— Осторожнее на этих ступеньках.

— *Шинд, если что-нибудь произойдет, сразу доложи нам. Ты можешь хоть примерно сказать, далеко до него?*

— *Около двух миль. Если я приближусь к нему на несколько сот футов, то смогу раздобыть больше информации.*

— *Иди.*

Малакар стоял в десяти футах над завалом, Джакара слева от него и

выше. Он снова повесил винтовку на спину и возобновил атаку на камни. Через десять минут под самым потолком сводчатого коридора появилась брешь.

— Капитан, я все еще иду. Чувствую сильнее. Это мужчина, и он собирается спать.

— Хорошо. Продолжай наблюдение.

Малакар расширил отверстие. Теперь он сбрасывал камни на лестницу рядом с собой. Джакара прислонилась спиной к стене, держа фонарь в левой руке. Правая лежала на рукоятке пистолета.

— Совсем скоро, — пробормотал Малакар, вытащив из завала три больших камня. Щебенка дождем посыпалась на землю.

Он отогнул в сторону металлический прут, отступил на шаг и ударил тяжелым ботинком по верхушке завала. Камни загрохотали по полу внутри, поднялась пыль. Джакара закашлялась, и луч фонаря заметался по стенам.

— Прости, — сказал Малакар. — Я хотел поскорее убрать мелочь. Еще пара минут, и мы влезем внутрь.

Она кивнула, и луч кивнул вместе с ней. Малакар вгрызся в кучу.

— Капитан!

— Что?

— Я вступил в контакт с его мозгом, и он ушел.

— Что ты имеешь в виду?

— Я больше ничего не чувствую, даже самого факта его существования. Он обнаружил мое присутствие и заэкранировал свой мозг. Он — телепат и весьма искусный. Что мне делать?

— Возвращайся. Мы сейчас полезем внутрь. К какой расе принадлежит это существо?

— Полагаю, он твой соплеменник.

— Люди — не телепаты.

— Кое-кто способен на это, ты же знаешь. Этот мозг ПОКАЗАЛСЯ мне человеческим.

Малакар передвинул еще несколько камней и отогнул еще один прут.

— Наш гость — телепат, — сказал он Джакаре, — и заблокировал Шинда. Он возвращается... Вот. Кажется, можно пролезть.

— Это необходимо? Он может найти нас здесь.

— «Он» — вероятнее всего человек. Если он вычислил нас здесь, он найдет нас в любом месте, в лагере, например.

Он наклонился вперед, пролез по верху завала, под потолком, и спустился в помещение внутри.

— Иди, — сказал он.

Он осветил ей путь, и она поползла. Он протянул руку, и скоро они стояли рядом в маленькой комнатке.

— Сюда.

Они вышли в пятиугольный зал. Множество мелких тварей бросилось прочь от света и кануло в тени. Малакар провел вокруг лучом — перевернутые скамейки, пыльные скамейки, скамейки, которые прогнулись

и переломились. Он повернулся к алтарю — зеленому, покрытому множеством трещин камню. Потом он посмотрел на окружающие их ряды гласситовых пластин с изображением пейанских божеств. Их было сотни — некоторые разбились, многие покосились. Несколько упало на пол. Повернувшись, он скользнул по ним лучом.

— Хорошо сохранились. Сколько лет этому месту?

— Никто точно не знает, — ответила ему Джакара. — Этот город был уже в развалинах девятьсот земных лет назад, когда открыли Дейбу.

— *Я здесь,* — сказал Шинд, пролезая по расчищенному проходу.

— *Хорошо. Что скажешь о нашем госте?*

— *Ничего. Ищите, а я попробую заэкранировать вас от него.*

— *Превосходно.*

Ступая между останков скамеек, Малакар принялся осматривать пол. Через полтора часа он осмотрел весь пол и ничего не нашел. Он перешел к алтарю и принялся перебирать валяющиеся вокруг него куски потолка.

— Кажется, я что-то нашла, — услышал он голос Джакары, далеко впереди и слева, где она искала, освещая место своим маленьким фонариком.

Он сразу же подошел к ней.

— Что такое?

Она указала слабым лучом точку на полу, Малакар тут же осветил ее своим ярким.

Перед ними лежала записная книжка — отсыревшая, покрытая пылью.

Нагнувшись, Малакар осторожно прикоснулся к ней. Это была дешевая записная книжка в пластиковой обложке. Сняв и засунув за пояс перчатки, Малакар открыл ее. Страницы были сырыми. Линии размылись или исчезли совсем. Одну за одной он перевернул все страницы.

— Рисунки, — сказал он.— Зарисовки этого места. Ничего, кроме рисунков, — и закрыл книжку.

— Значит, — сказала Джакара, — КТО-ТО все-таки тут был. Зачем выбрасывать книжку, в которой так много рисунков? Может быть, именно тут Х. и заболел...

Она отпрянула.

— А сами мы от нее ничем не заразимся?

— После стольких-то лет?

Он провел лучом вокруг.

— Если он оставил это, он мог...

Он остановил движение луча. Сверкнуло что-то металлическое. Сгнившая ткань цеплялась к нему клочьями, а под ними лежал маленький ящичек.

— В таком удобно что-то носить, — произнес Малакар.

Он нагнулся и внезапно застыл, разглядев на стенке ящика полускрытые пылью буквы.

Он осторожно поднял ящик, дунул на него... и странные картины хаоса и смерти еще раз волной прокатились в его мозгу, потому что буквы были: «ГфХ».

— Вот оно, — прошептал Малакар. — Я знаю, кто он...

— *Я чувствую его*! — воскликнул Шинд. — *Ваша находка взволновала его, и он выдал себя!*

Малакар молниеносно обернулся, уронив при этом ящик, погасив фонарь и сдернув с плеча винтовку.

— Мир! — раздался голос сверху. — На вас не направлено никакое оружие!

В этот момент Джакара погасила свой фонарь, и Малакар услышал щелчок предохранителя на ее пистолете.

В отверстии в потолке, на фоне звезд, внезапно показался силуэт человека.

— Из тебя получилась хорошая мишень, — сказал Малакар.

— Я показал себя, чтобы убедить вас в своих добрых намерениях. Нам нужно поговорить.

— Кто ты такой?

— Какое это имеет значение? Я знаю то, что вы узнали только что. Гейдель фон Хаймак — вот это имя, но мне нужно было удостовериться.

Пока человек говорил, слабый свет появился на стене справа от них, и Малакар быстро глянул в том направлении. Одна из гласситовых картин светилась слабым зеленоватым светом. На ней был изображен обнаженный человек, держащий в одной руке грозовое облако и лук — в другой. Лицо его частично было скрыто поднятой рукой. У бедра висел колчан с молниями.

— Итак, ты знаешь его имя, — сказал Малакар. — И что же ты собираешься делать?

— Найти человека, которому оно принадлежит.

— Зачем?

— От него исходит угроза для всего живого.

— Знаю. Поэтому он мне и нужен.

— А я знаю тебя, Малакар. Когда-то я восхищался тобой, да и сейчас ты мне нравишься... Однако в этом деле ты ошибаешься. Гейделем нельзя воспользоваться так, как этого хочешь ты. Он ускользает из-под твоего контроля, и в опасности окажутся не только ОЛ, но и ДИНАБ.

— Кто ты?

— Энрико Карузо.

— *Он лжет,* — сказал Шинд. — *Его зовут Фрэнсис Сэндо.*

— Ты — Фрэнсис Сэндо, — сказал Малакар вслух, — и я понимаю, почему ты хочешь остановить меня. Ты — один из богатейших людей в Галактике, и когда я ударю по Объединенным Лигам, я наступлю при этом на множество твоих интересов. Так?

— Так, — согласился Сэндо. — Однако не за этим я прилетел сюда. Я всегда действую через посредников, но этот случай — исключение. Ты — доктор медицины и должен понимать, что существует множество состояний, природа которых не является чисто материальной.

— Что же из этого следует?

— Ты долго копался в этих развалинах. Нашел ли ты признаки того, что кто-то побывал здесь совсем недавно?

— Нет.

— Ладно, я скажу тебе... Не будучи в состоянии увидеть это сам, я скажу тебе кое-что, чего я никак не могу узнать обычным способом... Ты стоишь рядом с местом, где только что сделал свое открытие, у стены. Пусть твоя женщина держит меня на мушке, а сам посвети на эту стену, повыше. Ты увидишь глазитовую картину. Я опишу ее: голова и плечи женщины с синей кожей. У нее два лица; смотрят они в разные стороны. То лицо, которое слева, — привлекательно, и на этой стороне картины нарисованы цветы — голубые цветы. У девки на правой стороне — длинные зубы и злобное выражение на физиономии. Рядом с ней — орнамент из голубых змей. Прямо над ней — синий круг.

Малакар включил фонарь.

— Ты прав. Откуда ты знаешь все это?

— Это изображение богини Мари-ам, повелительницы здоровья и болезней. Именно под этой картиной лежал фон Хаймак, борясь со смертью. На него легло благословение и проклятие этого существа.

— Ты запутал меня... Ты что, хочешь сказать, что эта богиня действительно существует?

— В некотором смысле — да. Есть доказательства того, что существует некая система энергетических полей, и вот она-то каким-то странным образом обладает теми качествами, которые приписываются этому странтрианскому божеству... Называй это как хочешь. Теперь эта система переселилась в тело человека, которого ты ищешь. Мне были представлены вполне удовлетворительные доказательства того, что это — правда. Теперь я окончательно убедился в этом, и мне нужно найти этого человека.

— Что ты сделаешь, когда найдешь его?

— Вылечу, а если это не получится — убью.

— Нет! — сказал Малакар. — Он нужен мне живым.

— Не будь идиотом! — воскликнул Сэндо, когда Малакар внезапно осветил его. Он прикрыл глаза рукой и бросил свое тело назад.

Малакар выстрелил, не в него, а в потолок. Часть его с грохотом обрушилась. К грохоту как будто примешался звук падающего тела.

— Попал! — крикнул Малакар, хватая Джакару за руку и падая вместе с ней на пол.

Он прополз немного и укрылся за небольшой кучей обломков, лазер наготове.

— Он жив! Он в сознании! У него оружие!

Луч лазера расплавил камень рядом с левым плечом Малакара, и он изо всех сил вжался в пол.

— Дай же человеку договорить!

— Нам нечего сказать друг другу.

— Суди об этом после того, как дослушаешь! Я не буду стрелять, если и вы не будете!

— Не стреляй, — сказал он Джакаре. — Послушаем... Ладно, Сэндо, говори!

— Ты знаешь, что мне нужно: фон Хаймак. Я не буду спорить о правомерности того, что ты задумал, потому что ты уже все для себя решил. Я читаю это в твоем мозге. Однако я хочу предложить тебе сделку... Черт возьми, кончай целиться в меня! Никаких фокусов с моей стороны, обещаю! Ты живешь на мертвой, вонючей, радиоактивной Земле, так называемой родине человечества. Хочешь увидеть ее снова чистой и зеленой? Вулканы погасли, радиоактивность нейтрализована, чернозем, деревья, рыба в океанах, первоначальная форма материков? Я могу сделать это.

— Сколько это будет стоить?

— Неважно. Договорились? Земля, такая, какой она была до войны, а в обмен ты забываешь о существовании Гейделя фон Хаймака?

— Ты лжешь!

— *Он не лжет,* — сказал Шинд.

— Это будет еще один обитаемый мир для ДИНАБ, который, по твоему утверждению, ты так безумно любишь.

Все время, пока Сэндо говорил, Малакар старался контролировать свои мысли — действовать автоматически, как в бою, — и не позволить какому-нибудь намерению или желанию выразиться в сознании. Осторожно, беззвучно, он продвинулся вправо, ориентируясь по голосу. Добравшись почти до стены, он увидел смутные очертания головы и левого плеча Сэндо и мягко нажал на спуск.

Его левая рука онемела до локтя, парализованная силой ответного удара; он увидел, что его выстрел ушел в сторону, оплавив штукатурку на дальней стене.

Левой рукой он прикрыл глаза от летящих обломков камня, но тут же опустил ее, перехватил винтовку и повел луч лазера по потолку...

Сэндо наконец замолчал.

Они долго лежали неподвижно, прислушиваясь к своему дыханию, к биению своих сердец.

— *Шинд?*

— *Пусто. Ты убил его.*

Малакар поднялся на ноги.

— Пойдем, Джакара. Нам пора идти.

Потом, когда они сворачивали лагерь, она посмотрела на него, сказала:

— Кровь, Малакар, — и дотронулась пальцем до его щеки.

Он отдернул голову.

— Знаю. Я порезался, когда эта проклятая картина с зеленым человеком упала на меня.

Он подтянул подпругу.

— Малакар, он и в самом деле мог вылечить Землю?

— Наверное, но это не решило бы проблемы.

— Ты говорил, что тебе нужно больше миров, чтобы достичь статуса Лиги. Земля могла бы стать таким миром.

— Получив его, я не смог бы завоевать больше ни одного.

— Как он узнал про картину богини... Мари-ам?

— Все странтрианские часовни устроены одинаково. Он знал, где мы стоим, и мог сказать, что находится на стене рядом с нами.

— Значит, он все выдумал?

— Конечно. Смехотворная выдумка. Он преследовал чисто экономические интересы.

— Тогда почему он прилетел сам?

— Не знаю... Я готов. Поехали.

— Ты не будешь заклеивать его?

— Что?

— Порез.

— Потом.

Вскочив в седла, они заторопились сквозь ночь и дождь к Кейпвиллу.

Глава 4

Доктор Пелс перечитал доклады. Слишком поздно, решил он; происходит нечто непонятное. Буйствует МВАЛАХАРРАН КХУРР, но не только она, а дюжина других болезней вместе с ней. Нельзя позволить ему экспортировать болезни на другие планеты. Где он? Ни один радар не заметил, как он улетел с Клича. Однако из порта украден челнок, а в самом порту — разгул эпидемии. Неужели он попытался удрать, изолировать себя, когда увидел, что происходит? Или просто направился куда-то еще?

«Море» Дебюсси колыхалось вокруг доктора Пелса, а сам он смотрел на планету Клич.

Что делать, думал он. Я долго ждал, и вот ожидание закончилось, пришла пора действовать. Найди я его месяц назад, этого могло не случиться. Нужно разыскать его как можно скорее, поговорить с ним, убедить его довериться мне, побыть под моим наблюдением, пока я не придумаю, что делать. Интересно, согласится он подвергнуться процедуре, которая поддерживает МЕНЯ? Пожертвует ли он привычной жизнью; согласится ли стать... призраком? Поменять свое существование на лишенную сна и человеческих ощущений жизнь в пустоте? Если он в здравом уме, то согласится. Только это... или самоубийство — таков выбор у психически нормального человека, не растерявшего еще свою совесть... Но если он все-таки сошел с ума? Предположим, ситуация сломала его; или сумасшествие — побочный эффект его состояния? Что тогда делать? Кстати, этим можно объяснить и его исчезновение.

А что, если его состояние столь же необратимо, как и мое? В таком случае ответом может быть глубокий холод. Но это может растянуться надолго, а без гарантий пробуждения он ни за что не согласится. Как поступить, когда я найду его? Время ожидания кончилось, а я не знаю, что мне делать. Ждать, наверное...

Подумав, он отправил послание Координатору Общественного Здоровья планеты, предложив свои услуги в борьбе с эпидемией, поразившей уже

два континента. Потом он настроил приемник на Центральные Новости. Он мог слушать их круглосуточно и надеялся, что не пропустит названия планеты, на которой вспыхнет следующая эпидемия. Он подготовил корабль для мгновенного старта.

Потом доктор Пелс слушал новости, и картины моря, которого он никогда не видел, перемешивались с ними в его мыслях.

* * *

— Все прошло прекрасно, — сказал ей Гейдель. — Дело нескольких минут. Кажется, события ускоряются.

— Потому что ты присутствовал при этом лично. Ты становишься фокальной точкой. Скоро ты станешь сердцем урагана. Скоро тебе ничего не сможет противостоять. Надо будет только указать пальцем, пожелать, и все они умрут.

— Леди... теперь я знаю, что ты реальная, а не просто лихорадочный бред. Я уверен в этом потому, что, когда я пробуждаюсь, ты исполняешь свои обещания.

— Как и ты. Поэтому я наградила тебя.

— Но ты стала другой...

— Нет. Просто я стала сильнее.

— Я не то хочу сказать, хотя и это — правда. Что-то изменилось... Но что? Я обнаружил, что мыслю не всегда ясно.

— Я предупреждала тебя. Ты становишься похожим на бога.

— Но часть меня кричит от ужаса.

— Это тоже пройдет. Это всего лишь стадия твоего превращения в бога.

— Ты — не сон. Ты существуешь. Кто ты — на самом деле? И где я сейчас.

— Я — богиня, которой ты поклялся в верности, а пребываешь ты сейчас в моем персональном раю.

— Где же он?

— Мои владения — внутри тебя.

— Ты не ответила мне, Леди.

— Я даю тебе единственно правильные ответы.

— Где мы встречаемся?

— Мы всегда знали друг друга.

— Это случилось на Дейбе, правда?

— На Дейбе мы вступили в формальный контакт.

— Я не могу вспомнить этого.

— Ты болел. Мы спасли тебя.

— «МЫ»?

— Я. Это я спасла тебя в тот раз, чтобы мы могли принести пользу друг другу.

— Почему ты ждала так долго?

— Время не имело значения — до недавней поры.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. И быстро поклонился, потому что перед ним были только синее пламя и синий лед.

— Что случилось? — пробормотал он.

— Ты принес больше того, что мне нужно, и одновременно меньше, ДРА фон Хаймак. Крошечные воспоминания незначительной жизни перестали быть частью наших деяний. Пусть уходят. Ты больше не тот, кем был на Дейбе, и даже на Кличе. Преклонись предо мной. Восхваляй меня. И я сделаю тебя богом. Я окажу тебе величайшие милости.

— Я преклоняюсь перед тобой и восхищаюсь тобой.

— Когда ты проснешься, ты будешь идти, пока не придешь в город. Там ты не произнесешь ни слова. Ты укажешь пальцем на первое встретившееся живое существо...

— ...я укажу пальцем на первое встретившееся мне живое существо...

— Ты почувствуешь, как сила раскрывается внутри тебя подобно цветку, поднимается подобно змее...

— ... Я почувствую силу...

— Потом ты уйдешь из того места и найдешь другое...

— ...я найду другое место...

— Ты прекрасен, и я люблю тебя, ДРА фон Хаймак!

Он почувствовал, как, подобно монетам для Харона, прикасаются к его глазам холодные губы. Потом до него донеслась песня. Голубела луна. Кровь падала с кончиков ее пальцев на раскрытую ладонь. Песня стала частью вечности.

* * *

Малакар дал ей снотворное и отправил в каюту. Если бы не это, ему пришлось бы выключить экраны — они вызывали у нее головокружение. По правде говоря, он мог бы обойтись и без экранов, но Джакара действовала ему на нервы с самого отлета.

Дело не в том, что она — просто красивая женщина, которая обожествила тебя и боится твоего прикосновения, думал он. И не в ее непрекращающихся рассуждениях об ИДЕЕ, не в том, что она ждет от тебя рассказов о прошлых битвах... Но в чем? Может быть, в том, что я на целых две недели прикован к другому человеку, да еще в подпространстве? Нет, опять не угадал. Внезапная тяжесть свалившегося на меня груза времени? Она тычет мне в нос годами, разницей между тем, кем я был, и кем стал. Неужели раньше я и вправду мог ненавидеть с такой силой, что готов был сжечь город, чтобы извести крыс? Когда же началось размягчение характера, движение от чистой ненависти к идиотским планам достигнуть статуса Лиги? Очевидно, это произошло настолько постепенно, что до последнего времени я даже не ощущал перемен. Я горел желанием разрушать, а теперь не уверен, правильно ли это. А Сэндо... Интересно, мог он помочь ДИНАБ? Если бы я попросил его? Он рассуждал вполне здраво, если не считать болтовни про странтрианскую богиню... Это же чушь, даже если сам Сэндо верил в нее. Джакара или выносит на поверхность худ-

шее, что есть во мне, или подавляет меня... Нет, опять не то! Но все же... Я постараюсь поспать, когда она проснется. Если люди Сэндо свяжут мое имя с обстоятельствами его смерти, тогда мне действительно придется тяжело. Им наплевать на политические границы. Ну что ж, посмотрим... Когда я спущу с цепи фон Хаймака, тяжело придется всем. Кто-нибудь сложит два и два и начнет охотиться за мной. Глупо было посылать им этот шар. Нужно было сохранить его. Неужели я так измельчал? Напомнил: «мементо мори»? Трудно сказать... Скольких сукиных сынов из Генерального Штаба ОЛ я пережил? Они-то не носились по подпространству, как мы... Земля, из всех планет! Бифрост... Куда я так спешу? Хочу поскорее разделаться с этим? Наверное... Боже, не давай мне совести! Я не могу позволить себе такой роскоши еще чуть-чуть... Как красиво падают ее волосы, и эти испуганные глаза...

Голубая звезда появилась в центре звездоворота, и Малакар следил, как она раскручивается по спирали и, как камень из пращи, вылетает прочь с экрана.

— Развалины пей'анского города — пустяк, — сказал Малакар, обводя рукой пейзаж, — когда смотришь не целую планету, пребывающую в таком же состоянии.

Джакара смотрела на то, что осталось от Манхэттена.

— Я видела фотографии, — сказала она, — но...

Он кивнул.

— Сейчас мы пройдемся над Миссисипи, а потом я покажу тебе место, где раньше была Калифорния.

Один за другим он включал экраны, и спутники показывали им искалеченную Землю.

— Они здорово потрудились, — сказал Малакар.

Зачем ему это? — подумал Морвин, притворявшийся, будто рассматривает кратер. Где бы он ни подцепил эту девицу, он превращает ее в некое подобие себя самого. Как она говорила вчера за ужином... Еще год, и она станет хуже, чем даже он. Может быть, уже... Неужели ненависть необходима, чтобы командовать флотом? Уметь так согнуть мышление человека, что оно начинает копировать твое собственное? Конечно, это не мое дело, но она кажется такой юной... Может быть, это меня нужно гнуть. Может быть, ОНИ правы. После войны я покрылся жирком, а такие люди продолжали сражаться. Что, если не все еще потеряно? Вдруг капитану каким-то чудом удастся выиграть? Нет, это для комментаторов Центральных Новостей. Слишком неправдоподобно. И все же... Неужели мое мышление стало напоминать баранье? Или я слишком долго забавлялся с чужими снами? Наверное, девушка едва помнит войну, но тем не менее она — с ним. Что он уготовил для нее?

— Ужасно, — услышал Морвин свой собственный голос и перевел взгляд с девушки обратно на экран. — Капитан, откуда такой внезапный интерес к эпидемиям?

Малакар целых полминуты внимательно смотрел на него, потом ответил:

— Это мое новое увлечение.

Морвин набил трубку, зажег ее.

...Что-то не в порядке, решил он. Интересно, что замышляет эта парочка? Когда я делал для него тот проклятый шар, это напомнило мне о вещах прочно, казалось, забытых... Что он сделает с девушкой? Швырнет ее волкам, как прочих? И умирая, она будет молиться за него и верить в его правоту? Ей нужно поскорее убраться отсюда. Впереди у нее слишком долгая жизнь, чтобы потерять ее таким образом. Однако подобной одержимости можно и позавидовать. Интересно, какие опасности несет новая тактика? Кто-то должен присмотреть за девушкой...

Он выдохнул клуб дыма. Он погладил свою длинную рыжую бороду. Наконец:

— Меня тоже интересуют эпидемии, — сказал он.

Первым живым существом, которое он увидел утром, оказался шагающий по узкой тропинке юноша. Когда он приблизился, Гейдель выступил из кустов прямо перед ним, услышал «Боже милостивый!» и наставил на него распухший палец.

Он почувствовал, как сила закипела внутри него и прыгнула, подобно искре.

Юноша пошатнулся, чуть не упал, но удержался. Провел ладонью по лбу.

— Кто ты? — спросил он.

Гейдель не ответил, но сделал несколько шагов навстречу юноше.

Тот вздрогнул, бросился бежать и скоро скрылся за поворотом.

Только тогда позволил себе Гейдель легчайшую из улыбок. Дальше идти не стоит.

Повернувшись к подернутым дымкой холмам на юге, на которых и за которыми кишел избыток жизни, он продолжал свое паломничество. Радуга висела прямо перед ним.

* * *

До самого конца недели Морвин не был уверен, возьмет ли Малакар его с собой. Нужно было скорее на что-то решаться. По приготовлениям Малакара ясно было, что он собирается в путь через день — два. Интересно, подумал Морвин, какая именно новость подстегнула его? Он все еще не имел доступа к секретам своего бывшего командира.

Джакара, безусловно, такой доступ имела, и Морвин слегка завидовал ей.

Сам он уже высказался, теперь все зависело от Малакара. Анализируя охватившее его чувство вины и возрождающейся ярости, Морвин знал, что истоки свои они берут из той ночи на кушетке и той вещи, что выудил он из сна. Он хотел, чтобы ему доверяли, как Джакаре. Наверное, снова прольется кровь. Он начал ощущать в себе старую заразу, старую ненависть.

Куда же он все-таки собрался? И зачем? Морвин с почти религиозным рвением прислушивался к новостям, но не заметил в них ничего, что могло подстегнуть Малакара на одну из своих «бей-беги» штучек. С другой сто-

роны, источником этой информации могли быть и не Центральные Новости, а, например, руководимое Малакаром подполье в сердце ОЛ. Как бы то ни было, раздражение его росло.

Он даже несколько раз злобно улыбнулся, вспомнив, как надул вчера старика.

Морвин был на верхней палубе и объяснял Джакаре, как он зарабатывает на жизнь. Неожиданно вошел Малакар.

Огромный серебристый корабль Отдела стоял перед ними, как экзотический подсвечник, в клубах дыма и пара. Он стоял там, где ни один пребывающий в здравом уме пилот не посадил бы его — на самом краю кратера. Когда Малакар заметил корабль, он прыгнул к пульту управления, молниеносно коснулся нескольких кнопок, и Морвин не увидел, а скорее почувствовал, как вылетают из своих гнезд ракеты. Пока он переводил взгляд с капитана на сцену внизу и обратно, корабль медленно растворился в воздухе. Он фыркнул. Джакара от души расхохоталась.

— Там ничего нет! — воскликнул Малакар, глядя на приборы.

— Х-м-м, нет, сэр, — сказал Морвин. — Просто я показывал Джакаре, как работаю... Я... слепил этот корабль из частичек... в него-то вы и стреляли.

Малакар прорычал:

— Джакара! Ты мне нужна! — и оба они удалились.

За обедом Малакар уже шутил насчет происшедшего. Но Морвин постарался придать своему смеху побольше уважительных ноток.

— Мистер Морвин...

— Да, Шинд?

— Капитан будет просить вас присоединиться к нам в путешествии, которое начнется завтра вечером.

— Куда?

— Выбор был между двумя планетами — Клич и Вершина. По различным соображениям он выбрал Вершину.

— Что мы будем там делать?

— Вербовать сторонников. Он скажет вам столько, сколько сочтет нужным.

— Если я полечу с вами, то обязан знать все.

— Пожалуйста. Учтите, что это еще не приглашение. Мне хотелось бы, чтобы он вообще никогда не узнал об этой нашей беседе.

— Тогда что же это такое, если не приглашение?

— Он спросил, считаю ли я, что вы можете принести пользу экспедиции.

— ...и заслуживаю ли я доверия, осмелюсь добавить.

— Естественно. Ответ был утвердительным. Мне известны ваши симпатии к нему.

— Спасибо на добром слове.

— Моя рекомендация не имела целью ублажить ваши чувства.

— Какую же цель она преследовала?

— Мне кажется, на этот раз капитану понадобится вся помощь, которую он может получить. Именно об этом я и забочусь.

— Что конкретно вас беспокоит?

— Назовем это предчувствием и покончим на этом.

— Ладно, я забуду о нашем разговоре. Кто еще полетит?

— Джакара. Я.

— Можете всегда на меня рассчитывать.

— Тогда всего доброго.

— Всего доброго.

Морвин огляделся. Шинда нигде не было видно. Откуда это существо проникло в его разум? Такие разговоры с Шиндом всегда оставляли у него какой-то странный осадок. Ведь Шинд мог в это время находиться где угодно — в другой части цитадели, или даже рядом с Малакаром.

Он шагал взад-вперед и размышлял.

Ладно, решил он, пусть эта предстоящая операция не типична для Малакара — никакого намека на то, что он собирается убивать людей. Тем не менее Шинд предчувствует опасность... Если уж я не мог быть мотом или хорошим художником, попробую стать приличным помощником агитатора. Вот будет забавно, если настоящий корабль опустится сейчас прямо перед нами, а Малакар подумает, что это — очередная иллюзия! Интересно, смогу я разобраться, что есть что на этом пульте? А стану ли я разбираться? Неужели я еще способен выпустить ракеты и поубивать их всех? А капитан-то не в себе! Я слышал, что раньше он разрешал кораблям садиться и даже вел переговоры с ними. Да, наверное, он и в самом деле задумал нечто сногсшибательное, если так нервишки разгулялись. Наверное, я выстрелю, а потом пожалею об этом... Какова во всем этом роль Джакары? Спит она с ним или нет? Кто она — профессионал его школы, готовая сыграть предназначенную ей роль? Родственница? Она может быть даже его дочерью! Вот будет интересно... и типично для него. Он редко говорит о своей личной жизни, а о родственниках вообще ни разу не заикался. Странная женщина — то слишком жесткая, то слишком мягкая; а главное — не угадаешь, какой она будет в следующую секунду. Красива. Хорошо бы узнать ее истинное положение и решить, наконец, как себя с ней держать. Спрошу ее попозже...

Поужинав, Малакар аккуратно положил на тарелку вилку и нож, посмотрел на Морвина и сказал:

— Хочешь слетать с нами на Вершину?

— А что там, на Вершине? — спросил Морвин после недолгого молчания.

— Человек, которого мы ищем, — ответил Малакар, — который может помочь нам. Мне кажется, он там, но я могу ошибаться. Не исключено, что его там нет. Если так, я буду оставлять достаточно четкие следы своего пребывания. Мне нужно только найти его и уговорить помочь нам.

— Что в нем такого особенного?

— Болезни.

— Прошу прощения?

— Болезни! Болезни! Временами он становится ходячей заразой, носителем самой страшной чумы!

— И как же вы собираетесь воспользоваться этим его свойством?

Малакар хмыкнул.

Морвин посидел несколько секунд неподвижно, потом снова запустил ложку в лимонный шербет.

— Кажется, я понимаю, — сказал он наконец.

— Я в этом совершенно уверен. Живое оружие. Я хочу, чтобы он прогулялся среди наших врагов. Как тебе это нравится?

— Это... Трудно сказать. Мне надо подумать.

— Ты ПОЛЕТИШЬ с нами?

— Да.

— Джакара тоже полетит и Шинд.

— Отлично, сэр.

— Вопросы?

— Пока что вопросов нет. Позже они, безусловно, возникнут... Как его зовут?

— Гейдель фон Хаймак.

Морвин покачал головой:

— Никогда не слышал о нем.

— Слышал! Только ты называл его Хайнеком... человек, которого искал доктор Пелс.

— Ах, так это он...

— Слышал когда-нибудь о человеке, которого зовут просто Х?

— Кажется, да... не помню, правда, когда и при каких обстоятельствах... Но он не был разносчиком инфекции. Что-то у него с кровью... Редкая группа?

— Что-то в этом роде. Я дам тебе почитать несколько статей.

— Спасибо.

Морвин глянул на Джакару и вернулся к своему шербету.

Боже! Это все равно что смотреть в ад, подумала Джакара. Я здесь уже целую неделю и впервые вижу его ночью.

Она смотрела в бурлящий котел, который, теперь, ночью, казался значительно ближе.

Интересно, как глубоко нужно опуститься, чтобы добраться до этого огня? Я не буду спрашивать. Это подчеркнет мое невежество. На Дейбе нет вулканов. Слишком стара для этого, наверное. Я помню описания вулканов, фотографии, но никогда не представляла, на что они похожи в действительности.

Цитадель дрогнула, Джакара улыбнулась. Как хорошо жить так близко к источнику такой мощи, обитать на краю хаоса!

Интересно, разрешит он мне жить здесь, когда все кончится? Наверное, разрешит. Если я проявлю себя на Вершине. Я научусь управляться со здешним хозяйством. Я постараюсь стать полезной. Он будет доверять мне.

Она посмотрела по сторонам.

Он знает, что я здесь, подумала она. Он знает все, что происходит в его

доме. Я еще ни разу не была здесь одна, но он не рассердился. Нет. Он сказал, чтобы я чувствовала себя как дома. Если бы он не хотел, он сказал бы что-нибудь...

— Привет! Что это ты делаешь тут так поздно?

— Джон! Не спится что-то...

— И мне тоже. Я решил встать и прогуляться... Потрясающее зрелище, правда?

— О, да! Я впервые смотрю на него ночью.

Он встал рядом с ней и притворился, что рассматривает языки пламени.

— К отлету все готово?

— Да, — ответила она. — Малакар сказал, что полет займет восемь дней.

— Хорошо... Вы с Малакаром родственники?

— Нет. Мы всего лишь... друзья.

— Понятно. Мне тоже хочется стать твоим другом.

Казалось, она не слышит его.

Тогда он повернулся, уставился вниз, клубы дыма справа и слева изогнулись, сошлись вместе, образовали контуры исполинского сверкающего сердца. На нем появилось сначала ее имя, потом его. Стрела пламени пронзила его середину.

— Это мой подарок, — сказал Морвин.

Джакара звонко рассмеялась. Он быстро взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы. На какое-то мгновение она поддалась, но тут же с удивительной силой внезапно оттолкнула его.

— Не смей!

Голос ее сорвался на визг, лицо исказилось.

Морвин отступил на шаг.

— Прости, — сказал он, — я не хотел... Ну! Не сердись! Ты такая красивая! Надеюсь, моя борода не слишком щекотала... Я... Черт возьми! Мне жаль, что так получилось.

Он посмотрел на растворяющееся в воздухе сердце.

— Ты застал меня врасплох, — сказала она, — только и всего.

Он глянул на нее, она стояла как будто ближе.

— Спасибо за подарок, — сказала она и улыбнулась.

Он помедлил, потом коснулся пальцами ее щеки, провел ими до подбородка, горла, положил ладонь ей на шею и привлек к себе. Она напряглась, он успокоился, но руки не убрал.

— Если у тебя сейчас никого нет, — сказал он, — то, может быть, тебя заинтересует... если вы с Малакаром ВСЕГО ЛИШЬ друзья... Рассматривай меня как первого претендента. Это все, что я хотел узнать и сказать.

— Я не могу, — прошептала она, — слишком поздно... Но все равно спасибо.

— Что ты имеешь в виду: «слишком поздно»? Сегодняшний день, «сейчас», вот что должно волновать нас!

— Ты не понимаешь...

— Ну и что? Если вы с Малакаром... не по-настоящему вместе... ну, тогда ты и я... Если ты решишь, что я не нравлюсь тебе... В общем, не обижайся. Скажи что-нибудь.

— Пока нет. Не сейчас.

Морвин отметил это «пока».

— Конечно, — сказал он. — Этого и следовало ожидать. Но подумай о моем предложении. Да, подумай о нем.

— Договорились. Я подумаю.

— Тогда я умолкаю. Я... надеюсь, что стану тебе... другом.

Она улыбнулась, кивнула, отошла.

— Кажется, мне пора идти, — она кивнула.

Кивнул и он.

Она ушла, а он смотрел на рвущуюся в клочья ночь.

Это уже кое-что, сказал он себе.

Созданное им из ничего сердце обратилось в ничто.

* * *

Гейдель обрушился на город. Он поднимал палец, и люди падали.

Хватит, сказал он существу, которое носил внутри. Всем им одна дорога.

Но перед тем как уйти в место голубых туманов, он встретил мальчика с молотком в руке.

Стараясь держаться от него подальше, он спросил:

— Что ты делаешь, мальчик?

Тот повернулся и ответил:

— Собираю камни, сэр.

Услышав это, Гейдель рассмеялся и сказал:

— Постучи-ка вот по тому желтому пятну слева. Внутри должны быть голубые кристаллы.

Мальчик послушался.

— Сэр! — воскликнул он минут через десять. — Тут и вправду голубые кристаллы!

И продолжал свое дело.

Гейдель покачал головой, и лицо его свело судорогой.

— Пойду-ка я лучше, — пробормотал он и заторопился в туман.

Мальчишка упоенно колотил молотком по скале и не заметил, как тот ушел.

Глава 5

Уравняв орбитальную скорость с вращением Вершины, доктор Пелс висел, подобно звезде, над истерзанным болезнями континентом.

— ...Один человек, — повторил он. — К сожалению, я не могу вдаваться в детали, но убежден, что он — носитель инфекции. Просто карантина недостаточно, необходимо найти этого человека и изолировать его.

Он сейчас где-то опережает фронт распространения эпидемии, но при определении его точного местонахождения следует принять во внимание

инкубационный период. Из того, что вы мне сказали, следует, что он движется на юго-восток. Я рекомендую немедленно организовать поиски в том районе. Мне нужна информация! Если возможно, организуйте непосредственный контакт с поисковыми группами.

— Конечно, доктор Пелс, мне нужно сначала получить разрешение на все это, но, уверяю вас, это не займет много времени. Скоро должно поступить еще несколько сообщений. Я тут же передам их вам.

— Прекрасно. Я буду ждать.

Пелс отключил радиотелефон.

В самом деле, сказал он себе, я привык ждать. Но на этот раз... Новости пришли неожиданно быстро, и я успел вовремя. Я знаю, что он там, внизу. Эти люди позволят мне руководить ими. Я знаю это. Ничего подобного здесь раньше не случалось. Кажется, он деградирует. На этот раз я найду его.

* * *

...Три, четыре, пять.

— Подожди! — воскликнул Морвин, но Джакара уже бросила шестую монету.

Дергаясь и вращаясь, она повисела немножко, потом подвинулась и присоединилась к остальным пяти, двигавшимся медленной процессией по траектории, напоминающей восьмерку.

— Подожди, пока я стабилизирую эту штуку... Вот так! Добавь еще одну, но осторожно.

Джакара бросила еще одну монетку. Она перелетела основную группу на несколько футов, замерла, будто превратившись в свою собственную фотографию, потом возобновила движение и подплыла к остальным монетам, присоединившись к их потоку.

— Еще одну!

Смеясь, Джакара бросила еще одну. Она не остановилась и, не замедлив полета, влилась в процессию в воздухе.

— Еще!

И эта тут же безошибочно встала на свое место.

— Еще!

— Кажется, ты побьешь рекорд, — сказала Джакара, бросая монетку.

Поймав ее в поток, Морвин раскрыл восьмерку, превратив ее в круг. Круг раздался, и монетки полетели быстрее.

— Ну, давай!

Монетка влетела в расширяющийся круг.

— Молодец! Это рекорд!

Сверкающий круг подплыл к Джакаре, сидевшей на краю кровати, сузился, опустился и завертелся вокруг ее головы.

— *Я все еще не могу определить, что именно происходит в твоем мозгу, когда ты делаешь это,* — сказал Шинд, — *хотя и научился вычленять из мыслей сам процесс. Кстати, это очень прия...*

Малакар рассмеялся.

Кольцо распалось. Монетки звонким дождем упали вокруг Джакары. Она вскрикнула и отшатнулась. Морвин вздрогнул и покачал головой.

Все еще посмеиваясь, Малакар вышел из-за перегородки, разделяющей жилой отсек и рубку.

— Портовые власти Веримны, — объявил он, — оказались необычайно разговорчивыми. Они здорово нам помогли.

Морвин улыбнулся Джакаре.

— Это и в самом деле рекорд, — сказал он. Потом Малакару: — И в чем же выразилась эта помощь?

— Я только что обсудил с ними создавшуюся ситуацию, выспросил, верны ли слухи о многочисленных вспышках разных болезней. Безопасно ли садиться? — спросил я. — Или переориентировать круиз на другую планету?

— Круиз? — спросила Джакара.

— Да. Я решил стать вашим гидом. Эта выдумка нам еще пригодится, если случится что-нибудь непредвиденное. В общем, они ответили мне тем, что перечислили закрытые на карантин регионы. Я разговорился, выудил у них кое-какие даты и названия городов и теперь четко представляю себе, где находится нужный нам человек.

— Прекрасно, — сказал Морвин, наклонился и принялся собирать монеты. — Что мы будем делать?

— Прыгнем назад в подпространство. Я сказал им, что мы сворачиваем круиз. И вынырнем в другой точке. Их орбитальная система раннего оповещения примитивна. Мы проскользнем незамеченными.

— Потом сядем в закрытой зоне и подберем его?

— Вот именно.

— Я вот что подумал. Что, если мы найдем его, а он скажет, что не хочет улетать с нами, не хочет становиться оружием? Что тогда делать? Похищать его?

Малакар посмотрел на него внезапно сузившимися глазами. Потом улыбнулся.

— Он пойдет с нами.

Морвин опустил взгляд.

— Так, просто интересно...

— Я сейчас изменю курс и уйду в подпространство при первой же возможности, — сказал Малакар.

Морвин кивнул, позвенел монетами.

— *Кажется, пришло время для очередной порции прививок,* — сказал Малакар уже из-за перегородки. — *Шинд, проследи за этим.*

— *Хорошо.*

Морвин подбросил монетки в воздух. Несколько мгновений они вращались сверкающим смерчем, потом со звоном посыпались в его ладонь.

— Вот еще одна, — протягивая руку, сказала Джакара.

Монетка выпрыгнула из ее пальцев и со звоном «клинк» присоединилась к своим собратьям.

Джакара уставилась на него.

— Что-нибудь случилось?

Он ссыпал монеты в карман.

— Не знаю.

— *Знаешь,* — сказал Шинд. — *Его ответ заставил тебя еще раз подумать о твоей собственной роли в нашем предприятии. И о последствиях.*

— *Естественно.*

— *Ты заметил, что он изменился и начинает распоряжаться людьми так, как никогда не посмел бы раньше.*

— *Кажется, так.*

— *Джакара, например. Почему она с нами?*

— *Представить себе не могу.*

— *Он выдвинул множество причин, но из всех них значение имеет только она. Джакара боготворит его и никогда не сомневается в правильности его поступков. Он никогда не признается в этом, но такая поддержка ему сейчас необходима.*

— *Потерял уверенность в себе?*

— *Он стареет. Время для него бежит слишком быстро, он ни на шаг не приблизился к цели.*

— *Как ты объясняешь мое присутствие?*

— *Вариант того же самого. Дело не в том, что ты можешь заставить пулю пролететь мимо цели или силой разума сбить с курса звездолет. Твое уважение — вот что успокаивает его. Пусть он не может до конца доверять тебе, твое присутствие возвращает ему полузабытые ощущения права повелевать людьми.*

— *Однако, если он рискует, если не доверяет мне...*

— *Дело обстоит не совсем так, он знает, что может контролировать тебя.*

— *Как?*

— *Он полностью подчинил себе Джакару и знает о твоих чувствах к ней.*

— *Я и не подозревал, что это бросается в глаза... и что капитан под старость научился замечать подобные вещи.*

— *Конечно нет. Это я сказал ему о твоих чувствах.*

— *Боже мой! Зачем? Мои чувства — не...*

— *Это было необходимо. Без причины я не стал бы вторгаться в область твоих эмоций. Я сделал это только для того, чтобы обеспечить твое присутствие.*

— *Только потому, что ты беспокоишься за него?*

— *Это уже не так просто...*

— *Шинд, я приготовлю инъекции.*

— *Хорошо, Джакара.*

Морвин наблюдал, как она встала и подошла к задней стенке каюты. Потом он отвернулся и уселся на кровать.

— *Что ты имеешь в виду, Шинд?*

— *Нам ясно, что Малакар изменился. Конечно, мы тоже. Он всегда был нещепетилен — одно время это почиталось достоинством, — и мне*

стоило немалого труда разобраться, стал ли он таким в еще большей степени, или просто я сам становлюсь более консервативным. Однако недавний случай снял этот вопрос и вызвал у меня сильное беспокойство. Это было на Дейбе, где мы искали следы Х и обнаружили, что он — Гейдель фон Хаймак. Мы столкнулись с другим человеком, занимавшимся поисками той же самой информации. Он тоже преуспел и пытался переубедить Малакара. За сотрудничество он предложил нам немыслимую цену — возвратить Землю к ее довоенному состоянию.

— Это невозможно.

— Возможно. Человеком этим был Фрэнсис Сэндо, и пока он говорил, я изучал его мысли. Он не лгал. И он был чрезвычайно обеспокоен.

— Сэндо? Планоформер?

— Да. Он много общался с пейанцами, самой древней из известных нам разумных рас. Он был совершенно уверен в том, что человек, которого мы ищем, вступил в не совсем нормальный и в высшей степени опасный контакт с одним из пейанских божеств, ведающим одновременно болезнями и их исцелением.

— И ты веришь в это?

— Важно не то, во что я верю, и не то, действительно ли та штука — божество, а то, что, как я считаю, произошло нечто совершенно необыкновенное. Сэндо был уверен, что в том месте существует опасная концентрация силовых полей, и убежденность его основывалась на обширных и разносторонних знаниях, касающихся этого феномена. Я знал нескольких пейанцев — они очень странный, но одаренный народ. При встрече с Сэндо я понял, он — кто угодно, только не сумасшедший. В душе его живет великий страх и, я полагаю, для страха есть причины. Малакар не стал даже разговаривать с ним. Вместо этого он хотел убить его. Чтобы спасти жизнь Сэндо, я сказал Малакару, что он мертв. На самом деле тот только потерял сознание.

— Что случилось потом?

— Мы вернулись домой. Малакар начал поиски фон Хаймака.

— Джакара была с вами?

— Да.

— Она думает, что Малакар убил его?

— Да.

— Понятно... И теперь организация Сэндо охотится за нами?

— Скорее всего, нет. На Дейбе не было его агентов, значит, делом фон Хаймака он занимается в одиночку. Полагаю, он не собирается менять планы. Нет, месть Сэндо меня сейчас не волнует. Твое присутствие нужно мне для другой цели.

— Для какой же?

— Я не преувеличивал ни мой страх за Малакара, ни те ужасы, которые, по моему убеждению, ожидают нас. Ты нужен, чтобы убить Гейделя фон Хаймака, как только мы найдем его.

— Однако!

— Это необходимо. Ты должен убить его.

— А если я откажусь?

— Тысячи людей могут умереть, не только капитан — умереть ужасной, никому не нужной смертью. Может быть, миллионы...

— Не знаю, откуда...

— Но ты знаешь меня, и не первый день. Ты знаешь, что я не делаю ничего, предварительно не поразмыслив как следует. Ты знаешь мою верность капитану и то, что без крайней нужды я никогда не пойду против него. Неужели ты полагаешь, что я выдумал бы все это, не будучи уверенным в своей абсолютной правоте? Ответ тебе известен. Я читаю его в твоих мыслях.

Морвин прикусил губу. Джакара подошла к нему, держа наготове вакуумный шприц. Он закатал рукав и вытянул руку.

— Мне надо подумать.

— Думай сколько угодно, но я уже знаю ответ.

* * *

Разведчики нашли человека на тропе и с помощью одеял и воды несколько облегчили его страдания. Ожидая прибытия вызванного аэрокара они вслушивались в его слова, которые то путались от приступов жара, то вновь обретали смысл, когда приступы ослабевали.

— ...Разборчиво, — говорил он, глядя мимо них в небо. — Хоть и чокнутый, но говорил разборчиво. Не знаю... Ага, вспомнил. Худой. Худой, грязный, весь в болячках. Я был у склада, когда он появился... Нет. Волосы, как грязный нимб. Ваш незнакомец. Пришел... не знаю откуда. Дайте попить... спасибо. Не знаю... Откуда он шел? Он не сказал. Он говорил. Не помню, что именно... Чудно... Это и был тот, про кого вы спрашиваете. Не сказал своего имени. Оно ему и не нужно. Влез на ящик и начал говорить... Никто не остановил его, не сказал, чтобы он убирался прочь... Он... не помню, что он говорил. Он совсем чокнутый... но говорил. А мы слушали. У нас мало развлечений... Он вроде бы проповедовал... но не совсем. Проклинал, наверное. Не помню... Стоп. Подождите. Еще водички. Спасибо. Смешно... Чокнутый проповедник. Жизнь и смерть... Вот оно! Конечно! Как все, умрет. А мы слушали. Не знаю, почему. Мы знали, что он чокнутый. Все так сказали... когда он ушел. Но никто не перебивал его. Словно... Пока он говорил, мы верили ему. Он был... прав. Чокнутый, но прав... Нет, я не видел, в какую сторону он ушел. Хотите его послушать? Сэм, он тут главный... записал кое-что. Потом дал нам послушать... Однако без него все звучит по-другому. Мы смеялись, когда слушали запись... Просто чокнутый, вот и все. Попросите Сэма, если только он не стер. Послушайте его сами... Тогда меня и начало трясти. Боже! Да он же был прав! Он был, наверное... кажется...

Разведчики доложили обо всем своему командиру и, после того, как больного забрали, пошли дальше, прочесывая местность, останавливаясь кому-нибудь помочь или что-нибудь записать, хороня мертвых, утешая

умирающих, переговариваясь по радио с другими группами, прочесывая поляны, обыскивая дома, взбираясь на холмы. Разведчики.

Из закоулков неба полезли облака, и они начали проклинать надвигающийся шторм, который промочит их ботинки и инфракрасные теплоискатели. Один, который знал историю, проклял даже Фрэнсиса Сэндо, который спроектировал и построил планету, названную Вершина.

* * *

Словно ковры, развернулись облака, таща за собой обтрепанную бахрому, устремились к некоей точке между небом и землей, смешали голубизну неба своей жемчужной серостью, из которой медленно исчезла вся прозрачность, и вот уже взгромоздились новые слои облаков, взбираясь выше и давя то, что под ними, затемняя, уменьшая, размывая очертания деревьев и скальных вершин, превращая ползающих по земле людей и животных в туманные тени; но дождя все не было, туман поднялся, новая роса выступила на травах, окна покрылись капельками влаги; влага собралась, побежала вниз, закапала с листьев, звуки исказились, словно мир окутался ватой; птицы летели к холмам низко, ветры затихли, и мелкие зверюшки затаились, подняли мордочки, встряхнулись, нагнули головки, пошли дальше, за холмами, скрытые туманом, на местности, уже прочесанной разведчиками, и гром затаил дыхание, молния сдержала свой удар, дождь остался непролитым, температура покатилась вниз, облако упало на облако, радуга рассыпалась, краски вытекли, мир превратился в пустой экран, по краям которого ползало что-то мокрое неправильной формы.

* * *

Подпирая большими пальцами челюсть, приложив кулаки к щеке, доктор Пелс вслушивался в хриплый голос:

— Я... кто посмел сказать, что имеет право на жизнь? Я... Космос не гарантирует жизни. Наоборот! Единственное обещание, которое дает и держит Вселенная, — смерть! Я... Кто сказал, что жизни положено процветать? Все факты говорят об обратном! Все, что поднялось из первобытной слизи, в конце концов исчезло! Каждое звено в исполинской цепи живых существ привлекает к себе то, что порвет эту цепь! Жизнь пожирает сама себя и сгибается под тяжестью мертвой природы! Почему? А почему бы и нет? Я...

— ...виновны! В том, что существуете. Вглядитесь в себя, и вам откроется истина... Посмотрите на скалы в пустыне! Они не производят себе подобных, в них нет ни мыслей, ни желаний. Ничто живое не может сравниться с кристаллом в его молчаливом совершенстве! Я...

— ...не говорите мне ни о святости жизни, ни о ее приспособляемости. Каждый новый шаг в адаптации влечет за собой еще более мрачный ответ, и эхо его в порошок стирает возгласившего о жизни. Только покой свят. Отсутствие слуха порождает мистические звуки. Я...

— ...был, сотворив из своего дерьма жизнь. Но и вы виновны. В том, что существуете. Наш угол Вселенной загажен! Из дерьма богов произросла

зараза жизни... Вот она, святость! Все, что живет, — зараза для чего-нибудь другого! Пожрав сами себя, мы сгинем! Скоро, совсем скоро! Я...

— Я... Братья! Восславьте камень! Он не страдает! Радуйтесь и незамутненной воде, и воздуху, и скале! Завидуйте кристаллам! Скоро мы станем похожими на них — совершенными, молчаливыми...

— Просите не о спасении, но о том, чтобы грядущее не торопилось, наслаждайтесь агонией, наступающим покоем! Я... Я... Я...

— Молитесь, рыдайте, горите... Я... Прочь... прочь!

Доктор Пелс заново включил запись и принял прежнюю позу. Он чувствовал эмоции, весьма схожие с теми, что испытывает от музыки Вагнера, которого старался слушать прежде. Всего еще один раз...

— Каким образом это обстоятельство может помочь нам?.. — начал было он, но замолчал и улыбнулся.

Никак оно не поможет. Но доктор Пелс почувствовал себя лучше. Время покажет...

* * *

Гейдель фон Хаймак шел по извивающейся над пропастью тропе. Остановившись в самой высокой ее точке, он посмотрел назад и вниз, на скрытые туманом места, где он только что побывал. Он моргнул и нервно погладил бороду. Смутное чувство неблагополучия усилилось. Что-то было не так. Он прислонился спиной к скользкой, как стекло, скале и положил руки на посох. Он затруднился сказать, что именно, но что-то изменилось в окружающем мире. Это было нечто большее, чем затишье перед бурей. Кто-то ищет его, кто-то, к встрече с кем он еще не готов.

Может быть, она хочет поговорить со мной? — подумал он. Зарыться в нору и попробовать узнать, так ли это? Нет, мне нужно торопиться. Убраться подальше отсюда, пока не разразился шторм. Зачем я оглядываюсь? Я...

Он провел рукой по волосам, до крови прикусил нижнюю губу. Солнечный луч прорвался сквозь облака и заставил туман заплясать сверкающими радугами. Блестя глазами из-под нахмуренных бровей, он смотрел на них примерно десять секунд, потом отвернулся.

— Будь ты проклята! — сказал он. — Кто бы ты ни была...

Стукнув в бессильной ярости посохом по скале, он пошел вниз.

* * *

Он сидел на камне и охотился. Потом он встал и пошел по долине между холмов, усеянной обломками скал, не пересеченной ни одной тропинкой. Он шел, а птицы мелькали вокруг него, вылетая из колышущейся завесы тумана и исчезая в ней же.

Охотясь, он добрался до середины склона каменистого холма, уселся на узкий выступ, достал сигару, откусил кончик, зажег. Он смотрел на долину. Порыв ветра прошелся по ней, разогнав туман, и на мгновение она предстала перед его взором — пустынная. Ящерица, чья кожа переливалась крас-

ками, словно поверхность мыльного пузыря, спустилась со скалы и разделила с ним выступ, постреливая кроваво-красным язычком в его сторону, не сводя немигающих желтых глаз с его лица. Он почесал ящерице спинку.

— И что же ты думаешь? — спросил он через несколько минут. — Я не заметил здесь ни единого тела с теплой кровью, ни одного с разумом.

Пока он курил, туман вновь отвоевал долину. Наконец он снова начал спускаться. Ящерица подвинулась к краю выступа и следила за ним критическим взором.

Пройдя полмили, он оказался в компании двух похожих на хорьков хищников. Высунув языки, они метались под его ногами, словно восхищенные передвижением его ботинок. Время от времени они шипели и тявкали тонкими голосами. Они не обращали внимания ни на птиц, ни на зверей, вылезших из своих нор, чтобы присоединиться к ним.

Когда он остановился у покрытого ржавыми разводьями валуна, чтобы поохотиться мозгом, животные затихли. Ледяной ручеек журчал неподалеку, мрачные деревья с листьями в форме бриллиантов покачивались на его берегах, туманы катились по поверхности его вод. Он смотрел на ручей, не видя его, жевал сигару. Охотился.

Некоторое время спустя.

— Нет, — сказал он. — Почему бы вам, зверюшкам, не пойти домой?

Они отступили, но продолжали смотреть на него и, когда он пошел, остались на месте.

Перейдя ручей, он двинулся дальше, без карты, без компаса. Обозначив мозгом группу неудачливых разведчиков на востоке, куда сначала хотел идти сам, он стал забирать к западу.

Он шел, проклиная все и вся. Между взрывами проклятий он выбросил сигару. Потом остановился, повернулся на восток и смотрел туда примерно полминуты.

В отдалении ударил раскат грома, через мгновение — еще один. Потом еще несколько, и раскаты стали непрекращающимся рычанием. Вибрировал не только воздух, но и почва. Ветер поднялся на западе и полетел полюбопытствовать — что за гроза?

Он пошел дальше, на этот раз на юг, параллельно грозовому фронту. К полудню на западе сверкнуло что-то и привлекло его внимание.

— Интересно, что это? — спросил он ползущую рядом по земле тень. — Что-то знакомое, но слишком далеко... Надо быть поосторожнее.

Молниеносными бросками, посылая вперед импульсы разума, он пошел, а туман любовно скрыл его и приглушил звук его шагов.

* * *

Съежившись внутри своего пончо, Морвин, центр пятидесятифутового круга видимости, тащился вперед. Защитив себя от атмосферной влаги, он все равно промок — от пота. Ладонь казалось липкой, когда он прикасался к рукоятке пистолета. Он подумал о Малакаре и Джакаре, идущих по более сухой тропе от пещеры, где стоял спрятанный «Персей». Он подумал об

обвале, который они устроили, чтобы скрыть вход в пещеру, и постарался не думать о том, как трудно будет вызволить из нее корабль.

— *Ну и что, Шинд?* — спросил Морвин.

— *Если я замечу что-нибудь, ты узнаешь об этом первый.*

— *Как там Джакара... и Малакар?*

— *Они выходят из тумана в зону лучшей видимости. Они прослушивают радиопереговоры разведчиков между собой и с доктором Пелсом. Кажется, разведчики не нашли пока ничего, кроме плохой погоды. У них похуже, чем здесь. По крайней мере, она не устает жаловаться.*

— *Неужели разведчики так близко, что ты можешь читать их мысли?*

— *Нет. Информацию я получаю только от Малакара. Разведчики от нас милях в четырех к северо-западу.*

— *Этот Пелс, которого ты упомянул... это ТОТ САМЫЙ доктор Пелс?*

— *Вероятнее всего. Он сейчас на орбите точно над нами.*

— *Зачем?*

— *Кажется, он руководит поисками.*

— *Значит, Х и ему нужен?*

— *Похоже на то.*

— *Мне все это ужасно не нравится, Шинд, — то, что они знают, что причина всего — один человек, и охотятся за ним в то же самое время, в том же самом месте. И Пелс тут же... Если я решу поступить, как ты предлагаешь, неприятностей может быть куда больше, чем мы ожидали.*

— *Я тоже думал об этом и о том, не будет ли спокойнее, если мы найдем Х, передать его разведчикам Пелса. Если он окажется у них, наши проблемы разрешатся сами собой.*

— *Как ты предлагаешь осуществить это?*

— *Найти его, связать. Привлечь к нему внимание разведчиков. Не получится — убить его и заявить, что мы поступили так в целях самообороны. Они думают, что он — сумасшедший, и наша версия покажется им правдоподобной.*

— *А если Малакар первым найдет его?*

— *Придется придумать что-нибудь еще. Несчастный случай, например.*

— *Как мне все это не нравится!*

— *У тебя есть другие предложения?*

— *Нет.*

После этого разговора они шли еще почти час и вышли из тумана в более теплое и чистое место, более ровное, хотя и иссеченное трещинами и забросанное валунами. Черные птицы с пронзительными криками пролетали над головой. Ветер устойчиво дул с запада.

Морвин снял пончо, сложил его, свернул, подвесил к поясу. Вынул платок и начал вытирать лицо.

— *Кто-то впереди,* — сказал ему Шинд.

— *Наш человек?*

— *Возможно.*

Морвин расстегнул кобуру.

— *Возможно?* — переспросил он. — *Ты — телепат, так прочти же его мысли.*

— *Это не так просто. Люди редко повторяют в мыслях свои имена, а с тем, кого мы ищем, я ни разу не встречался.*

— *Мне всегда казалось, что ты способен на большее, чем читать то, о чем человек думает в данную минуту.*

— *Ты знаешь, ЧТО я могу, а что — нет. Учти — он далеко от нас и сильно чем-то обеспокоен.*

— *Чем же?*

— *Он чувствует, что за ним охотятся.*

— *Если он — фон Хаймак, подозрения его совершенно оправданы. Но как он об этом догадался?*

— *Во всем этом деле еще много неясного. Мозг его пребывает в ненормальном состоянии. Я бы сказал, крайняя степень паранойи, мысли... о смерти и болезнях.*

— *Понятно.*

— *Тебе, но не мне. Не совсем. Он сознает, что делает, и, кажется, получает от этого удовольствие. Происходящее представляется ему чем-то вроде божественной миссии. Да, это тот, кто нам нужен.*

— *Сколько от нас до него?*

— *Примерно полмили.*

Морвин заторопился вперед, напряженно вглядываясь в полумрак.

— *Я только что разговаривал с капитаном. Ему показалось, теплоискатель кого-то засек, но, скорее всего, это было животное. Он спросил, как у нас дела, и я обманул его.*

— *Молодец. Что поделывает сейчас Х?*

— *Он поет. Мозг его заполнен песней. Это пейанская молитва.*

— *Странно...*

— *Это ОН странный. Какое-то мгновение он сознавал, что я проник в его мозг. Теперь это чувство исчезло.*

Морвин ускорил шаги.

— *Мне хочется поскорее разделаться с этим,* — сказал он.

— *Конечно.*

Они уже почти бежали.

* * *

Фрэнсис Сэндо вздохнул. Мартлинд — уже невидимый, но слышимый разумом — медленно прошагал рядом с Малакаром и его спутницей. Сэндо тут же вышел из зоны действия их детекторов. Быстрая мысленная проба показала ему, что Малакар тоже вздохнул, уверившись в том, что заметил он все-таки зверя, а не человека.

Следовало быть осторожным, ругнул он себя. Непростительная ошибка. На моих собственных мирах я становлюсь слишком беззаботен. Вывод? Побольше осторожности, поменьше грубой силы. Пришлось обманывать их детекторы... Вот!

Быстро шагая, он снова вспомнил мысли Малакара и Джакары...

Злоба. Каким же он стал злым, подумал Сэндо. Девушка тоже ненавидит, но в ее ненависти есть что-то ребяческое. Интересно, будут ли они придерживаться своего плана, если поймут, к каким же в действительности результатам он приведет? Не мог же Малакар до такой степени утратить способность восприятия, что видит только мертвецов, но не умирающих. Если бы он походил тут подольше, посмотрел, к чему привело появление Гейделя фон Хаймака... Интересно. Повлияло бы это хоть как-нибудь на его чувства? Все-таки он изменился, даже за тот короткий отрезок времени, что прошел со дня нашей встречи на Дейбе. А уже в тот день он действовал не слишком последовательно и слишком жестоко.

Именно тогда покалывание началось внутри мозга Малакара, и Сэндо мгновенно остановил свои мысли, поняв, что не сможет отойти незамеченным. Он даже не ругнулся — нельзя было выказывать НИКАКИХ эмоций, вибрация чувств выдала бы его. Нужно притворяться, что ты не существуешь. Никаких ответных реакций, что бы ни произошло. Даже тогда...

Странное ощущение. Два телепата одновременно копаются в мыслях одного человека и пытаются при этом спрятаться друг от друга...

Сэндо недавно прослушал обмен мыслями между Шиндом и Малакаром, никак не реагируя, но уяснив при этом их цели и степень продвижения к этим целям. Когда мысленный разговор закончился, он снова привел свои мысли в движение, вывел их из мозга Малакара, слегка коснулся мозга Джакары и отпрянул, ужаленный присутствием в нем Шинда.

Он вынул очередную сигару, раскурил.

До чего все сложно, черт бы вас всех подрал! Разведчик слева — они еще далеко, но двигаются сюда. Малакар справа. Шинд, который заметит меня в ту секунду, когда я потеряю осторожность. А где-то впереди — человек, которого я ищу...

Он медленно пошел на восток, параллельно Малакару, стараясь держаться вне радиуса действия детекторов, слегка, с интервалом в полминуты, касаясь опушек разумов Малакара и девушки.

Может быть, лучше позволить им найти его, а потом отнять? Но они могут и не... Тогда... Нет.

Внезапно все эти вопросы перестали нуждаться в ответах.

* * *

Пытаясь остановить свой быстрый шаг, Морвин споткнулся. Он взобрался на невысокий скалистый гребень раньше Шинда и сквозь клубящуюся полутьму увидел человека, изможденного, черного. Он стоял, опираясь на посох, и глядел на Морвина, который, ни секунды не сомневаясь в том, кто этот человек, внезапно растерялся. В себя он пришел, услышав Шинда.

— *Это он! Я уверен! Но что-то не так... Он знает про нас! Он...*

Морвин схватился за голову, упал на колени. Он никогда еще не слышал мысленного вопля.

— *Шинд! Шинд! Что происходит?*

— *Я... Я... Она завладела мной! Она...*

В следующее мгновение мозг Морвина уже клубился, подобно туману, захваченный потоком наложенных друг на друга форм и цветов, смешанных с такой четкостью и ясностью, что он перестал различать, что существует реально, а что — нет. Но вот все заволокло синевой, а в глубине ее неслись в дикой пляске мириады голубых женщин; и когда Морвин понял — без всякой видимой причины, — что множественность их — всего лишь символическая иллюзия, они начали смешиваться, сливаться, соединяться одна с другой и превращаться в более конкретные образы. Морвин обнаружил, что стал объектом пристального изучения раскачивающихся женщин. Их оставалось всего две: одна — высокая, мягкая, прекрасная, мадонна сострадания, и другая — похожая внешностью на первую, но с преобладанием в облике того, что Морвин мог назвать только беспощадностью. Потом и они слились — и лицо рожденной от этого союза женщины напоминало лицо второй. Стоя среди голубых молний, она посмотрела на Морвина немигающими, лишенными век глазами, и взгляд этот мгновенно сорвал с него и плоть, и разум, ужаснув его своей первозданной, нереальной силой.

— *Шинд!* — закричал он и, вытащив оружие, начал стрелять.

— *Она использует меня!* — казалось, кричал Шинд. — *Помоги мне!*

Бесполезное оружие выскользнуло из пальцев Морвина. Он ощутил себя в гуще сна, вселенского кошмара. Двигаясь без движения, думая без мысли, инстинктивно действуя так, будто работает с субстанцией сна, он схватил образ и приложил к нему свою волю. Движимый на этот раз ужасом, который, подобно огню, охватил все его существо, Морвин обнаружил, что в состоянии управлять силой, превосходящей все, чем он владел раньше, и нанес удар по насмехающемуся над ним созданию, принявшему образ женщины.

Лицо ее изменилось — с него исчезли все признаки довольства. Фигура ее уменьшилась, исказилась, исчезла, вернулась, исчезла, вернулась. При каждом ее исчезновении Морвин видел человека, лежащего теперь на земле.

Болезненный вой заполнил его голову. Потом вой исчез, исчезла она и, наконец, он сам.

* * *

— Стой!

Малакар обернулся.

— В чем дело?

— Уже ни в чем, — ответила она. — Мы закончили свое дело. Пора возвращаться на корабль. Мы улетаем.

— О чем ты говоришь? Что с тобой?

Джакара улыбнулась.

— Ничего, — сказала она. — Со мной все в порядке.

Малакар внимательно посмотрел на нее и понял, что ЧТО-ТО изменилось. За несколько секунд он разложил свои впечатления по полочкам. Первое, что поразило его, — некая особая расслабленность Джакары. Внезапно

ему пришло в голову, что он никогда прежде не видел ее такой приятно взволнованной. До этой минуты она всем своим поведением напоминала готового выполнить любой приказ солдата. Голос ее тоже изменился — стал мягче, женственнее, но вместе с тем приобрел властность — шелковистую и гибкую.

Соображая, какой же вопрос задать первым, он сказал просто:

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаешь, — сказала она. — Нам нечего больше искать. То, что ты ищешь, — перед тобой. Фон Хаймак нам больше не нужен, потому что я нашла себе лучшее обиталище. Мне нравится Джакара — ее тело, ее примитивная страсть — и я останусь внутри нее. Теперь мы вместе совершим все, что ты задумал. И больше. Намного больше. Ты получишь свои эпидемии, своих мертвецов. Мы займемся лечением главной болезни — жизни. Давай вернемся на корабль и полетим куда-нибудь, где много людей. К тому времени, как мы доберемся туда, я буду готова. Ты станешь свидетелем зрелища, способного удовлетворить даже такую страсть, как твоя. И это будет только начало...

— Джакара! У нас нет времени для шуток! Я...

— Я не шучу, — тихо сказала она, поднимая руки к его лицу.

Она провела пальцами по щеке Малакара, задержала их на висках, парализовала его видением смерти. Повсюду мертвые и умирающие. Симптомы разнообразнейших болезней мелькнули перед ним, представленные, как на выставке, на бесчисленном множестве тел. Он увидел планеты, бьющиеся в тисках эпидемий, лишенные жизни миры, их улицы, дома, мертвые поля усеяны трупами, гавани, о причалы которых бьются трупы, реки, задушенные трупами, распухшими, разлагающимися. Все были равны перед смертью, все превратились в трупы.

Малакару стало плохо.

— Боже мой! — выдавил он из себя. — Что ты такое?

— Ты видел то, что видел, и не понял?

Он отпрянул.

— Тут что-то нереальное. Та голубая богиня, про которую Сэндо...

— Как тебе повезло! — сказала она. — И мне тоже! Твои возможности значительно превосходят возможности моего прежнего послушника, а ведь у нас общая цель...

— Как получилось, что ты смогла захватить тело Джакары?

— Твой слуга Шинд был связан с ее мозгом, и по этой ниточке я вошла в него. Она показалась мне предпочтительнее того человека... До чего приятно снова ощутить себя женщиной!

— *Шинд! Шинд!* — позвал он. — *Где ты? Что с тобой?*

— Твои слуги плохо себя чувствуют. Они больше не нужны нам. Их все равно пришлось бы оставить здесь. Особенно человека по имени Морвин. Пойдем к кораблю!

Слабо, очень слабо, словно собака, царапающаяся в дверь, Шинд коснулся его мозга.

— ...Прав... Сэндо был прав... Я видел разум... превосходящий всякое понятие. Убей... ее.

Малакар, голова которого шла кругом, нашарил кобуру...

— Жаль, — сказал она. — Нам было так хорошо вдвоем. Но теперь я МОГУ все сделать одна и боюсь, что именно так мне и придется поступить.

...И понял, что опоздал, потому что пистолет Джакары уже глядел на него из руки незнакомки.

* * *

Черной волной поднялись клочья сознания, упали, снова поднялись. Волна несет, вверх, потом вниз. Вверх...

Взгляд Морвина упал на пистолет.

Морвин не успел понять, кто он такой, но рука его уже схватила пистолет, сжала его. Холодное слияние ладони и выпуклой металлической рукоятки означало спасение.

Он заметил тропинку обратно в жизнь, пошел по ней, поднял голову.

— Шинд? Где ты?

Но Шинд не ответил и не подошел.

Повернув голову, Морвин посмотрел на лежащего шагах в двадцати человека. Тело его было в крови.

Он встал и подошел к человеку.

Тот дышал. Лица его Морвин не видел. Вытянутая в сторону правая рука человека дергалась. Морвин постоял над телом, обошел его, встал на колени и заглянул в лицо. Глаза человека были открыты, но ничего не видели.

— Ты слышишь меня? — спросил Морвин.

Человек резко выдохнул, вздрогнул. В глазах его зажегся свет, они ожили и встретились с глазами Морвина. Его мертвенно-бледное лицо было покрыто угрями, шрамами, открытыми язвами.

— Я слышу тебя, — тихо сказал он.

Морвин поудобнее перехватил пистолет.

— Гейдель фон Хаймак? — спросил он. — Это тебя называют Х?

— Я — Гейдель фон Хаймак.

— Но ты — Х?

Человек ответил не сразу. Вздохнул, откашлялся. Морвин посмотрел на его раны. Удар пришелся в правое плечо.

— Я долго болел, — сказал он наконец. Потом хрипло, невесело рассмеялся и добавил: — А теперь я выздоровел.

— Хочешь пить?

— Да!!

Морвин засунул пистолет в кобуру, отвинтил крышку фляги, осторожно поднял голову Гейделя и стал лить воду в его полуоткрытый рот. Прежде чем закашляться и отвернуться, Гейдель выпил полфляги.

— Почему ты не сказал, что хочешь пить?

Гейдель глянул на пистолет, слабо улыбнулся, пожал здоровым плечом.

— Мне показалось, что ты не захочешь делиться со мной.

Морвин убрал флягу.

— Ну, так что же? Ты — это Х? — спросил он.

— Какая разница? Но чуму разносил я.

— Ты знал об этом?

— Да.

— Неужели ты так ненавидишь людей? Или просто тебе плевать на них?

— Ни то, ни другое... Стреляй.

— Почему ты позволил этому случиться?

— Это уже не имеет значения. Она ушла. Все кончено. Стреляй.

Все еще улыбаясь, Гейдель сел.

— Ты хочешь умереть?

— Чего ты ждешь?

Морвин закусил губу.

— Ты знаешь, что это я стрелял в тебя... — начал он.

Гейдель фон Хаймак нахмурил брови и медленно покрутил головой, осматривая свое тело.

— Я... я и не подозревал, что в меня стреляли, — сказал он. — Да, теперь я вижу. И чувствую...

— Ты знаешь, что с тобой произошло?

— Я что-то потерял. Что-то в моем мозгу. Теперь это ушло, и я чувствую себя так, как не чувствовал вот уже много лет. Шок... освобождение, чувство облегчения...

— Как? Что же все-таки случилось?

— Я сам не до конца понимаю... Один момент эта штука была внутри меня, потом я почувствовал присутствие еще чего-то... Потом — все куда-то делось... Когда я пришел в себя, ты был уже здесь.

— Какая штука?

— Ты не поймешь. Я и сам-то...

— Голубая женщина... богиня?

Гейдель фон Хаймак опустил голову.

— Да, — ответил он и схватился за свое плечо.

— Покажи мне рану.

Гейдель позволил перевязать себе плечо. Выпил еще воды.

— Почему ты стрелял в меня? — спросил он после долгого молчания.

— Можно назвать это рефлексом. Эта... штука, которая вышла из тебя, напугала меня до полусмерти.

— Так ты видел ее?

— Да, с помощью телепата.

— Где она?

— Не знаю, но кажется, она тоже ранена.

— Не лучше ли выяснить это? Ты можешь оставить меня. Я не могу быстро ходить.

— Придется, наверное, — сказал Морвин.

— Шинд! Четр бы тебя побрал! Где ты? Что с тобой?

— Оставайся, — пришел слабый ответ. *— Оставайся там. Со мной все в порядке. Надо только немного отдохнуть...*

— Шинд! Что произошло?

Молчание.

— Шинд! Ответь же!

Ответ пришел.

— Малакар мертв. А теперь жди... Жди.

Морвин молча посмотрел на свои ладони.

— Так ты идешь или нет? — спросил его Гейдель.

Он не ответил.

— Джакара! Шинд, что с Джакарой?

— Она жива. Подожди.

— Что случилось? — спросил Гейдель.

— Не знаю.

— ...жив. Мы только что разговаривали с ним. Не в этом дело.

— В чем же?

— Не знаю. Пока не знаю. Я жду.

— Джон, я попытаюсь выяснить... Тут нельзя ошибаться. Эта богиня здесь.

— Где?

— В Джакаре.

— Как? Как это случилось?

— Наверное, я сам невольно помог этому. Она переместилась в Джакару, когда я поддерживал с ней контакт.

— Как погиб капитан?

— Она застрелила его.

— Так что же теперь с Джакарой?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. Оставь меня. Как только я что-нибудь найду, тут же сообщу тебе.

— Что мне делать?

— Ничего. Жди.

Молчание.

— Теперь ты знаешь? — спросил Гейдель.

— Ничего я не знаю... Только то, что и сам кое-что потерял.

— Так что же все-таки происходит?

— Мой друг пытается выяснить. По крайней мере, теперь мы знаем, где твоя богиня... Как ты себя чувствуешь?

— Я не могу разобраться в своих чувствах. Она долго была со мной. Многие годы. Сначала она лечила мной заболевших какой-нибудь редкой болезнью... словно мы носили в себе одновременно и болезнь, и лекарство от нее. Самому мне ничего не угрожало. Потом, в Италбаре, я допустил ошибку. На меня напали и забросали камнями. Мне казалось, что я умру в Италбаре. После этого все изменилось. Я узнал, что природа ее двойственна. В обеих своих ипостасях она функционирует таким образом, чтобы лечить болезни...

В той форме, что была вначале, она стремилась очистить жизнь. В другой — саму жизнь считала болезнью и лечила от нее материю. Я был ее апостолом в обеих ипостасях... Какой она была, когда ты увидел ее?

— Синей, злобной, могущественной. Прекрасной. Казалось, она смеется надо мной, грозит...

— Где она сейчас?

— Она завладела телом женщины... недалеко отсюда. Она убила человека.

— Ох!

— Ты знал, что тебя ищут?

— Да, я каким-то образом догадался об этом.

Неподалеку ударил раскат грома. Когда он стих, Морвин сказал:

— Может быть, она и права...

— В чем?

— В том, что жизнь — сама по себе болезнь.

— Не знаю. Это не имеет никакого значения. Абсолютно никакого. Только такой взгляд на вещи оправдан, и неважно, в какой ипостаси она в данный момент времени.

— Ты сам... так и смотришь на вещи?

— Наверное. Я... поклонялся ей. Я верил ей. Может быть, и сейчас верю.

— Как плечо?

— Болит.

— Наверное, она делала много хорошего.

— Наверное.

На юге сверкнули яркие вспышки, за ними ударил гром. Несколько капель упало на них, вокруг них.

— Пойдем к тем скалам, — сказал Морвин. — Там должны быть углубления. Может, не промокнем.

Он помог Гейделю подняться, положил его руку себе на плечи и поддерживал его весь долгий путь до скал.

— *Их двое,* — пришла мысль Шинда, — *и они движутся навстречу друг другу.*

— *Кто двое? О чем ты?*

Но Шинд, казалось, не слышал его.

— *Они сознают существование друг друга,* — продолжал он. — *Мне нужно быть очень, очень осторожным... Она сделала мне так больно... Странно, что я не обратил внимания на эту особенность еще при первой встрече... Но теперь это ближе к поверхности. Фрэнсиса Сэндо тоже сопровождает туманная Другая.*

— *Сэндо? Он здесь? С Джакарой?*

— *Они разговаривают. У нее в руке пистолет, но он стоит слишком далеко. Я сейчас на самом краю событий и не могу сказать, знает ли она, что Сэндо не один. Он позвал ее по имени и это привлекло ее внимание. Она отвечает. Он подходит ближе. Кажется, она не собирается стрелять — любопытство ее возбуждено. Они говорят на незнакомом*

языке, но я улавливаю обрывки мыслей. Кажется, он знает ее... каким-то образом. Она ждет, пока он подойдет поближе. Он салютует каким-то знакомым ей способом. Он говорит, что она нарушила какое-то правило, которого я не понимаю. Она слегка удивлена этим.

Морвин довел фон Хаймака до убежища в скалах. Помог ему сесть, прислонив спиной к камню. Сел рядом с ним и уставился в клубящийся туман. Дождь разошелся вовсю.

— Он приказывает ей уйти... не понимаю, куда... и как. Она смеется. Это смех сквозь слезы... Он подождал, пока она прекратит, и заговорил. Это нечто формальное — запомненное ранее, не импровизация. Речь его сложна, ритмична, содержит множество парадоксов. Непонятно... Она слушает.

— Гейдель, она сейчас с человеком, который, предположительно, пытается остановить ее. Не знаю, что из этого выйдет. Как бы то ни было, у меня нет ни малейшего предположения, что же будет с тобой. Мой капитан, мой лучший друг, мертв. То, что он задумал, исполнится, хотя и нельзя назвать его замыслы великими. Но сам он был великим человеком и, наверное, я помог бы ему. С другой стороны, я мог убить тебя — для него ты представлял слишком большую опасность. Как ни крути...

— Очевидно, я заслужил все, что случилось или случится со мной.

— Меня поражает то, как тобой манипулировали — и обстоятельства, и автономный паразитирующий энергетический комплекс, обладающий паранормальными возможностями.

— Как ты ловко выражаешься...

— Специалисты по паранормальным явлениям преследовали меня всю жизнь. Я — телекинетик — что бы это ни значило. Я передвигаю вещи силой разума, я могу заставить предметы вызывать в людях специфические чувства. Вот и понахватался терминологии. Мне жалко тебя. Тобой воспользовались, а я мог бы оказаться частью эксплуатирующей тебя команды. Скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Чего? Не знаю... Смерти? Нет. Я хочу... уйти. Далеко-далеко. Мне всегда хотелось именно этого. Я столько лет был кем-то другим, что мне хочется заново познакомиться с собой. Да, уйти...

— ...закончил и ей больше не весело. Она говорит ему злые слова, грозит... Но теперь то, что есть в его мозгу, значительно ближе к поверхности. Он говорит ей об этом, упоминает меня... Шимбо, кажется. Она поднимает пистолет...

Ослепительная вспышка, удар грома. Морвин вскочил на ноги.

— Шинд! Что случилось?

— Что?.. — спросил фон Хаймак, вскидывая голову.

Морвин медленно опустился на прежнее место. Гром прозвучал снова и превратился в низкий рокот, который уже не прекращался.

— Молния ударила между ними, — сказал Шинд. *— Она уронила пистолет, он схватил его, отбросил. Но он перестает быть сам собой. Их разумы становятся непрозрачными. Они стали похожи друг на друга,*

между ними идет обмен энергией. Полагаю, он просит ее удалиться, а она жалуется на несправедливость этого. В ней растет страх. Он отвечает. Она что-то делает... Теперь сердится. Он снова приказывает ей удалиться. Она начинает спорить. Он прерывает ее, спрашивая, хочет ли она, чтобы их спор закончился противоборством.

Гром прекратился. Ветры стихли. Внезапно остановился дождь. Сверхъестественная тишина овладела пропитанным туманом воздухом.

— Я больше ничего не воспринимаю, — сказал Шинд. *— Они будто превратились в статуи.*

— Шинд, где сейчас ты сам, я имею в виду, в каком месте?

— Довольно близко от них. Я подкрадывался к ним с тех пор, как ко мне вернулось сознание. Я надеялся, что еще можно что-то сделать, но теперь мной движет только чистое любопытство. Мы в четверти мили от тебя.

— Ты заглядывал в мозг фон Хаймака?

— Да. Он все еще в депрессии. Но безвреден...

— Что мы будем с ним делать?

— Разведчики скоро подойдут. Пусть найдут его.

— Что они с ним сделают?

— Трудно сказать. Группа, которую я подслушал, относится к поискам, как к обычной работе, но некоторые ее члены жаждут мести... Стоп! Они двигаются! Она поднимает руку и начинает говорить. Он тоже делает какой-то жест и говорит вместе с ней. Теперь...

Морвину показалось, что сверкающий купол неба обрушился, а последовавший удар грома стал самым громким звуком, какой ему доводилось слышать. Когда сознание его очистилось, он увидел, что дождь пошел снова, и почувствовал во рту вкус крови из прокушенной губы.

— Что там, Шинд? — спросил он.

Снова молчание.

— Гейдель, сюда подходит поисковая группа. Они хотят найти тебя, чтобы остановить эпидемию.

— Поиски нужно прекратить. Я чувствую, как изменяюсь. Я узнаю чувство безопасности — оно приходит. Оно уже почти пришло.

— Но так как ты — единственный, осведомленный об этом чувстве, они несомненно схватят тебя. Мне известно, что поисками руководит доктор Лармон Пелс. Он запрет тебя в карантин и будет изучать. Таким образом ты сможешь удовлетворить желание побыть одному.

— Насколько это реально?

— Единственное препятствие — сами разведчики. Некоторые из них могли потерять родственников, друзей...

— Наверное, ты прав. Какие будут предложения? Кроме простого бегства, конечно.

— Если бы мы только знали...

— Кажется, спор между ними решен, — сказал Шинд.

— Как?

— Не могу сказать. Они оба без сознания.

— *Ранены?*

— *Нет, наверное, это результаты психического шока, но я не уверен. Тебе лучше подойти сюда. Ты можешь понадобиться Джакаре.*

— *Как вас найти?*

— *Расслабь свой мозг и дай мне проникнуть в него поглубже. Я доведу тебя.*

— *Не очень быстро. Гейдель едва способен двигаться.*

— *Зачем он тебе?*

— *Мне он не нужен. Это мы нужны ему.*

— *Хорошо. Иди.*

— Вставай, Гейдель, — сказал Морвин. — Нам пора.

Они встали и, укрывшись одним пончо, пошли сквозь дождь и мглу. Влага покрыла звездочками их лица. Ветер подгонял их в спину.

Когда они наконец добрались до места, Морвин увидел Шинда рядом с Фрэнсисом Сэндо. Сам Сэндо сидел, держа руку Джакары и придерживая ее за плечи.

— Что с ней? — спросил Морвин.

Сэндо посмотрел на Шинда, потом на Морвина и ответил:

— Физически она в полном порядке.

Морвин усадил фон Хаймака на камень.

— Дай ему вот это, — сказал Сэндо.

— Сигара. Ему нравится.

— Что?

— Понравится... Насколько серьезно...

— *Мы оба просмотрели ее мысли,* — сказал Шинд. — *Она снова стала ребенком и знает, что такое счастье.*

— *Но насколько это серьезно?*

— *Давай посмотрим, узнает ли она тебя?*

— Джакара? Как ты себя чувствуешь? Это Джон...

Она повернулась и уставилась на него. Улыбнулась. Спросила:

— Кто ты?

— *Все-таки что-то мелькнуло,* — сказал Шинд.

Морвин протянул к ней руку. Она отпрянула, опустила глаза.

— Это же я, Джон! Не бойся!

Он запустил руку в карман, вытащил пригоршню монет и бросил их в воздух. Они беспорядочно заметались, потом образовали эллипс и закружились перед ней все быстрее и быстрее.

На лбу Морвина выступил пот, а они вращались, кружились, торопились.

— Это рекорд? — спросила она.

Монеты звенящим дождем упали на землю.

— Не знаю. Не считал. Кажется, рекорд... Значит, ты все-таки помнишь.

— Да. Еще раз... Джон. Пожалуйста.

Монеты подпрыгнули, завертелись снова.

— Ты по...

— *Не ЗАСТАВЛЯЙ ее вспоминать. Ей надо отвлечься. Она не хочет вспоминать. Успокой ее. Развлеки.*

Он жонглировал монетами, изредка поглядывая, улыбается ли она. Он принюхивался к запаху сигары Гейделя. Он почувствовал присутствие Сэндо в своем мозгу.

— *...Так вот чем ты ударил ее,* — сказал он. — *Теперь я понимаю...*

Мысль внезапно исчезла.

— *Нет!* — воскликнул Морвин. — *Не говори мне, что эта штука перебралась в мозг Джакары потому, что я нанес удар СВОИМ разумом! Я...*

— *Нет,* — сказал Сэндо слишком поспешно. — *Нет. Она была идеальным объектом. Кроме того, существовал канал...*

— *...сооруженный мной,* — вмешался Шинд.

— *Неизвестно,* — сказал Сэндо. — *Оставим это. Вероятнее всего, для подобного перехода не нужны никакие особые внешние условия. Я знаю еще об одном таком случае. Жизнь и так достаточно сложна, чтобы взваливать на себя груз дополнительной вины.*

— Еще раз, Джон, — сказала Джакара.

— Потом, — сказал Сэндо, вставая сам и помогая подняться ей. — Возьми его за руку, — он разместил ладонь Джакары в ладони Морвина. — Шинд говорит, что поисковая партия совсем близко. У меня нет никакого желания связываться с ними. Если вы разделяете это мнение, милости прошу со мной. Я вижу по вашим лицам, что это так. Пойдем. Мой корабль в той стороне.

— Подожди.

— Капитан, — сказал Морвин. — Малакар. Где он?

— За теми скалами. Футах в пятидесяти. Разведчики скоро найдут его. Мы ему уже ничем не поможем.

Но Морвин уже повернулся и пошел к скалам.

— Я не стал бы показывать ей труп!

Он остановился.

— Ты прав. Забирай ее. Идите без меня. Мне нужно еще раз посмотреть на него.

— Мы подождем.

— Разведчики совсем рядом!

— Знаю.

Ураган взъярился с новой силой, но область главного удара лежала чуть в стороне от них.

— Спасибо за сигару... сэр.

— Фрэнк. Зови меня Фрэнк.

— Когда придет поисковая группа, им покажется, что тут произошло убийство.

— Оно отнюдь не будет первым нераскрытым в истории человечества.

— Но когда узнают, КТО убит...

—...поднимется вопль. Да. Представь себе возможные слухи. Политическое убийство. Малакар порадовался бы, узнав, что смертью своей он

может принести ДИНАБ больше пользы, чем всем тем, что совершил после войны.

— Как так?

— К концу сессии неожиданно объявят незапланированное голосование по статусу Лиги. Чувства, вызванные его смертью, придутся как раз к месту. Когда-то он был весьма популярным человеком. Можно сказать, героем.

— В конце концов он превратился в усталого, озлобленного старика. Это было бы забавно...

— Да. Слухи эти надо будет тщательно организовать. Восстановление родной планеты как части ДИНАБ тоже пригодится. Я не смогу приступить к работе раньше, чем через пару лет, но объявлю о ней в самый подходящий момент.

— Значит, то, что говорят про тебя, правда...

— Что?

— Нет, ничего. Что будет с фон Хаймаком?

— Это его дело. Но я позабочусь о том, чтобы он поговорил сначала с Пелсом. Если он пожелает, пускай отправляется в клинику ко мне на Хоумфри, а Пелс будет сидеть на орбите вокруг нее и совещаться с персоналом. Если учесть, что он — один из немногих, кто понимает, что же здесь произошло, ему лучше побыть там... по крайней мере, до голосования... И да, конечно, я родился на Земле. Много лет назад.

— ...Мягонький, — сказала Джакара, наклоняясь, чтобы погладить Шинда.

— *И теплый,* — добавил Шинд. — *Очень удобно в такую погоду. Джон возвращается. Скажи ему, куда ты хочешь улететь.*

Джакара посмотрела на подошедшего Морвина.

— Джон! — воскликнула она. — Увези меня в тот замок, с огненным рвом. На Землю.

Морвин взял ее за руку и кивнул.

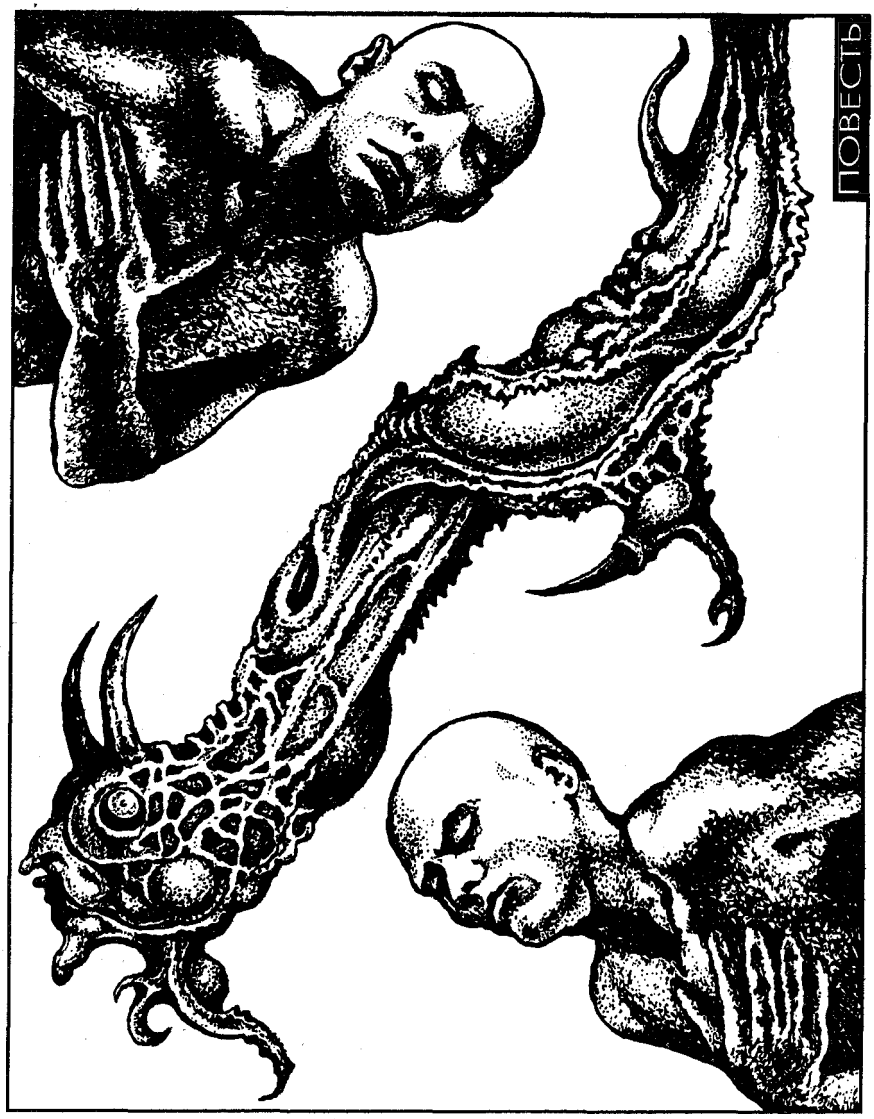
— Пойдем, — сказал он.

Глава 6

И однажды пришла весна, в завитках и пятнышках цвета, зеленая, и рыжая, и мокрая; и птицы резвились в голубизне, проливая вопросительные трели; накатились прохладные соленые бризы с моря, разбивающегося о скалы так же, как пять тысяч лет назад; и огонь планеты спрятался в каменных теснинах под их ногами — там, где ему и положено быть; и они шли, никуда не торопясь, среди рощ, полей и свежевымытых холмов.

Шествуя внутри самого желанного для себя шара, он подумал о Пелсе, потому что сначала он думал о музыке, невидимой, невесомой, подчиняющейся законам только своей собственной логики. Он не думал ни о Фрэнсисе Сэндо, ни о Гейделе фон Хаймаке, ни даже о Капитане, потому что она только что сказала: «Какой чудесный день!» и это так, подумал он, облако в небе, бельчонок на ветке, девушка, и этого достаточно... достаточно.

ПОВЕСТЬ



ВРАТА ЕГО ПАСТИ, ЗУБОВ ЕГО БЛЕСК

Ты можешь Левиафана поймать удой
И прижать леской ему язык?
Проденешь ли тростник ему в нос
И проколешь ли челюсть шипом?
Станет ли он множить мольбы,
Говорить тебе умильные слова?
Заключит ли он с тобой договор,
Возьмешь ли ты его в рабы навек?
Станешь ли, как с пташкой, с ним играть?
Сделаешь ли забавой для девиц?
Или, может, продашь рыбакам?
Пробьешь ли копьем кожу ему,
А голову — рыбацкой острогой?
Подыми-ка на него свою длань,
Но запомни: ты бьешься в последний раз!
Смотри, надежда тебя предаст:
Не падешь ли ты от вида его?
Нет борца, кто бы вызвал его на бой.
Он начало Божьих путей,
Сотворен над иными царить.
Кто проникнет сквозь его чешую,
ВРАТА ЕГО ПАСТИ КТО ОТВОРИТ?
УЖАС — ЗУБОВ ЕГО БЛЕСК.
Когда он встает, дрожат силачи,
От испуга теряют ум!
Ударить его? Но не выдержит меч —
Сломится копье, и дрот, и стрела.
Железо с соломой равняет он
И с трухлявой веткой медь!
Лучник не заставит его бежать,
Он плюнет на камни пращи —
За мякину палица идет у него,
И с копьем на него не тщись!
В зарослях лотоса он лежит,
В теплом иле среди тростника,
Вздуется ли поток — не страшно ему,
Хотя бы пучина хлестала в пасть.
Не ведающим страха он сотворен.
Другого подобного в мире нет!

«Книга Иова»

Я — человек-приманка. Никто не рождается, чтобы стать приманкой, за исключением разве что девушек-длинноножек. Впрочем, их профессия называется по другому. Итак я — приманка.

Как я выбрал это занятие, стоит рассказать особо — биография любого живого существа, включая и нас с вами, заслуживает нескольких слов. И вот они перед вами.

Низменности Венеры лежат между большим и указательным пальцами континента, известного под названием Рука.

Когда ваш корабль входит в Аллею облаков, атмосфера планеты, покачивая серебряными боками, подкатывается к вам без предупреждения огромным шаром. Вы прыгаете внутрь этого облачного массива с огненным хвостом, и вот уже атмосфера сама несет вас вперед, но Ремни удерживают вас от глупостей.

Затем вы изучаете Руку, избавляясь от иллюзий, и два средних пальца ее становятся дюжиной архипелагов, а остальные превращаются в серо-зеленый полуостров, потом постепенно замечаете большой палец — весьма короткий и закругленный, как хвост эмбриона, — это Мыс Рога.

Вы вдыхаете чистый кислород и начинаете долгое и утомительное путешествие по Низменности. Здесь вы пойманы, как муха, в районе Лайфлейн, расположенном между первым полуостровом и «большим пальцем». На минуту вам кажется, что вы собираетесь пропустить Лайфлейн и закрутиться, точно угорь в консервной банке, но потом уже — отбросив все метафоры — вы опускаетесь к выжженной поверхности и показываете невысокому толстому мужчине в серой шляпе медицинскую карту. Бумаги говорят, что вы не подвержены загадочным внутренним гниениям и т.п. Затем мужчина улыбается вам короткой, серой же улыбкой и направляет вас к автобусу, который увезет вас в карантин, где вы тратите три дня, доказывая, что и в самом деле не подвержены гниению и прочему.

Однако скука тоже нечто вроде гниения. Когда ваши три дня кончаются, вы попадаете вновь в Лайфлейн в еле живом от «аглицкого» сплина состоянии.

«Всемирный Альманах» о Лайфлейн: город-порт на западном берегу Руки. Служащие агентства Неземных Исследований насчитывают 85% из числа его стотысячного населения (по переписи 2010 года). Другие жители работают в нескольких промышленных корпорациях, проводящих фундаментальные исследования: независимые морские биологи, богачи-энтузиасты, рыбаки и предприниматели.

Я обернулся к Майку Дебесу, одному из тех парней, кого «Альманах» величает предпринимателями, и сказал ему о плохом состоянии фундаментальных исследований:

— Слово изреченное есмь ложь!

Тот посмотрел на меня через очки и продолжал медленный глотательный процесс с целью завладеть моим интересом и выжать из собеседника несколько проклятий. Потом изрек:

— Ну, это как сказать!

Я мог бы ударить его или наполнить его стакан серной кислотой и смотреть с невинной радостью, как чернеют его губы и расплываются по лицу, но вместо этого сделал вид, что не понял его.

— Кто достаточно безумен, чтобы отвалить пятьдесят грандов в день?

Он покачал головой.

— Джейн Луарих, — сказал он, — кареглазая девушка с фиолетовыми контактными линзами и добрым килограммом белых зубов совершенной формы.

— Она что, рекламирует собственную улыбку или зубопротезную индустрию?

Он пожал плечами.

— Она и без того достаточно известна. Предприятия Луарих перепрыгнули шестнадцатимиллиардный рубеж, когда она выиграла Солнечный Кубок. Вы когда-нибудь играли в гольф на Меркурии?

Я играл, но не ответил ему и продолжал мысленно сжимать его глотку.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес мой собеседник, — а она уже и счет потеряла таким матчам.

— Она что, приходит сюда с чековой книжкой и рыболовным крючком?

— Это ее дело, просто она очень хочет заполучить Икки!

— А больше ей ничего не нужно?

— Контракт на шестьдесят дней. Тен-сквер. И полтора миллиона на все предприятие!

— Ты, кажется, порядочно об этом наслышан.

— Я ее менеджер. Предприятия Луарих обратились ко мне в прошлом месяце. Такие заказы здорово помогают пополнить опустевший кошелек. И их кошельки тоже, — он усмехнулся.

Я отвернулся, глотая свой горький напиток. Потом я проглотил еще какое-то блюдо и спросил у Майка, что ему, собственно, от меня нужно.

— Они приказали мне, чтобы я попытался нанять тебя, — заметил он вскользь. — Когда ты плавал в последний раз?

— Месяца полтора назад на корабле «Корнинг».

— Маленькая посудина, — усмехнулся он. — А сам под воду погружался?

— Случалось и такое.

— В последний раз это было с год назад, не правда ли? Именно тогда тебя посекло винтом «Дельфина»?

Я обернулся к нему:

— На прошлой неделе я погружался в реку под Афглофердом, где самое сильное течение в этих местах. Могу нырять хоть сейчас.

— Однако ты сдержанный парень, — сказал он.

— Приятно слышать комплимент.

— Что ж, оценка самая высокая, — заключил он. — За необычные обстоятельства ставку тебе следует повысить втрое. Будь в ангаре 16 со всей амуницией в среду в пять утра. Мы отплываем в четверг.

— А сам ты плывешь?

— Естественно!

— В каких единицах оплата?

— В земных деньгах.

— А позабористей дерьма не найдется?

— Красавицы со старушки-Земли нуждаются в необычных мехах и согласны платить за них в твердой валюте.

— Я повторяю: дрянь все эти их «твердые валюты»! Помет Икки!

— Деньги не пахнут. И думаю, ты от них не откажешься.

Я мысленно налил ему в стакан концентрированную серную кислоту, но это ничего не изменило. Оставив его наедине с его стаканом, я вышел в ночь прогуляться и подумать над его предложением.

За прошедшие пять лет было сделано примерно с дюжину попыток выловить «ихтиоформа Левиозаврус Левантус», более известного как Икки. Когда Икки впервые заметили, против него была использована стандартная китобойная техника. Она оказалась бесполезной, и был разработан новый метод. «Тенсквер» был построен богатым спортсменом Майком Джандом, который всего себя посвятил этому делу. После года, проведенного на восточном склоне, он стал банкротом. Карптон Девитс, плейбой, рыбак-энтузиаст, купивший этот огромный плот у неудачника, направился в места, где Икки выметывал икру. Двенадцать дней спустя, используя тройные удилища, он все-таки выловил, усыпил и начал поднимать на борт огромное животное. Ихтиоформ очнулся, разрушил опорную башню и, убив шесть матросов, раздолбал ко всем чертям пять помещений на «Тенсквере». Карптон получил множественные переломы бедра и уведомление о банкротстве. А «Тенсквер» поменял еще раз свой вид на менее пышный.

В конце концов большой плот был продан на аукционе для морских исследований, он был и построен только для этой одной цели. Ллойд не захотел страховать его, а единственные морские изыскания состояли в случайной аренде за пятьдесят монет в день людям, желающим попытать счастья в охоте на морского Левиафана. Я был человеком-приманкой в трех из подобных экспедиций и дважды находился достаточно близко, чтобы посчитать клыки Икки.

Я принял решение.

— Вам нужно мое присутствие для создания местного колорита. Это будет выглядеть занятно. И запомните одну вещь — если кто и добудет вам Икки — это буду я.

Я стоял на опустевшей площадке. Туманные башни Лайфлейна с каждой минутой становились все более расплывчатыми.

Береговая линия западного склона выше Лайфлейна два века назад простиралась в некоторых местах на сорок миль в море. И угол его подъема был невелик, но достигал высоты горного хребта в несколько тысяч футов, отделяя нас от Хайленда. Выше Лайфлейна простирались ровные плато, где находились частные ангары, в том числе и 16.

Ангар-16 принадлежал компании «Кэл Кэб хоппер сервис». Самого

Кэла я недолюбливал, но его как раз не было поблизости, когда я выбрался из автобуса и приветливо помахал механику.

Два хоппера стояли на земле. Один из них, на котором Стив чинил карбюратор, спазматически дергался.

— Колики? — спросил я.

— Невыделение газов и изжога. — Он закрутил болты и повернулся ко мне. — А ты тоже плывешь?

Я кивнул.

Ну и дела! Ему явно было интересно порассуждать о моих грядущих приключениях. Он включил бакен и вытер свои веснушки. Температура была около двадцати градусов по Цельсию.

— Луарих, — пробормотал он. — Какие-то люди хотят тебя видеть.

— Кто это может быть?

— Репортеры, журналисты и прочие.

— Займусь-ка лучше укладкой багажа.

— Ты записан на видеокассету. Они хотят, чтобы ты пришел к ним в живом виде.

Механик направился к ангару, потом оглянулся.

— Скажи им хоть словечко. Похоже, они придумают остальное. Я сказал им, что требовалось, одно такое короткое словечко. Они, должно быть, использовали телеобъектив и умели читать по губам, потому что эту часть кассеты впоследствии никогда не показывали по телевидению.

Я бросил свое барахло на заднее сиденье, взобрался на пассажирское и закурил сигарету. Пять минут спустя Кэл появился из офиса «Кваонсет» с холодным выражением лица. Он подошел к хопперу, потом указал пальцем в сторону ангара.

— Они требуют, чтобы вы явились туда!.. Для интервью.

— Шоу началось! — крикнул я. — Если я нужен им, чтобы давать интервью, то пусть они берут себе другого человека для приманки.

Его глаза сузились, и он удалился. Хотел бы я знать, сколько ему заплатили за то, чтобы он сидел в этом ангаре и попивал свой сок.

Я полагаю, что достаточно знал Кэла. Никогда не любил этого парня.

Ночью Венера представляет собой поле черной воды. Вы никогда не определите тут, где кончается море и где начинается небо. Море похоже на молоко, налитое в чернильницу. Сначала вы видите неустойчивые извивы белого, чуть позже начинаете различать оттенки зеленого цвета, серый, затем все снова становится белым. Это значит, что наступает день с неизбежной изнуряющей жарой.

Я снял куртку еще когда мы пролетали над заливчиком. Хоппер мог брать на борт четырех человек или троих плюс снаряжение человека-приманки. На сей раз я был единственным пассажиром, а пилот отработанными скупыми движениями напоминал свою машину. Лайфлейн совершил как бы прыжок и исчез в заднем иллюминаторе, и в то же время «Тенсквер» появился в зоне видимости. Пилот перестал напевать и встряхнул головой.

Я наклонился вперед, весь охваченный воспоминаниями. Я знал каждый квадратный дюйм этого огромного плота. Собственно говоря, я сильно сомневался, что когда-либо снова окажусь на этом неповоротливом судне. Но теперь я уже почти верю в предначертанное.

«Тенсквер» представлял собой плавучее футбольное поле, ровное, как блин, исключая лишь пластмассовый «волдырь» посередине и башни, похожие на шахматные ладьи, по бортам.

Слайдер — подвижная комната-коробка, способная двигаться и останавливаться на любом из перекрещивающихся желобков с помощью сильной электромагнитной тяги. В слайдере находится оперативная контрольная рубка. Получая радиоизлучение от генераторов позади центрального «волдыря», она была связана на коротких волнах с сонарной комнатой, где записываются движение источников сведений и сигналы передаются рыболову, сидящему перед контрольным дисплеем.

Рыбак может играть своими удочками часами, даже целыми сутками, видя перед собой один компьютер да линии на дисплее.

А когда животное замечено и внешний захват, расположенный двенадцатью футами ниже ватерлинии, выскакивает для подхвата и помогает подъемникам, только тогда рыбак видит свой улов, который поднимается к нему, как падший ангел, из тьмы глубин. В свое время Девитс заметил, что всякий, кто смотрит в пучину, должен действовать. Но сам он в тот раз не действовал, и сотни тонн невообразимого мяса, раненного и наркотизированного, порвали трос подъемника и, сокрушив систему слежения, через минуту уже скользили по «Тенскверу» прочь от рыбака.

Мы сделали круг, сели рядом с толпой, я сбросил свои вещи на палубу и спрыгнул следом.

— Приехали! — сказал пилот, когда дверь скользнула на свое место.

Махнув рукой Малверну, фактическому капитану этой посудины, я узнал, что большинство людей прибудет только через восемь часов. Они хотели, чтобы я немного побыл один. Я даже могу представить тот видеоролик, который прокручивался в мозгу моей денежной леди: «Салон судна. Портьеры, свисающие до полу, приглушенный свет. Человек-приманка спускается сюда по лестнице, оглядывается по сторонам, идет к стойке. Крупный план: он усмехается. Произносит: «Вы думаете, что уже пора и именно сейчас его можно выловить?» Смущение, молчаливое передергивание плечами. «Но почему Вы думаете, что мисс Луарих имеет лучший шанс, чем другие? Это потому, что она лучше экипирована?»

Усмешка.

— Или сегодня известно о привычках этого животного больше, чем вчера? Или, быть может, только из желания победить, стать чемпионом? Одна тут причина или сразу обе?

Ответ: «Да, обе вместе».

— Именно по этой причине вы подписали с ней договор?

— Она платит вдвойне. Я не мог бы взять этот проклятый плот сам. Поэтому-то я здесь».

Я взбирался на каждую башню судна, проверяя контролирующие и подводные видеоглаза. Затем поднялся по главному лифту.

Малверн не осуждал, что я провожу проверку так основательно. Мы плавали вместе и раньше. Я нисколько не удивился, когда, выйдя из лифта, нашел его ожидающим меня. Следующие десять минут мы в молчании исследовали кают-компанию.

— Итак, мы устроимся здесь?

Я кивнул головой.

— Мне тоже хотелось бы, но вряд ли удастся. Эта женщина чересчур много о себе думает. Она хочет сама управлять слайдером, да вряд ли ей это удастся.

— Ты уже видел ее?

— Да.

— И давно?

— Четыре или пять лет назад.

— Тогда она была ребенком. Откуда ты знаешь, как она сможет справиться с делом?

— Я знаю. Она изучит каждую отмель и будет все время читать лоцию. Она основательно изучит любую теорию. Ты помнишь, мы были вместе, когда Икки разнес нам полплота?

— Разве можно позабыть такое?

Он почесал подбородок.

— Так вот, хоть она и способна на многое, но нас впереди ждет еще и не такое приключение.

— Может, ты и прав, но когда я знал ее, она была просто богатой ведьмой.

— И она не была блондинкой, — добавил я.

Он зевнул.

— Давай что-нибудь перекусим.

Мы так и сделали.

* * *

Когда я был молодым, то считал, что быть рожденным морским созданием — высшее благо, даримое природой лишь избранным. Ну а остальным остается лишь стремиться к этому идеалу. Я рос на побережье Тихого океана и проводил каникулы на Средиземном море. Целые месяцы я жил, торгуя кораллами и играя с дельфинами. Рыбачил повсюду, где была рыба, огорчаясь тому, что не могу побывать там, где живут эти серебристые создания. Когда я стал старше, мне захотелось ловить рыбу покрупнее, и не было в Солнечной системе существа, исключая разве что секвойю, крупнее, чем Икки.

Я положил в бумажную корзинку две хороших булочки и наполнил термос кофе... Извинившись, покинул камбуз и направился в свою каюту. Нажав несколько кнопок, я услышал знакомый голос:

— Это ты, Карл?

— Ты прав, Майк. Выдай мне какого-нибудь сока, жирная крыса!

Пока он раздумывал над этими словами, я успел налить себе третью чашку кофе и выкурить сигарету.

— Слушай, а почему это я — толстая крыса? — послышался наконец его голос.

— Просто так. Ты знаком с этими репортерами из 16-го ангара?

— Да.

— Вот поэтому-то ты и есть толстая крыса. Понял?

— Ты не прав, — ответил Майк.

Мои последующие комментарии были прерваны, когда я нажал кнопку лифта, и словно уши слона хлопнули за мной. Я поднялся и отрегулировал лифт. Убрав боковые поручни, я спрятал их в паз. Посередине корабля я остановился на перекрестке, опустил боковые поручни и убрал продольные. Затем я скользнул на правый борт, остановился на полпути между смотровыми башнями и двинулся к электрощитку, не пролив при этом ни капли кофе.

Вспыхнул экран. Я поправил настройку и взглянул на очертания дна под судном.

— О'кей!

Подъемник не был заблокирован. Я решил поднять его над головой.

— Чисто, — прокомментировал Майк.

Я нажал на выключатель.

Человек-приманка должен сделать так, чтобы зазубрины снастей выглядели соблазняюще. Они совсем не похожи на рыболовный крючок. Кабели имеют полые шипы, которые могут закачать любую порцию наркотика в неосторожное животное. Икки хватает приманку, которую подергивает перед ним специальный процессор компьютера, затем рыбак выдвигает зазубрины.

Я поправил руками крепления на консоли, проверил готовность емкостей для наркотиков: они были еще пусты. Я нажал кнопку заполнения.

— Полны до самого горлышка, — сообщил немного погодя Майк.

Я ослабил натяжение кабеля, проверил готовность снасти перед воображаемым животным. Затем я великодушно позволил ему убежать, раскачивая подъемник, имитируя этим скорость его улепетывания.

Включился кондиционер, я снял рубашку, но все равно было очень жарко. Я знал, что жара спадет ночью, но не раньше. У меня были весьма туманные представления о расписании движения хопперов. Я не видел прибытия Джейн, иначе спустился бы к ней. Она нарушила мою сосредоточенность, сильно хлопнув дверью.

— Ты мог бы объяснить мне, кто разрешил тебе двигать с места на место слайдер? — спросила она.

— Так займись этим сама

Я пошел, а она села на мое место. Одета она была в коричневые брюки, мешковатую блузу и волосы ее были зачесаны назад по-деловому.

Щеки ее раскраснелись, но вовсе не от жары. Она набросилась на табло с забавной торопливостью.

— Голубой сигнал, — заметила она, указав пальцем с фиолетовой краской на ноготке.

Я принужденно зевнул и медленно застегнул рубашку. Она бросила на меня косой взгляд и проверила регистры. Я же вывел изображение лота на экран. Она на секунду повернулась ко мне, возбужденно сказав:

— Красный сигнал!

Я кивнул в знак согласия.

Она работала с подъемником, демонстрируя мне свое умение. Я и не сомневался, что она прекрасно знает, что надо делать, и она тоже не сомневалась, что я не сомневаюсь.

— Если ты хочешь знать, — сказала она, — ты не должен даже находиться поблизости от этого места. Тебя наняли только лишь как человека-приманку. Запомнил? И уж никак не в качестве оператора слайдера! Приманкой! Твоя обязанность состоит в том, чтобы спрыгнуть с плота и попасть на стол для нашего друга-монстра. Это, конечно, опасно, но ты получишь за это приличную зарплату. Есть вопросы?

Она нажала на кнопку, а я улыбнулся в ответ.

— Никаких. Но ваш покорный слуга достаточно квалифицирован, чтобы танцевать у дисплея джигу, и если ты нуждаешься во мне, то я поработаю за двойную плату.

— Мистер Девитс, — сказала она. — Я вовсе не хочу, чтобы у дисплея находился нерасторопный оператор, тем более плясун джиги.

— Мисс Луарих, в игре с Икки еще не было победителей!

Она отвернулась и прервала связь. В эту минуту слайдер встряхнуло. Мы откатились метра на два назад. Она поднялась по стене, и мы снова покатились вдоль желобка.

Замедлив движение, она перевела поручни, и нас встряхнуло с лязганьем и бросило в правый угол плота. Экипаж пополз прочь от люка, когда мы подъехали к лифту.

— В будущем, мистер Девитс, не входите в слайдер без приказа, — сказала она мне.

— Не переживай, девочка моя! Я не шагну внутрь, даже если мне прикажут, — ответил я. — Я числюсь здесь как человек-приманка. Запомнила? Если тебе потребуется моя помощь, надо будет хорошенько попросить меня об этом. Запомни, хорошенько попросить!

— Посмотрим, — улыбнулась она.

Мы оставили эту тему и направились каждый в своем направлении, после того как слайдер успокоился в своем ложе.

* * *

Поздно ночью мы с Майком зашли выкурить по трубочке в каюту Малверна. Ветер гнал волны, упрямый стук дождя и гром над головой превратили палубу словно в жестяной барабан.

— Плохая погода, — сказал Малверн.

Я кивнул. После двух отделок, обитая деревянной плиткой и панелями из красного дерева, которые я вывез с Земли, каюта выглядела просто чудесно. Мы сидели за крошечным освещенным столиком и сквозь стекло отражались в коричневом свете сумерек.

— Как здесь хорошо!

— Что же происходит сейчас под нами в пучине в такую ночь?

Я, пуская колечки, думал об этой самой пучине. Метеорная быстрота движения внезапно проскакивающей мимо вас рыбы, покачивание огромных водорослей и зеленые тени рифов проплыли в моей памяти. Я подумал, что космический корабль в полете чувствовал бы нечто подобное, если бы космический корабль, конечно, мог что-нибудь чувствовать, пересекая миры — сверхъестественное спокойствие, мирное, как сон.

— Темным-темно, — сказал я, — и на глубине нескольких сажен отсутствует зыбь.

— Еще восемь часов — и надо идти на палубу! — сказал Майк.

— Дней через десять—двенадцать будем на месте, — заметил Малверн.

— Интересно, что сейчас делает Икки.

— Спит на дне с мисс Икки, если у него есть хоть какой-то мозг!

— Нет, мозга у него нет. Я видел древние скелетные останки, собранные на побережье.

— Костяк был в сохранности?

— ...Полностью во плоти он был около сотни метров в длину. Правильно, Карл?

Я согласно кивнул.

— ...И не очень большая черепная коробка для такой массы.

— Внутри ее было гораздо просторнее, чем в нашем кубрике!

Такие вещи нельзя говорить в дождь, когда мир снаружи — это только гулкая пустая палуба. Мы откинулись в креслах и выпустили потом облака дыма.

— Наша хозяйка не одобряет браконьерскую ловлю!

— Хозяйка может плыть на север, пока ее скорлупка держится на воде.

— Что она тебе сказала?

— Она сказала, что мое место на дне рядышком с рыбьим пометом.

— Ты не должен охотиться?

— Я всего лишь человек, ставящий приманку.

— Посмотрим...

— Это все, что я буду делать. Если же ей понадобится охотник, она должна будет попросить меня об этом.

— Ты думаешь, она попросит?

— Думаю, что да.

— А если попросит, ты сможешь справиться?

Многозначительно помолчав, я мобилизовал все свои душевные и профессиональные силы. Я отдал бы пару лет жизни за положительный ответ. Предположим, что, когда мы выберемся отсюда, удача станет сопутствовать

нам. Но найдем ли мы Икки? А если нам удастся выловить его, то что потом?.. Если мы втянем его на палубу, то выдержит ли она? Что, если эта красотка-миллионерша сложена из более крепкого вещества, чем Девитс, который использовал для акул пневмопистолет с отравленными стрелами? Предположим, она вытащит Икки на берег и попросит Девитса, чтобы тот сфотографировал ее на фоне трофея.

...Это было, когда я поднял его выше восьмиметрового горизонта и смотрел вперед на его тело, пока оно не исчезло из поля зрения камеры, как зеленая горная гряда... эта голова, маленькая для такого туловища, но все равно огромная, жуткая и бугристая. Глаза без век горели красным огнем.

Были подсоединены свежие танки с наркотиком. Необходим был дополнительный выстрел. Но я был словно парализован взглядом чудовища. Я так и не выстрелил.

Мне все видятся эти глаза. Я хочу взглянуть в них еще раз, даже если поиски продлятся всю жизнь. Я хочу узнать, есть ли что-нибудь во мне, что отличает меня от кролика.

Взглянув вниз, я отметил, что мои руки трясутся. Посмотрев вверх, я констатировал с облегчением, что никто этого не заметил.

Я допил виски и выбил трубку. Было уже поздно, и ни одна ночная птица не прокричала мне «спокойной ночи».

* * *

Я сидел, играя ножиком, мои ноги свешивались с кормового выступа, и стружка, извиваясь, падала за кормой. Прошло три дня с отплытия и никаких событий.

— Эй! — сказала за моей спиной миллионерша. Волосы ее были как концы радуги, ни на что не похожие глаза, белые зубы.

— Привет!

— Существует правило, запрещающее так сидеть. Ты его знаешь?

— Да, знаю. По этому случаю я переживал все утро.

Изящный завиток стружки появился из-под ножа и закачался позади нас. Он упал в пену и исчез в ней. Я смотрел на ее отражение на лезвии, испытывая тайную радость от ее искаженности.

— Ты, значит, охотишься на меня? — наконец спросила она.

Я услышал ее смех и обернулся, чувствуя его неестественность.

— На кого это — «на меня»?

— Я очень легко могу столкнуть тебя за борт.

— Лично я сделал бы наоборот!

Она присела рядом. Я не стал ей помогать, но заметил ямочки на ее коленках. На мисс Луарих были белые шорты, узкий ремешок на шее и невероятный загар, который так и бросался в глаза. Я почти почувствовал приступ вины за то, что спланировал всю эту сцену. Но моя правая рука все еще скрывала от ее взгляда деревянную игрушку.

— О'кей. Я не буду кусаться. Что это ты вырезал для меня?

— Кое-какие мелочи.

Я торжественно передал ей деревянную сороку, которую только что выстругал. Я чувствовал себя несколько пристыженным, но решил действовать до конца. Я всегда действую до конца: рот в косой усмешке, уши торчком.

Миллионерша не улыбнулась и не нахмурилась, изучая игрушку.

— Очень хорошо, — наконец оценила она, — как и все, что ты делаешь.

— Дай ее мне, — я протянул руку.

Она отдала сороку мне, и я бросил игрушку в воду. В пену она не попала, а закачалась на воде, точно морской конец.

— Зачем?

— Это была плохая шутка. Прошу за нее извинения!

— Может быть, ты прав. Я действительно была немного удивлена, уязвлена...

Я усмехнулся:

— Почему бы тогда не заняться чем-нибудь более безопасным, например, подводными гонками?

— Нет. Только Икки!

— Почему?

— Считай, что это моя блажь.

— Мужской довод! — оценил я. — Один страстный алхимик, который занимался черной магией в своем подвале, однажды сказал мне: «Мистер Девитс, вы нуждаетесь в усилении своего мужского фактора. Для этого вы должны выловить по одной особи всех видов существующих рыб. Рыбная ловля — самый старинный мужской символ». Поэтому я и принялся за это дело. Но я хочу спросить: почему ты хочешь усилить свой мужской фактор?

— Не собираюсь ничего усиливать. Я хочу усилить только предприятия фирмы Луарих. Мой главный статистик однажды сказал мне: «Мисс Луарих, мы подмяли под себя продажу всей парфюмерии в Солнечной системе, но мне надо сделать еще что-нибудь кроме этого».

— Ты выглядишь слишком холодной и официальной, — заметил я.

— Не замечала этого, — сказала она поднимаясь. — Давай искупаемся!

— Нет.

— Возьми два акваланга, и я проплыву с тобой под «Тенсквером». Но я обязательно приплыву первой! — добавила она.

Я встал и посмотрел на нее сверху вниз, потому что всегда чувствую превосходство над женщинами.

— Дочь Лира с глазами Пикассо, — сказал я. — Ты сама предложила это соревнование... Жди меня у ближней башни с правого борта через десять минут!

Прошло десять минут. Мои сандалии к этому времени стали горячими, и я был рад поменять их на ласты, когда нашел сравнительно прохладный уголок.

Мы надели акваланги и подогнали нагубники. Она выбрала изящный зеленый костюм.

Я укрепил веревочную лестницу и перебросил ее через борт. Затем застучал по стене башни.

— Что?

— Ты предлагала нырять с кормовой башни.

— Можно с любой. Лестницы и подъемники есть ведь везде?

— Ты уверена, что тебе хочется нырять? — спросил у нее загорелый, невысокого роста мужчина, специалист по рекламе — Андерсон. Он сидел неподалеку от башни в кресле-качалке, потягивая лимонад через соломинку.

— Это может быть очень опасно, — продолжал мысль специалист по рекламе, шамкая. Его зубы находились в эту минуту в стакане с лимонадом.

— Замечательно, — улыбнулась миллионерша. — Пусть будут опасности. Не смертельные, конечно!

— Тогда почему вы не позволите сделать несколько фотоснимков? Они были бы готовы через час, а к вечеру в Нью-Йорке были бы хорошие клише.

— Нет, — сказала она, отвернувшись, и подняла руки к глазам. — Вот, сохрани это для меня.

Она передала ему коробочку с контактными линзами и, когда повернулась обратно ко мне, ее глаза были того же коричневого цвета, какой мне запомнился.

— Готов?

— Нет, — сказал я твердо. — Послушай внимательно, Джейн. Если ты собираешься играть в эту игру, то в ней несколько правил. Во-первых, мы идем прямо под корпусом, поэтому нам надо начать с низкого погружения и не останавливаться. Если ударишься о дно, то можно порвать кислородную трубку.

Она перебила, сказав, что всякий дурак знает это, и я резко возразил...

— Во-вторых, — продолжал я твердо. — Там будет мало света. Поэтому надо держаться рядышком и обоим взять фонарики.

Ее глаза вспыхнули:

— О'кей. Фонарики? Готово!

— ...И следи за ведущими винтами.

Она вытерла глаза и поправила маску.

— Все в порядке. Ныряем!

И мы погрузились.

Она двигалась, как я ей советовал. Поверхностный слой воды был приятно теплым; на два метра вглубь вода посвежела; на пять — была еще приятной и холодной. На восьми метрах мы оставили раскачивающуюся лестницу и поплыли. «Тенсквер» двигался вперед, а мы двигались в обратном направлении, дотрагиваясь до желтого корпуса с интервалом в десять секунд.

Корпус оставался там, где ему и надлежало находиться, а мы мчались, точно два темных снаряда. Периодически я освещал фонариком ее лягушачьи ноги и фонтаны воздушных пузырей. Скорость была прекрасная; я плыл, как обычно, но не позволял ей отставать.

Под нами была темнота Необъятности. Бездна венерианского океана, где вечность может случайно обратить в прах все, что осталось от безымянного рыбного сообщества. Я крутанул головой в сторону и снопиком света высветил дно судна: все говорило, что мы прошли примерно три четверти пути. Я ускорил движение. Она повернулась, свет упал на ее маску. Я не мог понять, улыбалась она или нет. Возможно. Она подняла пальцы знаком «у» — победа — и резко увеличила скорость. Я понял, что это было для нее как скачки, в которых надо победить.

Я вел себя спокойно, а если бы и стал кривляться, это ничего бы не изменило. Я снова начал нагонять ее. Она оглянулась и еще ускорила движение, снова оглянулась. Я уверенно нагонял ее, пока не установил стабильную дистанцию в шесть метров. Тогда она выпустила вниз струю воздуха. Именно этого я и боялся. Мы находились на середине корпуса корабля, и ей не следовало стравливать воздух. Сильные выбросы сжатого воздуха легко могли реактивной силой подбросить ее вверх и ударить о корпус. Главное назначение этого приема — разорвать морские растения, опутывающие пловца, чтобы высвободиться, или же для борьбы с сильным течением. А она мчалась вперед, точно метеорит, и я чувствовал, что пот выступил у меня под маской. Выбросы окончились, а она все еще неслась вперед. Я рванулся за ней, не прибегая к компрессионным выбросам воздуха, но она все же значительно опьянела от избытка кислорода и, похоже, пошла на поверхность, увеличив разрыв.

Я еще ускорил движение и метр за метром начал сокращать расстояние. Я не мог бы поймать или опередить ее, до того как она дотронулась до корпуса. Затем вращающиеся магниты начали свое действие, и она закачалась. Чувствовалось сильное тяготение даже на таком расстоянии.

Я однажды попал под винты на «Дельфине» — рыбачьей лодке среднего класса. Но тогда винт был отключен вовремя, и все обошлось благополучно, только в вахтенном журнале было упомянуто, что я был пьян и ничего о том, что меня отстранили от вахты. Моя спутница наполовину сбавила скорость, но все же двигалась наперерез кормовому подъемнику. Я и сам почувствовал, как тащит винт, и замедлил движение.

Она тоже притормозила, но казалось, что уже слишком поздно. Трудно оценивать расстояние под водой, но все говорило за то, что я был прав. Она была на безопасном расстоянии от главного винта, но малый винт, расположенный восемью—десятью метрами далее, был уже реальной угрозой.

Она повернулась и медленно поплыла прочь. Я выпустил сжатый воздух, чтобы быть в двух метрах позади нее и в тридцати — от лопастей винта.

Мне вовремя удалось схватить ее за плечо. Плавает, как черт! Удар масками... Не сломались — и то хорошо. Ууф-ф, все самое страшное позади!

Мы освободились от притяжения винта, и я вдруг вспомнил почему-то о бренди.

* * *

Бесконечно качаясь в колыбели, я размеренно поплевывал в потолок. Бессонница, и снова заболело левое плечо. Пусть падает на меня дождь — он излечит мой ревматизм. Дьявольски глупо, что я сказал это, а сам дрожал и кутался в простыни.

Она: «Карл, я не могу сказать это».

Я: «Тогда назови это подкупом — тот вечер в Говино, мисс Луарих, а?

Она: «Совсем нет».

Я: «Хочешь еще бренди»?

Она: «Налей еще стаканчик».

Я (пью): «Все длилось только три месяца. Никаких денег? Много денег у обоих. Нет уверенности, были они счастливы или нет. Темное вино, хорошая рыбалка. Может быть, он провел много времени на берегу. Или, может быть, она провела мало времени у моря. Хорошая пловчиха. Тащила его всю дорогу до Лидо, массируя ему легкие. Молодые оба. Сильные оба. Богатые и непоседливы, как черти. Корфу, возможно, их более сблизил. Впрочем нет. Он захотел поехать в Канаду».

Она: «Поезжай хоть к черту!» Я: «Может быть, ты отправишься первой?» Она: «Нет».

Во всяком случае, она уехала. Тысяча чертей. Он упустил одно или двух чудовищ. Она же получила громадное наследство. Сегодня много молний. Дьявольски глупо. Да, я ненавижу тебя, Андерсон, с твоим стаканом новых зубов и ее новые глаза... Невозможно — трубка постоянно гаснет, не хочется вдыхать дым. Снова плевок!

Семь дней спустя на экране показался Икки. Зазвенели сигналы, застучали каблуки матросов. Малверн предложил переждать все это, сидя на палубе. Но я надел свою сбрую и ждал развития событий. Синяк выглядел хуже, чем ощущался. Я упражнялся каждый день, и плечо не беспокоило меня.

Дальность — тысяча метров, погружение — тридцать. Ничего не показывалось на поверхность.

— Мы будем охотиться на него? — спросил один из членов команды.

— Да, до тех пор, пока она не поймет, что напрасно тратит деньги на горючее, — передернул я плечами.

Вскоре экран очистился и оставался таким еще долго. Мы все находились в тревожном состоянии, и так продолжалось наше плавание.

Я не обменялся и дюжиной слов со своей хозяйкой, с тех пор как мы тонули с ней вместе под днищем плота. Поэтому я решил открыть счет:

— Он ушел на северо-восток. Сейчас мы позволяем ему уйти, а через несколько дней будем иметь возможность поохотиться... — Все-таки какое у нее восхитительное лицо!

— Как твое плечо?

— Хорошо, а как твое здоровье, дочь короля Лира?

— Прекрасно. Однако тебя ожидает премия.

— «Гибельные глаза!» — подумал я и сказал вслух:

— Не за что!

Поздно вечером разыгрался шторм. Сначала было сухо. Затем все смолкло. Небо покрылось миллионом ярких трещин, и каждый раз оттуда падал молот грома.

— Все ли опустились в трюм? — спрашивал громкоговоритель у засуетившегося экипажа. Где в это время был я? А кто, вы думаете, орал по громкоговорителю?

Все свободные от вахты были на палубе, когда разверзлись хляби, и все сразу попрятались. Лифты ушли вниз со своим живым грузом.

Я бросился к ближайшей башне с криком, интуитивно поняв, когда сверкнет молния. Отсюда я кричал в мегафон и потратил полминуты, руководя передвижением команды.

Слышались ругательства, Майк говорил по радио, но ничего серьезного не происходило. Я был за промедление оставлен наверху.

Я нырнул под чехол с танка, под которым к тому времени я прятался уже несколько раз, сложил ласты горкой и откинулся назад, наблюдая за ураганом. Наверху было темно, как в воде, мы были посередине, и какой-то свет струился со всех концов этого ровного блестящего пространства. Вода не падала каплями — она собиралась в струи над нашими головами и падала сплошняком.

Использовав ремни от своей амуниции, я привязал себя к креслу, привинченному к палубе, и долго смотрел на гремящую лавину вод, пока не стал замечать в ней лица и людей. Потом я позвал Майка.

— Что ты делаешь там, внизу?

— Нет, лучше скажи, что ты делаешь там, наверху? — ответил он. — Что тебе там понравилось?

— Кстати, ты случайно не со Среднего Запада?

— Оттуда. А что?

— Бывают там такие штормы?

— Иногда.

— Тогда постарайся припомнить самый худший из них!

— Так что же ты там все-таки делаешь?

— Привязал себя к креслу. Смотрю на то, что происходит вокруг судна.

И в эту минуту я увидел за бортом какую-то темную тень. Огромный, именно такой, каким я его помню, Икки показался на несколько минут над поверхностью воды и огляделся. Нет силы на Земле, которая была бы сравнима с ним, с тем, кто был рожден, чтобы пугать всех остальных живущих. А я выбросил сигарету, чувствуя то же самое, что и раньше — паралич и неисторгнутый из груди крик.

— Как там у тебя, Карл?

Икки снова посмотрел на меня. Или, быть может, мне это только показалось?

— У тебя все в порядке? — прозвучал радиоголос. — Эй! Что у тебя? Скажи что-нибудь.

Вы когда-нибудь видели ствол летящего смерча? Он кажется живым, двигающимся кругами. Ничто иное не имеет права быть таким огромным, сильным и смертоносным. Вид его вызывает болезненное ощущение.

— Пожалуйста, ответь мне! — снова прозвучал голос в наушниках.

А Икки ушел и больше не возвращался. Я сказал ему вслед пару словечек и взял еще одну сигарету из пачки.

* * *

Еще семьдесят или восемьдесят тысяч волн разбились с монотонным шумом о борт плота. Пять дней, в течение которых это произошло, минули, ничего не изменив. А потом начала прорисовываться удача. Звонки зуммеров нарушили нашу прерываемую лишь чашкой кофе летаргию, и мы ринулись из галереи прочь.

— На корму! — крикнул кто-то. — Дальность пятьсот метров!

Я бросился к своим рюкзакам и начал застегивать пряжки. Мои вещи всегда находятся от меня на расстоянии вытянутой руки. Потом я бежал по палубе, подпоясываясь на ходу.

— Дальность пятьсот, погружение двадцать, — рявкнули динамики.

Огромные двери с грохотом раскрылись, и слайдер поднялся во весь свой рост, неся на себе консоли с миледи Луарих. Что-то загрохотало позади меня, вперед выдвинулась закрепляющая штанга. От нее поднялась стрела и еще более выдвинулась вверх.

Я повернулся лицом к слайдеру, когда динамики сообщили:

— Дальность — четыреста восемьдесят, погружение — двадцать!

Красный сигнал.

Щелчок, как при откупоривании бутылки шампанского, и линия полукругом прочертилась над водой.

— Приготовиться приманке!

Я поправил крепление маски и надел ее. Сначала телу было тепло, потом стало холодно, и наконец все пришло в норму.

Зеленая, обширная и глубокая масса воды вокруг. Вот место, где я значу не более, чем планктон. Что, если Левиафан этой бездны решит, что человек выглядит вкуснее, чем все остальное вокруг?

Заметив движущийся линь, я последовал за ним вглубь. Море вокруг было зеленое, темно-зеленое, черное. Погружение было достаточно долгим. Раньше я так глубоко не спускался. Включать фонарик не хотелось. Но сделать это следовало. Все еще погружаясь, я сжал зубы и напряг воображение. В конце концов я добрался до конца линя. Одной рукой я вынул наживку, привязал ее, работая так быстро, как только мог.

Мой механический угорь вдруг за что-то зацепился. Я потянул его сочленения и посмотрел, как он стал вытягиваться. Во время этой операции я погрузился еще больше. Это заняло около полутора минут.

Я был совсем близко от того места, где никогда не хотел бы оказаться. Подступала тошнота. Я выключил свет, затем включил снова: мне вдруг стало страшно выключать его. Беспричинная паника охватила меня, и я ухватился за линь обеими руками, повисел так немного, чтобы успокоиться, и, потушив все же фонарик, начал всплывать.

Как-то незаметно для себя я всплыл на поверхность. Как только меня подняли на борт, я снял маску, прикрыл глаза рукой и стал смотреть сквозь пальцы на морские волны. Моим первым вопросом был: «Где он?»

— Поблизости, — сказал кто-то. — Мы потеряли его после того, как ты показался на поверхности. Мы не можем поймать его видеоканалами.

— Плохо работаете!

Моя работа на этом закончилась, и я ушел греть себе кофе с ромом.

Сзади слышался шепот:

— Смог бы ты, Билли, вот так смеяться после подобной встряски?

Ответ не волновал меня.

Посмеиваясь, я прошел в центральную полусферу с двумя чашками кофе.

— Что, скучно?

Майк кивнул. Его крупные руки тряслись, а мои были спокойны, как у хирурга, когда я ставил чашку на клавиатуру компьютера.

Он прыгнул ко мне, делая страшное лицо.

— Не капай на эту панель! Ты что, хочешь угробить себя и подорвать к черту весь корабль?

Я вытер полотенцем капли кофе и сел, пустыми глазами уставясь на стену. Счастливо зевнув, я почувствовал, что плечо перестало ныть.

Селектор подал сигнал вызова. Майк нажал на кнопку ответа.

— Карл здесь?

— Да, мадам.

— Дай мне переговорить с ним!

Майк передал мне микрофон.

— Говорите, — сказал я.

— У тебя все в порядке?

— Да, спасибо... а почему бы и нет?

— Очень долго ты там плавал, я тем временем решила отказаться от этой ловли.

— Дело твое! Лично я чист по всем статьям договора!

— Я буду более осторожна в следующий раз, — сказала она. — Думаю, что слишком поторопилась, извини меня... — Она закончила на этом, оставив меня с кучей вопросов в голове. Я достал сигарету у Майка из-за уха и закурил ее.

— Карл, как она странно говорила с тобой, — проговорил Майк, обер-

шувшись к замолчавшему селектору. — Такая женщина! Добра, умна и очаровательна. Но что она сделала тебе?

— Можно об этом позже? — попросил я.

Он опустил свои глаза в чашку:

— Понимаю, это не мое дело...

— Тебе сахара или молока?

— Сахара...

* * *

Икки не появился ни в этот день, ни ночью. Мы поймали волну Лайфлейн и оставили радио бормотать, пока Джейн не приказала подать себе ужин. Позже ей расправили койку. Я включил на полную громкость музыкальную волну и ждал окрика, чтобы прекратить шуметь. Она же не подала признаков недовольства, и я решил, что она заснула.

Затем я уговорил Майка сыграть в шахматы. Мы занимались этой безобидной забавой до самого утра. Разговор наш ограничивался лишь словами «шах», «мат» и «дурак». Он проигрывал, и это также мешало разговору, но было мне приятно. А после я изготовил бифштекс и, пожарив на завтрак картофель, пошел спать.

Десять часов спустя кто-то разбудил меня, но я, приподнявшись на локте, отказался открыть глаза:

— В чем дело?

— Прошу прощения, что разбудил вас, — извинился будивший, не знаю кто, — но мисс Луарих хочет, чтобы мы могли плыть дальше. Надо завершить вчерашнюю работу!

Я приоткрыл один глаз, считая, что меня разыгрывают.

— Но нужно просто поднять на борт трос, всякий сможет отцепить его...

— Он уже у борта, сэр. Но она сказала, что это должны сделать именно вы. Так оговаривается в вашем контракте и вам лучше сделать, как это было условлено.

— Очень мило с ее стороны!

— Она также сказала, чтобы вы поменяли рубашку, причесали волосы и побрились, так как мистер Андерсон будет снимать вас на видео.

— О'кей. Скажи им, что я иду, и попроси у нее какие-нибудь щипчики, чтобы почистить ногти.

Я был краток. Все дело заняло минуты три, и я сыграл все чисто, даже извинился, когда поскользнулся и ударился в Андерсонову спину мокрой бухтой троса. Он улыбнулся и кивнул, она тоже улыбнулась. Даже грим из косметики «Лаурих» не смог полностью скрыть темные круги под ее глазами, и я улыбнулся, помахав рукой всем нашим болельщикам.

— Запомните, мисс Вселенная, вы тоже можете выглядеть, как охотница за чудовищами. Только используйте крем для лица фирмы «Луарих».

Я спустился вниз и приготовил себе сэндвич с майонезом.

* * *

Два дня проплыли, как подтаявшие айсберги — серые, спокойные, холодные. Я изучал собственные чувства и свои неясные мечты. Затем я позвонил в Лайфлейн и проверил свой счет в банке.

— Собираешься что-то покупать? — поинтересовался Майк.

— Собираюсь домой, — огрызнулся я.

— Вот как?

— У меня нет другой работы, кроме как служить приманкой. Майк. Черт с ним, с Икки! Черт с ней, с Венерой и предприятиями Луарих! И с тобой черт, кстати!

У него поднялись брови.

— Что это значит, Карл?

— Я год ждал эту работу. И вот я здесь. А теперь я решил, что это плохое занятие для такого неженки, как я.

— Ты знал об этом, когда подписывал контракт. Неважно, что ты делаешь, пусть даже продаешь крем для лица — если работаешь на продавцов крема для лица.

— О, не это мучает меня. Я согласен, что реклама сидит у меня в печенках, но «Тенсквер» всегда был рекламным судном с тех пор, как впервые вышел в море.

— Что же тогда?

— Добавляются пять или шесть факторов. Главный фактор, что я больше не боюсь. А когда-то это много значило для меня, теперь же — нет... И... Я начинаю чувствовать жалость к Икки.

— И тебе уже не хочется поймать его?

— Я поймаю его, если он придет смирно, но я не хочу подставлять свой затылок, чтобы заставить его ползти в Хопкинс. Я сворачиваю это дело и отправляюсь на Марс, а уж оттуда домой в ракете первым классом. Банкротство на Венере ничего общего с трестом на Марсе не имеет, и у меня есть деньги в запасе, которые я храню там, куда коррупция не доберется. Собираюсь купить себе большой дом на Южном побережье Флориды, и если тебе случится искать работу, ты сможешь остановиться у меня. Ты будешь открывать для меня бутылки.

— Ты большой осел! — сказал мне Майк. — Я слышал, что болтают о вас с этой парфюмерной львицей. Осмелюсь посоветовать тебе, приманка, постарайся удержать для себя то, что ты поймаешь...

Я обернулся.

— Если тебе когда-нибудь нужна будет работа, разыщи меня.

Я спокойно закрыл за собой дверь.

* * *

День чудовища начался обыденно, как и любой другой. На телемониторе ничего не было. Я как раз занимался ревизией своего снаряжения. И тут поступил сигнал.

Итак, вниз, в пучину! Я опустился на глубину около двухсот девяноста

метров. Тросы чернели слева, и я следовал вдоль них. Беззвучная мокрая ночь, а я мчался своей дорогой, как глупая комета хвостом вперед. Я поймал линь, скользкий и гладкий, и начал насаживать приманку. Далеко внизу появилась какая-то тень, как если бы в глубине кто-то открыл огромную дверь. Я никогда раньше не погружался так быстро.

К этому времени я все еще не осознал, что это навстречу мне поднимается Икки.

Я безмятежно привязывал грузило, затем закрепил наживу и бросил линь, когда огромный грубый черный остров уже вырос подо мной.

Я направил вниз лучик фонарика. У Икки был открыт рот. Мне оставалось только превратиться в кролика.

Волны смертельного страха помчались к пяткам, желудок мой сжался.

Только одну-единственную вещь оставалось сделать мне. Непонятно только, как мне удалось до нее додуматься. Я бросил вниз остальные свои грузила.

Я мог бы считать движения чешуйчатых век, прикрывавших его глаза.

Еще четыре метра, и я поцеловал его сверкающие челюсти выбросами компрессионного воздуха и в то же время резко рванулся в сторону и вверх. Позже я уже не знал, преследует ли он меня или нет. Я начал терять сознание в ожидании быть съеденным.

Выбросы воздуха прекратились, и теперь я едва двигался. Затем почувствовал судороги. Еще минута — и кролик закричит. Осталась одна секунда, чтобы определить... и чтобы проститься с жизнью, — добавил я сам себе. — Нет, кролик, мы не будем с тобой метаться перед глазами охотника. Затаимся.

Вода стала зеленой, затем желто-зеленой. Вот и поверхность.

С удвоенными силами я поплыл к «Тенскверу». Волны толкали меня вперед. Мир сузился, и я закричал издалека:

— Он преследует меня!

Огромная тень, удар волны. Линь тоже казался живым. Может быть, я сделал что-то неправильно? Что же там с приманкой?

Я помню, с чего все началось несколько миллионов лет назад: одноклеточный организм, потом с трудом появилось земноводное, потом тварь, дышащая воздухом. Откуда-то свысока послышался голос:

— Он ходит кругами!

Я снова превратился в Хомо Сапиенса, затем продвинулся еще на шаг вперед и уподобился человеку, мучающемуся с похмелья.

— Не вздумай вставать!

— Мы поймали его? — прохрипел я.

— Икки все еще сопротивляется, но мы держим его на крючке. Мы думаем, что он принял тебя за экзотическое кушанье.

— Мне тоже так кажется...

— Ну-ка вдохни вот это и помолчи. — Какая-то воронка возникла над моим лицом. — Вот, хорошо! Возьми, выпей чашечку!

— Он плавал на ужасной глубине, гораздо ниже возможностей нашего видеофона. Мы не могли бы зафиксировать, пока он не решил всплыть...

Я начал зевать.

— Мы отнесем тебя в каюту.

Мне удалось достать нож.

— Попробуй только, и у тебя одним пальцем станет меньше.

— Нет, тебе явно надо отдохнуть.

— Тогда принеси мне еще пару простыней. Я останусь здесь. — Я резко закрыл глаза и лег.

* * *

Кто-то тряс меня за плечо. В воздухе было пасмурно и холодно. Прожекторы бросали желтый свет на палубу. Я лежал на койке возле центральной полусферы, закутанный в шерстяное одеяло, и весь дрожал.

— Все кончилось в одиннадцать часов. Ты ничего больше не увидишь интересного. — Я почувствовал во рту вкус крови.

— Попробуй это.

Вода. Я не смог проглотить ее.

— Не спрашивай меня о здоровье, — сказал я. — Я знаю, ты хочешь меня об этом спросить. Воздержись, пожалуйста. О'кей?

— О'кей! Не хочешь ли спуститься в каюту?

— Нет. Лучше подай мне пиджак.

— Вот он.

— Что делает Икки?

— Ничего. Он опустился глубоко. Наркотик он проглотил, но все еще остается внизу.

— Когда он показывался в последний раз?

— Часа два назад.

— А что Джейн?

— Она никому не позволяет входить в слайдер. Послушай, Майк хочет, чтобы ты пошел туда. Он тут, за стеной полусферы.

Я сел и огляделся. Майк смотрел на меня и жестикулировал. Я тоже помахал ему в ответ, опустил ноги с кровати и сделал два глубоких вдоха. В животе шевельнулась боль. Я встал на ноги и пошел к Майку.

— Хватает еще мужества? — спросил тот.

Я посмотрел на экран видеофона. Икки не было видно, слишком глубоко он сидел.

— Выпьешь?

— Да, кофе.

— Кофе нет.

— Давай коньяку. В конце концов он, как и кофе, тоже коричневая жидкость, обжигающая желудок. У тебя в нижнем шкафчике есть немного. Не надо чашечки. Давай стакан.

— Как грубо! — сказал он, но налил.

— Как хорошо это у тебя получается. Практиковался в этой работе?

— В какой работе?
— В той, что я предлагал тебе на случай банкротства.
— Эй, смотри! Пятно на экране!
— Просыпайтесь, мадам, просыпайтесь! — крикнул Майк в глубину бокса.
— Спасибо, Майк, я сейчас, — отозвалась она.
— Джейн!
— Помолчи! Она занята!
— Видно что-нибудь на экране?
— Теперь — ничего. Ничего...
— А может, что-то есть?
— Посмотрим, — буркнул я и отошел прочь.

«Тенсквер» двигался. Слева от меня вся вода была теперь белая и кипела. Бесконечные спагетти кабелей со скрежетом раскручивались и уходили в глубину.

Я постоял какое-то время у борта, потом повернулся и пошел в каюту.

Еще два часа боли. Через четыре вроде полегчало.
— Наркотик действует на него?
— Да.
— Что с мисс Луарих?
— А что с ней может случиться особенного?
— Наверное, устала до полусмерти?
— Возможно.
— Что ты собираешься делать?
— Что положено. Для этого она и составляла контракты. Она знает, что может произойти.
— Я думаю, ты сможешь его вытащить.
— Допускаю.
— И она тоже так думает?
— Тогда пусть она и попросит меня об этом.

Икки в эту минуту двигался в своем наркотическом сне на глубине тридцать метров.

Я снова вышел на палубу и прошел мимо слайдера. Мисс Луарих даже не взглянула в мою сторону, лишь бросила через плечо:
— Карл, иди сюда!
— Это приказ?
— Иди сюда, пожалуйста!

Я вошел в помещение и сел за монитор. И на экране Икки поднимался.
— Толкнуть его или будем тащить?
— Зачем? Он сам подошел, как котенок к блюдечку.

Монстр плыл на глубине десяти метров.
— Поиграем с ним, перед тем как вытащить?
— Не стоит.

Она повернула Икки вверх. Оставалось пять метров, четыре... На глубине двух метров сработали захваты. Мы поймали его.

Экипаж уже увидел Икки. А тот, почувствовав путы, начал бороться. Охотница дала натяжку на тросы, подняла узел захвата.

— Пойман!

— Еще пару метров!

На палубе визги и топанье ног. Я не отрываясь смотрел на Икки. Его шея и затылок дрожали. Зеленые холмы его плеч все росли над поверхностью.

— Какой он огромный, Карл! — крикнула она.

А Икки все рос, рос и рос до невероятных размеров.

— Однако!..

Икки повернул голову и посмотрел вниз... Он посмотрел, как бог наших диких предков... страх, стыд и насмешливый смех звучали у меня в голове, а может быть, и в ее голове тоже?

— Каков, а?

Она посмотрела вверх, прямо в глаза чудовища.

— Я не могу!

Все было так ужасно просто на этот раз. Кролик умер. Я выбрался из слайдера, махнув ей рукой.

— Тяни дальше.

— Я не могу. Сделай это, Карл! Вытащи его, Карл!

— Нет. Если я это сделаю, ты будешь жалеть всю оставшуюся жизнь и гадать, смогла бы ты сама сделать это или нет. Ты погубишь душу в поисках ответа. Я точно знаю. Ты захочешь сделать это сама, потому что мы схожи с тобой характерами. Я бы сделал также. Ищи выход самостоятельно.

Она молча уставилась в одну точку и сидела так, пока я не схватил ее за плечи:

— А если бы на его месте оказался я? Ну представь себе, что я — это зеленый морской змей, ненавистное морское чудовище, я погублю тебя. Я ответствен не за одну смерть. А ну-ка нажимай кнопку «инъекция».

Ее рука дернулась к кнопке, но вернулась назад.

— Нажимай! — рявкнул я.

И она нажала эту кнопку.

* * *

Прошло добрых семь часов, когда я проснулся от у п о р н о г о гула жующих море винтов «Трансквера».

— Ты плохо выглядишь, — заметил Майк.

— Как Джейн? — не обратил я внимания на его слова.

— С ней то же самое.

— Где животное?

— Здесь. Его уже разделывают.

— Хорошо. На этот раз он от нас не ушел!

Вот и все кончилось. Говорят, никто не рождается человеком-приманкой, но я так не думаю вовсе. А кольца Сатурна поют эпитафию морскому чудовищу Венеры.

СОДЕРЖАНИЕ

БОГ СВЕТА
Роман
Перевод с английского
5

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ
Роман
Перевод с английского
213

ТЕПЕРЬ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА
Роман
Перевод с английского Ю.Кокорева
321

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ
Роман
Перевод с английского
449

ВРАТА ЕГО ПАСТИ, ЗУБОВ ЕГО БЛЕСК
Повесть
Перевод с английского
565

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны

БОГ СВЕТА

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А.Лазарев*
Редактор *Н.К.Попова*
Художественный редактор *А.И.Моисеев*
Технический редактор *Л.И.Витушкина*
Корректор *Е.Н.Петрова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 18.10.93. Формат 60x84 1/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.печ.л. 34,41. Уч.-изд.л. 43,97. Тираж 60 000 экз. Заказ 4127.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф",
Москва, 127018, Октябрьская ул., 18

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой "Красный пролетарий".

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
"Красный пролетарий" РГИИЦ "Республика"
130473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ

БОГ СВЕТА

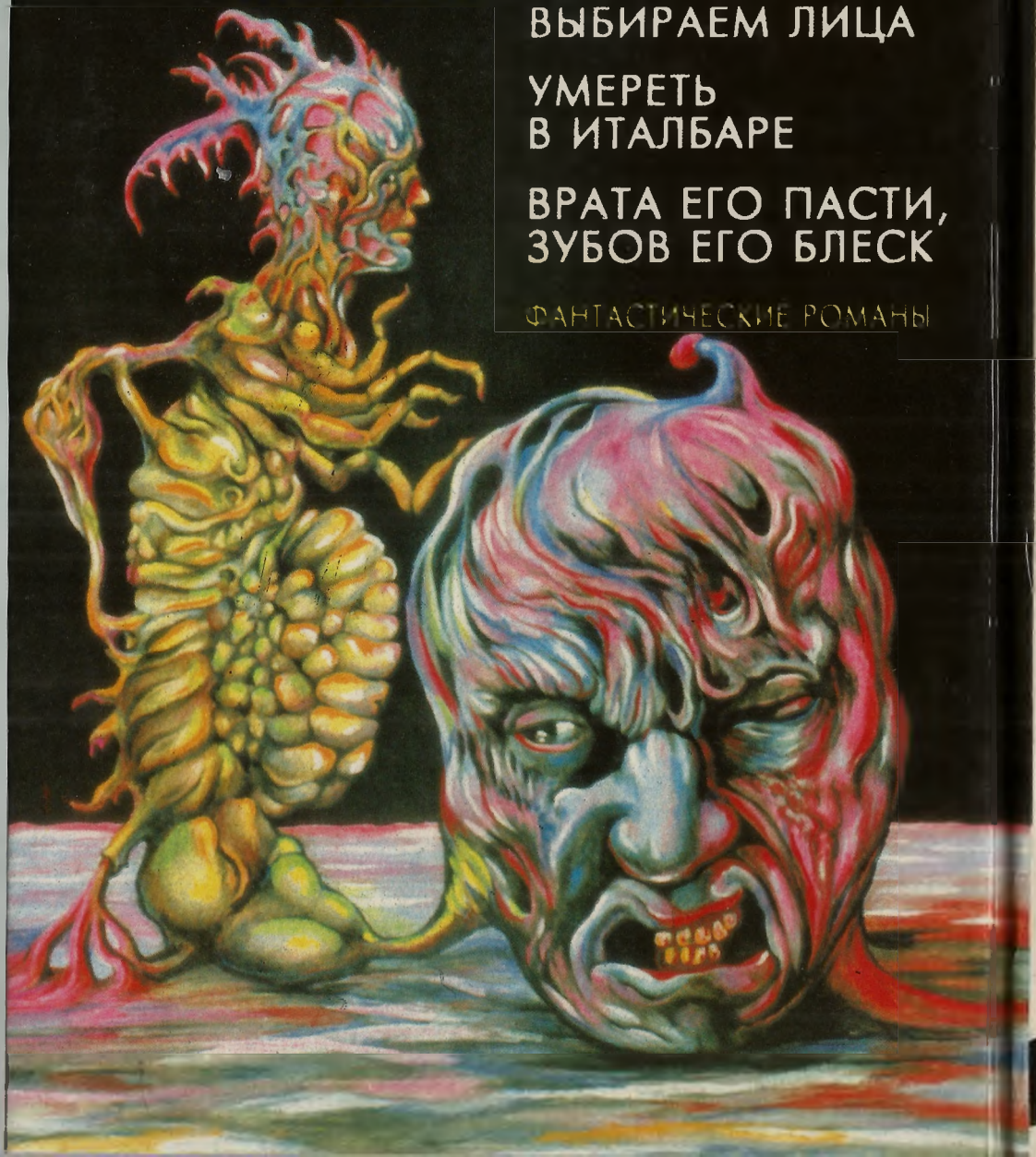
ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ

ТЕПЕРЬ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

ВРАТА ЕГО ПАСТИ, ЗУБОВ ЕГО БЛЕСК

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ



ОСИРИС

БОГ СВЕТА

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ

27